

Ю. М. Галенович

ВОЙНЫ НОВОГО КИТАЯ

И ЕГО
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
СЛУЖБА

Ю. М. Галенович

**«ВОЙНЫ НОВОГО КИТАЯ»
И ЕГО
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
СЛУЖБА**

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**

Москва • 2012

УДК 327[(470+571):(510)]
ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)
Г15

Галенович Ю. М.

Г15 «Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба / Ю. М. Галенович. — М.: Восточная книга, 2012. — 640 с.

ISBN 978-5-7873-0678-1

В первом десятилетии XXI века пропаганда в КНР была модернизирована и в значительной степени переведена на видеоносители. Появились пропагандистские документальные фильмы, рассчитанные на широкие слои населения КНР.

Наряду с фильмами о «гибели КПСС» и «распаде СССР» два направления такой пропаганды бросаются в глаза: фильмы о «войнах Нового Китая» и фильмы о дипломатической службе КНР.

Читателям предлагается познакомиться с описанием этой видеопродукции.

Это фильмы о войне Китая с Индией, с СССР, с Вьетнамом. Фильм о совершённом Мао Цзэдуном повороте в наших отношениях от дружбы к конфронтации. Фильм об уникальном событии в истории наших отношений — обучении в СССР десяти тысяч китайских студентов. Наконец, фильм о дипломатической службе КНР в начале XXI века. Во всех этих фильмах пропагандируется отношение руководства КПК — КНР к истории и современному состоянию наших двусторонних отношений с Китаем.

УДК 327[(470+571):(510)]
ББК 66.4(2Рос),9(5Кит)

© Ю. М. Галенович, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

«Войны Нового Китая»	5
Предисловие	5
«Война с Индией»	7
«Война с СССР»	104
«Война с Вьетнамом»	184
Послесловие	236
«Схватка» 1956–1960 гг.	238
«Мир принадлежит вам» — китайские студенты в СССР в 1950-х гг.	395
Дипломатическая служба КНР в начале XXI века	467
Перечень работ Ю. М. Галеновича	635

«Войны Нового Китая»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI века, в 2005 году, в КНР массовым тиражом на дисках была выпущена серия из трех документально-пропагандистских фильмов под общим названием «Войны Нового Китая».

Речь в них шла о войнах КНР с Индией, с Вьетнамом, с СССР.

Впервые в истории КНР в средствах пропаганды публично был введен термин «войны Нового Китая», то есть войны Китайской Народной Республики за всю историю ее существования с 1949 года.

Бросалось в глаза то, что две из этих войн социалистическое государство — КНР — вело против двух социалистических государств: СССР и СРВ, а третью — против неприсоединившейся развивающейся страны — Индии. Решения об этих войнах принимали в двух случаях (Индия и СССР) Мао Цзэдун и в одном случае (Вьетнам) Дэн Сяопин. Они несут ответственность за начало этих войн.

Две из этих войн КНР вела против самых крупных своих соседей — СССР и Индии. Все три войны КНР вела против своих сухопутных соседей, на сухопутных границах с ними. Все три войны были связаны с позицией КНР по вопросу о границах и территориях с каждой из упомянутых стран.

В связи с такой постановкой вопроса современной пропагандой в Китае вся история КПК — КНР во второй половине XX века предстает как цепь применения Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином вооруженных сил на границах.

В годы КНР в политике ее властей в отношении других, соседних народов и стран имели место:

в начале 1950-х гг. — война Мао Цзэдуна в Корее (1950–1953 гг.);

в конце 1950-х — начале 1960-х гг. — война Мао Цзэдуна с Индией (в особенности 1962 год);

в конце 1960-х гг. — война Мао Цзэдуна с СССР (в особенности 1969 год);

в конце 1970-х гг. — война Дэн Сяопина с Вьетнамом.

В один ряд с этим укладывается подавление властями дважды с помощью вооруженных сил и силовых ведомств мирных демонстраций граждан КНР на главной площади столицы, площади Тяньаньмэнь в Пекине:

события 5 апреля 1976 года при правлении Мао Цзэдуна (см. работу автора «Смерть Мао Цзэдуна»);

события 4 июня 1989 года по решению Дэн Сяопина (см. работу автора «Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989»).

Вызывает раздумья употребление в современном Китае слова «война» в начале нынешнего столетия. Это совпадает с усилением вооруженных сил КНР, а также с намерениями активно действовать на морях и океанах.

В китайском Интернете появляются рассуждения на тему о том, что, дескать, в первой половине XXI века, до 2050 года, Китаю **будет необходимо** вести шесть войн:

войну за Тайвань,

войну за острова в Южно-Китайском море,

войну за Тибет,

войну с Японией,

войну за Монголию,

войну с Россией.

Здесь очерчен круг «стратегических пространств», в которых, согласно обыденному мышлению значительной части населения КНР, возможно, а то и необходимо, неизбежно применение такого средства «решения вопросов», как война. Такого рода рассуждения официальные китайские власти из Интернета не изымают, хотя в других случаях такая практика существует. К чему готовят население КНР? Что это может означать для нас? Каков подход к понятию «война» в теории и на практике, в реальной политике и в пропаганде в современном Китае? Думается, что будет полезно дать читателям материал для раздумий, обратившись к содержанию упомянутых пропагандистских документальных фильмов.

«ВОЙНА С ИНДИЕЙ»

Китайская Народная Республика и Республика Индия — две самые многонаселенные страны в мире. Население каждого из этих государств превышает миллиард человек. Каждое из этих двух государств в настоящее время самоутверждается на мировой арене, одновременно становясь частью глобализирующейся мировой экономики. Соседям, которыми являются Китай и Индия, предстоит вечно оставаться в соседстве, а значит, приспосабливаться друг к другу. Однако до удовлетворительного, с точки зрения обеих сторон, приспособления Китая и Индии друг к другу еще очень далеко. Немалую роль при этом играет их местоположение относительно друг друга, существование протяженной сухопутной границы. Стороны пока не могут договориться о прохождении линии границы, с которым они обе были бы согласны. В начале 1960-х гг. в районе границы имели место военные действия между КНР и Индией.

У каждой стороны есть своя версия событий, которые тогда происходили. Любопытные читатели могут обратиться к литературе, изданной в Индии, при желании познакомиться с индийской трактовкой этих событий.

Мы будем говорить только о китайской версии. Учитывая, что эта тема практически не затрагивается в нашей литературе, считаем полезным привести, по возможности в максимально полном виде, комментаторский текст этого фильма, снабжая его при необходимости нашими соображениями. Китайский текст будем давать курсивом.

Тайная история войны на границе между Китаем и Индией. Из серии «Войны Нового Китая» или «Войны Китая». Производство компании из провинции Гуйчжоу.

ISRC CN — G 13 — 05 — 0012 — O/V.E

Таково полное наименование фильма. Вполне очевидно, что фильм делался по решению центрального руководства. Практические съемки производились компанией из провинции Гуйчжоу. По существующей в Китае традиции в целях привлечения читателей в названии фильма сразу же употребляют термины «тайная история войны» и «войны Нового Китая».

Фильм предваряется посвящением:

Этот фильм посвящается военнослужащим, которые на протяжении более 40 лет проливали кровь на приграничных полях, защищая нашу Республику.

Зрителей сразу же настраивают на то, что на протяжении почти всех лет существования КНР (а фильм был сделан около 2005 года) армии Нового Китая пришлось «проливать кровь на приграничных полях, защищая нашу Республику». Из этого следует, что КНР вплоть до настоящего времени так никогда и не считала, что она находится в безопасности из-за позиции тех государств, с которыми она граничит.

Попутно можно отметить, что генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь полагал, что в истории Китая за последние 150 лет только одно десятилетие, а именно 1980-е гг., было десятилетием мирной жизни. Это, в частности, означает, что при правлении Мао Цзэдуна ни о какой мирной жизни говорить не приходилось.

Исходя из посвящения, далее дается еще одно название фильма:

«Войны Республики».

Так лишний раз подчеркивается связь понятия «Республика» с понятием «война».

Далее начинается собственно комментаторский текст фильма.

Гималаи. Южнее — Индийская равнина. Севернее — Тибетское нагорье. Еще севернее — пустыня Такла-Макан. Граница между Китаем и Индией проходит по хребтам и на восточном, и на западном участках. На западе Индия граничит с китайским Аксайчином. На востоке индийский штат Ассам — это самый короткий путь в китайский Тибет.

В 1962 году между Китаем и Индией в этих горах произошла крупная война.

Сегодня, спустя 30 лет, в это верится с трудом.

Сегодня это приграничная полоса.

Итак, граница между Китаем и Индией — горная граница. Она делится на восточный и западный участки. Описание их местоположения подано так, чтобы подтолкнуть зрителя к мысли о существовании двух районов Китая, у которых есть «беспокойный» сосед — Индия.

События 1962 года характеризуются как «крупная война». Иными словами, это не «мелкие» пограничные столкновения или конфликты. Очевидно, что в сознание зрителей вводится мысль о том, что в истории взаимоотношений между Китаем и Индией уже была «крупная война».

Спустя 30 и 40 лет район границы остается «приграничной полосой». Очевидно, что там идет мирная жизнь. Но в то же время факт остается фактом: война была, и вопросы, из-за которых она началась, все еще не решены.

В чем истинные причины этой войны?

Вот главный вопрос, вот то, на что авторы этого фильма стремятся настроить направление мыслей зрителей фильма.

Из этого следует, что руководители современной пропаганды в Китае считают необходимым создавать и внедрять в сознание почти полутора миллиардного населения КНР свою трактовку «крупной войны» между Китаем и Индией. Значит, этот вопрос, с их точки зрения, остается актуальным.

Далее снова, чтобы надежнее внедрить это в умы зрителей, дается еще одна трактовка названия или темы фильма:

«1962 год.

Тайная история войны на границе Китая и Индии».

Истоки «крупной войны» авторы фильма видят в том, что происходило в мире, по крайней мере начиная с XX века. Иными словами, этот фильм, а равно и вся серия из трех фильмов предназначены для «обучения» зрителей в Китае современной трактовке всей истории мировых событий, по крайней мере либо с середины XIX века, либо с начала XX века.

Собственно говоря, этот фильм — часть осуществления плана очередной кампании обучения населения КНР на пропагандистских курсах КПК по мировой истории и относительно

как места Китая в мире в прошлом и в настоящем, так и истории и современного состояния его взаимоотношений с такими странами, как Индия, Вьетнам, СССР, а также США, государства Западной Европы.

Начало двадцатого века. Действия западных держав. Кино начало фиксировать жизнь.

К тому времени Великобритания уже два века господствовала в Индии.

Индия — вассальное государство Великобритании. Индия — вассал Великобритании.

С одной стороны, зрителям напоминают о действиях западных держав в начале XX века. В Китае давно уже общепринятым является в известной степени обоснованный, но не всеобъемлющий взгляд, состоящий в том, что Запад, западные державы виноваты в несчастьях, в исторически ограниченном периоде слабости, прежде всего Китая, но также и других развивающихся стран. Сюда при необходимости может включаться и Индия. Намек на это при желании можно усмотреть. Хотя прямо об этом не говорится.

Однако, с другой стороны, здесь упор сделан на том, что Индия — это не самостоятельная страна, а вассал Великобритании. Именно такое представление об Индии здесь внедряется в умы зрителей в КНР.

При этом остается вне поля зрения то, что речь идет о многотысячелетней индийской цивилизации, о том, что посланцы из Китая на протяжении многих лет отправлялись за знаниями на Запад, в Индию, что буддизм пришел в Китай из Индии, а также о том, что, по меркам истории, два столетия или три столетия — это короткий исторический срок.

И действительно, Индия и до англичан, приплывших туда, была Индией, и после их неизбежного ухода продолжает оставаться Индией.

Речь идет не о взаимоотношениях всегда боровшихся с переменным успехом за независимость Китая и «вассала Великобритании», то есть Индии, а о взаимоотношениях двух крупнейших, прежде всего по количеству населения, наций мира — Китая и Индии, Индии и Китая.

Причем их состояние как двух стран мира с самым многочисленным на планете населением, вероятно, не изменится ни-

когда. В этом смысле эти две нации абсолютно равноправны на мировой арене и во всемирной истории.

Думается, что и в подходе к их взаимоотношениям, включая и вопросы о прохождении линии границы, дело обстоит именно так. Войны между ними бессмысленны и бесполезны; войной невозможно решить вопросы во взаимоотношениях Китая и Индии.

В конце XV века европейцы открыли Америку. Они думали, что это Индия. Спустя пять лет, то есть в 1497 году, португалец Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и добрался до настоящей Индии.

В XVI веке европейские державы этим путем попали на индийский субконтинент.

В XVII веке была создана Ост-Индская компания. Так началась эра двухвекового колониального господства Великобритании. В середине XVIII века Великобритания стала продавать опиум, произведенный в Индии, в Китай. Это привело к знаменитым Опиумным войнам.

Это было позором Китая.

Рассказ о взаимоотношениях Китая и Индии, причем рассказ, посвященный предыстории «крупной войны» между ними на границе, авторы фильма начинают с подчеркивания того, что Китай был вынужден испытать «позор» (что предполагает отпущение и восстановление справедливости, предъявление исторических требований к виновникам упомянутого «позора») в результате действий англичан, которые ввозили в Китай опиум, произведенный в их колонии — Индии. Пусть не прямо, но и Индия тут выглядит в чем-то «виноватой».

В 1919 году в Индию вернулся Махатма Ганди. В 1920 году он призвал к мирному гражданскому неповиновению колониальному господству. Была создана первая политическая партия Индийский национальный конгресс.

Вот Неру в молодости.

В 1930 году была спровоцирована война на границе Китая и Индии.

Прежде всего выделяется мысль о том, что в Индии в борьбе против колониального господства пошли не путем народной войны, а путем мирного гражданского неповиновения.

Об этом говорится, очевидно, с тем чтобы подчеркнуть разницу между методами достижения своих целей в борьбе против национального угнетения в Китае и в Индии.

Факты истории подаются таким образом, чтобы создавать нужное авторам фильма впечатление: борьба против колониального господства в самой Индии называется борьбой, а вот на границе Китая и Индии уже в 1930 году, то есть тогда, когда Индия вела упомянутую борьбу, была спровоцирована, надо понимать со стороны Индии, война.

Так внушается мысль о том, что в истории отношений войны были всегда; следовательно, ничего исключительного в том, что произошло в начале 1960-х гг., нет.

В 1931 году Ганди побывал в Великобритании. Беседовал с королем. Просил Великобританию предоставить Индии независимость. Великобритания отвергла просьбу Ганди.

В 1939 году Вторая мировая война. Германия напала на Польшу, союзника Великобритании. 7 декабря 1941 года Япония напала на США в Перл-Харборе. Так началась Тихоокеанская война на островах Тихого океана.

В феврале 1942 года война приблизилась к границам Индии.

Великобритания билась в конвульсиях.

Ганди призывал к скорейшему окончанию английского колониального господства. Черчилль обещал пойти на это после победы. Призвал индийцев воевать против держав оси.

Авторы фильма подчеркивают, что параллельно развивались два процесса: борьба в Индии против колониального господства и за независимость, с одной стороны, и ситуация в ходе Второй мировой войны, когда интересам Великобритании угрожали на западе Германия, а на востоке Япония. Это и предполагало вынужденное обещание Великобритании окончить период колониального господства, но при условии активного участия и индийцев в борьбе против общей угрозы на Тихом океане и прилегающих территориях. В связи с такой постановкой вопроса у зрителей в КНР может возникнуть мысль о том, что именно главная, как ныне считается в КНР, роль Китая в мировой Антияпонской войне, или в войне на Тихом океане, и помогла индийцам обрести независимость. Попутно можно отметить, что в фильме не упоминается о визите в Индию

Чан Кайши во время Второй мировой войны. Этот визит сыграл роль в установлении добрососедских связей между двумя странами — Китаем и Индией.

Летом 1942 года Германия отказалась от планов высадки своих войск в Великобритании и повернула на восток.

22 июня без объявления войны внезапно напала на СССР. Через три года, в том же июне (1945 года), Советская армия взяла столицу Германии Берлин.

Войска США и Великобритании высадились в Нормандии и пришли на территорию Германии. Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Война в Европе закончилась.

В КНР в последние годы при толковании исторических событий не раз делаются ошибки фактического характера. Вот и в данном случае Великую Отечественную войну сокращают до трех лет. Утверждается, что она началась в 1942-м, а не в 1941 году. Вся Великая Отечественная война укладывается в упоминание о двух событиях: «повороте» Гитлера на восток и «взятии столицы Германии». Так получается, что фактическая ошибка авторов оборачивается очередным искажением истории, причем в ущерб исторической правде относительно роли нашей страны во Второй мировой войне.

Это подчеркивается рассказом о том, что войска США и Великобритании высадились в Нормандии, пришли на территорию Германии; а Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции; война в Европе закончилась. При такой трактовке той войны роль нашего народа фактически замалчивается. Одновременно продолжают отделять войну в Европе от войны на Тихом океане. На самом деле это была одна Вторая мировая война, а Великая Отечественная война была ее главной частью. В равной степени победа нашего народа над гитлеризмом, а затем и разгром нами же сильнейшей сухопутной армии Японии, Квантунской армии, на северо-востоке Китая (который она оккупировала 14 лет и которую китайцы не смогли победить своими силами) — это главный вклад в победу во Второй мировой войне.

15 августа император Японии объявил о безоговорочной капитуляции. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Черчилль объявил о победе. Британская империя пре-

одолела еще один кризис, связанный с мировой войной. (Кадры: на Западе отмечают День Победы.)

Итак, трактовка окончания Второй мировой войны в фильме такова. Германия капитулировала. Об этом сказано сразу после упоминания о том, что войска США и Великобритании пришли в Германию. О нас говорится чуть раньше. Может создаваться впечатление, что мы тут где-то в стороне. Тем более что победу в этой войне на экране отмечают только в государствах Запада, но не в нашей стране.

Япония капитулировала. При этом упоминается о Великобритании. В фильме есть кадры, из которых следует, что к этому причастны США.

И в том и в другом случае, и в Европе, и на Тихом океане, прямого упоминания о решающей роли нашей страны в исходе Второй мировой войны и на Востоке, и на Западе нет.

В этот момент Ганди напомнил о том обещании, которое дала Великобритания: предоставить Индии независимость после победы над Японией.

Два года спустя английская королева повела переговоры о предоставлении независимости колониальным странам. 15 августа 1947 года Великобритания признала независимость Индии. Затем умер Ганди. (Кадры сожжения тела Ганди.) Три года спустя, то есть в 1950 году, объявлено о создании Республики Индии. Воздем Индии стал Неру. В это время в соседний с Индией Индокитай пришла гоминьдановская армия.

Итак, победа во Второй мировой войне и борьба за освобождение от колониального господства (причем своего рода пассивная борьба только путем угрозы гражданского неповиновения, а не путем свержения господства иностранцев с оружием в руках, то есть не так, как в Китае) принесли Индии независимость. Иными словами, здесь подчеркивается мысль о том, что Индия обрела независимость не в результате собственных активных вооруженных действий, а в результате того, что произошло на мировой арене. При этом в КНР имеется в виду, что в войне на Востоке, на Тихом океане, главную роль сыграл Китай. В качестве подтверждения этого приводится упоминание о том, что китайские войска в ходе Второй мировой войны и во время тех нескольких лет, что последовали за

ее окончанием, пришли в Индокитай, приблизились к границам Индии.

Индия появилась на мировой арене в качестве республики почти одновременно с КНР: КНР — в 1949 году, Индия — в 1950 году.

Китайская пропаганда и следующая за ней историография строит рассказ об истории событий в данном случае таким образом, чтобы у зрителей в КНР создавалось следующее впечатление.

Если Новый Китай обязан своим рождением только самому себе, своей бескомпромиссной революционной и вооруженной борьбе, то появление независимой Республики Индии произошло не в результате вооруженной борьбы народа Индии (то есть кто-то даровал Индии независимость, которой Китай добился сам), а благодаря победе союзников, прежде всего Китая, в войне на Тихом океане (о роли Китая уже упоминалось) и в какой-то степени в связи, а может быть, и под влиянием на всю обстановку в мире появления Нового Китая.

Далее в фильме рассказывается об истории Китая. Причем события подаются в таком ключе, чтобы Индия все время была где-то рядом, пусть и не каждый раз на первом плане.

«Национальный позор Китая» (другой перевод этих слов: *«Позор государства нации Китая»*).

Эта часть фильма озаглавлена таким образом, чтобы возбудить в зрителях присущие их значительной части чувства возмущения, негодования и протеста в связи с тем, что выпало в истории на долю Китая, в чем виноваты зарубежные недруги Китая.

Здесь упор делается на том, какая нация создала Новый Китай. Это нация Китая, которая боролась за то, чтобы смыть с себя позор. Частью этого позора были и уже упоминавшиеся действия Великобритании, которая ввозила в Китай опиум, выращивавшийся в Индии, которая в самом начале фильма была названа и колонией, и вассальным государством Великобритании.

1 октября 1949 года Китайская Народная Республика была создана. Начиная с этого момента народ Китая поднялся и встал во весь свой рост.

Напоминание о том, что с созданием такого государства, как Китайская Народная Республика, народ Китая поднялся и встал во весь свой рост, сделано для того, чтобы подчеркнуть, что этот народ не только сбросил со своих плеч бремя истории, когда кто-то его унижал и относился к нему неравноправно. Это напоминание предназначено и для того, чтобы дать понять всем историческим обидчикам и должникам Китая, что поднявшийся во весь рост народ Китая, нация Китая, еще будет в максимально возможной степени утверждать себя на мировой арене. И в конечном счете заставит упомянутых обидчиков понять, что «с народом Китая шутки плохи», что «долг крови придется платить кровью», заставит их «склонить голову и признать свою историческую вину» и вернуть Китаю то, что было им утрачено.

Итак, в тот момент в Азии одно за другим возникли два государства: независимая Индия и Новый Китай.

У Нового Китая была своя армия. Руководитель Нового Китая Мао Цзэдун заявил, что Новый Китай не признает никакого иностранного господства, никаких иностранных структур на своей древней земле. Все иностранные представители на территории Китая ведут себя в общем порядке.

Китай и Индия добились возможности создать и начать строить свои новые независимые государства практически в одно и то же время. Это могло предполагать благоприятное развитие отношений между ними, в частности, и потому, что их история в какой-то степени имела сходные черты. У них были общие проблемы и в современности, если посмотреть на это с точки зрения количества, да и качества населения и в той и в другой стране.

Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан говорил, что Китаю надо суметь преодолеть две главные преграды: «Реку Нищеты» и «Реку Невежества». Не в обиду будет воспринято: примерно в том же положении находилась и Индия.

На практике оказалось, что из истории тянутся такие проблемы, которые в условиях нахождения у власти определенных иррационально мыслящих политиков, по крайней мере, на десятилетия, если не на столетия, перевешивают разумный подход к вопросу о согласовании позиций и о приспособлении друг к другу. И это во взаимоотношениях между нациями,

людские ресурсы каждой из которых неисчерпаемы, что делает бесполезной войну между ними.

Переходя к характеристике ситуации в Китае, авторы фильма сразу же на «самое первое» место выдвигают утверждение: «у Нового Китая была своя армия». «У кого в руках винтовка, у того и власть» — так мыслил Мао Цзэдун. Следовательно, и во взаимоотношениях на мировой арене он стремился к решению вопросов силой, будучи ограничен только реальным соотношением сил, своих сил и сил тех, в ком он видел «врагов Китая».

Далее у Мао Цзэдуна речь шла об «очищении» земель Китая от всякого иностранного присутствия, о ликвидации всякого ущемления того, что он воспринимал как «собственность» Китая, в том числе и его территории, и нынешней, и так или иначе, с его точки зрения, «утраченной» в прошлом.

Следовательно, с момента создания КНР 1 октября 1949 года и до настоящего времени Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи строят свою пропаганду в КНР, в частности, на обещании делать все, что в их силах, ради «возвращения» «утраченных» территорий. Во всяком случае, и нынешние, и будущие поколения они намерены воспитывать на основе «исторической памяти», «фактов истории», которые свидетельствуют о том, что в мире есть целый ряд стран, к которым у Китая имеется «счет» по «реестру» «утраченных территорий».

Что касается Индии, то ей адресованы слова о том, что Новый Китай не признает никаких иностранных структур на своей земле. Это, в частности, означало требование к Индии изменить существовавший до того времени характер отношений и с центральным правительством Китая, и с властями Тибета. Индия имела до той поры оговоренное в соглашениях с ними право размещать свои войска на территории Тибета.

В фильме также говорится о том, что представители иностранных государств должны пользоваться определенными правами в КНР в общем порядке. Это, в частности, означало, что КНР не признает никаких особых прав индийских представителей в Китае, когда речь идет о Тибете.

С 1840 года появились неравноправные договоры.

Упоминание о появлении с 1840 года «неравноправных договоров» в данном случае предназначено и для того, чтобы обратить внимание зрителей фильма в Китае на то, что все это так или иначе, но связано и с ввозом из Индии опиума в Китай, и с началом Опиумных войн.

Сам термин «неравноправные договоры» возник при правлении Мао Цзэдуна на страницах органа ЦК КПК газеты «Жэньминь жибао» в 1963 году. Он представляет собой проявление намерения продолжать использовать во внешней политике КНР тезис о пережитых Китаем унижениях, позоре, об «отнятых» у него территориях.

С помощью этого тезиса нынешние правители КПК — КНР, с одной стороны, стремятся укреплять основу и легитимность своего пребывания у власти в Китае в сознании населения страны. И, с другой стороны, держать в состоянии неуверенности, опасений те или иные страны и народы, с тем чтобы, по крайней мере, заставлять их идти навстречу политическим или экономическим требованиям Китая того или иного характера, даже не предъявляя формально требований территориального характера.

Ситуация в мире изменилась. Многие, практически все государства на земном шаре уже далеко не такие, какими они были, скажем, до середины XX века. Далеко не таким государством является и Китай.

Сегодня использовать тезис о том, что происходило в прошлом, то есть делать основой внешнеполитических действий утверждение о необходимости «смыть с себя позор прошлого», представляется не только устаревшим, но и опасным для соседей Китая по планете.

Китаю фактически уже обеспечен мир на все времена. Никто и никогда не придет оккупировать территорию Китая. Китай может осуществлять свою внешнюю политику на основе принципов мира, независимости и равноправия. Только такая политика сделает эффективным взаимное приспособление Китая и остального мира друг к другу.

Спустя два месяца после образования КНР Мао Цзэдун отправился в Москву на празднование 70-летия Сталина, а также для того, чтобы согласовать, скоординировать отношения двух стран. (На фото: Каганович, Мао Цзэдун, Ста-

лин, Хрушев в президиуме торжественного заседания в Большом театре в Москве по случаю 70-летия Сталина.) *Речь шла и об истории, и о современных отношениях.*

О чем бы ни шла речь, в данном случае о войне Мао Цзэдуна против Индии в современном Китае, в пропагандистской работе КПК обязательно присутствует отношение к нашей стране и народу. Все в политике Мао Цзэдуна, в том числе и во внешней политике, было связано с его отношением к нашей стране.

Итак, здесь в один ряд подряд ставятся два события: провозглашение образования КНР и поездка Мао Цзэдуна в СССР. Из этого вытекало решение внешнеполитических задач, в первую очередь связанных в сознании Мао Цзэдуна с желанием вытеснить из Китая все иностранное, очистить страну от всей внесенной иностранцами в Китай «грязи», то есть от их воздействия и влияния на менталитет китайцев и на материальную жизнь в Китае.

В том числе и от того, что было внесено из нашей страны. Это было главным намерением Мао Цзэдуна. Конечно, он понимал, что у него в то время пока не было сил, достаточных для выполнения этой задачи. Но он хотел положить реальное начало этому процессу. Процессу, направленному на то, чтобы отделять друг от друга наши страны и народы, разделять их, а в конечном счете противопоставить их.

Именно это намерение в первую очередь определяло его мысли и настроения во время поездки в нашу страну. Он ехал к нам для того, чтобы в новых для себя условиях, в качестве властелина Китая, начать ставить, «подвешивать» вопросы истории и формировать современные отношения. А в вопросах истории у Мао Цзэдуна практически все определялось его взглядом на нашу страну как на исторического должника Китая, как на страну, которую следовало постепенно «поставить на место», то есть заставить нас признать «ЛАОДА — старшинство» Китая, подчиниться его власти. Исходя из этой же точки зрения, Мао Цзэдун хотел бы решать проблемы в современных отношениях.

Давайте вернемся и проследим историю Китая за последние сто лет до этого момента. В то время державы Запада вступали в эпоху деятельности промышленных корпораций, а Китай оставался феодальной империей.

Историю Китая этого периода, по сути дела, нужно начинать с обращения к тому, что происходило в Индии. В середине XIX века английские корабли пришли в Восточное и Южное моря Китая. Они везли из Индии опиум. В 1840 году между Китаем и Великобританией из-за опиума началась война. Эта война продолжалась 16 лет. В 1856 году объединенная армия англичан и французов высадилась в районе Тяньцзиня и пришла в столицу империи, то есть в Пекин. Застенный Китай оказался открыт для внешнего мира.

Зрителям в КНР предлагается считать, что столетие с 1840 по 1949 год, когда Китай был слаб, когда он вынужден был терпеть «позор», когда ему навязывались «неравноправные договоры», когда у него отнимались земли, началось с того, что происходило в Индии.

Здесь упоминается о том, что опиум в Китай везли англичане и французы, что войну с Китаем вели они, в столицу Китая пришли их войска, но при этом говорится, что «историю Китая этого периода, по сути дела, нужно начинать с обращения к тому, что происходило в Индии». Потому что опиум везли оттуда. Так Индия оказывается тоже «виноватой» перед Китаем. С этим нет оснований соглашаться. Не индийцы везли опиум в Китай. Не они продавали его в Китае, не они вели войну, навязывая продажу опиума в Китае. Следовательно, в современном Китае, обращаясь к истории, фактически осуждают Индию за то, что она не начала войну против англичан, не выгнала их из Индии и не предотвратила наплыв опиума в Китай.

Здесь попутно говорится о том, что Опиумная война продолжалась целых 16 лет, о том, что она велась на территории Китая, что иностранные армии вошли в Пекин, а также о том, что путем войны внешний мир открыл двери Китая для себя, для проникновения на территорию Китая.

Таким образом, развивается мысль о войнах как о том, что присуще истории Китая, истории его взаимоотношений с иностранцами начиная с 1840 года. А также о том, что у китайцев вполне естественной является реакция на попытки иностранцев силой открывать двери Китая, двери в Китай. Поэтому китайцы (то есть в данном случае решающую роль в принятии такого решения играл Мао Цзэдун) вполне естественно хотели

бы, став самостоятельными и независимыми, скажем, в 1949 году, сначала эти двери закрыть, «почистить» Китай, избавить его от иностранного воздействия (нельзя не упомянуть о том, что в том числе, если не в первую очередь и от нашего воздействия или влияния), а потом уже сами решать, как себя вести во взаимоотношениях с иностранцами.

По сути дела, Россия, Германия, Япония, США поспешили к этим открытым вратам в Китай, чтобы попользоваться плодами.

Проигрывая войны, Китай каждый раз подписывал неравноправные договоры. Платил контрибуцию серебром и уступал свои земли.

К концу XIX века Китай стал полуколониальным, полуфеодальным государством. Он оказался беззащитен перед лицом великих держав. Он подписывал с каждой из них неравноправные договоры.

С нашей точки зрения важно заметить, что Россию здесь обвиняют в том, что она поспешила к вратам Китая, открытым Великобританией и Францией путем войны, чтобы «попользоваться плодами». В фильме нет упоминания о том, что Россия не только не ввозила в Китай опиум, не только не участвовала на стороне Великобритании в Опиумной войне против Китая, но и выступила в качестве посредника, который помог Китаю договориться с англичанами и французами после того, как они захватили столицу Китая.

Здесь говорится также о «войнах» и дважды о том, что Китай подписывал, проигрывая войны, неравноправные договоры. В фильме не говорится о том, что пограничное размежевание между Россией и Китаем на Дальнем Востоке в XIX веке не явилось результатом войны между ними. Не говорится и о том, что Россия единственная из всех тогдашних держав подписала с Китаем секретный договор о совместной обороне против грядущей и вероятной японской агрессии.

В начале XX века царская Россия получила у Китая Ляодунский полуостров, включая Люйшунькоу и Даляньвань. В аренду на 25 лет. Кроме того, Китай был вынужден позволить царской России построить железную дорогу от Харбина до Даляня.

Примечательно, что тогда, когда речь идет о Великобритании, о других европейских государствах, о США, о Японии, авторы фильма называют их по их наименованиям: Великобритания, Франция и т. д. К названиям этих государств в КНР не приклеивают постоянные политические ярлыки.

Иное дело — Россия. В случае с Россией обязательно в сознание зрителей и читателей в КНР внедряются термины «царская Россия» и «Советская Россия». В современной китайской литературе по нашей стране чаще всего речь идет либо о «царской России», либо о «Советской России». Первый из этих терминов всегда, а второй во многих случаях подается таким образом, чтобы приучать читателей к тому, что речь идет о недруге Китая. К этому можно добавить, что во времена Мао Цзэдуна им был введен еще и термин «СУ СЮ — советский ревизионизм» как синоним «Советского Союза». Этот термин относили и к нашей стране, и к людям нашей страны. «СУ СЮ» означало «советский ревизионист» и звучало как страшное ругательство или оскорбление.

Кстати сказать, термин «МЭЙ ДИ — американский империализм» в КПК — КНР не относят к людям из США.

Рассказ о том, кто и что «отхватил» у Китая, авторы фильма начинают с России.

При этом не упоминают о том, что ее действия, в известном смысле и частично, диктовались и ситуацией в Китае, и поведением европейских держав. Китай был слаб и не мог сам защитить себя. Раздел Китая на зоны влияния начали западно-европейцы. Россия в этом пошла за ними.

Однако главное во взаимоотношениях России и Китая в то время состояло в том, что Россия была единственной страной, которая считала, что интересы России и Китая совпадали тогда, когда надо было готовиться давать отпор надвигавшейся вооруженной агрессии со стороны Японии.

Особенно важно упомянуть о том, что здесь утверждается, что Китай был вынужден позволить царской России построить железную дорогу от Харбина до Даляня. При этом не говорится о том, что Китай в те времена был настолько слаб, что сам не мог обеспечить защиту своих земель от грозившей ему японской агрессии, а Россия, как уже упоминалось, подписала с Китаем соответствующий договор. Именно потребность «подать войска» в Китай для оказания отпора японцам и диктовала

необходимость построить Китайско-Восточную железную дорогу, включая ее часть от Харбина до Даляня.

Иное дело, как сложилась история, но намерения в истории тоже очень важны, тем более что весь процесс оказания Россией и Китаем сопротивления агрессии Японии занял пятьдесят лет, с 1896 по 1945 год, и завершился освобождением территории Китая из-под четырнадцатилетней японской оккупации благодаря разгрому японской Квантунской армии в Маньчжурии нашими войсками.

Державы Запада отрезали от Китая кусок за куском.

В Шаньдуне Германия получила в аренду землю в районе бухты Цзяочжоу на 99 лет. Там же Германия получила железную дорогу с широкой полосой отчуждения.

Франция получила землю напротив острова Хайнань с бухтой для военно-морского флота.

Великобритания получила землю в районе Сянган в аренду на 99 лет.

Одновременно Китай уступил Тайвань Японии.

В септльментах Китай не имел прав.

Начав с России, авторы фильма делают обзор действий западных держав и Японии. Все это с целью показать, сколько «долгов» накопилось за ними. А также и для того, чтобы подчеркнуть, что Китай с 1840 года подвергался унижениям и в то же время «лизал желчь», копил ненависть и силы для того, чтобы сбросить с себя ярмо зависимости от иностранцев и их хозяйничанья на своей территории. Это подразумевало и намерения ликвидировать все последствия такого характера отношений между Китаем и внешним миром, в том числе и восстановить в полном объеме территориальные границы и права Китая.

В начале XX века державы вели между собой войны на территории Китая.

8 февраля 1904 года Япония внезапно атаковала флот России, находившийся в Люйшунькоу. В марте под Шэньяном были разгромлены главные сухопутные силы царской России. Через год при посредничестве президента США стороны подписали Портсмутский договор. Его содержанием стал передел Северо-Восточного Китая. Царская Россия согласилась

уступить Японии Ляодунский полуостров с Люйшунькоу и Дялем.

Перед нами типичный подход современной пропаганды в КНР к вопросу об истории отношений между нашей страной и Китаем.

Здесь необходимо отметить, что существует разница между толкованием этой истории в нашей стране и в КНР. Нам представляется важным, исходя из фактов, делать упор на совпадении коренных объективных национальных интересов России и Китая. Этим определялось, определяется и будет определяться состояние наших отношений в их основе.

Одна сторона истории наших взаимоотношений состоит в том, что, с нашей точки зрения, пограничное размежевание между нашими двумя странами в конечном счете является справедливым и разумным, а линия прохождения границы идет главным образом по естественным речным рубежам. Разграничение происходило между двумя крупными странами на землях, которые изначально принадлежали малочисленным народам.

Вторая сторона истории наших взаимоотношений состоит, с нашей точки зрения, в том, что Россия в ее взаимоотношениях с Китаем — это не Япония, не государства Западной Европы. Ее отношения с Китаем складывались по-иному в существенной степени и потому, что Россия и Китай — вечные соседи, и потому, что между ними существует протяженная граница.

Россия, если иметь в виду всю историю наших взаимоотношений, стремилась налаживать с Китаем добрососедские, мирные, дружественные и союзнические отношения. То одна, то другая сторона этих отношений выходила на первый план на какое-то время.

Важно то, что в конечном счете Россия была единственной страной, которая вместе с Китаем на протяжении полувека (1896–1945 гг.) противостояла вооруженной агрессии Японии. В этом наши страны были союзниками. Россия при этом играла роль сильного в военном отношении союзника, который и разгромил в конце концов японских агрессоров на территории Китая. В этом смысле союзнические отношения России и Китая уникальны в мировой истории. Они отличаются от отношений Китая с государствами Западной Европы и США.

Далее, Россия так или иначе, в тот или иной период, участвовала в развитии событий на территориях Китая: в Синьцзяне и в Маньчжурии. Однако в конечном счете Россия не только не захватила эти территории, но даже в тот или иной период сохраняла их для центральных властей Китая. В частности, СССР по своей инициативе помог НОАК установить контроль над Синьцзяном в 1949 году. Да и Маньчжурия в условиях присутствия там наших войск была превращена в базу для создания многочисленной, вооруженной переданным нами трофейным оружием армии КПК, которая и начала победоносный поход за власть над континентальной частью Китая.

Вопрос о Монголии — отдельный вопрос. Нынешнее положение Монголии на мировой арене — это проявление стремления этой нации жить отдельно, быть самостоятельной и независимой и иметь свое государство. Россия, когда к ней обратились монголы, поддержала это их стремление, исходя из понимания того, что монголы как нация решили лучше умереть, чем оставаться под господством Китая. Россия не могла превращать монголов в своих врагов. При этом Монголия в конечном счете обрела полную самостоятельность. Она не является государством, которое находится в зависимости от России.

В 1989 году в беседе с М. С. Горбачевым Дэн Сяопин утверждал, что Китай больше всего пострадал от России и Японии, что Россия и Япония нанесли наибольший ущерб Китаю. М. С. Горбачев промолчал, поэтому задача разъяснить на уровне чиновников обеих стран наше понимание истории двусторонних отношений до сих пор не решена.

Дэн Сяопин тогда в концентрированном виде изложил позицию Мао Цзэдуна и его приверженцев. Вот на этой основе и пишутся в КНР работы по истории отношений нашей страны и Китая.

С этим мы, исходя из фактов, не можем согласиться.

Более того, суть нашей позиции по вопросам истории — это констатация совпадения национальных интересов. С нашей точки зрения, нужно всегда помнить о реестрах добрых дел обеих сторон по отношению друг к другу. А этими реестрами отношения нашей страны и Китая отличаются от отношений Китая с любой другой страной.

Нам представляется необходимым, отвечающим интересам обоих народов выдвигать на первый план то, что соединяет и объединяет интересы двух наших народов и стран.

Линия Мао Цзэдуна и его последователей — это искажение исторических фактов. Главное — это стремление отделять, разделять, противопоставлять наши народы и страны, настраивать людей в Китае на вражду и ненависть к нашей стране.

Вот и в данном случае зрителям рассматриваемого фильма говорят о том, что иностранцы вели войны на территории Китая, подразумевая при этом, что так поступала и Россия. Россия не относится к числу этих иностранцев, потому что ее война против Японии начале XX века была в конечном счете войной в защиту территории Китая для Китая.

Япония стремилась с конца XIX века по середину XX века захватить земли Китая, посягала и на земли России. Россия так или иначе, но всегда была на стороне Китая тогда, когда он сопротивлялся японской агрессии, исходя из совпадения своих интересов и интересов Китая.

Ставить Россию на одну доску с Японией — идти против фактов. Это проявление намерения воспитывать в Китае вражду к нашей стране и народу.

Девять лет спустя, в 1914 году, Япония повела войну в Шаньдуне, покусившись на сферу влияния Германии в Китае. В 1915 году Япония вынудила Китай предоставить ей право на разработку природных ресурсов южнее Тяньцзиня.

В 1931 году Япония захватила три восточных провинции, то есть Северо-Восточный Китай.

Начиная с Опiumных войн державы Запада, опираясь на мощь своих пушек и военно-морского флота, захватывали земли в Китае. Правительство Цинов ни разу не оказало им отпора.

Только в 1937 году Китай подготовился и вступил в войну. Началась война за оказание отпора Японии.

Через два года началась война в Европе.

Через четыре года США начали воевать в Тихом океане.

Через пять лет СССР вступил во Вторую мировую войну (то есть в 1942 году).

В 1937–1939 годах единственной страной, которая помогала Китаю воевать, отражая агрессию Японии, была только наша страна. Об этом современная китайская пропаганда в данном фильме не говорит ни слова.

Об исторической неграмотности авторов фильма, а в особенности о том, сколь враждебно они настроены по отношению к нашей стране, говорит тот факт, что они упорно утверждают в сознании зрителей своего фильма в Китае, что во Второй мировой войне

сначала Китай начал воевать против Японии,
потом началась война в Европе,
затем в войну вступили США (к США они стараются относиться внимательно и бережно),
и только потом, самой последней, через пять лет после начала войны Китаем, причем якобы не в 1941-м, а в 1942 году, в войне начала принимать участие наша страна.

Здесь также говорится о том, что только в 1937 году Китай подготовился и вступил в войну. На самом деле это Япония в 1937 году начала агрессию против собственно Китая. Китай был, наконец, вынужден воевать против Японии. При этом он обратился к единственному своему тогда военному союзнику в мире, то есть к нашей стране, которая и оказала ему помощь и людьми, которые воевали в воздухе над Китаем, и вооружением, и займами.

В феврале 1945 года, за три месяца до падения Берлина, главы США, Великобритании и СССР тайно встретились в Крыму, в Ялте, чтобы обсудить ситуацию после войны.

Тогда четырехсотмиллионный Китай оказался той пешкой, которую три державы переставляли с места на место. США и Великобритания согласились на условия, при которых Сталин обещал вступить в войну против Японии. В августе СССР по сибирской железной дороге перебросил на Дальний Восток свою двухмиллионную армию. Только тогда упомянутое тайное соглашение было доведено до правительства Китая.

В соответствии с этим соглашением не только было восстановлено то, чего царская Россия добилась в конце XIX века. Но от Китая потребовали признать независимость Внешней Монголии. Это означало, что от Китая отрезали около 1,6 млн кв. км его территории.

В фильме его зрителям внушается обычная для современной историографии и пропаганды КПК — КНР трактовка ито-

гов Второй мировой войны. В этой трактовке упор делается на том, что наша страна в результате той войны «отхватила» самый большой кусок из всех «захваченных» ею земель Китая за всю историю наших двусторонних отношений, продолжила и приумножила захваты и приобретения в Китае, которые в свое время были сделаны «царской Россией». Иными словами, политика «царской России» и политика «Советской России» (или СССР) преподносится как одна и та же политика экспансии, территориальных захватов, обращенная против Китая.

История подается таким образом, что наша страна позже всех вступила во Вторую мировую войну, то есть только в 1942 году (а не в 1941 году, как было на самом деле), что уже всего через три года наша армия вошла в Берлин и что за три месяца до того, как Китай уже должен был оказаться победителем в своей затяжной Антияпонской войне, Сталин и СССР «выторговали» у США и Великобритании согласие на полное отделение Монголии от Китая, на признание Монголии независимым государством, на возвращение «Советской Россией» (СССР) всех тех приобретений, которые «царская Россия» имела в Северо-Восточном Китае.

Особо подчеркивается то, что Китай был победителем во Второй мировой войне (а имеется в виду и то, что он дольше всех воевал в этой войне: с 1931 по 1945 год), а в результате он «утратил» свои громадные земли. От Китая «отрезали» 1,6 миллиона кв. км его территории. Имеется в виду территория Монголии.

В современном китайском руссификации также подчеркивается, что тогда, в 1944 году, СССР «отхватил» у Китая путем «вооруженной агрессии» и Туву. А это еще 170 тысяч кв. км. В общей сложности при таком подсчете оказалось, что Сталин и СССР «отхватили» у Китая больше земли, чем «царская Россия».

Что касается Монголии, то об этом у нас уже шла речь. Монголы сами добились своей независимости. Наша страна, учитывая, что мы с монголами соседи, сочувствовала и помогала монголам. Монголия не стала частью нашего государства и является совершенно независимой от нас страной.

Тува отделилась от Китая также еще задолго до Второй мировой войны. Это произошло также по желанию тувинцев как нации, которая не желала находиться под господством

китайцев. С 1924 года существовала Тувинская Народная Республика, которая в 1944 году вошла в состав СССР.

Тувинцы видели в этом гарантию своего существования, жизни и развития.

Что же касается соглашений в Ялте в 1945 году, то и США, и Великобритания были заинтересованы в том, чтобы наша страна вступила в войну против Японии, потому что иначе эта война продлилась бы еще долго и в этой войне погибли бы многие тысячи американцев и англичан.

Китайская Республика благодаря вступлению СССР в войну против Японии получила свое освобождение от японской оккупации. В свое время в Китае выражали благодарность нашему народу и нашей стране за нашу роль в освобождении Китая от японских оккупантов.

Это произошло в тот момент, когда Китай только-только выходил из войны с Японией, которая продолжалась целых восемь лет. В этой войне погибли 32 миллиона китайцев.

Во время этой войны Китай сдерживал громадные силы Японии, которые благодаря этому не смогли принять участия в войне с США на островах Тихого океана, в наступлении против СССР.

И вот, когда приближался конец войны, державы Запада вновь продали интересы Китая.

Авторы фильма внушают своим зрителям, что в тот момент, когда Китай был изнурен восьмилетней (1937–1945 гг.) Антияпонской войной, в которой он понес самые большие потери среди союзников — 32 миллиона человек (в современной КНР это делается постоянно, начиная с выступления председателя КНР Цзян Цзэминя в Москве в 1995 году, когда мы отмечали 50-летие победы в Великой Отечественной войне; когда у нас говорилось о 27 миллионах погибших, он счел нужным утверждать, что Китай понес во Второй мировой войне бóльшие жертвы, чем СССР, 35 миллионов человек), его трудным положением воспользовались его «союзники», прежде всего СССР. Это была с их стороны «черная неблагодарность», потому что во время этой войны Китай сдерживал громадные силы Японии, не допустив их участия в войнах против США и СССР.

Во время войны союзники действительно оказывали друг другу взаимную помощь, ведя боевые действия против гитлеризма или японского милитаризма. Китай внес свой вклад в эту борьбу, который ценят народы стран, которые тогда находились в союзе. В то же время современные китайские пропагандисты ни словом не упоминают о решающей роли нашего народа и нашей страны в разгроме как гитлеровской армии, так и японских милитаристов.

Авторы фильма здесь упрекают США и Великобританию в том, что они «предали интересы Китая», позволив СССР оторвать от Китая Монголию, вернуть те права, которыми «царская Россия» пользовалась в Китае. И в то же время этот упрек звучит мягче, чем главное обвинение в адрес СССР.

Китай в большей или меньшей степени вернулся к ситуации перед войной, и даже к ситуации начала XX века.

Северо-Восточный Китай вновь стал российской, то есть советской, сферой влияния. Военные моряки США высадились в Шаньдуне в бухте Цзяочжоу.

Сянган оказался в объятиях Великобритании.

Аомэнь принадлежал Португалии.

Силы Франции вошли в Индокитай, во Вьетнам.

В фильме делается вывод о том, что к моменту образования КНР, к 1 октября 1949 года, Китай вернулся даже к ситуации начала XX века.

Иными словами, стремятся создать впечатление, что в положении Китая на мировой арене не сыграли свою роль

крушение Великой Цинской империи,

создание Китайской Республики,

деятельность Сунь Ятсена,

установление отношений между СССР и Китайской Республикой и аннулирование нами всех неравноправных договоров;

помощь с нашей стороны

и в деле объединения Китая,

и при создании и дальнейшей деятельности КПК,

и в ходе Антияпонской войны;

объединение Китая в государство с центральным правительством,

война за оказание отпора японской агрессии,
выход Чан Кайши на мировую арену, его встреча с Рузвельтом и Черчиллем,
отмена неравноправных договоров западными державами
в 1942 году (18 лет спустя после того, как это сделала
наша страна),
участие делегации Китая в образовании ООН (в делегацию
благодаря нашему настоянию входили представители и
правительства партии Гоминьдан Китая, и представи-
тели КПК),
приход Китая в ООН в качестве постоянного члена Совета
Безопасности (при нашей существенной роли),
приход КПК к власти в Китае при нашей всесторонней по-
мощи.

Авторы фильма хотели бы ориентировать сознание своих зрителей на мысль о том, что если принять их толкование понятия нации Китая, истории взаимоотношений этой нации с другими нациями, то подлинная история нации Китая, теперь выступающей под именем Нового Китая, началась только с 1 октября 1949 года, то есть с образованием КНР. При этом у нации Китая, которая впервые за последние сто с лишним лет поднялась и встала на мировой арене в полный рост, был ряд первостепенных задач на мировой арене:

1. Ликвидировать ситуацию, при которой северо-восток Китая был советской сферой влияния, то есть вытеснить СССР из Китая. Это, собственно говоря, первый шаг к «высвобождению» или «освобождению» Китая из-под влияния нашей страны, включая полное вытеснение нас из Китая; отделению и разделению наших стран и народов и переводу наших двусторонних отношений в состояние конфронтации, или противостояния. Все это предполагает и взгляд на нашу страну не просто как на «чужую» страну, а как на ту нацию, которая нанесла наибольший ущерб интересам и достоинству Китая в истории.

2. Не допускать военного присутствия США на территории Китая.

3. Вернуть Сянган и Аомэнь в состав Китая.

4. В качестве первого шага добиться ухода сил Франции из Индокитая, из Вьетнама.

Таковыми видят в современном Китае задачи внешней политики КНР, или Нового Китая, при его создании. Важно иметь в виду, что это задачи нации Китая во взаимоотношениях с другими нациями. Это означает, что Китай намерен выполнять эти задачи во взаимоотношениях с упомянутыми нациями вне зависимости от того, какие государства будут сменять друг друга у той или иной нации. Само собой, что тут не играют существенной, или определяющей, роли ни вопросы сходства идеологий, ни даже воспоминания об истории дружбы и отношений союза с той или иной страной, в частности с нашей страной.

Сюда же вписывается и политика нации Китая, Нового Китая, то есть КНР, в отношении «исторического наследства», которое досталось от периода господства Великобритании в Индии и в известной степени сохранилось в Индии.

Именно исходя из такого взгляда на себя, на другие нации, на историю взаимоотношений наций и на задачи нации Китая во взаимоотношениях со всеми нациями, какими бы они ни были, в том числе и с относительно равной Китаю по численности населения Индией, авторы фильма и включили в пояснительный текст к фильму тот вывод, которым предваряется начало рассказа уже собственно о взаимоотношениях КНР и Республики Индии:

Мы сделали этот исторический обзор с тем, чтобы разъяснить причины того, почему после ста лет позора и десяти лет после образования КНР Китай был готов воевать за такое удаленное горное захолустье.

Здесь признается, что речь шла об «удаленном горном захолустье» (кстати, об этом говорил в свое время Н. С. Хрущев в беседе с Мао Цзэдуном). Однако в КНР считали, Мао Цзэдун считал, что принципиальный подход к вопросу важнее. А принципиальный подход к вопросу видели в том, что Китай хотел заставить всех тех, из-за кого он, как он считал, терпел «позор», сделать то, что от них требовал Китай.

При этом подчеркивается, что «Китай был готов воевать». Иными словами, решать такого рода вопросы методами войны. Первые десять лет существования КНР, таким образом, выглядят при данном взгляде на историю как время подготовки к

войнам, в частности к войне с Индией. Война предстает здесь как неразрывная наряду с дипломатией часть внешней политики Мао Цзэдуна.

Далее, это означало, что КНР понадобилось всего 10 лет после ее создания для того, чтобы укрепнуть настолько, чтобы можно было начать во взаимоотношениях с любыми другими нациями настаивать на своем, причем даже средствами войны. Все это относится не только к Индии, но и к другим странам, прежде всего к нашей стране.

Далее в фильме вводится мысль о том, что после образования КНР, с точки зрения этого государства, то есть, по сути дела, с точки зрения Мао Цзэдуна, у Китая возникла необходимость решить в первую очередь проблемы во взаимоотношениях с двумя государствами. С СССР, который, кстати сказать, сыграл незаменимую роль в приходе КПК и Мао Цзэдуна к власти в Китае, будучи их единственным в мире союзником и другом, и с Индией.

Авторы фильма постоянно связывают политику КНР по отношению к нашей стране и к Индии.

Нас, как две якобы «проблемные», с точки зрения внешней политики Мао Цзэдуна, страны, ставят на одну доску. На первый план при этом выдвигают СССР.

Итак, 1 октября 1949 года народ Китая поднялся во весь рост.

Через два месяца после создания государства Мао Цзэдун поехал в СССР.

КНР отменила привилегии иностранцев.

Но не все вопросы можно было решить в Китае.

Некоторые вопросы требовали сесть за стол переговоров.

В те времена КПСС была для КПК братом. В Китае СССР называли «старшим братом».

В 1945 году СССР подписал с Гоминьданом неравноправный договор.

В феврале 1950 года в присутствии Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай подписал договор.

Авторы фильма хотели бы создать впечатление, что после создания КНР речь шла не об установлении и развитии отно-

шений двух народов и стран, национальные интересы которых совпадали, которые могли вечно жить в мире и дружбе, решая по взаимной договоренности могущие возникать вопросы, а о том, что главное во взаимоотношениях Нового Китая, нации Китая, народа Китая, который наконец-то поднялся во весь рост, было, дескать, в том, чтобы заставить СССР решить ряд вопросов.

В фильме в этой связи говорится, что внутри КНР все привилегии иностранцев (читай: советских людей, СССР как государства) были отменены.

Дело в фильме представляется таким образом, что якобы понадобились победа Мао Цзэдуна и приход его к власти для того, чтобы отменить привилегии иностранцев, прежде всего людей из СССР, самого СССР в Китае. Факты говорят о том, что у СССР в то время была одна «привилегия» — быть надежным союзником, другом КПК в ее борьбе за власть в Китае. Не существует никаких доказательств того, что с нашей стороны что бы то ни было навязывалось КПК за все время ее существования и ее взаимоотношений с КПСС и СССР. Национальные интересы стран совпадали, и они оказывали друг другу содействие и помощь. Главным в отношениях между ними была искренняя дружба, во всяком случае со стороны людей нашей страны. И союзнические отношения тогда, когда существовала угроза существованию обеих наций.

Далее в фильме утверждается, что не все вопросы относительно нашей страны можно было решить в Китае. Поэтому понадобилось сесть за стол переговоров. Причем не в Китае. Мао Цзэдуну пришлось ехать в СССР. В фильме присутствует намек на то, что это был вынужденный шаг, ибо СССР, дескать, требовал от Китая называть его и считать его «старшим братом».

На самом деле сам этот термин, «старший брат — СУЛЯНЬ ЛАО ДА ГЭ», был выдуман Мао Цзэдуном, распространен его пропагандистами с тем, чтобы подспудно возбуждать у людей Китая недовольство тем, что кто-то в мире заставляет их считать себя «младшим братом». Это была игра Мао Цзэдуна на чувстве национального достоинства китайцев. Это была составная часть политики Мао Цзэдуна, направленной на отделение друг от друга наших народов и стран.

В фильме констатируется, что в 1945 году СССР подписал с Китаем неравноправный договор. При этом не говорится о том, что еще до образования КНР, в феврале 1949 года, А. И. Микоян передал Мао Цзэду мнение нашей стороны о том, что договор 1945 года является «не равным». Летом 1949 года наша сторона предложила по приезду Мао Цзэдуна в Москву в качестве главы государства, то есть КНР, разработать и подписать договор, который, по мнению обеих сторон, был бы равноправным.

В фильме также не говорится о том, что наша сторона называла договор 1945 года «не равным» в беседах с Мао Цзэдуном и другими руководителями КПК именно по той причине, что тот договор СССР подписывал с правительством, которое коммунистические партии в нашей стране и в Китае в равной степени считали правительством «классового врага», в борьбе против которого они объединяли усилия.

Попутно можно отметить, что и разгром нами японской Квантунской армии, и пребывание после этого наших войск в Маньчжурии создали возможность для перехода северо-востока Китая под власть КПК, для формирования там той базы, с которой КПК начала внутреннюю войну за власть над Китаем, и для того, чтобы СССР предстал надежным тылом, который снабжал КПК, ее вооруженные силы всем необходимым. Таким образом, договор 1945 года есть основания видеть и как средство содействия с нашей стороны приходу КПК к власти в Китае.

Далее в фильме снова допускается фактическая ошибка. (Такого рода ошибки каждый раз говорят о недружественном отношении авторов фильма к нашему народу и нашей стране.) Говорится о том, что переговоры Мао Цзэдуна в Москве продолжались три месяца. На самом деле его пребывание в Москве продолжалось два месяца. Мао Цзэдун приехал 16 декабря 1949 года и уехал 17 февраля 1950 года. При этом сам Мао Цзэдун не хотел подписывать новый договор. Из-за проволочек с его стороны фактически переговоры делегаций по вопросу о договоре начались только в третьей декаде января. Договор был подписан 14 февраля 1950 года. Иными словами, на достижение договоренности по тексту договора потребовалось около трех недель. Это оказалось возможным по той причине, что наша сторона, предложив проект текста договора, шла на встречу пожеланиям китайской стороны.

В фильме содержание договора характеризуется следующим образом:

Благодаря переговорам на протяжении трех месяцев СССР, за исключением вопроса о независимости Внешней Монголии, согласился с тем, что следует вернуть Китаю то, что взяла в свое время царская Россия и взял СССР в результате Второй мировой войны, нарушая суверенитет Китая.

Итак, в Китае начала XXI века снова утверждается, что вопрос о «независимости Внешней Монголии» так и не был решен в двусторонних отношениях нашей страны и КНР.

Далее пытаются создать впечатление о том, что Мао Цзэдун в ходе переговоров 1949–1950 годов в Москве якобы настаивал и настоял на том, чтобы СССР «вернул Китаю то, что взяла в свое время царская Россия и взял СССР в результате Второй мировой войны, нарушая суверенитет Китая». Все эти утверждения не соответствуют фактам. Наша сторона никогда не настаивала на сохранении Порт-Артура и Дальнего. Вопрос был поставлен нами только так: мы готовы вернуть их в любой момент, пусть сроки назовет китайская сторона; мы остаемся там лишь с тем, чтобы выполнять свои союзнические обязательства перед КНР, и до той поры, пока это считает целесообразным китайская сторона.

Нет оснований соглашаться с постановкой вопроса в фильме таким образом, как будто бы СССР имел дело всегда с одним и единым Китаем, с нацией Китая. Речь шла в разные периоды истории о взаимоотношениях государств своего времени. СССР и Китайской Республики с 1924 по 1949 год. СССР и Китайской Народной Республики с 1949 по 1991 год.

Таким образом, в 1945 году СССР имел дело с правительством Китайской Республики и фактически с партией Гоминьдан Китая. С октября 1949 года СССР имел дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой и фактически с Коммунистической партией Китая.

При этом для коммунистической партии в нашей стране и для Советского государства КПК и КНР были классовым союзником, и наша сторона действовала во взаимоотношениях с Китайской Республикой, отстаивая интересы КПК.

Наконец, авторы фильма переходят к взаимоотношениям КНР и Республики Индии.

Помимо вопросов с СССР, были и вопросы с Индией.

В январе 1950 года Военный совет ЦК КПК и военный совет КПК в Тибете предложили местным властям Тибета провести в Пекине переговоры о мирном освобождении Тибета.

В июле 1950 года делегация местного правительства Тибета прибыла в Индию.

И в это время началась война на Корейском полуострове.

В августе 1950 года новый посол Индии в КНР заявил, что упомянутые переговоры должны проводиться в Индии.

Позиция правительства Китая была совершенно ясной: Тибет — территория Китая, и Тибет не может вне территории Китая выступать в качестве государства. Его представители могут вести переговоры, только прибыв в Пекин. Было предложено до 20 сентября прибыть в Пекин. Одновременно было объявлено, что НОАК начинает продвижение в Тибет.

Авторы фильма не преминули лишний раз напомнить зрителям о том, что главными вопросами внешней политики в момент создания Китайской Народной Республики для нее были проблемы во взаимоотношениях с СССР и с Индией. Приходилось одновременно действовать «на двух направлениях».

Перед КНР встала задача установления своей власти в Тибете. Выполнение этой задачи было возложено на органы руководства вооруженными силами. Операция именовалась «мирным освобождением Тибета». Под термином «освобождение» разумелось, во-первых, «национальное освобождение», то есть «освобождение нации Китая», включая жителей Тибета, от всякой зависимости от любых иностранцев, согласие жителей Тибета стать гражданами КНР, неотъемлемой частью нации Китая, ее единой для всей этой нации истории и культуры; во-вторых, «социальное освобождение» от гнета и эксплуатации классовых врагов внутри Тибета.

Применить все это к Тибету было делом непростым. Там издавна существовала духовная власть. Были монастыри, было

духовенство, были ламы, были духовные руководители: Да-лай-лама и Панчен-лама. Существовало крепостничество. Была привычка вести свой образ жизни, иметь свой образ мышления, особенно свою религию. Язык у тибетцев свой. Это не язык ханьцев, то есть китайцев. У Тибета тесные связи с Индией. Их связывает, помимо прочего, религия. Фактически власть правительства Китайской Республики на Тибет не распространялась.

Ситуация осложнилась с началом летом 1950 года войны на Корейском полуострове.

Индия предложила вести переговоры между делегациями центральных властей КНР и местных тибетских властей в Индии.

Китайская сторона, исходя из своего твердого намерения установить власть над Тибетом как составной частью КНР, в сентябре 1950 года сделала два решительных шага: предложила делегации Тибета прибыть в Пекин и начала продвижение НОАК в Тибет.

Таким образом, освобождение Тибета началось не путем мирных переговоров, а путем применения вооруженных сил КНР. Это вызывалось позицией местных властей Тибета, которые тогда стремились в максимально возможной степени сохранить свою самостоятельность и чувствовали за собой поддержку правительства Индии.

Следующая часть фильма называется:

«Тибет».

В третьей декаде октября 1950 года, то есть через месяц после истечения срока прибытия делегации местных властей Тибета в Пекин, война на Корейском полуострове становилась все более ожесточенной. Армия США перешла за 38-ю параллель и приблизилась к пограничной реке Китая Ялуцзян.

В вопросе о войне на Корейском полуострове Индия проявляла колебания между КНР и США. Она отправила медицинский отряд в составе войск ООН в Корею. В то же время не согласилась с резолюцией ООН, объявлявшей КНР агрессором.

Однако в вопросе о Тибете правительство Индии вело себя не столь дружелюбно.

Оно попыталось воспользоваться тем, что Китай был вовлечен в войну в Корее.

Правительство Индии за каких-то 10 дней направило целых 3 ноты правительству КНР. В этих документах говорилось, что вхождение Китая в Тибет может сделать международную обстановку напряженной; что автономия Тибета — это факт; Индия призвала Китай мирно решать вопрос о Тибете.

Индия напоминала, что в соответствии с соглашениями она обладает правом держать свои вооруженные силы в Тибете. Индия призвала Китай остановить продвижение китайских войск в Тибет. В противном случае правительство Индии не будет побуждать делегацию правительства Тибета отправиться в Пекин.

Поскольку этот раздел фильма называется «Тибет», постольку, собственно говоря, тем самым косвенно признается, что вопрос о Тибете существует. Причем существует и сам по себе, и во взаимоотношениях между центральными властями КНР и местными властями в Тибете, и во взаимоотношениях между Китаем и Индией. Другое дело — позиция КНР относительно решения вопроса о Тибете.

Здесь ситуация представляется очень сложной.

С одной стороны, Тибет и тибетцы обладают и своей историей, и своей культурой.

С другой стороны, у Тибета исторически сложились отношения и с Китаем, и с Индией. Тибет являлся частью китайского государства, то есть в данное время КНР.

Индия также имела давние отношения с Тибетом. Она даже имела право держать свои вооруженные силы в Тибете. Она поддерживала автономию Тибета в составе Китая. Она претендовала на роль своего рода посредника или даже участника переговоров между центральными властями Китая и местными властями в Тибете.

Все это в позиции Индии было совершенно неприемлемо, с точки зрения КНР.

В пояснительном тексте к фильму упоминается и о позиции Индии во время войны на Корейском полуострове в 1950 году. Индия, с одной стороны, направила свой медицинский отряд в Корею в составе войск ООН. С другой стороны,

она не поддержала резолюцию ООН, в которой Китай называли агрессором.

Это говорило о желании Индии искать взаимопонимание с Китаем. В Китае отметили это желание Индии. Однако твердо настаивали на своем: Тибет — неотъемлемая часть территории Китая; переговоры о мирном освобождении возможны только между центральными властями КНР и местными властями в Тибете; Индия не имеет к этому никакого отношения. Во всяком случае, и переговоры на территории Индии, и ее участие в решении этих вопросов китайской стороной исключаются.

Такова была расстановка сил, и таковы были позиции сторон.

К этому можно добавить то, что Индия и Китай являются соседними странами. Тибет, являясь частью Китая, прилегает к территории Индии. Индия считала, что она должна была принимать во внимание настроения и желания тибетцев, особенно принимать во внимание позицию главы духовной власти в Тибете Далай-ламы.

Это кадры из фильма, который Индия в то время снимала в Тибете. (Избиение людей индийскими полицейскими. Люди в колодах.)

В 1950 году, если не говорить о Тайване, в Китае не был освобожден только Тибет.

Тибет был отсталым. Там существовало крепостничество. Были рабы.

Освобождение народа Китая не могло не включать в себя освобождение народа в Тибете. Освободить Тибет было сложнее, чем другие районы страны. К тому же Китай был вовлечен в Корейскую войну. НОАК воевала в Корее под именем Армии добровольцев народа Китая. Там они вели войну против войск ООН. Это были войска 16 государств во главе с США. На мировой арене Китай был тогда изолирован.

Решение вопроса о Тибете подается в фильме как завершение процесса освобождения континентальной части Китая. Причем акцент делается на существовании в Тибете крепостничества. С точки зрения классовой борьбы, что соответствовало теории, которой руководствовалась КПК, такая постановка вопроса может представляться единственно правильной. Думается, однако, что приходилось принимать во внимание

реалии: сложившийся уклад жизни в Тибете, который не так просто было изменить. Даже просто примениться к нему, не говоря уже о вторжении в него, было сложно.

Здесь же вводится мысль о том, что в момент освобождения Тибета Китай был изолирован на мировой арене. Такая постановка вопроса обращает на себя внимание прежде всего потому, что на самом деле Китай был «изолирован» вместе с СССР и другими государствами, входившими тогда в «большую социалистическую семью», или в «лагерь социализма». Если применять термин «изоляция», то, очевидно, можно говорить об «изоляции» одного от другого двух «лагерей» на мировой арене, то есть того, что тогда именовалось «лагерями социализма и капитализма».

То, что современные китайские пропагандисты говорят об изоляции только Китая, причем с самого начала существования КНР, свидетельствует об их желании внушать людям в Китае и людям в США, в других государствах Запада, что Китай при Мао Цзэду не входил, если говорить по сути дела, в ту «семью», или в тот «лагерь», куда входил СССР.

В такой обстановке МИД КНР ответил на ноты Индии:

Тибет — неотъемлемая часть территории Китая. Вопрос о Тибете — внутренний вопрос Китая. Защита суверенитета и мирное освобождение Тибета — это неизменный политический курс Китая; причем вне зависимости от прибытия делегации местных властей Тибета в Пекин. Никакое государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела Китая.

Индия считала, что Тибет — это независимое государство. А приход Китая в Тибет — это агрессия против Тибета.

Позиции сторон четко обозначились. КНР не допускала никакого иностранного вмешательства в вопрос о Тибете, который рассматривался в Пекине как исключительно внутреннее дело КНР.

Индия стремилась побудить КНР признать ту или иную степень автономии или даже независимости Тибета. Позиции КНР и Республики Индии по вопросу о Тибете были тогда несовместимы.

При этом Пекин демонстрировал твердое намерение военной силой утвердить свою власть в Тибете и над Тибетом.

Четырнадцатому Далай-ламе тогда было 17 лет. Его пригласили в Индию.

В октябре 1950 года НОАК в сражении открыла путь в Тибет. Китайские добровольцы в Корее прогнали США за 38-ю параллель в ходе Корейской войны. США впервые в истории были вынуждены вступить в переговоры о перемирии.

В этой ситуации правительство Индии хранило молчание в вопросе о Тибете.

Индия в этой ситуации продолжала показывать Далай-ламе, а через него тибетскому духовенству и в какой-то степени всем тибетцам, что она хотела бы при любом повороте событий иметь особые отношения с тибетцами, принимая их в Индии.

В то же время авторы фильма делают упор на том, что Мао Цзэдун действовал одновременно на двух направлениях.

Во-первых, он пустил в ход армию, которая повела сражения и, победив в них оказывавших сопротивление тибетцев, открыла путь в Тибет. Это свидетельствовало о решительном намерении Мао Цзэдуна взять Тибет под действенный контроль центральных властей КНР.

Во-вторых, авторы фильма подчеркивают, что свою роль в развитии этой ситуации сыграли, с их точки зрения, войска Мао Цзэдуна в Корее, которые, как считают в КНР, впервые в истории нанесли военное поражение армии США. Здесь говорится о том, что США «впервые в истории были вынуждены вступить в переговоры о перемирии».

Обо всем об этом в фильме говорится для того, чтобы внушать мысль о том, что сразу же после своего создания КНР вступила в войну с США и доказала американцам, что армию Мао Цзэдуна победить невозможно, что единственный путь к поддержанию отношений с КНР — это переговоры.

И в данном случае в фильме ничего не говорится о том, что во время войны на Корейском полуострове Мао Цзэдун пользовался незаменимой поддержкой со стороны Сталина, получал вооружение и все необходимое для ведения боевых действий в Корее, не говоря уже о том, что наши летчики закрыли для американской авиации небо как над северной частью Корейского полуострова, так и над северо-востоком Китая.

Итак, в ситуации, когда стало ясно, что войска, отправленные Мао Цзэдуном в Тибет, способны установить там свой контроль, а другие войска Мао Цзэдуна способны заставить США не вмешиваться в «дела» Мао Цзэдуна, в данном случае внутри Китая, Индия была вынуждена «хранить молчание» по вопросу о Тибете.

Авторы фильма, таким образом, подчеркивают, что КНР фактически сразу же после своего создания сумела заставить Индию замолчать, когда речь шла о решении Мао Цзэдуном вопроса о Тибете.

В марте 1951 года местное правительство Тибета направило своих представителей в Пекин для переговоров с центральным правительством КНР о мирном освобождении Тибета. Через два месяца было подписано соглашение.

К декабрю 1951 года НОАК была уже повсюду в Тибете. Таким образом, была успешно выполнена задача — освобождение всей территории Китая.

КНР была создана 1 октября 1949 года. Тибет, как неотъемлемая часть КНР, фактически стал ее частью к концу 1951 года.

Таким образом, из этого следует, что, придя к власти, Мао Цзэдун поставил перед собой две первоочередные задачи в области внешней политики, связанные с делами внутри КНР.

Это были вопросы во взаимоотношениях с нашей страной и с Индией.

И от СССР, и от Индии надо было добиться удовлетворения требований Мао Цзэдуна, и Мао Цзэдун этого добился — вот в чем состоит мысль авторов фильма.

Мы и Индия оказываемся при этом в роли тех, кто был «что-то должен» Китаю и кого приходилось заставлять «возвращать долги».

При этом авторы фильма напрочь забывают о том, какую роль сыграли наш народ и наша страна в приходе КПК и Мао Цзэдуна к власти в Китае, и в строительстве вооруженных сил КНР, и в восстановлении экономики, создании основы китайской промышленности в первое десятилетие существования КНР.

Авторы фильма стремятся убеждать своих зрителей в том, что для Мао Цзэдуна обеспечение суверенитета Китая над всей его территорией было главной задачей даже в условиях разру-

хи после практически почти 20 лет войны (1931–1945 гг. с японцами; 1946–1949 гг. внутри Китая против Чан Кайши).

И эти задачи, с точки зрения авторов фильма, были решены Мао Цзэдуном. Одна на полях сражений за столом переговоров в Москве, другая на полях сражений на Корейском полуострове и в Тибете. Иными словами, военные действия — это неотъемлемая часть внешней политики Мао Цзэдуна. К войнам надо привыкать — вот что фактически внушают своей аудитории авторы фильма.

Следующая часть фильма называется:

«Линия Макмагона».

Здесь авторы фильма обращаются к истории формирования линии прохождения границы между Китаем и Индией.

Этот рассказ ведется на фоне обращения к событиям мировой истории и в особенности к событиям во взаимоотношения КНР и Республики Индии.

В 1953 году в Корейской войне прекратили огонь. Президент США Эйзенхауэр начал осуществлять политику глобального сдерживания. В Европе государства Запада создали НАТО, чтобы помешать блоку СССР и восточноевропейских государств распространяться на Западную Европу. В Азии Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины создали дугу обороны в Тихом океане для сдерживания Китая.

Итак, развитие взаимоотношений КНР и Республики Индии начиная с 1953 года проходило, с точки зрения авторов фильма, в условиях, когда благодаря доказательству невозможности победить Новый Китай в войне, продемонстрированной в Корее, США пришлось перейти к политике сдерживания Китая.

Из этого зрители фильма, очевидно, должны делать вывод о том, что и Индии тут пришлось в большей степени считаться с КНР.

При этом авторы фильма и здесь продолжают внушать своим зрителям, что СССР и государства Восточной Европы — это одно, а Китай — это другое. Линия на разделение нашей страны и Китая здесь продолжается.

Хотя на самом деле в те годы наши два государства не только были связаны Договором о дружбе, союзе и взаимной

помощи, но и тем, что мы помогали созданию современной регулярной армии в КНР, не говоря уже о нашей помощи в области экономики.

Авторы фильма продолжают пропагандировать известный тезис, состоящий в том, что у Запада, прежде всего у США и их союзников, были два отдельных «фронта», или две «дуги сдерживания». Им нужно было «сдерживать» на западе СССР, а на востоке Китай. Здесь главное, как уже отмечалось, в том, чтобы продолжать внушать идею об отдельности наших двух стран и народов, об отдельности их государств. Именно это современная пропаганда КНР — КПК пытается внушать США и другим государствам.

Индия оставалась государством, которое не входило в блоки. И это государство было очень важно для Китая. В январе 1954 года глава делегации Китая на Женевской конференции Чжоу Эньлай сказал: при обсуждении настоятельно требующих решения вопросов, перед которыми стоит Азия, важно проявление своих желаний самими народами Азии. При этом он в особенности упомянул Индию. Индия — столь важное государство Азии — не участвует в этой конференции, что вызывает крайнее сожаление. В другом своем выступлении Чжоу Эньлай говорил, что капиталистические государства делятся на три категории: первая — это фракция воюющих во главе с США; вторая — это фракция стремящихся сохранить статус-кво во главе с Англией и Францией; наконец, третья — это фракция выступающих за мир и нейтралитет во главе с Индией.

Премьер-министр Индии Неру только прореагировал на высказывания Чжоу Эньлая. Неру дал указание своему личному представителю на Женевской конференции Менону, тому самому, который в дальнейшем, через несколько лет, во время войны Китая и Индии был министром обороны Индии, попросить Чжоу Эньлая не беспокоиться.

После того как КНР установила свой контроль над Тибетом, добилась частично своих целей, а также в условиях, когда Индия, очевидно, стала исходить из того, что дела внутри Тибета — это дела внутри Китая и Мао Цзэдун не допустит вмешательства в эти дела из-за границы, наступил период, когда оба государства — КНР и Республика Индия — предпринимали

попытки нормального развития отношений между собой. Думается, что здесь уместно упомянуть о том, что Дж. Неру в 1954 году побывал в Пекине на праздновании 5-й годовщины со дня образования КНР. В фильме об этом не говорится.

Зато здесь авторы фильма начинают прославлять Чжоу Эньлая как руководителя дипломатии КНР в то время.

На самом деле Чжоу Эньлай всегда был исполнителем воли и планов Мао Цзэдуна. Своего рода «китайским Вышинским», только применительно к внешней политике. Если Вышинский, выполняя волю Сталина, «боролся» против «врагов внутренних», то Чжоу Эньлай в те годы, выполняя волю Мао Цзэдуна, имел дело с «внешними силами».

При этом формы и методы этой борьбы могут многое сказать о том, что такое дипломатия времен правления Мао Цзэдуна.

В данном случае с самого начала авторы фильма, и это может нравиться зрителям в КНР, пытаются создавать впечатление, что КНР, выступая в качестве полноправного участника некоторых важных международных форумов, как бы «сверху» «проявляла заботу» об Индии, заявляя, что и Индия должна была бы принимать участие в этих мероприятиях.

Далее в фильме сказано, что Чжоу Эньлай, очевидно выполняя указание Мао Цзэдуна, делил капиталистический мир на три части и отводил при этом Индии роль капиталистического государства, выступающего за мир и нейтралитет. Здесь возникает мысль о двойственном характере Индии. С одной стороны, она — классовый противник начавшей строить социализм КНР. С другой стороны, она — субъект мировой политики, выступающий за мир и нейтралитет, и это создает условия для нахождения с ней общего подхода к ряду вопросов мировой политики.

Весьма показательной в этой связи предстает позиция премьер-министра Индии Дж. Неру, который через своего личного представителя просил Чжоу Эньлая «не беспокоиться».

Люди Китая и люди Индии прекрасно понимают то, что говорит партнер. Индия не желала, чтобы кто бы то ни было как бы «сверху», «покровительственно» указывал Индии ее место, ее предназначение. А также «милостиво соглашался» с тем, что и Индия должна приглашаться на те или иные международные форумы. Индия никогда никого, в том числе Чжоу

Эньлая, не просила выступать от ее имени или за нее. Дж. Неру имел в виду то, что Индия сама способна о себе позаботиться и никого не будет просить выступать в роли ее «благодетеля». В какой-то степени это было проявление Индией своего характера как совершенно независимого и самостоятельного, равноправного во всем с другими странами, в том числе с КНР, государства.

Одним словом, Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая попытался встать в позу «покровителя и благодетеля» по отношению к Индии, но, естественно, натолкнулся на проявление Индией своего национального достоинства.

После Женевской конференции 26 июня 1954 года Чжоу Эньлай прибыл в Нью-Дели. Год спустя, то есть в 1955 году, 18 апреля 1955 года, в Индонезии состоялась конференция 29 азиатских и африканских государств. Это была знаменитая конференция в Бандунге. Хотя некоторые азиатские и африканские государства были против участия Китая в этой конференции, Неру выступал за участие Китая. Это был наилучший в истории период отношений Китая и Индии.

Собственно говоря, это был как бы «ответный ход» Индии, но при таких обстоятельствах, когда КНР была заинтересована в участии в этой конференции.

Действительно, этот исторический момент был наилучшим во взаимоотношениях КНР и Республики Индии. Казалось, что их отношения будут успешно развиваться. Думается, что это было бы благоприятно для всего мира, особенно в связи с тем, что речь шла о двух государствах с самым многочисленным в мире населением.

В последующие годы Китай уделял большое внимание сотрудничеству с Индией. Китай проводил политику мира. Он накапливал силы в целях создания прочного тыла. Создавал мирный единый фронт. Избегал инициативных действий, ведущих к войне.

Это положение вынуждает давать ему две различные трактовки.

В одном случае может складываться впечатление, что речь идет только о сотрудничестве КНР и Индии на мировой

арене. О том, что Мао Цзэдун при этом как бы стремился к тому, чтобы и КНР, и Индия «накапливали силы в целях создания мирного единого фронта». Можно предполагать, что здесь имелась в виду мирная политика Индии, о которой упоминалось ранее, и мирная политика Китая, которые как бы совместно укрепляли общий «фронт сил мира» на мировой арене.

В другом случае прием дипломатии времен правления Мао Цзэдуна состоял в том, чтобы сначала ввести характеристику действий КНР, которая внушала бы наблюдателям только самое благоприятное впечатление относительно позиции КНР.

Весь вопрос был в том, что конкретно скрывалось за такого рода широковещательными заявлениями.

За рассуждениями о политике мира у Мао Цзэдуна обычно скрывалось желание ставить соперника перед выбором: либо война, либо мир, но при условии принятия требований Мао Цзэдуна.

В данном конкретном случае авторы фильма прямо говорят о том, что Индии предлагалось подходить к вопросам взаимоотношений с КНР, особенно к вопросу о границе, понимая, что китайская сторона предлагает пока мир, но при этом «накапливает силы» «в целях создания прочного тыла». Следовательно, Мао Цзэдун видел границу с Индией как «фронт», который должен был быть подкреплён «прочным тылом» внутри Китая.

При этом звучали заявления, что китайская сторона будет «избегать инициативных действий», ведущих к войне. Иными словами, Индию ставили перед упомянутым выбором: либо война, либо мир, но на условиях, выдвигаемых китайской стороной.

Что же это были за условия?

В фильме об этом говорится следующее:

В вопросе о Тибете Китай стремился сохранять в отношениях с Индией статус-кво.

Чжоу Энлай говорил Неру: «Граница между Китаем и Индией частично не определена; до того, как она будет определена, мы бы хотели сохранять статус-кво».

Статус-кво, о котором говорил Чжоу Энлай, по сути дела, был навязан Индией Китаю.

Здесь вводится термин «статус-кво». Из опыта обсуждения пограничных вопросов с КНР представителями нашей стороны следует, что китайская сторона, применяя термин «статус-кво», имела в виду «статус-кво границы», что означало, что границы, признанной китайской стороной, еще нет, поэтому до ее определения в результате переговоров предлагается сохранять «статус-кво границы».

В истории взаимоотношений нашей страны и КНР в ответ на такую позицию китайской стороны с нашей стороны предлагалось соблюдать «статус-кво на границе», то есть исходить из того, что граница существует, на существующей границе предлагалось сохранять существующее положение, не создавая конфликтов. Китайская сторона не соглашалась с этим.

Думается, что нельзя исключать того, что примерно то же самое относилось к состоянию пограничного вопроса во взаимоотношениях КНР и Индии в рассматриваемый период.

Не случайно в фильме говорится о том, что статус-кво, о котором говорил Чжоу Эньлай, по сути дела, был навязан Индией Китаю.

Таким образом, оказывалось, что в вопросе о границе между Китаем и Индией стороны последовательно проходили несколько этапов.

Сначала войск Мао Цзэдуна не было на упомянутой границе. Речь шла об установлении власти Мао Цзэдуна над Тибетом. Это было сделано с помощью применения вооруженной силы. Попытки Индии перевести вопрос в русло переговоров успеха не имели.

Затем, когда территория Тибета была поставлена под контроль армии Мао Цзэдуна, китайская сторона поставила перед Индией вопрос таким образом, что границы, признанной китайской стороной, не существует. Есть линия границы, навязанная Китаю. Линия, с которой Китай не согласен.

Индии было предложено в условиях «статус-кво границы» вести переговоры о согласовании сторонами линии границы при том понимании, что КНР пока не предпринимает инициативных действий, ведущих к войне за решение вопроса на условиях Китая.

Иными словами, Мао Цзэдун ставил Индию перед выбором: или мир, но при условии принятия требований Китая относительно линии прохождения границы, либо война за то,

чтобы военной силой навязать Индии ту линию границы, которую Мао Цзэдун считал нужной для себя.

Протяженность границы между Китаем и Индией составляет более двух тысяч километров. Она подразделяется на три участка: восточный, центральный и западный. Между странами никогда не существовало договоренности о границе.

То, что ситуация была именно такова, подтверждается выдвинутым в фильме положением о том, что между Китаем и Индией «никогда не существовало договоренности о границе». Следовательно, Мао Цзэдун, выйдя на границы континентального Китая в Тибете, соприкоснувшись с Индией, поставил перед этой страной вопрос о том, что границы между Китаем и Индией еще нет, о границе предлагается договариваться с самого начала. При этом пока в условиях мира, но с предупреждением, что КНР будет «накапливать силы». Иными словами, Мао Цзэдун, начиная отношения Нового Китая с независимой Индией, предлагал переговоры о границе в условиях угрозы применения силы.

В фильме ситуация конкретизируется следующим образом:

Спустя менее года после образования КНР вспыхнула Корейская война.

Граница с Индией — это безлюдные места.

Индия стала независимой всего за полгода до создания КНР.

Индия продвинула границу с Китаем с равнины в Тибетское нагорье. Так Индия создала ту линию границы, с которой была согласна только сама Индия. При этом она захватила 120 тысяч квадратных километров территории Китая.

Индия навязывала Китаю границу, которую установила в одностороннем порядке. Китай со всей решительностью выступал против этого.

Авторы фильма настойчиво внедряют в умы своих зрителей в КНР мысль о том, что Индия в 1949–1950 годах попыталась было по-своему установить границу.

С одной стороны, в связи с этим может приходить в голову мысль о том, что это всего лишь борьба за «справедливое и рациональное» решение вопроса о границе между Китаем и Индией.

Но, с другой стороны, и сам термин «война Китая против Индии», или даже «война Китая с Индией», а также и направленность трактовки взаимоотношений между Китаем и Индией в истории таковы, что закрадывается мысль о том, что это может быть частью стратегии руководителей КПК — КНР относительно «юго-западного и южного стратегических пространств Китая».

Здесь нельзя исключать желания все-таки побудить Индию так или иначе не просто «понять» Китай, не только согласиться на предлагаемые им условия определения линии прохождения границы, но в конечном счете заставить Индию не только «не мешать» Китаю, не возражать против его глобальных и региональных действий, но и, «помалкивая», фактически «слушаться» Китая как «ЛАОДА — самого старшего» в их двусторонних взаимоотношениях.

Авторы фильма ставят рядом участие КНР в войне на Корейском полуострове и стремление Индии по-своему установить границу в безлюдных местах в Тибете.

Тут прослеживается желание авторов фильма для своих зрителей связывать воедино действия США и Индии, продолжая мысль о несамостоятельности Индии (и во времена колониального владычества Великобритании, и в первые годы существования независимой Индии применительно к ее отношениям с США), а также для США и той же Индии вводить идею о том, что для Китая желательно, чтобы США и Индия действовали порознь, во всяком случае там, где речь идет об интересах Китая.

Авторы фильма прямо упрекают Индию в том, что она передвинула границу с Китаем с равнины в Тибетское нагорье. Следовательно, зрителям в КНР предлагается видеть Индию как агрессора и захватчика китайских земель. Это — упрек не на короткий период времени, а на столетия, во всяком случае до того времени, как «вопрос о границе» будет решен удовлетворительно с точки зрения КНР.

Далее они упрекают Индию в том, что она создала ту линию границы, с которой была согласна она сама. Читай: и с которой не был согласен Китай. Вот четкое утверждение о том, что линии границы между Китаем и Индией не было, поэтому китайская сторона и выдвигала вопрос о статус-кво границы.

Авторы фильма утверждают, что Индия захватила 120 тысяч квадратных километров территории Китая. Вот и предъявлен счет по реестру захваченных Индией у Китая земель.

Далее следует решительное заявление:

Индия навязывала Китаю границу, которую установила в одностороннем порядке. Китай со всей решительностью выступал против этого.

Так в начале XXI века в КНР для широких масс населения трактуется главный вопрос во взаимоотношениях Китая и Индии. Так вводится в умы китайцев мысль о том, что Индия — исторический территориальный должник и захватчик китайских земель.

Мы в данном случае констатируем позицию китайской стороны, обращая внимание на серьезность постановки ею этого вопроса.

Когда в 1950 году Чжоу Эньлай второй раз посетил Нью-Дели, он предложил Неру вести переговоры о границе. Но это предложение было решительно отвергнуто. Как ни пытался Китай по дипломатическим каналам убеждать Индию вести переговоры о границе, переговоры не начинались.

Китайская сторона предложила Индии вести переговоры о границе. Индийская сторона отвергла это предложение.

Это означало, что Индия исходила из того, что граница между сторонами существует; что речь может идти только о согласовании пограничных вопросов, то есть вопросов, возникающих на существующей границе; иными словами, речь может идти о пограничных переговорах, но не о переговорах о границе.

Мао Цзэдун и в отношениях с Индией, и в отношениях с нашей страной навязывал мысль о том, что границ между КНР и Индией, между КНР и СССР нет. Это, в частности, означало, что Мао Цзэдун навязывал «открытую границу», навязывал и обосновывал возможность вести войны за обладание той территорией, на которую он претендовал, и за установление границы там, где это представлялось ему «справедливым и рациональным», соответствующим имевшемуся в его представлении реестру земель, которые та или иная страна «захватила» в истории у Китая. Вот в чем были противоречия, в частности, между КНР и Республикой Индией.

Такая постановка вопроса также была направлена Мао Цзэдуном на то, чтобы внушать населению Китая, что Индия — не тот сосед, который согласен с Китаем, то есть с ним, Мао Цзэдуном, что Индия не желает идти навстречу «справедливым» требованиям КНР, которая стремится избавиться от «позора», который Китаю пришлось переживать ранее.

Так формировалось представление о «виноватых» перед Китаем, об «исторических должниках» Китая, о тех, в борьбе против которых не только допустимы, но и необходимы любые действия, в том числе вооруженного характера (надо только «накопить силы»).

Одним словом, политика Мао Цзэдуна не была политикой мира, а была политикой, неотъемлемой частью которой было применение вооруженных сил во взаимоотношениях со всеми теми, с кем Мао Цзэдун считал нужным делать это, в том числе с самой крупной из тогдашних социалистических стран — нашей страной и самой крупной из развивающихся и независимых стран — Индией.

Это, кстати сказать, не была борьба Мао Цзэдуна против мирового «империализма». В определенном смысле прав был А. Н. Косыгин, прямо сказавший Мао Цзэдуну в 1965 году, что его борьбы против империализма «не видно». И Мао Цзэдун тогда, будучи обвинен в этом перед всеми членами руководства КПК, не сумел оправдаться.

Одним словом, у Китая была своя позиция, у Индии была своя позиция. Договориться в 1950-х гг. о начале переговоров для решения упомянутых вопросов они не могли. Думается, что здесь большую роль играли не только позиции руководителей этих государств, но и настроения обеих наций, примерно в одно и то же время создавших эти свои государства: КНР и Республику Индию. Национальная гордость, национальное самосознание, национальное достоинство требовали особенно осторожных подходов, времени и созревания новых взглядов на такого рода крупные вопросы. Повторим, что речь шла о взаимоотношениях двух самых многонаселенных стран во всем мире.

И только тогда, когда возникли события, которые не имели отношения к границе, правительство Индии не могло не обратить внимания на реальное положение с границей.

Речь идет о вооруженном мятеже, который начался в китайском Тибете. 10 марта 1959 года прежние местные власти в Тибете подняли вооруженный мятеж, который они готовили уже несколько лет.

20 марта 1959 года НОАК начала подавлять мятеж. Далай-лама бежал и прибыл в Индию в апреле 1959 года. Там он выступал с антикитайскими клеветническими заявлениями. Правительство Индии приняло и встретило Далай-ламу, оказав ему почести главы государства. В Индии призывали к независимости Тибета.

Одновременно начались события на границе.

Прибыв в Индию, Далай-лама выступил с нападками на Китай. Он говорил, что Индии принадлежит та территория, на которую он ступил, когда бежал из Тибета и перешел границу. А этот населенный пункт находился в 62 километрах в глубину на территории Китая. Это был опорный пункт, занятый правительством Индии. Индийское правительство стремилось навязать Китаю свою линию границы.

Итак, в начале 1950-х гг. войска Мао Цзэдуна установили контроль над Тибетом. В конце 1950-х гг., в 1959 году, войска Мао Цзэдуна подавили протестное выступление тибетцев. Контроль над Тибетом был сохранен.

Однако духовный глава Тибета Далай-лама ушел в Индию. Индия приняла его с самыми большими почестями.

Далай-лама осудил власти КНР за подавление выступления тибетцев и косвенно признал ту линию границы между Китаем и Индией, которую установили индийцы.

Сложилась ситуация, которая существует до настоящего времени. Тибет продолжает оставаться частью территории КНР. Часть тибетцев, в том числе и Далай-лама, живут в Индии. КНР и Индия так и не договорились о линии прохождения границы между ними.

Рассказав об этом, авторы фильма переходят непосредственно к истории формирования границы в этом районе.

Теперь давайте посмотрим на то, что именовалось «линией Макмагона». В феврале — марте 1914 года Великобритания и Тибет тайно обменялись письмами, определив линию прохождения границы. Главой английской делегации был Макмагон. (На карте показана линия на восточном участке границы:

от стыка границ Китая, Индии и Бутана до стыка границ Китая, Индии и Бирмы.)

Для Великобритании тогда было ясно, что Тибет был тогда территорией, подвластной Китаю. Тибет не имел права в одностороннем порядке определять границу. Поэтому линия границы хотя и была проведена на карте, но это ничего не значило. Эта линия никогда открыто не объявлялась официальной. Только в 1952 году правительство Индии обратилось к ней как к линии границы на севере Индии.

Если говорить об исторически завязавшемся узле пограничных проблем в этом районе, то здесь несколько действующих лиц.

Тибет и тибетцы во главе со своим духовным руководителем Далай-ламой.

Китай, представленный начиная с 1644 года Цинской династией, затем с 1912 года властями Китайской Республики, а с 1949 года — Китайской Народной Республики.

Индия, до начала 1950-х гг. являвшаяся колонией Великобритании, а затем ставшая независимой Республикой Индией.

Великобритания, фактически до конца 1940-х гг. державшая в своих руках власть над Индией.

С XVIII века Цинская империя считала Тибет включенным в ее состав. При этом признавала существование властей в Тибете.

Такое же положение, с точки зрения китайской стороны, сохранялось и с момента образования Китайской Республики.

Поэтому власти КНР не признавали соглашения о границе между Великобританией и Тибетом, датированного 1914 годом.

В начале 1950-х гг., когда появились Китайская Народная Республика и Республика Индия, они начали формировать характер взаимоотношений между двумя нациями на данном этапе развития.

На первый план вышел вопрос о пограничном размежевании.

Позиции сторон были разными.

Республика Индия согласилась с границей, обозначенной в упомянутом документе 1914 года. Тогда руководителем делегации Великобритании был Макмагон. Он и провел линию границы, которая стала носить его имя: «линия Макмагона».

(Здесь можно обратить внимание на формулировку: «Линия границы хотя и была проведена на карте, но это ничего не значило». Это в какой-то степени вызывает воспоминания о сходных обстоятельствах в истории наших отношений с Китаем.)

КНР не соглашалась с «линией Макмагона», ссылаясь на то, что, по ее мнению, власти Тибета не имели права подписывать такого рода документы и что власти Китая никогда не признавали эту линию.

Так возникла ситуация, при которой у КНР и у Республики Индии были разные позиции по вопросу о границе между ними.

Разъясняя свое понимание развития событий и начала вооруженных столкновений в районе границы, авторы фильма утверждают следующее:

Правительства Китая никогда не признавали «линию Макмагона». Колонизаторы навязывали старому правительству Китая такую линию границы между Китаем и Индией. Новый Китай был с этим не согласен.

В 1959 году НОАК установила контроль над пунктом севернее «линии Макмагона».

Индия в некоторых местах даже переходила за «линию Макмагона».

(На кадре индийская застава там, где Индия перешла за «линию Макмагона».)

Вот деревня Маццунь.

25 августа 1959 года индийцы ночью во время патрулирования границы вошли в эту деревню. Там произошло первое вооруженное столкновение с китайскими пограничниками.

Один индеец был убит, один ранен.

На следующий день правительство Индии направило ноту, обвинив Китай в агрессии, то есть предъявило свои территориальные требования.

Правительство Китая в ответ заявило, что пограничные войска Китая проявляли сдержанность и действовали в порядке самообороны и нанесения ответного удара, реагируя на провокации со стороны Индии.

Начиная повествование или изложение своей трактовки того, что происходило в районе границы между Китаем и Индией и как начались столкновения обеих сторон в этом районе, авторы фильма сначала настраивают зрителей фильма на вос-

приятие позиции властей Республики Индии как отражающей не только требования относительно прохождения линии границы, навязывавшиеся нации Китая «старыми колонизаторами», то есть Великобританией, владевшей Индией, но и как предъявляющей нации Китая еще большие территориальные требования уже со своей стороны, то есть со стороны Республики Индии.

Итак, тут имеет место своего рода отождествление Великобритании в ее качестве «старого колонизатора» и Республики Индии в подходе к вопросу о границе с Китаем. Это рассчитано на то, чтобы вызывать подъем национальных чувств в Китае.

При этом оказывается, что Республика Индия считала, что граница должна, по крайней мере, проходить по «линии Макмагона», а то и еще дальше к северу, то есть в глубь территории Тибета. Китайская сторона считала, что граница должна проходить южнее «линии Макмагона». Это представлялось требованием, соответствующим справедливому и законному желанию смыть национальный позор.

Так оказалось, что представления сторон, КНР и Республики Индии, относительно границы между ними в районе Тибета несовместимы.

Обе стороны сразу же придали конфликту характер столкновения между нациями, столкновения национальных суверенитетов, представлений о национальном достоинстве и о национальных чувствах.

При этом стороны не вступали в переговоры. Позиции руководителей наций того времени оказались несовместимы вплоть до нежелания вступать в переговоры.

Вместо этого каждая сторона стремилась установить фактический контроль над землями, которые она считала своими.

Вооруженные столкновения между сторонами начались 25 августа 1959 года. Пограничники обеих сторон, вполне очевидно выполняя приказы своего начальства, попытались установить контроль над одной и той же деревней (по-китайски она называется Мацицунь). В фильме говорится, что при этом один индеец был убит, а другой ранен. Так был сделан первый выстрел, и людей стали убивать и ранить в районе границы.

С этого дня началось вооруженное противостояние на границе между КНР и Республикой Индией.

После первого столкновения позиции сторон были непримиримыми. Каждая сторона пользовалась своим определением характера того, что произошло.

КНР считала, что пограничные войска Китая проявляли сдержанность и действовали в порядке самообороны и нанесения ответного удара, реагируя на провокации со стороны Индии.

Республика Индия обвинила КНР в агрессии. Из этого следовало, что в Индии упомянутую деревню считали находящейся на территории Индии.

Итак, Индия считала, что она обороняется, защищает свою землю, обвиняя КНР в агрессии.

КНР считала, что она обороняется, наносит ответный удар, защищает свою землю, обвиняя Индию в провокациях. При этом КНР еще и угрожающе заявляла и предупреждала, что пограничные войска КНР проявляют сдержанность.

Позиции сторон были несовместимы с самого начала.

Итак, можно еще раз констатировать, что стороны не проявили обоюдного желания вступить в переговоры и не допускать столкновений в районе границы, а попытались, каждая со своей стороны, установить фактический контроль над той линией границы, которая представлялась каждой стороне «справедливой и рациональной».

Здесь важно подчеркнуть, что, по крайней мере, с 1959 года КНР и Индия открыто продемонстрировали всему миру, что они находятся в состоянии вооруженного противостояния в районе границы, считают вопросы территориального размежевания между двумя самыми многонаселенными государствами нерешенными.

Итак, события произошли. Мировое общественное мнение реагировало на них. Они именовались событиями в Ланцзю. В Индии была поднята волна антикитайских выступлений. Нет ничего удивительного в позиции, которую заняли США, Англия.

В фильме констатируется, что события произошли. Это означало, что китайские и индийские пограничники стреляли друг в друга. Первые выстрелы были сделаны. Пролилась кровь, один человек был убит. Это значительно осложнило отношения.

Думается, что руководители КНР и Республики Индии, с ведома которых пограничные войска обеих сторон предпри-

нимали действия с целью установления фактического контроля над деревней, которую каждая сторона считала своей, исходили из того, что вооруженное столкновение неизбежно, неизбежны и пролитие крови и смерть людей. Следствием этого должно было стать ухудшение отношений между двумя нациями. Каждая сторона пошла на это.

Руководители КНР и Индии пошли на вооруженное столкновение, а затем использовали случившееся в пропагандистских целях.

В фильме внимание быстро переключается на реакцию внешнего мира. Это означает, что в КНР пошли на вооруженный конфликт с Индией, имея в виду реакцию, прежде всего, в США. Очевидно, Мао Цзэдун хотел доказать США, что, во-первых, есть такие интересы, за которые он готов проливать кровь людей, и, во-вторых, что Китай не будет примыкать ни к кому в мире, но постепенно придет к установлению двусторонних отношений с США.

Судя по тому, как это подано в фильме, главное для его создателей в данном случае состояло в том, чтобы параллельно говорить об Индии и о нашей стране, то есть использовать ситуацию в отношениях Китая и Индии для того, чтобы углублять враждебное отношение к нашей стране и народу.

Удивительным был голос СССР.

В это время председатель Совета Министров СССР Хрущев находился с визитом в Америке. В Москве было выпущено заявление ТАСС. В нем говорилось, что советское руководство верит, что Китай и Индия не допустят того, чтобы вода лилась на мельницу тех, кто не желает смягчения международной напряженности.

Китай в то время попросил посольство СССР в КНР передать правительству СССР, что заявление ТАСС противоречит стремлению КНР и СССР согласовывать свои действия на мировой арене, раскрывает перед всем миром внутренние разногласия между ними.

После визита в США Хрущев прилетел в Пекин на празднование 10-й годовщины КНР. Когда он заговорил о событиях на границе между Китаем и Индией, у него впервые возникла ссора с руководителем Китая. Эта ссора оставила серьезный след в истории отношений Китая и СССР.

Впоследствии Хрущев в своих воспоминаниях говорил, что обе стороны должны бы сжечь запись этой беседы. Однако эту нерадостную страницу истории замолчать было невозможно.

Итак, позиция нашей стороны заключалась в том, чтобы на первый план ставить интересы сохранения и упрочения мира, во всяком случае между КНР и Республикой Индией.

Наша сторона предлагала сохранять мир, не допускать вооруженных столкновений и пролития крови, убийства людей из-за разногласий между сторонами.

Можно даже утверждать, что с нашей стороны мир представлялся в данном случае важнее всего остального в двусторонних отношениях.

Если существовали вопросы и не находилось путей их решения, нам представлялось, что необходимо сохранять мир, откладывая решение острых вопросов до той поры, пока нации созреют до обоюдоприемлемых решений, но ни в коем случае не воевать.

Позиция нашей стороны, в частности, отражала интересы нашего народа и нашей страны.

Более того, в условиях мира можно было искать взаимопонимания по другим вопросам, где интересы нашей страны, Китая и Индии могли совпадать.

Позиция Мао Цзэдуна была иной. Он, используя настроения руководителей Индии, сознательно пошел на столкновения с Индией в районе границы, а после этого использовал ситуацию для того, чтобы обострить наши отношения, вызвать у населения Китая недоброе отношение к нашей стране, довести до США существование коренных разногласий между Мао Цзэдуном и нашей страной и народом, между двумя нациями — нами и Китаем.

После того как произошли события в Ланцзю, Чжоу Энлай написал длинное письмо Неру.

В письме он ясно сказал, что правительство Индии в свое время потребовало, чтобы правительство Китая официально признало ситуацию, которую Великобритания создала, осуществляя свою агрессивную политику в отношении китайского Тибета, в качестве основы для решения вопроса о границе между Китаем и Индией. Как может Китай согласиться

с тем, чтобы его вынудили нанести ущерб своему суверенитету и торговать своей территорией, согласиться с таким незаконным разграничением. Речь идет о большой территории, которая незаконно отрезается от Китая.

Представляется весьма показательным то, что в фильме сначала излагается позиция Мао Цзэдуна в отношении нашей страны в связи с событиями в районе границы между Китаем и Индией. Значит, это в пропагандистском плане для авторов фильма даже важнее взаимоотношений Китая и Индии, и это при том, что фильм они сами посвящают войне Китая с Индией.

Когда же авторы фильма переходят к изложению позиции КНР во взаимоотношениях с Республикой Индией, то они внушают зрителям фильма в КНР, что позицию властей Республики Индии следует рассматривать как продолжение индийцами политики, которую в отношении Китая проводила Великобритания. Политику Республики Индии авторы фильма характеризуют как агрессивную политику в отношении китайского Тибета, то есть Индию обвиняют в том, что она была агрессором в отношении Китая в районе Тибета.

Агрессию со стороны Индии видят в том, что она хотела ущемить суверенитет КНР, заставить Китай торговать своей территорией, согласиться с незаконным разграничением, имея в виду «линию Макмагона».

При этом подчеркивается, что речь идет о большой территории (напомним, о 120 тысячах квадратных километров), которую Индия, наследуя и продолжая политику Великобритании, хотела бы незаконно отрезать от Китая. По сути дела, поставив вопрос таким образом, Мао Цзэдун стремился создать непреодолимый разрыв между двумя нациями — Китаем и Индией.

Позиции Китая и Индии были в то время несовместимы. Обе стороны занимали такие позиции, которые привели к пролитию крови на границе.

В данном случае речь идет о пропагандистском фильме, сделанном в КНР. Поэтому тут приходится рассматривать взгляды авторов фильма, а они излагают позицию китайской стороны. Если говорить об этой позиции, то после того, как на границе были сделаны первые выстрелы, была пролита кровь, был убит человек, Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая довел до руководителя Индии Дж. Неру, что исходные позиции остаются

несовместимыми. КНР намерена предъявлять свои обвинения и требования. Речь не идет о немедленном прекращении огня и о полном отказе от применения силы на границе, а также о вступлении сторон в переговоры по пограничным вопросам.

После того как возникли события на восточном участке границы в Ланцзю, началось нагнетание напряженности на западном участке границы. Индия и здесь проводила линию границы в глубине территории Китая, далеко от традиционной границы. Речь шла о более чем 30 тысячах квадратных километров территории.

Здесь изложена изначальная позиция Мао Цзэдуна по вопросу об отношениях с Индией после того, как он пришел к власти в континентальном Китае. Мао Цзэдун не поставил на первое место мир во взаимоотношениях двух наций. Напротив, он выдвинул на первый план вопрос о территориальном споре между Китаем и Индией как между двумя нациями.

При этом Мао Цзэдун избрал центральным звеном отделения и разделения, а также противопоставления двух наций — Китая и Индии — вопрос о границе, или территориальный вопрос.

Он понимал, что Индии так же трудно поступиться территорией, которую она считала своей, как и Китаю. Здесь были два пути: либо путь мира, при котором стороны соглашались отложить решение вопроса о границе до той поры, пока обе стороны в результате обмена мнениями без ограничений по времени продвинулись вперед на пути нахождения решения такого рода вопросов, либо путь вооруженного противостояния.

Мао Цзэдун избрал второй путь, благодаря которому он рассчитывал:

во-первых, привлечь на свою сторону тех людей в КНР, которые верили в то, что Мао Цзэдун хочет «смыть национальный позор», в продолжении существования которого оказывалась в данном случае виновата Республика Индия;

во-вторых, отделить и разделить нацию Китая и нацию Индии вопросом о принадлежности ста пятидесяти тысяч квадратных километров земель;

в-третьих, поставить нашу страну в положение якобы недруга Китая, который не желает поддерживать применение Мао Цзэдуном вооруженных сил ради обеспечения возвраще-

ния в состав Китая ста пятидесяти тысяч квадратных километров территории;

в-четвертых, показать США, что Китай не собирается вступать в реальные отношения союза или сотрудничества по глобальным вопросам ни с СССР, ни с Индией, и тем самым исподволь создавать основу для налаживания отношений между КНР и США.

Позиция Мао Цзэдуна состояла в том, что Индия должна вернуть Китаю 120 тысяч квадратных километров на восточном участке границы и 30 тысяч квадратных километров на западном участке границы.

Мао Цзэдун стремился внедрять в сознание жителей Китая мысль о напряженности на восточном и западном участках границы КНР с Республикой Индией.

20 октября 1959 года индийцы вторглись на территорию Китая. Их задержали китайские пограничники. На следующий день индийцы послали туда 70 человек. С китайской стороны было 13 человек. Произошел бой. С китайской стороны были убиты и ранены. С индийской стороны было 9 убитых и 7 взятых в плен.

После этого китайская сторона отпустила индийских солдат и гражданских лиц.

На западном участке границы произошли события такого же плана, как ранее, но в том же 1959 году на восточном участке.

Пограничники обеих сторон, очевидно, получили указания сверху применять оружие и идти на военное столкновение в районе, который каждая сторона считала своим.

Первые выстрелы в этом бою были сделаны 20 октября 1959 года. В результате столкновения и боя были убиты люди и с той, и с другой стороны.

Для поведения китайской стороны был также характерен такой прием, когда после вооруженных столкновений она отпускала захваченных ею в плен индийских солдат и гражданских лиц. Они не были нужны китайской стороне. Собственно, в этом находило проявление то обстоятельство, что в войне между Китаем и Индией не может быть военной победы; при этом оказывались ненужными пленные. Одновременно такой жест китайской стороны, являясь своеобразным проявлением

гуманности по отношению к самим пленным, а также рассчитанный на то, чтобы произвести благоприятное впечатление на жителей Индии, в то же время в каком-то смысле унижал индийцев как «побежденных» и позволял китайской стороне чувствовать себя «победителем».

7 ноября 1959 года Чжоу Эньлай снова направил письмо Неру.

Он предложил, чтобы войска обеих сторон отошли в глубь своей территории от фактически контролируемой линии границы на 20 километров и прекратили патрулирование.

10 ноября 1959 года китайская сторона в одностороннем порядке отвела свои войска на 20 километров от линии границы между Китаем и Индией. В этой 20-километровой полосе погранвойска не действовали. В полосе шириной в 30 километров не осуществлялось патрулирование.

Это говорит о сдержанной и реалистичной позиции правительства Китая.

В этом нашел проявление еще один прием китайской стороны в такого рода войнах. Они оказывались более или менее кратковременными вооруженными столкновениями.

Иными словами, сначала китайская сторона «предупреждала» противную сторону по дипломатическим каналам о возможности применения оружия.

Затем она применяла оружие на землях, которые считала своими.

После этого прекращала применение оружия.

Это, с одной стороны, должно было помогать продолжать оказывать давление на противную сторону, как бы предупреждая ее о том, что китайская сторона еще не накопила достаточно сил и оставляет решение вопроса на будущее.

С другой стороны, это помогало Мао Цзэдуну «воспитывать» население Китая в духе необходимости применения оружия в вопросе о «захваченных» другими китайских территориях.

С помощью такого приема оказывалось возможным не вести настоящей войны до победы, не тратить силы и средства на продолжительные военные действия, в то же время вынуждая противную сторону делать это, то есть тратить силы и средства на подготовку к столкновениям в будущем.

При этом китайская сторона считала, что за ней остается военная инициатива. Все это в совокупности именовалось в КНР «концепцией активной обороны» Мао Цзэдуна.

Составной частью военной тактики и дипломатических действий китайской стороны в такого рода войнах был и прием отвода войск от линии огня.

Вот и в данном случае китайская сторона после боев на протяжении двух дней, захватив и возвратив пленных индийской стороне, по своей инициативе объявила об отводе своих войск от линии огня на 20 километров и о прекращении пограничного патрулирования в полосе вдоль линии прекращения огня шириной в 30 километров.

Китайская сторона предложила индийской стороне сделать то же самое.

В целом это была тактика, рассчитанная на «войну без войны». Угроза применения оружия сохранялась, оружие не применялось, а «подвешивалось» над столом предлагавшихся китайской стороной переговоров о тех землях, которые она считала «захваченными» противной, в данном случае индийской стороной.

Четыре месяца спустя, 19 апреля 1960 года, Чжоу Эньлай с министром иностранных дел Чэнь И и китайской делегацией на трех самолетах прилетели в Нью-Дели.

Во время встречи на высоком уровне делегация Китая заявила: если Индия примет предложенную Китаем линию контроля на западном участке границы, тогда Китай готов принять «линию Макмагона» на восточном участке границы.

Китайская делегация прилетела в Индию из Рангуна (из Бирмы). Дело в том, что к границам Китая и Индии примыкают границы с Непалом и Бирмой. Китай надеялся на этих переговорах по-настоящему разрешить вопрос.

Итак, через десять лет после появления в Азии двух государств с самым многочисленным в мире населением — Китайской Народной Республики и Республики Индии — главным вопросом в их двусторонних отношениях был территориальный вопрос, или вопрос о пограничном размежевании. Это был вопрос, доставшийся в наследство от истории.

Обе нации находились в процессе самоутверждения в качестве независимых субъектов международного права на мировой арене.

Обе руководствовались обостренным до крайней степени чувством своего национального достоинства.

Обе настаивали каждая на своей правоте в вопросе о пограничном размежевании.

При этом позиции сторон относительно линии прохождения границы не совпадали. Речь шла в общей сложности о 150 тысячах квадратных километров.

Обе пустили в ход вооруженные силы, пока пограничные войска, чтобы на практике удерживать упомянутые земли.

Обе вступили в боевые столкновения и на восточном, и на западном участках границы.

В то же время столкновения оказались кратковременными.

Обе стороны по разным причинам, каждая по своим, активно использовали дипломатические методы. В данном случае переговоры, причем на высоком уровне, то есть на уровне глав правительств обоих государств.

Китайская сторона предложила индийской стороне согласиться с линией границы китайской стороны на западном участке границы; в этом случае китайская сторона была согласна принять индийскую линию границы на восточном ее участке.

Индийская сторона не согласилась на это предложение.

Однако правительство Индии отказалось вести переговоры по всем вопросам, касающимся границы. Единственно реалистичный курс Китая оказался ограничен в возможностях. Китай не мог просто признать «линию Макмагона». Китай предложил идти к новому договору через всеобъемлющие переговоры. В новом договоре можно было бы затвердить новое прохождение линии границы. С точки зрения Китая, новый договор должен был явиться результатом согласия между двумя равноправными государствами. Он мог бы означать аннулирование прежних неравноправных договоров.

Чжоу Энлай гарантировал Неру: Китай не будет путем переговоров изменять границу. Однако Индия все равно отвергла предложение вести переговоры.

У Индии была своя позиция. Она изложена индийской стороной.

В данном случае мы рассматриваем трактовку создавшейся ситуации китайской стороной.

Здесь для нас важно отметить, что после боев на границе не индийская делегация направилась на переговоры в Китай, а китайская делегация прилетела в Индию.

При этом в составе делегации были и глава правительства КНР Чжоу Эньлай, и министр иностранных дел КНР Чэнь И. (Кстати, попутно можно упомянуть, что в КНР пишут, что Мао Цзэдун незадолго до этого заменил Чжоу Эньлая на посту министра иностранных дел военным — маршалом КНР Чэнь И, чтобы «усилить» свою дипломатию, придать ей «боевой характер».)

Важно также отметить, что и в отношениях с Индией китайская сторона в это время ввела понятие неравноправных договоров в отношениях Китая и Индии в прошлом. Имелось в виду то, что Индия двести лет была «вассалом» Великобритании. Следовательно, неравноправие со стороны Великобритании оказывалось историческим неравноправием со стороны ее «вассала» Индии.

По сути дела, имелась возможность исходить из того, что обе нации — Китай и Индия — на протяжении длительного времени не имели своих сильных и самостоятельных государств и, появившись в середине XX века в качестве КНР и Республики Индии, могли бы начать строить свои отношения на идее вечного мира как первого и главного условия в их взаимоотношениях, а также полного равноправия этих новых независимых государств. Главы государств могли бы исходить из идеи мира как главной в двусторонних отношениях.

Наконец, важно отметить и то, что китайская сторона во взаимоотношениях с Индией предлагала следующие последовательные этапы развития отношений: всеобъемлющие переговоры, то есть переговоры по всей линии прохождения границы на всех ее участках, затем на основе согласия относительно всей линии прохождения границы заключение договора о границе, результатом чего должна была явиться отмена неравноправных договоров.

Иначе говоря: сначала соглашения о прохождении линии границы, затем всеобъемлющий новый договор о границе, который означал бы аннулирование неравноправных договоров.

Попутно скажем, что именно такой метод полного урегулирования отношений России с Китаем применительно к во-

просу о пограничном размежевании был бы окончательным решением этого вопроса в наших двусторонних отношениях.

Здесь также сказано, что Чжоу Эньлай заверял Дж. Неру в том, что китайская сторона не будет путем переговоров изменять границу. Это означало проявление общего подхода Мао Цзэдуна к такого рода вопросам, то есть за этим стояла позиция китайской стороны, состоявшая в том, что:

пока нет границы, признанной обеими сторонами,

линия границы партнера по переговорам отражает неравноправные договоры, навязанные Китаю,

Китай требует признания этих договоров неравноправными, в то же время соглашается вести переговоры на основе этих же договоров,

обещает не настаивать на «возвращении» «захваченных» у Китая территорий.

Во время пресс-конференции перед отлетом из Индии в присутствии 150 иностранных журналистов, в обстановке провокаций и шума с их стороны, маршал Чэнь И встал и сказал: «Я хотел бы напомнить вам и обратить ваше внимание на то, что Китай тут является тем государством, которое пострадало».

Это понятно только самим китайцам. Старому Китаю, где правительство прогнуло, державы навязывали линию границы. После того как Новый Китай поднялся во весь рост, такое стало невозможным и было больше невозможным.

И хотя прежние местные власти Тибета незаконно согласились на «линию Макмагона», правительство Китая заняло реалистичную позицию (то есть соглашалось на эту «линию»).

Вот и маршал КНР Чэнь И, выступавший тогда в качестве министра иностранных дел КНР, сказал в столице Индии то, чего от него ждал Мао Цзэдун. Чэнь И заявил на пресс-конференции в присутствии 150 иностранных журналистов, что Китай тут является тем государством, которое пострадало.

Это была прямая постановка вопроса: во взаимоотношениях с Индией как нацией Мао Цзэдун через Чэнь И доводил до индийцев и до всего мира, но прежде всего до китайцев, что он считает, что из-за позиции Индии Китай не только в прошлом, во времена господства Великобритании в Индии, но и во вре-

мена Республики Индии был и оказывается страдающей стороной, то есть в отношении Китая Великобритания и Индия проявляли неравноправие. Китай добивался от Индии признания именно этого.

Думается, что никакое правительство Индии не могло согласиться с такой постановкой вопроса.

Думается, что Мао Цзэдун понимал это и сознательно именно так ставил вопрос.

Ему было важно отделить и разделить народы Китая и Индии. Разделить их вопросом о территории. Подвесить этот вопрос на длительный срок.

Ему было важно внушать населению Китая, что он и в отношениях с Индией, дескать, защищает равноправие в отношениях, борется за изменение навязанной Китаю Индией и Великобританией линии границы.

Маршал Чэнь И вводил и еще один тезис. Он объяснял возможность признания «линии Макмагона» несмотря на то, что соглашение тибетских властей с властями тогда Великобритании было «незаконным».

Таким образом, и в этом случае предварительное условие состояло в требовании китайской стороны к индийской стороне признать незаконность в данном случае «линии Макмагона», то есть той линии границы, за которую выступала Индия.

Итак, во время переговоров 1960 года китайская сторона выдвигала условия, которые индийская сторона считала неприемлемыми.

Проблема границы встала и перед Китаем, и перед Индией.

Начиная с апреля 1960 года обе стороны стали укреплять свои позиции в соответствующих районах.

Авторы фильма внушают зрителям, что с конца 1950-х — начала 1960-х гг. отношения Китая и Индии определяются наличием в них проблемы границы.

Это в серьезной степени осложняет взаимоотношения не только нынешних государств, КНР и Республики Индии, но и двух наций — Китая и Индии.

Осложнение отношений выражалось в том, что стороны не вели переговоры, а каждая по-своему укрепляли свои военные позиции и на восточном, и на западном участке границы.

Вооруженное противостояние, «война без войны» — вот что, очевидно, было необходимо Мао Цзэдуна как составная часть его внешнеполитической стратегии глобальных масштабов.

Вслед за идеологической полемикой между КПСС и КПК СССР стал вероломно нарушать отношения с Китаем. В 1959 году, вскоре после событий в Ланцзю, СССР немедленно предоставил Индии заем.

В апреле 1960 года, после переговоров глав правительств Китая и Индии, СССР стал поставлять в Индию вооружения в больших количествах.

Поставил те вертолеты, которые могли действовать в высокогорных условиях Гималаев. Это была новейшая советская продукция.

От пристрастного отношения в пользу Индии СССР перешел к тому, чтобы поддерживать Индию в ее антикитайской политике и политике враждебного противостояния с Китаем.

Индия закупила в СССР 30 самолетов МиГ-21, самых современных самолетов. Ранее СССР поставлял эти самолеты в Китай. А за несколько месяцев до начала войны между Китаем и Индией СССР гарантировал поставку в Индию всего необходимого в этих целях оборудования для эксплуатации этих истребителей.

Далее авторы фильма говорят о том, какой им видится позиция СССР и США. При этом о нашей стране говорится раньше, чем о США.

Вообще, тема взаимоотношений с СССР, с нашей страной не только присутствует почти на равных с темой отношений Китая и Индии в этом фильме, но авторы фильма ставят одной из своих главных задач настроить жителей КНР на вражду к нашей стране.

В данном случае они снова напоминают своим зрителям утверждение пропаганды Мао Цзэдуна о том, что это наша страна начала «войну идеологий», или «войну идей», а затем стала «вероломно нарушать отношения с Китаем». То есть сначала «напала» на Мао Цзэдуна и его приверженцев на «фронте идеологии», а затем, когда «покорить» идейно Мао Цзэдуна не удалось, стала «разрушать» межгосударственные

отношения с Китаем. При этом такое разрушение имело, дескать, место не только в двусторонних межгосударственных отношениях, но и на мировой арене, в частности во взаимоотношениях с Индией.

На самом деле инициатором враждебного отношения к нашей стране и народу был Мао Цзэдун. Наша сторона тут ни в чем не виновата перед народом Китая. Напротив, с нашей стороны делалось все возможное, чтобы сохранять мир, равноправие в двусторонних отношениях.

Мао Цзэдун начал отделять и разделять наши страны и народы в 1954 году, когда он потребовал от Н. С. Хрущева «вернуть» Китаю Монголию и передать Мао Цзэдуну секреты производства атомного оружия. Это были акты в области межгосударственных отношений, а не в области «войны идей», или идеологий.

Что же касается Индии, то Мао Цзэдун стремился заставить нашу страну в угоду только своим личным амбициям и интересам портить отношения с Индией. Фактически выступать в качестве того государства, которое следует указаниям Мао Цзэдуна, поддерживает все, что делает Мао Цзэдун в отношении Индии. В том числе и применение им оружия на границе с Индией.

Мао Цзэдун в своей глобальной внешней политике осуществлял план разделения, отделения и противопоставления друг другу народов и стран: Китая и России, Китая и Индии.

На рубеже 1950–1960-х гг. он переводил отношения между КНР и Россией (СССР) в состояние враждебного, а затем и вооруженного противостояния. В такое же положение он переводил отношения между Китаем и Индией. С его точки зрения, это было ему необходимо для того, чтобы по-иному предстать во взаимоотношениях с США, добиться установления отношений с США.

Более того, он стремился в расчете на столетия вперед внушить китайцам, что они должны так или иначе добиться того, чтобы Россия и Индия следовали за Китаем, подчинялись интересам Китая.

В то время одна пакистанская газета писала: Индия создает сложности для Китая в вопросе о территориях; она делает это для того, чтобы получать больше помощи от США.

Когда в конгрессе США начали обсуждать вопрос о предоставлении помощи иностранным государствам, в Индии была развернута кампания, в ходе которой обливали грязью Китай. Индия хотела получить больше помощи от США как страна, которая находится в конфронтации с врагом Америки.

Когда этот вопрос снова обсуждался в конгрессе США, в Индии СМИ снова, как по шаблону, весной 1962 года подняли военную истерию, подстрекали к войне. В Нью-Дели ежедневно имели место антикитайские сборища и демонстрации. С 1959 года, с тех пор как Индия стала выступать против Китая, размеры помощи со стороны США увеличились.

В марте 1963 года США под предлогом оказания продовольственной помощи предоставили Индии крупный заем.

Авторы фильма внушают своим зрителям в КНР, что Индия — это:

страна, которая была колонией Великобритании, не поднялась на вооруженную борьбу за независимость, за выход из колониального положения, а довольствовалась тем, что ей эту независимость «даровали»;

страна, которая унаследовала позицию в отношении границы с Китаем, позицию в отношении Тибета от колонизаторов, от Великобритании, то есть унаследовала неравноправное отношение к Китаю и неравноправное соглашение по вопросу о границе в районе Тибета;

и, наконец, страна, которая ради получения финансовой и иной помощи от США готова проводить «антикитайскую» политику.

Все эти утверждения повторяются пропагандой в КНР с тем, чтобы закреплять и возобновлять в умах нынешних взрослых и подрастающих поколений соответствующее отношение к Индии.

Правительство Индии хотело денег и от СССР, и от США. Во всем мире деньги и от СССР, и от США получало только одно государство. Это была Индия.

Министр финансов Индии писал: Индии нужны деньги на расходы по противостоянию Китаю.

Индию зрителям фильма настойчиво представляют как страну, которая высшей ценностью считает деньги. При этом

объединяют Индию, СССР и США в нечто такое, что так или иначе противостояло Китаю.

Неизбежное противостояние с каждой из этих стран и со всеми тремя — вот первая мысль, внушаемая в фильме.

Вторая мысль — это то, что, во всяком случае, Индия — это страна, которая вступила в противостояние с Китаем, стремясь получать деньги из-за рубежа.

Здесь углубляется противостояние двух наций: Индии, которая падка на деньги, и Китая, который «смывает исторический позор», добиваясь «возвращения» своих земель.

В 1962 году еще один кризис угрожал Китаю. Это также сказалось на ухудшении отношений Индии и Китая.

В ходе военного противостояния Китая и США в Тайваньском проливе ситуация стала напряженной. США требовали от Чан Кайши осуждения коммунистического Китая.

В феврале 1947 года только что ставшая независимой Индия открыла свое посольство в Нанкине. В это время правительство Гоминьдана напомнило правительству Индии, обратило его внимание на то, что Китай никогда не признавал «линию Макмагона».

В то же время Чан Кайши никогда не отказывался от мысли о восстановлении государства.

В 1962 он осуждал КПК.

Авторы фильма стремятся связать в сознании зрителей вопрос о «войне Китая с Индией» с вопросом о Тайване. При этом позиция Тайваня, а в то время Чан Кайши, подается как состоящая из двух частей.

С одной стороны, вводится мысль о том, что оба государства нации Китая, то есть и Китайская Народная Республика, и до нее Китайская Республика, никогда не признавали «линию Макмагона» и всегда стремились «восстановить» территорию государства в тех границах, в которых они считали это необходимым.

Иными словами, здесь авторы фильма фактически исходят из высказывания Мао Цзэдуна, который называл Чан Кайши «патриотом Китая».

С другой стороны, в фильме упоминается о том, что Чан Кайши в 1962 году осуждал КПК.

Представляется, что это относилось к взаимоотношениям внутри нации Китая, а в области отстаивания исторических

прав Китая, в том числе территориальных, нация Китая, ее главные политические партии, их руководители — Мао Цзэдун и Чан Кайши — занимали одну и ту же позицию. Такое впечатление складывается при просмотре фильма.

В это время обстановка для Китая и на мировой арене, и внутри страны была трудной.

В Китае начиная с 1960 года три года подряд был страшный голод.

Отношения между Китаем и СССР из противостояния в сфере идеологии переросли во всестороннюю напряженность в том, что касалось межгосударственных отношений.

Неру шел к войне на границе между Китаем и Индией.

Чан Кайши строил заговор с целью войны на континенте.

США всунули свои руки на юг Вьетнама, начали строить козни у южных ворот в Китай.

В мире прокатилась волна антикитайских выступлений.

В это время и внутри самой КПК появилось такое мнение в отношении внешнего мира: необходимо осуществлять курс на разрядку, добиваться того, чтобы острие борьбы американского империализма не оказалось сосредоточением всех сил в мире на борьбе против Китая. Что же касается Индии, то не следует считать ее врагом нашей нации.

В то время ЦК КПК считал это мнение тактикой и проявлением правого оппортунизма и отверг его.

Здесь зрителям фильма предлагается современное пропагандистское толкование того, что происходило в начале 1960-х гг.

Внутри КНР три года подряд был страшный голод. Как констатация факта — это так и было. Однако известно, что председатель КНР Лю Шаоци считал, что этот страшный голод имел своими причинами на 30 % явления природы и на 70 % был результатом той политики, которую проводили люди.

По сути дела, речь шла о том, что из-за политики Мао Цзэдуна (сначала из-за «великого скачка», потом из-за «коммунаров») в стране разразился голод, который в мирное время унес, вероятно, больше жизней, чем во время всей Антияпонской войны.

Иными словами, Мао Цзэдун проводил свою внешнюю политику в ситуации, когда народ Китая нуждался более всего в избавлении от голода.

В фильме ситуацию пытаются подать таким образом, что это, дескать, природа виновата в голоде и из-за природных условий возник голод в стране, что затруднило проведение Мао Цзэдуном «правильной» внешней политики.

На самом деле Мао Цзэдун, вне всяких сомнений, был виновником пагубной и для внешнего мира, и для народа Китая неправильной политики внутри страны. С этой его политикой была связана и его внешняя политика. А здесь по его инициативе ухудшались отношения КНР с СССР и с Республикой Индией.

Авторы фильма пытаются создать такое представление о ситуации того времени, что якобы это СССР был виноват в нагнетании напряженности, а Дж. Неру шел к войне.

Прежде всего, наша сторона не нагнетала напряженность. В ухудшении отношений был виноват только Мао Цзэдун.

Утверждение о том, что Дж. Неру шел к войне, — это пропагандистское обоснование продолжения Мао Цзэдуном курса на накопление сил на границах с Индией.

В то же время, конечно, тогда обе стороны готовились к вероятному возобновлению военных действий. При этом нет доказательств того, что Индия планировала по своей инициативе начать военные действия на границе с КНР.

Наконец, здесь авторы фильма пытаются оправдать выступление Мао Цзэдуна против разумного, с нашей точки зрения, предложения определенных сил внутри КПК взять курс на смягчение напряженности в отношениях с нашей страной, с США и с Индией. От такого смягчения выиграли бы все стороны. Во всяком случае, ни СССР, ни Индия не собирались нападать на Китай.

Кстати сказать, и по этой причине Мао Цзэдун вел себя так демонстративно воинственно. Легко быть смелым и воинственным, когда тебе никто не угрожает.

Действия Мао Цзэдуна в условиях, когда никто на границах с КНР не планировал обострять по своей инициативе отношения с ней, позволяли Мао Цзэдуну выступать с воинственными призывами «готовиться к войне», проводить военные приготовления и держать население страны в состоянии военной истерии. Это было важно, с точки зрения Мао Цзэдуна, для того, чтобы обеспечить продолжение его пребывания у власти в партии и в государстве.

В июле 1962 года на международной конференции министр иностранных дел КНР Чэнь И в последний раз попытался поговорить с министром обороны Индии Меноном. Переговоры закончились провалом.

Чжоу Энлай запросил у Мао Цзэдуна указаний относительно курса в вопросе о границе между Китаем и Индией. Мао Цзэдун сказал: территория Китая составляет более 9,6 млн кв. км; это написано в учебниках для начальной школы; я не могу допустить того, чтобы в то время, когда я был хозяином в доме, эта территория 600-миллионного народа уменьшилась до 9,5 или 9,3 млн кв. км.

Такова была неизменная позиция тогдашних властей Индии. На заседании парламента Неру говорил: «Наши карты говорят нам, что “линия Макмагона” — это и есть наша граница. Да и вне зависимости от того, идет ли речь о карте или не о карте, именно это и есть наша граница. Это неизменный факт. Мы настаиваем на той границе. Мы не позволим никому перейти эту границу».

Китай и Индия начали противостояние.

Авторы фильма настойчиво внедряют в умы зрителей своей картины мысль о том, что отношения Китая и Индии — это прежде всего противостояние. В этом продолжает находить свое воплощение намерение Мао Цзэдуна отделять, разделять и противопоставлять народы и страны, в данном случае — нацию Китая и нацию Индии.

Авторы фильма, прежде чем перейти к трактовке военных действий между сторонами в 1962 году, рисуют для зрителей два подхода к вопросу: подход Мао Цзэдуна и подход Дж. Неру.

Мао Цзэдун при этом представляют рачительным хозяином Китая, который видел свой первый долг в том, чтобы не допустить сокращения территории Китая, то есть добиваться того, чтобы все, что он считал «китайским», было в составе Китая. Здесь он, очевидно, выделял этапы, возможно в соответствии с тем, как он реально оценивал соотношение сил Китая и той или иной сопредельной страны. Во взаимоотношениях с Индией Мао Цзэдун исходил из того, что территория Китая должна составлять 9,6 млн кв. км. Так написано в учебниках для китайской школы, так обозначено на издающихся в КНР картах. Поэтому Мао Цзэдун давал указания главе прави-

тельства КНР Чжоу Эньлаю добиваться того, чтобы территория Китая в результате ведения дел с Индией не сократилась до 9,5 или 9,3 млн кв. км. Следовательно, речь шла о том, как «отстоять» эти 150 тысяч квадратных километров.

С другой стороны, в фильме отмечается, что Дж. Неру считал, что граница между Индией и Китаем должна проходить по «линии Макмагона». Очевидно, в Индии полагали, что англичане в свое время были вынуждены считаться с настроениями индийцев, когда проводили на карте эту «линию Макмагона».

Таким образом, вырисовывалась картина противостояния, которое неизбежно должно было вылиться в столкновение военных сил обеих сторон.

Следующая часть фильма называется:

«Застава, которую зимой каждый тащил в свою сторону».

Так был обозначен тот пункт, за который развернулась борьба.

Начиная с 1960 года власти Индии стали осуществлять план, при котором тактика состояла в том, чтобы втягивать партнера в ситуацию на границе.

На западном участке границы индийские войска беспрепятственно шаг за шагом продвигались вперед на территорию Китая. Создали там 43 базы (опорных пункта), причем в некоторых местах в нескольких метрах от застав китайской стороны. Некоторые базы создавались даже за этими заставами, которые, таким образом, оказывались в окружении.

Китайская сторона проявляла сдержанность и предпринимала попытки решать вопрос дипломатическими методами. В этих условиях индийская сторона считала, что тем самым проявляется слабость, которой можно воспользоваться.

Начиная с 1962 года Индия распространила свою тактику продвижения вперед и на восточный участок границы между Китаем и Индией. За первые 6 месяцев 1962 года индийская сторона создала 24 заставы на «линии Макмагона». Индийская сторона при этом думала, что китайская сторона и тут, так же как и на западном участке границы, будет уклоняться от вооруженных столкновений.

Граница между КНР и Республикой Индией является своего рода уникальной в мире. Это высокогорье. Там нет сплошной линии границы. В реальной обстановке на границе пограничники обеих сторон обычно действовали следующим образом: они устраивали свои опорные пункты или заставы для контроля над прилегающей к ним территорией.

Мы уже отмечали, что на высшем уровне и в КНР, и в Республике Индии позиция состояла в твердом намерении «отстаивать» те земли, которые каждая сторона считала своими. В этой ситуации стороны физически сближались. Соприкосновение вооруженных людей обеих сторон становилось неизбежным.

Трактовка событий авторами фильма состоит тут в том, чтобы выставлять индийскую сторону «захватчиком» китайских земель, а себя в качестве той стороны, которая долго проявляла сдержанность.

В сентябре 1962 года, исходя из напряженной обстановки на границе Китая и Индии, Военный совет ЦК КПК отдал такой же приказ пограничникам, как и в 1959 году. И тогда они начали осуществлять патрулирование. И только в ходе этого патрулирования китайские пограничники обнаружили, что на южном берегу небольшой реки индийская армия создала заставу, причем перейдя «линию Макмагона».

Итак, спустя три года после первых боев на границе в 1959 году высший орган, руководящий вооруженными силами КПК — КНР, то есть Военный совет ЦК КПК (а председателем Военного совета ЦК КПК был Мао Цзэдун), отдал приказ действовать на границе.

Иными словами, после боев 1959 года китайская сторона почти три года не начинала по своей инициативе военных действий на границе. Индийская сторона тоже не начинала таких действий. Три года никаких инцидентов на границе не было. Следовательно, при желании стороны могли воздерживаться от таких действий.

В 1962 году Мао Цзэдун счел ситуацию подходящей для того, чтобы отдать приказ пограничным войскам «осуществлять патрулирование», то есть это было разрешение и приказ применять оружие при столкновении с индийскими пограничниками.

Напомним, что пограничники и той, и другой стороны на восточном и на западном участках границы действовали в районах, которые каждая сторона считала своими.

Это также означало, что Мао Цзэдун решил снова показать всему миру, прежде всего Индии, а также населению Китая, что он вооруженной силой добивается того, чтобы граница между КНР и Республикой Индией находилась там, где это Мао Цзэдун считает правильным.

Это означало неизбежное столкновение вооруженных сил обеих сторон.

На границе всегда при желании можно найти пункт, где находится противник и который китайская сторона считает своей землей. Так начались военные действия и на этот раз.

Индийская сторона создала эту заставу 4 июня 1962 года. Она была в пределах Китая даже на индийских картах. На китайских картах это место называлось Чэчжун.

В сентябре 1962 года китайские пограничники находились вблизи от построенной индийцами заставы в Гималаях в глубине территории Китая от «линии Макмагона».

Утром 8 сентября там находились около 60 китайских солдат. Начальник индийской заставы сообщил, что вблизи от его заставы находятся до 600 китайцев. Если бы он назвал точную цифру, то, вероятно, получил бы указание действовать малыми силами. Однако после его доклада о том, что ему угрожают сотни китайцев, к нему были направлены подкрепления.

Сама застава Дола тогда не подверглась атаке. Однако китайцы заняли высоты, которые позволяли контролировать заставу. К западу от заставы китайские и индийские солдаты оказались в состоянии вооруженного противостояния.

9 сентября новость о положении на заставе достигла Нью-Дели. Министр обороны Индии Менон созвал совещание. На совещании кто-то сказал, что застава находится на территории Китая. Менон ответил, что не следует смотреть на карту, а надо считать границей горный хребет в этом районе, расположенный перед заставой. На совещании было решено отдать приказ изгнать китайцев.

Исполнение приказа было отложено на 48 часов.

Это произошло из-за разногласий у индийской стороны внутри.

Командующий 33-й индийской армией в декабре 1962 года предложил генеральному штабу перенести заставу Дола на три английских мили на юг. Иными словами, в пределы «линии Макмагона», чтобы препятствовать дальнейшему продвижению войск Китая.

Командующий войсками на восточном участке границы прибыл в расположение 33-й армии и подтвердил приказ министерства обороны выгнать (оттеснить) китайцев за хребет Таклашань.

Индийские войска, находившиеся перед «линией Макмагона», получили приказ применить силу и продвинуться вперед.

Приказ Министерства обороны Индии по сухопутным войскам индийской армии.

Указание начальнику штаба сухопутных войск: быть в полной боевой готовности предпринять действия с тем, чтобы изгнать войска Китая из района Камэнь на границе в особом районе северо-восточного участка границы.

Авторы фильма описывают действия индийской стороны таким образом, чтобы подчеркнуть, что сами индийцы признавали, что их застава находилась севернее «линии Макмагона». Сами индийцы сомневались, применять ли военную силу. Однако, очевидно принимая во внимание то, что китайская сторона проявила активность и заняла позиции, угрожая индийским пограничникам, Министерство обороны Индии, как говорится в фильме, приказало «применить силу и продвинуться вперед».

Здесь для авторов фильма важно убедить зрителей в том, что в начале вооруженных действий виновата индийская сторона.

На самом деле, думается, что обе стороны, исходя из своих принципиальных позиций, с неизбежностью пришли к очередному этапу «диалога с применением оружия» на участках границы, которые каждая сторона считала своими. Это была еще одна «проба накопленных сил».

Нота МИД КНР правительству Индии:

«Обстановка угрожающая, критическая. Последствия серьезные. Мы хотим действительно предостеречь власти Индии: не сетуйте тогда, что вас не предупреждали.»

Во второй декаде сентября в Тибетском военном округе начали принимать меры в связи с поведением Индии.

Об обстановке доложили ВС ЦК КПК. ВС ЦК КПК немедленно решил, что Тибетский и Синьцзянский военные округа должны быть немедленно приведены в состояние полной боевой готовности с тем, чтобы нанести ответный удар в целях самообороны.

Чжоу Энлай лично дал указание направить 500 грузовых автомобилей.

Шла подготовка к войне. Она могла начаться в любой момент.

Китайская сторона в такой ситуации действовала одновременно и на дипломатическом, и на военном фронте.

Индийской стороне была направлена нота, в которой содержались предупреждение относительно серьезных последствий и угроза: не сетуйте тогда, что вас не предупреждали.

Такого рода предупреждения делаются обычно тогда, когда китайская сторона уверена в исходе предстоящих боев в свою пользу.

В реальной жизни, вполне очевидно выполняя указания Мао Цзэдуна, большие Тибетский и Синьцзянский военные округа были приведены в состояние полной боевой готовности. Это означало, что Мао Цзэдун решил осуществить военные действия силами всех вооруженных сил, которые у него имелись в распоряжении в этих районах, а не ограничиваться только действиями пограничников.

Операцию Мао Цзэдун именовал нанесением ответного удара в целях самообороны. Это обычное клише для его действий на границах Китая.

В то же время в фильме говорится, что с китайской стороны осуществлялась подготовка к войне. Следовательно, людей в Китае приучают к тому, что война — это обычное дело, если руководство сочтет ее необходимой. И речь действительно тогда для Мао Цзэдуна шла о пусть ограниченной масштабами, но войне, его войне против Индии. Это не были отдельные инциденты в пограничной зоне.

9 октября 50 индийских военнослужащих направились из речной поймы вверх на хребет. Все это происходило по китайскую сторону «линии Макмагона».

С этого начались военные действия в этом регионе.

Дойти до места назначения индийцы не смогли и стали закрепляться на позициях на полпути к вершине хребта.

Рота китайцев начала наступление. Перевес в численности был у китайцев — 2:1. Удар китайцы наносили одновременно и по выдвинувшимся индийцам, и у них в тылу по той тропе, по которой они поднимались. Индийцев вынудили отступить. Индийцы потеряли 10 человек; у них пропали без вести 7 человек, были ранены 11 человек. Китайская сторона похоронила убитых индийцев.

Командующий индийской группировкой немедленно отправился в Нью-Дели к Неру. Тот дал приказ продолжать наступление.

Рано утром 20 октября 1962 года китайцы развернули наступление и прямо по фронту, и с флангов.

Со стороны Индии в боях участвовали 10 тысяч человек.

Китайцы сосредоточили 4 полка. Взяли много пленных.

Начались бои с применением многочисленных войск с каждой стороны. В фильме утверждается, что успех все время был на стороне китайцев.

На следующий день представитель Министерства обороны КНР выступил с заявлением. В нем говорилось, что удар был нанесен по тем, кто перешел за «линию Макмагона» и тем самым подрывал договоренность, связывавшие стороны обязательства относительно «линии Макмагона»; поэтому больше нет необходимости быть связанными обязательствами относительно «линии Макмагона».

Одновременно с заявлением китайского правительства китайские войска пересекли «линию Макмагона», приблизились к тому населенному пункту китайского Тибета, который индийцы оккупировали в 1950 году.

Китайские части, которые пересекли «линию Макмагона», преследовали бегущие индийские войска.

Авторы фильма, с одной стороны, подчеркивают, что китайская армия разгромила индийские войска. С другой стороны, на дипломатическом фронте КНР выступила с заявлением, что она больше не связывает себя обязательствами относительно «линии Макмагона». Китайские войска пересекли эту линию и «преследовали бегущие индийские войска». Таким

образом, китайцы нанесли на восточном участке границы поражение индийским войскам, и китайская сторона получила возможность установить фактически границу там, где она того хотела.

Боевые действия начались одновременно с 20 октября на восточном и западном участках границы.

Ответный удар в Синьцзяне был нанесен в районе Аксайчин. Здесь силы индийцев составляли 5600 человек. Из них 1300 находились в опорных пунктах на территории Китая.

Китайцы провели артподготовку, потом пошли в наступление.

На западном участке границы китайская сторона сначала провела артподготовку, затем начала наступление и добилась успеха.

На восточном участке индийцы отвели все заставы.

Тактика продвижения вперед, которую применяла индийская сторона, полностью потерпела крах.

20 октября крупномасштабные бои на восточном участке границы завершились. Индийцы отступали. Их преследовали.

Таким образом, военная операция на восточном участке границы была кратковременной и успешной для подготовившейся к войне китайской стороны.

На протяжении всего времени нанесения ответного удара на китайско-индийской границе было взято в плен 3900 индийцев.

Главное управление политической работы НОАК издало специальное распоряжение относительно обращения с пленными. Было предписано не бить их, не унижать, не отбирать личные вещи, учитывать их веру и национальные обычаи. В трудных условиях горной местности с ними обращались гуманно. Через год их вернули на родину.

О характере этой войны Мао Цзэдуна против Индии говорит и тот факт, что здесь китайская сторона предполагала, что она будет в положении исключительно наступающей стороны и исключительно победителя, что будут взяты пленные. Они не были нужны в Китае. Их было предписано не бить, не унижать, не отбирать у них личные вещи, то есть делать все воз-

можное для того, чтобы превращать их в людей, благодарных своим победителям. Через год пленных вернули в Индию.

28 октября начались бои на западном участке границы. За 9 дней было убито более 300 и взято в плен 160 индийцев.

Индийская сторона считала, что на западном участке граница проходит по «линии Джонсона». В свое время англичане провели линию границы, ущемив интересы Китая.

Далее в фильме вспоминают Цзо Цзунтана, а также говорят о захвате англичанами и части Афганистана.

В 1962 году индийская сторона распространила на Китай экспансионистскую войну Великобритании. Новый Китай ни в коем случае не мог этого позволить.

Затем в фильме употребляется термин «пертурбация в Индийском океане».

Военные действия на западном участке границы также были кратковременными и победоносными для китайской стороны.

При этом в фильме откровенно говорится о том, что в свое время на западном участке границы англичане провели так называемую «линию Джонсона», ущемив интересы Китая. Далее делается важное заявление: «В 1962 году индийская сторона распространила на Китай экспансионистскую войну Великобритании. Новый Китай ни в коем случае не мог этого позволить».

Иными словами, китайская сторона обвиняет индийскую сторону в том, что она унаследовала позицию Великобритании в вопросе о границе с Китаем, оказалась таким же экспансионистом, как и Великобритания. Новый Китай начал войну против Индии, не желая позволить ей продолжать экспансионистскую политику Великобритании. Таким образом, здесь развивается уже высказанная ранее в фильме мысль о том, что Индия исторически виновата перед Китаем, виновна в территориальной экспансии против Китая. Этим обосновываются военные действия Мао Цзэдуна на границе с Индией в 1962 году.

В фильме упоминается Цзо Цзунтан. Этот военачальник жил в XIX веке. В энциклопедическом словаре «ЦЫ ХАЙ» о нем, в частности, говорится как о том, кто усмирил восстание

мусульман в Синьцзяне и не допустил вмешательства в дела этого района со стороны Великобритании и России.

На всей линии границы между Китаем и Индией китайские войска осуществляли военные действия на протяжении 5 дней.

В Индии правительство объявило чрезвычайное положение. Неру сам возглавил министерство обороны.

Почти все китайские магазины в Нью-Дели были разгромлены хулиганами, разграблены. Правительство Индии дало приказ считать китайцев, живущих в Индии, гражданами враждебной страны и заключить их в концентрационные лагеря. Министерство внутренних дел Индии арестовало членов легально существовавшей Коммунистической партии Индии. Это вызвало протесты коммунистических стран. Неру был вынужден потихоньку и партиями выпустить членов промосковской группировки в Компартии Индии.

Здесь, с одной стороны, подчеркивается кратковременность успешных военных действий, то есть успех стратегии и тактики Мао Цзэдуна в его взаимоотношениях с Индией.

С другой стороны, усиливается осуждение позиции индийской стороны, которую представляют как неспособную побеждать на поле боя, но отыгрывавшуюся на мирных китайцах, проживавших в Индии.

СССР от поддержки позиции Индии перешел к поддержке контрудара Китая.

Это было связано с тем, что во время войны Китая и Индии имел место Кубинский кризис в Латинской Америке. США с большой высоты обнаружили советские ракеты на Кубе, нацеленные на США. Президент США Кеннеди немедленно дал приказ о боевой готовности номер один. И о полной блокаде Кубы. СССР и США оказались на грани ядерной войны. В конечном счете СССР вывез свои ракеты с Кубы. США гарантировали, что не будут совершать агрессию против Кубы.

И снова возвращаются к характеристике действий СССР. Их рисуют как непоследовательные, как шараханье от поддержки позиции Индии к поддержке позиции Китая. Это объясняют тем, что СССР в это время оказался в состоянии Кубинского кризиса и нуждался в поддержке со стороны КНР.

В результате войны Китая и Индии Индия открыто порвала внешнюю оболочку неприсоединившегося государства. При этом дело обстояло следующим образом.

3 ноября 1962 года посол США в Индии передал Неру собственноручно написанное Кеннеди письмо, в котором говорилось, что США признают «линию Макмагона» в качестве международно признанной границы. Одновременно посол сказал Неру, что США предоставят Индии помощь на 1,1 млрд долларов. Конечно, это будет не военная помощь.

Однако когда 4 ноября прилетели первые самолеты, доставившие эту помощь, то оказалось, что все это военная помощь. Через несколько часов весь мир узнал, что США предоставляют Индии, которая находилась в состоянии войны, военную помощь.

Английская газета «Таймс» писала, что Индия полностью изменила политику, которой придерживалась со времени обретения независимости. Просто решила принять американскую военную помощь. Индия считала, что только с американской военной помощью она сможет нанести поражение китайской армии.

Когда индийцы передали посольству США список того, что они хотели бы получить в виде военной помощи, американцы были поражены. Оказалось, что дело не только в количестве, но и в том, что Индия требовала все. Речь шла о самом современном оружии. Американцы начали поставки со своих военных баз в Западной Германии. Американцы соглашались поставить сразу же, а расчеты отнести на более позднее время. Полученное отправлялось на границу Индии и Китая. Оно предназначалось тем войскам, которые были на передовой.

Индия запросила помощь даже у Израиля. Хотя раньше Индия поддерживала арабские страны, нуждаясь в их поддержке в вопросе о Кашмире. Тогда Индия все время отказывалась устанавливать с Израилем дипломатические отношения. Помощь из Израиля в соответствии с его условиями была доставлена на израильском судне.

После Второй мировой войны в Европе осталось много оружия. Франция поставляла вооружения по международным правилам. Индия была этим недовольна. Однако Франция заявила, что Индия, будучи неприсоединившейся страной, долж-

на платить за оружие установленную цену. Если бы Индия была членом западного мира, тогда она могла бы получать оружие бесплатно. В результате Индия купила у Франции только скорострельные орудия.

В фильме особенно подчеркивается то, что в военной борьбе за линию границы, которая представляется ей правильной, Индия ради того, чтобы одержать верх над Китаем, отказалась от политики неприсоединения и запросила военную помощь у США, у Израиля, у Франции. Иначе говоря, тем самым авторы фильма хотели бы подчеркнуть, что Индия не только сама не могла справиться с Китаем, когда дело дошло до войны, но не смогла этого сделать, даже получив вооружение из США, Израиля и Франции.

После урегулирования Карибского кризиса Москва восстановила отношения с Индией. Снова стала поставлять в Индию военные грузы.

Анализ послевоенной истории свидетельствует о том, что если бы Москва уговорила Индию отказаться от политики продвижения вперед в районе границы с Китаем, это могло бы сыграть свою роль.

СССР поощрял Индию на то, чтобы она отстаивала свою позицию в вопросе о границе с Китаем, и именно это и побуждало Индию идти по пути, который вел к бедам и несчастьям.

В фильме последовательно проводится линия на то, чтобы при всех поворотах событий выставлять нашу страну в качестве якобы недруга Китая. Здесь еще раз повторяется мысль о том, что Мао Цзэдун был якобы прав, заставляя нашу страну следовать за ним в его внешней политике. В частности, однозначно выполняя требования Мао Цзэдуна в том, что касалось Индии.

Нашей стране здесь предъявляются два обвинения, причем оба не идеологического характера, а в сфере межгосударственных отношений.

Во-первых, обвинение в том, что наша страна не уговорила Индию пойти навстречу требованиям Мао Цзэдуна.

Во-вторых, обвинение в том, что наша страна выступала на стороне Индии в ее отношениях с Китаем, поощряла Индию на противостояние с Китаем, когда дело касалось границы между

КНР и Республикой Индией. Здесь подспудно вводится мысль о том, что Мао Цзэдун, дескать, отстаивал интересы нации Китая в территориальных вопросах с СССР и с Индией.

В это время Пекин терпеливо разяснял вопрос об истоках и о процессе развития вопроса о границе между Китаем и Индией государствам Азии, Африки, Латинской Америки, особенно тем государствам, которые недавно обрели независимость.

Происходило дипломатическое наступление Пекина.

Нью-Дели обнаружил, что перед 10 ноября позицию Индии поддерживали в общей сложности всего 39 государств. В том числе 5 африканских государств, 5 латиноамериканских государств, 3 азиатских государства. Это были Япония, Филиппины, Иран. Таков был результат дипломатического наступления Пекина.

Здесь главное в том, как себя вел западный империализм, старые империалистические державы. Они играли роль того, кого в Китае называют «учителем наоборот», то есть того, у кого следует учиться тому, как не надо поступать.

Вот кадры, рассказывающие о том, что тогда происходило в Республике Конго. Первым президентом Республики Конго стал Лумумба. Это было время Лумумбы. 30 июля 1962 года третье по величине государство Африки — Конго — сбросило с себя 52-летнее господство Бельгии и добилося независимости. Для того чтобы не допустить возникновения в получившей независимость Республике Конго гражданской или внутренней войны, ООН направила туда миротворцев. Через несколько дней после обретения независимости военные совершили в Конго переворот. Лумумба попросил ООН о помощи, но просьба была отвергнута. Лумумба оказался в изоляции и был убит.

На этом примере новые независимые государства увидели, каков подлинный облик колонизаторов. Они больше не хотели оставаться в колониальном положении. Они осознали, что нельзя так просто принимать помощь.

Авторы фильма стремятся убедить своих зрителей в Китае, что война Мао Цзэдуна против Индии в 1962 году принесла ему успехи и на поле боя, и в области дипломатической деятельности. Они стремятся создать впечатление, что народы

Азии, Африки и Латинской Америки были тогда на стороне Мао Цзэдуна и против Индии.

При этом используется следующий прием: Индию осуждают как государство, которое совершило ошибку, попросив помощи у старого империализма, у западных империалистических держав, прежде всего у США. США и ООН, в частности, критикуют за их поведение в отношении президента Республики Конго Лумумбы.

Таким образом, в данном случае предпринимается попытка лишний раз оправдывать политику Мао Цзэдуна именно в начале 1960-х гг., когда Мао Цзэдун готовил свою «культурную революцию». Когда он готовил устранение из политической жизни и из жизни вообще, то есть физическое уничтожение председателя КНР Лю Шаоци, который тогда проводил разумную внешнюю политику, и вообще всех, кто мог, с его точки зрения, возражать против политического курса Мао Цзэдуна на «подготовку к войне». Именно в этой связи в фильме упоминается и об установке Мао Цзэдуна, относящейся к тому времени: считать империализм «учителем наоборот».

На самом деле во всем мире, в том числе в Азии, Африке, Латинской Америке, подавляющее большинство было озабочено осложнением отношений и в особенности военными действиями между Китаем и Индией. Внешне кто-то мог делать те или иные жесты, особенно при встречах с руководителями КНР. Прямо выступать на стороне Мао Цзэдуна и прямо осуждать Индию практически никто не хотел.

А в это время Индия, которая сбросила английское колониальное господство не более десяти лет тому назад, открыто отбросила свою политику неприсоединения. Это не могло не оказать воздействия на государства Азии, Африки, Латинской Америки.

Правительство Индии планировало создание для Китая так называемого «второго фронта», имея в виду Тайвань. Одна индийская газета открыто писала, что мы должны со всей решительностью, всеми средствами побуждать Тайвань совершить вторжение в Южный Китай и в район Южно-Китайского моря.

Чан Кайши из партии Гоминьдан Китая тоже хотел вместе с Индией осуществлять военную деятельность, враждебную Китаю.

Однако когда президент Кеннеди открыто признал «линию Макмагона», Чан Кайши тут же решил, что его правительство немедленно заявит решительный протест правительству США. В официальном заявлении говорилось, что так называемая «линия Макмагона» была навязана в одностороннем порядке во времена господства англичан в Индии. Китайская Республика никогда не признавала эту линию и со всей решительностью протестует против этой позиции США.

Авторы фильма возвращаются к вопросу о поведении Чан Кайши. Они утверждают, что правительство Индии планировало побудить Чан Кайши создать второй фронт войны против КПК. В подтверждение приводится ссылка на одно сообщение одной индийской газеты.

Тут же говорится, что Чан Кайши в ответ на признание правительством США «линии Макмагона» решил, что его правительство немедленно заявит решительный протест.

Представляется, что на самом деле обвинение в адрес правительства Индии необоснованно, а главное, чего хотят в данном случае добиться авторы фильма, — это внушить населению Китая, что вся нация Китая, на континенте и на острове Тайвань, считает, что так называемая «линия Макмагона» была навязана в одностороннем порядке во времена господства англичан в Индии и что китайцы, вся нация Китая никогда не признавала «линию Макмагона». Единство нации Китая в войне Мао Цзэдуна против Индии — вот что стремятся утверждать авторы фильма. Для заявлений о позициях Мао Цзэдуна и Чан Кайши по этому вопросу есть основания.

В СМИ Индии появились сообщения о дискуссии между СССР и США.

Речь шла об антикитайской деятельности.

В Японии были протесты против политики США в Японии. США пришлось убирать из Японии свои вертолеты.

Во время войны Китая и Индии в ООН, как и каждый год, обсуждался вопрос о месте Китая в ООН. Правительство Индии с 1950 года заявляло, что оно поддерживает приход КНР в ООН. В 1962 году оно не изменило свою позицию. Проголосовало за это.

Одновременно в 1962 году, еще до того, как началась война на границе между Китаем и Индией, в Южной Корее про-

изошли демонстрации, был свергнут проамерикански настроенный президент Ли Сын Ман.

В фильме создается картина трудностей для Индии в связи с создавшимся положением.

Здесь важно отметить, что правительство Индии в конце 1950-х — начале 1960-х гг., тогда, когда в ООН дело касалось интересов КНР на мировой арене, продолжало занимать такую позицию, чтобы не наносить ущерба состоянию отношений между КНР и Республикой Индией.

Далее авторы фильма стремятся создавать у зрителей впечатление о том, что Мао Цзэдун неизменно занимал твердую позицию по вопросу об отношениях с Индией, в то время как Дж. Неру проявлял шатания и колебания.

Неру должен был реагировать на отношение к американцам в Японии и в Южной Корее. В публичных речах он говорил, что США предоставляют Индии помощь без каких-либо условий и требований, говорил, что это не сказывается на положении Индии как неприсоединившегося государства, но для всех членов индийского кабинета и для самого Неру было очевидно, что предоставление американцами помощи Индии сказывается на независимой внешней политике Индии.

США и Англия вынуждали Индию соглашаться с Пакистаном по тому вопросу о Кашмире, который стоял много лет, то есть вынуждали Индию снова пойти на переговоры о территории.

В 1962 году США начали посылать многочисленный контингент американских солдат на юг Вьетнама. При этом цель США состояла в том, чтобы заменить Францию в качестве колонизаторов, предотвратить приход к власти коммунистов на полуострове Индокитай по принципу игры в домино и восстановить сферу влияния в Индокитае.

А правительство Индии, которое как раз и получало военную помощь США, в любой момент могло быть втянуто в войну в Азии.

Все это было яснее ясного для Неру. Неру терзался противоречиями, думал об историческом конфликте из-за Тибета между Китаем и Индией.

Неру говорил индийцам, что Индия обладает сейчас мощью, что она способна противостоять любому нападению.

Он не обращал внимания на предложения Китая о переговорах. Он говорил, что во имя Ганди мы, индийцы, должны выгнать всех китайцев.

Дж. Неру осуждают за то, что он отказался от независимости и от политики неприсоединения.

На самом деле Дж. Неру всегда утверждал, что Индия является и будет оставаться независимой. Действительно, страна с таким громадным населением, как Индия, всегда будет самостоятельной; в конечном счете свои дела внутри страны индийцы всегда будут решать только сами; на мировой арене Индия также всегда будет выступать со своей позицией.

В фильме говорится, что Дж. Неру думал об историческом конфликте с Китаем. При этом он ставил перед населением Индии вопрос таким образом, что нападающей стороной является только Мао Цзэдун. Дж. Неру повторял, что «во имя Ганди мы, индийцы, должны выгнать всех китайцев». Речь шла о принадлежности земель на границе с Китаем.

Китайские войска тоже усиливали подготовку к войне. За 22 дня в Гималаях было построено шоссе, по которому можно было перебрасывать грузы.

Посольство Китая в Индии докладывало, что в центральном парке в Нью-Дели открыты бомбоубежища, что двери в правительственные учреждения заложены мешками с песком.

Когда Неру призывал к войне, Мао Цзэдун говорил, что между войной и миром нет противоречия, что это единство; если эту войну не вести, то тогда не победить; а если воевать, то получишь гарантию мира на 30 лет.

Войскам НОАК в Тибете был дан приказ сосредоточиться. Они готовились воевать, чтобы гарантировать мир на 30 лет.

Войска Мао Цзэдуна усиливали подготовку к войне. Авторы фильма приучают зрителей к этой формулировке. К отношению к термину «война» как к тому, что является обычным, необходимым, неизбежным.

Нельзя забывать о том, что одно из главных противоречий между нашим народом и нашей страной — а Н. С. Хрущев здесь выражал именно их интересы — и Мао Цзэдуном состояло в отношении к войне, к мировой ядерной войне и к войне вообще.

Пока был жив Мао Цзэдун и после его смерти еще почти на протяжении 10 лет руководители КПК считали мировую ядерную войну неизбежной.

Именно по этой причине и войны Мао Цзэдуна против соседей, и война Дэн Сяопина против Вьетнама также считаются обоснованными.

Однако под давлением разума нации Китая, который отражали такие руководители, как Ху Яобан (генеральный секретарь ЦК КПК), Чжао Цзянь (премьер Государственного совета КНР) и Вань Ли (председатель Постоянного комитета ВСНП), в 1985 году руководство КПК наконец заявило, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует, и тем самым фактически признало правоту Н. С. Хрущева, нашего народа и нашей страны в их противостоянии с Мао Цзэдуном.

Но в начале 1960-х гг. в КПК и в КНР господствовали взгляды на войну Мао Цзэдуна.

В частности, Мао Цзэдун говорил, что «между войной и миром нет противоречия, что это единство; если эту войну (войну против Индии) не вести, тогда не победить; а если воевать, то получишь гарантию мира на 30 лет».

В каком-то смысле для Мао Цзэдуна, с точки зрения Мао Цзэдуна мир — это война. Он не мыслил своей внешней политики без войн, причем без войн, которые, с его точки зрения, надо было готовить при участии в этом народа всей страны, которые надо было начинать в тот момент, когда это, по мнению Мао Цзэдуна, должно было принести успех.

Он видел в войне против Индии гарантию того, что после этой маленькой победоносной войны Индия больше не будет покушаться на отвоеванные в результате этой войны Китаем «свои земли» в течение, по крайней мере, 30 лет.

Очевидно, что за эти 30 лет Мао Цзэдун считал возможным и необходимым подготовиться к новой войне, накопить силы и тогда уж еще раз закрепить принадлежность Китаю тех земель, которые Мао Цзэдун считал включенными в реестр территорий, «захваченных» врагами у Китая в истории.

Следующая часть фильма называется:

«Трона Бэйли».

Главный район войны на восточном участке границы между Китаем и Индией для индийских сухопутных войск — это

Даван. Это было единственное место, где в Тибете есть дорога среди гор. Индийцы считали, что китайцы тут не смогут продвинуться вперед. Индийцы построили там оборону в три эшелона.

Однако война между Китаем и Индией развернулась не в этом районе, а на участке границы, прилегающем к Бирме. Туда прибыл командующий индийскими войсками. Это был день рождения Неру. Ему исполнилось 64 года. Сухопутная армия хотела преподнести подарок премьеру.

Индийцы начали наступление на китайские позиции. Первый бой длился 6 часов. Потом воевали два дня. Индийские войска были разгромлены.

Из этого описания очевидно, что индийцы строили оборону, а китайская сторона готовила наступление. Затем утверждается, что индийцы начали наступление, но потерпели поражение.

У китайской армии есть важное правило, сформировавшееся за прошедшие десятилетия: если кто-то не выступает против меня, то и я не выступаю против него, но если кто-то выступает против меня, я уж непременно буду выступать против него. При этом я предъявляю широкий счет, сам буду решать вопрос о том, когда и где действовать.

Это изложение одной из установок Мао Цзэдуна для его войск. Мао Цзэдун придавал огромное значение сочетанию пропаганды вокруг войны и самих военных действий.

Пропаганда, с его точки зрения, всегда должна была создавать впечатление, что это всегда кто-то «обижал» или «стремится обидеть» Китай.

Того, кого Мао Цзэдун назначал своим врагом, он представлял населению Китая как обидчика, либо как нападавшего, либо как готовившего нападение.

Поэтому населению Китая Мао Цзэдун, ведя свои войны, всегда стремился внушить, что и он, и население находятся в состоянии обороны, защищаются. Наносят только ответный удар в целях обороны.

Следовательно, населению Китая внушалось и внушается, что все войны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина являлись и являются справедливыми.

В то же время с этим соединялось другое положение: свобода рук при ведении военных действий. При власти Мао Цзэдуна стратегия и тактика военных действий именовались «активной обороной».

Это означало, что он стремился наносить удар в ходе тщательно подготовленного заранее и неожиданного для противника наступления, причем на том участке или участках, где противник наступления никак не ожидал, а также применять все средства, все методы и любое оружие, какое Мао Цзэдун считал необходимым. Война без правил и без ограничений — вот фактически девиз Мао Цзэдуна.

16 ноября после соответствующей подготовки было решено, что 18 ноября китайская армия нанесет ответный удар одновременно по всей линии границы. Речь шла не только о нанесении удара по Давану — главному опорному пункту индийской армии. Даван расположен в районе стыка границ Индии, Китая и Бутана.

Индийцы полагали, что китайцы могут наступать только по единственному здесь горному ущелью.

Однако с помощью местного населения китайцы нашли тропу. Она называлась тропа Бэйли. В 1913 году англичане проводили здесь рекогносцировку в целях определения прохождения «линии Макмагона». Тогда и использовалась эта тропа. Она проходила среди высоких гор. Высота перевала была 14 тысяч английских дюймов.

1500 китайцев за шесть дней прошли по тропе Бэйли и оказались в тылу индийских войск. Часть этих войск оказалась в окружении китайцев. 17 ноября китайцы появились там.

Когда 18 ноября началось наступление, то главный индийский опорный пункт был взят за один день. Индийцы бежали и были рассеяны. Это произошло в результате боя утром 18 ноября 1962 года.

Затем индийцы попытались организовать оборону. Но были разбиты. Итак, сражение началось 17 ноября и закончилось 20 ноября 1962 года. За 4 дня была одержана победа в том ущелье, по которому шла единственная дорога в Гималаях. Там больше не осталось никаких организованных индийских вооруженных сил, которые защищали «линию Макмагона».

Как пример успешной операции приводится сражение, во время которого войска Мао Цзэдуна использовали забытую тропу среди гор, которая вела в тыл индийских позиций.

Военные действия на восточном участке границы в 1962 году продолжались всего 4 дня. Индийская армия потерпела поражение.

Китайские войска также начали нанесение удара по всей линии границы между Китаем и Индией в районе Синьцзяна.

Говорили, что в то время Чжоу Энлай в Пекине доложил Мао Цзэдуну о том, что, согласно сообщению Синьцзянского большого военного округа, на западном участке границы между Китаем и Индией Министерство обороны Индии перебросило части из Кашмира к горному перевалу. Мао Цзэдун попутно спросил: «Что это за части?» Чжоу Энлай ответил: в сообщении сказано, что это те части индийской армии, у которых столетняя история; в те времена, когда Индия была вассальным государством Великобритании, эти части участвовали в двух Опиумных войнах, а также подавляли Тайпинское восстание; в 1860 году, вслед за англо-французскими войсками, вошли в Пекин и сожгли дворец Юаньминъюань; а в 1904 году совершили агрессию в Лхасу. И тогда Мао Цзэдун встал и сказал: «Вот они, сто лет национального позора».

На следующий день в Синьцзяне получили телеграмму, которая предписывала действовать в знак протеста против 100 лет национального позора и ради возрождения нации Китая.

Итак, в фильме констатируется, что войска Мао Цзэдуна начали нанесение удара не только на восточном, но и на западном участке границы.

Осуществление «активной обороны» на практике было нанесением удара, то есть действиями наступательного характера.

Авторы фильма последовательно с разных сторон внушают зрителям фильма в КНР, что Индия — своего рода наследник политики и действий Великобритании.

Прием пропагандистской и дипломатической деятельности Мао Цзэдуна в ряде случаев состоял в том, чтобы осуждать либо власти той или иной страны в ее истории или в настоящем, отделяя их от народа (как в случае с нашим народом), либо власти другой страны, которые распоряжались в этой стране, войска которой фактически выполняли волю чужезем-

цев и колонизаторов, отделяя эти власти, исполнителей их приказов (как в случае с Индией) от народа данной страны.

Суть такого приема была в том, чтобы, с одной стороны, внушать своим солдатам, что они справедливо мстят обидчикам. И, с другой стороны, в том, чтобы предлагать народу соседней страны выступать вместе с Мао Цзэдуном и его войсками либо в войне против властей этой страны, либо в знак протеста против действий властей этой страны или метрополии, которые наносили ущерб интересам нации Китая.

Чжоу Энлай докладывал Мао Цзэдуну о том, что его войскам предстоит наступать против тех частей индийской армии, которые имеют за плечами столетнюю историю. В те времена, когда Индия была вассальным государством Великобритании, эти части участвовали в двух Опиумных войнах, а также в подавлении Тайпинского восстания. В 1860 году вслед за англо-французскими войсками вошли в Пекин и сожгли дворец Юаньминъюань. А в 1904 году совершили агрессию в Лхасу. И тогда Мао Цзэдун встал и сказал: «Вот они, сто лет национального позора».

Своим войскам на западном участке границы Мао Цзэдун дал приказ наступать, чтобы смыть пятно национального позора, действовать ради возрождения нации Китая.

Таким образом, с точки зрения Мао Цзэдуна, которая пропагандируется в КНР в начале XXI века, его война против Индии — это война в знак протеста против позора, который был нанесен Китаю Великобританией и индийцами, сражавшимися в рядах армии Великобритании на территории Китая, это война под знаменем национального возрождения Китая.

Мао Цзэдун стремился представлять себя населению Китая как вождя, который главным образом занимался тем, что создал государство, которое стало впервые в истории действительно независимым государством нации Китая. (Именно в связи с этим Мао Цзэдун и дал название своему государству: «ЧЖУНХУА ЖЭНЬМИНЬ ГУНХЭГО — Республика Народа /Нации/ Китая».) И после создания этого государства вел войны с тем, чтобы осуществить возрождение нации Китая, то есть вернуть в состав Китая те земли, которые, по его мнению, были в истории «захвачены» теми или иными соседями Китая.

Такая идеология опасна и для самого народа Китая, и для народов всех стран, к которым это может иметь отношение,

и для всего человечества. Это — часть наследства Мао Цзэдуна, которое признается в настоящее время в КПК — КНР.

Что же касается столкновения взглядов и политики Мао Цзэдуна и Дж. Неру, то и тот, и другой основывались на обращении к интересам нации, в случае с Дж. Неру — к заветам М. Ганди и к достоинству нации.

Думается, что верный путь решения такого рода конфликтов — это обращение к идее вечного мира во взаимоотношениях народов.

Но дело было в том, что речь шла не о столкновении на территории Китая со старыми колонизаторами, а о другой древней нации. В этом состояла трагедия этих сражений.

На протяжении тех нескольких дней, когда шли бои на границе между Китаем и Индией, индийцы воевали за ту линию, которую навязали колонизаторы. При этом индийцы были настроены против 400-летнего колониального господства. Прискорбно, но они избрали войну против Китая.

В такого рода рассуждениях хочется увидеть попытки искать решение вопроса в будущем не на поле военных действий.

В то же время обвинение соседей в том, что они избрали войну, представляется необоснованным. Невозможно оправдывать войны Мао Цзэдуна и его попытки войной заставить соседей признать его претензии на те или иные территории.

После того как китайские войска начали наносить ответный удар по всей линии границы, война на протяжении нескольких дней шла в Гималаях. Бои шли в 300 километрах от столицы Индии.

В это время заседал индийский парламент. Депутаты ждали сообщения о боях. Пришло сообщение о поражении индийских войск и на восточном, и на западном участке границы. Индия зашаталась.

20 ноября 1962 года посол США в Индии сообщал в Вашингтон о смятении в столице, о том, что он впервые видит, что такое творится с нацией.

Неру внезапно постарел. Он вызвал посла США и призвал США непосредственно вмешаться, послать боевые самолеты вести войну с Китаем. По его просьбе Кеннеди приказал авианосцу США приблизиться к берегам Индии.

В это время Нью-Дели охватили паника и бегство. Ходили слухи, что китайские войска движутся к столице. Люди покидали родные места и становились беженцами. Начались перебои с водой.

Авторы фильма усиленно подчеркивают мысль о полной победе Мао Цзэдуна в его войне и о поражении Индии на поле боя, а также о том, что индийцы как нация пали духом.

На самом деле в войне между Китаем и Индией не может быть победителя. Никто в мире не способен и никогда не будет способен установить оккупационный режим на территории Китая или Индии.

И именно в этот момент в Пекине внезапно было опубликовано сообщение о том, что правительство Китая приняло решение, приказав пограничным войскам вдоль всей линии границы по своей инициативе прекратить огонь и по своей же инициативе отойти назад.

Правительство Китая заявило, что с 21 ноября 1962 года китайские войска прекращают огонь по всей линии границы между Китаем и Индией. Через 9 дней, то есть начиная с 1 декабря 1962 года, китайские войска будут отведены на ту линию, которую Китай реально контролировал в 1959 году, а также будут отведены от этой линии на 20 километров. Таким образом, будет восстановлена та ситуация на границе Китая и Индии, которая существовала с 1959 года, когда Китай в одностороннем порядке объявил о поддержании статус-кво границы.

Это решение и этот приказ правительства Китая были объявлены всем войскам на всей линии границы между Китаем и Индией.

Мао Цзэдун понимал то, что вести войну на территории собственно Индии невозможно. Для него эта война была средством закрепить фактически ту линию контроля, на которой его войска находились в 1959 году. Мао Цзэдун отдал приказ отвести войска на эту линию с территории Индии, которая находилась по индийскую сторону от границы.

Из-за того, что система коммуникаций правительства Индии была расстроена, Неру узнал об этом не по дипломатическим каналам. О заявлении правительства Китая министр внутренних дел Индии узнал из газет на аэродроме.

После опубликования заявления Пекина китайские войска в районе, где шла война, стали учитывать американское вооружение, попавшее к ним в руки, чтобы затем передавать его индийской стороне.

Неру вызвал посла Китая в Индии. Тут он официально узнал о решении прекратить огонь и отвести войска. Тогда он задал только один вопрос: «В чем смысл того, что вы делаете?»

Через несколько дней китайцы начали передавать захваченное оружие индийской стороне.

Неру действительно был сбит с толку.

При таких обстоятельствах Чжоу Энлай снова направил письмо Неру, сказав, что правительство Китая поступает таким образом с той целью, чтобы действительно решить вопрос о границе; мы приветствуем приезд господина Неру в Пекин; если это не удобно, я хотел бы еще раз поехать в Нью-Дели.

Правительство Индии молчало. Правительство Китая напрасно ожидало ответа правительства Индии.

В каком-то смысле это была странная война. Ее никто не объявлял. Ни те, кто нападал, ни те, кто подвергся нападению. Дипломатические отношения существовали. Послы находились в столицах государств, где они были аккредитованы.

Складывалось впечатление, что Мао Цзэдун просто решил продемонстрировать силу, добиться успеха, чтобы этим «козырять» внутри КПК и в КНР.

В то же время Мао Цзэдун оставил подвешенным вопрос о границе с Индией. Индийской стороне после отвода войск Мао Цзэдуна было предложено вступить в переговоры, однако при этом подразумевалось, что Мао Цзэдун сохраняет в полной неприкосновенности все свои требования относительно территорий в районе этой границы, а также само утверждение о том, что границы между сторонами еще не существует. Индийская сторона взяла паузу и обдумывала сложившееся положение.

Китай отвел войска с шоссе на северо-восточном участке границы. Передал всех пленных. Раненым была оказана помощь.

Потери индийской стороны составили 1363 человека убитыми, 1696 пропавшими без вести и 3968 попавшими в плен. О потерях китайской стороны сведений не было.

Таким был конец политики продвижения вперед, которую проводила Индия.

Правительство Индии дало приказ прекратить огонь, не допускать провокаций в отношении китайцев. Войска были отведены с гор на равнину. Был дан приказ войскам не выходить на «линию Макмагона», на ее передний край. Неру передал это сообщение Чжоу Эньлаю тайно через премьер-министра Цейлона.

Китайские войска начали отход.

Индийские газеты писали, что в мировой истории это первый случай, когда войска, одержавшие победу, отходят назад. Американская газета писала, что решение Китая является поразительным.

Все мировые СМИ писали об этом. Весь мир не понимал, что это с Китаем?

Французская газета предполагала, что Китай не хотел реакции Запада на вторжение китайских войск в Индию.

Москва утверждала, что в Китае слишком тревожная ситуация внутри, а потому и были вынуждены так поступить.

В США предполагали, что Китай тем самым намекал на то, что в следующий раз наступление будет более широко-масштабным.

За три года до этих событий, то есть в 1959 году, Чжоу Эньлай перед 150 журналистами говорил:

«У Китая и Индии древняя пяти тысячелетняя культура. Из Индии в Китай пришел буддизм. Два из четырех крупных изобретений Китая, то есть в особенности изготовление бумаги и пороха, пришли в Индию, способствовали расцвету ее экономики. Несколько тысячелетий мы мирно сосуществовали. Никогда не было настоящей войны между Китаем и Индией. Если даже люди нашего и следующих поколений встретятся с еще более крупными проблемами, они могут сесть за стол, мирно вести консультации, переговоры, чтобы решать эти проблемы».

Авторы фильма хотят создать у зрителей впечатление о том, что война Мао Цзэдуна против Индии положила конец политике продвижения вперед, которую проводила индийская сторона.

Отсюда можно сделать вывод, что Мао Цзэдуно было нужно выглядеть внутри КНР лидером нации, не отдавшим ни клочка китайской земли. При этом выглядеть таким лидером, который способен доказать любой нации, в том числе и такой

нации, как Индия, что китайская сторона не остановится перед применением оружия в двусторонних отношениях, если сочтет это необходимым.

Авторы фильма, описав события войны 1962 года, приводят высказывание, которое было сделано Чжоу Энляем за три года до этой войны, то есть в 1959 году.

Очевидно, это сделано для того, чтобы представить позицию КНР как поиск мирного решения вопросов. Это может свидетельствовать о современных взглядах в КНР на вопрос об этой проблеме в отношениях КНР и Республики Индии.

Китайские войска были отведены от «линии Макмагона» на 20 километров.

Через год индийские войска снова вышли на «линию Макмагона».

Сражения на границе Китая и Индии вовсе не были боями крупного масштаба. Но в истории они важны. В истории сначала не было установленных границ. Были отдельные посты. При династии Мин появились заставы в горах. После Опиумной войны 1840 года державы определяли границу.

После окончания Второй мировой войны территория Китая, который был так называемой державой-победительницей, уменьшилась более чем на один миллион квадратных километров.

В годы КНР к границе существует серьезное отношение. Ее охраняют. Новый Китай защищает свои границы.

На границе пожертвовали своими жизнями много бойцов.

Отдадим же молча дань скорби и памяти тем героическим бойцам и командирам, которые пали на позициях.

[Бэйцзин Уюе вэньхуа цзысюнь гунсы (Пекинская Советательная культурная компания Уюе). Отбор материала: Фэн Хуачжи. Январь 2005 года.]

Итак, в конце фильма зрителям говорят о том, что фактически в настоящее время пограничные войска обеих сторон находятся все там же, в районе «линии Макмагона». При этом очевидно, и та и другая сторона воздерживаются от столкновений и применения оружия.

Военные действия были остановлены в 1962 году, и это продолжается до настоящего времени.

Война 1962 года предстает как своего рода «неоконченная война», «промежуточная война».

Стороны могут в процессе переговоров мирно решить вопрос о границе.

Однако не исключены и новые военные столкновения.

Принципиальная позиция КПК — КНР в настоящее время изложена в конце этого фильма сочетанием двух положений: после Опиумной войны 1840 года державы определяли границу; после окончания Второй мировой войны территория Китая, который был так называемой державой-победительницей, уменьшилась более чем на один миллион квадратных километров. В годы КНР к границе существует серьезное отношение. Ее охраняют. Новый Китай защищает свои границы.

Из всего этого следует, что в современных КПК — КНР неразрывно связывают события истории, по крайней мере начиная с 1840 года. При этом ставят в один ряд действия держав, которые «захватывали» территорию Китая после Опиумных войн, то есть имеют в виду и Россию, и то, что произошло, с точки зрения современных КПК — КНР, после Второй мировой войны, когда Китай, который был в числе победителей, потерял более миллиона квадратных километров своей земли. Имеются в виду прежде всего независимое государство Республика Монголия, а также Тува в составе РФ. Иными словами, опять-таки речь идет о нашей стране, которую и в начале XXI века обвиняют в том, что она содействовала выходу Монголии из состава Китая и вооруженным путем в 1944 году «захватила» принадлежащую Китаю Туву.

Таким образом, в целом есть нечто общее в отношении к России и к Индии, когда речь идет о землях и о границе, а также о применении оружия Мао Цзэдуном в его войнах на границах с нашей страной и с Индией. Печально то, что эти войны оправдываются в современном Китае.

Авторы фильма внушают своим зрителям в Китае, что КПК — КНР, или Новый Китай, серьезно относятся к границам, охраняют и защищают их. Весь вопрос в том, в какие формы будет выливаться в будущем защита упомянутых границ, имея в виду представления, существующие в КПК — КНР относительно того, что там считают «незаконными» договорами и исторически принадлежавшими Китаю территориями.

«ВОЙНА С СССР»

После того как Мао Цзэдун в 1959 и 1962 годах воевал с Индией, он в 1969 году воевал с СССР.

Таким образом, две войны Мао Цзэдуна в годы его правления в КНР — это войны с двумя самыми крупными соседями Китая.

Мао Цзэдун называл свою политическую партию Коммунистической. Свое государство социалистическим. Согласно теории классовой борьбы, которой он, как это им провозглашалось, руководствовался, его классовым врагом был капитализм и империализм. А войны он повел против социалистического государства — СССР и против хотя и капиталистического, но независимого неприсоединившегося государства — Индии.

В каком духе в КНР в XXI веке средствами самой массовой и самой действенной пропаганды, то есть с помощью пропагандистских документальных фильмов на дисках, населению страны преподносится война Мао Цзэдуна против нашей страны и народа?

Обратимся к рассмотрению пояснительного текста к соответствующему кинофильму.

Цитировать этот текст будем курсивом.

Фильм называется и рекомендуется следующим образом:

Тайная история столкновений на границе Китая и СССР из серии: «Войны Нового Китая».

ISRC CN — 13 — 05 — 0012 — O/V.E

Этот фильм посвящается памяти тех бойцов, которые на протяжении более 40 лет на полях сражений на границе проливали кровь, защищая нашу Республику.

Войны Республики.

Тема фильма обозначена как столкновения на границе Китая и СССР. Речь при этом идет об одной из войн из целой серии «войн Нового Китая», «войн Республики».

Иными словами, авторы фильма хотели бы подчеркнуть для своих зрителей в Китае, что это их война, война их государства, их республики, их Нового Китая, который и вел эти войны по той причине, что не был старым Китаем, глотавшим позор и унижения врагов нации Китая.

Фильм выпущен на экраны в начале XXI века. Из посвящения к фильму следует, что все 40 лет до этого, то есть с конца 1950-х гг., бойцам армии КНР пришлось проливать кровь на полях сражений на границе, защищая республику. Очевидно, зрителей настраивают на то, что военная опасность для КНР существовала практически всегда. Война — необходимое средство защиты современного государства и его интересов. Все это в фильме относят и к нашей стране, к положению на границе с нашей страной, во всяком случае в упомянутые сроки с лишним лет.

Здесь необходимо сразу же сказать, что факты неопровержимо говорят о том, что только и исключительно Мао Цзэдун несет ответственность за то, что на границе между СССР и КНР был сделан первый выстрел, применено оружие, за подготовку и осуществление нападения на наших безоружных пограничных представителей, за дальнейшие бои на восточном и западном участках границы.

Наш народ и наша страна подверглись нападению войск Мао Цзэдуна, действовавших в духе его призыва «Готовиться к войне». Он был председателем Военного совета ЦК КПК — высшего органа по руководству вооруженными силами в современном Китае. Мы находились исключительно в обороне и нанесли только ответный удар. Наше дело в этом случае, безусловно, правое.

В Военном музее революции народа Китая на открытой экспозиционной площадке демонстрируется сделанный в СССР танк Т-62. Это тот экспонат, который привлекает внимание посетителей.

В начале весны 1969 года пограничные войска СССР вторглись на территорию Китая — остров Чжэньбаодао. Этот танк оказался на нашей территории к западу от острова, где он был подбит.

Советская армия бросила в бой целый батальон, пытаясь утащить этот танк. Она попыталась огнем артиллерии полностью уничтожить его. Снаряды пробили броню, и танк ушел на дно. Пограничные войска Китая вытянули его с помощью тягача.

Фильм начинается демонстрацией главного материального свидетельства «победы» Мао Цзэдуна в войне против нашей страны и народа.

«Плененный советский танк» — главный экспонат главного военного музея в Пекине.

Фильм начинается с главного утверждения современной пропаганды КПК относительно войны Мао Цзэдуна против нашей страны и народа: в 1969 году пограничные войска СССР, дескать, вторглись на территорию Китая. Так сразу и безоговорочно оправдывается упомянутая война Мао Цзэдуна.

Остров Чжэньбаодао находится в уезде Хулинь провинции Хэйлуцзян. В настоящее время остров охраняет подразделение пограничных войск Шэньянского военного округа. Там, где оно расквартировано, есть много следов боев.

Остров в свое время укрепляли японцы. В августе 1945 года, когда Советскую армию ввели в Северо-Восточный Китай, здесь были бои с японской Квантунской армией, последние бои в ходе Второй мировой войны.

Место боев — остров Даманский на реке Уссури. В фильме подчеркивается, что этот остров сегодня находится под охраной пограничных войск КНР. Для того чтобы усилить впечатление от намека на то, что войска Мао Цзэдуна в результате боев против нашей армии сумели победить и ныне несут охрану острова, говорится о том, что в свое время японцы не смогли противостоять натиску Советской армии в 1945 году.

При этом не преминули лишний раз употребить термин «ввод Советской армии в Северо-Восточный Китай», характеризуя то, что на самом деле было освобождением Китая и китайцев от 14-летней японской оккупации в результате разгрома нашими войсками лучшей японской сухопутной армии — Квантунской армии; не упоминается и о том, что наш народ отдал жизни своих солдат, чтобы принести китайцам освобождение от японской оккупации.

Итак, здесь имело место сражение.

(Надпись на щитке пулемета с обращенной к зрителям внутренней стороны этого щитка: «Долой советских ревизионистов» или «Повергнем ревизионизм СССР». В кадре из пулемета стреляет солдат армии Мао Цзэдуна.)

Это — сражение между двумя социалистическими государствами.

За спиной у пограничников каждой стороны находились части регулярной армии. У каждой стороны было ядерное оружие.

Если бы не удалось взять сражение пограничников под контроль, никому не известно, чем это могло обернуться, какие формы могла бы принять война.

Это — остров Чжэньбаодао. Его площадь всего 0,74 кв. км. Маленький остров.

Итак, зрителям в Китае внушается мысль о том, что это была война, в которой якобы виновата исключительно наша страна. Она, дескать, началась из-за того, что наши пограничники вторглись на территорию Китая. Солдаты армии Мао Цзэдуна дали им отпор. И если бы наша сторона не обуздала своих пограничников, то еще не известно, какие формы могла бы принять эта война. За спиной у пограничников каждой стороны была регулярная армия, было ядерное оружие. Это — либо угроза применения ядерного оружия, либо, во всяком случае, мысль о том, что в войне против нас такое оружие в случае необходимости, то есть по решению вождя, можно применять.

Зрителям в Китае разъясняется и вопрос о войне против социалистического государства. Нашу страну при этом называют «ревизионистской». Это означает, что она уже не является социалистической, что в нашей стране уже осуществлена «ревизия» социализма. А это, в свою очередь, переводит нас в категорию классовых врагов, война против которых — «дело святое».

Из этого, очевидно, в КНР делается вывод о том, что прав Мао Цзэдун, который начал эту войну, прав солдат его армии, который стреляет из пулемета в наших людей. На щитке пулемета не случайно написано: «Повергнем ревизионистов СССР» или «Долой советских ревизионистов». Стрелять по «совет-

ским ревизионистам» — это правое дело, считал Мао Цзэдун, считают и в современном Китае.

Наконец, здесь упоминается и о том, что бои велись за очень небольшой клочок земли. Здесь подразумевается мысль Мао Цзэдуна и его пропаганды о том, что Китай Мао Цзэдуна никому не отдаст даже клочка земли, в отличие от прежних правителей Китая.

Основное содержание фильма предваряется словами:

1969 год.

Столкновение на границе между Китаем и СССР.

Тайная история.

1968 год. Пекин.

Итак, обозначено время и место событий. Зрителя завлекают обещанием раскрыть тайны этой войны.

Началу ее предшествовали, по мысли авторов фильма, события 1968 года в Пекине.

Война самообороны с целью нанесения ответного удара имела место во время «культурной революции».

Зрителя в КНР сразу ориентируют, как ему сегодня следует относиться к тому, что случилось в 1969 году на границе: тогда, когда Китай переживал беды «культурной революции», внешние враги не дремали, поэтому Новому Китаю, Китаю Мао Цзэдуна пришлось вести против нашей страны войну самообороны с целью нанесения ответного удара.

Тут сразу в наш адрес бросаются два обвинения: во-первых, мы, дескать, воспользовались тяжелой ситуацией внутри Китая, то есть усугубляли беды китайского народа; во-вторых, мы якобы напали на Китай, первыми нанесли удар.

Как следствие всего этого, Мао Цзэдун предстает как тот, кому пришлось одновременно действовать в трудной ситуации в Китае и вести войну, давая отпор вторжению с нашей стороны на территорию Китая.

Мао Цзэдун — главный руководитель КПК, НОАК, КНР. В свои поздние годы он ошибочно начал «культурную революцию».

Во время этой внутренней смуты играли роль две фракции: фракция Линь Бяо и фракция Цзян Цин.

18 августа 1966 года Мао Цзэдун впервые принимал хунвэйбинов, прибывших с разных концов страны. Мао Цзэдун поддержал хунвэйбинов (красных бойцов охраны вождя, то есть Мао Цзедуна) и цзаофаней (бунтарей, поднявшихся на бунт против тех, кого Мао Цзэдун считал «предателями нации» Китая), поднимал их на движение повсеместно по всей стране.

Тогда было разрушено многое из культурного наследия.

Линь Бяо, выдавая черное за белое, говорил, что это самая, самая, самая минимальная цена (за «культурную революцию»), в то время как выгода от этого самая, самая, самая максимальная.

В результате в государстве возник еще больший хаос.

Авторы фильма называют Мао Цзедуна главным руководителем, во-первых, правящей политической партии в Китае; во-вторых, вооруженных сил Китая; в-третьих, современного государства на китайском континенте.

Из этого следует, что Мао Цзедуна представляют как вождя нации Китая, ее ведущей политической силы, ее вооруженных сил и ее государства. Зритель должен проникнуться пониманием величия Мао Цзедуна, грандиозности стоявших перед ним задач.

Далее как бы походя признается, что в свои поздние годы он ошибочно начал «культурную революцию». «Культурная революция», которая унесла и исковеркала жизни миллионов людей Китая, именуется в этом фильме всего-навсего ошибкой; ошибку смягчает то обстоятельство, что дело происходило не в лучшие, а в поздние годы Мао Цзедуна.

Ситуация внутри Китая характеризуется как смута. Авторы фильма стремятся привлечь на свою сторону зрителей фильма признанием ошибочности «культурной революции». Одновременно главную вину за ее «перегибы» возлагают на Линь Бяо и Цзян Цин. Тем самым как бы частично оправдывают Мао Цзедуна, внушают, как трудно ему приходилось тогда.

В обстановке хаоса Мао Цзэдуну тяжело приходилось на внешнеполитическом фронте — так трактуют ситуацию в фильме его создатели.

В это время правительство Китая по просьбе правительства Вьетнама снабжало его большим количеством оружия.

Китай, таким образом, в этой области сталкивался лицом к лицу с Америкой во Вьетнаме.

В августе 1967 года в Сянгане китайцы протестовали против присутствия там англичан.

22 августа 1967 года так называемые пролетарские революционеры столицы, то есть Пекина, собрались у английской канцелярии в Пекине и провели там антиимпериалистическую, антиревизионистскую демонстрацию.

Это привело к осложнениям во взаимоотношениях Китая и Великобритании. Подрывало престиж и образ Китая на мировой арене. (На кадрах лозунг «Долой империализм Британии» и портрет Мао Цзэдуна.)

Несмотря на тяжелую ситуацию в стране, Китай практически находился в состоянии конфронтации с США, поставляя оружие вьетнамцам в больших количествах, — так говорится в фильме. Утверждение о том, что Китай находился при этом лицом к лицу с Америкой, делается для того, чтобы вводить мысль о том, что у Мао Цзэдуна тогда было много врагов, в том числе и США; что он находился тогда во враждебном окружении.

На самом деле Вьетнаму тогда помогали воевать наша страна и КНР. В 1965 году председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин предлагал совместными усилиями СССР и КНР закрыть небо над Вьетнамом от налетов авиации США. Мао Цзэдун не согласился на это. А. Н. Косыгин имел тогда все основания заявить прямо в глаза Мао Цзэдуну: «Вашей борьбы против империализма не видно».

Далее в фильме говорится о том, что Мао Цзэдуну было трудно поддерживать нормальные отношения с Великобританией.

С одной стороны, он должен был считаться с осуждением пребывания англичан в Сянгане, разделяя эти чувства.

С другой стороны, он не сразу смог обуздать демонстрации у канцелярии Великобритании в Пекине, здание которой было сожжено.

Рассказывая об этих событиях, авторы фильма последовательно воспитывают зрителей в духе вражды и ненависти к нашей стране.

В фильме говорится, что демонстрации у британского представительства проходили под лозунгом борьбы одновре-

менно и против империализма, и против ревизионизма, то есть против нашей страны и народа.

Это делается намеренно с тем, чтобы поддерживать у зрителей фильма убеждение в том, что даже тогда, когда речь идет о Великобритании и ее политике в отношении Китая, начиная с Опиумных войн, китайцы не должны забывать, что наибольшую выгоду в то время от ущемления интересов Китая получила «царская Россия», а следовательно, и ее преемник «Советская Россия».

Авторы фильма здесь же внушают зрителям мысль о том, что даже во время «культурной революции» Мао Цзэдуну приходилось не допускать осложнений в отношениях с Великобританией, не допускать подрыва образа и престижа Китая на международной арене. Это лишний раз свидетельствует о том, что у Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей существовало разное отношение к нашей стране и к США и другим государствам Запада.

Три года тому назад Китай стал обладателем собственного ядерного оружия. 16 октября 1964 года было произведено испытание первой атомной бомбы, произведенной в Китае. Китайцы ощутили себя непобедимой мощной державой.

17 июня 1967 года Китай провел испытание атомного оружия в воздухе. Так Китай разрушил монополию США и СССР на обладание ядерным оружием.

Хотя правительство Китая и заявило, что Китай обладает ядерным оружием исключительно в целях обороны и Китай никогда и ни при каких обстоятельствах не применит ядерное оружие первым, однако, если когда-либо возникнет угроза агрессии против Китая, у него есть возможность дать ответ.

С каждым днем возрастала угроза безопасности Китая, это требовало усиления работы в армии. Таким был этот период в жизни Республики. Мао Цзэдун сказал: «Надо готовиться воевать».

Очень важным представляется объяснение в этом фильме мышления Мао Цзэдуна в 1960-х гг. Собственно говоря, внутри страны Мао Цзэдун начал и осуществил «культурную революцию» как операцию по очищению тыла от тех, в ком он видел врагов своей стратегии, направленной на подготовку войны

против нашей страны, на осуществление кратковременной, пограничной, но войны с жертвами и кровопролитием, с тем чтобы противопоставить одну другой нации Китая и России и одновременно заполучить дипломатическое признание КНР со стороны США. Это была главная стратегическая задача Мао Цзэдуна на том историческом этапе.

Еще одной важной составной частью стратегического мышления Мао Цзэдуна было его стремление заполучить в свои руки ядерное оружие, атомную бомбу. Далеко не случайно в 1954 году, то есть сразу же после того, как для этого со смертью Сталина появились условия, Мао Цзэдун потребовал от Н. С. Хрущева дать ему атомную бомбу. Обстоятельства сложились таким образом, что сначала Н. С. Хрущев не хотел делать этого, однако потом, очевидно исходя из информации о том, что Мао Цзэдун так или иначе получит эту бомбу, пошел на передачу Мао Цзэдуну секретов производства ядерных вооружений.

В 1960-х гг. Мао Цзэдун заполучил атомную бомбу. В фильме это трактуется как разрушение монополии СССР и США на обладание этим оружием. (На самом деле им обладали еще и Великобритания и Франция.) Но авторам фильма важно строить в головах у зрителей картины концепцию, согласно которой Мао Цзэдун был прав, когда считал, что КНР находится во враждебном окружении, что он был прав, превращая «культурную революцию» в истребление «предателей нации» (тогда пропаганда Мао Цзэдуна назвала «предателем нации» председателя КНР Лю Шаоци, который выступал за сплочение наших стран), а также был прав в своем стремлении заполучить атомную бомбу. Обладание атомной бомбой трактуется в фильме как получение Мао Цзэдуном возможности «дать ответ».

Итак, позиция Мао Цзэдуна складывалась из двух главных частей: во-первых, у Китая есть враги, поэтому необходимо, чтобы вся нация Китая «готовилась воевать», участвовала в «подготовке войны»; во-вторых, отныне имеется определенная свобода рук, потому что в руках у Мао Цзэдуна есть атомная бомба; это, собственно говоря, гарантирует Китай от «большой войны», но позволяет вести «малые войны» или «неоконченные войны».

Авторы фильма откровенно заявляют, что в 1960-х гг., в годы «культурной революции», с каждым днем возрастала

угроза безопасности Китая; это требовало усиления работы в армии; таким был этот период в жизни республики; Мао Цзэдун сказал: «Надо готовиться воевать».

Именно этот лозунг, этот призыв, эта установка определяли политику Мао Цзэдуна, особенно в том, что касалось нашей страны и народа. Мао Цзэдун сознательно взял курс на то, чтобы начать войну против нас, чтобы в результате кровопролития разделить наши народы, чтобы заставить США дипломатически признать КНР, исходя из того, что для Мао Цзэдуна наш народ и наша страна являлись врагом, военным врагом.

Дав такую характеристику политики Мао Цзэдуна перед началом им войны против нашей страны и народа, авторы фильма переходят к трактовке действий Москвы.

«1968 год. Москва».

Эта надпись сделана белыми иероглифами на черном фоне: знак траура и мрачности, серьезности событий.

6 ноября 1967 года два самых авторитетных в то время органа печати в Китае (журнал «Хунци» и газета «Жэньминь жибао») опубликовали статью под заголовком «При диктатуре пролетариата должно продолжать революцию». Был выдвинут призыв к свержению одного класса другим классом. (Эти слова идут на фоне кадров парада в Москве.)

Следующий день как раз и был днем празднования годовщины Октябрьской революции в СССР. В Москве был проведен большой парад по случаю 50-летия Октябрьской революции.

Еще до начала «культурной революции», в 1965 году, руководители КПК в беседах с представителями нашей страны уже говорили: «Наши противоречия с вами — это классовые противоречия». 27 января 1967 года газета «Жэньминь жибао» писала: «Мы уверены, что наступит день, когда лучезарное красное знамя марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна высоко взвьется над Красной площадью, над родиной Октябрьской революции». Министр иностранных дел КНР Чэнь И в начале февраля 1967 года заявлял: «проблема СССР, возможно, будет иметь развитие; возможно, придется разорвать с СССР дипломатические отношения; возможно, придется воевать». В это же время на стенах домов в Пекине стали появляться лозунги: «СССР — наш враг!», «Долг крови придется

платить кровью!», «Выступающие против Китая добром не кончат!», «С китайским народом шутки плохи!».

Появление 6 ноября 1967 года в газете «Жэньминь жибао» и в журнале «Хунци» статьи под заголовком «При диктатуре пролетариата должно продолжать революцию» было естественным продолжением пропагандистской кампании Мао Цзэдуна. В этой статье был выдвинут призыв к свержению одного класса другим классом. Этот текст в фильме произносится на фоне кадров парада в Москве. Иными словами, Мао Цзэдун внушал населению КНР, что наш народ и наша страна — это классовый враг Китая, а с классовым врагом поступают, применяя вооруженные силы.

Во время Великой Отечественной войны армия СССР показала свою силу. После войны поддерживалась мощь военного потенциала. Государство создавало мощные сухопутные войска, военно-морские силы, военно-воздушные силы, силы ПВО. Создавались новые современные виды оружия.

В конце 1960-х гг. СССР, в общем, сравнялся по ядерным вооружениям с США. Обычные вооружения у СССР были хуже, чем у американцев, но по количеству их было во много раз больше, чем у американцев.

СССР занимался гонкой вооружений, соревнуясь с Западом во главе с американцами. Военные силы СССР наращивались.

Мао Цзэдун говорил: «США и СССР как раз и ведут борьбу за гегемонию в мире».

Здесь, с одной стороны, для зрителей в КНР подчеркивалось, что СССР делал ставку на мощные вооруженные силы при проведении своей внешней политики. Следовательно, уже одно это создавало угрозу для Мао Цзэдуна.

С другой стороны, в фильме приводятся слова Мао Цзэдуна: «США и СССР как раз и ведут борьбу за гегемонию в мире». Тем самым зрителей подталкивали к выводу о том, что «ответный удар» по СССР будет позитивно встречен в США.

Затем СССР предпринял действия, поразившие весь мир. Имеются в виду пражские события.

20 августа 1968 года советские транспортные самолеты высадили на пражском аэродроме десант и захватили аэродром. После этого туда стало прибывать много войск, тех-

ники, танков, бронетранспортеров, орудий. СССР, Польша, Восточная Германия, Венгрия, Болгария, пять государств, направили войска общей численностью в 50 тысяч солдат, которые насильно пересекли границы Чехословакии с севера, северо-востока и с юга.

Чехословакия была поставлена под контроль. Из событий в Праге Китай с полной ясностью увидел, что СССР в своем развитии уже стал тем, кто использует военную силу для решения идеологических разногласий между социалистическими государствами.

Здесь вводится важный тезис, с помощью которого обосновывается война Мао Цзэдуна против нашего народа и нашей страны.

Зрителям в КНР предлагается смотреть на ситуацию следующим образом:

по названию, декларативно государство может именовать себя социалистическим,

однако, если оно «пошло по ошибочному пути», осуществило ревизию теории, которой оно ранее руководствовалось, превратилось в ревизионистское государство, это открывает двери к войнам такого государства против подлинно социалистической страны, то есть против КНР, просто потому, что она (КНР),

во-первых, стала классовым врагом, и,

во-вторых, потому что ревизионистское государство по своей природе стремится навязывать свое господство всем тем, в ком оно видит врага.

В качестве примера действий СССР как ревизионистского государства в фильме приводятся события в Чехословакии в 1968 году.

Именно на этом основании в фильме и сделан вывод о том, что СССР уже стал таким государством, которое «использует военную силу для решения идеологических разногласий между социалистическими государствами».

У зрителей в КНР создают впечатление, что наша страна сначала переродилась, затем из-за этого возникли идеологические разногласия между СССР и КНР, и, наконец, наша страна в 1960-х гг. стала представлять собой военную угрозу для Китая.

На самом деле никогда наша страна не представляла никакой военной угрозы для Китая, никогда в нашей стране не планировалось никаких военных действий на границе с КНР.

Более того, в нашей стране вплоть до начала Мао Цзэдуном применения огнестрельного оружия на границе в 1969 году никто из власть имущих, да и подавляющее большинство людей в стране не думали, что вообще мыслима, допустима и возможна война между социалистическими государствами.

Все построения авторов фильма направлены на оправдание нападения Мао Цзэдуна на нашу страну, на оправдание воспитания нации Китая в духе военной вражды и ненависти к нашей стране. Это потребовало введения идеи о существовании некоего «ревизионизма», которая позволила пропаганде Мао Цзэдуна представлять наш народ и нашу страну смертельными классовыми военными врагами нации Китая.

Китай, будучи тем государством в лагере социализма, которое имело идеологические разногласия с СССР, также готовился дать отпор такому применению силы.

Тут дело обстояло именно так, как говорил Мао Цзэдун: «Надо готовиться воевать».

Авторы фильма постоянно повторяют мысль Мао Цзэдуна: **надо готовиться воевать**. Имеется в виду война против нашего народа и нашей страны. Именно это и была главная мысль в идеологии Мао Цзэдуна, с помощью которой он пытался продолжать владычествовать в КНР и установить отношения понимания именно в вопросе о войне с США.

Первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии А. Дубчек, президент Чехословакии Л. Свобода и другие были доставлены под вооруженным конвоем в Москву для переговоров с руководителями СССР. Эти действия СССР вызвали повсеместное осуждение во всем мире.

Вот президент Югославии Тито. После того как его разногласия с СССР стали открытыми, он всегда выступал за независимый курс. Он был обеспокоен защитой восточной части своей страны от СССР.

Албания тоже насторожилась. Это маленькая горная страна на берегу Адриатического моря, население которой не превышает и миллиона человек. Все население Албании было

мобилизовано. Албания заявила о выходе из Варшавского пакта и об отказе выполнять обязательства, вытекающие из него.

Первым секретарем Албанской партии труда был в то время Энвер Ходжа.

Председатель Совета Министров Албании Мехмет Шеху прибыл в Китай. Албания в то время была единственным союзником и другом Китая в Восточной Европе. Китайцы считали Албанию маяком социализма в Европе.

Авторы фильма пытаются подкрепить правильность призыва Мао Цзэдуна «готовиться воевать, готовиться к войне», имея в виду войну против нашего народа и нашей страны, ссылками на ситуацию в ряде стран Восточной Европы.

В принципе и в истории есть примеры одинакового отношения руководителей СССР и КНР к событиям, скажем, в Польше и в Венгрии в 1956 году. Тогда Мао Цзэдун поддерживал ввод войск в Венгрию.

Можно упомянуть и о том, что Мао Цзэдун никогда не сочувствовал руководителям Пражской весны 1968 года, если говорить об отношении к демократии и свободе.

Главное же в данном случае, пожалуй, в том, что у руководителей нашей страны никогда не было намерений ставить под свой контроль ни одно из государств Азии, которые стали социалистическими после Второй мировой войны: КНР, КНДР, СРВ.

После ввода советских войск в Прагу там на перекрестках появились надписи: «Ленин очнулся и ужаснулся: Брежнев-то сошел с ума».

Вслед за этим Брежнев выдвинул положение о высшем суверенитете великой семьи социалистических государств, при котором суверенитет каждого государства, входящего в эту семью, имеет свои ограничения.

Такая мысль об ограниченном суверенитете оправдывала вооруженное вмешательство со стороны СССР. Некоторые наблюдатели на Западе считали, что все это также в большой степени имеет своим адресатом Китай.

В целом авторы фильма стремятся внушить сегодняшним зрителям их картины в КНР, что наша страна в 1960-х гг. стала, дескать, представлять собой государство, которое теорети-

чески и практически открыло путь к вооруженному вмешательству во внутренние дела КНР, то есть было готово воевать против КНР, стало военной угрозой с севера для Китая. Тем самым оправдывается политика Мао Цзэдуна, готовившего войну против нашей страны.

На самом деле правдой здесь была лишь подготовка Мао Цзэдуном войны против нашего народа и нашей страны. Наш народ и наша страна никогда никакой военной угрозы для Китая не представляли. Главное зло пропагандистского заряда этого фильма состоит в утверждении мысли о необходимости для китайцев и в истории, и в настоящем всегда смотреть на нашу страну как на исторического территориального должника, как на военную угрозу Китаю. С помощью соединения антисоветизма и русофобии Мао Цзэдун добился внесения раскола в отношения между нашими народами и странами.

Следующая часть фильма называется:

«Граница протяженностью в 6 тысяч километров».

Далее следует краткая характеристика границы, а затем излагается предыстория событий 1969 года.

Китай — это крупное государство.

СССР — это тоже крупное государство. Между этими двумя крупными государствами сформировалась граница протяженностью в 6 тысяч километров. Это — самая длинная сухопутная граница между двумя государствами во всем мире.

На карте белым цветом обозначены Монголия, Корея, все государства от Вьетнама до Афганистана, а также остров Сахалин; есть и некие белые пятна вдоль побережья российского Дальнего Востока. Почему белым цветом обозначен остров Сахалин и прочие районы вдоль побережья нашего Дальнего Востока, остается только гадать. Можно, однако, заметить, что все это не окрашено в цвета России.

Граница между Китаем и СССР подразделяется на два участка: восточный и западный. На восточном участке граничат между собой район Северо-Восточного Китая и район Дальнего Востока СССР, а на западном участке район Синьцзяна Китая и район Центральной Азии СССР.

Западный участок границы — это пустыня и степи. Прохождение линии границы на большей ее части здесь не очень ясное. В некоторых местах пограничный знак приходится на десять с лишним километров границы.

Положение на границе было различным; здесь можно выделять два периода.

В период дружбы Китая и СССР граница была спокойной и на ней не было инцидентов.

Скотоводы пасли скот, он часто переходил границу. Обе стороны в этих случаях проявляли понимание.

Однако, когда отношения Китая и СССР стали напряженными, ситуация стала совсем иной. СССР направлял вертолеты выгонять скот. Пограничники на тракторах прокладывали полосу вдоль границы шириной в 10 метров.

Если туда направлялся китайский скот, стреляли, отпугивая его. Если скот пересекал границу, его угоняли к себе.

Советская сторона применяла бронемашин, чтобы выгонять китайских скотоводов и их скот. Использовала их против нашего гражданского населения в районе границы.

Все это советская сторона делала специально, чтобы создавать напряженную обстановку на границе, делала с провокационными целями.

На самом деле все обстояло ровно наоборот. Мао Цзэдун еще в 1958 году фактически ориентировал МИД и пограничные войска на подготовку конфликтов на границе. Именно и только войска Мао Цзэдуна, используя приграничное мирное население, с начала 1960-х гг. начали провоцировать инциденты и создавать напряженную обстановку на границе.

В понятие «войны с СССР» авторы фильма включают не только события 1969 года на острове Даманский в районе Жаланашколь. Авторы фильма обращаются к событиям 1962 года, когда более 60 тысяч людей бежали из КНР в СССР. Такой массовый стихийный переход границы людьми из одной страны в другую страну — редкое явление в истории на планете.

Это произошло по нескольким причинам.

Во-первых, людям нечего было есть.

Во-вторых, люди, не ханьцы по национальности, не желали жить под господством ханьцев, выносить высокомерное ве-

ликодержавно-шовинистическое поведение ханьцев по отношению к ним на их же исконной территории; оказавшись в безвыходном положении, они предпочитали соединиться со своими родственниками в СССР.

В-третьих, политика властей КНР фактически ущемляла интересы коренных, то есть неханьских, народов Синьцзян-Уйгурского автономного района; речь шла, в частности, о переселении значительного числа ханьцев из других районов Китая с прицелом на то, чтобы превратить коренных жителей этого района, не ханьцев, из большинства в национальное меньшинство.

В какой-то степени это наводит на мысль о том, что и в этом случае можно принимать во внимание установку, пропагандируемую среди китайцев — ханьцев, проживающих за границами КНР: мы никогда и нигде не будем национальным меньшинством.

В связи с этим можно сопоставить два события:

в 1959 году немало людей из Тибетского автономного района бежали из КНР в Индию;

в 1962 году немало людей из Синьцзян-Уйгурского автономного района бежали в СССР.

Очевидно, что выработать и осуществлять национальную политику внутри Китая, приемлемую для подавляющего большинства людей неханьских национальностей, трудно.

В этом фильме его авторы пытаются переложить вину за массовый исход десятков тысяч людей из КНР в СССР на нашу сторону.

Прежде всего масштабы исхода таковы, что совершенно ясно, что в массе своей люди бежали сами от безысходности, голода и притеснений.

Вообще вопрос о приграничных районах, об их коренных жителях — сложный, деликатный вопрос.

Границы КНР в настоящее время таковы, что несколько народов оказались разрезанными ими на части.

Это корейцы, монголы, народы Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Нации оказались разделены.

Но личные, семейные, общинные, национальные связи между людьми с исторически традиционным образом жизни и образом мыслей сохранились.

Следовательно, после создания КНР встала задача умиротворения этих людей.

Здесь возможны два пути:

либо максимальное удовлетворение их духовных и, возможно, в определенной степени материальных запросов, сохранение связей с родственниками за границей при вполне определенном и неизменном положении государственной границы КНР;

либо курс на разделение и отделение, даже на противопоставление «людей Китая», то есть «людей, принадлежащих Китаю», «подданных» КНР, и «людей не Китая», «подданных» соседних государств, в том случае, когда речь идет о разделенных нациях.

В фильме события 1962 года подаются в следующем виде:

Весной 1962 года в Китае начался период, когда экономическое положение действительно было трудным. Простому народу жилось нелегко. Советские власти использовали эти трудности для того, чтобы создавать напряжение на границе.

К западу от Синьцзяна расположен район Центральной Азии СССР. Там живут люди многих национальностей. По обе стороны границы между Китаем и СССР некоторые люди принадлежат к одной и той же национальности.

В это время консульства СССР в Или и в Урумчи и Ассоциация советских граждан в районе Или и Тачэна разослали более 100 тысяч виз советских граждан, что вызвало волнения и беспорядки.

Группа сотрудников КГБ под видом посещения родственников была заслана в пределы Китая, чтобы способствовать распространению внутреннего предательства и провокационной деятельности.

Нельзя лишний раз не подчеркнуть, что в настоящее время, на рубеже первого и второго десятилетий XXI века, пропаганда КПК воспитывает население страны в духе обвинений в адрес нашего народа и нашей страны в том, что они, дескать, использовали трудности в Китае, особенно голод в КНР, для того, чтобы создавать напряженность на границе, и, следовательно, пытались оказывать давление на Мао Цзэдуна; а также обвинений в том, что СССР использовал аппарат КГБ для того, чтобы засылать в КНР своих агентов, вести против Мао Цзэ-

дуна и его политики в отношении нашей страны работу, состоявшую в «распространении внутреннего предательства и провокационной деятельности».

Это означает, что нашу сторону обвиняют в том, что в начале 1960-х гг. органы государственной безопасности СССР якобы вели незаконную подпольную деятельность в КНР в целях создания там пятой колонны, воспитания национальных предателей, предателей нации Китая.

Это — чудовищная ложь, в которой нет ни слова правды. Тем опаснее распространение такой пропаганды сегодня в Китае.

На самом деле что было делать нашей стороне тогда, когда тысячи людей в КНР стремились бежать, прежде всего от голода, созданного политикой Мао Цзэдуна, и соединиться со своими родственниками, проживавшими в СССР. Наши консульства выдавали визы таким людям для поездки в СССР. Вот и вся наша «провокационная» деятельность, которую сегодня в КНР приравнивают к тому, что мы якобы «сеяли в Китае пятую колонну национальных предателей».

Тут ведь обвинение такого рода касалось не только нашей стороны. Граждан КНР, которые спасались от голода, власти КНР начиная со времен правления Мао Цзэдуна обвиняют в том, что они совершают национальное предательство, предают нацию Китая. На практике это означает отделение и разделение, противопоставление друг другу людей, семьи которых оказались разделены государственной границей и которые стремились к воссоединению семей, тем более в таком бедственном положении, когда им нечего было есть в результате политики Мао Цзэдуна.

22 апреля 1962 года на границе Китая и СССР возник бунт.

Неподалеку от границы расположен город Хоргос — главный пункт сообщения между Китаем и СССР. Беспорядки, мятеж захватили четыре округа — Алтай, Тачэн, Боэртала, Или, более 20 уездов. Все это на границе протяженностью более 3 тысяч километров.

Большое число людей из приграничного населения Китая в нескольких важных пунктах пересечения границы на тракторах и телегах, запряженных буйволами, прорвали кордоны сдерживавших их кадровых работников и пограничников и ушли в пределы СССР. Днем советские власти встречали их на

грузовиках, а ночью прожекторами указывали им путь. Это продолжалось трое суток. В общей сложности бесчестно вынудили перейти в СССР 67 тысяч человек. Только из двух китайских уездов бежали сотни людей.

Случившееся весной 1962 года на западном участке границы между Китаем и СССР было самым крупным бегством людей через границу после Второй мировой войны. С этого времени частичные, отдельные столкновения на границе стали перерастать в напряженность на всей границе.

Вот перед нами характерный прием пропаганды КПК: с одной стороны, констатируется факт: «самое крупное бегство людей через границу после Второй мировой войны»; с другой стороны, зрителям фильма внушается беспардонная ложь, что все это, дескать, было мятежом, организованным нашей стороной, и, мало того, именно это и было началом создания напряженности на всей границе между СССР и КНР, в котором повинна исключительно наша сторона.

На самом деле исход более 60 тысяч людей из КНР был исключительно их массовым стихийным движением. Вина за это лежит исключительно на внутренней политике Мао Цзэдуна как в области экономики, так и в сфере межнациональных отношений.

После этих событий заместитель начальника штаба Синьцзянского военного округа генерал-майор Цулунтаев и командующий Илийским военным округом генерал-майор Марков подали рапорта с просьбой разрешить им уехать в СССР. Просьба была удовлетворена. Вместе с ними уехали 40 младших офицеров Синьцзянского военного округа.

С этого времени на западном участке границы между Китаем и СССР в душе у советских пограничников возникло ощущение некоего превосходства.

Здесь упоминается о событии, которое в одно и то же время является частным случаем и отражает результат политического курса Мао Цзэдуна в области взаимоотношений между людьми наших двух стран.

Отношения между ВКП(б) / КПСС и КПК исторически сложились таким образом, что не единичными были случаи, когда человек из одной страны мог быть одновременно членом

двух коммунистических партии: своей и соседней страны, СССР и Китая. Были случаи, когда человек из одной страны мог быть командиром или офицером армии соседней страны: СССР и Китая. В частности, так волей истории и коммунистических партий СССР и Китая случилось в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

С образованием КНР и персонально для каждого из таких людей, и для властей КПК — КНР стал возникать вопрос о том, как упорядочить ситуацию.

И снова здесь было два пути: либо признать заслуги этих людей и предоставить им возможность спокойно работать в интересах КПК — КНР; либо отторгнуть их как национальных предателей, выдать их в СССР. Мао Цзэдун, в соответствии со своим общим подходом к этой проблеме, избрал второй путь. Так десятки офицеров НОАК, которые до того много лет честно служили делу КПК, были вынуждены выехать в СССР.

Авторы фильма пытаются, упоминая об этом случае, настраивать зрителей фильма на враждебное отношение к нашим пограничникам, которых они совершенно безосновательно обвиняют в появлении у них в душе чувства превосходства над китайцами.

Современные китайские пропагандисты считают себя способными влезть в душу человека и говорить как бы от его имени. Это недостойно честного человека, но вполне обычно для бойцов фронта пропаганды идей Мао Цзэдуна.

Синьцзян связан с внутренними районами Отечества только одной протяженной железной дорогой. Из столицы Синьцзяна Урумчи не было железнодорожного сообщения с главными городами Синьцзяна. И если бы в этих условиях когда-либо на западном участке границы между Китаем и СССР возникло крупное вооруженное столкновение, Китаю было бы трудно перебрасывать в район столкновения на границе большие силы в относительно короткое время.

В СССР в Центральной Азии были крупные промышленные и железнодорожные центры — города Алма-Ата, Ташкент, Душанбе. Они могли оказать тыловую поддержку пограничным войскам.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед-пресс, проанализировав состояние Советской армии на западном участке

границы между Китаем и СССР, писал, что СССР никоим образом не удовлетворится действиями только на границе с Синьцзяном. В Синьцзяне есть все факторы, ведущие к большой войне. Территория Синьцзяна равна совокупной территории Италии, Франции, Германии и Англии. Там есть стратегические природные ресурсы, которые можно разрабатывать: нефть, уголь, цветные металлы. Там есть уран, необходимый для производства атомной бомбы. Синьцзян имеет для Пекина и для Москвы важное географическое, политическое, военное и экономическое значение. Поэтому отделение Синьцзяна от КНР — это, весьма вероятно, одна из основных целей СССР.

Зрителям фильма предлагают смотреть на нашу страну как на врага, который якобы всегда замышлял оторвать от Китая его северо-западную часть, населенную изначально уйгурами и людьми других национальностей — не ханьцами.

Собственно говоря, все это связывается с утверждением Мао Цзэдуна о том, что наша страна якобы хотела отнять у Китая «три колонии», или «три сферы влияния»: Маньчжурию, Монголию и Синьцзян. Так Мао Цзэдун пытался внушать населению Китая мысль о единой экспансионистской, захватнической политике русских царей-императоров и Сталина и других руководителей Советской России.

Вот и в данном случае перед нами попытка настраивать зрителей этого фильма в КНР на восприятие войны Мао Цзэдуна против нашего народа и нашей страны в 1969 году как меры, вызванной, дескать, планами захвата, в частности, Синьцзяна.

Здесь зрителям предлагается такая трактовка действий, или, точнее, планов нашей стороны, которая никоим образом не сводится только к напряженности на границе и к пограничным инцидентам или конфликтам.

Нет, речь идет о стратегической угрозе войны за отрыв Синьцзяна от Китая, чему, дескать, и противодействовал Мао Цзэдун методами ведения войны или военных действий.

В фильме прямо рассуждают о возможности крупного вооруженного столкновения в Синьцзяне, на границе СССР и КНР. При этом вводится мысль о том, что Мао Цзэдуну в усло-

виях такой нависшей якобы опасности с нашей стороны приходилось действовать в трудной ситуации. Трудно, дескать, было подавать войска из собственно Китая в Синьцзян.

Это рассуждение скопировано с мысли С. Ю. Витте, который в 1896 году говорил Ли Хунчжану о том, что без железной дороги через Маньчжурию России трудно было бы подавать свои войска, чтобы защищать территорию Китая от вторжения японских агрессоров.

Далее со ссылкой на западного журналиста вводится мысль о том, что «СССР никоим образом не удовлетворится действиями только на границе с Синьцзяном»; что в Синьцзяне есть все факторы, «ведущие к большой войне»; там есть стратегические природные ресурсы; есть уран, необходимый для производства атомной бомбы. И прямо делается вывод: «отделение Синьцзяна от КНР — это, весьма вероятно, одна из основных целей СССР».

Так в умы зрителей фильма внедряется мысль о «большой войне» и о стратегии нашей страны, целью которой якобы являлось «отделение Синьцзяна от КНР».

Вот для чего создаются такие фильмы в КНР. Вот на что настраивают население КНР. Его воспитывают в духе отношения к нам как, во всяком случае в истории, к военному врагу, как к стратегическому врагу, который якобы планировал отделить от КНР большие куски его территории.

Мысль Мао Цзэдуна о допустимости, возможности войны против нас, о необходимости готовить такую войну и сегодня сохраняется пропагандой КПК со ссылкой в данном случае на историю наших отношений, трактуемую в духе вражды и ненависти к нашему народу и нашей стране.

Для такого рода обвинений не было и нет никаких оснований. Тем более опасной представляется такого рода трактовка истории наших взаимоотношений.

Чем больше советские пограничные войска занимались провокациями, тем более настойчиво командиры и бойцы китайской армии доводами разума боролись против этого.

Однако обстановка накалялась.

(Кадры: бронекатера на Амуре и китайские лодки.)

Демонстрация превосходства и самодовольства советскими моряками.

(Кадры: применение пожарных рукавов. Струи воды бьют по китайским лодкам и рыбакам. Китайцы обрубают шланги, бьют шестами.)

На самом деле все было наоборот. Инициаторами провокаций всегда выступали солдаты армии Мао Цзэдуна. Наши пограничники без применения оружия старались сдерживать провокаторов.

Утверждения авторов фильма — это полная ложь.

Восточный участок границы состоит главным образом из трех рек: Аргуни, Амура и Уссури.

600 островов на Амуре и Уссури были в руках СССР.

Хэйлуңцзян по-русски Амур.

ТАСС выступил с заявлением в 1968 году.

Советская сторона усилила свои пограничные силы.

Китайская сторона отказалась от патрулирования. На реках было трудно увидеть китайские суда.

Между Китаем и СССР были переговоры о границе.

Однако результата не было. И пока китайцы поддерживали статус-кво.

Такова общая характеристика ситуации на восточном участке границы. Суть того, что хотели бы внушить своим зрителям авторы фильма, состоит в утверждении, что границы, признанной обеими сторонами, якобы не существовало; советская сторона, дескать, силой удерживала то, что ей не принадлежало; переговоры, на которые соглашалась китайская сторона, результатов не дали; китайская сторона проявляла сдержанность и пока поддерживала статус-кво на границе. (Это, в частности, похоже на трактовку взаимоотношений между КНР и Индией, о чем речь шла выше.)

Все эти утверждения противоречат фактам.

Далее авторы фильма переходят к трактовке истории границы.

«Столетняя история».

(Карта с включением Монголии в состав Китая.)

Думается, что это далеко не случайно. Дело тут не только в том, что в истории был период, когда монголы установили

свою власть над Китаем и в Китае правила монгольская династия Юань (1280–1367). В современном Китае истории правления всех династий, в том числе и династий не ханьцев по национальности, предлагается считать единой историей единой нации Китая, нации Чжунхуа; при этом и монголам предлагается видеть свою историю как часть истории Китая, а себя как часть нации Чжунхуа, с чем монголы, во всяком случае в Республике Монголии, не согласны.

Но, пожалуй, главное тут в том, чтобы напомнить зрителям в современной КНР, что карта Китая напоминает красивый, идеально правильный лист шелковицы (тутового дерева), из которого кто-то «выел» или «выгрыз» его верхнюю часть — Монголию. Это напоминание о том, что Мао Цзэдун дважды, и Сталина, и Хрущеву, намекал на желательность «вернуть» Монголию в состав Китая; то же самое сделал Дэн Сяопин в беседе с Горбачевым в 1989 году. Вопрос «подвешен» этими руководителями КПК — КНР и остается «подвешенным» до сих пор. По крайней мере, наш народ и нашу страну обвиняют в том, что нынешняя Республика Монголия не представляет собой часть КНР.

Говорить о границе между Китаем и Россией нужно, погружаясь в историю.

Здесь играла роль политика России, которая заключалась в продвижении на восток.

Вот последний император России Николай Второй проверяет боеготовность своей армии. Россия, где он властвовал, обладала самой большой территорией среди всех государств на Земле.

История нашей страны в современной КНР трактуется как 500-летняя экспансия, как захватническая политика.

При этом России в вину пытаются ставить то, что она «обладала самой большой территорией среди всех государств на Земле». Это — своего рода призыв к другим государствам присоединиться к Мао Цзэдуну и его приверженцам в их усилиях сократить территорию России.

Однако общеизвестно, что еще во времена династии Мин царская Россия не прекращала своего продвижения на восток.

(Карта с включением нашего Дальнего Востока в состав Китая.)

Итак, здесь в фильме вводится термин «царская Россия». Авторы фильма, как и другие пропагандисты КПК — КНР, называют нашу страну в этот период ее жизни исключительно «царской Россией». При этом Китай они именуют также исключительно Китаем, не присовокупляя к этому наименованию никакого определения. Здесь они блюдут «чистоту нации». Нация Китая, Нация Чжунхуа — это хорошо, внушают они своим читателям и зрителям, а «царская Россия» — это плохо, это «враг» и «захватчик» территории Китая.

Нашу страну обвиняют в том, что она на протяжении «двух династий и одной Республики» совершала экспансию в отношении Китая. В первый раз все это началось еще при династии Мин (1368–1644), то есть при «чисто ханьской» династии, затем продолжилось при династии Цин (1644–1911) — маньчжурской династии, а далее так было при Китайской Республике (1912–1949). И только при Китайской Народной Республике Новый Китай стал со всей решительностью ставить вопрос о реестре еще не возвращенных, но захваченных в истории нашей страной — и во времена «царской России», и во времена «Советской России», то есть СССР (с 1917 по 1949 г.), — территорий Китая.

При этом все это обобщается и осуждается как «движение на восток».

Представляется, что такого рода подход к истории очень опасен. Если в этой ситуации действовать, как говорят в КНР, острием против острия, то попутно можно вспомнить, что 64 % территории современной КНР — это исконные земли около 10 % населения этой страны, которое не является ханьцами. Почему в одних случаях такого рода расширение территории надо считать естественным, а в других — осуждать как экспансию?

Россия достигла Берингова пролива на восточном участке Евразии. Одновременно раз за разом захватывала территорию Китая.

Царская Россия навязала Китаю неравноправные Айгунский и Дополнительный Пекинский, а также Илийский договоры. Она отняла у Китая земли к северу от реки Хэйлуцзян, к востоку от реки Усулицзян и вдоль границы с Синьцзяном, к западу от этой границы (включая, если судить по карте, Памир).

(Карта «захваченных» территорий.)

В общей сложности более полутора миллионов квадратных километров.

Маркс и Энгельс осуждали царскую Россию за захват земель Китая. Бессовестные разбойники, они захватили земли между озером Байкал и Татарским проливом. Эта территория равна Франции и Германии, вместе взятым.

Вот перед нами реестр земель, которые в КПК — КНР на рубеже первого и второго десятилетий XXI века считают «захваченными» в истории нашим народом и нашей страной у Китая.

Россию осуждают за то, что достигла берегов Берингова пролива. Тут просвечивает и желание сравнить нас с Америкой.

А дальше переходят к перечислению того, что Россия якобы «отхватила» у Китая.

Прежде всего здесь вводится термин «неравноправные» договоры применительно к договорам о границе, подписанным обеими сторонами во второй половине XIX века.

При этом не вспоминают о Нерчинском договоре, который был подписан в 1689 году и представлял собой, если зеркально посмотреть на него так, как это делается в данном фильме, несправедливым и неравноправным по отношению к России. По Нерчинскому договору Великая Цинская империя захватила земли, которые уже несколько десятилетий принадлежали России.

Нерчинский договор был навязан нашей стороне под военным давлением. Договоры второй половины XIX века представляли собой в известной степени возвращение отторгнутых земель и были подписаны в условиях мирного времени.

Авторы фильма ссылаются на Маркса и Энгельса с тем, чтобы охарактеризовать русских людей как бессовестных разбойников, которые якобы захватили у Китая территорию, равную Германии и Франции, вместе взятым; имеются в виду земли от озера Байкал до Татарского пролива.

Иными словами, Мао Цзэдун публично говорил об этом реестре в 1964 году; он умер 1976 году; пропаганда КПК — КНР в начале XXI века продолжает воспитывать население КНР в духе его требований к нашей стороне признать, что договоры о границе являются, дескать, «неравноправными».

В 1900 году царская Россия в качестве одного из участников Объединенной армии восьми держав пришла в Пекин. Каждый из восьми участников нанес ущерб, но Россия нанесла тогда самый большой ущерб Китаю.

У каждого из участников событий 1900 года есть свое представление о том, что тогда произошло. Во всемирной истории это был, пожалуй, единственный случай, когда несколько государств Европы, Америка и Япония объединили усилия и направили войска с тем, чтобы вызволить находившихся в осаде своих дипломатов и людей своих стран в Пекине. Дело происходило в условиях Движения ихэтуаней, которое изначально вело борьбу против Великой Цинской империи, но потом вследствие интриг обернулось против иностранцев, которых стали убивать только за то, что они не китайцы. Зверства обеих сторон, конечно же, подлежат осуждению.

В данном случае обращает на себя внимание фраза в рассматриваемом фильме: «Царская Россия... пришла в Пекин». Это специальное напоминание населению КНР о том, что за нашим народом и нашей страной есть и такой «долг крови».

Тут же вводится тезис: «Россия... нанесла наибольший ущерб Китаю». Об этом Дэн Сяопин говорил Горбачеву в 1989 году. Горбачев не изложил тогда позицию нашей стороны.

Сам этот тезис вводится с тем, чтобы представить Россию как главную страну в мире, которая более всех виновата перед Китаем. И это говорится после того, как на протяжении нескольких десятилетий прошлого столетия наш народ и наша страна помогали Китаю не только морально и материально, но и отдавали за него жизни наших людей и создали такой реестр добрых дел в отношении Китая, какого нет ни у одной другой страны на Земле.

Из них только Россия была соседним с Китаем государством.

В ноябре того же года царская Россия оккупировала главные города трех восточных провинций Китая и осуществила план Николая Второго создать «Желтороссию». После того как восемь держав были вынуждены подписать в Пекине соглашение, войска царской России продолжали осуществлять свои агрессивные действия в трех восточных провинциях Китая.

Здесь, с одной стороны, продолжается линия на то, чтобы внушать зрителям, что в истории Россия и ее «агрессивные войска» «оккупировали главные города» Маньчжурии, осуществляли «агрессивные действия» и после того, как другие державы прекратили делать это. Иными словами, подчеркивается, что Россия «хуже всех» относилась к Китаю.

С другой стороны, здесь из сознания зрителей вымывается тот факт, что Россия была единственной страной, которая в 1896 году подписала с Китаем секретный договор о совместной обороне на случай вооруженного нападения Японии (ни США, ни государства Европы этого не сделали). С этого момента Россия и Китай на протяжении полувека (1896–1945 гг.) были союзниками в отражении агрессии Японии. Ситуация складывалась весьма не просто. Однако если говорить о 1900 годе, то войска Великой Цинской империи и отряды ихэтуаней вместе осуществляли нападения на нашу сторону и на нашу территорию, и против этого приходилось обороняться.

Важно подчеркнуть и то, что таким образом в нынешнем Китае стремятся настраивать зрителей так, чтобы они не видели в русских солдатах, которые пали в войне с японцами в Маньчжурии в начале XX века, защитников и Китая, если смотреть на все это в исторической перспективе.

Что же до «Желтороссии», то также — если принять во внимание все то, что произошло в XX веке, — очевидно, что на протяжении нескольких десятилетий существовала угроза нападения Японии, потом были 14 лет японской оккупации, и Россия так или иначе, а в конечном счете жертвуя жизнями своих людей, освободила Маньчжурию и вернула ее из-под японской оккупации в состав Китая.

В феврале 1904 года Япония нанесла внезапный удар по войскам царской России в Люйшунью. Так началась империалистическая война за новый передел земель Китая. Эта война продолжалась больше года. Она нанесла большие разрушения. Были многочисленные жертвы. Японо-российская война закончилась поражением России. Начиная с этого времени северо-восток Китая был поделен на Северную и Южную Маньчжурию.

Итак, в войне, начавшейся в 1904 году, между Россией и Японией на территории Китая, создатели фильма, как, впро-

чем, и вся современная историография КПК — КНР, представляют Россию как «агрессора» и «оккупанта» земель Китая. Войну эту рисуют как войну за передел территории Китая. Здесь никак не учитывается то, что Япония всегда с конца XIX века по середину XX века была нацелена на то, чтобы оккупировать территорию Китая. А Россия фактически в конечном счете отстаивала китайскую землю с тем, чтобы она оставалась китайской, а также исходя из союзнических, оформленных или не оформленных, отношений с Китаем. Россия хотела быть с Китаем союзниками при отражении агрессии со стороны Японии, конечно, защищая и свои интересы в этой части Земли, а вот Китай сначала соглашался быть союзником России, а потом в силу различных, в том числе внутренних, причин ополчился на Россию как на агрессора и оккупанта, хотя этого можно было избежать и выступать единым фронтом против агрессивной Японии.

О войне 1904–1905 годов говорится, что она продолжалась больше года, что были многочисленные разрушения и жертвы. Известно, что в китайской историографии ответственность за разрушения и жертвы среди китайского населения возлагают на Россию.

Итог войны представляют как раздел Маньчжурии на северную и южную части между Россией и Японией. Думается, что для китайского населения всегда существовала разница между японцами и русскими.

Даже из того, что сказано в данном фильме к этому моменту, очевидно, что о России говорится исключительно как о враге Китая.

В 1912 году монгольские князья во Внешней Монголии при поддержке России объявили о своей независимости от Китая. Но в 1917 году в России произошла Октябрьская революция, и Внешняя Монголия снова вернулась в состав Китая.

В тот исторический момент, когда Великая Цинская империя перестала существовать и на смену ей пришла Китайская Республика, люди в Монголии, в той ее части, которая в Китае именуется Внешней Монголией, преисполнились решимости воспользоваться ситуацией и выделиться из состава Китая.

Что было делать России в этих обстоятельствах? Нельзя было создавать из соседних с нашей страной монголов вечного

врага. Россия поддержала стремление монголов, проявила тем самым уважение к монголам как к нации.

В фильме говорится, что Монголия после Октябрьской революции 1917 года вернулась в состав Китая. На самом деле Монголия прошла несколько этапов на пути к своей полной независимости и действительно в 1915 году, а не в 1917 году была автономной частью Китая, однако в 1921 году провозгласила свою полную независимость.

В сентябре 1920 года Ленин от имени советского правительства объявил политику царского правительства в Китае преступной. Аннулировал все тайные договоры, которые прежнее правительство России заключило с Китаем. Отказался от всех китайских территорий, захваченных в прошлом, от всех российских селтльментов в Китае и предложил безвозмездно вернуть Китаю все то, что было захвачено у него прежним царским правительством и российской буржуазией.

В этом фильме его авторы делают заявление о том, что Ленин «отказался от всех китайских территорий, захваченных в прошлом». На самом деле такого никогда не было. Авторам фильма понадобилось утверждать это, чтобы подкрепить свои дальнейшие рассуждения.

Но Ленин слишком рано умер. Сталин стал главным руководителем партии и государства в СССР.

С 1924 по 1926 год правительство Гоминьдана в Китае неоднократно вело с советским правительством переговоры о территориях. Из новых руководителей России Ленин в свое время объявил о важном решении вернуть Китаю все захваченные у него территории. Это заявление больше не повторялось.

И дело было не только в этом. Сталин питал надежду вернуть те права, которые Россия утратила в результате японо-русской войны. В конце Второй мировой войны главы США, Великобритании, СССР провели конференцию в Ялте и приняли условия, на которых Сталин соглашался с тем, что Советская армия поведет войну против Японии. Эти условия включали сохранение независимости Внешней Монголии от Китая, интернационализацию торгового порта Далянь, использование СССР военно-морской базы в Люйшунькоу, совместное управление КВЖД Китаем и СССР.

Все эти условия, затрагивавшие суверенитет Китая, без уведомления людей Китая были закреплены в секретном Ялтинском соглашении глав трех государств: США, Великобритании, СССР.

Авторы фильма строят свою концепцию на повторе утверждения о том, что Ленин, дескать, в свое время «объявил о важном решении возвратить Китаю все захваченные у него территории». Повторим, что Ленин никогда такого заявления не делал. В последние годы в КНР появились работы, в которых подтверждалось, что Ленин ничем не отличался от Сталина и других руководителей СССР, так как никто из них никогда не обещал возвратить Китаю якобы захваченные у него территории.

В этом фильме его авторы предпочитают противопоставлять позиции Ленина и Сталина.

Сталина они рисуют как того, кто хотел вернуть те права, которые Россия утратила во время русско-японской войны. Поэтому он, дескать, воспользовался ситуацией в Китае и добился поддержки своих требований США и Великобританией.

На самом деле речь в 1945 году шла о том, что руководители США, Великобритании и Китайской Республики были заинтересованы в том, чтобы вместо них, принося в жертву своих людей, а не их солдат, наш народ и наша страна разгромили лучшую японскую сухопутную армию — Квантунскую армию — и освободили территорию Китая (Маньчжурию) от японской оккупации, завершив победой войну над милитаристской Японией.

В августе 1945 года (Кадр: советский солдат с автоматом толкает китайца в гражданской одежде.) СССР ввел войска на северо-восток Китая, разгромил Квантунскую армию и обрел упомянутые права.

Весь этот фильм пронизан главной идеей — внушить населению Китая, что наш народ и наша страна при всех режимах оставались, дескать, военным врагом Китая, агрессором и оккупантом территории Китая.

Возмущение вызывает кадр, на котором советский солдат толкает китайца в гражданской одежде. Это единственное, что, по мнению авторов фильма, надо знать и запомнить современным поколениям китайцев.

О нашей помощи Китаю, о том, что мы вместо Китая, который сам с этим так и не справился, разгромили японскую оккупационную армию, освободили население Маньчжурии от японской оккупации, покончили с 14-летней войной Японии против Китая, не говорится ничего.

Вместо этого в данном фильме повторяется штамп пропаганды КПК — КНР: в 1945 году Советский Союз, дескать, «ввел войска» на территорию Китая.

Это непростительное оскорбление прежде всего памяти тех наших людей, которые пали и пролили свою кровь в борьбе за освобождение людей Китая. А далее это оскорбление нашего народа, который в XX веке так много сделал для Китая и китайцев, о чем современная пропаганда КПК — КНР хотела бы заставить забыть население страны.

Что же касается прав, о которых идет речь, то здесь необходимо упомянуть о том, что пребывание на китайской земле нашей армии в 1945–1946 годах дало возможность КПК — опять-таки уникальную в истории — заполучить территорию, получить от нас трофейное японское оружие, получить нашу всестороннюю (всю, какую запрашивали) помощь, сформировать ту армию, которая начала закончившийся приходом КПК и Мао Цзэдуна к власти в Китае военный поход, имея за спиной поддержку с нашей стороны.

После того как была создана КНР, в декабре 1949 года Мао Цзэдун прибыл в Москву для участия в праздновании 70-летия Сталина.

(Кадр: Мао справа, а Хрущев слева от Сталина в Большом театре.)

И был подписан договор между КНР и СССР о дружбе, взаимной помощи и о союзе (Слова в наименовании Договора переставлены.)

Сначала в фильме Сталин охарактеризован как тот, кто не только в противовес Ленину не хотел возвращать Китаю якобы захваченные у него территории, но и вернул права, которые в свое время в Китае потеряла Россия в результате войны с Японией. (Опять-таки Япония тут выглядит лучше России.)

Затем говорится о том, что Мао Цзэдун приехал в Москву поздравить Сталина с 70-летием.

А далее говорится, что был подписан договор. Причем слова в названии договора переставлены. Сначала говорится о дружбе и взаимной помощи, а слово «союз» вынесено в конец. Здесь, очевидно, имелось в виду сказать зрителю, что союз — дело последнее и навязанное нашей стороной Китаю. Кстати, можно вспомнить о том, что слова «взаимная помощь» внесены в наименование договора по инициативе нашей стороны. Официальное название этого договора: Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Далее в фильме делается упор на том, как Мао Цзэдун добивался решения «подвешенных» вопросов. Иными словами, речь идет в первую очередь, а в общем-то и исключительно о борьбе Мао Цзэдуна против нашей страны и народа как о чем-то, что якобы отвечает интересам нации Китая.

В беседах Мао Цзэдуна со Сталиным вопрос о независимости Внешней Монголии был затронут чрезвычайно деликатно. Однако из-за того, что правительство Гоминьдана в августе 1945 года согласилось с независимостью Внешней Монголии, Новый Китай был вынужден принять это как свершившийся факт.

Первым здесь назван «вопрос о независимости Монголии». Очевидно, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, Сталин, СССР, наша страна «по справедливости», как ее понимал Мао Цзэдун, должны были бы «вернуть» Монголию ему. С монгольским народом, как и вообще с народами, Мао Цзэдун не считался. Человечный подход никогда не был ему присущ.

Из того, как подан здесь этот вопрос, следует, что Мао Цзэдун, будь его воля, решил бы вопрос о монголах по-своему. Пока же он был вынужден считаться с тем, что произошло в 1945 году.

Однако все это означало, что вопрос остается так или иначе «подвешенным». Во всяком случае, Мао Цзэдун и сам считал, что нужно добиваться от нашей стороны, по крайней мере в качестве первого шага, признания «вины» за отделение Монголии от Китая, и завещал своим последователям выступать с тех же позиций. Именно это сделал Дэн Сяопин в беседе с Горбачевым в 1989 году, 40 лет спустя после того, как Мао Цзэдун «подвесил» вопрос о Монголии в беседах со Сталиным.

Однако другие пункты навязанного Китаю соглашения в Ялте очень скоро были аннулированы. СССР согласился безвозмездно передать Новому Китаю КВЖД, находившуюся в совместном управлении Китая и советской стороны. Обе стороны решили, что Советская армия будет выведена из Люйшунькоу, а также решили, что оборудование, находившееся в этом районе, будет передано правительству Китая, которое использует его в интересах строительства в стране.

Мао Цзэдун характеризовал то, что он делал в Москве в 1949–1950 гг. в ходе переговоров со Сталиным, как свою победу, потому что ему, по его собственным словам, тогда, дескать, «удалось вырвать кое-что из пасти тигра».

Собственно говоря, таким отношением к нашему народу и нашей стране пронизана и вся политика Мао Цзэдуна.

В фильме договоренности в Москве в 1950 году подаются таким образом, как будто бы наша сторона не соглашалась, а Мао Цзэдуну удалось настоять на аннулировании соглашения в Ялте в 1945 году.

На самом деле задолго до переговоров в Москве, еще в начале 1949 года, А. И. Микоян от имени Сталина уведомил Мао Цзэдуна о том, что мы сами считаем, что в 1945 году заключали договор не с КПК, а с Чан Кайши, а потому тот договор и был «неравным». Наша сторона еще до приезда в Москву Мао Цзэдуна дважды на высшем уровне выразила согласие разработать и подписать такой новый договор, который удовлетворял бы обе стороны и ни в коей мере не был бы неравным.

Сталин умер 5 марта 1953 года в Москве. Вскоре после смерти Сталина Хрущев стал первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР. В феврале 1956 года на XX съезде КПСС он сделал секретный доклад о культе личности и его последствиях, в котором огульно отрицал Сталина. У Китая по этому поводу было иное мнение. Отсюда и взяли свое начало разногласия между партиями — КПК и КПСС. КПСС распространила эти разногласия на отношения между государствами. Советское правительство в одностороннем порядке разорвало китайско-советские соглашения и отозвало всех советских специалистов, оказывавших помощь Китаю.

Вот трактовка истории наших отношений пропагандой КПК.

Что можно сказать по этому поводу?

Да, между нашим народом и нашей страной, мнение которых в этом случае выражал Хрущев, и Мао Цзэдуном существуют разногласия по вопросу об оценке Сталина. Мао Цзэдун не хотел, чтобы критике подвергалась основа режима, который он установил, — режима предельной концентрации власти, режима, в результате бесчеловечности которого внутри страны в мирное время погибли миллионы людей.

Авторы фильма не упоминают о другом разногласии. С точки зрения нашего народа и нашей страны, мнение которых и в этом случае выражал Хрущев, не существует фатальной неизбежности мировой ядерной войны. Мао Цзэдун до смерти считал, что такая фатальная неизбежность существует, и проводил линию на «подготовку войны», прежде всего против нашего народа и нашей страны. Можно лишний раз напомнить, что спустя почти 10 лет после смерти Мао Цзэдуна, в 1985 году, ЦК КПК пришел к такой же оценке, как и наш народ и наша страна во времена Хрущева, относительно неизбежности мировой ядерной войны.

Повторим также, что разногласия между сторонами начались не с вопросов идеологического порядка. А с того, что в 1954 году Мао Цзэдун во время первого посещения КНР Хрущевым поставил перед ним два вопроса: о «возвращении» Монголии и о передаче ему, Мао Цзэдуну, секрета производства ядерного оружия, то есть атомной бомбы. В то время мы не могли пойти на передачу секрета производства атомной бомбы, хотя позднее Хрущев согласился на это, очевидно, исходя из того, что Мао Цзэдун все равно заполучил бы этот секрет.

Что же касается Монголии, то наша позиция всегда осталась и остается неизменной, и мы о ней уже говорили.

Наконец, об отъезде из КНР всех наших специалистов в 1960 году. Это был результат политики Мао Цзэдуна, который разделял, отделял и противопоставлял наши народы. В частности, он выдавливал наших людей из Китая, создавая совершенно нетерпимые условия для их работы. От них требовали «подчиняться революции», а не техническим инструкциям и

при этом обвиняли в саботаже и диверсиях. Их призывали подниматься на борьбу против правительства СССР и против КПСС.

В сентябре 1959 года возник инцидент на границе между Китаем и Индией. Правительство Китая разъяснило правительству СССР подлинную картину событий. Но СССР не принял во внимание отношения между двумя партиями и все-таки опубликовал пристрастное заявление в пользу Индии. Тогда же в сентябре Хрущев во главе советской делегации побывал в США.

В ходе переговоров президент США Эйзенхауэр хотел, чтобы Хрущев оказал давление на правительство Китая в вопросе о Тайване и в вопросе о распространении ядерного оружия. Хрущев именно так и поступил в каждом случае.

Продолжением политики Мао Цзэдуна в отношении нашей страны было, в частности, его желание, чтобы СССР встал в кильватер его политики в отношении Индии. От КПСС и СССР Мао Цзэдун требовал подчиняться внешней политике, которую он проводил, в частности, идя на военные столкновения с Индией.

Что касается Тайваня и распространения ядерного оружия, то и в этих случаях Мао Цзэдун хотел заставить наш народ и нашу страну подчиняться его опасной политике как в Тайваньском проливе, так и относительно ядерного оружия. Естественно, что наша сторона не подчинилась требованиям Мао Цзэдуна. Это было проявлением нашего желания сохранять мир для нашего народа.

Одним словом, тогда развернулась борьба за независимость и самостоятельность в вопросах внешней политики нашей страны от воли Мао Цзэдуна.

В ноябре 1960 года, когда отмечалась 43-я годовщина Октябрьской революции, представители 81 коммунистической и рабочей партии провели совещание в Москве. Лю Шаоци во главе делегации КПК принял участие в этом совещании. Перед совещанием руководство КПСС распространило среди всех делегаций пространное письмо с нападками на КПК. Это вызвало острую дискуссию. Но этого мало. Советское правительство хотело, чтобы Китай вернул долг за купленное им

оружие во время Корейской войны. А следует знать, что именно благодаря тому, что китайские войска вели войну на Корейском полуострове, они тем самым предотвратили прямое столкновение США и СССР. Правительство Китая решило, несмотря ни на что, вернуть этот долг. Это не только увеличило трудности для экономики Китая, но и нанесло серьезный урон чувствам народа Китая по отношению к «старшему брату».

Так описание всего обычно называвшегося «медовым месяцем» или просто хорошим периодом в двусторонних отношениях, сводится в этом фильме к утверждениям о том, что наша сторона «осуществляла нападки» на КПК.

Такими рисуют отношения между партиями, хотя в них главное место занимали вопросы оказания с нашей стороны всесторонней, в том числе при создании современной армии, помощи Китаю, а также проявления нашими людьми искренней дружбы к китайцам.

Сюда же подвешивают вопрос о долге за оружие, предоставленное во времена войны на Корейском полуострове.

При этом упор делается на том, что тогда солдаты Мао Цзэдуна, дескать, «предотвратили прямое столкновение США и СССР».

На самом деле позиция нашей стороны, позиция Сталина предотвратила прямое столкновение СССР с США.

Мао Цзэдун и Ким Ир Сен несут ответственность за начало войны на Корейском полуострове.

Что же касается вооружения, то речь о платежах за него пошла уже после того, как Мао Цзэдун в межгосударственных отношениях повернул свою партию и государство на враждебные нашему народу и нашей стране позиции.

Между Китаем и СССР оставшиеся с XVII века споры по вопросу о границе так и не были разрешены вплоть до того времени. Китай все это время прилагал усилия в поисках рационального пути решения вопроса о границе в двусторонних отношениях.

Во времена Ленина к вопросу о границе подходили с позиций интернационализма.

Во времена Сталина тоже все еще оставалась возможность советоваться по этому вопросу.

Однако пришло время, когда Хрущев держал власть в своих руках, и стало трудно сесть и обсуждать хотя бы что-нибудь.

(Все это на фоне кадров советской военной техники.)

Когда межгосударственные отношения становятся напряженными, в центре зачастую оказывается вопрос о территориях.

Брежнев, который взял власть, придя на смену Хрущеву, не только не рассчитывал разрешить китайско-советские споры по вопросу о территориях, но и выдвинул новые территориальные требования.

(На фоне ракет, танков, самолетов СССР.)

Подводя итоги советско-китайских отношений к 1960-м гг., авторы фильма внушают зрителям в КНР, что «оставшиеся с XVII века споры по вопросу о границе так и не были разрешены». При этом предостерегают, что тогда, когда «межгосударственные отношения становятся напряженными, в центре зачастую оказывается вопрос о территориях». Думается, что и это соображение следует продолжать принимать во внимание.

При этом Хрущева обвиняют в том, что при нем стало трудно обсуждать эти вопросы.

На самом деле в 1964 году именно принципиальная договоренность, с нашей точки зрения, между Хрущевым и Лю Шаоци, позволившая изменить условия договоров и определять границу на речных участках по фарватеру и середине реки, дала возможность в конечном счете определить прохождение всей линии границы между нашими странами.

Правда, на это ушло 40 лет (с 1964 по 2004 год), на протяжении которых сначала Мао Цзэдун, а потом Дэн Сяопин не давали договориться на основе упомянутой принципиальной договоренности. Когда же сначала Мао Цзэдуна в 1976 году, потом Дэн Сяопин в 1997 году ушли с политической сцены и из жизни, оказалось возможным, именно на основе принципиального «соглашения Хрущев — Лю Шаоци», решить последние вопросы, касавшиеся прохождения линии границы на всем ее протяжении.

В фильме Брежнева обвиняют в том, что он не только «не рассчитывал разрешать» старые споры по вопросу о террито-

риях, но и выдвигал «новые территориальные требования». Для таких утверждений нет никаких оснований.

Изложив свою трактовку истории вопроса, авторы фильма переходят к событиям 1969 года.

*«2–15 марта 1969 года.
Остров Чжэньбаодао».*

Остров Чжэньбаодао расположен в уезде Хулинь провинции Хэйлунцзян нашей страны по китайскую сторону от главного фарватера реки Усулицзян. Его площадь 0,74 кв. км. Северная оконечность ранее соединялась с китайским берегом. Только в 1915 году образовался этот остров. Его оба края поуже, а центральная часть пошире. Поэтому он и назван в Китае «остров Жемчужина (остров Чжэньбаодао)». На западе протока шириной всего в несколько десятков метров; когда река пересыхает, при низком уровне воды остров соединяется с китайским берегом.

Говоря о местоположении острова Даманский, авторы фильма прежде всего подчеркивают, что он расположен по китайскую сторону от линии фарватера реки Уссури.

Это так. Однако авторы фильма не говорят о том, что в соответствии с договором о пограничном размежевании в этом районе, в соответствии с картой размежевания, приложенной к этому договору, в соответствии с красной линией, проведенной и имеющейся на этой карте и обозначающей границу, граница между Россией и Китаем была установлена по китайскому берегу реки Уссури.

Авторы фильма не говорят о юридической, о правовой основе пограничного размежевания на этом участке границы. Позиция нашей стороны полностью основана на договорных документах.

Далее, в пояснительном тексте к фильму не сказано о том, что в 1964 году в ходе консультаций по пограничным вопросам китайская сторона поставила вопрос об изменении договорной основы размежевания, то есть об отказе от размежевания по китайскому берегу, в соответствии с которым вся речная поверхность со всеми островами юридически принадлежала нашей стороне, и о переходе к размежеванию по

главному фарватеру судоходных рек и по середине несудоходных рек.

Наша сторона тогда же согласилась действовать на основании этого принципа при делимитации границы.

Представляется, что с китайской стороны инициатором такой постановки вопроса, позволяющей решить практические проблемы при достижении договоренности о прохождении линии границы, был председатель КНР Лю Шаоци.

С нашей стороны согласился с этим предложением и принял мудрое компромиссное решение Н. С. Хрущев.

Таким образом, было достигнуто принципиальное соглашение, которое есть основания называть «соглашением Хрущева — Лю Шаоци».

На основании этого принципиального согласия обе стороны тогда же, в мае — июне 1964 года, в результате работы соответствующих групп определили на карте линию прохождения границы, в частности, применительно и к острову Даманский.

Так была открыта возможность закрепить достигнутую договоренность в соответствующем документе о делимитации границы. И тогда вопрос о прохождении линии границы стороны разрешили бы по взаимной договоренности в соглашении, имеющем юридический характер.

Однако Мао Цзэдун был против снятия пограничных вопросов во взаимоотношениях наших стран. Поэтому в том же 1964 году, в июле 1964 года, во время упомянутых пограничных консультаций он выступил с публичным заявлением о том, что Китай, дескать, еще не предъявлял счета по реестру якобы захваченных у него Россией территорий площадью в полтора миллиона квадратных километров. Это сопрягалось с выдвинутым китайской стороной в ходе переговоров требованием к нашей стороне признать якобы неравноправный характер договоров о границе, тем самым «подвесив» над нашей головой вероятность предъявления китайской стороной когда-либо в будущем требования «справедливо и рационально» решить вопрос о якобы захваченных нами у Китая в истории территориях, в частности, к востоку от озера Байкал.

Наша сторона, защищая свою независимость и самостоятельность, принцип равноправия в отношениях, защищая свой суверенитет, отстаивая права и интересы нашего народа и на-

шей страны, нашего государства, естественно, не пошла тогда на выполнение этих требований Мао Цзэдуна.

Таким образом, с 1964 года благодаря «соглашению Хрущева — Лю Шаоци» возникла потенциальная возможность и была создана юридическая основа для решения в будущем обеими сторонами по взаимному согласию вопроса об определении прохождения линии границы, в частности, в районе острова Даманский.

На практике решить этот вопрос в юридическом плане сторонам удалось только в 1991 году, спустя 15 лет после смерти Мао Цзэдуна, подписав соответствующее соглашение о прохождении линии границы на ее восточном участке.

До того времени сохранял свою силу договор о границе, в соответствии с которым остров Даманский бесспорно юридически принадлежал нашей стороне.

В рассматриваемом фильме пропагандисты современной политики КПК не упоминают обо всем об этом, а навязывают свое толкование вопроса, не имеющее под собой юридических оснований.

В свое время правительство СССР провело линию границы по протоке между островом и китайским берегом и таким образом включило остров в свою территорию. Остров Чжэньбаодао всегда находился под охраной пограничников Китая. В этом районе расположена застава. Начальник заставы Сунь Юйго. На заставе 30 с лишним пограничников.

Напротив острова советские заставы в районе Нижней Михайловки. Там более 200 пограничников. У них были танки, бронетранспортеры, автомашины. При чрезвычайных обстоятельствах могли задействовать вертолеты.

С января 1967 года по февраль 1969 года советские войска 16 раз нарушали границу, осуществляли вооруженные провокации. При этом они использовали силы, которые в два-три раза превосходили силы китайских пограничников. Они препятствовали нормальному патрулированию китайских пограничников. Силой вытесняли граждан Китая и пограничников. Они применяли бронетранспортеры и бойцов Советской армии в полном боевом снаряжении. Мешали китайцам патрулировать. Они избивали, наносили ранения бойцам китайских

пограничных сил. Для того чтобы сдержать расширение инцидентов, во второй декаде февраля китайские пограничники приостановили патрулирование.

По сути дела, при правлении Мао Цзэдуна он готовил военные действия против нас на границе.

При этом осуществлялось воспитание солдат армии Мао Цзэдуна в том духе, что мы — это якобы военный враг, что мы якобы удерживаем захваченную у китайской стороны территорию — остров Даманский, а следовательно, задача состоит в том, чтобы «вернуть» эту «китайскую землю», «отвоевать» ее у нашей страны, поэтому неминуемым является применение оружия против нас. Лозунги для населения и армии Мао Цзэдуна в то время были такими: «СССР — наш враг», «Следует готовиться к войне против советского ревизионизма».

Поэтому упоминание о том, что в третьей декаде февраля 1969 года солдаты армии Мао Цзэдуна не шли на столкновения с нашими пограничниками на острове Даманский, было уловкой, подлым и коварным приемом, рассчитанным на то, чтобы притупить нашу бдительность, а затем в начале марта в очередной раз выйти на нашу территорию — остров Даманский — и нанести по нашим безоружным пограничным представителям, которые пошли на переговоры с целью лишний раз напомнить о юридической основе линии прохождения границы в то время, подлый удар из засады, расстреляв их в упор, то есть сделав первый выстрел в войне против нашего народа и нашей страны.

Мао Цзэдун и его пропаганда убеждали своих солдат в том, что они должны убить наших пограничников, которые, дескать, посягнули на землю Китая — остров Даманский.

В ночь с 1 на 2 марта подразделение китайских разведчиков скрытно проникло на западную оконечность острова. Утром 2 марта Сунь Юйго со своими бойцами возобновил патрулирование. Китайские пограничники, осуществлявшие патрулирование, получили приказ ни в коем случае не производить первый выстрел.

После того как Советская армия увидела китайский патруль, она мгновенно двинула более 70 человек на восточную часть острова с целью воспрепятствовать патрулированию китайских пограничников. Советские солдаты, сойдя с ма-

шин, развернулись в боевой порядок. Они готовились не только вступить в прямое столкновение с китайским патрулем, но и намеревались взять его в клещи.

Во время боя на острове Чжэньбаодао наша армия захватила фотоаппарат советского производства. В нем оказалась частично отснятая пленка. Далее представлены кадры боя Советской армии, взятые из этого реального боевого материала.

Сунь Юйго предупреждал советских пограничников. Видя, как они приближались со свирепым видом, он приказал патрулю отойти в направлении позиции разведподразделения.

Все это происходило на небольшом острове. Отходить дальше было некуда. Они быстро достигли западной оконечности острова. Советские пограничники наступали. Сунь Юйго увидел, как советские пограничники взяли оружие наперевес и вот-вот должны были его применить. Он отдал приказ бойцам изготовиться к бою. Советская армия первой начала вести огонь, сделала выстрелы, убила и ранила 6 бойцов пограничных войск. Тогда был дан приказ нанести ответный удар.

И тогда патруль и разведчики все вместе открыли огонь. Советские пограничники не ожидали встретить на западной оконечности острова еще одно подразделение, то есть разведчиков. Оказалось, что Советской армии не удалось добиться преимущества в огневых средствах.

На другом конце острова другая часть пограничников, осуществлявших патрулирование, встретила с 7 советскими. Они пропустили этих семерых через свои позиции.

И тут появились два советских бронетранспортера. Они зашли за остров Чжэньбаодао. Когда они оказались позади китайских пограничников, они стремились создавать угрозу одновременно и с фланга, и с тыла для китайских бойцов.

Тогда китайские пограничники открыли огонь по этим двум бронетранспортерам. Патруль и разведка пошли в атаку. Советские пограничники стали отходить назад к фарватеру. А два бронетранспортера тоже вернулись в пределы СССР.

Мы полностью привели описание пропагандистами КПК событий 2 марта 1969 года на острове Даманский.

В свое время у Мао Цзэдуна, а в наши дни у этих пропагандистов и их руководителей не хватает смелости прямо ска-

зять о том, что все, что произошло 2 марта 1969 года на острове Даманский, было осуществлением заранее запланированного подлого, из засады нападения на наших пограничников, что именно и только солдаты армии Мао Цзэдуна, выполняя его планы и решения, сделали тогда первый выстрел.

Население КНР до сих пор обманывают. Ему внушают подлую и полную ложь, утверждая, что «Советская армия первой начала вести огонь, сделала первый выстрел».

Мао Цзэдун намеренно сделал это. Это была «вершина» его политики, его мировой стратегии. Он гордился тем, что одним из двух главных дел в его жизни была «культурная революция» (другим было изгнание Чан Кайши на Тайвань).

Осуществляя «культурную революцию» (то есть революцию в образе мышления), он, в частности, ставил задачу изменить отношение населения Китая к нашему народу и нашей стране (а не только к нашему тогдашнему государству и правившей тогда у нас политической партии), а также изменить характер своих отношений с США (на пролитой им нашей крови).

Ему нужно было пролить кровь наших людей, убить наших людей, чтобы, с одной стороны, надолго разделить этой кровью наши народы, противопоставить их друг другу, и для того чтобы убедить США в необходимости юридически, дипломатически признать власть и государство Мао Цзэдуна.

В вооруженном столкновении 2 марта 1969 года Советская армия потеряла 31 человека, ранены были 14 человек. Китайская сторона потеряла убитыми 20 человек.

Это сильно ухудшило отношения между Китаем и СССР.

(Заголовок статьи в «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао»: «Долой новых царей!»)

МИД КНР направил ноту посольству СССР в КНР. Выразил решительный протест против вооруженных провокаций советских пограничников на острове Чжэньбаодао; потребовал от советской стороны наказать убийц, которые это организовали, и потребовал прекратить вооруженные посяательства на территорию Китая.

Советское правительство направило ноту правительству Китая. Содержание было аналогичным. Тоже требовали наказать тех, кто это устроил.

Авторы фильма внушают населению КНР, что Мао Цзэдун, дескать, победил наш народ и нашу страну, убив больше наших людей, чем было убито его солдат.

На самом деле никакой военной победы Мао Цзэдун не одержал.

Далее в фильме подчеркнуто, что пропаганда Мао Цзэдуна в связи с событиями на острове Даманский ввела ярлык «новые цари» для обозначения руководителей нашего тогдашнего государства и правящей партии. А в общем-то, и для характеристики массы людей нашей страны, которые действуют по воле этих «царей».

Тем самым современные пропагандисты КПК внушают населению страны, что Мао Цзэдун в свое время вел войну и выиграл войну против тех, кто фактически якобы был продолжателем политики «старых царей».

Иными словами, в сознание людей в Китае сегодня вбивается мысль о том, что нет якобы никакой разницы между «царской Россией» и «Советской Россией». Так пытаются доказывать, что Россия, какая бы она ни была, это, дескать, национальный враг Китая. Это опасные пропагандистские действия современных руководителей КПК — КНР.

Они подчеркивают сегодня, в начале нынешнего столетия, спустя 45–50 лет после событий на острове Даманский, что в нынешних КПК — КНР, в их руководстве продолжают считать нас организаторами и убийцами людей Китая, захватчиками земель Китая.

Такое впечатление при этом усиливают упоминанием о том, что, дескать, и в нашей стране точно так же относятся к Китаю. Это сделано для того, чтобы и сегодня углублять мысли и чувства у людей в Китае, составляющие основу продолжающегося идейного противостояния между нами. Нас продолжают разделять войной 1969 года.

Важно также понимать, что Мао Цзэдун устроил войну на острове Даманский в 1969 году для того, чтобы «удвоить» ненависть населения Китая к нашей стране и народу.

Он, с одной стороны, объявил нас «классовыми врагами», назвав нас «современными ревизионистами», и, с другой стороны, объявил нас «врагами нации Чжунхуа, нации Китая», назвав нас «новыми царями», то есть объединив «царскую Россию» с ее 500-летней историей территориальной экспансии,

что подчеркивается именно в современной КНР, с «Советской Россией — новыми царями», с якобы продолжением ею в отношении Нового Китая политики захвата и удержания китайских земель.

На протяжении многих лет в СССР требовали, чтобы в случае войны были быстро сконцентрированы вооруженные силы, чтобы иметь явное преимущество. Во время вооруженного вторжения в Чехословакию мир увидел, что СССР способен в короткие сроки сконцентрировать большие вооруженные силы.

На сей раз железные дороги на Дальнем Востоке были мобилизованы. За несколько дней СССР усилил свои вооруженные силы в районе острова Чжэньбаодао. Сконцентрировал 70 танков, 350 орудий, более 1500 бронетранспортеров и автомашин, более 10 тысяч солдат.

Впереди было еще одно сражение за остров Чжэньбаодао. В Китае видели, что СССР, стремясь сохранить лицо, снова вернется на остров.

Ночью 14 марта во время патрулирования было обнаружено передвижение танков. На западную оконечность острова направили подразделение из 11 человек. Советская сторона учла опыт и тоже скрытно отправила на северо-восточную оконечность острова своих солдат. Правда, это было сделано позднее, чем совершено китайской стороной.

Рано утром 15 марта 30 советских солдат прибыли на остров. На его северо-восточную оконечность.

Утром 15 марта китайская сторона осуществляла патрулирование в направлении с юга на север. Это было недалеко от советских позиций. Советские пограничники со скрытых позиций первыми открыли огонь. На бойцов Сунь Юйго пошли в наступление 6 бронетранспортеров. Бой продолжался более часа. Бронетранспортеры вернулись восвояси. Так было отбито первое наступление или первая атака Советской армии.

В 9 часов 46 минут Советская армия развернула второе наступление.

По очень маленькому острову Советская армия начала вести артиллерийский огонь. Кроме того, двинулись 6 танков, 5 бронетранспортеров и пехотинцы в наступление на остров. 4 танка зашли с тыла, 2 танка наступали с фронта. Хотели взять в кольцо китайских бойцов.

Так как артиллерийский огонь был сильным, у китайской стороны были большие потери убитыми и ранеными.

Один танк напоролся на противотанковую мину. Это был Т-62.

После двухчасового боя второе советское наступление было отбито.

У китайских пограничников тоже были довольно значительные потери убитыми и ранеными. В район острова был переброшен 21-й полк военно-строительных частей. Он выдвинулся на позиции.

В 15 часов 13 минут Советская армия начала третье наступление. После 15-минутной артиллерийской подготовки. Эта подготовка велась по фронту в 10 километров и в глубину на 7 километров. Затем в наступление пошли 24 танка, бронетранспортеры и рота солдат. Бой вступил в самую тяжелую стадию.

У советских войск были убиты полковник и подполковник.

Китайские артиллеристы произвели 1200 выстрелов по советским танкам, бронетранспортерам и живой силе.

Третье наступление Советской армии было отбито.

События 15 марта 1969 года на острове Даманский характеризуются в фильме как попытка СССР, использовав все свои военные силы и возможности, спасти лицо и одержать победу в ходе трех атак на позиции солдат армии Мао Цзэдуна.

При этом утверждается, что все эти атаки были отбиты, а наша сторона понесла существенные потери.

Упоминается об артиллерийском огне с нашей стороны, в результате которого были «довольно значительные потери» у китайских пограничников. С одной стороны, это вынужденное упоминание о том, что действительно произошло. С другой стороны, это подается таким образом, чтобы усилить в пропаганде на население КНР мысль о том, что нашей стороне еще придется испытать на себе, что такое «долг крови», за него «придется платить кровью».

Спустя две недели после боев в целях самообороны и нанесения ответного удара на острове Чжэньбаодао в Пекине открылся IX съезд КПК.

Речь шла о теории и практике великой культурной революции. Об укреплении положения Линь Бяо и Цзян Цин.

(На экране пограничник Сунь Юйго с передовой линии фронта на острове Чжэньбаодао трясет руки Мао Цзэдуна, Линь Бяо, Чжоу Эньлая и прочих.)

Исходили из политических соображений. В докладе на этом съезде говорилось о том, что надо готовиться воевать против американского империализма и советского ревизионизма, причем воевать скорее раньше, чем позже, скорее в широких масштабах, чем в ограниченных масштабах, скорее вести ядерную, чем обычную войну.

После Корейской войны в Китае все время считали США главным врагом. Теперь и СССР стали считать тем главным государством, против которого надо будет вести войну. Если говорить о том, против кого надо действительно выступать народу Китая, так это против советского ревизионизма.

Итак, сами по себе события на острове Даманский в марте 1969 года носили ограниченный с точки зрения размеров территории, на которой они происходили, характер и велись исключительно вдоль линии границы, лишь несколько выступая за ее пределы.

Дело было, конечно же, прежде всего в самом факте гибели наших людей от руки убийц — солдат армии Мао Цзэдуна, в том, что впервые в истории отношений СССР и КНР Мао Цзэдун осуществил свои идеи: мысль о допустимости, возможности и даже необходимости, с его точки зрения, войны против нашего народа и нашей страны. Он сумел подготовить к такой войне население Китая. Оно свыклось с мыслью о неизбежности войны против нашего народа и нашей страны. Политическая партия Мао Цзэдуна, подчиняющееся ей государство, органы пропаганды и агитации обеспечили согласие большинства населения Китая с действиями Мао Цзэдуна, с началом им войны против нас.

При этом Мао Цзэдун проявил суть своей идеологии. Это идеология, согласно которой высшим понятием должно считать нацию Чжунхуа, нацию Китая. Свое понимание политических внутренних и внешних интересов Мао Цзэдун сумел за годы, когда он был у власти в КПК (с 1935 года) и в КНР (с 1949 года), навязать населению всей страны в качестве якобы интересов нации Китая.

Поэтому Мао Цзэдун сначала внушил населению КНР, что наш народ и наша страна являются классовым врагом КПК и

КНР, отсюда следовало, что к нам нужно было испытывать классовую ненависть.

Но это была только первая, начальная ступень ненависти, которую Мао Цзэдун внушил населению Китая.

Вторая и главная, высшая ступень — это национальная ненависть, ненависть нации Китая к нам как к нации, то есть к нам как к народу и стране уже вне зависимости от того, какой политический и общественный строй в нашей стране, какое у нас государство, какая политическая партия у власти.

Так Мао Цзэдун сначала зарядил свое население классовой ненавистью к нам, потом наложил на это еще и национальную ненависть.

Оказалось, что к нам должно испытывать и классовую, и национальную ненависть. Нас следует рассматривать и как классового врага, и как национального врага.

Мао Цзэдун, возможно, считал, что одной классовой ненависти недостаточно. Она, во всяком случае, не столь глубока и вечна, как национальная ненависть.

Классовая ненависть, диктуемая марксистской идеологией, с точки зрения Мао Цзэдуна, могла оказаться временной носителем с национальной ненавистью, которая представлялась ему вечной и неизменной.

Мао Цзэдун добивался вечного военного противостояния населения Китая и народа нашей страны. Это ему в существенной степени удалось.

Можно даже сказать, что ему удалось, действуя в условиях, когда формально КПК руководствовалась марксистской идеологией, фактически вывести на первый план идеологию нации Китая, в его понимании.

Ему удалось превратить одну лишь классовую ненависть к нам как к народу и стране в национальную ненависть, ненависть нации Китая к нам как к нации, к России как к нации, то есть и к «царской России», и к «Советской России» (СССР, «советскому ревизионизму»).

В фильме события на острове Даманский в марте 1969 года характеризуются как «две недели боев в целях обороны и нанесения ответного удара».

Так проявляется еще один прием пропаганды Мао Цзэдуна и его политической партии.

В настоящее время события на острове Даманский они преподносят как оборону и нанесение ответного удара.

На самом деле это соответствует идее Мао Цзэдуна о так называемой активной обороне. Такая активная оборона предполагает и нанесение удара тогда, когда Мао Цзэдун или его последователи сочтут, что это единственный и эффективный метод предупреждения нападения на них с чужой стороны.

В головы людей в КНР в начале XXI века вкладывается мысль о том, что в 1969 году Мао Цзэдун был якобы вынужден начать войну против нас в целях обороны и нанесения ответного удара. Никакого удара с нашей стороны не наносилось. Более того, вплоть до 2 марта 1969 года в ЦК КПСС считали, что нападение Мао Цзэдуна на нас, применение им вооруженной силы невозможно.

Мне довелось в свое время, в 1967 году, почти за два года до событий 1969 года, обладая опытом почти десяти лет работы в КНР, предупреждать об опасности, о возможности применения Мао Цзэдуном оружия против нас. Чиновники нашего партийного и правительственного аппарата не хотели тогда прислушаться к этим предупреждениям.

В фильме события на острове Даманский связываются с проведением в Пекине очередного IX съезда КПК. Есть основания считать, что Мао Цзэдун начал «культурную революцию» и провел этот съезд с целью добиться кардинального изменения политики по отношению к нашему народу и нашей стране, с целью закрепления в документах партии мысли о том, что на нас как на народ и страну следует смотреть как на военного врага нации Китая.

Единственный раз за историю КПК и КНР Мао Цзэдун публично на съезде партии демонстративно пожал руку в знак признательности и благодарности тому солдату своей армии, который пролил кровь наших пограничников, убил наших людей на границе. Момент этого рукопожатия специально демонстрируется в фильме.

В фильме прямо внушается мысль Мао Цзэдуна о том, что «надо готовиться воевать против американского империализма и советского ревизионизма, причем воевать скорее раньше, чем позже, скорее в широких масштабах, чем в ограниченных масштабах, скорее вести ядерную, чем обычную войну».

После Корейской войны в Китае все время считали США главным врагом. Теперь и СССР стали считать тем главным государством, против которого надо будет вести войну. Если говорить о том, против кого надо действительно выступать народу Китая, так это против «советского ревизионизма».

Вот главное наследство Мао Цзэдуна, его главный наказ относительно политики по отношению к нашему народу и к нашей стране на все времена, в том числе и на будущее. В этом опасность идей Мао Цзэдуна для нашей страны. Опасность того, что в КПК — КНР и сегодня подчеркивают, что Мао Цзэдун является для них непререкаемым вождем тогда, когда речь идет о стратегии действий в отношении нашего народа и нашей страны.

Попутно можно обратить внимание на то, что из этого следует, что против США у КПК — КНР нет необходимости «действительно (или на самом деле) выступать».

События 1969 года, планы и стратегия Мао Цзэдуна были тесно увязаны с его взглядами на нашу страну и на США.

Поэтому в фильме относительно мало внимания уделено реальной картине боевых действий на острове Даманский (в военном плане Мао Цзэдун ничего не добился), а акцент делается на глобальной внешнеполитической стратегии Мао Цзэдуна.

Авторы фильма обращаются к вопросу об отношениях КНР, СССР и США в то время. При этом акцент делается на позиции Вашингтона, которая в то время была чрезвычайно важна для Мао Цзэдуна. Именно в расчете на реакцию Вашингтона Мао Цзэдун и осуществлял свои действия, выразившиеся в убийстве людей нашей страны на границе.

«1969 год. Вашингтон».

Столкновение на острове Чжэньбаодао — это столкновение двух крупных государств.

Главной ударной силой в СССР были стратегические ракеты с ядерными боеголовками. Это были самые большие в мире ракеты. У СССР были сухопутные войска. Они были многочисленными. 1 миллион 820 тысяч солдат. В США утверждали, что в 1960-х гг. СССР повысил качество своих вооруженных сил. Это было сделано с тем, чтобы они могли осуществлять наступательные операции. Действовать на

широком оперативном просторе. Их боевая мощь была повышена. В этой связи в СССР год от года увеличивали расходы на оборону.

Первое утверждение в этой части фильма сводится к тому, чтобы прозрачно намекнуть на то, что СССР в 1960-х гг. наращивал свои вооруженные силы и якобы готовился к наступательным операциям. Так населению КНР внушается мысль о том, что Мао Цзэдун, оказавшись перед вероятностью или даже неизбежностью нападения на КНР со стороны СССР, в условиях «угрозы с Севера», дескать, был вынужден предпринимать превентивные меры.

Во время великой культурной революции работе в вооруженных силах Китая был нанесен серьезный ущерб. Внутри государства имела место смута. Но армия должна была сдерживать угрозы безопасности государства, преодолевать трудности, прилагать усилия с тем, чтобы усиливать работу в целях подготовки к войне.

После войны в целях самообороны и нанесения ответного удара на острове Чжэньбаодао ВС КПК считал необходимым готовиться к возможным операциям сухопутных сил Советской армии, которые могли нанести удар по чувствительным точкам в Китае. Особенно на тех направлениях, где возможно развертывание танковых соединений. Усиливалась подготовка к борьбе против танков. Отрабатывались методы этой борьбы. ВС КПК особо подчеркивал необходимость усилить работу по подготовке к войне, готовиться против агрессивной войны.

Увеличивалось число танков и самолетов.

Рассуждения на эти темы ведутся в фильме предельно конкретно. Речь идет о том, чтобы сегодня внушать населению КНР, что у Мао Цзэдуна, дескать, имелись основания готовиться «к возможным операциям сухопутных сил Советской армии». Иными словами, Мао Цзэдун осуществил неспровоцированное нападение на наших пограничников на острове Даманский. Это была первая часть конкретного осуществления им своей стратегии в отношении нашей страны под лозунгом «Готовиться воевать» против нашего народа.

Вторая, неразрывно связанная с первой часть осуществления этой стратегии состояла в том, чтобы внушать и воору-

женным силам, их личному составу, и населению Китая, что якобы существует реальная необходимость ждать нападения на КНР сухопутных сил и танковых соединений СССР по многим направлениям.

Мао Цзэдун тогда, а пропаганда КПК в настоящее время прямо продолжает утверждать, что наша страна якобы готовилась начать «агрессию», «агрессивную войну» против КНР.

Это — не только чудовищная ложь. Опасность этого утверждения в том, что тем самым заходя оправдываются любые действия китайской стороны в отношении нашего народа и нашей страны на основе лживого утверждения о том, что мы, дескать, представляли собой военную угрозу для Китая.

После оборонительной войны в целях нанесения ответного удара на острове Чжэньбаодао Мао Цзэдун считал, что международная обстановка еще более ухудшилась, а это тем более требует усилий в целях подготовки к войне.

Мао Цзэдун говорил: наша страна не обязательно должна иметь идеологию гегемонизма великой державы, однако внутри нашей страны, в строительстве внутри нашей страны необходимо наладить работу по подготовке к войне. Необходимо еще больше раскрепощать людей, рабочих и крестьян. Надо использовать полностью все то, что у нас потенциально имеется. Центр нашей стратегии в области экономического строительства в Китае надо перенести на рельсы подготовки к войне.

Линь Бяо говорил, что СССР может нанести внезапный удар. Он выступил со статьей на эту тему. 17 октября 1969 года Линь Бяо в Сучжоу отдал приказ номер один: готовиться к внезапному нападению. Усилить подготовку к войне, предотвращать войну, внезапное нападение советского ревизионизма.

После этого вся армия была приведена в боевую готовность, была готова в любой момент воевать. Китай находился в состоянии внутренней смуты и в то же время готовился к войне.

Однако инициатива начала войны была в руках Москвы

12 советских дивизий до того времени находились на границе между Китаем и СССР. После столкновения на острове Чжэньбаодао сухопутная армия СССР была увеличена до 55 дивизий. В ней стало 24 дивизий ВВС и ПВО, 130 тысяч матросов ВМФ.

Было произведено изменение в нацеливании ракет. Раньше они все были нацелены против НАТО. Теперь в Азии разместили 35 площадок для запуска ракет. Из них 10 межконтинентальных и 25 среднего радиуса действия. Главные цели по большей части находились в Китае.

В фильме население КНР приучают к тому, чтобы считать, что своеобразная война против нашего народа и нашей страны началась в 1969 году. Эта война именуется «оборонительной войной». Тем самым действия Мао Цзэдуна и сегодня полностью оправдываются КПК — КНР.

На самом деле имело место неспровоцированное нападение вооруженных сил Мао Цзэдуна на нас, с их стороны. Вполне ясно, что в целях осуществления указаний Мао Цзэдуна был сделан первый выстрел и остальные выстрелы.

Из этого, в частности, следует, что в КПК — КНР способны называть свои агрессивные военные действия против нас «оборонительными действиями».

Мао Цзэдун сначала выбросил лозунг «Готовиться воевать», затем начал по своей инициативе воевать, а потом стал утверждать, что следует готовиться к войне скорой, широко-масштабной и ядерной.

Мао Цзэдун считал, что центр стратегии в области экономического строительства в КНР надо перенести на рельсы подготовки к войне против нашей страны. Это была важнейшая внешнеполитическая задача, которую он ставил перед КПК в ходе «культурной революции».

Речь шла о подготовке к внезапному нападению с нашей стороны, причем с применением атомного оружия.

В фильме говорится о том, что приказ о подготовке к такой войне отдал министр обороны Линь Бяо. На самом деле в КНР появлялись материалы, из которых следовало, что это было сделано во исполнение решения и указаний Мао Цзэдуна. Что же касается Линь Бяо, то расхождения между ним и Мао Цзэдуном состояли в том, что Линь Бяо считал главным военным противником КНР США, а отношения с СССР видел как «ссору» в своей «социалистической семье».

Хотя Брежнев и нацелил ракеты на Китай, но главным пунктом его стратегии оставалась НАТО во главе с США.

В начале 1960-х гг. Советский Союз уступал по ракетам США. В конце 1960-х гг. установилось равенство между СССР и США.

СССР был европейским государством. Если бы он запустил ракеты в Европу, США не смогли бы этому помешать, и Западная Европа погибла бы.

Белый дом.

В 1969 году президентом США был Р. Никсон. Он считал, что против СССР хорошо было бы использовать Китай.

В США считали, что это возможно в принципе. Однако тогда США вели войну во Вьетнаме. А Китай поддерживал Вьетнам. Пока существовал вопрос о Вьетнаме, не было надежды на налаживание отношений между Китаем и США.

Киссинджер вспоминал, что мысль о возможности наладить такие отношения возникла в 1968 году. После того как советские войска вошли в Чехословакию, китайские руководители сурово осудили СССР, то есть они заняли совсем не ту же позицию, как в 1956 году, когда СССР ввел войска в Венгрию. Впервые американцы ощутили, что в международных отношениях у них есть общий язык с китайцами. Никсон в своей речи тогда намекнул на то, что нация не может жить в состоянии изоляции. К сожалению, китайцы того времени не поняли Никсона. Никсон же сделал вывод о возможности китайско-американского диалога.

Однако после событий на острове Чжэньбаодао произошел поворот в ситуации. Китай усилил оборону своего государства. Об этом стало можно говорить. Китай стал в основном исходить из возможности ядерной угрозы для него со стороны СССР. Думать о необходимости сдерживания такого удара со стороны СССР. В США тоже исходили из необходимости сдерживания возможности такого же удара по США со стороны СССР.

Так Брежнев своими действиями ускорил процесс сближения Китая и США.

В фильме предлагается объяснение процесса изменения отношений между КНР и США.

При этом пытаются скрыть решающую роль политики Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун в 1967 году опубликовал в центральном печатном органе КПК газете «Жэньминь жибао» статью, в ко-

торой прямо утверждалось, что придет время, когда, дескать, знамя идей Мао Цзэдуна взвоется над Московским Кремлем; в 1968 году Мао Цзэдун сделал публичной позицию КНР в отношении действий СССР в Чехословакии. Мао Цзэдун тогда продемонстрировал США, что КНР практически вместе с ними осуждает действия СССР (мы в данном случае обращаем внимание только на последовательно враждебную нашему народу и нашей стране позицию Мао Цзэдуна и не говорим о естественном осуждении действий руководства ЦК КПСС в отношении Чехословакии в 1968 году). В 1969 году Мао Цзэдун сделал следующий шаг, то есть начал войну на границе против СССР, пролитой им кровью разделил народы Китая и нашей страны. Именно эти действия Мао Цзэдуна доказали властям США, что Мао Цзэдун и его партия перешли на позиции военного противостояния с нашим народом и нашей страной. Из этого в Вашингтоне был сделан вывод о том, что пролитая Мао Цзэдуном кровь наших людей на границе в 1969 году — это надежный залог того, что у США и КНР появилась общность в оценке нашего тогдашнего государства и его политики в мире.

В фильме обвиняют Брежнева в том, что он якобы строил планы нанесения ядерного удара по Китаю. Не говоря уже о том, что на Брежнева возлагают вину за вооруженное посягательство на территорию Китая (остров Даманский). А также за то, что он нацелил ракеты на Китай, произвел переформирование и переброску Вооруженных сил СССР на восток с тем, чтобы, дескать, создать военную угрозу, угрозу нанесения внезапного, в том числе ядерного, удара и по Китаю. Все это — ложь.

Никогда и никто из руководителей нашего тогдашнего государства не готовил войну и не начинал войны против КНР.

Подлое нападение с применением оружия на границе было для них, прежде всего для Брежнева, полной неожиданностью.

Только после этого вероломного нападения (вспомним, что тогда формально действовал Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи) и после публичного заявления Мао Цзэдуна о том, что Китай, дескать, еще не предъявлял счет по реестру якобы захваченных у него Россией территорий, Брежневу пришлось принимать меры для укрепления обороны вдоль всей нашей длиннейшей в мире границы с КНР. Это потребовало много сил и средств, существенно сказалось на уровне жизни людей в нашей стране.

Китайские пропагандисты намеренно и сознательно пытаются переключать на нашу сторону, на Брежнева вину за начало пограничной войны, за создание военной конфронтации, за перевод наших отношений в ненормальное состояние. На самом деле никакой вины ни Брежнева, ни нашей стороны в этом нет. В этом виновен только Мао Цзэдун. На нем лежит ответственность и за это, и за последствия этого и перед народом Китая, и перед нашим народом.

Китайские пропагандисты далее излагают свою версию того, что случилось в августе 1969 года в районе Жаланашколь на западном участке тогдашней границы между СССР и КНР, а также того, что произошло тогда во взаимоотношениях нашей страны, КНР и Запада.

Они называют эту часть своего фильма следующим образом:

«1969 год. Хирургическая операция».

Это означает, что они хотели бы внушить населению КНР в настоящее время, в начале XXI века, что в истории наших взаимоотношений у нашей стороны якобы существовали планы нанесения ядерных ударов по КНР, которые они и именуют «хирургической операцией».

Это не только полная ложь, но и отражение стремления навязывать людям в КНР отношение к нашему народу и нашей стране как к тем, кто, дескать, способен строить планы ядерной войны и ядерного нападения на Китай.

После того как СССР осуществил вооруженные провокации на северо-востоке Китая, он еще и создал инцидент в районе Теректы на границе с Синьцзяном на северо-западе Китая.

Лишний раз вбивая в головы своих зрителей лживое утверждение о том, что это якобы мы начали и осуществили «вооруженные провокации» в районе острова Даманский, авторы фильма рассказывают далее о том, как, с их точки зрения, разворачивались события в районе Жаланашколь.

Теректы — это район границы, где пограничные войска Китая осуществляли выборочное патрулирование. Китайские пограничные войска обнаружили замысел советских вооруженных сил. Это мнение было передано Синьцзянскому воен-

ному округу с предложением прекратить выборочное патрулирование в районе Теректы.

Все географические названия в дикторском тексте фильма даются только так, как они произносятся на китайском языке. Мы, естественно, называем их по-русски.

При этом авторы фильма не произносят официальное название автономного района — Синьцзян-Уйгурский автономный район, а говорят только о «Синьцзяне». Очевидно, что современные китайские пропагандисты хотели бы вытравить из памяти населения КНР, что в этом районе исконно живут уйгуры.

Начиная излагать свою версию того, что произошло в этом районе в августе 1969 года, авторы фильма стремятся создать у зрителей впечатление о том, что разведка пограничных войск КНР обнаружила намерения нашей стороны организовать вооруженное нападение на китайских пограничников, осуществлявших патрулирование в этом районе. Китайская разведка внесла предложение командованию Синьцзянского военного округа временно прекратить патрулирование. Тем самым предпринимается попытка выставить нашу сторону в качестве нападавшей, а себя — в качестве того, кто якобы оборонялся и стремился избежать столкновений.

На самом деле все было не так. Об этом говорят даже те факты, о которых вынуждены упомянуть авторы фильма.

Однако в самом военном округе не были даны четкие указания относительно патрулирования.

Утром 13 августа 1969 года заместитель командира роты Ян Чжэнлин с 37 бойцами выполнял задачу по выборочному (спорадическому) патрулированию в районе Теректы.

В 10 километрах оттуда находились советские войска.

Произошло столкновение.

Китайская сторона производила то, что в фильме названо «выборочным патрулированием». На самом деле это были провокационные действия, выражавшиеся в переходе линии границы и в захвате участка нашей территории.

Авторы фильма пытаются свалить вину за то, что именно китайская сторона перешла границу, оказалась виновна в последовавшем за этим уничтожении агрессоров, на чиновников в штабе Синьцзянского военного округа.

На самом деле пограничные войска КНР вплоть до того времени продолжали действовать в соответствии с указаниями Мао Цзэдуна, которыми предусматривались действия с применением оружия и с пересечением государственной границы.

В районе Жаланашколь солдаты армии Мао Цзэдуна перешли границу, заняли высоту на нашей территории и вырыли окопы, в которых и залегли.

Думается, что Мао Цзэдун рассчитывал организовать столкновение для того, чтобы продолжить свой курс на войну против нашей страны и в то же время ограничиваться отдельными локальными столкновениями.

При этом Мао Цзэдун исходил, вероятно, и из того, что необходимо подтверждение его решимости проливать кровь наших людей на границе для того, чтобы побудить администрацию США быстрее пойти на изменение характера отношений между КНР и США.

Мао Цзэдун, учитывая опыт боев в районе острова Даманский, очевидно, исходил из того, что разрешение применить оружие на границе дает только Политбюро ЦК КПСС в Москве, а на это, учитывая бюрократическую процедуру, требуется время.

Однако как во время событий на острове Даманский, так и во время событий в районе Жаланашколь решения принимали самостоятельно наши военачальники разного уровня на местах, исходя из боевой обстановки, не дожидаясь формального решения Политбюро ЦК КПСС, которому о ситуации, естественно, докладывали.

В районе Жаланашколь на местном уровне было принято решение о выдворении захватчиков с нашей территории. Решение было быстро выполнено. Значительная часть захватчиков были при этом уничтожены. Можно отметить, что наша сторона передала китайской стороне тела погибших. При этом китайские чиновники и военные молчали и не делали никаких заявлений.

Так Мао Цзэдун узнал о том, что ответ на его провокации на границе стал мгновенным.

Мао Цзэдун после этого случая прекратил нападения на нас на границе. Здесь сказалось и то, что он не хотел, чтобы в КНР у населения складывалось впечатление, что Мао Цзэдун и

его армия терпят поражение за поражением в результате отпора с нашей стороны организованным и начатым им нападениям на нас на границе.

Авторы фильма по-своему трактуют то, что случилось тогда в районе Жаланашколь.

Вечером того же дня в программе новостей Центральной народной радиостанции было передано сообщение о том, что МИД КНР направил ноту протеста посольству СССР в КНР. Услышав об этом, пекинцы не устроили большой демонстрации.

Считалось, что время таких демонстраций уже прошло. Вся страна находилась тогда на подъеме движения за подготовку к войне. Все готовились воевать по принципу: воюет весь народ, весь народ — это солдаты.

Это и было проявлением настроений и решений Мао Цзэдуна.

На практике пограничная война, которую начал Мао Цзэдун, свелась к боям в марте 1969 года в районе острова Даманский и в августе того же года к бою в районе Жаланашколь, то есть к применению им оружия против нас и на восточном, и на западном участке границы.

Тем самым Мао Цзэдун доказал США, что отныне кровь, пролитая им на границе, разделила и противопоставила одну другой две нации — Китай и Россию (тогда СССР).

При этом Мао Цзэдун продолжил вовлечение всего населения Китая в осуществление своего курса на подготовку войны против нашей страны. Главным в то время в Китае стал лозунг «Весь народ солдаты».

Это означало, что от каждого китайца без исключения Мао Цзэдун требовал быть готовым стать солдатом его армии в смертельной военной схватке с нами, в войне против нашего народа и нашей страны.

Тотальная обработка умов в этом духе, воспитание сотен миллионов людей в духе военной вражды к нам при правлении Мао Цзэдуна — это опасные действия. Не известно, как они еще скажутся в будущем. Здесь необходимо принимать во внимание то, что действия и идеи Мао Цзэдуна в этой области и сегодня продолжают считаться верными в КПК — КНР.

Незадолго до этого Мао Цзэдун, исходя из того, что международная обстановка является чрезвычайно напряженной, подчеркнул необходимость лучше готовиться к войне, больше запастись продовольствия, глубже рыть туннели, в широких масштабах строить оборонительные сооружения. Исходя из духа этих указаний, правительство КНР в августе 1969 года решило, что весь народ должен готовиться к войне, готовиться к нападению с воздуха, приняло всенародные меры в области ПВО.

Во всех провинциях, городах и автономных районах были созданы соответствующие группы по руководству этим мероприятием в сфере ПВО. По всей стране была развернута широкая деятельность по ПВО. Масштабы строительства на уже имевшейся основе быстро расширялись. Непрерывно укреплялся глубокий тыл. Мао Цзэдун призвал строить подземные сооружения. Там хранили и делали запасы.

Спустя много лет эти сооружения во многих городах используются как подземные торговые города (центры).

«Культурная революция» Мао Цзэдуна, судя даже по тому, что признается авторами фильма, в 1969 году приобрела открытое свое главное содержание: весь народ по решению правительства КНР должен был готовиться к войне, исходя из того, что единственным и главным военным врагом для населения Китая является, дескать, наш народ и наша страна. При этом Мао Цзэдун внедрял в умы мысль о том, что нападение с нашей стороны будет осуществляться, дескать, с воздуха. Страна стала зарываться в землю. Если несколько лет тому назад «вся страна варила сталь», то теперь вся страна занималась ПВО.

Это было проявление безумия Мао Цзэдуна, который действительно был военным маньяком в том смысле, что война в то время представлялась ему неизбежной и главной опасностью для Китая. Мао Цзэдун сам запланировал и организовал, а затем начал и осуществил нападения на нас и сам же смертельно испугался последствий этих своих действий.

Если взглянуть на все это с точки зрения военной стратегии, то 38 бойцов в районе Теректы, которые вели там бой, — это нечто незначительное. Но если посмотреть на это с точки зрения того, что тут открывалась дверь к большой войне, то это было знаковое событие.

Когда эти 38 китайских военных действовали на северо-западной границе Китая, заместитель государственного секретаря США Ричардсон выступил с заявлением, которое, с точки зрения Киссинджера, было этапным и революционным шагом. В его речи говорилось, что непрерывное улучшение отношений с Китаем отвечает интересам США.

Одновременно с этим правительство США через президента Пакистана Яхья-хана передало Чжоу Эньлаю, что США хотели бы улучшить отношения с Китаем.

Итак, современные пропагандисты КПК в первом десятилетии XXI века подчеркивают важность, с их точки зрения, второго по счету главного достижения Мао Цзэдуна уже в качестве руководителя КПК и КНР.

Одним, или первым, главным достижением Мао Цзэдуна считается в КНР то, что он создал Китайскую Народную Республику, Новый Китай, который впервые в истории Китая поднялся во весь рост и стал независимым и самостоятельным на мировой арене. При этом подразумевается, что тогда временно, исходя из условий своего времени, пришлось, провозглашая выпрямление во весь рост, на практике занять ненормальное скрюченное положение, «склониться в одну сторону», то есть приспособливаться к политике СССР.

Вторым своим главным достижением Мао Цзэдун считал «культурную революцию». Теперь, в ходе «культурной революции», настало время, когда Мао Цзэдун сумел разорвать «советские путы», связывавшие Китай и вынуждавшие его «склоняться в упомянутую сторону», и наконец-то не только на словах, но и на деле выпрямиться во весь рост, заняв позицию военного противостояния с нашим народом и нашей страной и открыв дверь к установлению межгосударственных отношений между КНР и США.

При этом Мао Цзэдун особо подчеркивал, что он идет на сближение с США ввиду военной угрозы «большой войны», которая, как он предлагал считать, грозит одновременно со стороны СССР и КНР, и США.

Однако из-за того, что между Китаем и США на протяжении длительного времени существовало противостояние, полностью достичь понимания не удалось. Пакистан не получил в скором времени или тут же ответ из Китая.

СССР на границе с Китаем усиливал военные приготовления. Это вызвало реакцию во всем мире. В том числе это отразилось на отношениях Китая с США. Они не могли не думать об этом.

Брежнев в то время продолжал осуществлять свою политику.

Известный советский свободный журналист Виктор Луи писал, что СССР, возможно, нанесет ядерный удар по китайским атомным объектам в районе Лобнора. Если это произойдет, то мир осознает это только постфактум. Это был намек на то, что СССР готов первым нанести удар. Цель при этом состояла в том, чтобы узнать о реакции правительства Китая.

Правительство Китая отреагировало очень скоро. 28 и 29 сентября 1969 года станции слежения за землетрясениями в США, соответствующий советский центр и два спутника получили сообщения о двух мощных подземных ядерных взрывах в Китае. Из этого они немедленно сделали свои выводы. Китай впервые произвел подземные испытания ядерного оружия. Это были восьмое и девятое ядерные испытания Китая.

Однако затем на протяжении нескольких дней СМИ Китая хранили молчание. Как будто бы ничего и не произошло.

Агентство АП в своей статье писало об этом следующее: два взрыва, которые недавно произвел Китай, не были направлены ни на какой-либо определенный район, ни на какую-либо определенную страну. Это был пробный шар Китая для всех.

Это был ответ Китая на разведку, которую предприняла Москва.

(Все это на фоне кадров, где показаны наши ракеты, шахты для ракет, танки.)

Нашу страну, Брежнева здесь обвиняют в том, что он был якобы готов нанести ядерный удар по Китаю.

На это Мао Цзэдун ответил двумя подземными ядерными испытаниями, что означало, что Мао Цзэдун готов и к ядерной войне против нашего народа и нашей страны. Это был еще один сигнал Мао Цзэдуна Вашингтону.

Действительно, с нашей стороны могли делаться шаги, которые предназначались для того, чтобы довести до сведения

Мао Цзэдуна, других руководителей Китая, что наш народ и наша страна готовы обороняться и защищать себя от нападений Мао Цзэдуна, применив в случае необходимости все виды оружия, имеющиеся у нас в распоряжении. Однако никто и никогда в нашей стране не планировал применять ядерное оружие против КНР, тем более первым.

В Советской армии была фракция «твердых». Они выступали за то, чтобы сначала нанести удар, а потом разговаривать.

Брежнев действительно был очень озабочен. Этот хозяин Кремля обнаружил, что перед ним оказался не Китай, принимающий стратегию царей, а новый Китай, который нельзя было запугать ни ядерным шантажом, ни атомной бомбой. Китай уже не был таким, когда в отношении него цари творили то, что хотели, а был уверен в себе, с уважением относился сам к себе. Больше никто не мог отважиться на агрессию против него, невозможно было добиваться осуществления своей мечты, своих снов. Китай середины XX века нельзя было запугать ядерным шантажом. Он не боялся атомной бомбы.

Совершенно безосновательно зрителям фильма в КНР внушают мысль о том, что в нашей стране, в нашей армии была фракция тех, кто выступал за то, чтобы сначала нанести ядерный удар по Китаю, а потом разговаривать с ним.

И эта мысль пропагандируется специалистами из области пропаганды КПК с тем, чтобы и сегодня, в начале второго десятилетия нынешнего столетия, внушать более чем миллиардному населению Китая мысль о том, что наш народ и наша страна в истории якобы уже представляли собой смертельную угрозу для Китая, что в нашей стране были те, у кого в руках находилось оружие и кто хотел применить атомную бомбу против китайцев.

Это — все та же линия политики Мао Цзэдуна, направленная на военное противопоставление и вечную ненависть и вражду между двумя нациями — Россией и Китаем.

А далее авторы фильма продолжают внедрять в умы населения КНР, которое смотрит их фильм, мысль о том, что нет разницы между властителями царской России и Советской России, что руководители Советской России якобы были воен-

ными врагами Китая, что, в частности, Брежнев продолжал политику «царей».

Тут же авторы фильма оправдывают политику Мао Цзэдуна, представляя ее как сопротивление намерениям и планам, а также фактическому нажиму правителей Советской России на КПК и КНР. На самом деле не было никогда никакого такого нажима с нашей стороны. Нет никаких фактов, которые свидетельствовали бы об этом.

Была безумная иррациональная ненависть Мао Цзэдуна к людям России как к нации, к нашему народу и к нашей стране. Был политический курс Мао Цзэдуна на разрыв нормальных отношений двух наций, на отделение наций друг от друга, на полное отрицание и забвение дружбы и реестра добрых дел, которые Россия совершила в прошлом веке в отношении Китая, и на вечное военное противостояние в разных формах двух наших наций — России и Китая.

В том, что дело пришло к такому противостоянию, виновен исключительно Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи.

Наша сторона, представители нашей стороны, в том числе Брежнев, ни в чем не виноваты перед Китаем, перед народом Китая.

Все, что делалось в нашей стране в те времена, было вынужденными оборонительными мерами, вызванными политической и действиями Мао Цзэдуна.

На границе между Китаем и СССР Советская армия уже была приведена в полную боевую готовность. Генеральный штаб Советской армии разместил там 55 пехотных дивизий, 12 ракетных дивизий, 10 танковых дивизий, 4 дивизии ВВС. Они обладали мощным вооружением и в любое время могли быть приведены в действие. Руководство НОАК своевременно уведомило об этом всю армию. Было сказано, что Советская армия приведена в состояние полной боевой готовности. У Китая была пятимиллионная постоянная армия. Это была самая многочисленная армия в мире. Кроме того, было огромное народное ополчение. Тогда говорили так: у нас восьмисотмиллионный народ, а это значит, что у нас восемьсот миллионов солдат. Все это вместе взятое — это горы и реки на целых десять тысяч ли, это Великая стена на десять тысяч ли.

И это тогда был не просто лозунг.

Если бы противник Китая осмелился на войну против него и если бы действительно началась такая народная война, тогда любые силы такого противника утонули бы в океане такой народной войны.

Во время Второй мировой войны армия СССР сначала разгромила врага на полях войны в Европе, а затем разгромила Квантунскую армию на Дальнем Востоке. Сибирская великая железная дорога тогда работала безостановочно и днем и ночью несколько месяцев. Так, по этой дороге перевезли те войска, которые разбили Квантунскую армию. Так сосредоточили войска трех фронтов. В общей сложности 1,5 млн человек. И соответствующее вооружение.

В настоящее время, о каком бы участке границы между Китаем и СССР ни шла речь, Советская армия не имела той мощи и поддержки, которые бы удовлетворяли ее потребности.

Главное тут было в том, что на протяжении длительного времени предполагаемым противником ее были США. Вооруженные силы СССР были главным образом сосредоточены на Западе. Такую нацеленность было трудно изменить.

Американские межконтинентальные и прочие ракеты и другие военные силы в значительной степени сдерживали СССР.

Кроме того, была создана такая система противостояния, которую трудно было разрушить. Для СССР главная угроза, как там считали, исходила со стороны США. А не из Китая, который никогда не захватывал ни вершка чужой территории.

Если на китайском направлении сосредоточить слишком много войск, тогда это ослабит главное направление, откуда и грозила опасность СССР.

Авторы фильма рисуют ситуацию того времени таким образом, чтобы внушать зрителям, что нападение с нашей стороны на Китай было, дескать, желанием Брежнева и власть имущих в нашей стране, однако организованное Мао Цзэдуном всенародное сопротивление потенциальной военной угрозе со стороны народа Китая остановило исполнение таких планов.

К этому авторы фильма добавляют мысль о том, что в Москве, дескать, не могли изменить стратегическую ситуацию,

при которой СССР приходилось основные силы иметь на западном направлении.

Именно этим авторы фильма объясняют переход в отношениях сторон к переговорам.

На самом деле все было не так.

Прежде всего, это Мао Цзэдун начал пограничную войну против нас.

Сразу же после событий на острове Даманский председатель Совета Министров СССР Косыгин позвонил главе правительства КНР Чжоу Эньлаю с намерением предложить договориться о прекращении огня и о переговорах по интересующим стороны вопросам. Приверженец и исполнитель воли Мао Цзэдуна Чжоу Эньлай не вступил тогда в разговор с главой правительства нашей страны.

После этого с нашей стороны неоднократно были предложения о встрече глав правительств. Мао Цзэдун и его приверженцы не шли на это.

Однако в то время второе лицо в КПК, министр обороны КНР маршал Линь Бяо на IX съезде КПК раскрыл перед партией, перед народом Китая и перед всем миром тот факт, что глава правительства СССР предлагал главе правительства КНР вступить в переговоры.

Благодаря этому стало ясно, что в КПК — КНР существует раскол по вопросу о войне против нашей страны. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай были за такую войну. Линь Бяо был против этого.

Можно отметить также, что ни один из высших китайских военачальников, маршалов КНР не поддержал Мао Цзэдуна в его войне против нашей страны.

Мао Цзэдун был вынужден в сентябре 1969 года согласиться на встречу глав правительств СССР и КНР. Тем самым в создавшейся ситуации Мао Цзэдун хотел использовать сам факт такой встречи как дополнительный рычаг давления на США, которые уже созрели для того, чтобы установить межгосударственные контакты с КНР, и показать им, что в случае чего он может и пойти на некие договоренности с СССР.

Вот Москва в конце 1960-х гг., которая тогда действительно сгруппировалась. Находившийся в Москве у власти Брежнев был, как и Хрущев, человеком импульсивным, действовавшим,

поддаваясь минутному настроению. Так он действовал и в вопросе о Китае.

Ядерной угрозы Китай не боялся. А путем обычной войны у Китая уж никак не выиграешь. И сколько будет тянуться такая ситуация, сколько лет, сколько месяцев?

Для того чтобы иметь гарантию в случае с НАТО, Москва задумала сесть и вести переговоры с Пекином.

Нет никаких оснований для такого рода утверждений.

Единственное, что здесь необходимо сказать, — это то, что современные пропагандисты из КПК позволяют себе говорить, что «Москва... сглупила». Они также утверждают, что Брежнев и Хрущев были якобы людьми импульсивными, поддававшимися минутному настроению при ведении дел с Китаем. Ни то ни другое не соответствует действительности.

Дело было, если говорить о его сути, в том, что и Хрущев, и Брежнев до последнего пытались сохранять, восстанавливать и налаживать отношения с Китаем, однако им это не удавалось по той единственной причине, что Мао Цзэдуна охватывало безумие тогда, когда речь шла об отношениях с нашей страной. Безумие Мао Цзэдуна простиралось так далеко, что он начал пограничную войну против нас и готовил Китай к ядерной войне против нас. Угроза войны таилась исключительно в политике Мао Цзэдуна. Он был в своих помыслах смертельным военным врагом нашего народа и нашей страны.

Последнюю часть своего фильма (не говоря о специально выделенном эпилоге) его авторы посвятили тому, как, с их точки зрения, в области отношений на мировой арене между СССР, США и КНР завершилась история с пограничной войной Мао Цзэдуна против нашей страны в 1969 году.

«1971 год. Дипломатия с помощью пинг-понга».

Здесь бросаются в глаза два момента.

Во-первых, в этом фильме, казалось бы, речь должна была бы главным образом идти об отношениях нашей страны и КНР. Авторам фильма важно перенести акцент на отношения Мао Цзэдуна с США. Собственно говоря, тем самым подтверждается мысль о том, что именно ради того, чтобы США пошли на установление межгосударственных контактов с ним, Мао Цзэдун и

затеял убийство наших людей на границе. Его бесчеловечность, особенно по отношению к нашим людям, к нашему народу, высвечивается тем самым в еще большей степени.

Во-вторых, авторы фильма стремятся приукрашивать Мао Цзэдуна, выделять тактические детали его дипломатии как показатель его якобы необыкновенной мудрости. Вот и в данном случае они обращают внимание на то, что в ходе сближения Мао Цзэдуна с администрацией США свою роль сыграл такой прием Мао Цзэдуна, как приглашение в Китай американских игроков по настольному теннису. Это оказало воздействие на сознание населения. Однако суть событий определялась действиями Мао Цзэдуна и президента США Р. Никсона.

2 сентября 1969 года в Ханое умер близкий друг народа Китая, председатель Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мин. Народ Вьетнама в Ханое устроил грандиозные похороны Хо Ши Мина. Китай и СССР отправили делегации на высоком уровне для участия в похоронах.

Хо Ши Мин в 1920 году вступил в Коммунистическую партию во Франции. На протяжении всей его жизни у него были тесные контакты и с КПК, и с КПСС.

Говорят, что когда премьер Чжоу Энлай прилетел в Ханой, ему передали предсмертное завещание Хо Ши Мина: ЛАО ДА ГЭ! ЛАО ДА ЦЗЕ! БУ ЯО ЦЗАЙ ДАЛА. «Старший брат! Старшая сестра! Не деритесь вы больше».

Хо Ши Мин был вьетнамцем, он стремился защищать интересы Вьетнама. Перед смертью он выразил пожелание людей Вьетнама. Через Хо Ши Мина они, по сути дела, обратились к Советскому Союзу, который во Вьетнаме именовали «старшим братом», и к КНР, которую там именовали «старшей сестрой», с призывом «больше не драться».

Думается, что в этом завете Хо Ши Мина выражена мудрость человека, который понимал, что интересам всех наций, в том числе самого Вьетнама, других соседей Китая, интересам народов и нашей страны, и Китая отвечает вечный нерушимый мир между двумя нациями — Россией и Китаем. Это действительно то, что в первую очередь необходимо нашим народам в их отношениях навсегда. Это шло вразрез с желаниями Мао Цзэдуна. Попутно можно отметить, что Хо Ши Мина с Лю Шаоци связывали тесные дружественные отношения.

В Ханое А. Н. Косыгин предложил Чжоу Эньлаю встретиться и обсудить ситуацию. Чжоу Эньлай снова уклонился от этого предложения нашей стороны.

Глава правительства СССР Косыгин тоже принял участие в похоронах. Косыгин очень хотел использовать этот случай для того, чтобы встретиться с Чжоу Эньлаем. Но Чжоу Эньлай вернулся на Родину.

11 сентября по пути из Ханоя в Москву Косыгин встретился с Чжоу Эньлаем на аэродроме в Пекине. Беседа сторон продолжалась 55 минут. Они обменялись мнениями по вопросам о границе между двумя государствами и по двусторонним отношениям.

Главы правительств согласились в том, что полемика между Китаем и СССР по принципиальным вопросам не должна мешать нормальным отношениям между государствами. В вопросе о границе оба государства не должны применять силу. Стороны считали, что сначала следует подписать соглашение о временных мерах по сохранению статус-кво на границе, о неприменении оружия, о выводе войск обеих сторон из спорных районов, чтобы исключить их соприкосновение. А затем провести переговоры о границе.

С китайской стороны в переговорах участвовали Ли Сяньнянь, Се Фучжи. С советской стороны — Катушев, Яснов.

7 октября «Жэньминь жибао» опубликовала заявление Китая, в котором указывалось, что правительство Китая всегда последовательно выступает за то, чтобы путем переговоров мирно решать вопросы о границе между Китаем и СССР.

В соответствии с договоренностью глав правительств в Пекине начались переговоры о границе на уровне заместителей министров иностранных дел.

Авторы фильма признают, что с нашей стороны в очередной раз было выражено желание провести переговоры глав правительств СССР и КНР, однако, как мы уже упоминали, Чжоу Эньлай не стал встречаться с Косыгиным в Ханое на похоронах Хо Ши Мина.

Косыгину пришлось лететь домой. По дороге он получил уведомление о том, что Чжоу Эньлай готов встретиться с ним в Пекине. Сделав большой крюк, Косыгин прилетел в Пекин,

где на аэродроме (очередной мелкий «укус» Мао Цзэдуна, хотя Мао Цзэдун хотел тем самым показать, что он не желает просто так восстанавливать какие бы то ни было отношения с нашей стороной) состоялась его встреча с Чжоу Эньлаем.

Практическим итогом встречи была договоренность сторон о начале переговоров делегаций во главе с заместителями министров иностранных дел в Пекине.

Все остальное, что касается содержания переговоров Косыгина и Чжоу Эньлая и о чем говорится в фильме, — это трактовка китайской пропагандой содержания беседы Косыгина и Чжоу Эньлая. У нашей стороны есть своя трактовка, которая не совпадает с толкованием китайской стороны.

С нашей точки зрения самым важным тогда была договоренность о прекращении огня на границе и о начале переговоров на уровне заместителей министров иностранных дел.

В фильме упоминается о заявлении китайской стороны, но не говорится о том, что в документе МИД КНР, датированном 8 октября 1969 года, то есть выпущенном накануне начала переговоров, содержалось официальное требование КНР к СССР признать, что договоры о границе являются якобы неравноправными.

Киссинджер вспоминал: встреча премьеров Китая и СССР и переговоры на уровне заместителей министров побудили США к действиям. Все это привело к тому, что президент Никсон был этим особенно обеспокоен.

Разрядка напряженности в отношениях между Китаем и СССР не благоприятствовала США.

Через президента Пакистана Никсон передал, что у него есть желание разрядить напряженность во взаимоотношениях с Китаем.

В фильме подчеркивается именно утверждение китайской стороны о том, что Мао Цзэдуну удалось, пойдя на встречу Чжоу Эньлая с Косыгиным и на начало переговоров в Пекине, заставить США поторопиться с налаживанием отношений между США и КНР; китайские пропагандисты стремятся не только представить Мао Цзэдуна победителем в его стремлении заставить США вступить в переговоры с КНР, но и подчеркнуть, что не Мао Цзэдун добивался встречи с Р. Никсоном, а Р. Никсон был вынужден добиваться встречи с Мао Цзэдуном.

Переговоры на уровне заместителей министров не привели к соглашению. Разрядить напряженность в отношениях Китая и СССР было невозможно.

Крупные военные силы СССР стояли на границе с Китаем. Они не были переброшены в Европу.

Никсон также беспокоился о том, что СССР будет действовать под предлогом нанесения удара по Китаю.

В СССР писали, что социалистические страны ради своих интересов, подвергаясь угрозам, могут вмешиваться в чужие дела.

Советская армия все это время отслеживала ситуацию на границе Китая и СССР. Следила за передвижениями войск Китая. Обо всем немедленно докладывали наверх.

Однако они очень мало понимали в том, что могло произойти в этом мире.

Пропаганда КПК и в данном случае пытается представлять того, в ком она видит врага, а здесь речь идет о нашей стране, как того, кто глуповат и не способен, дескать, постичь глубину внешнеполитических замыслов Мао Цзэдуна.

Авторы фильма стремятся воспитывать у зрителей фильма в КНР чувство восхищения действиями Мао Цзэдуна. При этом они подчеркивают, что в СССР никак не предполагали, что все маневры в отношениях с СССР на протяжении многих лет, собственно говоря, даже и пограничная война, и переговоры после ее завершения или приостановки в ходе этих переговоров, все это только тактика, с помощью которой Мао Цзэдун, дескать, решал главную задачу — выравнивание отношений с США, установление межгосударственных отношений с США.

На самом деле установление межгосударственных отношений между КНР и США было неизбежным, было лишь вопросом времени.

Главное для нашей страны тут не в том, что мы, дескать, оказались перед ситуацией, когда США и КНР смогли договориться, а в том, что Мао Цзэдун в принципе настраивал население КНР на мысль сначала о допустимости, затем о вероятности, возможности и, наконец, о неизбежности войны. Причем большой войны, ядерной войны Китая против нашего народа и нашей страны.

В апреле 1971 года, как раз в то время, когда проходило совещание в генштабе Советской армии, в Японии состоялся очередной чемпионат по пинг-понгу. Во время соревнований руководитель китайской делегации пригласил американских спортсменов бесплатно посетить Китай.

Это и была пинг-понговая дипломатия Китая.

Американские спортсмены через Сянган прилетели в Гуанчжоу, а затем в Пекин.

Мао Цзэдун говорил: из искры может разгореться пожар в степи.

Американцы были на приеме в Доме ВСНП. Их принял Чжоу Эньлай. Он говорил об открытии новых отношений с США. Сейчас американские корреспонденты могут приезжать в Китай.

Джордж Буш тоже играл в пинг-понг. Он был выдающимся политиком. Он стал президентом США. В известной степени это связано с тем, что он возглавлял американскую миссию связи в Пекине. Это был поворот в его судьбе.

В тот день, когда американские спортсмены покидали Пекин, президент Никсон объявил о снятии ограничений на торговлю с Китаем, которые существовали 20 лет.

Покончив с вопросом об отношениях с нашей страной в рассматриваемый период, авторы фильма сосредоточили внимание зрителей на процессе сближения КНР и США, Мао Цзэдуна и Р. Никсона.

При этом, говоря о начале этого процесса в его публичной фазе, они подчеркивают значение приглашения в КНР американской команды по настольному теннису.

Здесь в фильме приведено высказывание Мао Цзэдуна: из искры может разгореться пожар в степи.

Это необходимо современной пропаганде КПК для того, чтобы подчеркнуть, что для Мао Цзэдуна и его приверженцев, а следовательно, и для населения Китая все, что имело место в истории взаимоотношений с нашей страной, должно померкнуть по сравнению с перспективами отношений между Китаем и Америкой. Так лишний раз оправдывается убийство Мао Цзэдуном, его солдатами наших людей на границе. Получается, что это якобы небольшая цена за установление отношений с США.

Через Пакистан Чжоу Эньлай уведомил, что Пекин готов принять представителя президента США.

Это первая встреча Киссинджера в Пекине.

Он прилетел из Пакистана 9 июля 1971 года и вел переговоры с Чжоу Эньлаем.

15 июля 1971 года стороны совместно опубликовали сообщение о том, что президент Никсон по приглашению посетит Китай.

Тайный визит Киссинджера проложил путь для визита Никсона в Пекин.

Потом Киссинджер 10 раз бывал в Китае. 5 раз встречался с Мао Цзэдуном. Сделал вывод о том, что беспокоило Мао Цзэдуна в международной обстановке.

Мао Цзэдун говорил: в настоящее время вероятность того, что США совершат агрессию, очень мала. Иными словами, его более всего беспокоил СССР.

Авторы фильма, пропагандисты КПК в наше время не стесняются, а, наоборот, подчеркивают мысль о том, что Мао Цзэдун был, дескать, прав, настраивая китайцев как нацию на войну против нашего народа и нашей страны.

Китайские зрители фильма отсюда должны приходиться к мыслям о том, что в истории, даже тогда, когда существовало военное равенство между СССР и США, когда они были тем, что в КНР именуется «сверхдержавами», или «советским ревизионизмом» и «американским империализмом», угроза агрессии на мировой арене, в том числе и прежде всего против Китая и Америки, исходила со стороны СССР. Мао Цзэдун говорил, и это сегодня внушают зрителям в КНР, что вероятность того, что США совершат агрессию (особенно против Китая), очень мала.

Думается, что именно эти мысли и сегодня находятся в багаже пропаганды КПК, пусть в отношении истории, но кто знает, что может произойти в будущем.

Сближение Китая с США произвело огромные изменения в международной обстановке.

26 ноября 1971 года на заседании ГА ООН большинством голосов была одобрена резолюция, предложенная Албанией и другими, о месте Китая в ООН и об изгнании оттуда Тайваня.

21 февраля 1972 года Чжоу Эньлай и другие прибыли на аэродром Наньюань в Пекине. Никсон с супругой, Киссинджер

и другие на самолете ВВС США № 1 по пути остановились в Шанхае, а затем прилетели в Пекин.

Это была официальная нормализация отношений между Китаем и США.

Никсон протянул руку Чжоу Эньлаю. Чжоу Эньлай тоже протянул руку Никсону.

В воспоминаниях Никсона упоминалось, что 18 лет тому назад американский представитель не пожал в Женеве руку Чжоу Эньлая.

Сейчас Никсон особенно хотел пожать руку Чжоу Эньлая.

Учитывая роль Пакистана в нормализации отношений Китая и США, СССР тогда заключил договор о дружбе между СССР и Индией.

Киссинджер тогда в третий раз прилетел в Пекин. На этот аэродром. Он вспоминал, что никогда не видел там другие самолеты и других пассажиров.

Думали, что встреча и почетный караул будут на Тяньаньмэнь.

Но 350 человек караула были на Наньюань. Поместили Никсона в павильоне Гобиньгуань (резиденции для почетных гостей) в Дяоюйтай.

В фильме упоминается о приходе представителей КНР в ООН в 1971 году, но не говорится ни слова о том, что было сделано нашей страной, прежде всего, для того, чтобы Китай был одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, затем в защиту интересов КНР в связи с войной на Корейском полуострове и, наконец, на протяжении двух десятилетий в процессе борьбы за приход представителей КНР в ООН.

В фильме подчеркивается, что официальная нормализация отношений между КНР и США состоялась в момент прилета Р. Никсона в Пекин в 1972 году.

В фильме подчеркивается особое почтение Мао Цзэдуна к пребыванию Р. Никсона в Пекине.

Авторы фильма не преминули и в связи с происходившим в отношениях КНР и США «ущипнуть» СССР, осудив его за заключение договора с Индией. Здесь продолжается линия на противопоставление Нового Китая одновременно и с нашей страной, и с Индией.

Заодно в фильме неоднократно подчеркивается особый характер дружественных связей КНР с Пакистаном.

Чжоу Эньлай сказал, что Мао Цзэдун хотел бы встретиться с Никсоном. Всего через 3 часа после прилета Никсона Мао Цзэдун принял в Чжуннаньхае Никсона, Киссинджера и Лорда.

Мао Цзэдун принял Никсона в своей библиотеке.

Говорили час.

Мао Цзэдун сказал, что ни США, ни Китай не угрожают друг другу. Вероятность совершения агрессии Китаем или США очень мала.

Значит, в вопросе о безопасности его больше всего беспокоил СССР.

С этого времени и был создан треугольник.

Рассказ о «войне Нового Китая с СССР» авторы фильма завершают описанием встречи Мао Цзэдуна с Р. Никсоном. Здесь повторяется утверждение Мао Цзэдуна о том, что ни США, ни Китай не угрожают друг другу. А также что вероятность совершения агрессии Китаем или США очень мала. При этом в фильме подчеркивается мысль о том, что это означает, что в вопросе о безопасности Мао Цзэдуна более всего беспокоил СССР. По крайней мере, именно так Мао Цзэдун поставил вопрос в беседе с президентом США в момент нормализации китайско-американских отношений.

Вполне очевидно, что эти же мысли определяют в известной степени и содержание пропаганды КПК на население КНР и в настоящее время.

В фильме именно эти мысли подаются как главные в момент создания и появления «треугольника». Имеются в виду КНР, США, СССР и отношения между собой в двустороннем порядке участников этого «треугольника».

Авторы фильма выделяют его эпилог.

Эпилог.

Прошло более 20 лет. Чжэньбаодао по-прежнему существует. А СССР уже не существует. Он превратился в СНГ. Треугольник вследствие всего этого развалился.

«Правильность» действий Мао Цзэдуна, пролившего кровь наших людей, начавшего пограничную войну против нас, использование Мао Цзэдуном этой «войны» как инструмента нормализации китайско-американских отношений лишний раз подчеркивается в фильме.

При этом фактически утверждается, что сегодня в мире остались только два равноценных (пока) партнера: КНР и США. Никакого «треугольника» больше не существует.

Итак, Мао Цзэдун представлен в фильме провидцем, который якобы предвидел и исчезновение СССР, и исчезновение «треугольника».

За эти 20 лет в мире произошло много событий. Многие фигуры ушли. Брежнев в ноябре 1982 года умер. Перед смертью этот старый человек нанес удар в Афганистане, который прилегает к западному участку границы Китая с СССР. В конце 1979 года Советская армия с шести направлений вторглась в Афганистан и высадила в Кабуле крупный десант. Афганцы повели партизанскую войну сопротивления агрессии. Советская армия в этих горах воевала 10 лет. Она не только взяла на себя эту тяжелую ношу, но и оказалась в небывалой изоляции в общественном мнении всего мира. Весной 1989 года Советская армия вся была выведена из Афганистана.

После распада СССР установился мир на границе СССР и Афганистана, и после этого стало спокойно и на границе СССР и Китая, постепенно стало спокойно на западном участке границы Китая и СССР.

В начале 1970-х гг. Мао Цзэдун говорил о том, что мир делится на три части. В сентябре 1976 года этот великий человек умер.

Хотя теоретически деление на три мира Мао Цзэдуном и не отвечает действительности, но цель-то при этом была в том, чтобы выступить против гегемонизма.

Зрителям в КНР пропаганда КПК внушает, что Мао Цзэдун был прав, потому что он, дескать, выступал против гегемонизма. Под гегемонизмом имеется в виду политика СССР, более того, имеются в виду наш народ и наша страна. Именно против них было направлено острие иррациональной вражды и ненависти Мао Цзэдуна.

В целом политика Мао Цзэдуна была направлена именно на то, чтобы заставить подчиняться его воле другие народы и страны. И это в ситуации, когда, во всяком случае применительно к КНР и КПК, никакого навязывания нашей воли никогда не было.

Китай помог Вьетнаму в борьбе за то, чтобы дать отпор США. Это сыграло активную роль. После освобождения всего Вьетнама власти Вьетнама стали осуществлять региональный гегемонизм при помощи СССР. И шли все дальше по этому пути. С 17 февраля по 5 марта 1979 года китайские пограничные части в Гуанси и в Юньнани в целях защиты безопасности приграничных районов провели против Вьетнама войну самообороны и нанесения ответного удара. Достигнув своих целей, они были возвращены в пределы Китая.

Во время войны против Вьетнама китайские войска соблюдали дисциплину. Они обнаружили продовольствие и другие вещи, которые Китай поставлял в порядке помощи Вьетнаму, — продовольствие, то есть зерно, и вооружение. Это хранилось во Вьетнаме на складах.

Возвращаясь в Китай, Китай дал обещание не оккупировать ни вершка земли Вьетнама, не оставлять во Вьетнаме ни одного солдата.

Именно поэтому после вывода войск в отношениях продолжала смягчаться напряженность, обстановка на границе вернулась к нормальному состоянию.

Никсон умер. Он приложил усилия для нормализации отношений Китая и США. При нем американцы воевали во Вьетнаме, а Китай помогал Вьетнаму.

Авторы фильма кратко излагают содержание еще одного фильма о «войнах Нового Китая», то есть фильма о войне КНР с Вьетнамом в 1979 году. Это делается для того, чтобы подчеркнуть целостность политики Нового Китая по отношению к этим трем войнам: с Индией, с СССР, с Вьетнамом.

Не случайно здесь китайские пропагандисты упоминают, что война против Вьетнама была, по сути дела, войной против государства, которое получало помощь со стороны СССР.

В дальнейшем мы специально рассмотрим содержание фильма о войне КНР с Вьетнамом.

Более 30 лет тому назад была война на острове Чжэньбаодао за то, чтобы осуществить самооборону и нанести ответный удар. По обе стороны границы между СССР и КНР существуют войска, все еще есть ракеты и танки. Но тень войны ушла.

Прошло 30 лет. Самый трудный период.

(Схема-карта с надписью: «Ход войны самообороны и нанесения ответного удара на острове Чжэньбаодао». Военнослужащий НОАК, разъясняющий схему.)

Это была война.

Цинское правительство отдало царской России полтора миллиона квадратных километров территории. Гоминьдановское правительство во время Войны сопротивления Японии отдало большую территорию. Но правительство Нового Китая привело в действие всю мощь государства, чтобы защитить остров площадью всего в 0,74 кв. км. Этим можно гордиться.

Январь 2005 года.

В заключение в фильме подчеркивается многократно повторявшаяся мысль о том, что надо оправдывать войну Мао Цзэдуна против нашей страны. Думается, что до той поры, пока в КПК — КНР будет сохраняться такая позиция, построить прочную духовную основу наших двусторонних отношений будет невозможно.

Мао Цзэдун соединил в обоснование своего отношения и своей политики в отношении нашего народа и нашей страны ненависть к СССР с ненавистью к России, то есть соединил антисоветизм с антирусскими настроениями, с русофобией. Степень этой ненависти и вражды Мао Цзэдун довел до пропаганды взгляда на наш народ и на нашу страну как на военного врага и его политической партии, то есть Коммунистической партии Китая, и как врага нации Китая, то есть и как врага идейного, классового, и как врага национального. Соединение национальной и классовой вражды и ненависти — вот что такое отношение Мао Цзэдуна к нам как к народу и как к стране.

«ВОЙНА С ВЬЕТНАМОМ»

Мао Цзэдун устроил войну с Индией в 1959–1962 годах, затем примерно через 10 лет устроил войну с СССР в 1969 году. Еще через 10 лет, в 1979 году приверженец и последователь Мао Цзедуна, во всяком случае в его внешней политике, Дэн Сяопин устроил войну с Вьетнамом.

Документальный и пропагандистский кинофильм о войне с Вьетнамом начинается с заставки, подобной заставкам в фильмах о войне с Индией и с СССР.

Столкновение (конфликт) военного характера на границе Китая и Вьетнама. Из серии фильмов о пертурбациях в ходе войн Нового Китая.

ISRC CN — G 13 — 05 — 0012 — O/V.E

Выпуск Компании видеопродукции культурного назначения провинции Гуйчжоу.

Этот фильм посвящается памяти тех военнослужащих, которые проливали кровь на приграничных полях в течение более 40 лет ради защиты нашей Республики.

Войны Республики.

Хроника войны на границе Китая и Вьетнама.

Здесь сразу вводятся характеристики того, что тогда произошло, и того, что вообще происходило на протяжении более 40 лет после образования КНР.

Зрителям в КНР внушают, что речь идет о «войнах Нового Китая», о «войнах Республики», о «конфликте военного характера» на границе Китая и Вьетнама, о «войне на границе» Китая и Вьетнама, а также подчеркивают, что на протяжении более 40 лет, то есть в 1950-х, 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. солда-

там армий Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина приходилось «проливать кровь», защищая КНР, на полях приграничных сражений.

Все это предназначено для того, чтобы внедрять в представление об исторической памяти у населения современной КНР мысли о том, что практически если не вся, то большая часть истории КНР — это история отечественных войн китайского народа в защиту рубежей республики в целях формирования таких границ Нового Китая, которые, по крайней мере, хотя бы в минимальной степени обеспечивали Китаю суверенитет над теми землями, которые он считает своими.

На самом же деле и у Индии, и у нашей страны, и у Вьетнама есть свои позиции по этим вопросам. Если и говорить о согласовании разногласий, то только мирным путем, но никоим образом не методом «пограничных войн».

Это были не отечественные войны народа Китая, это были войны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Эти войны вели солдаты армий Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. В соответствии с Конституцией КНР ее вооруженные силы находятся под руководством («абсолютным руководством — ЦЗЮЕДУЙ ЛИНДАО», как выражался Цзян Цзэминь) Коммунистической партии Китая, а это означает, что верховным главнокомандующим, который единолично распоряжается этими вооруженными силами, является один политик — председатель Военного совета ЦК КПК; в этих случаях Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

Первая часть фильма называется:

*«Большая армия
оказывает давление
на границу».*

Итак, китайцам, которые смотрят этот фильм, внушается, что это была «война Республики», что это одна из тех войн, когда пришлось «проливать кровь на приграничных полях». Подразумевается, что правда и справедливость были на стороне Дэн Сяопина, а в войне виноваты вьетнамцы как нация. Зрители должны, не раздумывая и не задавая вопросов, принять это утверждение.

Дэн Сяопин копировал тактику Мао Цзэдуна. Как в случае войны с Индией, до начала войны Дэн Сяопин сосредоточил крупные военные силы на границе с Вьетнамом. Одно это сви-

детельствовало о том, что он собирается действовать активно и сам первым нанести удар по Вьетнаму.

В начале 1979 года на границу прибыли части сухопутных сил НОАК для участия в войне самообороны в целях нанесения ответного удара.

Граница оставалась беспокойной на протяжении сорока лет.

Китай — бедная страна.

В свое время помогал вьетнамцам.

После смерти Хо Ши Мина ситуация изменилась.

Китай провел моральную подготовку.

Речь идет о социалистическом государстве.

Рассказ о войне с Вьетнамом начинается с констатации факта: «В начале 1979 года на границу прибыли части сухопутных сил НОАК», то есть Армии освобождения народа Китая. Здесь нельзя не сказать о том, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин именовали свою армию Армией народа Китая, Армией освобождения народа Китая. Следовательно, они видели предназначение этой армии, которую они предлагали считать «армией народа», в том, чтобы кого-то «освободить». Вся история взаимоотношений КНР с нашей страной, с Индией, с Вьетнамом вплоть до сего времени показала, что народ нашей страны, народ Индии, народ Вьетнама никоим образом не желают, чтобы упомянутая «армия народа», то есть армия Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина или их последователей «освобождала» эти народы, упомянутые народы оказали самое решительное сопротивление тому, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин хотели бы именовать «освобождением» и что на самом деле являлось бы закабалением этих народов.

Итак, в начале 1979 года, то есть как раз тогда, когда Дэн Сяопин побывал с визитом в США и когда он призывал создать всемирный единый фронт из КНР, США, Японии, западноевропейских и других государств для борьбы против нашей страны, на практике Дэн Сяопин решил доказать США, что он способен идти впереди в этом едином фронте и первым нанести удар по Вьетнаму, который, как внушают населению КНР, был союзником нашей страны (это Дэн Сяопин доказывал США, которые до того сами воевали во Вьетнаме; очевидно,

Дэн Сяопин рассчитывал на понимание со стороны США). Попутно можно упомянуть о том, что СССР послал войска в Афганистан в конце 1979 года, а Дэн Сяопин действовал до того, в начале 1979 года.

Пропаганда КПК — КНР называет агрессию, нападение солдат армии Дэн Сяопина на Вьетнам «войной самообороны в целях нанесения ответного удара».

В своей тактике Мао Цзэдун и Дэн Сяопин всегда пытались выставять себя обороняющейся стороной, а того, на кого они первыми нападали, атакующей стороной, виновной в начале войны, «заслуженно» получившей «ответный удар». Ложь, причем ложь, за которой Мао Цзэдун и Дэн Сяопин скрывали преднамеренное убийство людей соседних стран, а также как бы «оправдывали» смерть за неправоное дело солдат своих армий.

Далее в фильме утверждается, что граница Китая с Вьетнамом оставалась беспокойной на протяжении 40 лет. Это означает, что зрителей фильма воспитывают в убеждении, что вьетнамцы, как нация, тревожили границы Китая и посягали на его земли с 1939 года, то есть еще за 10 лет до создания КНР, и по конец 1970-х гг. «Отпор» был вызван этим якобы поведением вьетнамцев. Война, таким образом, с точки зрения современных пропагандистов КПК, приобретает характер войны между двумя нациями — Китаем и Вьетнамом, а не только войны между теми или иными государствами.

Зрителям фильма также внушается, что Китай, будучи бедной страной, причем нацией, испытывавшей на своих границах бесчинства вьетнамцев, тем не менее терпел и помогал им.

После смерти Хо Ши Мина, а он умер в 1969 году, то есть за десять лет до нападения войск Дэн Сяопина на Вьетнам, «ситуация изменилась». Очевидно, что имеется в виду такое поведение вьетнамцев, которое уже никак нельзя было оставлять без «ответного удара». Поэтому Дэн Сяопин и стал готовить массированный удар такого характера, чтобы навсегда отбить у вьетнамцев желание посягать на земли Китая.

Подготовка «войны самообороны» против Вьетнама складывалась из двух неразрывно связанных частей: создание мощной военной группировки на границе с Вьетнамом и пропагандистская обработка населения КНР. Этому населению

внушалось, как и в случае с СССР, что то, что Вьетнам — это такая же социалистическая страна, как и Китай, это не препятствие для нанесения «ответного удара», для войны против Вьетнама. По Мао Цзэдуну, которому в этом следовал Дэн Сяопин, принадлежность к одному общественному строю не исключает войн между социалистическими государствами; интересы нации выше идеологии, в частности марксизма и интернационализма.

3 февраля 1979 года — начало оборонительной войны с целью нанесения контрудара по Вьетнаму.

Итак, через 10 лет после смерти Хо Ши Мина и почти через два с половиной года после смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин продолжил политику последнего, теперь уже применительно к Вьетнаму. Это вытекало из политических расчетов Дэн Сяопина во взаимоотношениях с США и с СССР. Дэн Сяопин хотел показать США, что он — военный враг и СССР, и его союзника Вьетнама, из чего следовало подтверждение со стороны Дэн Сяопина общности интересов двух наций — Китая и Америки. Из этого также вытекало, что Дэн Сяопин был намерен продолжать обрабатывать население Китая в духе военной вражды и ненависти и к Вьетнаму, и к нашей стране.

Вводя основные характеристики того, что произошло в 1979 году, авторы фильма переходят к изложению пропагандистской трактовки истории Вьетнама и его взаимоотношений с Китаем.

В истории было время, когда Вьетнам был под властью китайских феодальных правителей.

С 1883 года стал колонией французского империализма.

Во II веке до нашей эры Вьетнам был завоеван Китаем. В X веке нашей эры было создано независимое вьетнамское государство.

С точки зрения современной пропаганды КПК в сознание населения КНР необходимо внедрять мысль о том, что «в истории было время, когда Вьетнам был под властью китайских феодальных правителей». При этом не упоминается о том, что вьетнамцы не желали находиться под господством китайцев и освободились от этого господства тысячу лет тому назад.

Китайские пропагандисты далее подчеркивают, что с 1883 года Вьетнам оказался в положении «колонии француз-

ского империализма». Как и в случае с Индией, здесь проводится мысль о некоей зависимости мышления вьетнамцев от такого их положения.

В сентябре 1940 года японцы оккупировали Вьетнам. Цель — создавать угрозу для Китая.

Вьетнам оказался под двойным господством: французов и и японцев.

Во время оккупации больших сражений не было.

Японцы стремились вынудить французов уйти из Вьетнама.

Император Вьетнама Бао Дай учился во Франции, но стал марионеткой японцев.

В ходе Второй мировой войны японцы оккупировали Вьетнам. Казалось бы, объективно речь должна была бы идти об осуждении японской агрессии, угрожавшей и Вьетнаму, и Китаю.

В фильме акцент делается на том, что оккупация японцами Вьетнама — это прежде всего и главным образом угроза для Китая.

Продолжая линию на то, чтобы внушать населению Китая мысль о том, что сами китайцы, дескать, активно боролись против иностранной оккупации и попыток колонизировать Китай, авторы фильма подспудно проводят мысль о том, что вьетнамцы, дескать, не сопротивлялись приходу японских оккупантов: «Во время оккупации больших сражений не было».

При этом император Вьетнама Бао Дай стал «марионеткой японцев», которые «создавали угрозу для Китая».

Во Вьетнаме появился вождь антиколониальной борьбы Хо Ши Мин.

Родился в 1890 году. В 1920 году во Франции вступил в коммунистическую партию. В 1925 году создал молодежную организацию в Гуанчжоу.

В 1930 году создана Коммунистическая партия Вьетнама. Затем Фронт борьбы за независимость Вьетнама (ФНВ).

Хо Ши Мин и его ФНВ боролись против японцев. Его главная база находилась в Юньнани, то есть в Китае. Борьба против японцев в Китае и во Вьетнаме тесно взаимосвязаны.

Американцы направляли в ФНВ своих советников, помогали обучать партизан.

Итак, у вьетнамцев появились два лидера — прояпонски настроенный Бао Дай и борец против колониализма Хо Ши Мин. Это означало, что и сама вьетнамская нация была разделена на сторонников Бао Дая и Хо Ши Мина.

В фильме подчеркивается то, что главная база Хо Ши Мина находилась в Китае. Так подчеркивается значение помощи Китая Вьетнаму.

Мало того, речь идет и о том, что Хо Ши Мин получал тогда помощь и со стороны американцев. Одним словом, Хо Ши Мин и его силы оказались в определенной степени обязаны и китайцам, и американцам.

После поражения Германии японцы во Вьетнаме оказались изолированы. В 1945 году ФНВ взял Ханой. 2 сентября 1945 года было объявлено о создании Демократической Республики Вьетнам. Хо Ши Мин стал председателем ее Временного правительства.

В это время Франция захотела восстановить свое господство во Вьетнаме.

На конференции в Потсдаме было решено, что капитуляцию частей японской армии на севере Вьетнама будет принимать Китайская Республика, а на юге Великобритания. За англичанами на юг пришли французы. На юге тоже было создано государство с центром в Сайгоне.

Авторы фильма хотели бы добиться того, чтобы у зрителей в КНР складывалось впечатление, что победой сначала в северной части Вьетнама сил, возглавлявшихся Хо Ши Мином, вьетнамцы были обязаны Китаю.

После победы союзников во Второй мировой войне Вьетнам оказался разделенным (это напоминало то, что произошло в Германии и в Корее), благодаря тому что Китайская Республика принимала капитуляцию частей японской армии в Северном Вьетнаме.

30 июня 1946 года Хо Ши Мин был приглашен в Париж правительством Франции для переговоров об объединении страны и т. д. Стало ясно, что французы хотели господствовать над всем Вьетнамом. Поэтому Хо Ши Мин вернулся во Вьетнам.

Французская армия оккупировала юг Вьетнама. Планировали захватить весь Вьетнам.

Бао Дай уехал в Сянган. Французская армия зверствовала во Вьетнаме.

В ноябре 1946 года французы высадились в Ханое. При этом погибли 6 тысяч мирных жителей.

Так началась Первая Индокитайская война. Она продолжалась в 1940–1950-х гг. Заняв Ханой, французы планировали развернуть наступление с целью захватить весь Северный Вьетнам. В декабре (1946 года) Хо Ши Мин развернул партизанскую войну.

Хо Ши Мин здесь предстает как политик, заинтересованный в том, чтобы нанести поражение французам.

В 1960–1970-х гг. шла Вторая Индокитайская война. Против США.

В начале Первой Индокитайской войны было всего 20 тысяч партизан. Хо Ши Мину приходилось трудно. Была захвачена его опорная база. Хо Ши Мин скрылся в районах, прилегающих к границам Юго-Западного Китая. Французы и Чан Кайши брали Хо Ши Мина в клещи.

С 1945–1946 годов и до 1949 года, то есть до того времени, когда Мао Цзэдун пришел к власти в Китае, Хо Ши Мину приходилось трудно. Хотя он и «скрылся в районах, прилегающих к границам Юго-Западного Китая», однако ему приходилось обороняться и против французов, и против Чан Кайши.

Когда вьетнамцам было труднее всего, сыграла свою роль дружба китайского и вьетнамского народов.

1 октября 1949 года была создана КНР. Спустя три месяца между КНР и ДРВ были установлены дипломатические отношения. В январе 1950 года Хо Ши Мин в первый раз прибыл в КНР. От имени ЦК КПВ он обратился к ЦК КПК за помощью в борьбе против французов. Новый Китай был тогда только что создан. Однако он начал помогать опорным базам КПВ на севере Вьетнама. На территории КНР обучались кадры для Вооруженных сил Вьетнама. Летом 1950 года была сформирована группа китайских военных советников. Начиная с декабря 1950 года группа китайских военных советников помогала Вооруженным силам Вьетнама в целом ряде районов страны. Наносились поражения французским войскам.

Представляется, что в начале 1950 года Хо Ши Мину и его силам начали помогать одновременно и параллельно и СССР, и КНР. Не случайно Хо Ши Мин через Пекин тогда отправился в Москву, где предложил Сталину заключить с ним такой же договор, какой СССР подписал с КНР.

В фильме акцент сделан на военной помощи со стороны Мао Цзэдуна Хо Ши Мину. Речь идет о подготовке кадров на территории КНР, а также о том, что начиная с декабря 1950 года группа китайских военных советников во главе с Чэнь Гэном помогала, а фактически руководила военными операциями бойцов Хо Ши Мина. При этом французам были нанесены поражения.

Попутно можно упомянуть о том, что все это укладывалось в стратегию Мао Цзэдуна, который после прихода к власти в 1950 году сразу же начал осуществлять политику, направленную на то, чтобы в той или иной степени устанавливать свое влияние и контроль и над Северной Кореей, и над Северным Вьетнамом. И то и другое осуществлялось в условиях того времени в ходе участия армии Мао Цзэдуна, его военачальников в разных формах в войнах на территории КНДР и ДРВ.

Когда французы стали терпеть поражения, им начали помогать американцы. Они выступали против нового демократизма (СИНЬ МИНЬЧЖУ ЧЖУИ) и за неокOLONиализм.

Правительство США сначала признало ДРВ. Однако, увидев, что у власти в Ханое находятся коммунисты, США изменили свое отношение. США всячески хотели мешать социалистическим странам.

США в те годы проявляли колебания, не сразу смогли определить свое отношение к приходу к власти в Китае Мао Цзэдуна, а во Вьетнаме Хо Ши Мина.

В фильме проскальзывает термин «новый демократизм — СИНЬ МИНЬЧЖУ ЧЖУИ».

Здесь можно отметить, что и Мао Цзэдун, и Хо Ши Мин на протяжении некоторого времени считали выгодным для себя играть на этом термине, на политике под такой вывеской, однако потом от этого отказались. В КПК — КНР наиболее последовательным сторонником «нового демократизма» был Лю Шаоци.

Ситуация того времени, в частности во Вьетнаме, была сложной, те или иные течения и тенденции играли некоторую роль.

Ситуация нашла отражение во внешней политике КНР. Американцам было хорошо известно о тесных связях между вьетнамцами и китайцами в северной части Вьетнама. Было известно и о китайских военных советниках.

В 1950 году США связались в войну в Корее.

Авторы фильма могут таким образом намекать на то, что американцам еще тогда следовало бы считаться с интересами Мао Цзэдуна. Однако США, если следовать логике авторов фильма, совершили ошибку и обострили отношения с Мао Цзэдуном, особенно «ввязавшись» в войну в Корее.

Во Франции усилились требования вывести французские войска из Вьетнама. В декабре 1950 года правительство Франции увеличило численность своих войск во Вьетнаме. Американцы оказывали этим войскам поддержку.

В 1953 году закончилась схватка китайских и американских войск на Корейском полуострове. Фокус борьбы между КНР и США переместился во Вьетнам.

По сути дела, таким образом характеризуя ход событий, авторы фильма стремятся внедрять в умы своих зрителей в КНР мысль о том, что с приходом Мао Цзэдуна к власти в Китае американцам следовало бы считаться и с этим, и с интересами Мао Цзэдуна и в Корее, и во Вьетнаме. Однако американцы совершили ошибку, пошли на вооруженное противостояние в разных формах с Мао Цзэдуном и в Корее, и во Вьетнаме. Тем самым они сами оттянули неизбежное признание Мао Цзэдуна и установление межгосударственных отношений КНР и США до 1972 года.

В Корее вооруженные силы КНР и США сражались лицом к лицу. Во Вьетнаме избегали прямого столкновения. Каждый со своей стороны поддерживал схватку противоборствовавших сил.

Итак, зрителям в КНР на рубеже первого и второго десятилетий XXI века внушают, что США неизбежно пришлось смириться и с приходом Мао Цзэдуна к власти в Китае, и с

признанием интересов Мао Цзэдуна применительно к Корее и к Вьетнаму. Однако до того, как это произошло, США попытались вооруженным путем противостоять политике Мао Цзэдуна. При этом на Корейском полуострове армии Мао Цзэдуна и США сражались непосредственно, а во Вьетнаме Мао Цзэдун и США стояли за спиной каждой из противоборствовавших сил в этой стране. Время показало, хотя бы авторы фильма, что Мао Цзэдун победил американцев и при той, и при другой форме вооруженного противостояния с США.

Президентом США в то время был Эйзенхауэр. Вице-президент Никсон во второй половине 1953 года прибыл в Сайгон. Он вдохновлял французов на продолжение войны. Заверял, что США на 80 % обеспечат потребности французской армии во Вьетнаме.

Весной 1954 года на северо-западе Вьетнама началась битва под Дьенбьенфу. Там были сосредоточены 16 тысяч французских солдат. Французы решили дать там решающее сражение, после чего поставить под свой контроль Северный Вьетнам.

Китайцы снабжали вьетнамцев всем необходимым. Действовали китайские военные советники.

В первой декаде марта 1954 года вьетнамская народная армия повела бои.

Чжоу Эньлай дал указания китайским военным советникам. Предложил накануне Женевской конференции выиграть блестящее сражение. Вьетнам принял это предложение Китая. 30 марта началось решительное наступление. Был занят аэродром и прервана связь с югом Вьетнама.

Американцы оказывали помощь в больших масштабах. 7 мая во второй половине дня битва закончилась победой. Была разгромлена 16-тысячная армия.

Во Франции прошли антивоенные демонстрации.

При описании сражений вьетнамцев с французами авторы фильма особо подчеркивают, что Никсон тогда, в 1953 году, ошибся и неверно оценил силу, решительность, а также мудрость Мао Цзэдуна, который стоял за спиной Хо Ши Мина. Из этого зрители могут сделать вывод о том, что спустя 20 лет, в 1972 году Никсону пришлось признать силу и мысли, и армии Мао Цзэдуна.

Вообще в этом фильме постоянно чувствуется, что главное для его авторов в настоящее время заключается в том, чтобы всячески обосновывать мысль о победе глобальной стратегии Мао Цзэдуна во взаимоотношениях с США и СССР. Вьетнам здесь оказывается одним из конкретных полей сражений при осуществлении этой стратегии.

В фильме утверждается, что вьетнамская армия, войска Хо Ши Мина получали все необходимое для боевых действий от Мао Цзэдуна. Более того, стратегия и тактика войны, которую войска Хо Ши Мина вели во Вьетнаме, разрабатывались и осуществлялись китайскими военачальниками. В литературе, изданной в КНР, теперь прямо говорится о том, что победу в сражениях над французами одержал китайский полководец Чэнь Гэн. Наконец, Мао Цзэдун через Чжоу Эньлая дал указание о том, как действовать во время решающего сражения под Дьенбьенфу во Вьетнаме.

Иными словами, своей военной победой Хо Ши Мин, его армия, вьетнамцы обязаны Мао Цзэдуну, его стратегии, его помощи в руководстве войсками, его материальной помощи солдатам Хо Ши Мина.

Затем Чжоу Эньлай прибыл в Женеву на конференцию для обсуждения вопроса об Индокитае. Делегация Вьетнама оказалась в благоприятной ситуации. На конференции велась дипломатическая борьба. Во Вьетнаме французы оставались только в крупных городах: Ханое, Хайфоне. Хо Ши Мин отдал приказ о наступлении.

Так в ситуации во Вьетнаме произошло коренное изменение. Это оказало влияние на ход Женевской конференции.

Мао Цзэдун сначала победил французов и поддерживавших их американцев в войне во Вьетнаме. На основе военной победы Мао Цзэдун стал одерживать победу и на фронте дипломатии. Вот в чем в данном случае заключается мысль авторов фильма. При этом получается, что вьетнамцы только пользовались «благоприятной ситуацией», то есть плодами мудрости и действий Мао Цзэдуна.

В Женеве Чжоу Эньлай, Молотов и глава делегации ДРВ действовали совместно. Конференция завершилась успешно. Было признано законное место ДРВ. Была достигнута дого-

воренность о временной военной разграничительной линии между югом и севером Вьетнама. Территория Южного Вьетнама 150 тысяч, а Северного Вьетнама 170 тысяч квадратных километров. Северный и Южный Вьетнам были разделены по 17-й параллели. Вьетнамцы могли выбирать, где им жить. В Северном или в Южном Вьетнаме. Миллион человек перешли из Северного в Южный Вьетнам. Большинство из них христиане. Их перевозили на своих судах американцы.

Сотни тысяч людей переместились с юга на север к «Дядюшке Хо».

Во время войны против французов Китай был единственным государством, которое оказывало ДРВ военную помощь. Китай делал это в целях объединения Вьетнама, а не в целях его раскола. Речь шла о том, что в течение двух лет будет проведен референдум по вопросу об объединении. Это оказалось невозможно, так как вместо французов пришли американцы.

Здесь упоминается о том, что на Женевской конференции в 1954 году делегации КНР, СССР и ДРВ действовали совместно. Это фактически так и было. Причем было по той причине, что СССР сыграл важную роль, и материально помогая Хо Ши Мину, и при созыве и проведении Женевской конференции. Собственно говоря, роль СССР была во всем этом ведущей.

Однако авторы фильма так подверстывают упоминание об СССР к своим рассуждениям, чтобы у зрителей фильма в КНР складывалось впечатление, что мы тут были как бы сбоку припеку, что мы якобы просто «присоседились» к победе стратегии и тактики Мао Цзэдуна. На самом деле это, конечно, не так, если исходить из фактов.

Авторы фильма говорят, что во время войны КНР была единственным государством, которое оказывало Хо Ши Мину военную помощь. Однако, помимо чисто военной помощи, у ДРВ была нужда в разного рода иной помощи, которую ему оказывала наша страна. Большое, больше, чем у Мао Цзэдуна в то время, значение имел и голос нашей страны на мировой арене тогда, когда речь шла о ДРВ.

Наконец, здесь авторы фильма подчеркивают, что Мао Цзэдун выступал тогда за единство Вьетнама, а не за существование в нем двух государств. Возможно, здесь есть и намек

на действия СССР тогда, когда речь шла о Германии, о Корее, может быть, и о Вьетнаме.

На самом деле ситуация во всех этих случаях определялась реальным соотношением сил на тот или иной исторический период. Заявления о намерениях Мао Цзэдуна представляются спекулятивными, и не более того.

Очередная часть фильма носит название:

«Армия выходит за врата страны».

Если в первой части зрителям внушали, что у Дэн Сяопина, дескать, возникла необходимость сосредоточить в районах, приграничных с Вьетнамом, крупные вооруженные силы, то во второй части говорится о том, как эти силы были пущены в ход, то есть как протекала война против Вьетнама.

Китай в истории оказывал Вьетнаму большую безвозмездную помощь.

17 февраля 1979 года начались военные действия. Китай нанес ответный удар в целях самообороны. Дело было в том, что Вьетнам занял территорию Китая.

Действия Дэн Сяопина обосновываются авторами фильма тем, что «Вьетнам занял территорию Китая». Они называются «ответным ударом в целях самообороны».

При этом вьетнамцев заодно упрекают в том, что они отплатили Китаю «черной неблагодарностью». Мао Цзэдун, осуществляя свою глобальную стратегию, отстаивая законные исторические интересы нации Китая, попутно и на поле сражений, и на дипломатическом поприще, дескать, выиграл для Хо Ши Мина и вьетнамцев войну против французов, да и американцев, а они обнаглели до того, что посягнули на национальные интересы Китая, на земли Китая, хотя вьетнамские земли когда-то исторически были подвластны китайцам. Вот за это, дескать, Дэн Сяопин и решил наказать вьетнамцев, защитив интересы нации Чжунхуа, нации Китая. Так должна выглядеть картина происходивших тогда исторических событий в голове у зрителей этого фильма в КНР, если исходить из замысла современных пропагандистов КПК.

На экране показана мощная артиллерийская, включая применение установок типа «Град», подготовка. Танки. Множество солдат.

Получается, что сначала Дэн Сяопин сконцентрировал свои войска на границе и оказывал тем самым давление на вьетнамцев. Это продолжалось две недели: с 3 по 17 февраля 1979 года. Когда же это не помогло и вьетнамцы не захотели добровольно уйти с тех земель, которые они считали своими, а Дэн Сяопин — своими, он 17 февраля 1979 года пустил в ход свою армию, обладавшую большим численным перевесом.

Бои шли там, где раньше шла антиколониальная война. Места знакомые.

В отличие от французов и американцев, которые не умели вести партизанскую войну, китайцы умели вести партизанскую войну, не говоря уже о боях регулярных вооруженных сил.

В прошлом те во Вьетнаме, кто были товарищами и друзьями, теперь стали врагами. Они руководствовались своим национальным шовинизмом.

17 февраля 1979 года китайцы перешли границу, вышли за врата своего государства и взяли в клещи ту территорию, которая была спорной.

Авторы фильма подчеркивают, что война велась в «знакомых местах». Это — напоминание зрителям и о том, что здесь Мао Цзэдун, его военачальники, руководя вьетнамскими солдатами, выиграли партизанскую и иную войну у французов, и о том, что, вообще-то говоря, это исторически знакомые для китайцев места.

Тут же внушается мысль о военном превосходстве солдат и армий Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина над французами и американцами. Это преимущество состоит в том, что солдаты Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, как утверждают авторы фильма, умели вести и партизанскую войну, и бои регулярных сил. А французы и американцы не умели воевать против партизанских методов и в истории уже терпели поражение от армии Мао Цзэдуна. В литературе, издаваемой в КНР, первым военным поражением США во всей их истории называется исход Корейской войны 1950–1953 гг.

Здесь же зрителям внушают мысль о том, что не стоит удивляться тому, что те, кто раньше были для китайцев товарищами и друзьями, могут становиться врагами, теперь стали врагами. Все это объясняется тем, что бывшие товарищи и друзья руководствовались, дескать, своим национальным эгоизмом.

Так, национальный эгоизм применяется как понятие, обосновывающее применение Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином вооруженных сил против бывших в прошлом товарищей и друзей.

Их Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и их приверженцы и последователи называют товарищами и друзьями лишь до той поры, пока их можно использовать в своих интересах, пока их можно заставлять добровольно выполнять требования, в том числе территориальные требования, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их единомышленников.

На самом деле это в сознании сначала Мао Цзэдуна, а затем его приверженцев и последователей, в первую очередь Дэн Сяопина, возобладал национальный эгоизм, национальный шовинизм, представление о праве нации Китая распоряжаться всем и вся на нашей планете, в том числе и представление о нации Китая как о такой нации, которая, дескать, имеет право, накопив силы, восстанавливать свою власть над теми или иными землями.

Этим обосновывается то, что Дэн Сяопин приказал своим солдатам «выйти за ворота» своего государства и «взять в клещи» ту территорию, которая, с его точки зрения, была «спорной».

Об этих уроках истории нельзя забывать всем соседям нации Чжунхуа, нации Китая.

В октябре 1954 года последние части колониальных французских войск отплыли из Хайфона, они выводились из Вьетнама. Вместо них на юг Вьетнама прибыла американская военная миссия, советники. Сотни военных.

После того как США потерпели поражение в войне в Корее, американцы решили больше не ввязываться непосредственно в войны в малых азиатских государствах. Эйзенхауэр направил военных советников обучать военному делу южных вьетнамцев, а не для того, чтобы воевать самим.

В 1957 году Вьетнам запросил помощь у американцев. В США согласились, так как считали Вьетнам главным форпостом борьбы против коммунизма в Юго-Восточной Азии. В США Вьетнам рассматривали как важную часть своей стратегии.

В 1959 году численность армии в Южном Вьетнаме достигла нескольких сот тысяч солдат. Численность партизан

в Южном Вьетнаме выросла в несколько раз. Им оказывал помощь Северный Вьетнам.

В начале 1960-х гг. вдоль разграничительной линии на юге Вьетнама стали создаваться так называемые «стратегические деревни».

Было подписано соглашение о гарантиях безопасности Южного Вьетнама Соединенными Штатами Америки. Они оказывали Нго Динь Дьему военную помощь. От него требовали политических реформ. При этом условия США обещали увеличить военную помощь. Нго Динь Дьем согласился.

В то время во Вьетнам были направлены вертолеты, которые впервые начали принимать участие в боевых действиях. Это была часть новой тактики США в борьбе против партизан в Южном Вьетнаме. Партизаны, однако, сумели добиться успехов.

В мае 1963 года в Южном Вьетнаме усилились массовые выступления против Нго Динь Дьема. В июне в знак протеста сжег себя монах. Разразился серьезный политический кризис. Режим Нго Динь Дьема стал неприемлем и на Востоке, и на Западе. При поддержке ЦРУ в ноябре 1963 года был осуществлен военный переворот. Нго Динь Дьем был убит. Через три недели после этого было совершено убийство Кеннеди, который дал санкцию на убийство Нго Динь Дьема.

Рассказ о том, как шла война с участием США во Вьетнаме, в фильме начинается с подчеркивания уже упоминавшейся мысли о том, что США, дескать, потерпели военное поражение в Корее от войск Мао Цзедуна.

Это укладывается в общую трактовку стратегии Мао Цзедуна, который сначала вышел за «врата» своего государства в Северную Корею и в результате непосредственного военного столкновения с США нанес их армии первое в истории военное поражение. Так трактуется подписание соглашения о прекращении огня в Корее в 1953 году.

Затем Мао Цзедун встал за спиной у вьетнамцев, которые не испытывали недостатка в людях, но нуждались в помощи вооружением и военным снаряжением, а также в мудрых и опытных китайских военачальниках, которые не в пример вьетнамцам обладали достаточным опытом для того, чтобы нанести военное поражение тактического, а затем и стратеги-

ческого характера сначала французам, а затем и американцам.

Попутно в фильме говорится о том, что после окончания войны на Корейском полуострове главным столкновением военного характера между США и силами «мирового коммунизма» стал Вьетнам.

Так в сознание зрителей в Китае внедряется мысль о том, что армии Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина уже приходилось в истории воевать против американцев и из этих сражений она выходила победителем. Отсюда также недалеко до мысли о том, что в мире, дескать, нет такой армии, которую не могли бы победить солдаты Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Заодно при такой постановке вопроса в умы зрителей в КНР подспудно вводится и мысль о том, что после Второй мировой войны только Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, но не СССР, находились на переднем крае борьбы против «американского империализма». Это совершенно не соответствует фактам.

Председатель Совета Министров СССР Косыгин в 1965 году имел все основания сказать прямо в лицо Мао Цзэдуну, что его «борьбы против империализма не видно». Это было сказано в тот момент, когда наша сторона в очередной раз предлагала совместными усилиями защитить небо над Вьетнамом от американских бомбардировок (от чего Мао Цзэдун в очередной раз отказался, усугубляя тяжесть войны для вьетнамцев), а также несла на себе главную тяжесть военной и иной помощи вьетнамцам в их войне против США.

При преемнике Кеннеди Джонсоне война во Вьетнаме стала настоящей войной.

В августе 1964 года американские корабли вторглись в территориальные воды Северного Вьетнама в Тонкинском заливе. США заявили, что их корабли подверглись атаке торпедных катеров Северного Вьетнама. Так возник инцидент в Тонкинском заливе. Впоследствии в США признали, что он был спровоцирован американцами.

В США были разработаны планы бомбардировок Северного Вьетнама. Джонсон утвердил эти планы. Речь шла о бомбардировках территории севернее 17-й параллели, то есть Северного Вьетнама. Бомбардировки нанесли серьезные разрушения. Тактика при этом состояла в том, что бомбовые

удары перемежались паузами. США хотели заставить северных вьетнамцев покориться. Но Северный Вьетнам был полон решимости вести войну.

В ответ Северный Вьетнам решил наносить удары по американским базам в Южном Вьетнаме силами партизан. Пламя войны разгоралось. Она становилась все ожесточеннее. Был нанесен удар по американской базе в районе Сайгона. В ответ Джонсон приказал бомбардировать Ханой. Были нанесены удары и по Ханюю, и по районам Южного Вьетнама, находившимся под контролем партизан.

В марте 1965 года начались массовые продолжительные бомбардировки Северного Вьетнама. Было сброшено в четыре раза больше бомб, чем за всю Вторую мировую войну. Но это не запугало вьетнамцев на севере страны.

Правительство США отправило для участия в боевых действиях на территории Вьетнама своих морских пехотинцев. В марте 1965 года высадились их первая группа, три с половиной тысячи человек. Общая численность американских солдат во Вьетнаме тогда достигла 27 тысяч человек.

Война во Вьетнаме стала локальной войной мирового характера. Главной военной силой там была армия США. Джонсон направлял во Вьетнам все новые части.

Министр обороны Макнамара стал сомневаться в успехе войны.

Был создан единый фронт освобождения Южного Вьетнама. Массы людей требовали освобождения.

В 1966 году в войне участвовали 300 тысяч солдат США и 500 тысяч солдат армии Южного Вьетнама. Всего 800 тысяч солдат. Но они не знали, откуда по ним будет нанесен следующий удар. Партизаны контролировали половину сельских районов Южного Вьетнама.

США не знали, как противостоять такой войне. Стали наносить удар по деревням, но эффект был невелик.

На севере призывали все население сбивать американские самолеты. Огонь вели из ракет советского производства и из китайских орудий. Население стреляло из всего подручного оружия, в том числе из винтовок времен Второй мировой войны. Американские бомбардировки нанесли огромные разрушения в Ханое. Бомбардировки вели с высоты, недоступной в то время для орудий с земли.

Авторы фильма признают, что применявшиеся во Вьетнаме китайские зенитные орудия не могли сбивать американские самолеты. И в то же время, как уже упоминалось, Мао Цзэдун отказался оказать содействие размещению на территории Китая ВВС СССР, которые могли закрыть небо Северного Вьетнама от американских бомбардировок по примеру того, как это было сделано применительно к небу над КНР и КНДР во время Корейской войны. Вероятно, национальный эгоизм Мао Цзэдуна был настолько силен, что он хотел даже в обстановке, когда во Вьетнаме гибли люди, показать США, что он не пойдет ни на какие совместные или союзнические действия с нашей страной.

В этот самый трудный для армии и народа Вьетнама момент правительство Китая усилило помощь.

В апреле 1965 года, после того как в Южном Вьетнаме высадились американцы, Хо Ши Мин направил делегацию в Пекин. Он потребовал от Китая увеличить масштабы помощи и направить во Вьетнам части добровольцев. Вопрос о направлении военных во Вьетнам — это очень большой вопрос. Во время Корейской войны китайская армия вступила в схватку с американцами. КПК серьезно изучила вопрос. Председатель государства Лю Шаоци ясно заявил вьетнамской делегации: всем тем, что вам необходимо и чем мы располагаем, мы в максимальной степени вам поможем; если вы не просите (не приглашаете), мы не пойдем; пойдем в той части, которую вы попросите; здесь инициатива целиком за вашей стороной.

Китайские части тайно вошли во Вьетнам. В июне 1965 года китайские части в северо-восточной части Вьетнама помогали восстанавливать разрушенное на нескольких островах и в гаванях. Восстанавливали мосты и прочее с тем, чтобы помощь из Китая непрерывно поступала в Северный Вьетнам, чтобы помочь Южному Вьетнаму. Китайские части непосредственно принимали участие в борьбе. За три года и девять месяцев они 2153 раза участвовали в боях, взяли в плен 42 американца. Китай — это великий тыл в войне во Вьетнаме. Китайцы действовали вместе с вьетнамцами. Это была схватка Востока и Запада. Тут нужны были терпение и выдержка.

Думается, что после встречи Косыгина и Мао Цзэдуна в Пекине в феврале 1965 года, после внесения нашей стороной предложения о совместном «закрытии неба» над Северным Вьетнамом в руководстве КПК возникли разногласия.

Лю Шаоци был вынужден считаться с бесчеловечной позицией Мао Цзэдуна. О совместных действиях с нашей страной речи быть не могло.

Однако Лю Шаоци (а не Мао Цзэдун) принял решение направить во Вьетнам части регулярной армии из КНР с тем, чтобы они обеспечивали доставку помощи из Китая, постоянно находились в северо-восточной части Вьетнама, а также по мере возможности принимали участие и в боевых действиях против армии США. Правда, все это было сделано тайно, а не открыто.

Тылом Северного Вьетнама в то время были и наша страна, и КНР. При этом наша сторона предлагала совместные действия. Мао Цзэдун таких действий не допускал.

Эта позиция отвечала духу Договора между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи. Мао Цзэдун к тому времени уже давно действовал не в духе этого договора, а вопреки ему. Он всячески стремился продемонстрировать США, что ни о каких союзнических действиях с нашей страной речи быть не может.

Войну во Вьетнаме в фильме называют «схваткой Востока и Запада». Тем самым авторы фильма пытаются исключить из понятия Востока нашу страну, то есть, осуществляя стратегию Мао Цзэдуна, использовать любую возможность для того, чтобы отделять друг от друга наши народы и страны.

В США возникло мощное антивоенное движение. Американцы действительно не понимали, ради чего нужно было посылать солдат во Вьетнам. Джонсон принял решение прекратить наступление в сельской местности и прекратить бомбить Ханой. В ответ Ханой сократил число нападений. Обе стороны пошли на уступки. Начались двусторонние предварительные переговоры. Вскоре Джонсон сошел со сцены. Никсону он оставил начавшиеся переговоры.

В феврале 1971 года в Париже начались секретные консультации сторон. В начале 1971 года представитель США на этих консультациях с Вьетнамом Киссинджер по поручению Никсона официально посетил Китай. Началась нормализация

китайско-американских отношений. Это с неизбежностью отразилось на войне во Вьетнаме. При Никсоне обсуждение вопроса о Вьетнаме было в повестке дня в переговорах с Китаем. Ради того чтобы уладить дело миром с Китаем, Никсон пожертвовал Вьетнамом. На мирных переговорах в Париже достигли соглашения. 29 мая 1973 года США начали выводить свои войска из Вьетнама.

Авторы фильма представляют вывод США своих войск из Вьетнама как результат победы глобальной стратегии Мао Цзэдуна, которому в конечном счете, дескать, удалось доказать Вашингтону, что он больше никогда не будет союзником нашей страны, что он разделил наши народы кровью, пролитой им на границе в 1969 году, и что для США не остается ничего иного, как пойти и на признание государства Мао Цзэдуна в континентальном Китае, и на признание интересов Мао Цзэдуна, нации Китая, в частности, во Вьетнаме. В фильме прямо утверждается, что, «ради того чтобы уладить дело миром с Китаем, Никсон пожертвовал Вьетнамом». Так для зрителей фильма в КНР оказывается, что Китай спас вьетнамцев и в войне с французами, и в войне с американцами, причем стало очевидно, оказалось, что войной США никогда и ничего не смогут выиграть у Китая. Мао Цзэдун заставил Никсона, заставил США пойти на бессрочный мир с Китаем, на установление межгосударственных отношений на условиях признания обеими сторонами того, что они никогда не будут нападать одна на другую. При этом обе стороны заявляли о якобы существующей опасности со стороны СССР.

Спустя полтора года после начала вывода американских войск из Вьетнама Северный Вьетнам принял решение объединить всю страну. 4 марта 1975 года вооруженные силы Северного Вьетнама перешли разграничительную линию. Президент Южного Вьетнама обратился за помощью к США, но получил холодный ответ: американцам, дескать, нет дела до Вьетнама, даже если там дела будут обстоять еще хуже.

С 4 по 27 марта 1975 года, то есть всего за 23 дня армия Северного Вьетнама взяла главный укрепрайон на юге Вьетнама. Войска юга были разбиты. Северяне двинулись к Сайгону. Северян было 35 тысяч. Против них была стотысячная армия. Всего 32 часа понадобилось для того, чтобы взять

Сайгон. Освобождение юга Вьетнама произошло на два года раньше, чем это планировалось.

23 апреля армия северян была в 30 километрах от Сайгона. Тогда президент Форд заявил, что для США эта война закончена. Началась битва за Сайгон.

30 апреля были захвачены здание министерства обороны и радиостанция.

На освобождение юга страны понадобилось всего 55 дней. Армия юга насчитывала 1 миллион 100 тысяч солдат. Армия была разбита. Ей был предъявлен ультиматум, требование сдаться в 24 часа.

Американцам пришлось бежать из Сайгона, причем только на вертолетах. Единственная площадка для их посадки была в посольстве США. Правительство США направило корабли для вывоза людей из Сайгона. Северные вьетнамцы гарантировали отъезд американцев из Сайгона. Американцам удалось вывезти только немногих южных вьетнамцев.

С 1945 года, то есть с войны за оказание отпора французам, и до объединения всей страны война продолжалась как раз 30 лет.

В борьбе за оказание Вьетнамом отпора Франции, отпора США Китай предоставлял Вьетнаму военную, экономическую помощь. Помощь в свободно конвертируемой валюте. В общей сложности на 20 миллиардов американских долларов. В том числе оружие для 2 миллионов солдат, более 30 тысяч грузовиков; было построено 300 километров железных дорог; поставлено 5 миллионов тонн зерна, более 2 миллионов тонн бензина. Подавляющая часть помощи Китая Вьетнаму была безвозмездной. Часть представляла собой беспроцентный заем.

Война во Вьетнаме закончилась. В фильме подчеркиваются масштабы помощи, которая при правлении Мао Цзэдуна оказывалась Северному Вьетнаму. Ничего не говорится о нашей помощи Вьетнаму, а также об упоминавшейся разнице в позициях нашей стороны и Мао Цзэдуна по вопросу об оказании помощи вьетнамской стороне.

Утром 30 апреля 1975 года последние американцы покинули Сайгон. Впервые за 15 лет на территории Южного Вьетнама не осталось ни одного американского солдата. Армия Северного Вьетнама заняла Сайгон. 30 апреля 1975 года над

президентским дворцом в Сайгоне танкист армии Северного Вьетнама поднял флаг ДРВ. 30-летняя война завершилась победой. Это самый блестящий момент в истории Вьетнама. События между тем развивались.

Здесь важным представляется подчеркивание именно военного способа решения вопросов и внутреннего для той или иной страны, и внешнего характера.

Очередная часть рассматриваемого фильма называется:

«Ограниченное наступление».

Это термин, которым населению КНР, во всяком случае тем миллионам зрителей, которые посмотрят этот фильм, предлагают оценивать или характеризовать военные шаги или меры Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина в отношении других народов и стран.

Смысл этого термина состоит в том, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин сами действовали в этом духе и наказали своим последователям продолжать делать то же самое: всегда находиться в стратегическом наступлении, в активной позиции; и в то же время тактически быть в «ограниченном наступлении», то есть самоограничиваться; именно самоограничение, намеренное или сознательное недоведение до конца всего того, что, казалось бы, можно и нужно было сделать при создавшейся ситуации, предоставляет возможности лучше воспользоваться созданным положением и оставить задел на будущее.

Едва Вьетнам был объединен и обрел новую жизнь, как отношения Китая и Вьетнама начали быстро ухудшаться. Почему же произошел такой поворот в отношениях Китая и Вьетнама? Это было связано с ситуацией в Камбодже.

Итак, Вьетнам, вьетнамские коммунисты, казалось бы, давние товарищи и друзья китайских коммунистов, после 30 лет вооруженной борьбы, последовавшей за окончанием Второй мировой войны, то есть фактически непрерывной войны внутри страны с 1945 по 1975 год, наконец добились объединения страны под своим руководством или под своей властью. Исполнилась их мечта.

При этом процесс прихода к власти в стране по форме тут в значительной степени был сходным с тем, как это произошло

в континентальном Китае. Речь идет о переходе почти без перерыва от Второй мировой войны к внутренней войне во Вьетнаме, а также о том, что у Хо Ши Мина и его приверженцев и последователей был прочный тыл — СССР и КНР.

В этом фильме уже подчеркивалась мысль о том, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, именно действия его армии, его помощь сыграли главную роль при приходе вьетнамских коммунистов к власти в стране.

В то же время в этом фильме его авторы констатируют, что за объединением Вьетнама последовало «быстрое ухудшение» отношений континентального Китая и Вьетнама.

В фильме говорится, что это произошло из-за «ситуации в Камбодже».

Далее авторы фильма разъясняют свой взгляд на то, что тогда начало происходить.

Камбоджа — нация, которая живет к юго-западу от Вьетнама.

Помощь Китая Вьетнаму подавалась по «тропе Хо Ши Мина», которая проходила и по территории Камбоджи.

18 марта 1970 года Лон Нол, подстрекаемый США, совершил в Камбодже переворот. Он был обращен против Вьетнама. Вслед за этим в Камбоджу пришла армия США. Таким образом, была создана серьезная угроза Вьетнаму.

Когда группировка Лон Нола совершила переворот, принц Сианук быстроотреагировал на это. В Камбодже был создан Фронт национального единства. Было создано правительство Королевства Камбоджи. Развернулась война за оказание отпора США и за спасение Камбоджи.

США и Лон Нол действовали со своей стороны. Лон Нол препятствовал переброске помощи, доставлявшейся в Южный Вьетнам по «тропе Хо Ши Мина».

В борьбе против Лон Нола принимали участие партизаны сельских районов страны. Это были «красные кхмеры». В свое время они вели борьбу против Сианука. В 1960-х гг. они подняли восстание. Теперь стали составной частью Фронта национального единства Камбоджи. Приняли участие в борьбе против клики Лон Нола.

«Красные кхмеры» контролировали сельские районы Камбоджи. Они боролись против Лон Нола и охраняли «тропу Хо Ши Мина». Эта «тропа» делилась на «северную часть» в

Лаосе и на «южную часть» в Камбодже. По этой «тропе» доставлялись грузы из Китая в помощь борьбе на юге Вьетнама. «Красные кхмеры» сдерживали войска Лон Нола. Борьба «красных кхмеров» помогала вести борьбу в Южном Вьетнаме.

Авторы фильма делают упор на утверждении о том, что Камбоджа — это нация, отдельная от Вьетнама.

В то же время часть кхмеров живет вне Камбоджи, в том числе во Вьетнаме. Исторические судьбы Вьетнама и Камбоджи, особенно во второй половине XX века, оказались тесно связаны.

Определенные силы в Камбодже — «красные кхмеры» — попали в орбиту воздействия на них Мао Цзэдуна.

В свое время они помогали доставлять помощь из Северного Вьетнама вьетнамским партизанам, воевавшим в Южном Вьетнаме, по так называемой «тропе Хо Ши Мина».

В то же время правительство Никсона решило, что его интересы лежат теперь не во Вьетнаме, и вывело войска из Камбоджи.

По случаю победы и объединения всей страны большой праздник был устроен в Ханое.

Одновременно тем самым всему миру продемонстрировали, что в ЮВА есть мощная армия численностью в полтора миллиона солдат.

Большое сражение, развернувшееся в начале 1975 года в Южном Вьетнаме, решало не только вопрос, касавшийся Вьетнама, но и проблему клики Лон Нола, так как она мешала доставлять грузы по «тропе Хо Ши Мина».

Сражение состоялось в марте 1975 года. В апреле 1975 года был освобожден Пномпень. Лон Нол бежал в США.

В фильме зрителей подводят к выводу о том, что благодаря победе стратегии Мао Цзэдуна США пришлось уйти из Вьетнама и из Камбоджи. Следовательно, и вьетнамцы, и камбоджийцы должны быть благодарны за это Мао Цзэдуну. Так хотелось бы ему и его последователям.

С тех пор как Вьетнам стал колонией Франции, там распространилось христианство.

Колониями Франции были также Лаос и Камбоджа, а не только Вьетнам. Вьетнам был самым большим, если говорить

о территории этих трех наций. Французы создали в Индокитае колонию из трех наций. При этом они отдали Вьетнаму господствующую роль по отношению к Лаосу и Камбодже. После ухода французов во Вьетнаме были и такие, кто считал, что Вьетнаму принадлежит наследие Франции в Индокитае, а в это наследие входили Лаос и Камбоджа.

Здесь примерно так же, как и в случае с Индией, китайские пропагандисты делают упор на том, что вьетнамцы, дескать, оказались под воздействием навязанного им и в определенной степени принятого ими мышления французских колонизаторов, частью которого была мысль о единстве, в частности, Вьетнама и Камбоджи, а также Лаоса как частей одного большого сообщества.

На практике это выразилось в том, что Мао Цзэдун, а затем Дэн Сяопин стали выступать за отделение Камбоджи и Вьетнама друг от друга, а вьетнамцы стремились установить на практике единство Вьетнама и Камбоджи.

В 1954 году была создана разграничительная линия между Северным и Южным Вьетнамом. Через Лаос и Камбоджу стал проходить путь из Северного Вьетнама в Южный Вьетнам. Таким образом, войска Северного Вьетнама использовали этот путь в дальнейшем на протяжении целых 20 лет.

В ходе дальнейшей войны во Вьетнаме была создана многочисленная армия, обладавшая способностью вести войну в горной местности. Эта армия была вооружена современным оружием советского и китайского производства, пользовалась она и американским.

Тогда возникла мысль о федерации трех государств. Вьетнамские войска находились в Лаосе и в Камбодже. С их помощью формировались правительства в этих странах.

Вьетнамские власти выступали за осуществление такого проекта, как Федерация Индокитая.

В то же время за обретением Вьетнамом своей независимости должно было последовать обретение независимости Лаосом и Камбоджей.

Руководитель Китая Дэн Сяопин предупреждал об этом.

У Мао Цзэдуна, а затем у Дэн Сяопина было свое видение будущего и Вьетнама, и Камбоджи. Они полагали, что и Вьет-

нам, и Камбоджа должны были бы прислушиваться к мнению, высказанному Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, следовать за ними, учитывая и историческое прошлое, и роль Мао Цзэдуна в достижении единства Вьетнама, в обретении Вьетнамом и Камбоджей, а также Лаосом положения самостоятельных государств.

Вьетнамцы имели свою точку зрения. Она основывалась на исторической памяти сначала более тысячелетнего господства китайских феодалов над Вьетнамом, тысячелетней борьбы за независимость против всех колонизаторов или тех, кто хотел бы установить свое фактическое господство над Вьетнамом.

Эта историческая память подкреплялась национальной гордостью тем, что Вьетнам оказался единственной в мире страной, которая после Второй мировой войны воевала на протяжении 30 лет и добилась создания единого вьетнамского государства.

Конечно, во Вьетнаме принимали помощь и Мао Цзэдуна и по временам просили о такой помощи, однако в сознании вьетнамцев главенствовала мысль о том, что дела Вьетнама решали, решают и будут решать в конечном счете только сами вьетнамцы, что только они должны быть и будут единственными хозяевами на своей земле, что помощь из СССР, от Мао Цзэдуна — это помощь, за нее можно поблагодарить, но жизни за свою независимость и самостоятельность отдавали вьетнамцы, и эти жертвы неизмеримо выше значения иностранной помощи, которую они получали. Вьетнамцы считали, что и СССР, и Мао Цзэдун были заинтересованы в том, чтобы помогать Вьетнаму, каждый исходя из собственных интересов.

Поэтому для вьетнамцев после достижения независимости и объединения страны главными во внешнеполитическом плане были задачи отстаивания своей независимости и установления тесного единства с Камбоджей и Лаосом.

Среди этих трех государств — Вьетнама, Камбоджи и Лаоса — Вьетнам был самым крупным, и его влияние было самым большим. Во Вьетнаме считали, что вопрос о создании федерации трех государств Индокитая — это только их вопрос и никто извне не должен вмешиваться в их дела.

Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, их приверженцы и последователи считали по-иному.

Они стремились поставить под свое влияние, под свой контроль, а в конечном счете под свое господство все три упомянутые страны: Вьетнам, Камбоджу и Лаос. Если это не удавалось сделать в общем порядке, из-за сопротивления Вьетнама, который становился страной, отстаивавшей свою независимость теперь во взаимоотношениях с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, то те предпочитали разделить эти три упомянутых государства, противопоставить их одно другому, особенно противопоставить вьетнамцев и камбоджийцев, встать за спиной камбоджийцев с целью постепенно заставить и Вьетнам войти в сферу воздействия, а далее господства Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей. Именно поэтому Дэн Сяопин требовал от вьетнамцев формального признания независимости Камбоджи и Лаоса, а по существу признания интересов Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина применительно к Камбодже и Лаосу, подчинения интересов Вьетнама этим интересам.

Так возникла конфронтация в отношениях между Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и их последователями, с одной стороны, и Вьетнамом, с другой стороны.

В Камбодже Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину удалось опереться на «красных кхмеров», на их предводителя Пол Пота, который действовал как последователь Мао Цзэдуна и его политики в Камбодже, в том числе и в том, что касалось Вьетнама.

К этому необходимо добавить, что Пол Пот претворял в жизнь наихудший вариант того режима, который навязывал Мао Цзэдун, в результате чего в мирное время «красные кхмеры», находясь у власти в Камбодже, погубили миллионы камбоджийцев, осуществляли геноцид собственного народа.

В Камбодже к власти пришел Пол Пот. Ему было тогда 45 лет. В молодости он был монахом. Одно время жил во Франции. Затем вернулся на родину. Пол Пот был главнокомандующим национальной армии. Выступал за независимость Камбоджи. Требовал вывода вьетнамских войск из Камбоджи. Предлагал заключить между Камбоджей и Вьетнамом договор о взаимном ненападении.

Авторы фильма не говорят ни об упомянутом геноциде, ни о том, что Пол Пот фактически выполнял волю Мао Цзэдуна, а затем Дэн Сяопина. Они оставляют зрителей своего фильма в неведении относительно всего этого. Они делают упор на под-

держке действий Пол Пота, выделяя в них только стремление отделить камбоджийцев от вьетнамцев, разделить и противопоставить их друг другу. В этих целях Пол Пот, в частности, и предлагал Вьетнаму заключить договор о взаимном ненападении.

В конце 1977 года Вьетнам при поддержке СССР осуществил вооруженное нападение на Камбоджу. Оно продолжалось три месяца.

15 декабря 1978 года было совершено новое вторжение в Камбоджу.

7 января 1979 года был оккупирован Пномпень. На следующий день была создана марионеточная власть.

В 1976 году умер Мао Цзэдун. Вьетнамцы, очевидно, воспользовались этим обстоятельством и сложностью положения в Пекине и в 1977–1979 годах использовали свои вооруженные силы, чтобы ликвидировать в Камбодже режим Пол Пота.

Авторы фильма выделяют при этом то, что все это произошло при поддержке с нашей стороны.

Так нагнетается мысль о Вьетнаме как якобы «марионетке» СССР. На самом деле все это делалось вьетнамцами и камбоджийцами. Наша страна только по возможности содействовала ликвидации режима Пол Пота, который несет ответственность за массовые убийства и геноцид собственного народа.

Дэн Сяопин поддерживал Пол Пота и осуждал действия вьетнамцев потому, что, во-первых, он сам был таким же, как и Пол Пот, приверженцем и последователем политики Мао Цзэдуна в отношении собственного народа, что отчетливо проявилось в действиях Дэн Сяопина в 1989 году, когда он принял решение применить армию, огнестрельное оружие и бронетехнику против мирных демонстрантов в Пекине, а также, во-вторых, потому, что Дэн Сяопин был настроен на продолжение политики Мао Цзэдуна, конечной целью которой в этом регионе было установление господства над Вьетнамом, Камбоджей и Лаосом.

Вьетнам организовал провокации на границе Камбоджи и Таиланда. Возникла угроза суверенитету и безопасности Таиланда.

Камбоджийцы бежали в Таиланд. Вьетнамцы обстреливали деревни Таиланда. Все это создало громадное экономическое бремя для Таиланда.

Таиланд — главный союзник США в ЮВА. Таиланд своими силами дал отпор вьетнамцам.

Вьетнамцы в свое время обвиняли США в проведении колониальной политики в Индокитае. А затем сами при поддержке СССР осуществляли ту же политику.

Перед вами кадры, на которых запечатлен отпор армии Таиланда вьетнамцам на границе Таиланда и Камбоджи.

В фильме упоминается о взаимоотношениях Вьетнама и Таиланда. Это исторически давние и сложные отношения. Вьетнам и Таиланд — это своего рода главные соперники в ЮВА за право считаться наиболее влиятельными жителями этого региона.

При описании столкновений между вьетнамцами и тайцами авторы фильма явно стоят на стороне Таиланда. При этом их никоим образом не смущает признание того, что Таиланд — это главный союзник США в ЮВА. Более того, здесь есть основания усматривать подходы к нахождению взаимопонимания Дэн Сяопина с США.

Во время войны во Вьетнаме для трех государств — Китая, СССР, Вьетнама — на первом плане была сама упомянутая война. Но после окончания этой войны дело обстояло иным образом. После окончания войны противоречия между Китаем и СССР возобновились. С точки зрения руководства Вьетнама это означало следующее: для Вьетнама больше нет необходимости быть неким связующим звеном между Китаем и СССР; и до той поры, пока СССР будет их поддерживать, они могут, взяв за образец СССР, вести борьбу за упомянутую федерацию.

Из такого подхода авторов фильма к вопросам внешней политики вытекает вывод о том, что тогда, когда война угрожает интересам Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и иже с ними, они готовы вступать во временные союзы и соглашения с кем угодно вплоть до победы в той или иной войне. Как только победа достигнута, позиция Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и прочих может кардинально изменяться. Они могут рассматривать

бывших союзников как врагов, если они мешают осуществлению их глобальной стратегии.

Далее в фильме утверждается, что после прихода Коммунистической партии Вьетнама к власти во всем Вьетнаме эта партия перешла от балансирования между нашей страной и Мао Цзэдуном и его приверженцами к курсу на создание Федерации Индокитая, используя до поры до времени поддержку со стороны СССР.

На самом деле суть вопроса состояла в том, что у нашей страны не было планов подчинения себе Вьетнама, а у Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина такие планы были. Это и побудило вьетнамцев продолжать поддерживать нормальные отношения с нашей страной и всеми силами сопротивляться навязыванию Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и их приверженцами своего господства Вьетнаму.

Вот Южно-Китайское море. Там были найдены богатые запасы нефти. Когда война во Вьетнаме против французов закончилась, власти Южного Вьетнама осуществили ряд провокаций на островах Южно-Китайского моря. Имели место бои между ними и китайскими пограничниками в районе островов Сиша. Это было во времена противостояния между Южным и Северным Вьетнамом. Поэтому Северный Вьетнам не занял определенной позиции. А СССР заявил, что принадлежность островов Сиша не определена. Это фактически подталкивало правительство Северного Вьетнама к тому, чтобы поднять этот вопрос после объединения страны. Иными словами, пойти на спор с Китаем из-за островов в Южно-Китайском море. Так сформировались трения по этому вопросу.

Авторы фильма хотели бы навязать зрителям своей картины в КНР мысль о том, что Вьетнам — это якобы марионетка нашей страны, что даже сам спор между вьетнамцами и приверженцами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина по вопросу о принадлежности островов и акваторий в Южно-Китайском море фактически затеян вьетнамцами по той причине, что их к этому подталкивала наша страна.

Более того, здесь авторы фильма обвиняют нашу страну в том, что еще во время внутренней войны во Вьетнаме мы, дескать, уже настраивали вьетнамцев на спор с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и их приверженцами.

Все это не так. Позицию по всем вопросам своей внешней политики вьетнамцы занимали и занимают самостоятельно. В отношениях с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и прочими Вьетнам видит свою главную задачу в том, чтобы отстоять свою независимость и самостоятельность, не допустить, чтобы кто бы то ни было был хозяином над вьетнамцами, прежде всего на тех землях, которые Вьетнам считает своими.

Что же касается нашей страны, то она, с одной стороны, всегда выступает за мирное решение такого рода споров и, с другой стороны, поддерживает стремление вьетнамцев отстаивать свою независимость и самостоятельность.

Попутно можно отметить, что в определенном смысле ситуация с Вьетнамом напоминает ситуацию с Монголией, а позиции нашей страны в этих вопросах тоже являются сходными.

Далее авторы фильма переходят к характеристике политики Вьетнама после объединения страны.

После апрельских событий 1975 года армия Вьетнама оккупировала более 10 этих островов. Китаю были предъявлены требования на острова Сиша и Наньша. Вьетнамцы считали острова Сиша и Наньша своей территорией. Вьетнамцы стали вести разведку запасов нефти в этом районе. Вьетнам направил в эту акваторию свои военные корабли. Они вторглись в территориальные воды Китая.

После освобождения юга страны и объединения страны делегация руководства Вьетнама посетила Китай. Дэн Сяопин заявил, что у Китая есть полная документация, свидетельствующая о том, что острова Сиша и Наньша с древних времен принадлежали Китаю. Исходя из чувств дружбы, Дэн Сяопин согласился вступить в переговоры по этим вопросам. Однако вьетнамцы не только не отказались от своих ошибочных методов, но и вторглись на острова Наньша. Вьетнамские власти пошли на столкновения и трения из-за этих островов.

Вьетнамские власти демонстрировали готовность платить любую цену за свои притязания. Они были готовы идти на столкновения военного характера с китайской стороной.

Здесь перед нами изложение типичной позиции Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их приверженцев в тех случаях, когда

речь идет о пограничных вопросах или о том, что они называют вопросом о границе.

Прежде всего всю ответственность за возникновение таких вопросов возлагают на соседа.

Далее утверждают, что издревле все это соседу не принадлежало.

Наконец, снисходительно, как бы «сверху вниз», соглашались, «исходя из чувств дружбы», вступать в переговоры. Тем самым обвиняют соседа в недружественном поведении, то есть ставят его в положение недруга, даже врага.

Во всем этом находит свое проявление намерение сразу же объявлять соседа как будто бы виноватым, как будто бы претендующим на то, что ему не принадлежит. Тем самым обосновывается своя как будто бы «справедливая и рациональная» позиция.

Затем территории, о которых идет речь, объявляются спорными и предлагается на основе признания не принадлежности территорий соседу, а их «спорности» вступить в переговоры.

Соседа обвиняют в «притязаниях». К себе термин «территориальные притязания» не относят. О своей позиции говорят как о «справедливых требованиях».

Утверждают, что это сосед виноват во «вторжении». Затем на соседа же возлагают вину за то, что это он, дескать, «готов идти на столкновения военного характера».

Так готовится платформа, которая якобы обосновывает подготовку и нанесение «ответного удара», а по сути дела, оправдываются агрессивные наступательные действия, применение вооруженных сил и применение первыми оружия против соседа.

В декабре 1976 года состоялся очередной съезд ПТВ (которая стала Коммунистической партией Вьетнама). Ле Зуан стал ее генеральным секретарем. На съезде он выступил с политическим докладом, в котором заявил, что следует продолжать поддерживать с Лаосом и Камбоджей особые отношения.

Государство, которое только что победило в борьбе против колониализма, пошло по пути экспансии.

Вьетнамская армия поставила преграду на границе с Китаем. Через эту границу они (вьетнамцы) много лет получали

помощь. (На пограничном мосту надпись в честь дружбы Вьетнама с Китаем.)

После окончания войны дорогу закрыла сторона — получатель помощи. Вьетнамская армия с помощью оружия пробовала на крепость территорию Китая. На границе создавались столкновения и инциденты. Все это объясняли вероломными разъяснениями. И этим занималось соседнее государство. (Кадры столкновений на железнодорожной линии; китайские солдаты и вьетнамцы.) Все это отвечало интересам создания Федерации Индокитая.

Дальнейшие события описываются в фильме таким образом, чтобы у зрителей в КНР складывалось впечатление о вине исключительно вьетнамской стороны в том, что «пришлось» начать «оборонительную войну» и «нанести ответный удар» по Вьетнаму.

Здесь все это прежде всего напоминает то, что происходило около двадцати лет тому назад во взаимоотношениях с Индией. В фильме подчеркивается колониальное прошлое Вьетнама. Его упрекают в том, что он, став единым и независимым, якобы пошел по пути экспансии. Экспансией называют стремление Вьетнама поддерживать особые отношения с Камбоджей и Лаосом.

Таким образом, становится очевидно, что противоречия между Вьетнамом, с одной стороны, и Дэн Сяопином (к этому времени Мао Цзэдун уже умер), с другой стороны, это отношения сторон, каждая из которых считает, что ее влияние на Камбоджу и Лаос должно быть превалирующим. Учитывая размеры КНР и размеры Вьетнама, очевидно, что здесь «большой сосед» сталкивается с «малым соседом», который не желает подчиняться ему как «хозяину».

Вьетнамскую сторону обвиняют в создании инцидентов на границе, а также в закрытии границы между двумя странами.

Итак, во времена, когда шла война за изгнание из Индокитая сначала французов, а затем американцев, когда шла классовая внутренняя война, Вьетнам соглашался принимать помощь от Мао Цзэдуна, от СССР, а когда война завершилась, Вьетнам не только проявил самостоятельность, но и поставил перед Дэн Сяопином вопрос о признании интересов Вьетнама и применительно к Камбодже и Лаосу, и применительно к

Южно-Китайскому морю. Это и стало причиной разногласий между сторонами.

Китай помогал Вьетнаму как родному дитяти. Поэтому для вьетнамских руководителей Китай оказался главным препятствием на пути к тому, чтобы стать региональным гегемонистом.

Население КНР более многочисленно, чем население любой другой страны на Земле. Это не дает никакого права утверждать, что Китай, дескать, может или имеет право относиться к любой другой стране как к «малому дитяти», называть какую бы то ни было страну «дитятей». Тем более упирая при этом на то, что он когда-то и в чем-то помог той или иной стране.

Использование при осуществлении внешней политики терминов родства или даже дружбы оказывается в этих случаях оскорбительным для того, в отношении кого это применяется, а также представляется опасным приемом, подталкивающим население КНР к определенному, особенно не дружественному, отношению к соседу.

Вьетнам здесь обвиняют, наклеивая на него ярлык «регионального гегемониста». И этот термин представляется прежде всего неприемлемым для тех, кого им награждают, к кому его приклеивают, и опасным, ибо так в сознание населения КНР вводится понятие якобы «справедливо необходимого наказания» кого-то за этот «гегемонизм».

«Гегемонизм — БАЦЮАНЬ ЧЖУИ» в китайском языке означает, что кто-то, но не КНР, не имея на то законных оснований, претендует на власть или над всем земным шаром, или, в случае с «региональным гегемонистом», на тот или иной регион.

Представляется, что в международных отношениях, в международном праве только Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и их приверженцы и последователи присваивали себе право называть народы и страны «гегемонистами». При этом подразумевается, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин имеют, дескать, «законное право» «защищать» то, что они считают своими интересами.

Итак, авторы фильма на рубеже первого и второго десятилетий XXI века продолжают называть Вьетнам «региональным гегемонистом». То есть тем, кто, не имея на то оснований и за-

конного права, дескать, претендует на то, чтобы властвовать над Камбоджей и над Лаосом, вступая при этом в спор с тем, кто, дескать, имеет на это право, то есть с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и их последователями.

Такая постановка вопроса увязывается с обвинением нашей страны в том, что она в этом случае якобы выступала в качестве «глобального гегемониста», на которого и опирался Вьетнам, пытаясь осуществлять свой «локальный, или региональный, гегемонизм».

Представляется, что с такой постановкой вопроса нет оснований соглашаться ни одной стране, прежде всего нашей стране, да и Вьетнаму.

В начале 1977 года во Вьетнаме было много антикитайских выступлений. Было поднято движение за вытеснение из Вьетнама этнических китайцев. Их вытеснили 160 тысяч.

Тот факт, что из Вьетнама были вынуждены уехать 160 тысяч этнических китайцев, свидетельствует об остроте и непримиримости противоречий в ходе того конфликта, который возник во взаимоотношениях, с одной стороны, вьетнамцев и, с другой стороны, Дэн Сяопина и его приверженцев.

Все это побуждает задуматься над вопросом о том, как происходит и как будет происходить приспособление этнических китайцев к остальному человечеству и остального человечества к этническим китайцам в тех случаях, когда речь может пойти о пребывании или проживании значительных масс китайского населения на территориях, которые другие страны считают своими, а в КНР полагают, что это или исконно китайские земли, или территории, на которых китайцы по тем или иным причинам имеют право проживать и быть их хозяевами. Здесь очень трудным представляется вопрос о признании китайцами права того или иного народа в такого рода случаях быть единственным и полным хозяином на своей территории.

Можно в связи с этим вспомнить, что в истории наших отношений при правлении Мао Цзэдуна он своей политикой практически выдавил из КНР всех этнических русских и граждан СССР, в том числе помогавших КНР, работавших в КНР наших специалистов, за исключением работников посольства и торгпредства.

Вьетнам был заинтересован в поддержке со стороны СССР в деле создания Федерации Индокитая.

В ноябре 1978 года между Вьетнамом и СССР был подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Фактически это был военный союз. Два государства фактически создали злокачественное военное объединение. СССР помогал Вьетнаму стать региональным гегемонистом.

После подписания договора между Вьетнамом и СССР вьетнамская армия вошла в Камбоджу.

В январе 1979 года Дэн Сяопин и Картер подписали соглашение об установлении дипломатических отношений между КНР и США. Дэн Сяопин в Белом доме заявил, что Китай будет стоять вместе с Камбоджей против агрессии Вьетнама и готов идти на необходимые жертвы.

Картер сказал: «Не забывайте об уроках, полученных США во Вьетнаме».

Дэн Сяопин ответил: «У нас, китайцев, слово не расходится с делом».

Итак, завершая обзор ситуации в межгосударственных отношениях в связи с проблемой войны с Вьетнамом, китайские пропагандисты особый упор делают на осуждении позиции и действий нашей страны.

Нас осуждают за поддержку Вьетнама в его усилиях по созданию Федерации Индокитая.

Нас осуждают за вступление в военный союз с Вьетнамом.

Нас осуждают за создание «злокачественного военного объединения с Вьетнамом».

Нас осуждают за помощь Вьетнаму в становлении его «регионального гегемонизма».

Нас осуждают за то, что именно после подписания между нами и Вьетнамом договора о дружбе и сотрудничестве вьетнамская армия вошла в Камбоджу.

Далее дело представляют таким образом, как будто бы действия Дэн Сяопина, бросившего своих солдат воевать с Вьетнамом, были якобы ответом на политику Вьетнама и на нашу политику. У авторов фильма получается, что это было опосредованное военное столкновение нашей страны и войск Дэн Сяопина.

Такой может представляться история зрителям данного фильма в КНР.

Не говоря уже о том, что китайские пропагандисты настраивают их против Вьетнама и его усилий проводить самостоятельную политику, для нас здесь важным представляется обратить внимание на то, что все это означает, если рассматривать вопрос о том, как Дэн Сяопин относился к нашей стране, заняв место «правителя» Китая после смерти Мао Цзэдуна.

Он продолжал политику вражды и ненависти к нашей стране.

В беседе с Горбачевым в 1989 году он говорил о том, что мы отняли у Китая в истории территории, говорил о том, что мы виноваты в том, что Монголия существует в качестве независимого государства, говорил о том, что мы, дескать, представляем собой военную угрозу для Китая с севера.

Тезис о военной угрозе Дэн Сяопин перенял у Мао Цзэдуна. Он стремился всемерно воздействовать на население КНР, внушая ему, что наш народ и наша страна якобы стремились «взять КНР в клещи», создавая «окружение» и военную опасность для КНР и с севера, и с юга. В последнем случае Дэн Сяопин имел в виду наши отношения с Вьетнамом.

Поэтому в этом фильме такой акцент сделан на том, что наши отношения с Вьетнамом — это, дескать, военный союз, «злонамеренное военное объединение», что за спиной вьетнамцев при их операции в Камбодже якобы стояла наша страна.

На самом деле вопрос тут в том, что Мао Цзэдун, а вслед за ним и Дэн Сяопин пытались либо вернуть под господство Китая целый ряд соседних территорий, либо добиться того, чтобы эти люди на этих территориях «слушались» их указаний.

Вьетнам не захотел делать этого. Вьетнам отстаивал свою самостоятельность.

Наша страна, как и в случае с Монголией, стояла на стороне Вьетнама. И это отвечало нашим интересам, в первую очередь потому, что стремление народов к самоутверждению, к полной независимости и к тому, чтобы быть абсолютными хозяевами на своей земле, неодолимо.

И монголы, и вьетнамцы предпочитали умереть, но не попадать снова под господство Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и их последователей.

Если бы наша страна заняла иную позицию, и монголы, и вьетнамцы стали бы нашими вечными врагами.

И монголы, и вьетнамцы сами добились своей независимости.

Мы только сочувствовали и в известной степени оказывали им поддержку.

Мао Цзэдун и Дэн Сяопин затеяли безнадежное дело, пытаясь вновь покорить народы Монголии и Вьетнама.

Между прочим, нечто подобное произошло и в отношениях Северной Кореи и КНР. Мао Цзэдун после окончания войны на Корейском полуострове на протяжении пяти лет, с 1953 по 1958 год, не хотел выводить свои войска из Северной Кореи. С трудом северным корейцам удалось избавиться от присутствия на их территории армии Мао Цзэдуна.

Здесь также вспоминается утверждение некоторых специалистов по Вьетнаму, которые говорили, что Хо Ши Мин наказывал своим коллегам по руководству Вьетнамом никогда не приглашать солдат Мао Цзэдуна во Вьетнам на длительное время.

Далее авторы фильма говорят о том, как Дэн Сяопин стремился привлечь на свою сторону президента США Дж. Картера.

В начале 1979 года Дэн Сяопин побывал в США. США и КНР достигли соглашения об установлении дипломатических отношений.

При этом Дэн Сяопин сказал президенту США Дж. Картеру, что Китай будет стоять вместе с Камбоджей против агрессии Вьетнама и готов идти на необходимые жертвы.

В ответ Картер посоветовал не забывать об уроках, полученных США во Вьетнаме.

Дэн Сяопин на это возразил: «У нас, китайцев, слово не расходится с делом».

Из этого следует, что Дэн Сяопин стремился продолжать политику Мао Цзэдуна. Это, с его точки зрения, означало необходимость доказывать США, что он готов идти на войну, в данном случае против «военного союзника» нашей страны Вьетнама, и хотел не только заранее поставить США как государство, разделяющее его отношение к нашему народу и нашей стране, об этом в известность, но и заручиться их пониманием и сочувствием.

Однако Картер посоветовал подумать над тем, чем закончилось пребывание войск США во Вьетнаме.

Дэн Сяопин проявил себя и на сей раз как приверженец и продолжатель политики Мао Цзэдуна, которой всегда было

присуще, сознательно или даже неосознанно, чувство некоего превосходства над всеми и вся в этом мире.

Именно поэтому Дэн Сяопин и позволил себе «уколоть» Картера, а вместе с ним всех американцев, заявив, что у кого-кого, а «у китайцев» слово никогда не расходится с делом.

Думается, что Дэн Сяопин не имел права говорить от имени всех китайцев, Думается также, что эта его фраза прозвучала даже как упрек американцам в том, что они, дескать, не сумели заставить Вьетнам делать то, что представлялось важным США. А вот он, Дэн Сяопин, заставит вьетнамцев сдаться и выполнить его указания.

В войне, которую Дэн Сяопин спустя несколько дней начал против Вьетнама, он не смог заставить вьетнамцев сдаться и выполнять его приказы.

В целом все, что здесь сказано авторами фильма, свидетельствует о том, что Дэн Сяопин стремился продолжать политику Мао Цзэдуна. Прежде всего во взаимоотношениях с нашей страной и с США. Для него его военная авантюра во Вьетнаме была всего лишь частью его стратегии, направленной на укрепление отношений с США на основе общего враждебного отношения к нашей стране.

Заметим также, что большая часть этого пропагандистского фильма посвящена внушению зрителям в КНР вражды и ненависти к нашей стране, отношения к США как к тому, с кем устанавливаются взаимопонимание, во всяком случае в политике в отношении нашей страны, и нормальные дипломатические отношения на этой основе и кому предлагается сочувствовать действиям Дэн Сяопина против Вьетнама.

Сами отношения с Вьетнамом при этом остаются в какой-то степени в тени отношения Дэн Сяопина к нашей стране и его связей с США.

Далее авторы переходят к описанию боев солдат армии Дэн Сяопина во Вьетнаме.

«Взятие Тундэна».

После названия этой части фильма следует череда сообщений о взятии вьетнамских деревень или небольших городов.

Как раз в то время, когда Дэн Сяопин говорил об этом, армия Китая готовилась к боевым действиям.

Боевые действия начались.

Вьетнамцы использовали укрепления, построенные еще при французах.

Из одного из захваченных городков вьетнамцы выгнали этнических китайцев.

Китайская армия взяла под охрану дома и производственные помещения этнических китайцев.

Там произошло первое кровавое сражение китайцев с вьетнамцами.

Там через реку есть мост, соединяющий (провинцию) Юньнань с Вьетнамом. В свое время он был разрушен американцами при бомбардировках. Затем восстановлен китайцами. Во время этой оборонительной войны с целью нанесения контрудара мост разрушили вьетнамцы, но китайцы снова восстановили его.

Начиная описание боев, авторы фильма еще раз подчеркивают, что Дэн Сяопин заранее сообщил американцам о предстоявшей тогда войне во Вьетнаме.

На экране появляются кадры, на которых запечатлен мощный артобстрел из артиллерийских орудий и из установок залпового огня. Много китайских солдат. Танки. Оружие нашего образца. Трупы вьетнамцев. Пленные вьетнамцы. Нет погибших или раненых китайцев. Нет мирного населения.

Китайская армия наступала там, где вьетнамцы не ожидали из-за рельефа местности.

Для прохода танков китайцы проложили дорогу.

Очевидно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть «превосходство» военной мысли, стратегии и тактики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, и при описании войны с Вьетнамом говорится о том, что армия Дэн Сяопина «наступала там, где вьетнамцы не ожидали этого из-за рельефа местности». Вспомним, что то же самое говорилось и о боях с Индией.

Вьетнамцы спукали воду из водохранилищ, пытаясь затопить дороги.

Китайцы захватили много боеприпасов советского производства.

Большая часть осталась со времен войны во Вьетнаме против американцев. Часть поставлена из СССР в этом году.

В фильме подчеркивается, что наша страна снабжала вьетнамцев оружием.

Во время войны против американцев вооружение главным образом поставлялось из Китая. Китайские автоматы считаются не хуже американских М-16 и китайскими, и иностранными экспертами. Китайский автомат в бою ведет себя лучше американского.

Зрителям фильма в КНР внушают, что «китайские автоматы считаются не хуже американских М-16 и китайскими, и иностранными экспертами. Китайский автомат ведет себя в бою лучше американского». Так пытаются создать впечатление о превосходстве произведенного в КНР оружия над оружием любого государства в мире. И это опасно, если исходить из того, что никто в мире не собирается нападать на КНР.

Среди пленных вьетнамцев некоторые учились в Китае. В Китае прошли подготовку очень многие вьетнамские военные. Обычно они учились в военной академии в Нанкине и в высшей военной академии в Пекине. Там были целые вьетнамские группы.

Это — попытка лишний раз бросить упрек в адрес вьетнамцев. В то же время это говорит о том, что обучение в военных академиях той или иной страны военных из других государств никоим образом не гарантирует, что выученики этих академий не будут стрелять по своим учителям в случае войны.

На складах в захваченных городках было много товаров, поставленных из Китая.

В 1966 году Ле Зуан, посетив Китай, просил увеличить помощь. Чжоу Эньлай тогда ответил словами Мао Цзэдуна: мы поставим все, что необходимо Вьетнаму.

В то время правительство Китая считало своей первоочередной задачей помощь Вьетнаму. Вьетнамская армия была одета и обута китайцами.

Существовала традиционная дружба между двумя народами Востока.

В 1972–1973 годах во время войны против американцев в этом районе Вьетнама находились китайские военные строи-

тели и ополченцы. Они построили более 150 километров железной дороги. По этой дороге Китай поставлял бензин. Половину всего, что составляло потребности Северного Вьетнама.

Авторы фильма считают необходимым воспитывать своих зрителей в КНР в убеждении, что вьетнамцы — это якобы «малые дети» КНР, что они всем обязаны Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину.

На самом деле свобода и независимость, ощущение хозяина на своей земле важнее материальных соображений. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин посягнули на свободу и независимость вьетнамцев как народа и страны, то есть как нации на мировой арене.

Перед этим не только отходит на второй план материальная помощь, но и возрождаются все исторические обиды, вся история взаимоотношений двух наций, которую во Вьетнаме считают в определенный период историей навязанного вьетнамцам иностранного господства, в частности, господства со стороны феодального Китая.

Мысль, существующая в КНР, о нации Китая, о нации Чжунхуа, которая, дескать, включает в себя все народы, которые когда-либо в истории входили в состав Китая и у которых с китайцами якобы имеется общая история и культура, является неприемлемой для вьетнамцев.

Последняя часть фильма носит название:

«Это была самооборона и ответный удар».

Авторы фильма пытаются оправдать агрессию войск Дэн Сяопина, политику Дэн Сяопина по отношению к вьетнамцам, да и в связи с этим по отношению к нашей стране. Они навязывают населению КНР клише: «Это была самооборона и ответный удар». Однако не существует фактов, которые подтверждали бы это утверждение.

У вьетнамцев был опыт войны против французов и американцев. Они получили много вооружения из СССР. Вьетнамская армия была вооружена оружием двух сверхдержав — СССР и США.

Вьетнамцы ввели в Камбоджу 200-тысячную армию.

Вьетнамская армия считалась третьей по силе в мире.

Во время этой войны вьетнамцы не продвинулись вперед. Китайцы выполнили задачу.

Вьетнамцы оборонялись, но китайцы занимали города.

Воевали там, где когда-то командовал войсками китайский военный советник Чэнь Гэн.

Раздувая «победу» войск Дэн Сяопина, авторы фильма говорят, что ему и его солдатам, дескать, удалось победить третью по силе армию в мире (очевидно, после США и СССР).

Даже судя по тому, что говорится в этой картине, наступали только войска Дэн Сяопина, вьетнамцы защищали свои города и села.

Авторы фильма напоминают, что бои шли там, где в свое время руководил вьетнамцами и одерживал победы военачальник из войск Мао Цзэдуна Чэнь Гэн.

И это сказано «в укор» вьетнамцам. Это никоим образом не оправдывает Дэн Сяопина и его военное вторжение во Вьетнам.

Дальнейшее описание событий напоминает то, что было сказано о войне с Индией.

5 марта была открыта дорога на Ханой. Это произошло после взятия Лянишаня.

В фильме солдат армии Дэн Сяопина попутно именуют «нашими людьми, которые более всех достойны нашей любви — ЦЗУЙ КЭ АЙ ДЫ ЖЭНЬ». Когда-то так сказал о китайских добровольцах в Корее писатель Лю Байюй. Теперь так называли тех, кто воевал против вьетнамцев, а следовательно, и против нас на границе.

Далее снова повторяется утверждение:

Это была война, в которой наша Республика осуществляла самозащиту, самооборону.

Пограничные войска Китая захватили 17 городов и населенных пунктов. Нанесли сокрушительный удар по вьетнамской армии и местным вооруженным отрядам. Разрушили много инженерных сооружений в районе границы между Китаем и Вьетнамом.

5 марта вечером Синьхуа выступило с заявлением о выводе китайских войск из Вьетнама.

В прошлом имело место сплочение китайского и вьетнамского народов на протяжении нескольких десятилетий.

16 марта все части самообороны были выведены из Вьетнама.

Китай не захватил ни пяди земли Вьетнама. Это свидетельство того, что это была самооборона и нанесение ответного удара. С целью защиты границ Китая. Защиты мира и покоя.

Очевидно, принимая во внимание безрезультатность и бесперспективность переноса военных действий в глубину территории Вьетнама, спустя месяц после начала своей военной авантюры Дэн Сяопин был вынужден объявить об отводе своих войск с территории Вьетнама. Его война, если говорить о его же стратегии и тактике, завершилась ничем.

Но она унесла жизни многих людей и во Вьетнаме, и в КНР. Ответственность за бесполезную, ненужную народам Вьетнама и КНР войну лежит исключительно на Дэн Сяопине. (Таким образом, исторически на Дэн Сяопине лежит ответственность за войну с Вьетнамом и за применение армии и танков против мирных демонстрантов в Пекине.)

Он, вероятно, надеялся, что США оценят его рвение и практические действия в борьбе и против Вьетнама, и против нашей страны.

Дэн Сяопин тогда призывал создать единый всемирный фронт борьбы против нашей страны в составе: Китай, Америка, Япония, государства Западной Европы и мусульманские государства. Из этого ничего не получилось. Однако такого рода мысли могут сохраняться в умах приверженцев и последователей Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. И это опасно.

Авторы фильма вводят в пояснительный текст к картине и мысль о том, что действия Дэн Сяопина в то время представляли собой следующее:

Связывание по рукам и ногам на длительное время.

Так они пытаются оправдывать военную авантюру Дэн Сяопина во Вьетнаме и в целом его внешнюю политику, прежде всего в отношении нашей страны и США.

Более того, возможно, именно этой формулой — «Связывание по рукам и ногам на длительное время» — современная пропаганда КПК стремится оправдать войны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и с нашей страной, и с Индией, и с Вьетнамом, даже на Корейском полуострове.

Здесь может просматриваться мысль о том, что относительно кратковременные военные столкновения такого рода позволяли, дескать, Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину «выигрывать время» для наращивания мощного военного потенциала Китая.

Если взглянуть из дня сегодняшнего на историю 1970–1980-х гг., то очевидно, что Вьетнам был всего-навсего пешкой, пешкой-застрельщиком, в игре СССР. В его борьбе с США за мировую гегемонию.

СССР в 1960-х гг. поддерживал Вьетнам в его войне против США. Целью СССР тогда было максимальное удержание США во Вьетнаме, вовлечение Вьетнама как можно глубже в трясину войны, что давало возможность СССР расширять свою экспансию на Ближнем Востоке и в Западной Европе.

В 1970-х гг., после того как США вывели войска из Вьетнама, СССР старался сохранять то, чего старались добиться США в Индокитае, то есть всячески поддерживал Вьетнам в его стремлении господствовать в Лаосе и в Камбодже, в совершении агрессии против Камбоджи.

В 1980-х гг. СССР стремился ослабить влияние Китая в этом регионе и всячески настраивал Вьетнам на то, чтобы он считал Китай своим врагом.

Во время осуществления Китаем войны самообороны в целях нанесения ответного удара цель Китая состояла в том, чтобы заставить Вьетнам вывести свои войска из Камбоджи и прекратить ее угнетение.

Этот фильм номинально рассказывает о войне Дэн Сяопина во Вьетнаме. Однако, даже судя по современному толкованию событий, которое присутствует в фильме, ясно, что острие современной пропаганды КПК в этом случае направлено в первую очередь против нашей страны.

Это делается с целью воспитания населения КНР в духе вражды и ненависти к нашей стране и народу, к тому, что делала наша страна в 1960-х, 1970-х и 1980-х гг.

Современная пропаганда КПК продолжает внушать населению КНР, что в 1960-х гг. наша страна якобы была главным «злом» во всем мире (не случайно тогда пропагандировалось высказывание Мао Цзэдуна: «Советский ревизионизм и американский империализм натворили так много зла, что народы мира не помилуют их»), была главным ответственным за состояние международных отношений в мире, была активной, нападающей стороной во взаимоотношениях с США.

Отсюда, в частности, следует оправдание политики Мао Цзэдуна, который в 1960-х гг. перешел к проведению курса на подготовку войны против нашей страны и к курсу на достижение взаимопонимания с США на основе общей вражды и ненависти к нашему народу и нашей стране как к якобы единственному потенциальному источнику агрессии по отношению и к США, и к КНР.

Авторы фильма обвиняют нашу страну в том, что это она и только она, дескать, виновна в желании продлить как можно дольше войну во Вьетнаме.

При этом авторы фильма выгораживают Мао Цзэдуна, политика которого состояла в том, чтобы не допустить совместных действий с нашей страной по оказанию помощи Вьетнаму с тем, чтобы как можно скорее закончилась война во Вьетнаме.

Авторы фильма обвиняют нашу страну в том, что она якобы после ухода американцев из Вьетнама «заменила» США в стремлении превратить ЮВА в бастион борьбы против КНР. Нашу страну обвиняют в том, что это наш народ и наша страна якобы были той силой, которая несет ответственность за внушение вьетнамцам мысли о том, что они должны относиться к Китаю как к врагу. И это утверждение относится к 1980-м гг., то есть к периоду продвижения к нормализации отношений между СССР и КНР, КПСС и КПК.

Руководители Вьетнама понимали, что удар Китая наносился по приграничным областям и не был направлен против Ханоя.

Авторы фильма «смягчают» характер войны Дэн Сяопина против Вьетнама. Они даже утверждают, что руководители Вьетнама понимали ограниченность района военных действий землями, прилегающими к границе. Они также понимали, как говорится в фильме, что войска Дэн Сяопина не пойдут на сто-

лицу Вьетнама Ханой даже тогда, когда эта дорога на Ханой окажется открытой.

Примерно то же самое говорилось и о продвижении войск Мао Цзэдуна на столицу Индии во время войны 1962 года в рассмотренном нами ранее фильме.

Так современная пропаганда в КНР придает этим войнам весьма своеобразный характер. В ее описании они оказываются только «сигналами», побуждающими партнера к переговорам.

На самом деле это, конечно же, не так. Прежде всего никогда нельзя забывать о жертвах войны, о гибели людей. Нельзя также не иметь в виду и далеко идущие последствия этих войн, если думать о взаимоотношениях наций, вовлеченных в эти войны.

В ходе этих войн явно имело место намерение Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина поставить себя в положение стороны, которая при необходимости может применять военную силу, добиваясь исполнения своих требований. Для одних требований время уже наступило, для других оно еще не пришло, но угроза применения силы вносилась в двусторонние отношения.

Территория Вьетнама всего 330 тысяч квадратных километров. Четыре пятых территории Вьетнама — горы. Население Вьетнама 50 миллионов человек. Вьетнам — это бедная страна. Помимо дельты рек у него нет природных ресурсов. Долгая война нанесла громадный урон экономике Вьетнама. Вьетнам нуждался в мире для того, чтобы строить.

Почему же Вьетнам вел войну в Камбодже?

Речь шла о создании Федерации Индокитая. Федерация Индокитая. Эта идея была продуктом оказания сопротивления колониальному господству Франции.

В 1977 году Вьетнам подписал договор о дружбе и сотрудничестве с Лаосом. Усилил свое господство над этой страной. А в 1979 году оккупировал Камбоджу.

Руководители Вьетнама организовали провокации на границе с Китаем с той целью, чтобы привлечь СССР на свою сторону, а также помочь Вьетнаму господствовать над Лаосом и Камбоджей, создать Федерацию Индокитая.

Когда Вьетнам организовал провокации на границе с Китаем, он получал большую помощь со стороны СССР. СССР оказывал большую помощь Вьетнаму. Государства Варшавского пакта требовали, чтобы ООН признала свержение законного правительства в Камбодже.

Современные пропагандисты КПК пытаются представить Дэн Сяопина защитником Камбоджи от господства вьетнамцев над камбоджийцами. При этом они подчеркивают, что наша страна поддержала вьетнамцев, исходя из своего желания нанести вред КНР.

На самом деле это Мао Цзэдун, а вслед за ним Дэн Сяопин стремились установить свой контроль над целым рядом соседних стран. Народы этих стран, в частности вьетнамцы, сопротивлялись нажиму со стороны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Наша страна выступала на стороне тех, кто подвергался давлению со стороны Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Действия пограничных войск Китая, предпринятые в целях самообороны и нанесения ответного удара, помогли защитить границу.

Вьетнамцы в этом районе каждый день устраивали провокации. И это продолжалось целых десять лет. В горных районах происходили столкновения, так как стороны считали землю своей. В районах, на которые претендовали обе стороны, было поставлено много мин. Кое-где на квадратном метре было с десятков мин.

Пограничные войска Китая защищали своей жизнью и кровью каждый вершок земли. Они — те, кто больше всех достоин любви нынешнего поколения людей в Китае.

В конце 1980-х гг. были бои. СССР оказывал помощь Вьетнаму новым вооружением.

Начиная с 1979 года Вьетнам видел в Китае своего самого непосредственного и самого опасного врага.

Вьетнамская армия видит Китай как новый объект войны. (Вслед за Францией и США.)

Партия трудящихся Вьетнама выдвинула призыв, призвала всю партию к следующему: все силы на разгром Китая.

После того как в 1979 году Китай был вынужден нанести ответный удар в целях самообороны, он немедленно вывел свои войска, но сохранил давление в приграничных районах. Например, в соседнем с провинцией КНР Юньнань районе гор Лаошань.

Весь Вьетнам находился в состоянии готовности к войне. А в экономике Вьетнама сохранилась структура экономики военного времени. Китай применял тактику сдерживания все

время на протяжении 10 лет. А Вьетнам на протяжении тех же 10 лет (1980-е гг.) готовился к войне.

Горбачев ратовал за новое мышление. Тогда было трудно сохранить СССР.

В 1991 году в СССР возникли события 19 августа. СССР рухнул. Окончилась «холодная война» между Востоком и Западом.

В конце 1980-х гг. во Вьетнаме на человека в месяц в среднем выдавали по два килограмма риса. За килограмм риса нужно было отдать ползарплаты. На границе приходилось держать два с половиной миллиона солдат. Требовалась помощь из-за рубежа.

Все это было последствиями войны.

Когда СССР развалился, Вьетнам утратил его поддержку. В сентябре 1989 года Вьетнам, оказавшись без поддержки на мировой арене, объявил о полном выводе войск из Камбоджи. Но выведены тогда были не все войска. Все войска были выведены только в начале 1990-х гг.

Затем на границе Китая и Вьетнама наступило спокойствие. Спокойно живет народ в Лаосе. Сианук вернулся в Камбоджу. Вьетнам получил возможность перейти к мирной строительству. Он снял с себя бремя войны.

Описание или характеристика событий, главным образом с конца 1970-х и до конца 1980-х гг., которая содержится в пояснительном тексте к этому фильму, производит двойственное впечатление. Возможно, авторы фильма тоже «раздваивались».

С одной стороны, они продолжают оправдывать войну Дэн Сяопина против Вьетнама в 1979 году. Но, с другой стороны, создается впечатление, что эта война оказалась совсем не нужной никому.

«Спасти положение» авторы фильма пытаются, свалив всю вину за то, что Дэн Сяопину «пришлось», реагируя на действия вьетнамской стороны, которая пользовалась поддержкой нашей страны, начать войну, на СССР. При этом они утверждают, что Вьетнам, дескать, оставшись «без СССР», который «рухнул» в 1991 году, пошел на налаживание отношений с КНР. Граница поэтому стала спокойной. На самом деле прежде всего с течением времени становится все более очевидно многим людям, в том числе и в КНР, что война Дэн Сяопина

против Вьетнама оказалась «зряшной» и вредной и для народа Вьетнама, и для народа Китая.

Далее, вьетнамцы остались на своих позициях. Они защищают и свою землю, и то, что они считают своей акваторией и своими островами. КНР была вынуждена пойти на договоренность с Вьетнамом о пограничном размежевании. На сухопутном участке границы такое пограничное размежевание осуществлено. Однако остаются не согласованные между сторонами вопросы относительно акватории и островов Южно-Китайского моря. Здесь до решения вопроса далеко. Наконец, представляется, что принципиальная позиция нашей стороны была и остается отвечающей интересам и нашей стороны, и Вьетнама. В то же время разногласия по вьетнамскому вопросу между нами и Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином в истории существовали, и вплоть до настоящего времени у каждой стороны имеется своя трактовка происходивших тогда событий.

В конце фильма его авторы повторяют ряд своих утверждений:

Вьетнам был частью территории Китая; в истории имело место усмирение китайскими императорами Вьетнама; в XX веке Китай выступал за независимость и объединение Вьетнама; Китай не взял ни вершка чужой земли; не воспользовался своим военным преимуществом.

Все это говорит о том, что до духовного взаимопонимания между Вьетнамом и наследниками взглядов Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина еще далеко. В равной степени далеко и до духовного взаимопонимания между нами и теми же наследниками Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, в частности, и по вопросу о войне Дэн Сяопина против Вьетнама в 1979 году.

Остается только отметить, что этот фильм сделан в Пекине в январе 2005 года. Он входит в серию «Войны Нового Китая».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История КПК и КНР при правлении Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина предстает как процесс, неотъемлемой частью которого почти всегда были войны. Здесь есть и объективная сторона, и субъективная сторона того, какие события происходили в истории.

КПК была создана в 1921 году. В составе вооруженных сил Гоминьдана она участвовала в Северном походе с целью объединения Китая и создания его центрального правительства.

В 1927 году КПК создала свои вооруженные силы — Армию освобождения народа Китая (обычно именуемую НОАК — Народно-освободительной армией Китая в русском переводе, который, с нашей точки зрения, нуждается в исправлении и уточнении). Эта армия вела борьбу с Гоминьданом, его вооруженными силами, армией Китайской Республики, за власть в стране.

С 1937 года КПК, ее вооруженные силы в составе армии Китайской Республики вплоть до 1945 года официально принимали участие в борьбе против японских оккупантов, в Анти-японской войне.

С 1946 по 1949 год КПК, ее Армия освобождения народа Китая воевала против войск Китайской Республики, то есть партии Гоминьдан Китая, за власть над Китаем. Эта война закончилась победой КПК и созданием КНР.

С 1950 по 1953 год вооруженные силы КПК — КНР под названием Армии добровольцев народа Китая воевали на Корейском полуострове, участвовали в Корейской войне, главным образом против армии США, а официально против войск ООН.

В 1959 году, а затем в 1962 году вооруженные силы КНР воевали на границе против Индии.

В 1969 году вооруженные силы КНР воевали на границе против СССР.

В 1979 году вооруженные силы КНР воевали на границе против Вьетнама.

Все три последние упомянутые войны носили краткосрочный и ограниченный локальный характер. Все три не переросли и не могли перерасти в крупномасштабные войны.

Дело было в том, что ни Индия, ни СССР, ни Вьетнам не нападали на КНР. КНР же не могла углубляться на территорию Индии, СССР и Вьетнама. Мао Цзэдун и Дэн Сяопин устроили эти войны прежде всего для того, чтобы войти в сознание населения Китая в качестве якобы защитников территориальной целостности, подлинных границ и суверенитета Китая. Это было сделано также с целью достижения внешнеполитических целей, прежде всего во взаимоотношениях с США. Наконец, это предстает как создание «подвешенных» или нерешенных вопросов во взаимоотношениях с соседями, в данном случае прежде всего с Индией, нашей страной и Вьетнамом, вопросов, которые еще придется решать в будущем, когда Мао Цзэдун и Дэн Сяопин надеялись обрести подавляющее военное, политическое и экономическое превосходство на мировой арене.

Таким образом, если говорить о периоде КНР в истории Китая, то примерно раз в каждые 10 лет, начиная с 1950-х гг. и кончая 1970-ми гг., Мао Цзэдун, а затем Дэн Сяопин бросали Китай в эти войны. Генеральный секретарь КПК Чжао Цзыян в 1980-х гг. отмечал, что за последние полтора столетия у Китая было лишь одно десятилетие, а именно 1980-е гг., когда люди в Китае жили в условиях мира. К несчастью, практика воспитания населения КНР, а это почти один миллиард четыреста миллионов человек, в духе отношения к войнам как к неизбежности продолжается. При этом в истории современная пропаганда КПК делает упор на том, что практически главным военным врагом КПК — КНР являлась якобы наша страна, Россия (в свое время СССР). Войны, развязанные Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, всегда тракуются как направленные в той или иной степени прямо или косвенно против нашей страны.

Все это заставляет глубоко задуматься о том, с какими далеко идущими целями население КНР обрабатывается в таком пропагандистском духе.

«Схватка» 1956–1960 гг.

В первом десятилетии XXI века, в 2007 году, в КНР массовым тиражом под названием «Китай и бывший Советский Союз» был выпущен на видеоносителях документальный кинофильм о двусторонних отношениях СССР и КНР в 1956–1960 гг. (Чжунго юй цянь Сулянь. ISRC CN-A65-08-0012-o/v.j9.)

Сразу же может возникнуть вопрос о том, почему был выпущен такой фильм и почему именно об этом историческом периоде.

Представляется, что в начале нынешнего столетия КПК считает необходимым в самой доступной и самой современной форме ознакомить и воспитывать максимально большое число людей в КНР в духе своего принципиального отношения к нашему народу и нашей стране и к истории наших отношений. Это взаимосвязано с широкой деятельностью современной пропаганды в КНР, которая разными способами внушает населению КНР нужное КПК представление и о нашей стране в ее досоветский и советский периоды, и о характере взаимоотношений между двумя нациями — Россией и Китаем — на протяжении всего их 400-летнего соседства.

При этом особое значение придается разъяснению принципиального курса политики Мао Цзэдуна, его отношения к нашему народу и нашей стране. Именно во второй половине 1950-х гг. Мао Цзэдуна удалось кардинально переменить отношение КПК и КНР к нашему народу, нашей стране, нашему государству, к правившей тогда у нас политической партии.

Речь идет о переходе к политике вражды и ненависти к нашему народу и нашей стране со стороны Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей.

Поскольку имя и авторитет Мао Цзэдуна в настоящее время сохраняются, поскольку в Уставе КПК о нем говорится как об одной из трех священных для членов партии политических фигур, постольку оправдывается и его политика в отношении нашего народа и нашей страны, оправдываются все его действия, в том числе и подготовленная и начатая им война на границе против нас в 1969 году.

Мы считаем нужным говорить об этом документальном пропагандистском фильме потому, что он предназначен для воздействия на широкие слои населения КНР, численность которого приближается к одному миллиарду четыремстам миллионам человек.

Это не может не беспокоить людей, живущих в нашей стране.

Знать, в каком духе воспитывают нынешние поколения людей в КНР, необходимо, чтобы лучше представлять себе подлинное состояние наших нынешних отношений, отношение наших партнеров к нам во всем его объеме и глубине и задумываться о том, что нам необходимо делать в этой ситуации и у себя дома, и в двусторонних отношениях с КНР.

Итак, перед нами документальный пропагандистский кинофильм о том, как Мао Цзэдуну удалось превратить дружбу, союз и взаимопомощь между нами во вражду в КПК и в КНР к нашему народу и к нашей стране, как ему удалось провести в жизнь генеральную линию своей политики в отношении нас как народа и страны — линию на разобшение наших народов, затем на их противопоставление вплоть до вооруженной конфронтации.

Мы будем цитировать пояснительный текст упомянутого фильма курсивом.

В самом начале фильма дается пояснение того, о чем в нем идет речь:

*Схватка. —
Раскрывшие тайну
дипломатические архивы
(1956–1960 гг.)*

Титры набраны полными иероглифами. Это могут читать китайцы и за пределами КНР. Это означает, что данный пропа-

гандистский документальный фильм предназначен для воздействия и на тех людей, которые живут в КНР, и на тех людей, которые читают по-китайски, но живут вне пределов КНР, на Тайване, в Сингапуре, во всех иных государствах земного шара. Можно отметить, что тогда, когда ставится задача воздействовать в нужном духе на все китаеязычное сообщество в мировых масштабах, в КПК — КНР не стесняются и пользуются полными иероглифами, от которых по воле Мао Цзэдуна в свое время отказались в КНР с тем, чтобы, в частности, разделить китайцев, живущих в КНР, и китайцев, не живущих в КНР.

В этом также, в частности, находят свое проявление нынешние претензии политиков из КНР возглавлять весь «китайский мир», всю нацию Чжунхуа, нацию Китая, выступать в качестве единственных представителей всей этой нации и внутри КНР, и в мировых масштабах. Следовательно, речь идет о КПК как о политической партии, которая в основу своей современной идеологии положила понятие нации, нации Чжунхуа, или нации Китая. В уставе партии прямо говорится, что КПК — это и авангард нации Китая.

Китайские дипломатические тексты требуют «двойного перевода».

Они, во-первых, в оригинале написаны по-китайски, что требует точного перевода на русский язык при знании дипломатических и исторических реалий.

Во-вторых, они написаны так, что есть необходимость на основе опыта и знаний давать дополнительно к «просто переводу» разъяснение формулировок, содержащихся в документах и высказываниях представителей китайской стороны.

Вот и в данном случае необходимо подчеркнуть, что период 1956–1960 гг. сразу же характеризуется здесь термином «схватка».

Когда-то 1950-е гг. называли в КНР «медовым месяцем» в наших двусторонних отношениях. Затем в воспоминаниях известного работника внешнеполитического фронта КПК, специалиста по нашим двусторонним отношениям У Сюэюаня эти годы были названы «периодом сотрудничества и борьбы». Ныне очевидно, что это было проявление постепенного движения к тому, чтобы выразиться с полной откровенностью. Теперь это время пришло. Сегодня КПК прямо разъясняет на-

селению КНР, всем живущим в мире китайцам, что 1956–1960 гг. были временем «схватки» между Мао Цзэдуном и его приверженцами и последователями, с одной стороны, и нашим народом и нашей страной, с другой стороны.

К этому разъяснению содержания фильма присовокупляют пояснение, из которого следует, что в начале нынешнего столетия в КНР рассекречены те дипломатические архивы, которые доказывают и показывают, что это была именно «борьба», именно «схватка» двух несовместимых субъектов на мировой арене.

Министерство иностранных дел КНР во второй раз рассекретило дипломатические архивы. Раскрытие тайн дипломатических архивов вдохновило ученых, вызвало общественный интерес.

Это в сильнейшей степени вдохновило ученых Китая. По сравнению с первым разом ныне его рамки намного шире. Конечно, мы никогда не удовлетворимся. Однако мы, наконец, увидели новую надежду.

Дипломатические архивы рассекречиваются в КНР постепенно по частям и с совершенно определенным умыслом исключительно по решению ЦК КПК.

Здесь также проскальзывает намек на то, что КПК шире, чем раньше, раскрывает архив, но и это «еще не все».

Далее следует первая часть рассматриваемого фильма:

*ДАВАЙТЕ ПОДОЙДЕМ БЛИЖЕ
К ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ АРХИВАМ,
ПОДОЙДЕМ БЛИЖЕ К ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ*

Тем самым подчеркивается, что в фильме речь будет идти о документах, то есть зрителей настраивают на то, что они, наконец-то, узнают «правду» о том, что происходило в отношениях КПК и КПСС, КНР и СССР.

Главным комментатором раскрываемых архивов выступает женщина по имени Цзэн Цзымо, которая представлена как руководитель проекта, основной автор фильма. (Она говорит на фоне обложек папок с документами, которые представлены на экране.)

Цзэн Цзымо (распорядитель проекта):

В июне прошлого (2006-го) года Архив МИД КНР рассекретил архивные документы 1956–1960 годов. На это событие откликнулись все крупные СМИ, а также ученые Китая и зарубежных государств. Рассекречивание на сей раз дипломатических архивных документов сделало гласным 25 651 архивный документ с 1956 по 1960 год. К счастью, съемочная группа телекомпании «Феникс. Широкие горизонты» при мощном содействии Архива МИД была допущена в Государственный дипломатический архив. В тот момент, когда мы открывали дела, на протяжении многих лет закрытая история становилась необыкновенно живой, свежей и правдивой.

Сразу же подчеркивается, что КПК счел необходимым рассекретить эту часть архивов в 2006 году. Очевидно, что это связано с определенным этапом в работе по осмыслению и представлению в нужной КПК трактовке событий этого периода в наших отношениях, а также с появившейся именно в это время оценкой в КНР того, что произошло в нашей стране в 1991 году, и также оценкой последних двух десятилетий в истории наших взаимоотношений. Одним словом — это часть крупного замысла правящей в КНР политической партии, предназначенного для воспитания населения КНР в нужном КПК сегодня духе.

Также ясно, что телевизионная компания, имеющая выход и на КНР, и на весь мир, по решению КПК была допущена к этим документам и сделала данный фильм.

Внешнеполитическая пропаганда КНР использует современные методы воздействия на нынешние поколения китайцев. Для них предназначаются видеофильмы — документальные хроникальные пропагандистские фильмы, где одновременно присутствуют видеоряд и голоса дикторов, а также высказывания чиновников и свидетелей исторических событий.

Лишний раз напомним, что их слова и речь дикторов снабжаются титрами, которые выполняются иероглифами в их полном написании. Это, как уже отмечено, расширяет аудиторию фильмов на «весь китайский мир». Зарубежные китайцы, китайцы, которые живут за пределами КНР и обычно пользуются

полными, а не упрощенными иероглифами, как в КНР, тоже могут знакомиться с этими пропагандистскими фильмами.

Необходимо сказать о том, какое содержание вкладывается в название фильма: «Китай и бывший Советский Союз — ЧЖУНГО ЮЙ ЦЯНЬ СУЛЯНЬ».

Пропаганда начинается с первой же формулировки, с первых же слов. Авторы фильма стремятся внушать, что речь идет о взаимоотношениях Китая — как **ныне существующих** государства, то есть КНР, и нации, нации Чжунхуа, или нации Китая, — с тем, что уже **не существует**, то есть с СССР. Китай жил, Китай жив, Китай будет жить. А СССР стал бывшей страной, бывшим государством. Он исторически оказался сбоку припеку. С ним временно пришлось иметь дело Китаю как нации и как государству. Превознесение Китая как вечной нации, вечного государства и низведение нашей страны до неравноправного положения чего-то временного и незначительного по сравнению с вечным Китаем — вот в чем пропагандистский заряд наименования этого фильма.

Время: октябрь 2006 года.

Место: Архив МИД КНР.

Событие: съемка дипломатических архивов.

(Папка: празднование 40-й годовщины ВОСР.)

В фильме каждый раз при обращении к документам четко фиксируется время происходящих событий, то есть время работы съемочной группы. Место ее работы. Наименования архивных документов, на основе которых даются дальнейшие разъяснения.

На основе одного из архивных документов у нас вызвало интерес то, как была распланирована работа правительством бывшего СССР с иностранцами. План этой работы занимает целых 24 страницы. Охватывает время с августа по декабрь 1957 года. На документах имеются многочисленные резолюции и поправки. В них говорится главным образом о событиях ноября 1957 года, когда Мао Цзэдун по приглашению посетил СССР, участвовал в праздновании 40-й годовщины Октябрьской революции и в международных совещаниях коммунистических и рабочих партий в Москве. Речь идет о

требованиях к обеспечению бытовых условий и к организации его пребывания в Москве.

Китайская сторона избрала период 1956–1960 годов в качестве предмета пропаганды внешней политики Мао Цзэдуна, его политической партии, его государства.

Это сделано китайской стороной не случайно.

Это — часть крупного пропагандистского замысла извратить историю двусторонних отношений России и Китая времен СССР и КНР. Это проявление стремления разделить ранее обычно представлявшийся единым первый десятилетний период наших тогдашних отношений, 1950-е гг., которые было привычным именовать «медовым месяцем» в наших двусторонних отношениях. Современная пропаганда ставит своей задачей вытравить такое отношение к этим годам из памяти живущих и будущих поколений.

В свое время, как уже упоминалось, крупный чиновник времен Мао Цзэдуна У Сюцюань называл первое десятилетие во взаимоотношениях СССР и КНР «периодом сотрудничества и борьбы».

Это был первый шаг на пути дискредитации времен дружбы, союза и взаимной помощи, совпадения объективных интересов наших двух стран и народов.

Теперь китайская пропаганда делает второй шаг. Она объявляет всю вторую половину этого периода, то есть 1956–1960 годы, периодом «схватки» Мао Цзэдуна с нашей страной и народом.

В фильме речь идет исключительно о борьбе Мао Цзэдуна за то, чтобы принизить наш народ и нашу страну, отодвинуть их на место, где они должны подчиняться Мао Цзэдуну, его политической партии, его государству, его нации.

Этот пропагандистский замысел находит свое проявление в том, в какой последовательности представляют зрителям фильма события второй половины 1950-х гг.

На первый план выносятся поездка Мао Цзэдуна в СССР в 1957 году. Это сделано в данном фильме прежде всего для того, чтобы начать изложение своей трактовки событий с «триумфа Мао Цзэдуна». С утверждения его после смерти Сталина, с точки зрения современной пропаганды КПК, на месте «само-

го главного — ЛАОДА» в международном коммунистическом движении, в лагере социализма и во взаимоотношениях КПК с КПСС, КНР с СССР, самого Мао Цзэдуна с Н. С. Хрущевым. Именно так хотели бы авторы фильма подать упомянутый визит Мао Цзэдуна в Москву в 1957 году.

Шэнь Чжисхуа, ученый-исследователь:

Где разместить Мао Цзэдуна, как его встречать?

Первоначально планировалось встречать чрезвычайно торжественно, с тщательным продумыванием всех деталей. Например, в Иркутск, на его первую остановку по пути в Москву, они планировали направить заместителя министра иностранных дел, а также заведующего отделом ЦК КПСС по связям с братскими партиями. Тогда прямой полет в Москву был невозможен. По пути надо было делать остановки, заправляться топливом. Поэтому требовалось устроить встречу в Иркутске. Планировался необычайно теплый прием со стороны СССР. Но Мао Цзэдун вовсе не стал считаться с такими планами. В определенном смысле он также намеренно подчеркнуто проявлял сдержанность, степень которой трудно выразить словами.

В архивных документах мы читаем, что перед вылетом Мао Цзэдуна в Москву Чжоу Эньлай специально пригласил посла СССР в КНР Юдина и выдвинул в беседе с ним несколько требований. В том числе просьбу к советской стороне прислать в Пекин специальный самолет для делегации КПК. Он просил советскую сторону по пути в различных городах не устраивать церемонии встреч и проводов. Не выставлять почетный караул. (В тексте документа, видимом на экране, сказано, что делегация во время остановки не будет выходить из самолета в связи с холодной погодой.) Было также сказано, что на аэродроме в Москве Мао Цзэдун выступит с речью. Кроме необходимой церемонии на аэродроме, не нужно организовывать массы советских людей приветствовать кортеж по пути следования. Эти архивные документы преобразовывались в реалии. Правительство СССР полностью придерживалось мнения китайской стороны. Красное сердце Москвы, то есть Кремлевский дворец, также в соответствии с привычками Мао Цзэдуна в быту, был частично переделан. Например, Мао Цзэдун всегда пользовался парашей, никогда не пользовался «западным» унитазом.

Сразу же подчеркивается, что наша сторона тогда как бы лебезила перед Мао Цзэдуном, стремилась показать, что она даже не знает, «где и как усадить такого знатного гостя», в то время как сам Мао Цзэдун «не считался с планами» принимающей стороны, собственно говоря, стремился распоряжаться и в нашей стране.

Глава правительства КНР Чжоу Эньлай через посла СССР в КНР Юдина давал указания Хрущеву о том, как следует организовать прием Мао Цзэдуна в нашей стране.

Мао Цзэдун не желал выходить из самолета по дороге, встречаться с теми, кто хотел его приветствовать.

Он навязывал нашей стороне даже переделки в «красном сердце Москвы», то есть в Кремле, где для него соорудили даже китайский унитаз типа тюремной «параши».

На зрителей в КНР воздействуют бытовые детали. В этом случае присутствует сочетание «самого низменного и материального» с принципиальным: с отвращением Мао Цзэдуна ко всему западному, читай «советскому». Так передается «дух времени» в том его описании, которое считает ныне необходимым КПК.

Шэнь Чжисихуа:

Я слышал, как Ли Юежань, который тогда был переводчиком Мао Цзэдуна, впоследствии говорил, что в СССР очень хотели понравиться, устроить прием по высшему разряду. Обычно тот унитаз, которым они пользовались, на полметра возвышался над полом. Верно? Вот они и решили построить цементную чашу параша, подняв ее на полметра над полом и, таким образом, встроив в нее весь свой унитаз. И соорудить подход к ней в виде лестницы из двух ступеней. Упомянутую чашу специально построили в Кремле. Ее приготовили именно для Мао Цзэдуна.

То, что они тогда специально соорудили в Кремле выгребную яму для отправления естественных надобностей, сидя на корточках, со временем давно уже кануло в Лету (смыто дочиста и наведена чистота). Однако история остается историей. Она сохраняется либо в памяти людей своего времени, либо в архивных документах. Там она фиксируется черным по белому, и мы можем все это найти и обнаружить.

Когда Хрущев лично приехал в Кремль, чтобы проверить покои, подготовленные для Мао Цзэдуна, он увидел широчен-

ную деревянную кровать. Давая этому оценку, он сказал, что Мао Цзэдун — это «партизан» («боец, пришедший из лесов»). По сути дела, правительство Хрущева не только устраивало жить в кремлевских покоях этого «партизана», но и направило специальный самолет в Пекин, чтобы встретить и приветствовать делегацию КПК. Такого рода особая встреча делает не лишним побуждение задать следующий вопрос: какие такие причины побудили правительство Хрущева уделять такое внимание приезду Мао Цзэдуна?

Давайте же мы повернем время вспять.

Приходится начинать «с параши». Ведь тут дело в том, что не по своей инициативе, а по указанию обслуживавших Мао Цзэдуна чиновников, которые, естественно, выполняли прихоти своего вождя, в Москве построили «парашу» с двухступенчатым подходом к ней, чтобы Мао Цзэдун мог отправлять естественные надобности, «сидя орлом», то есть так, как он это привык делать у себя дома. Так он заставлял нашу сторону подчиняться своим обычаям.

Мне довелось побывать на одной из «дач», построенных для Мао Цзэдуна в КНР. Там в громадном туалете действительно находились и европейские писсуар и унитаз, и описанная в данном случае «параша», тоже, между прочим, с двухступенчатым подходом к ней. Так что Мао Цзэдун мог в Кремле получать дополнительное удовольствие, заставив превратить его покои в «привычное для него место».

При описании кровати, также специально построенной в Москве для Мао Цзэдуна, китайские пропагандисты обращают внимание зрителей фильма в КНР на то, что ситуация в мире и во взаимоотношениях между Мао Цзэдуном и нашим народом и нашей страной после смерти Сталина изменилась, дескать, настолько, что Хрущев был вынужден лично заботиться о выполнении всех требований Мао Цзэдуна, которого он как бы «по сталинской инерции» еще продолжал в своем кругу именовать «партизаном», но перед которым должен был «выгибаться», понимая, что сила уже на стороне Мао Цзэдуна. Так начинают современные китайские пропагандисты характеристику отношений между нами и Мао Цзэдуном в 1957 году.

За год и восемь месяцев до этого визита Мао Цзэдуна в Москву в феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд

КПСС. Присутствовавшие на съезде представители всех коммунистических и рабочих партий земного шара услышали выступление Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях». Острие этого доклада было направлено непосредственно против Сталина. В нем также было предано гласности сообщение об осуществлении с 1935 по 1940 год при абсолютной власти Сталина широкомасштабных репрессий. Приводились цифры убитых и репрессированных.

Жун Чжи, в свое время сотрудник посольства КНР в бывшем СССР:

В свое время нам было известно только об успехах Сталина. И мы не знали об этом. Услышав этот доклад, мы очень удивились. Однако мы думали о том, как реагировать на это, какую оценку дать этому. Этого мы тогда не знали. В предшествовавшие 20 лет вне зависимости от того, считал ли это человек по собственному желанию или ему приходилось это делать по принуждению, Сталин, вне всяких сомнений, был фигурой характера вождя лагеря социализма. В этом лагере, где находилась одна треть населения Земли, две трети государств были созданы с помощью и при поддержке Сталина. Хрущев же осмелился, не считаясь с громадой лагеря социализма, сделать секретный доклад «О культе личности и его последствиях», открыто критиковать Сталина. Это в сильнейшей степени выходило за пределы того, чего могли ждать люди. Это было неожиданно. Вышло за пределы того психологического бремени, которое могли выдержать представители коммунистических и рабочих партий, участвовавшие в XX съезде КПСС.

Здесь зрителям внушают, что представители коммунистических и рабочих партий, присутствовавшие на XX съезде КПСС, психологически не воспринимали доклад Хрущева о культе личности Сталина.

На самом деле из того, что опубликовано в КНР, известно, что делегацию КПК на этом съезде возглавлял заместитель председателя КПК Чжу Дэ, в делегацию входил генеральный секретарь КПК Дэн Сяопин. Чжу Дэ одобрил доклад Хрущева сразу же после того, как его с ним ознакомили, и хотел выразить свое мнение на съезде. Дэн Сяопин, верный приверженец и последователь Мао Цзэдуна во всем том, что касалось наше-

го народа и нашей страны, посоветовал сначала доложить о случившемся Мао Цзэду и узнать его мнение. Мы уже не говорим о том, что большинство людей считали правильным открытие возможности критично относиться к культу личности вождей коммунистических партий и государств.

Ся Даошэн, в свое время сотрудник посольства КНР в Венгрии:

Когда Сталин был жив, все социалистические государства с огромным уважением относились к Сталину. Можно сказать, что все компартии относились к нему с особым уважением. На протяжении очень длительного времени он играл роль вождя. Дело обстояло именно так. Включая и нашу КПК, все очень уважали его.

Шэнь Чжисхуа:

И как только на XX съезде Сталина стали критиковать, весь наш социализм пришел в состояние хаоса. Подумать только, ведь Сталин в свое время был знаменем, или, как говорил председатель Мао, это был МЕЧ, предназначенный для того, чтобы покончить с империализмом. В результате вставал вопрос: разве можно было позволить тебе, Хрущев, отбросить этот МЕЧ? Поэтому все и пришло в хаос. Никто не знал, как быть. Однако как быть с вопросом о разоблачении или вскрытии вопросов, касавшихся Сталина? Ведь это тоже были факты. Большая чистка. Убийства людей. Жестокая борьба внутри партии. Разве все это не факты? Все это факты. Поэтому очень многие оказались в идейном замешательстве. И не знали, будет ли способен этот социализм идти куда-то и как идти? Не знали.

Секретный доклад также в сильнейшей степени потряс политическую арену в Китае. В секретных архивных документах МИД КНР мы прочитали две телеграммы. Одна была направлена в посольства в социалистических государствах под заголовком: «Сбор откликов во всех слоях общества на XX съезд КПСС». Другая была направлена в посольства в капиталистических государствах под заголовком: «Просим собирать отклики в СМИ на критику Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС». Все это шло под грифом «Совершенно секретно». К те-

леграммам было секретное пояснение. Обе телеграммы ушли в один день, 31 марта 1956 года, то есть как раз через месяц после окончания XX съезда КПСС. В телеграмме в капиталистические государства были такие слова: «включая реакционных, нейтральных и левых; особое внимание придавать высказываниям важных фигур; до 3 апреля доложить в ЦК».

Здесь подчеркивается, что для Мао Цзэдуна, в его сознании, самым важным для любого вождя коммунистической партии в социалистической стране было то, чтобы он действовал как «МЕЧ», то есть решал вопросы путем применения диктатуры пролетариата и внутри страны, и на мировой арене. Это вполне совпадало с установкой, которую Мао Цзэдун отстаивал до конца своей жизни, то есть с утверждением, что мировая ядерная война является абсолютно или фатально неизбежной.

Кстати, именно по этим двум крупнейшим вопросам и разошлись мнения Мао Цзэдуна и Хрущева, который в данном случае представлял наш народ и нашу страну. Это вопросы о критике культа личности и о фатальной неизбежности мировой ядерной войны. И в том, и в другом вопросе Хрущев оказался прав, а Мао Цзэдун не прав. Сама Коммунистическая партия Китая в 1985 году отказалась от установки на фатальную неизбежность мировой ядерной войны.

Продолжая рассуждения на тему о «схватке» между Мао Цзэдуном, с одной стороны, и нашим народом и нашей страной, с другой стороны, авторы фильма говорят следующее:

Схватка.

Часть вторая.

Цзэн Цзымо (диктор):

Почему правительство Китая столь настоятельно требовало узнать о том, как во всех районах мира, особенно в лагере капитализма, откликнулись на секретный доклад Хрущева?

Как это связано с Китаем?

Какое значение имело то, что правительство Китая узнает о том, как во всем мире реагировали на секретный доклад на XX съезде?

С 17 марта по 3 апреля 1956 года Мао Цзэдун подряд провел расширенное заседание секретариата ЦК, два расширенных заседания Политбюро, а также поручил Лю Шаоци провести расширенное заседание ПБ ЦК.

Когда КПК испытывала трудности, правительство СССР под руководством Сталина оказывало бескорыстную поддержку. И именно то же самое правительство Сталина через контролируемый им Коминтерн создавало для революции в Китае немало трудностей. Да, это задевало Мао Цзэдуна за живое, задевало его кровные интересы.

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС был полной неожиданностью для Мао Цзэдуна.

Он после смерти Сталина в 1953 году, очевидно, уже настроился на то, чтобы представать и перед членами КПК, перед населением КНР, и вообще в мире, прежде всего в нашей стране, как единственный оставшийся в живых «классик» учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — Мао. Такой ряд имен и портретов, лиц стал пропагандироваться в КНР. Во время праздников на площади Тяньаньмэнь в Пекине ее главное идейное убранство составляли четыре крупных портрета: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, но внизу, на самой площади, и портрет Мао Цзэдуна наверху, на воротах Тяньаньмэнь, над площадью и четырьмя портретами и в то же время под ногами у стоявшего на трибуне, на башне Тяньаньмэнь самого Мао Цзэдуна.

Более того, в КНР был выпущен и стал пропагандироваться плакат с пятью профилями: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун. При этом людям должно было быть ясно, что первые четверо «уже умерли», а в живых остался только единственный, «председатель Мао». Мао Цзэдун любил, чтобы его называли в КНР и в мире «председателем Мао». В переводе с китайского языка термин «МАО ЧЖУСИ» означает: «тот Мао, который всегда занимает место хозяина на любом собрании, за любым столом». Быть «ЛАОДА — самым старшим, или самым главным, везде и всегда» — вот к чему стремился Мао Цзэдун. Именно к этому стремятся и все приверженцы и последователи Мао Цзэдуна, видя себя в роли представителей нации Чжунхуа, или нации Китая, в качестве «ЛАОДА, или самого старшего» на Земле.

После смерти Сталина Мао Цзэдуну, очевидно, показалось, что все устоялось или приходило в «естественный порядок». Складывалась приемлемая для него иерархия.

При этом, с точки зрения Мао Цзэдуна, Хрущев как бы само собой оставался где-то ниже всего упомянутого ряда, следовательно, и ниже Мао Цзэдуна. А вместе с Хрущевым, также как бы естественно, и наш народ, наша страна должны были постепенно занять свое место в общей колонне марширующих под знаменем, под руководством и с именем Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун исходил из того, что имя Сталина останется своего рода неприкасаемым для Хрущева. А вместе со Сталиным неприкасаемым будет и имя Мао Цзэдуна как безупречного верховного вождя.

Мао Цзэдун привык к тому, что в среде коммунистов всей Земли порядок был именно таким.

И вдруг Хрущев нарушил казавшийся незыблемым «конфуцианский» порядок подчинения младших старшим. Хотя по возрасту они были погодки: Хрущев родился в 1894 году, Мао Цзэдун в 1893 году.

Хрущев раскритиковал действия Сталина. Отклонился от молчаливого уговора мировых лидеров коммунизма не говорить о репрессиях против собственных народов, если эти репрессии оправдываются необходимостью сохранения у власти той или иной коммунистической партии, того или иного коммунистического или социалистического государства, оправдываются ссылками на то, что стабильность, дескать, выше «каких-то человеческих жизней».

Когда прозвучал доклад Хрущева, Мао Цзэдун, очевидно, подумал о том, что это — заявка Хрущева, а с ним и СССР, КПСС на продолжение выступления в роли руководителя мирового коммунистического движения. Это создавало ситуацию, при которой Мао Цзэдун не мог навязать главенство, а затем и господство нации Китая над нацией России. С этим Мао Цзэдун никак не мог смириться.

Поэтому после доклада Хрущева главное место в заботах Мао Цзэдуна стало занимать стремление сохранить и укрепить свое положение у власти в КПК и в КНР, не допустить ничего подобного тому, что произошло в нашей стране после доклада Хрущева. Это очень волновало Мао Цзэдуна. Недаром во вре-

мя «культурной революции» одним из главных ее лозунгов для Мао Цзэдуна был призыв к борьбе против «находящихся под боком у председателя Мао людей типа Хрущева» (имелся в виду прежде всего Лю Шаоци).

Далее, Мао Цзэдун стремился развернуть в как можно более широких масштабах работу по выискиванию «слабых мест» у Хрущева и по атаке на эти «слабые места».

В этих целях Мао Цзэдун, а теперь вслед за ним и современные пропагандисты КПК предлагают населению КНР трактовку взаимоотношений Сталина и Мао Цзэдуна до прихода Мао Цзэдуна к власти в КНР.

Признавая, что Сталин, Коминтерн иной раз оказывали помощь, бескорыстную поддержку КПК, упор при этом делают на утверждении о том, что Сталин, дескать, «создавал для революции в Китае немало трудностей».

Так внушается мысль о том, что никогда не было не только единства, но и искренности во взаимоотношениях Мао Цзэдуна, его приверженцев со Сталиным, с нашим народом и нашей страной.

Все это укладывается в главный политический курс Мао Цзэдуна по отношению к нашему народу и нашей стране: отделять друг от друга наши народы и противопоставлять их как нации во всей истории их соседства.

При этом в фильме сразу же пытаются объединить Мао Цзэдуна и простого китайского человека едиными чувствами, эмоциями, связанными с их же кровными интересами.

Это означает, что современная пропаганда КПК строится на обращении к тому, что она именует кровными интересами и эмоциями, чувствами всех китайцев как нации. Нашу сторону обвиняют в том, что она не только посягала на кровные интересы нации Китая, каждого члена нации Китая. Но и в том, что мы, дескать, виноваты в оскорблении чувств каждого китайца и всех китайцев как нации. Такой была основа взглядов, которые Мао Цзэдун навязывал КПК и всему населению КНР сразу же после появления доклада Хрущева с критикой деятельности Сталина.

Когда Хрущев снял крышку, это вне всяких сомнений дало возможность освободиться от переполнявших чувств. Но Мао Цзэдун и руководители КПК также ощущали, что Хру-

щев снял крышку и при этом прикрылся большими цифрами. Сталин — это знамя. Если отрицать его полностью, что это будет означать? Это было ясно без слов. Это была одна сторона вопроса.

Существовала и другая сторона вопроса, которая глубочайшим образом беспокоила Мао Цзэдуна. И по этому вопросу правительство Китая должно было выразить свою позицию. В апреле 1956 года Мао Цзэдун написал свою знаменитую статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» (другой вариант перевода названия статьи: «Об опыте истории диктатуры пролетариата»). В ней он дал справедливую оценку Сталину, а именно: Сталин совершал серьезные ошибки, но у него также есть великие заслуги. В чем-то он пошел вразрез с принципами марксизма. Если даже считать, что история диктатуры пролетариата берет свое начало с Октябрьской революции, то она не насчитывает и 40 лет. И в процессе осуществления коммунизма, этой великой и трудной задачи, невозможно не допускать ошибок. Вопрос тут в способности коммунистической партии путем критики и самокритики исправлять собственные ошибки.

Итак, прежде всего современная пропаганда КПК внушает населению Китая, всем китайцам, живущим в мире, что при Сталине Мао Цзэдуна, нацию Чжунхуа, или нацию Китая, каждого ее члена переполняли чувства протеста против того, что Сталин якобы командовал ими и не разрешал им вершить революцию.

Доклад Хрущева дал возможность выплеснуть открыто все эти чувства. Этим и занимался Мао Цзэдун. Этим занимается и современная пропаганда КПК, когда речь идет о данном периоде истории наших отношений.

Одновременно Мао Цзэдун не мог расстаться со Сталиным. Дело тут было в том, что Мао Цзэдун, как и Сталин, был способен удерживать власть в своих руках только при существовании режима, уничтожавшего миллионы людей, подавлявшего все проявления человечности и совести у людей в той или иной стране.

Поэтому Мао Цзэдун навязывал КПК трактовку преступлений Сталина как всего лишь его якобы неизбежных ошибок. Это же полагалось относить и к самому Мао Цзэдуну.

Все это выплеснулось на поверхность после смерти Мао Цзэдуна и проявилось в позиции приверженца и последователя Мао Цзэдуна Дэн Сяопина, который также стал навязывать КПК такую оценку деятельности теперь уже Мао Цзэдуна, согласно которой Мао Цзэдун не совершал преступлений. У него были лишь ошибки, которые составляли всего 30 процентов его деятельности. Остальные 70 процентов Дэн Сяопин предложил считать правильными действиями Мао Цзэдуна. Это понадобилось Дэн Сяопину для того, чтобы точно такими же методами, как Сталин и Мао Цзэдун, удерживаться у власти. Именно исходя из таких взглядов, Дэн Сяопин утверждал, что в 1989 году, дескать, возникла смертельная угроза для КПК и КНР, а потому принял решение применить армию против собственного народа. В этом отношении к собственной власти и к народам своих стран Сталин, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин едины.

Шэнь Чжисхуа:

Что касается компартии Китая, Мао Цзэдуна, то они выступили с рядом статей, речей, таких как «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», включая сюда и некоторые документы VIII съезда КПК; а потом выступили еще и со статьей «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». Это было направлено против этого Тито. Поэтому всему этому (такой точке зрения), когда оно было опубликовано одно за другим, коммунистические партии социалистических государств, включая СССР, поверили не только в душе, но и выразили свои чувства. Они стали говорить: насколько же силен председатель Мао. Стали говорить, что в настоящее время подлинным теоретиком, философом является именно Мао Цзэдун.

Постоянное стремление современных пропагандистов КПК состоит в том, чтобы внушать своим зрителям и читателям, что авторитет Мао Цзэдуна, его воздействие на людей всегда были общепризнанными.

При этом подчеркивается, что после того, как умер Сталин, в нашей стране, дескать, считали Мао Цзэдуна подлинным теоретиком и философом.

На самом деле после смерти Сталина наша страна жила главным образом своей жизнью, своими заботами. События в

мире интересовали людей, но далеко не в первую очередь. События в Китае еще менее того.

Конечно, можно было найти примеры восхваления Мао Цзэдуна. Однако никогда не было поклонения Мао Цзэдуну как «Учителю» с большой буквы.

Статьи Мао Цзэдуна не только стабилизировали позиции лагеря социализма, но также и развеяли те мрачные тени, которые омрачали сердца и умы приверженцев социализма. Все это привело к тому, что представлениям о социализме, которые носили характер зигзагов, было придано очищающее и пробуждающее знание. Одновременно они также преисполнились веры в будущее социализма. Однако в статье «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» также впервые были преданы гласности расхождения между Китаем и правительством Хрущева.

В связи с тем, что все это произошло, Хрущев стал питать к Мао Цзэдуну чувство признательности, потому что выступление правительства Китая с выражением своей позиции в отношении разбитого в пух и прах престижа политической власти Хрущева, в отношении политической власти Хрущева, которая в то же время представляла собой в высокой степени изолированное облако в поднебесье, вне всяких сомнений, было сочетанием стремления к смягчению противоречий и хорошей подпоркой для того, чтобы сойти с жертвенника (с места жертвоприношений).

Китайские пропагандисты подчеркивают, что после смерти Сталина мрачные думы производили гнетущее впечатление на тех, кто верил в социализм. Это впечатление еще более усилилось после доклада Хрущева.

Позиция Мао Цзэдуна, предлагавшего критиковать Сталина за некоторые ошибки, но содействовавшая сохранению уверенности в правоте режима, который якобы был только вынужден совершать ошибки и уничтожать миллионы людей ради прекрасного будущего, по словам пропагандистов ЦК КПК, развеивала мрачные тени, которые затмевали умы тех, кто верил в социализм.

На самом деле, во всяком случае в нашей стране, предпочтение в официальной политике партии отдавалось критике преступлений Сталина при сохранении мнения о Ленине как о

«правильном» теоретике и практике социализма. Мао Цзэдун тянул людей обратно к Сталину. Это не могло встретить понимание в нашей стране.

Авторы фильма предлагают иную трактовку происходившего в то время.

Они утверждают, что Хрущев был рад появлению позиции Мао Цзэдуна.

Это толкуется таким образом, что Хрущев якобы оказался изолирован в мировом коммунистическом сообществе после своего доклада на съезде, а Мао Цзэдун как бы помогал ему вновь укрепиться в связи с возможностью опираться на трактовку Мао Цзэдуном того, что он предлагал видеть всего лишь как зигзаги, то есть временные отклонения от правильной линии при строительстве социализма.

Здесь в фильме вводится мысль о том, что Мао Цзэдун оказался «на высоте», а Хрущев оказался в зависимости от Мао Цзэдуна и даже, дескать, был признателен Мао Цзэдуну за его позицию, за его оценку роли Сталина.

Жун Чжи:

Ведь те две статьи также не задевали доброе имя СССР. Ведь СССР тогда, по сути дела, как только начал катиться вниз, так споткнулся и полетел в тартарары. Никто уже и не считался с ним. Но как только были опубликованы эти две статьи, так СССР был за это очень благодарен. Хрущев был чрезвычайно благодарен. По случаю Нового года в СССР обычно устраивали прием. Это был прием по случаю нового 1957 года. Едва войдя в зал, где проводился банкет, Хрущев стал искать глазами кого-то. Увидев посла Китая, он тут же подошел к нам. Обнял нашего посла. Он сказал послу: «Я согласен с каждым словом в ваших статьях». Увидев, как далеко было место посла, а оно было далеко потому, что послов располагали в порядке приезда в страну, а Лю Сяо, посол КНР, приехал тогда недавно, поэтому ему отвели место позади, Хрущев сказал: «Почему вы сидите там? Идите со мной». Он повел нас к столу президиума, к месту председателя.

В подтверждение приводится рассказ о том, как Хрущев демонстративно проявил уважение к Лю Сяо, в то время послу КНР в СССР.

Это произошло по той причине, что Хрущев в то время все еще надеялся на то, что ему удастся найти общий язык с Мао Цзэдуном. Это также говорило о том, что Хрущев был согласен с тем, чтобы в наших двусторонних отношениях проявлялось равенство сторон, чтобы в глазах всего мира сохранялась атмосфера дружественных отношений между КПСС и КПК, СССР и КНР.

Хрущев придавал чрезвычайно большое значение (принимал близко к сердцу, обращал большое внимание) тому месту, которое СССР занимал в лагере социализма. Судя по его дальнейшим действиям, можно сказать, что Хрущев ради сохранения устойчивости лагеря социализма, а главным образом ради упрочения своего собственного положения отдавал этому все свои физические силы и все свои мысли. И именно тогда, когда Хрущев рассыпался в благодарностях правительству Китая, в СССР возникла борьба за власть, что в еще большей степени утяжелило его зависимость от Мао Цзэдуна.

Отношения между коммунистическими партиями в нашей стране, и в Китае никогда не были отношениями того, кто приказывает, и того, кто выполняет приказы.

С самого начала в принципе нашей стороне было ясно, что здесь возможны только равноправие и полная самостоятельность сторон. Мы на протяжении многих лет оказывали практически в одностороннем порядке помощь китайским коммунистам, и это объективно побуждало часть китайских коммунистов ощущать благодарность к нам за эту помощь и поддержку.

В принципе руководители ВКП(б) / КПСС всегда вели себя так, что им было невозможно предъявить обоснованные обвинения в проявлении какого-то неравноправия. Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи вплоть до настоящего времени пытаются утверждать, что такое «неравноправие» якобы существовало. Однако они не могут привести в подтверждение этого утверждения ни одного факта.

Со стороны КПК всегда проявлялось стремление быть независимой, самостоятельной и равноправной партией.

Однако с приходом к власти в КПК Мао Цзэдуна он постоянно проявлял стремление навязывать свою волю нашей стороне. Это проявлялось и в действиях Мао Цзэдуна, и в трак-

товке им вопросов идеологии, двусторонних отношений, и в его личных отношениях сначала со Сталиным (которому он заявлял, что у них «разные калибры»), а затем с Хрущевым (которого он позволял себе принимать в бассейне), далее с Косыгиным (которому он заявлял, что его все-таки принимает, хотя не принял недавно какого-то западноевропейского министра). Отношение Мао Цзэдуна к руководителям СССР и КПСС было по временам оскорбительным. Собственно говоря, это оскорбительно для нашего народа, для наших национальных чувств.

Нашей стороне всегда приходилось, с одной стороны, самым внимательным образом следить за тем, чтобы не дать ни малейшего повода Мао Цзэдуну, его приверженцам обвинить нас в неравноправии, и, с другой стороны, не допускать навязывания нам своей воли Мао Цзэдуну, его приверженцами и последователями.

В июне 1957 года группировка консерваторов в КПСС во главе с Молотовым начала политический переворот против власти Хрущева, которая еще не устоялась. В ходе этого политического переворота в высшем эшелоне КПСС Хрущев в конечном счете пошел на чрезвычайные меры, чтобы справиться с опасностями со стороны своих соперников. Он добился того, что высшая власть не выскользнула у него из рук. Впоследствии в КПСС сохранялись потенциальные противоречия между консерваторами и реформаторами. Оказавшись перед лицом скрытой внутрипартийной борьбы, Хрущев чрезвычайно нуждался в помощи и поддержке со стороны компартий других государств, а в особенности со стороны другой красной власти в социалистическом лагере, то есть со стороны правительства Китая.

Авторы фильма пытаются внушать своим зрителям в КНР, что Хрущев, дескать, в особенности нуждался в помощи со стороны Мао Цзэдуна во время борьбы в 1957 году против «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шипилова».

На самом деле хорошо известно, что в 1938 году Сталин передал пленуму ЦК КПК, что он и ВКП(б), а также Коминтерн считают Мао Цзэдуна вождем КПК. За это Мао Цзэдун был чрезвычайно благодарен Сталину и сам говорил об этом.

В конце 1949 года Сталин передал Мао Цзэду при личной встрече доклад одного из своих чиновников, в котором, со ссылкой на одного из деятелей КПК, говорилось о разногласиях в руководстве КПК.

Пропаганда Мао Цзэдуна и его нынешних последователей пытается убеждать зрителей в КНР в том, что Хрущев, дескать, нуждался в помощи Мао Цзэдуна.

Это ложь. Все внутривластные процессы в руководстве КПСС и КПК, после создания КНР в особенности, происходили внутри своих партий, не имели никакой связи с тем, что происходило в «соседней» компартии. Иными словами, ни руководство КПСС никогда ни в чем не влияло на расстановку сил в руководстве КПК, ни руководство КПК никогда и ни в чем не влияло на расстановку сил в руководстве КПСС.

5 июля 1957 года, то есть на пятый день после окончания июньского пленума ЦК КПСС, Микоян спешно прибыл в Китай для встречи с Мао Цзэдуном и со всей ясностью выразил надежду на то, что КПК поддержит ЦК КПСС во главе с Хрущевым. КПК не допустила того, чтобы Хрущев лишился такой надежды, и пошла на беспрецедентный шаг, полностью опубликовав 5 июля 1957 года в газете «Жэньминь жибао» содержание и решение политического форума другого государства. Микоян отбыл из Китая с чувством удовлетворения. А затем СССР вдруг согласился начать переговоры с Китаем по тому вопросу относительно помощи со стороны СССР Китаю в развитии ядерного оружия и управляемых снарядов, по которому СССР никогда до того не выражал позитивного отношения. При этом советская сторона высказала пожелание, чтобы Мао Цзэдун принял участие в Московском совещании (коммунистических и рабочих партий всего мира), то есть помог бы КПСС и Хрущеву пройти через эту трудную заставу. Однако в то время, когда проходившие в Москве переговоры Китая и СССР об управляемых снарядах и прочем, то есть по вопросу о новой в международных отношениях технике, еще не были завершены, Китай медлил и оттягивал четкий, определенный ответ советской стороне по поставленному ею вопросу (о визите Мао Цзэдуна в СССР). Волею-неволею при таких обстоятельствах, когда деваться было некуда, нетерпеливый Хрущев выложил все начистоту прямо и

непосредственно руководителю делегации Китая Не Жунчжэню. Хрущев предложил следующее: советская сторона может предоставить китайской стороне материалы и образцы новой международной техники. При этом он поставил вопрос: сможет ли Мао Цзэдун принять участие в Московском совещании?

Получив сообщение об этом, Мао Цзэдун немедленно распорядился дать ясный ответ советской стороне: он поедет. Иными словами, Мао Цзэдун дал Хрущеву возможность сохранить лицо в этой ситуации. Только через 4 дня после того, как 19 октября 1957 года обе стороны, китайская и советская сторона, подписали «Соглашение о новой оборонной технике», Хрущев и выпил эту успокоительную таблетку. К этому времени с того момента, как советская сторона направила приглашение Мао Цзэдуну, прошло уже два месяца.

Поездка Микояна в КНР в 1957 году была проявлением ставшей уже привычной практики обмена мнениями между руководителями КПСС и КПК. В 1949 году эту практику начали еще при Сталине, когда Микоян посетил КПК в Сибайпо перед созданием КНР.

В 1956 году Микоян ездил в Пекин с целью рассказать о XX съезде КПСС.

В 1957 году Микоян ездил в Пекин, чтобы рассказать о переменах в руководстве КПСС.

При этом в 1956 и 1957 годах речь шла о том, что уже произошло в КПСС. Никогда наша сторона сама не ставила вопрос о том, чтобы КПК докладывала о своих планах, и не обсуждала с КПК свои планы.

Такого рода поездки и обмены мнениями были, с точки зрения нашей стороны, проявлением доверительности в отношениях и равноправия сторон.

Что же касается ситуации в 1957 году с поездкой Мао Цзэдуна в Москву, то для руководителей КПСС, для Хрущева приглашение Мао Цзэдуна было вполне нормальным шагом. В Москве исходили из того, что существовала необходимость сплочения в то время международного коммунистического движения. При этом КПСС была готова учитывать мнение КПК по всем связанным с этим вопросам.

Никакой зависимости Хрущева от Мао Цзэдуна ни применительно к международному коммунистическому движению, ни применительно к ситуации в руководстве самой КПСС тут не было.

Тогда в международном коммунистическом движении подавляющее большинство партий и их руководителей поддерживали обе главные идеи Хрущева: о критике культа личности и о том, что не существует фатальной неизбежности мировой ядерной войны. Мао Цзэдун здесь оставался практически в почти полной изоляции именно из-за своей позиции по этим вопросам.

Наконец, авторы фильма поднимают вопрос о передаче нами Мао Цзэдуну секрета производства атомной бомбы.

Думается, что такое решение было принято Хрущевым в 1957 году, исходя из того, что передача таких сведений могла укрепить доверие между партиями; более того, это был шаг, с помощью которого наша сторона демонстрировала, что видит СССР и КНР как совершенно равноправных обладателей ядерного оружия в социалистическом лагере, смотрит на КНР как на своего самого надежного военного союзника.

С нашей стороны не было никакой торговли по принципу: вы присутствуете на международном совещании в Москве, а мы даем вам атомную бомбу.

Схватка

*Раскрытие тайн дипломатических архивов
(1956–1960 гг.)*

Цзэн Цзымо:

Если говорить обо всем том, что происходило в период между оказанием КПК поддержки власти Хрущева и до заключения советской и китайской сторонами «Соглашения о новой оборонной технике», то все это не может не приводить к мысли о том, что Хрущев хотел отдарить КПК. А то, что спустя полмесяца после этого Мао Цзэдун лично прибыл в Москву с визитом, вне всяких сомнений, оказалось достаточным для того, чтобы помочь Хрущеву, который только-только утверждался в своем положении после политических перипетий, сохранить лицо.

Еще более важно то, что неизвестен ответ на вопрос о том, можно ли было провести Московское совещание без при-

существования на нем Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун в полной мере принимал близко к сердцу вопрос о стабильности лагеря социализма.

Именно на этом фоне Мао Цзэдун морозной зимой во второй раз нанес визит в СССР. В последний раз в своей жизни он выехал за границы государства.

Мао Цзэдун был вынужден поехать в Москву на Международное совещание коммунистических и рабочих партий в 1960 году. Если бы Мао Цзэдун не приехал на это совещание, и он сам, и его партия, и его государство оказались бы в состоянии изоляции от мирового коммунистического движения и от социалистического лагеря.

Внутри самой КПК за то, чтобы присутствовать на этом совещании, выступали многие руководители, прежде всего Лю Шаоци. Мао Цзэдун был вынужден считаться с ситуацией внутри КПК.

В этом фильме утверждается, что после смерти Сталина наш народ и наша страна, дескать, оказались в состоянии замешательства и им требовался философ, мыслитель, который бы снова твердо поставил их на путь социализма. Таким мыслителем и вождем представляют Мао Цзэдуна.

Внутри правившей в СССР политической партии, то есть внутри КПСС, после смерти Сталина начались нескончаемые разногласия между консерваторами (первая группа во главе с Молотовым) и реформаторами (первая группа во главе с Хрущевым); при этом Хрущев, дескать, не только нуждался в поддержке со стороны Мао Цзэдуна, но и не мог укрепиться у власти без такой поддержки. Мао Цзэдун оказался благодетелем для Хрущева. Хрущев был вынужден «приносить дань», «отдаривать» Мао Цзэдуна. Одним из таких «даров» явился секрет создания атомной бомбы.

Все это выдумки. Вредные и опасные и для людей в нашей стране, и для людей в КНР. Они настраивают население КНР на то, чтобы «смотреть сверху вниз», из единственного настоящего мирового китаизированного социализма, самобытного социализма Китая на «советский ревизионизм», на наш народ и на нашу страну. Это, собственно говоря, и есть проявление неравноправия, оскорбительного и для чувств, и для мыслей нашего народа со стороны Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей.

Самолет преодолевал бесконечные просторы Сибири. Под крылом были горы и реки, суровая зима. Но в кабине самолета царила теплая атмосфера, ощущался мощный запах весны.

Мао Цзэдун специально пригласил летевшего вместе с ним посла СССР Юдина. Между ними состоялся исполненный глубокого смысла диалог.

Мао Цзэдун: «Вот мы только что были на аэродроме, а теперь мы в воздухе, поднялись в небеса; а через некоторое время снова приземлимся. Как бы все это объяснить с философской точки зрения?»

Юдин ощутил, что не может постичь смысл сказанного.

Мао Цзэдун раздумчиво сказал: «Давайте я попытаюсь ответить, а вы дадите свое экспертное заключение.

Когда наш самолет стоял на аэродроме, он находился в состоянии утверждения. Когда он поднялся в воздух, это было отрицание. А его приземление будет отрицанием отрицания».

Юдин смог только закивать, выражая преклонение перед этой логикой. В уме он ясно понял, что то, что в это время и на этом фоне Мао Цзэдун заговорил об отрицании отрицания, это ни в коем случае не только чисто философский вопрос.

Думается, что менталитету Мао Цзэдуна было присуще желание представлять себя самого как якобы умнейшего из людей.

Мао Цзэдун любил «огорошить» человека неожиданным рассуждением, которое он наполнял неким якобы только ему понятным смыслом. На самом деле за всем этим стояла всегда практическая ситуация.

В данном случае Мао Цзэдун, вероятно, хотел довести до сведения собеседников в нашей стране свое желание, состоявшее в следующем: если Хрущев позволил себе отрицать Сталина, то, с точки зрения Мао Цзэдуна, в дальнейшем придется снова вернуться к признанию роли Сталина. Внедрению таких мыслей в умы зрителей фильма способствует и сопоставление «суровой» зимы в нашей Сибири и «теплой атмосферы», «весны», которую принес с собой Мао Цзэдун в кабину самолета, летевшего в Москву.

Судя по описанию, содержащемуся в архивных документах, церемонии приветствия, организованные советской сто-

роной в честь Мао Цзэдуна, начались с пограничного города Иркутска. Однако горячие чувства советских людей как будто бы оказались вовсе не достаточными для того, чтобы растопить то ощущение неудобства, которое Мао Цзэдун испытывал из-за холодной погоды.

Когда прибыли в Иркутск, Мао Цзэдун, ссылаясь на то, что там довольно холодно, не вышел из самолета и только в кабине самолета принял приветствия представителей встречавших.

Когда же в три часа дня самолет приземлился во Внуково, давно уже ожидавший его Хрущев встретил Мао Цзэдуна горячими объятиями. (На экране Мао Цзэдуна встречает и обнимается с ним не Н. С. Хрущев, а К. Е. Ворошилов.) Тут Мао Цзэдун как будто бы начал окунаться в теплые чувства советских людей и их уважение к нему.

Мао Цзэдун, с точки зрения авторов фильма, имел реальные основания ощущать неудобства из-за холодной политической погоды в двусторонних отношениях и потому настороженно относился к показной демонстрации горячих чувств. В то же время Хрущев нуждался в Мао Цзэдуне, это заставило Хрущева встретить его «горячими объятиями». Мао Цзэдун соизволил тогда «начать окунаться в теплые чувства советских людей и их уважение к нему».

Авторы фильма настойчиво внушают мысль о том, что после смерти Сталина наш народ и Хрущев нуждались в Мао Цзэдуне. Здесь присутствовала смесь подлинного уважения и выражения зависимости от его политической поддержки и идейного руководства.

Жун Чжи:

Когда он во второй раз прибыл в СССР, настроение у него было очень хорошим. Но в то время они ощущали, да и он сам ощущал, что теперь он был совершенно на равных с СССР. Поэтому он был этому чрезвычайно рад. Перед товарищами из посольства он выступил с речью, говоря чрезвычайно просто. Наши молодые товарищи из посольства тоже вели себя с ним совершенно запросто. Они садились рядом с ним на диван, располагались на полу и запросто беседовали.

Тут есть прозрачный намек на то, что тогда, когда Мао Цзэдун в первый раз приехал в Москву для встречи со Стали-

ным в 1949 году, настроение у него было плохим. Когда он приехал во второй раз в 1957 году, уже после исчезновения Сталина из жизни и с политической арены, все переменялось, и поэтому настроение у него было очень хорошим. Потому что он был «совершенно на равных с СССР».

В фильме большое место уделяется характеристике чувств и настроений Мао Цзэдуна. Это делается намеренно с тем, чтобы сильнее воздействовать на чувства зрителей фильма в КНР. Главная мысль авторов фильма в данном случае состоит во внушении этим зрителям того, что при жизни Сталина Мао Цзэдун, дескать, боролся за равноправие, а после смерти Сталина добился равноправия в наших отношениях.

Так трактуют вопрос о равноправии современные пропагандисты КПК. С нашей точки зрения, дело обстоит иначе. Наша сторона помогла созданию КПК, приходу ее к власти, созданию ею регулярных вооруженных сил и закладыванию основ промышленности в КНР, но никогда не вела себя неравноправно в отношении Китая и китайцев, в том числе в отношении Мао Цзэдуна.

Тезис о неравноправии создан пропагандой Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей с тем, чтобы намеренно обманывать людей в КНР, воспитывать их в духе вражды и ненависти к нашему народу и стране.

Мао Цзэдун во второй раз посетил Москву тогда, когда в КНР шел четвертый год первой пятилетки. Государство наливало силой. Об этом говорили и подарки, которые делегация КПК преподнесла советскому правительству.

Янь Минфу, в то время переводчик Мао Цзэдуна:

Первый пятилетний план уже был успешно выполнен. Было много грандиозных строек. Например, был заново создан Аньшаньский комбинат. И многое еще. Большой мост на реке Чанцзян. Перед поездкой он ознакомился с подарками, подготовленными протокольным управлением МИД, а также некоторыми товарищами из управления делами ЦК. Мао Цзэдун сказал: «Я съездил и посмотрел, покажите руководителям ЦК».

Помню, там было многое; некоторые макеты грандиозных строек первой пятилетки.

С точки зрения Мао Цзэдуна и его приверженцев, равновесие — это не только и даже не столько взаимное признание этого принципа на словах или в письменных заявлениях, в документах, скажем в договорах, обеими сторонами, сколько равное соотношение реальных, прежде всего военных, но и экономических сил тех или иных государств.

В фильме подчеркивается, что Мао Цзэдун в 1957 году приехал в СССР из государства, которое наливалось силой. Поэтому и в подарок, а точнее с тем, чтобы продемонстрировать свою силу, Мао Цзэдун привез в Москву макеты строек первой пятилетки.

Среди них упоминается первый на реке Янцзы мост в Ухане, построенный по новейшей тогда уникальной технологии, предложенной и осуществленной нашим инженером Силиным. Об этом в фильме ни слова. Нет в нем и упоминания о том, что первая пятилетка в КНР осуществлялась при тесном сотрудничестве с нами и при нашей помощи. Так что силой КНР наливали и усилия людей нашей страны, которые, кстати сказать, работали искренне, чем отличались от всех иных иностранных специалистов в прошлой и настоящей истории Китая.

А 8 лет тому назад, когда Мао Цзэдун в первый раз посетил СССР, он подарил Сталину сладкие мандарины из провинции Цзянси и лук из провинции Шаньдун, продукты, которыми славятся эти места. Теперь все было иначе, чем 8 лет тому назад.

8 лет тому назад, в декабре 1949 года, когда Мао Цзэдун в первый раз посетил СССР, он по своей инициативе и официально телеграфировал в Москву, высказав пожелание посетить Москву в связи с 70-летием Сталина.

И когда поезд, на котором он ехал, прибыл на московский вокзал, его встречал не Сталин, а заместитель председателя Совета Министров СССР Молотов и Маршал Советского Союза Булганин. Советская сторона поместила Мао Цзэдуна на даче Сталина в Цево (то есть в Кунцево). Руководители других государств жили на даче на Ленинских горах. Как будто бы этому давалось такое объяснение, что Сталин старательно сохранял дистанцию между собой и Мао Цзэдуном.

Дотошность на дотошности. Когда имеешь дело с современными пропагандистами из КПК, волей-неволей приходится вникать в детали, которые иные могут счесть неважными.

Однако в наших двусторонних отношениях, так уж они сложились, каждое лыко в строку.

В фильме подчеркивается, что восемь лет тому назад, в 1949 году, Мао Цзэдун мог привезти в подарок лишь дары местных промыслов, сладкие мандарины и лук.

Ну, что же. Можно вспомнить, что в 1949 году, когда Микоян побывал в гостях у Мао Цзэдуна, он привез ему в подарок отрез шерстяной материи. Такие были времена. Правда, когда Мао Цзэдун уезжал из нашей страны в 1950 году, ему и Чжоу Эньлаю были подарены легковые автомобили ЗИС.

Авторы фильма сопоставляют происходившее в 1949 году с тем, как это было в 1957 году.

В 1949 году, как они подчеркивают, Мао Цзэдуну, дескать, пришлось высказывать пожелание посетить Москву, а когда он приехал в Москву, то его встречал не Сталин, а всего лишь Молотов.

В 1957 году Хрущев просил Мао Цзэдуна приехать на совещание в Москву, а когда он прилетел, лично горячими объятиями встретил его на аэродроме.

Дело тут не в самих этих деталях, которым есть свои объяснения, а в намеренном внушении зрителям в КНР сегодня того, что наша сторона при Сталине, дескать, имела возможность ставить Мао Цзэдуна в неравное положение, а в 1957 году роли как бы переменились.

Авторы фильма вводят термин «дистанция» для характеристики отношений между Сталиным и Мао Цзэдуну. Они осуждают Сталина за то, что он якобы намеренно и старательно сохранял дистанцию между собой и Мао Цзэдуну. Основанием для этого у авторов фильма выступает тот факт, что кого-то из руководителей компартий поместили на Ленинских горах, а Мао Цзэдуна — всего лишь на даче в ЦЕВО (то есть в Кунцево; авторы не могут правильно написать это название). Зрители в Китае не знают, что это означало проявление особого уважительного отношения к Мао Цзэдуну. Авторы фильма играют на словах: других-то на ЛЕНИНские горы, а Мао Цзэдуна — в какое-то ЦЕВО. На самом деле это Мао Цзэдун позволил себе во время пребывания в Москве в 1949–1950 годах сказать Сталину, что у того, дескать, «калибр» поменьше, чем у Мао Цзэдуна, а затем и вообще не сдержал слово, данное Сталину по вопросу о совместном

выступлении с внешнеполитическим заявлением, осуждающим позицию Вашингтона.

В начале 1950 года СССР и КНР подписали «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи». И тогда фотограф поймал выражение лица Мао Цзэдуна. Хотя общение со старым и жестким политиком, Сталиным, и завершилось тем, что в Китай вернулись с «Договором между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи», но, судя по выражению лица Мао Цзэдуна (в момент подписания договора Вышинским и Чжоу Эньлаем), его настроение в это время как будто бы по-прежнему не было лучезарным.

Этот пропагандистский фильм номинально посвящен трактовке документов. На самом деле значительную часть фильма его авторы посвящают толкованию настроений Мао Цзэдуна. Зрители в КНР при этом должны полагать, что в этом отражались и чувства всего народа Китая, нации Китая.

Вот и здесь речь идет о том, что Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный 14 февраля 1950 года, оказался, с точки зрения Мао Цзэдуна, что отразилось в выражении его лица на фотографии, сделанной в момент подписания договора, неравноправным, поэтому и настроение Мао Цзэдуна «не было лучезарным». Пропаганда КПК внушает людям в КНР, что Мао Цзэдуну с трудом удалось, дескать, «вырвать кусок мяса из пасти тигра». Здесь не случайно говорится о том, что Мао Цзэдуну тогда пришлось общаться в Москве со «старым жестким политиком» — Сталиным. Сталин родился в 1879 году, а Мао Цзэдун в 1893 году; иными словами, они были практически людьми одного поколения.

Цзэн Цзымо:

В свое время Мао Цзэдун подытожил свое двухмесячное пребывание тогда в Москве как потерянное время, когда он день за днем только ел и спал.

В конце 1956 года на одном из заседаний Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, разъясняя это, также сказал: «На протяжении всей моей жизни я написал три статьи, воспевающие Сталина; честно говоря, я не хотел писать все три эти статьи. Один раз это было поздравление Сталину с его

юбилеем. Там я писал о Сталине как о вожде первого социалистического государства. Другие две статьи тоже писались не по желанию, а по необходимости».

Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи отвечал совпадавшим национальным интересам народов нашей страны и Китая. В договоре были закреплены такие двусторонние отношения между двумя государствами, что это было на протяжении ряда лет гарантией мира для каждой из них. Договор говорил о дружбе. И тогда дружба между народами действительно существовала. Наша сторона предложила дополнить первоначальное наименование проекта договора словами «взаимная помощь». Это было проявлением равноправия. Главное же было тут в том, что с нашей стороны народу Китая оказывалась искренняя помощь. Искренность нашей помощи проистекала из искреннего взгляда на тогдашний Китай как на нашего действительного военного союзника, как на братскую страну, с которой нас соединяла общая история борьбы против японской агрессии и за приход к власти в Китае сил, протестовавших против тогда неприемлемой для большинства китайского народа разложившейся власти партии Гоминьдан Китая.

Одним словом, это был договор, который действительно был равноправным, отражал подлинное равноправие в отношениях. Это был договор, который был необходим обоим народам.

В современной КНР пытаются вытравить из сознания народа значение этого договора. Более того, позволяют себе утверждать такую ложь, как то, что наша сторона якобы не хотела подписывать этот договор.

На самом деле это Мао Цзэдун тянул и две недели не соглашался начать обсуждение вопроса о договоре. Ведь далеко не случайно Мао Цзэдун в 1949 году приехал в Москву один, с ним не было государственных руководителей, которые профессионально занимались внешней политикой.

Мао Цзэдун с помощью такой уловки, как проявление своей капризности и показного взрывного характера, намеренно затягивал пребывание в Москве. Он стремился создавать у США и других государств впечатление о том, как будто бы у него были серьезные противоречия с нашей стороной. О том, что он

как будто бы чуть ли не попал под домашний арест в Москве. Цель Мао Цзэдуна состояла в том, чтобы дать понять, прежде всего США, что он практически не хотел бы вступать в союз со Сталиным, то есть что он отделяет и разделяет народы наших двух стран и намерен осуществлять противопоставленную нам внешнюю политику. А в то время, конечно, каждая из наших двух сторон осуществляла свою политику, но совпадение интересов обеих наций было превалярующим. В существенной степени именно благодаря этому совпадению и появилась Китайская Народная Республика. Отрицание этого факта было против интересов обоих наших народов.

В фильме говорится, что Мао Цзэдун внутри Китая последовательно внушал руководству КПК, затем всем членам партии, наконец, всему населению КНР, что тогда в Москве он, дескать, только ел, спал и испражнялся. (Для определенной категории политиков применение такой лексики является отражением их внутренней сути и низкой личной культуры.)

Главное же в данном пассаже — это полное отрицание какой-либо положительной роли политики Сталина (в данном случае как представителя нашего народа и нашей страны) в отношении Мао Цзэдуна и Китая. Мао Цзэдун утверждал, что все положительное, что он написал о Сталине, было вынужденным.

На самом деле Мао Цзэдун в своих выступлениях стремился представлять своим слушателям в КПК — КНР Сталина, то есть в данном случае наш народ и нашу страну, как объект борьбы «за независимость», хотя мы никоим образом эту независимость никогда не ущемляли. С нашей страной Мао Цзэдун хотел бы иметь дело только на основе той общности, называемой в данном случае социализмом, которая предполагала, что только социализм Мао Цзэдуна является настоящим социализмом, а наш народ и наша страна должны признать это и подчиняться Мао Цзэдуну как единственному вождю единственно правильного социализма в мире.

Когда Мао Цзэдун восемь лет спустя снова приехал в СССР, перед ним был уже не Сталин, который, как это ощущалось все время, хотел со стороны Мао Цзэдуна проявления уважения к его достоинству, а Хрущев, с несколько просветившейся в нем его неотесанностью в политическом плане.

И вне зависимости от того, идет ли речь о праве высказываться или о психологическом состоянии, Мао Цзэдун всегда владел инициативой, а советская сторона и во время праздничных мероприятий, и во время проведения международных совещаний проявляла особое внимание (предпочтение) по отношению к Мао Цзэдуну. Хрущев лично очень вежливо обращался с Мао Цзэдуном, в определенной степени проявлял и уважение, и подчиненность.

Например, все желающие выступить предварительно посылали записки.

Шэнь Чжисхуа:

Все выступавшие должны были предварительно посылать записки. Ведь это было международное совещание компартий. Там было много переводчиков и обслуживавшего персонала. Нужно было вашу речь перевести на русский язык. На всех совещаниях было так.

И только председатель Мао предварительно не предоставлял текст. И дело было не в том, что он не хотел давать текст предварительно, а в том, что у него просто не было письменного текста. Как только начиналось заседание, он выступал прямо с хода.

Авторы фильма специально говорят о личных качествах Сталина и Хрущева, с одной стороны, и Мао Цзэдуна, с другой стороны. При этом Сталина пытаются представить тем, кто якобы стремился как-то возвыситься над Мао Цзэдуном, а Хрущева как тем, кто якобы в политическом плане по сравнению с Мао Цзэдуном был неотесанным. На самом деле у китайских пропагандистов нет ни одного доказательства неуважительного отношения Сталина к Мао Цзэдуну. Здесь с нашей стороны соблюдалось полное равноправие и уважение.

На самом деле в политическом плане не Мао Цзэдун, а Хрущев начал критиковать Сталина, не Мао Цзэдун, а Хрущев начал говорить о том, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует, не Мао Цзэдун, а Хрущев согласился пойти на изменение условий договоров между нами о границе и определять границу по фарватеру судоходных рек, тем самым заложив нынешнюю основу определения прохождения всей линии границы между РФ и КНР. Таким образом, в политическом плане Мао Цзэдун никогда так и не смог срав-

ниться с Хрущевым в том, что касалось важнейших вопросов войны и мира, отношения к культу личности, наших двусторонних отношений.

В фильме говорится о том, что Мао Цзэдун пытался поставить всех остальных руководителей международного коммунистического движения в неравное с ним положение, присваивая только себе право выступать на их совместном совещании, заранее не предоставляя текста своего выступления. В этом также находила отражение бесцеремонная и неуважительная, даже оскорбительная манера обращения Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун обращался с людьми из разных стран как с членами одной политической партии, бесконтрольным вождем которой он себя выставлял и требовал признания исключительности его личности.

Председатель жил в очень большом царском дворце. Там все было устроено в соответствии с привычками председателя.

Хоу Бо, фотограф при Мао Цзэдуне:

Участвовавшие в Московском совещании представители 68 коммунистических и рабочих партий всего мира, включая вождя коммунистической партии Америки, жили все вместе на даче на Ленинских горах. Только Мао Цзэдун и его сопровождавшие жили в Кремле. Спальню царя специально переделали так, чтобы это соответствовало привычкам Мао Цзэдуна в быту. Это говорило о том, как высоко Хрущев ценил Мао Цзэдуна.

Во время совещания коммунистических и рабочих партий Мао Цзэдун однажды имел совершенно откровенную беседу с Хрущевым и другими важными руководителями КПСС. Во время этой беседы Мао Цзэдун сказал, что тогда, когда в прошлом говорилось о братских компартиях, то это было не больше, чем только слова, и только. Фактически же это были партия-отец и партия-сын, партия-кот и партия-мышь. Возможно, что это был первый случай, когда Мао Цзэдун прямо в лицо руководителям КПСС выразил свое недовольство Сталиным.

Во время первой встречи со Сталиным в 1949 году Мао Цзэдун сразу же сказал, что он тот, кто на протяжении длительного времени не имел возможности высказать то, что у

него накопилось. Сталин в ответ произнес: «Победителей не судят».

Таким образом, тогда обмен мнениями по вопросу об оценке отношений между двумя сторонами в истории состоялся. Мао Цзэдун попытался поставить Сталина в положение того, кто должен оправдываться, столкнувшись с проявлением партнером своих эмоций.

Сталин вернул обсуждение вопросов в реальное русло, констатируя, что Мао Цзэдун оказался победителем в своей стране. В то же время в высказывании Сталина был намек на то, что при желании можно и поговорить о том, каким путем шли к этой победе. Думается, что далеко не случайно Мао Цзэдун не стал продолжать тогда разговор на эту тему. Он понимал, что у нашей стороны есть много аргументов, на которые ему нечего возразить.

В 1957 году, после смерти Сталина, Мао Цзэдун попытался поставить Хрущева и все руководство СССР и КПСС в положение виноватого, того, кто должен согласиться с оценкой Мао Цзэдуном прежних отношений как, дескать, отношений отца и сына, kota и мышки.

Думается, что это, прежде всего, никоим образом не отвечает реальному положению вещей.

Наш народ и наша страна так много сделали для Мао Цзэдуна, для КПК, для народа Китая, что выставять на первый план свое представление о своих же личных обидах было недостойно, и для этого не было оснований. Это могло свидетельствовать о мелочности Мао Цзэдуна, о его желании навязать свою волю нашему народу и нашей стране.

У каждой стороны есть свое представление об истории. В то же время есть объективные факты, которые неопровержимо говорят о том, что наша сторона всегда помогала КПК, поддерживала ее, внесла свой вклад в дело победы КПК и в дело строительства в Китае.

Нужно сказать, что Мао Цзэдун заявил это тогда, когда наша страна, сама еще не оправившаяся от последствий Великой Отечественной войны, искренне, всем, чем могла, помогала КПК и КНР.

Главное же тут в том, что современные пропагандисты КПК вводят в сознание современных поколений китайцев мысль о том, что в истории наш народ и наша страна якобы

просто играли с китайцами, как кот с мышью, просто вели себя как отец с сыном, в то время как Китай никогда и никому не позволит так обращаться с собой и никому не простит такого обращения с собой. Этот пассаж в разъяснениях авторов фильма направлен на разжигание сегодня исторической вражды и ненависти к нам в Китае.

Когда Мао Цзэдун во второй раз посетил СССР, и в его высказываниях, и в его поведении в полной мере нашел отражение тот объективный факт, что в международном коммунистическом движении КПК уже могла выступать на равных с КПСС.

Жун Чжи:

В своем выступлении перед студентами он сказал, что на сей раз мой приезд не таков, как в прошлый раз. В прошлый раз я приезжал в качестве сына. На сей раз не то. На сей раз мы равноправны.

В 1989 году во время встречи с Горбачевым Дэн Сяопин говорил о том, что наша сторона якобы неравноправно относилась к Китаю. Горбачев ничего не сказал в этой связи. Дело было, конечно, не в том, что Горбачеву, как представителю нашей стороны, нечего было возразить. А в том, что Горбачев решил тогда, что главное — добиться совместного объявления о нормализации отношений. Для того чтобы добиться этого, Горбачев пошел на выполнение неравноправных условий, выдвинутых Дэн Сяопином: вывод советских войск из Монголии, сокращение советских войск и вооружений на границе СССР и КНР, содействие выводу войск Вьетнама из Камбоджи. Горбачев был согласен во время встречи с Дэн Сяопином в 1989 году молча терпеть любые высказывания Дэн Сяопина без возражений, чтобы не сорвать объявление о нормализации отношений. Не случайно перед этой встречей Горбачев предупредил людей, которые сопровождали его с нашей стороны, о том, что к Дэн Сяопину, к китайцам нужно относиться как к старшим, так как они это любят.

Дэн Сяопин предупредил сопровождавших его с китайской стороны людей о том, что не должно обниматься с русскими.

Дэн Сяопин воспользовался этой ситуацией и изложил целый ряд необоснованных обвинений в наш адрес. Главным

среди них было обвинение нашей стороны в неравноправном отношении к китайцам, к Китаю в истории, вплоть до 1989 года.

Дэн Сяопин при этом действовал как приверженец и последователь Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун относился к нашему народу и нашей стране с враждой и ненавистью. Это были иррациональные вражда и ненависть.

На уровне эмоций речь шла о том, что мы якобы оскорбили национальные чувства китайцев.

Затем Мао Цзэдун углубил эту вражду и ненависть, начав говорить о ней как об исторической вражде и ненависти. Мао Цзэдун в 1963 году ввел в обращение в своей пропаганде обвинение нашей стороны в том, что она якобы навязала Китаю неравноправные договоры о границе.

Вплоть до настоящего времени необоснованные тезисы о неравноправии и в межпартийных отношениях, и в отношениях в истории между нашими двумя нациями представляют собой краеугольный камень фундамента трактовки отношения к нам КПК.

Судя по содержанию современной пропаганды КПК, тезис о неравноправии сегодня один из главных в работе с населением КНР.

На самом деле наша сторона никогда не относилась неравноправно к Китаю и китайцам. Наоборот, это Мао Цзэдун начал навязывать нам неравноправие в наших отношениях.

На сей раз при посещении СССР Мао Цзэдун специально приехал в МГУ, где встретился с четырьмя тысячами китайских студентов, учившихся в СССР. Это произошло во второй половине дня 17 ноября 1957 года.

Хоу Бо:

Студенты заранее собрались в актовом зале МГУ на Ленинских горах. Там были еще и некоторые иностранцы. Зал был набит битком. Несколько тысяч человек. Одни черноволосые головы.

Жун Чжи:

Студенты были в чрезвычайно приподнятом настроении. Все они очень и очень тепло относились к Мао Цзэдуну. При встрече с ним они вели себя так, как будто бы встретились

с родным дедушкой, вели себя запросто. Они и высказывались запросто.

Мао Цзэдун сказал: «Я считаю, что в развитии международной обстановки мы подошли к новому поворотному пункту. Я считаю, что особенность нынешней международной обстановки состоит в следующем: ветер Востока подавляет ветер Запада, иными словами, это именно и означает, что сила социализма заняла преимущественное, подавляющее положение по отношению к силе империализма».

Это и есть то знаменитое рассуждение о том, что ветер Востока подавляет ветер Запада.

Жун Чжи:

Ветер Востока подавляет ветер Запада. На официальном заседании, говоря об обстановке, он, конечно же, не мог этого сказать.

Он говорил: «Ведь вы же знаете о том, что если ветер Востока не подавит ветер Запада, то это именно и будет означать то, что ветер Запада подавит ветер Востока. Вы ведь знаете, кто это сказал?»

Студенты, конечно же, этого не знали. Они не могли ничего сказать в ответ.

Тогда он засмеялся и сказал: «Это же сказала Линь Дайюй» (героиня романа «Сон в Красном тереме»).

В конце Мао Цзэдун, преисполненный энтузиазма, сказал студентам: «Мир (планета Земля) ваш, но также и наш. А если дойти до самой сути, то он ваш. Вы, молодые люди, преисполнены сил; вы как раз находитесь в периоде расцвета; вы подобны солнцу, каким оно бывает в 8–9 часов утра. Надежда возлагается на вас».

С этого момента времени солнце, каким оно бывает в 8–9 часов утра, стало синонимом молодости, молодежи, молодых людей.

А это изречение Мао Цзэдуна, наполненное романтизмом, также из года в год, из поколения в поколение декламируется с энтузиазмом молодежью Китая.

Мао Цзэдун выражался цветисто. Это тот метод, когда себе оставляют возможность разного толкования сказанного при любом повороте событий.

Если же говорить о сути того, что тогда происходило, то, с точки зрения Мао Цзэдуна, в 1957 году он решил совершить поворот в наших двусторонних отношениях. Попутно отметим, что это случилось тогда, когда наша сторона согласилась предоставить ему технологию производства атомной бомбы; больше с нас взять тогда было нечего.

Поворот в представлении Мао Цзэдуна состоял в том, что после того, как КПК пришла к власти в Китае, была создана КНР, после того, как она начала «наливаться силой», настало время навязывать всему миру, постепенно, последовательно и в зависимости от обстоятельств, волю Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей. Это относилось и к нашему народу и к нашей стране. Мао Цзэдун решил, что настало время начать подчинять нас.

Обращаясь к молодым китайцам, которые учились в нашей стране, которым мы искренне передавали все свои знания, хотели помочь им и их стране, Мао Цзэдун воззвал к чувству национальной гордости, национального достоинства и, если хотите, национальной спеси. Он сказал, что мир принадлежит им.

При этом он призвал их руководствоваться принципом: если ветер с Востока не подавит ветер с Запада, то ветер с Запада подавит ветер с Востока. Это означало, что на мировой арене, в том числе и применительно к нашей стране, необходимо вести бескомпромиссную борьбу, исходя из того, что если Мао Цзэдуну, его приверженцам и последователям не удастся навязать свою волю остальному миру, то остальной мир навяжет свою волю Китаю и китайцам.

Весьма характерным представляется признание сотрудника посольства КНР, который тогда работал в нашей стране: Мао Цзэдун не мог открыто сказать об этом на всемирном совещании коммунистических и рабочих партий. Однако под его высказываниями там лежала такая основа, как именно эти соображения. Мао Цзэдун имел в виду, что все участники этого совещания должны были признать главенство его самого и его партии и следовать за ним по пути, который он указывал. Здесь можно отметить, что прежде всего остального Мао Цзэдун решил внушать все эти представления о состоянии дел в мире населению Китая.

Схватка.

*Рассекреченные дипломатические архивы
(1956–1960 гг.)*

По сути — не архивы, а использование объявления об их рассекречивании в целях пропаганды на «китайский мир» трактовки истории наших двусторонних отношений нынешним руководством КПК. При этом кроме архивов привлечены еще живые очевидцы событий, которым дают трибуну для высказываний в пользу той же трактовки событий.

Цзэн Цзымо:

Второй визит Мао Цзэдуна в СССР впервые в истории побудил руководителей коммунистических и рабочих партий всех государств мира сесть вместе за один стол.

Мао Цзэдун в одно и то же время и оказывал соответствующую поддержку Хрущеву, и определенно критиковал его. Все это привело к приобретению Новым Китаем высокого авторитета в лагере социализма.

После 19 дней и ночей работы ЦК КПСС 20 ноября 1957 года устроил грандиозный прощальный прием.

Предлагая тост на этом приеме, Мао Цзэдун поблагодарил ЦК КПСС и правительство СССР за приглашение. Поблагодарил за нынешнее богатое угощение. В конце своей речи он обратился к руководителям партий всех государств и поведал им стишок, который широко распространен среди народа в Китае:

*Глиняные Будды, оба два,
разбились в одночасье.
Из этой глины потом
снова слепили двоих.
И оказалось, что во мне есть ты,
а в тебе есть я.*

Во взаимоотношениях Китая и СССР получилось так, что в тебе есть что-то от меня, а во мне есть что-то от тебя. Ключ тут в том, что мы оба должны вместе справляться с ситуацией, когда по нам будут наносить удары.

На Международном совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 году Мао Цзэдун говорил о том, что не сле-

дует бояться мировой термоядерной войны, потому что хотя она и может унести сотни миллионов жизней, но принесет победу во всемирных масштабах над капитализмом. Руководители партий, с одной стороны, с уважением относились к Коммунистической партии Китая, с другой стороны, не были согласны с такими взглядами на мировую войну. Таким образом, явление Мао Цзэдуна на сей раз обернулось провалом. Мао Цзэдун в следующий раз, то есть в 1960 году, уклонился от участия в таком совещании.

На прощание Мао Цзэдун рассказал в Москве стишок. Можно предположить, что он хотел сказать, что со смертью Сталина и его и наша страны стали иными, что в нашей стране придется учитывать его мнение, что столкновения на мировой арене неизбежны. В такой форме он выразил свои мысли.

В другом пропагандистском фильме, посвященном пребыванию в СССР китайских студентов, можно встретить несколько иное толкование этого стишка. Там речь идет о том, что в социалистических странах есть немного таких, которые являются сторонниками капитализма, а в капиталистических странах очень много людей — это сторонники социализма.

Манера выражать свои мысли на всякий случай так, чтобы в дальнейшем в зависимости от обстоятельств можно было бы повернуть значение своих слов и так, и этак, была присуща Мао Цзэдуну. Вряд ли это большое достоинство.

В следующей серии мы вернемся в 1956 год. В 1956 году в двух социалистических государствах, в Польше и в Венгрии, у народных масс возникли политические жалобы и требования, и из-за этого и возникли два социальных кризиса.

Именно эти два социальных кризиса нанесли те удары, в результате которых была разбита (прежняя) ситуация в лагере социализма. Это привело к тому, что молодая КПК проявила свои таланты.

Итак, авторы фильма сначала обратились к визиту Мао Цзэдуна в нашу страну в 1957 году. Это представлялось им необходимым, чтобы сделать упор на пропаганде мысли о том, что тогда, дескать, произошел поворот в ситуации, и Мао Цзэдун оказался в роли «благодетеля» и «критика» Хрущева.

Далее в фильме трактуются события в Польше и в Венгрии в 1956 году.

(Распорядитель: Цзэн Цзымо. Отбор текстов: Лю Цзюнь-вэй. Редактор: Ли Цзяньэнь.)

Схватка.

*Рассекреченные дипломатические архивы
(1956–1960 гг.)*

Цзэн Цзымо:

На сей раз рассекречены главным образом дипломатические архивы 1956–1960 годов.

Из архивов 1956 года можно увидеть следующее.

В секретном докладе Хрущева на XX съезде партии содержалась критика Сталина. Этот доклад вызвал в лагере социализма кратковременное затмение веры. И именно по этой причине в лагере социализма в ситуации «холодной войны» и произошли два упомянутых события. Одно имело место в Польше, другое — в Венгрии. И хотя события в Польше и в Венгрии в обоих случаях произошли после появления секретного доклада Хрущева, который и произвел эффект домино, однако методы, с которыми подошли к этим событиям в лагере социализма, оказались диаметрально противоположными. Судьбы двух упомянутых государств после этих событий также сложились не одинаково.

Какие же события изменили ход истории?

Эти два события не имели непосредственного отношения к Китаю, однако, начиная именно с этих двух событий, правительство Китая вышло из тени Сталина. Терпеливо и гибко стало принимать участие в том, что происходило во взаимоотношениях между братскими партиями, и стало самым эффективным медиатором, то есть тем, кто регулирует отношения между СССР и другими коммунистическими государствами.

После смерти Сталина обстановка во взаимоотношениях КПСС и КПК изменилась. Исчез вождь, которого формально все признавали высшим авторитетом в социалистическом лагере.

Объективно возникла ситуация для развития отношений на новой основе. Хрущев, как и Сталин, ничего не навязывал китайским партнерам. Хрущев проявлял готовность учитывать мнение Мао Цзэдуна практически по всем вопросам, по кото-

рым тот считал нужным высказываться. В то же время СССР и КПСС объективно продолжали выступать в известной степени защитником интересов КНР на мировой арене. КПК была приглашена КПСС принять участие в разрешении вопросов, которые возникли в Польше и в Венгрии.

Это для КПК оказалось далеко не простым занятием. Нет никаких оснований считать, что Мао Цзэдун стал медиатором, то есть тем, кто регулировал отношения между КПСС и коммунистическими партиями в государствах Восточной Европы.

События в Польше и в Венгрии не были «кратковременным затмением веры». А были стремлением людей освободиться от режимов, которые там существовали и сохранения которых хотели и Хрущев, и Мао Цзэдун, но более всего Мао Цзэдун.

7 декабря 1956 года из Польши пришло приглашение. С соответствующим письмом ознакомились Чжан Вэньтянь и Чэнь Юнь. Затем письмо было передано в руки Мао Цзэдуна. Письмо было написано в то время председателем Государственного совета ПНР Завадским и первым секретарем ПОРП Гомулкой. Датировано 29 ноября 1956 года. В этом письме руководители Польши со всей искренностью писали: «Мы надеемся, товарищ Председатель, что Ваше обещание посетить Польшу очень скоро воплотится в действительность. Народ нашей страны сможет с радостью приветствовать Вас в нашей стране».

Новый Китай очень рано установил дипломатические отношения с Польшей. Однако до получения этого письма контакты между сторонами не были многочисленными.

Китайские руководители получили приглашение из ПНР. Оно было адресовано Мао Цзэдуну. Очевидно, что некоторые члены руководства КПК считали, что такой визит мог состояться. Однако Мао Цзэдун, не имея опыта общения с лидерами коммунистических партий, стал раздумывать над создавшейся ситуацией.

Польша с 1795 года на протяжении полувека была включена в состав России. Русские всегда господствовали в этой стране. Особенно во времена Сталина выборы в Польше каждый раз более или менее явно проходили под влиянием советских руководителей.

Подумать Мао Цзэдуна было над чем. Если принимать во внимание факты, а не их пропагандистскую трактовку нынешними китайскими идеологами в этом фильме, то необходимо сказать, что взаимоотношения России и Польши отличаются большой сложностью. Это «извечный спор славян между собою». Польское государство было образовано в X веке. В 1569 году по Люблинской унии Польша образовала с Великим княжеством Литовским государство Речь Посполитую. В начале XVII века имела место польская и шведская интервенция с запада в Русское государство. Москва некоторое время находилась во власти польских войск. Интервенция окончилась провалом. Далее имели место три раздела Польши — 1772, 1793 и 1795 годов — между Пруссией, Австрией и Россией. В 1920-х гг. и в конце 1930-х гг. имели место трагические события, судить о которых имеют право в первую очередь только народы России и Польши. В 1945 году территория Польши полностью освобождена частями Советской армии и Войска польского. По решению Берлинской конференции в 1945 году была установлена, в частности, учитывающая польские интересы граница Польши с Германией. Между русской и польской культурами существуют тесные связи. Поляки гордятся тем, что Польша — единственная из стран Восточной Европы, которая во время Великой Отечественной войны воевала на стороне СССР, а не на стороне Гитлера. Эта война в известном смысле была общей войной России (СССР) и Польши за победу над гитлеризмом и освобождение своих народов от гитлеровской оккупации.

Одним словом, взаимоотношения России и Польши сложны, разбираться в них могут в первую очередь только сами заинтересованные стороны. Вряд ли они нуждаются во вмешательстве извне.

Учитывая все это, можно сказать, что у Мао Цзэдуна существовало относительно неглубокое и однобокое представление об отношениях России и Польши.

Ван Янь, в свое время студент в Венгрии (вероятно, не в Венгрии, а в Польше):

В армии Польши было очень много советских офицеров, которые выступали в качестве советников или в ином качестве. Хотя они занимали должности в армии Польши и носили

польскую военную форму, но при первом же взгляде на них было ясно, что это советские офицеры. Их поведение отличалось от поведения польских офицеров. В польской армии младший по званию всегда приветствовал старшего по званию. Вне зависимости от того, был это взводный или ротный командир. Тот, кто был ниже по званию, встречаясь со старшим по званию, отдавал ему честь. Старший по званию в свою очередь отдавал честь, даже если он был генералом. Если солдат отдавал генералу честь, то он (то есть генерал) мог идти дальше, только отдав честь рядовому в ответ.

А эти офицеры в ответ не отдавали честь. Рядовой отдавал им честь, а они продолжали идти большими шагами, не останавливаясь и не отдавая честь в ответ.

Мао Цзэдуну, очевидно, хотелось использовать сложные взаимоотношения исторического характера между Россией и Польшей с тем, чтобы поощрять антироссийские настроения в Польше. Ему было бы желательно также поддерживать неприятие Сталина и его политики в Польше. В то же время Мао Цзэдун хотел бы сохранения в ПНР того же режима, той же системы власти, которая имела место и в КНР, и в СССР.

Принять решение о поездке в Польшу было сложно для Мао Цзэдуна. Ведь это, помимо всего прочего, потянуло бы за собой необходимость решать вопрос о поездках в другие государства Восточной Европы, а также как-то объясняться с Москвой. Все это было не просто для Мао Цзэдуна. Приходилось учитывать реалии наших двусторонних отношений и нужду в нашей всесторонней помощи.

В феврале 1956 года на XX съезде КПСС Хрущев выступил с секретным докладом «О культе личности и его последствиях», прямо сбросил Сталина со священного алтаря и даже отправил его в ад. Этот акт поднял громадную волну в лагере социализма. Во всех странах одно за другим возникли движения тех, кто был против Сталина. Особенно в Польше, которая все время находилась под строгим контролем СССР. Там тем более народ поднял свой голос.

В первой декаде июня 1956 года рабочие автозавода имени Сталина в Познани потребовали увеличения зарплат и снижения налогов. Не получив положительного ответа от правительства, рабочие сформировали делегацию и отправили ее

в Варшаву, чтобы выразить свои требования. По пути к делегации присоединялось все больше и больше людей. 28 июня 16 тысяч рабочих бросили работу и направились в центр города на демонстрацию. В конечном счете правительство Польши применило винтовки, орудия, танки и уредило то, что считало бунтом. В результате 54 человека были убиты, более 200 ранены, более 300 арестованы.

На следующий день председатель правительства Польши выступил с жесткой речью. Сразу же вслед за этим правительство СССР, против всяких ожиданий, назвало этот внутренний социальный кризис в Польше антинародным событием, спровоцированным агентами империализма. Эта формулировка вызвала реакцию польских властей и польского общества. Они решились воспылать ненавистью, но не решились подать голос.

Ван Янь:

Познаньские события начались с одного тракторного завода имени Сталина. Я во все большей степени понимал это как чисто экономический вопрос. Однако, поскольку в своем развитии это превратилось в такой кровопролитный инцидент, в официальной пропаганде этому событию приклеили ярлык события под воздействием Запада. Такое утверждение было легко воспринять. Ведь в Польшу приезжало много людей с Запада. Разве у поляков не было много контактов с Западом? Этим доводом убеждать людей было легко.

Китайские пропагандисты, следуя за Мао Цзэдуном, и сегодня предлагают смотреть на ситуацию того времени в Польше с разных точек зрения.

Они радуются выступлениям в Польше против Сталина и СССР.

Они признают, что рабочие возмутились низкой заработной платой и поднялись на забастовку против властей Польши.

Они осуждают применение правительством ПНР оружия против забастовщиков.

Им не нравится утверждение в СССР и в ПНР о том, что это событие было направлено против народа и возникло под воздействием агентов западного империализма.

Таким образом, получается, что Мао Цзэдун всегда стремился сочувствовать отдалению стран Восточной Европы от

России (СССР), сочувствовать неприятию Сталина в этих государствах. Здесь Мао Цзэдун даже хотел бы нащупывать нечто общее с позицией государств Западной Европы и США.

Иными словами, с его точки зрения, чем хуже для СССР складывалась ситуация в ПНР, да и вообще в государствах Восточной Европы, тем лучше.

Однако Мао Цзэдун мог выражать некое сочувствие бастовавшим польским рабочим, мог осуждать применение войск против бастовавших в Польше, но не мог допустить ничего подобного в КНР. Он был заинтересован в сохранении своего положения у власти, а это было неотъемлемо от сохранения политического режима, существовавшего тогда в КНР, в СССР, в ПНР.

Люди в СССР чрезвычайно внимательно следили за событиями в Познани. Конечно, у них были свои соображения. Однако в это время былой престиж СССР уже был развеян в пух и прах, да и Хрущев не был Сталиным.

Сформировавшийся в эпоху Сталина подобный железной бочке лагерь социализма уже дал трещины. Внутри этого лагеря усиливались центробежные тенденции, а Хрущеву недоставало сил для того, чтобы упорядочить и сплотить лагерь социализма.

Современные пропагандисты КПК скрытно проводят здесь мысль о том, что Мао Цзэдун, КПК и КНР были вне «лагеря социализма», вне «железной бочки», которая «дала трещины». Заботы Хрущева Мао Цзэдун хотел бы не считать своими заботами. Мао Цзэдун не выступал со всей принципиальностью и решительностью против «центробежных тенденций» внутри упомянутой «бочки», или «лагеря». Он радовался этим процессам. И в то же время объективно он в известной степени был внутри того, от чего хотел бы отмежеваться. Собственно говоря, тогда процесс отъединения Мао Цзэдуна от «лагеря социализма» и от «холодной войны» между этим «лагерем» и «лагерем империализма» только начинал развиваться. Хотя направление курса Мао Цзэдуна довольно явственно определялось и проявлялось.

События развивались очень быстро. И очень быстро отклонились от колеи, определенной советским правительством.

В Польше фракция реформаторов получала все большую политическую поддержку.

Ее представителем был Гомулка. Это был коммунист, которого в 1949 году объявили правым уклонистом и националистом и в результате манипуляций СССР исключили из партии. В 1951 году вместе с женой бросили в тюрьму.

Именно в это время он вернулся на политическую сцену.

12 октября 1956 года Политбюро ЦК ПОРП под председательством Гомулки приняло решение через неделю созвать 2-й пленум ЦК ПОРП.

Появившийся под приветствия масс польского народа Гомулка был избран на пленуме первым секретарем ЦК ПОРП.

Министр обороны Польши, гражданин СССР Рокоссовский и часть фракции консерваторов внутри ПОРП были выведены из состава Политбюро ПОРП.

На сей раз находившийся далеко в Москве Хрущев не усидел на месте.

Современные китайские пропагандисты с явным сочувствием рисуют фигуру Гомулки. Однако дело тут, скорее всего, не в истинном сочувствии Гомулке и польским «реформаторам», как их именуют в фильме. Дело в том, чтобы лишний раз напомнить и внушить зрителям в КНР о том, что не один Мао Цзэдун, а вот и Гомулка был в глазах Сталина, КПСС, СССР правым уклонистом и националистом, и его за это исключили из партии и бросили в тюрьму в Польше, но в результате «манипуляций СССР». Тут для приверженцев Мао Цзэдуна важно постоянно подчеркивать, что и в Польше ненавидели СССР и Сталина за их «манипуляции».

Антисоветские или, по сути дела, антироссийские настроения Мао Цзэдуна и пропагандистов его взглядов тут же прорываются еще раз при упоминании о том, что из состава Политбюро ЦК ПОРП был выведен «гражданин СССР» Рокоссовский. Тут дело, скорее всего, не в Польше, а это еще один намек на правоту Мао Цзэдуна, который в тяжелые для нашей страны годы Великой Отечественной войны осуществил «чистку» КПК от тех, кто считал необходимым выступать в тех вопросах, где интересы наших обеих наций совпадали, вместе с нашей страной и нашим народом.

Шэнь Чжихуа:

Первоначально открытие съезда было назначено на 19 октября. 18 октября Хрущев уведомил о том, что он хочет прие-

хоть. Рано утром 19 октября в шесть часов с минутами советский самолет появился в варшавском небе. Хрущев и большая группа, включая какого-то главнокомандующего войсками Варшавского договора, начальника генштаба, министра обороны, Молотова и других, целая делегация, сидели в самолете. Когда они прилетели, поляки об этом не знали, поэтому не разрешили самолету приземлиться, а Хрущеву сойти с самолета.

Цзэн Цзымо:

Покрутившись в небе более часа и не имея в это время возможности приземлиться, Хрущев, наконец, в 7 часов утра, пылая гневом, спустился с небес.

На глазах у встречавшей его делегации ПОРП Хрущев сначала направился к выступившим вперед, встречая его, генералам и маршалу войск, расквартированных в Польше. А затем указал средним пальцем на первого секретаря ЦК ПОРП Охаба, которого вот-вот должны были сместить с его поста, сделав неприличный жест.

После короткой дискуссии советские представители потребовали, чтобы 2-й пленум ЦК ПОРП был продолжен. Гомулка отказался выполнить их требование. Хрущев тогда потребовал, чтобы его делегацию доставили прямо на место 8-го пленума ЦК ПОРП (возможно: съезда ПОРП). Гомулка еще раз отказал Хрущеву.

В описании авторов фильма на первый план выходит осуждение лично Хрущева, его поведения в те дни.

Суть событий была в том, что люди в Польше требовали существенных перемен общественного строя. Это было сопряжено с накопившимся историческим недовольством и СССР, и Сталиным.

Хрущев пытался сохранить «лагерь социализма», ПНР как часть этого лагеря. Здесь и Мао Цзэдун был на стороне Хрущева. Но об этом в фильме не говорится.

Оба они, Хрущев и Мао Цзэдун, тогда столкнулись с волей народа Польши, который не желал терпеть режим, установленный коммунистическими партиями.

Авторы фильма стремятся целиком защищать позицию Мао Цзэдуна и в то же время осуждать Хрущева.

Из этого видно, что главное для современных пропагандистов КПК — это внушение зрителям фильма в КНР мысли о

якобы естественности противопоставления двух наших наций — России и Китая.

С этим никак нельзя согласиться. Вопросы политического характера, вопрос о режиме или о политическом строе, вопрос о Хрущеве и Мао Цзэдуна — это частные и временные вопросы, а вопрос о совпадении интересов двух наций — России и Китая — это вечный и кардинальный вопрос. Это то, что соединяет наши нации. И это главное в наших отношениях.

Схватка

Во время следовавших вслед за этим советско-польских переговоров атмосфера была по-прежнему накалена. Хрущев, выступая во всеоружии, попытался оказать воздействие на организационную и политическую линию пленума ЦК ПОРП. С другой стороны, двинул три колонны танковых войск в направлении Варшавы. А в это время польские студенты и рабочие, узнав о вмешательстве СССР во внутренние дела Польши, по своей инициативе собрались у места переговоров руководителей двух государств, то есть у дворца Бельведер. Громким голосом они поддерживали Гомулку и правительство Польши.

Оказавшись перед лицом взрыва эмоций народных масс Польши, Хрущев пошел на компромисс. Он временно остановил продвижение войск к Варшаве. Затем заявил, что если Польша выйдет из лагеря социалистических государств, СССР определенно вмешается. Гомулка сказал ему, что Польша нуждается в дружбе СССР в еще большей степени, чем СССР нуждается в дружбе со стороны Польши.

В это время Хрущев начал осознавать, что действия ПОРП хотя и не удовлетворяли его, но вовсе не были попыткой освободиться от СССР.

20 октября Хрущев со своей делегацией отбыл из Польши.

Авторы фильма пытаются сосредоточить внимание зрителей на том, что во время событий в Польше Хрущев якобы попал в безвыходное положение. Причем в безвыходное положение внутри «лагеря социализма», где он, дескать, не мог обойтись без помощи со стороны Мао Цзэдуна.

На самом деле, прежде всего в Польше, люди в конечном счете сами решали свои дела. Да, они не могли тогда выйти из

Варшавского договора, не могли стать совершенно самостоятельными от КПСС и СССР, но в то же время они сами без какой-либо посторонней помощи, без вмешательства каких-либо внешних сил добились определенной автономности и определенной степени свободы от контроля и со стороны СССР, и, в общем-то, и со стороны всего «лагеря социализма», между прочим, включая и КНР.

Если вернуться к тому, о чем говорилось ранее, а именно к приглашению посетить Польшу, которое было направлено Мао Цзэдуна (уже после описываемых событий), то это и было свидетельством того, что Польша хотела добиваться большей и возможной в условиях того времени самостоятельности в действиях каждого государства внутри «лагеря социализма». При этом Польша в какой-то степени рассчитывала на настраивания и поддержку со стороны Мао Цзэдуна. А тот факт, что Мао Цзэдун не поехал в Польшу, говорил о том, что он ставил сохранение политического строя в государствах внутри «лагеря социализма» на первое место по сравнению со своим желанием открыто выступать против нашей страны и нашего народа и поддерживать любые выступления такого рода, в частности в Польше.

Объективно в те дни Польша побудила Хрущева сделать такие шаги во взаимоотношениях между социалистическими государствами, которые означали допущение определенной свободы действий для этих государств при сохранении их военного союза.

Хрущев пошел на этот компромисс, самостоятельно приняв решение и учитывая ситуацию и в СССР, и в Польше, и в других государствах Восточной Европы.

Что же касается Мао Цзэдуна, КПК, КНР, то Хрущев также руководствовался необходимостью по-новому, еще более равноправно, по существу, строить отношения с ними, счел необходимым обмениваться мнениями с ними и привлекать их к участию в развитии событий в той степени, в какой они сами были согласны это делать.

Все как будто бы уже ушло в прошлое, и в то же время все как будто бы еще и не начиналось.

В прошлом осталась та история, когда СССР абсолютно господствовал в Польше.

А еще и не начиналось то, что Хрущев, если он хотел продолжать оставаться советским вождем других социалистических государств, в лагере социализма, должен был искать такие новые отношения, которые бы благоприятствовали сплочению и продвижению вперед.

И именно в это время он и подумал о Китае. Впоследствии Хрущев много раз говорил, что в то время им был очень необходим голос Китая. Он не только нуждался в том, чтобы знать, какова позиция Китая в отношении данных событий, он нуждался также и в том, чтобы правительство Китая урегулировало взаимоотношения между СССР и правительством Польши.

Правительство Китая всегда уделяло в полной мере внимание обстановке в Польше.

Получив письмо с просьбой КПСС о том, чтобы КПК приняла участие в переговорах двух государств, Польши и СССР, с тем чтобы посоветоваться по вопросу о направлении войск в Польшу в соответствии с Варшавским договором, Мао Цзэдун немедленно созвал заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. После этого заседания Мао Цзэдун вызвал к себе в спальню посла СССР в Китае Юдина и, будучи в пижаме, там же объявил: если вы введете войска в Польшу, мы поддержим Польшу в ее выступлении против вас; а также публично заявим о том, что мы против вашего вооруженного вмешательства в дела Польши.

Современные пропагандисты КПК делают упор на последовательном внушении своим зрителям в КНР мысли о неотвратимости процесса выхода из-под контроля или господства России (Сталина, КПСС, СССР, Хрущева и т. д.) государств «социалистического лагеря», а в дальнейшем и нынешних самостоятельных государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Здесь, с их точки зрения, на первый план вышли именно взаимоотношения между нациями, а не внутри «социалистического сообщества».

Не случайно в данном случае Мао Цзэдун говорил о вводе войск СССР в Польшу. Это означало, что для него тогда главное было в том, чтобы в как можно большей степени ослабить влияние и присутствие России в Польше.

Внушать зрителям в Китае, что исторически события складываются таким образом, что наша страна остается во все

большей степени без союзников, — вот задача, которую ставят перед собой авторы фильма.

23 октября 1956 года по приглашению Хрущева делегация КПК прибыла в Москву для участия в обсуждении вопроса об урегулировании отношений между СССР и Польшей.

Первоначально в КПСС было решено на следующий день в 11 часов утра в полном составе встретиться с китайцами.

Однако, не дожидаясь коллективной встречи, Хрущев рано утром сам приехал на аэродром и ждал.

Как только Лю Шаоци и Дэн Сяопин сели в машину, Хрущев завел свой граммофон. На протяжении всего пути он жаловался делегации Китая, говоря, что СССР терпит разного рода обиды во взаимоотношениях с Польшей, и заявлял, что он нуждается в поддержке китайцев.

Лю Шаоци со всей прямотой указал на то, что корень польских событий — великодержавный шовинизм СССР.

Вероятно, что в это время Хрущев действительно постепенно стал ощущать, что авторитет СССР в качестве крупного государства — вождя социализма — снижается и в то же время польская партия и польское общество повсеместно проявляют добрые и горячие чувства к Китаю.

Авторы фильма в одно и то же время говорят о фактах и придают их толкованию такую окраску, что это иной раз перекручивает сами эти факты.

Ведь, по сути дела, Хрущев уже не только пошел на компромисс с новыми руководителями ПОРП, но и фактически принял решение о неприменении вооруженных сил в Польше в целях сохранения ранее существовавшего положения. Таким образом, Хрущев и Гомулка решили вопрос, возникший в Польше.

Далее, Хрущев предпринял важный шаг. Он пригласил делегацию КПК для обмена мнениями относительно новой ситуации внутри «лагеря социализма», в частности, в связи с событиями в Польше.

И решение вопроса в Польше, и равноправный подход к отношениям между КПСС и КПК — все это были позитивные шаги Хрущева, если смотреть на них изнутри «лагеря социализма».

Мао Цзэдун смотрел на все это по-иному.

Он смотрел не «изнутри», а со своей колокольни. Его взгляды выразил по прибытии в Москву Лю Шаоци. Он заговорил о «великодержавном шовинизме СССР».

Таким образом, Мао Цзэдун рассчитывал воспользоваться тем, чего добились во взаимоотношениях внутри «лагеря социализма» поляки, в своих целях, то есть хотел заставить Хрущева и нашу страну повиниться в «великодержавном шовинизме» и, следовательно, лишний раз признать «правоту» и руководящее положение Мао Цзэдуна.

Для Хрущева дело тут, в частности, было в том, что если о взаимоотношениях России и Польши можно было говорить, но самим России и Польше между собой, то никакого великодержавного шовинизма во взаимоотношениях с КПК и с КНР СССР и КПСС никогда не проявляли. Это было обычное обвинение.

Более того, это была заявка на неравноправие в наших взаимоотношениях в том смысле, что Мао Цзэдун хотел поставить наш народ и нашу страну в неравноправное приниженное и оскорбительное для наших национальных чувств положение по сравнению с собой.

Ван Янь:

Со всей ясностью ощущалось, КПК пользуется поддержкой польских руководителей, кадровых работников и даже некоторых работников среднего звена. В обществе в Польше ощущали, что КПК их поддерживает, что Мао Цзэдун — это сила. Ведь он осмелился противоречить СССР, а кто другой способен на это?

Вы только подумайте, это он сейчас решил осадить СССР. СССР вынужден прислушаться к нему. Такие настроения действительно существовали.

На первый план и тут выносятся вопросы о значении прежде всего выступлений с целью противоречить СССР. Для современных пропагандистов КПК очень важно внушать и внушать населению КНР, что противоречить нам, нашему народу, нашей стране, тем, кто выражал мнение и интересы нашего народа, — это главная заслуга Мао Цзэдуна. Противореча нам, Мао Цзэдун, дескать, всегда в истории был прав — вот что хотели бы внушать населению КНР сегодня пропагандисты КПК.

Шэнь Чжисхуа:

То, что в Польше делали фракция реформаторов, такие люди, как Гомулка, именовалось широкой демократией. Это означало, что все могли высказываться. Газеты больше не подвергались цензуре. Можно было высказывать самые разнообразные мнения. Это внешне совпадало с призывом председателя Мао: пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ. Поэтому поляки всегда считали, что они учились у Китая. Учились курсу VIII съезда КПК. Осуществляли эту демократию и открытость. Осуществляли либерализацию, свободу.

И они тогда чувствовали, что Китай поддерживает их.

Перед нами типичное высказывание типичного приверженца и последователя Мао Цзэдуна, пропагандиста его идей и действий. Здесь ничего не говорится о том, что Мао Цзэдун в Китае выдвинул лозунг «Пусть расцветают сто цветов» и сам же объяснил впоследствии, что это был обман, уловка с целью «выманить змею из норы», чтобы уничтожить ее.

Современный китайский пропагандист не говорит о двуличии Мао Цзэдуна, о том, сколько миллионов людей Мао Цзэдун погубил в результате проведения им политики в отношении интеллигенции, образованных людей, а подает его лозунг таким образом, как будто бы Мао Цзэдун выступал за демократию.

Это оскорбительно для народа Китая, для народов других стран. Это и есть защита бесчеловечного курса Мао Цзэдуна внутри страны, да и применительно к тому, что происходило в «лагере социализма».

Если кто-то и использовал слова Мао Цзэдуна в Польше, то вовсе не для того, чтобы поддержать его практическую политику или последствия выдвижения им лозунга «Пусть расцветают сто цветов».

Слишком много людей Мао Цзэдун погубил, чтобы хотя бы в малейшей степени извинять таких бессовестных и бесчеловечных пропагандистов идей Мао Цзэдуна, как этот комментатор событий в данном фильме.

Цзэн Цзымо:

Что касается польских событий, то в конечном счете СССР не ввел войска, и трудности перестали быть видимы-

ми. Вождь ПОРП Гомулка выразил благодарность КПК, сказав, что партия и народ Польши не забудут поддержки со стороны КПК.

Через 10 лет Мао Цзэдун сказал на заседании ПК ПБ ЦК КПК: «В то время СССР не ввел свои войска в Польшу; это произошло по той причине, что КПК выразила свою позицию и оказала влияние».

Еще одним успехом этого примирения было то, что СССР согласился опубликовать заявление, признав, что в прошлом при разрешении проблем во взаимоотношениях между социалистическими государствами имели место ошибки, что не отвечает принципу равноправия во взаимоотношениях. Вот таким образом Китай официально начал играть важную роль в международном коммунистическом движении.

Мао Цзэдун говорил членам КПК, что СССР не ввел свои войска в Польшу, то есть не подавил выступления поляков вооруженным путем «по той причине, что КПК выразила свою позицию и оказала влияние». Мао Цзэдун приписал себе эту заслугу совершенно безосновательно.

Здесь необходимо сказать, что Мао Цзэдун хотел показать странам «лагеря социализма», что он на их стороне тогда, когда они не хотят действий советских войск на их территории.

В то же время он всегда был за применение винтовки в целях прихода к власти и сохранения у власти в Китае.

Решение польского вопроса было результатом договоренности Хрущева и Гомулки, СССР и ПНР.

КНР была уведомена об этом и одобрила такое решение.

Хрушев ввел в практику обмен мнениями с КПК по важным вопросам, касавшимся и других государств в «лагере социализма», будучи готов обсуждать и любые вопросы, которые считали нужным поставить Мао Цзэдун, китайская сторона. Это было проявление реального равноправия во взаимоотношениях двух сторон.

Однако не успела улечься одна волна, как поднималась новая волна.

Именно в то время, когда Хрушев и делегация КПК снова и снова анализировали ситуацию в Польше и методы разрешения там кризиса, в Венгрии, в этом ортодоксальном социалистическом государстве сталинской марки также раз-

разилась политическая буря. Жернов продолжал медленно вращаться.

Этот фильм важен не только тем, что дает возможность лучше уяснить себе, как относятся в руководстве современных КНР и КПК к нашему народу и нашей стране, к истории наших взаимоотношений с Мао Цзэдуном, но еще и тем, что в нем находит свое отражение менталитет современных сторонников Мао Цзэдуна.

Вот они дают характеристику ВНР в 1956 году. Это, с их точки зрения, «ортодоксальное социалистическое государство сталинской марки».

Из этого следует, что, с одной стороны, этому государству дается характеристика критического характера. Оно считается «государством сталинской марки» или «сталинского типа».

При этом не говорится о том, как авторы фильма относятся к чертам «государства сталинского типа» в КНР.

Получается, что применительно к СССР, государствам Восточной Европы «сталинский тип» — это то, что заслуживает осуждения. О том, что это такое в применении к КНР, предпочитают не говорить.

Венгрию здесь также называют «ортодоксальным социалистическим государством». Мало того что это не разъясняется, тем более и применительно к КНР, но тут под критику подпадает слово «социалистическое». В этом находит свое выражение менталитет, при котором можно критиковать все чужое, но нельзя касаться политического строя в КНР.

Мы уже не говорим о том, что и у Венгрии, как и у Польши, своя длительная и сложная история.

С 1000 года Венгрия королевство. С 1526 года значительная часть Венгрии попала под османское иго. С начала XVIII века Венгрия оказалась под властью Габсбургов. В 1867 году стала одной из частей двуединой монархии — Австро-Венгрии. В 1919 году провозглашена Венгерской Советской Республикой. После ее падения 1 августа 1919 года в стране была установлена диктатура Хорти (1920–1944 гг.). Таким образом, в Венгрии фашизм существовал на протяжении самого длительного времени в Европе. Во Второй мировой войне Венгрия выступала на стороне Германии. В 1945 году Советская армия освободила Венгрию. В августе 1949 года создана

Венгерская Народная Республика. Политика однопартийного режима компартии вызвала широкое общественное недовольство, которое вылилось в народное восстание в октябре 1956 года с требованиями демократических свобод. Оно было жестоко подавлено советскими вооруженными силами, ввод которых явился грубым вмешательством СССР, а правительство Имре Надя, объявившее о выходе из Варшавского пакта, было арестовано.

Иными словами, для Венгрии характерно прежде всего стремление к свободе и независимости, и в то же время не случайным в ее истории предстает существование там фашистского режима на протяжении почти четверти века. Это может свидетельствовать о чрезвычайно остром противостоянии различных политических сил в этой стране. И опять-таки разбираться во взаимоотношениях России (СССР) и Венгрии имеют право только сами народы этих стран. Нет признаков того, чтобы они просили кого бы то ни было вмешиваться в их дела.

В рассматриваемом фильме нет ни слова о сложной истории Венгрии.

Для пропагандистов КПК и сегодня, а не только при правлении Мао Цзэдуна, главное состоит в том, чтобы сосредоточить внимание обрабатываемой аудитории только на выступлении в том или ином государстве против России (против СССР).

Ся Даошэн, сотрудник посольства КНР в Венгрии:

Утром во вторник, 23 октября 1956 года студенты вышли на уличные демонстрации. Почему они вышли на демонстрации? Говорили, что хотели поддержать Польшу, где только что открылся пленум ЦК ПОРП. Там сменили руководителя. Узнав об этом, народные массы в Венгрии решили поддержать Польшу, поддержать метод Польши. Главное в том, что они считали, что в Венгрии существует та же проблема. Они считали, что их тогдашний руководитель тоже, вслед за Сталиным, совершил много ошибок. Многие копировал в СССР. При этом он оказался не способен исправлять свои ошибки. Поэтому они и хотели, выйдя на демонстрации, добиться смены руководства.

Народные массы Венгрии проводили все более мощные демонстрации. Властям Венгрии с все большим трудом удава-

лось справляться с ситуацией. К голосу требований перемен кроме студентов примкнули служащие государственных учреждений и рабочие.

Ся Даошэн:

После ужина, часов в 6–7 вечера вблизи от жилого дома нашего посольства на площади Сталина, где стоял громадный бронзовый памятник Сталину, собралось очень много людей. Думаю, что там было более ста тысяч человек. Толпа начала разрушать памятник Сталину.

Вечером 23 октября 1956 года памятник Сталину был опрокинут. Народные массы Венгрии требовали нового вождя, который бы вывел всех из тумана. На площади перед зданием парламента собиралось все больше людей. Они начали скандировать одно имя — Имре Надь.

Ся Даошэн:

Этот Надь в ходе венгерских событий сыграл очень большую роль. Он тоже был одним из старых руководителей ВСРП. Однако в 1955 году он был снят со своего поста, освобожден от всех постов. В конечном счете его исключили из партии. Утверждали, что он был ревизионистом, антимакистом, выступал против партии. Почему его наградили этими ярлыками? Именно потому, что он, занимая пост председателя правительства, принял ряд мер с тем, чтобы поправить прошлого руководителя. Этим руководителем был Ракоши. Надь исправлял много его ошибок. Многие в Венгрии были недовольны ошибками Ракоши. Когда начались массовые демонстрации, звучал призыв к Надю вернуться и возглавить правительство. То, что произошло вечером 23 октября, явилось очень быстрым развитием событий.

Обложка папки с делом: *Крупное событие — контрреволюционный мятеж в Венгрии. 1956 год.*

При этом авторы фильма выделяют главное с их точки зрения: в Венгрии имело место выступление против Сталина и продолжения его политики применительно к Венгрии. Символом восстания в Венгрии явилось разрушение памятника Сталину.

В то же время в титрах фильма дается характеристика событий в Венгрии: «контрреволюционный мятеж».

Мао Цзэдун, вероятно, был очень напуган тем, что произошло в Венгрии. Спустя 10 лет, во время своей «культурной революции» Мао Цзэдун называл своими врагами людей в КНР, которые высказывали свободолюбивые взгляды или подозревались в наличии таких взглядов, членами китайских «Клубов Петефи».

23 октября события развивались чрезвычайно быстро. Во второй половине дня начались студенческие демонстрации. Вечером того же дня они переросли в вооруженные столкновения. Повсюду гремели выстрелы. Стрельба в Будапеште не прекращалась всю ночь. 24 октября ЦК ВСРП ввел в Будапеште военное положение. Затем военное положение продлевалось день за днем. Телефон в городе еще работал. Междугородные линии уже не работали. У нас не было возможности связаться с Пекином.

В ситуации, когда Венгрия была отрезана от мира, Лю Шаоци, который находился в Москве (вместе с Дэн Сяопином и Пэн Дэхуаем), после урегулирования польских событий сообщил в Пекин о том, что происходило в Венгрии.

29 октября Мао Цзэдун через Лю Шаоци довел до Хрущева позицию КПК. А именно: следует воспринять уроки польских событий, в полной мере уважать позицию и методы, которыми правительство Венгрии разрешает кризис.

КПСС на протяжении нескольких дней совещалась на заседании президиума Политбюро ЦК КПСС. В конечном счете было принято мнение правительства Китая. По предложению правительства Китая было выработано публичное заявление. В этой декларации КПСС заявляла, что она не вмешивается во внутренние дела других государств, выступает за равноправие в сфере экономики, в организационной сфере (или политике), во всех вопросах. Каждое государство само решает все свои такого рода вопросы.

Хрущев в конечном счете принял предложение КПК.

30 октября 1956 года так и родилась эта Декларация о равноправии и сотрудничестве социалистических государств.

Однако вечером 30 октября произошли события, которые явились величайшей насмешкой над этой декларацией.

Пока был жив и находился у власти Сталин, «подсистема страха» действовала столь жестоко, что все было закупорено. Даже дуновение свободы было почти невозможно. Казалось, что режим Сталина, подобный ему режим Мао Цзэдуна и другие такие же режимы в государствах «лагеря социализма» — это режимы на века, чуть ли не навсегда.

Однако за этой видимостью внутри каждой страны развивались свои процессы, у которых было одно общее: они так или иначе отрицали то, что было рождено при власти коммунистических партий и носило бесчеловечный характер, прежде всего в политическом строе, да и в экономике, культуре и т. д.

Человек и человечество стремятся к свободе. Этот путь долг, но неизбежен.

Когда Сталин умер, когда ослаб жестокий режим в нашей стране, оказалось, что он ослаб и во всех других странах, относившихся к «лагерю социализма».

Руководству каждой партии и государства пришлось реагировать на это, в той или иной степени считаться с этим.

Возникла необходимость и новой конфигурации в новом оформлении взаимоотношений между упомянутыми государствами и правящими в них партиями. Можно сказать, что речь пошла одновременно и о признании определенной самостоятельности каждой нации, и о признании определенного равноправия во взаимоотношениях между правящими в них партиями и их государствами.

Хрущев при этом оказался в положении того, кто состоял из, казалось бы, несовместимых частей. На самом деле и такое возможно.

Хрущев выдвинул предложения, высказал мысли, которые отражали необходимость даже для него и таких, как он, руководителей компартий считаться в какой-то степени с нарастающим давлением сил, требовавших начать движение к свободе.

Поэтому Хрущев и был вынужден встать на ту позицию, когда приходилось критиковать преступления Сталина, а это означало допущение критики внутри компартий и социалистических стран. Хрущев принял точку зрения, что нет фатальной неизбежности мировой ядерной войны, а это отражало стремление людей к миру, к обеспечению жизни на Земле без войны, по крайней мере без атомной мировой войны. Вынужден-

ное согласие Хрущева с началом движения по этому пути отразилось внутри каждой из стран «социалистического лагеря», а также на взаимоотношениях между ними.

Поэтому естественным было начало процесса попыток КПСС и КПК обмениваться мнениями по этим вопросам. Это были две самые крупные правившие в своих государствах коммунистические партии. В их отношениях должен был происходить процесс согласования позиций.

При этом Хрущев исходил из того, что главное в этом процессе — равноправный обмен мнениями, учет соображений друг друга. Он также полагал, что объективно КПСС и СССР будут оставаться во главе международного коммунистического движения и «лагеря социализма». Он был согласен на то, чтобы во главе всего этого, по крайней мере декларативно, находились одновременно и КПСС и КПК, и СССР и КНР.

Мао Цзэдун претендовал на то, чтобы быть единственным вождем международного коммунистического движения, вождем, слово которого должно быть законом для членов международного коммунистического движения и «лагеря социализма». Мао Цзэдун не был согласен с мнением Хрущева по вопросу о критике культа личности и по вопросу об отсутствии фатальной неизбежности мировой ядерной войны.

В создавшейся после смерти Сталина и появления доклада Хрущева на XX съезде КПСС обстановке Мао Цзэдун впервые столкнулся с реалиями взаимоотношений между коммунистическими партиями, являвшимися правящимися в ряде государств. Раньше Мао Цзэдун был далек от этого. Все это прямо его не задевало.

Теперь такая необходимость возникла. Прежде всего по объективным причинам, так как все компартии столкнулись с одной и той же проблемой, со стремлением людей в своих странах к свободе, к демократии. Далее, так произошло благодаря тому, что Хрущев, КПСС предложили Мао Цзэдуну, КПК принимать участие в этом процессе. Наконец, самое главное было в том, что руководителям Китая рано или поздно пришлось участвовать во всемирных процессах.

Весьма характерно, что Мао Цзэдун сам не решился участвовать в этом непосредственно.

Он не поехал ни в СССР, ни в государства Восточной Европы. Туда отправился Лю Шаоци во главе делегации КПК.

Именно Лю Шаоци оказался тем человеком в руководстве КПК, который был способен лучше других вникать в происходившие события и вести обмен мнениями.

Мао Цзэдун в случае с Польшей пригрозил Хрущеву тем, что выступит против СССР и КПСС, если войска Варшавского пакта, Советская армия будут подавлять движение протеста в Польше. Правда, это совпало с решением Хрущева не применять в Польше вооруженные силы. Тем не менее оказалось, что Мао Цзэдун на практике поддержал решение Хрущева по Польше.

В том, что касалось Венгрии, Мао Цзэдун попытался действовать по шаблону и сначала настаивал на том, чтобы СССР не вмешивался во внутренние дела венгров.

Авторы фильма утверждают, что декларация 1956 года о равноправии и сотрудничестве социалистических государств была, дескать, принята чуть ли не по настоянию КПК.

На самом деле это было решение Хрущева, решение КПСС, решение СССР.

После принятия этого документа события в Венгрии приобрели такой характер, что Хрущев применил там советские вооруженные силы, а Мао Цзэдун поддержал это решение.

Все это означало, что в принципе Хрущев и Мао Цзэдун занимали одну и ту же позицию. Они хотели сохранения существовавшего политического строя или режима. При этом Хрущев был готов на некоторый компромисс. Мао Цзэдун стремился содействовать отдалению и противостоянию наций — России (СССР) и Польши, России (СССР) и Венгрии. Таким образом, в политике Мао Цзэдуна и в данном случае преобладало желание всемерно ослаблять Россию (СССР).

Шэнь Чжихуа:

В этот момент пришло сообщение об изменении обстановки к худшему. Головорезы-бунтовщики вышли на улицы, стали преследовать и убивать членов коммунистической партии. Были распущены войска внутренней безопасности. В КНР сейчас они именуются вооруженной полицией. В СССР их называли войсками тайной полиции. Стали говорить, что это уже хаос. В это время Лю Шаоци отшлифовывал свои мысли и вел переговоры с посольством и с Хрущевым. Как быть в этом случае? Пустить дело на самотек? Дать возможность

Надю действовать или пойти на вмешательство СССР? В это время Мао позвонил Лю Шаоци. Лю Шаоци тоже не знал, как поступить. Он должен был доложить об обстановке. Позиция Мао заключалась в том, что следует направить войска для подавления.

В первый раз, когда СССР решил направить свои войска в Венгрию, вмешательство Китая воспрепятствовало этому. Когда же СССР принимал вторично решение о вводе войск в Венгрию, Мао Цзэдун и делегация КНР заняли позицию молчаливого допущения, молчаливого согласия, безмолвного одобрения.

Именно вечером 30 октября 1956 года Мао Цзэдун специально позвонил Лю Шаоци и сказал, что правительство Китая уважает выбор Советского Союза — своего старшего брата, так как положение в Венгрии ухудшилось и правительство Надя уже не имело сил для контроля над ситуацией.

В секретных документах МИД КНР есть такое место: «народ Китая с болью в сердце видит, что крайне немногочисленные контрреволюционеры-заговорщики как раз и используют ситуацию в попытке осуществить в Венгрии реставрацию капитализма и фашистский террор, предпринимают попытку, начав с Венгрии, пробить брешь в целях разрушения сплоченности социалистических государств, создания трещины в Варшавском договоре. Народ Китая со всей решительностью стоит на стороне лагеря социализма. Дружбу Китая и Советского Союза никогда не удастся поколебать». (Документ датирован 4 ноября 1956 года.)

Мао Цзэдуна разрывали противоречия между желанием способствовать процессу отдаления, противопоставления СССР и государств Восточной Европы и необходимостью добиваться сохранения существовавшего политического режима во всех государствах, которые входили в «лагерь социализма».

Мао Цзэдун одновременно хотел ослабления нашей страны, подчинения ее его воле и понимал, что само продолжение пребывания его в роли непререкаемого вождя в Китае было в то время связано с существованием и «лагеря социализма», и Варшавского пакта, и СССР как реального военного ядра «лагеря социализма».

Поэтому тогда, когда в Венгрии возникла реальная опасность обретения ее народом свободы, Мао Цзэдун не только

поддержал решение о подавлении силами Советской армии этого движения, но и заговорил сам об СССР, о КПСС как о «старшем брате», заговорил о том, что он и КНР, КПК «реши-тельно стоят на стороне лагеря социализма».

Так в момент реальной опасности, в частности, для его власти Мао Цзэдун проявил свою суть: он был последователь-ным сторонником той политической системы, которая хотела бы навсегда запереть людей в клетку несвободы и бесчеловеч-ности.

На следующий день после звонка Мао Цзэдуна в Москву президиум Политбюро ЦК КПСС на своем заседании еще раз принял решение об использовании войск в Венгрии.

Шэнь Чжисхуа:

Днем 31 октября президиум Политбюро ЦК КПСС снова собрался на заседание. Протокол этого заседания также су-ществует. Снова состоялось обсуждение. Обсуждение про-должалось целый день. В конечном счете было решено направ-ить войска для подавления.

И тогда Хрущев стал спешно звонить. Дело в том, что Лю Шаоци должен был улетать. Хрущев хотел, чтобы Лю Шаоци поехал на аэродром за два часа до отлета, чтобы можно было поговорить. Хрущев сказал, что он тоже поедет туда; где они и поговорят. Так Хрущев приехал на аэродром и сказал Лю Шаоци, что мы сейчас приняли окончательное ре-шение все-таки направить войска для подавления.

Лю Шаоци сказал, что вы должны внимательно рассмот-реть вопрос о выборе момента ввода войск. Вы должны доби-ваться того, чтобы получить понимание со стороны народных масс. Они должны понять, что речь идет о подавлении контр-революции. В противном случае пойдут разговоры о том, что СССР ввел свои войска и вмешался во внутренние дела другого государства. Вы должны тщательно продумать это.

Затем Лю Шаоци поднялся в самолет и улетел.

В это время Советский Союз начал планировать свои дей-ствия, подобные вихрю, а именно так называемое занятие Бу-дапешта.

В беседе с Хрущевым, очевидно выражая мысли и Мао Цзэдуна, Лю Шаоци высказывался в том смысле, что хорошо

было бы не вмешиваться во внутренние дела других стран, а добиваться разграничения вопроса о таком вмешательстве и вопроса о подавлении контрреволюции.

Следовательно, Мао Цзэдуно пришлось, когда он столкнулся с реалиями ситуации в государствах Восточной Европы, в «лагере социализма», понять, что игра на противопоставлении интересов наций — России и наций Восточной Европы — это своего рода виртуальный мир, в значительной степени существующий лишь в его воображении, а реалии для него как сторонника известной теории и практики марксизма состояли в стремлении народов освобождаться от коммунистического режима вне зависимости от того, где он существует, в КНР, в СССР или в государствах Восточной Европы.

Так становилось неоспоримо то, что удержаться у власти компартиям в конечном счете удастся только в опоре на силу. Отсюда и проистекала позиция Мао Цзэдуна в дальнейшем: он выступал за сплочение международного коммунистического движения, «социалистического лагеря», КПСС и КПК, КНР и СССР, за то, чтобы СССР и КПСС продолжали выступать в качестве «головы» «лагеря социализма», за «подавление контрреволюции» везде, в любой стране «социалистического лагеря». И вместе с тем Мао Цзэдун продолжал вести дело к противостоянию между нациями — Китаем и Россией — и к попыткам навязать нашей стране и народу свою волю, заставить нас подчиниться его приказам, признать в нем «хозяина» и нашего народа, и нашей страны.

В концепцию Мао Цзэдуна при этом естественно входило применение без колебаний силы для подавления любого инакомыслия в любой социалистической стране, а также воспитание людей в странах «лагеря социализма», да и в мировом коммунистическом движении, в духе мысли о неизбежности мировой ядерной войны. Сила как основа власти внутри своей страны и на мировой арене — вот центральная идея Мао Цзэдуна.

Цзэн Цзымо:

Почему Мао Цзэдун по-разному подошел к событиям в Польше и в Венгрии? В воспоминаниях современников мы находим частичное разъяснение.

А именно дело в том, что события в Польше не были такими, как события в Венгрии, где они, эволюционно развиваясь,

дошли до степени убийства членов коммунистической партии, то есть стали событиями антипартийного характера. Надь в 1956 году, когда он реформировал правительство Венгрии, объявил о ликвидации однопартийной системы. Это действительно не могло быть приемлемым для социализма того времени. В идеологии советских людей и китайцев настоящим врагом был только империализм. А если вы хотели вести борьбу против империализма, вы должны были сохранять относительную стабильность лагеря социализма. Во время последующего Московского совещания Мао Цзэдун в беседе с вождем ПОРП Гомулкой высказался на тему о том, должна ли быть голова у социалистических государств. Гомулка не соглашался с тем, чтобы такой головой был СССР. Мао Цзэдун терпеливо разъяснял: вопрос о том, должно или не должно иметь голову, — это не наше одностороннее дело; у империализма есть крупная голова, и если для нас когда-нибудь что-то нагрянет, то всегда должен быть кто-то, чтобы созвать нас, а если говорить о нынешнем совещании, то если бы СССР не вышел с таким предложением, что бы мы тогда делали?

Однопартийная система, а по сути дела, самовластие Мао Цзэдуна — вот тот принцип, который был незыблемым в представлении Мао Цзэдуна. Он остается таким и в представлениях его приверженцев и последователей.

При этом характерно то, что Мао Цзэдун хотел бы сваливать на СССР, КПСС всю тяжесть реального противостояния и с тем, что он и такие, как он, считали инакомыслием в социалистических странах, и с мировым империализмом, а самому себе оставлять руки свободными, в частности, не считая, что КПК и КНР находятся в состоянии «холодной войны» с Западом.

Дэн Сяопин, будучи последователем Мао Цзэдуна, продолжил осуществление этой тактики в условиях своего времени, наказав КПК и КНР «не высовываться», то есть не поднимать знамя борьбы за мировой коммунизм.

Вскоре после событий в Польше и в Венгрии премьер Чжоу Эньлай, исходя из необходимости защищать сплоченность социалистического лагеря, по поручению Мао Цзэдуна посетил Польшу, где выступил в качестве ПОСЛА МИРА во взаимоотношениях между Хрущевым и Гомулкой.

16 ноября 1957 года делегация во главе с Чжоу Эньлаем, предварительно побывав в СССР, посетила Польшу. Хрущев лично приехал на аэродром, чтобы встретить Чжоу Эньлая. В течение пяти дней находясь в Польше, Чжоу Эньлай был принят на высоком уровне правительством Польши, был горячо встречен массами в Польше. (Можно отметить, что в Москве в Мавзолей Ленина — Сталина Чжоу Эньлая сопровождал, в частности, С. В. Червоненко, которого Хрущев направил в КНР послом в 1959 году. Так долго и тщательно готовилась смена посла в КНР.)

Ван Янь:

В Лодзи состоялся митинг. Это произвело на меня самое глубокое впечатление. Во Дворце спорта собрались 6–7 тысяч человек, все места были заняты. Чжоу Эньлай выступил с речью. Люди скандировали лозунги. Приветствовали его. У поляков есть привычка аплодировать и вставать с места, если им что-то нравится в речи. Когда они встают, кто-то начинает выкрикивать лозунг. Например, кричат: «Да здравствует КПК!» Все подхватывают и многократно повторяют этот лозунг. Потом кто-то другой кричит: «Да здравствует дружба Китая и Польши!» Кричат и это. Прокричав, не садятся. Садятся только тогда, когда прокричат все лозунги. Во время речи Чжоу Эньлая его горячо приветствовали, много раз вставали и аплодировали. Сопровождавший Чжоу Эньлая руководитель был вынужден успокаивать людей. Только тогда все сели. Это зрелище очень впечатляло. Очень теплый прием. За эти короткие пять дней делегация Чжоу Эньлая посетила четыре города в Польше. И в каждом городе были массовые митинги. Он рассказывал людям в Польше о позиции КПК, демонстрировал дружбу правительства Китая к народу Польши, поддержку руководства ПОРП, ядром которого был Гомулка. На последовавших 20 января 1958 года выборах в Польше Гомулка одержал подавляющую победу, что в чрезвычайно большой степени было связано с поддержкой со стороны правительства Китая.

Ван Янь:

Мы должны были всячески убеждать руководителя Польши, что КПСС, хотя она и допустила некоторые ошибки в отношении Польши, допускала ошибки в прошлом, но социали-

стические государства должны иметь голову или, скажем, ядро, вокруг которого можно сплотиться. Только так мы будем сильны. Поэтому мы и сыграли роль того, кто примиряет, улаживает ссору. Мы добивались того, чтобы отношения СССР и Польши стали несколько лучше. И в ходе официальных переговоров, и на низовом уровне это была главная задача Чжоу Эньлая. Для того чтобы выполнить ее, он провел большую работу.

Можно отметить, что тогда, когда ситуация была сложной, когда требовалось разбираться в вопросе по существу и вести переговоры с руководством КПСС, Мао Цзэдун сам не поехал в Москву, а туда направился Лю Шаоци. Когда же обстановка нормализовалась, Мао Цзэдун отправил в Польшу Чжоу Эньлая, в задачу которого входило убеждать поляков в необходимости считать СССР и КПСС «головой» всего «лагеря социализма». Под этим подразумевалось, что Мао Цзэдун должен считаться с реалиями, а именно с тем, что только СССР мог сохранить существующую политическую систему перед лицом империализма и у себя в стране, и в государствах Восточной Европы.

И в то же время позиция Мао Цзэдуна, которую разъяснял в Польше Чжоу Эньлай, состояла в том, что так обстоит дело сегодня, а в исторической перспективе полякам, дескать, нужно возлагать надежды на Мао Цзэдуна, а также знать, что Мао Цзэдун, как и поляки, считает, что КПСС ошибалась в своем подходе к делам в Польше.

Руководитель Югославии Тито 11 ноября 1956 года в своей речи призывал к выступлению против сталинизма, против сталинистов, призывал все государства прогнать со сцены сталинистов.

Эта речь Тито привела к тому, что платформа Мао Цзэдуна, который защищал сталинизм, стала еще более твердой и жесткой.

Начиная с 25 ноября 1956 года Мао Цзэдун почти ежедневно созывал заседания ПК ПБ ЦК КПК, на которых выдвинул мысль о необходимости написать статью на тему: «Пролетарии всего мира объединяйтесь».

Вечером 28 декабря 1956 года Мао Цзэдун принял решение дать следующее окончательное название этой статье —

«Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата» — и о том, чтобы передать текст статьи по радио. Влияние этой статьи в мире превзошло влияние опубликованной в апреле того же 1956 года статьи «Об историческом опыте диктатуры пролетариата».

Жун Чжи:

К этой статье в СССР проявили чрезвычайное внимание. Это произошло потому, что острота статьи было направлено на ситуацию, создававшуюся в то время. В этом нашем докладе давалось всестороннее описание Сталина, говорилось о том, как следует относиться к вопросу о Сталине. Поэтому в СССР и ощутили важность этого. Они (в СССР) сделали эту статью гласной, опубликовали ее полный текст, передали ее полный текст по радио, поручив зачитывать статью лучшему диктору, а также повторяя передачу ее текста по радио несколько раз в день. Мы в то время были этим поражены.

Хрущев находился тогда перед лицом новой международной обстановки, в которой происходили внезапные перемены. Он находился в ситуации, когда у него не хватало сил, чтобы действовать по своему желанию. Новый Китай в этот момент как раз и играл еще более важную роль на арене международного коммунистического движения. В ноябре 1957 года Мао Цзэдун принял приглашение правительства СССР и поднялся по трапу московского спецсамолета.

Руководитель СКЮ Тито в 1956 году откликнулся и на доклад Хрущева на XX съезде КПСС, и на события в Польше и в Венгрии, призвав к борьбе против сталинизма и сталинистов во всех странах, то есть и в СССР, и в КНР. Это объективно сблизило Хрущева и Мао Цзэдуна.

В фильме преувеличивают роль Мао Цзэдуна и принижают роль Хрущева.

На самом деле каждый из них тогда исходил из своих интересов. Эти интересы совпали, в частности, в понимании необходимости в новой обстановке в мире создать всемирное совещение коммунистических и рабочих партий.

Отвечая на приглашение ПОРП, Мао Цзэдун в своем письме писал: «В связи с тем, что я в последнее время очень загружен работой, я сейчас все еще не могу определить точ-

ное время визита в Вашу страну. Надеюсь найти понимание с Вашей стороны. Когда я смогу определить точную дату визита в Вашу страну, я поставлю вас в известность об этом и запрошу Ваше мнение».

Впоследствии, вплоть до своего ухода из жизни, Мао Цзэдун так и не смог определить дату своего визита в Польшу. И только это письмо тихо лежит в архивах, сохраняя навечно это обещание, которое так никогда и не оказалось возможным выполнить.

(Папка: Польша официально приглашает председателя Мао нанести визит в Польшу.)

Авторы фильма с тихим сочувствием к загруженности Мао Цзэдуна работой сообщают о том, что он так и не смог посетить Польшу. Упоминание об этом введено в фильм с тем, чтобы внушать, что Мао Цзэдун, дескать, хотел поехать в Польшу, почувствовал полякам, особенно, очевидно, в их отношении к России, но не смог осуществить свое желание по объективным причинам. На самом деле поляки переоценили себя в глазах Мао Цзэдуна, направив ему такое приглашение, если исходить из того, кем Мао Цзэдун видел себя на нашей планете.

Цзэн Цзымо:

Свою подлинную ценность для СССР Китай стал показывать начиная с XX съезда КПСС. Пик здесь был достигнут после событий в Польше и в Венгрии.

Что касается СССР, то, что Хрущев на съезде КПСС прямо указал на ошибки Сталина, это, несомненно, в сильнейшей степени снизило авторитет Москвы, поколебало руководящее положение СССР в лагере социализма.

Что касается Китая, то тогда КПК как раз и стала свободно проникать в среду всех братских партий и стала общаться с ними в качестве того, кто занимался урегулированием, координацией разнообразных противоречий.

Можно сказать, что в это время в международном коммунистическом движении флюгаркой был СССР, однако эта флюгарка в одно и то же время находилась в руках у Хрущева, но в еще большей степени в руках у Мао Цзэдуна.

Медовый месяц во взаимоотношениях двух государств, КНР и СССР, также в это время постепенно входил в состояние «мир прекрасен».

Предложенная в фильме трактовка взаимоотношений Хрущева и Мао Цзэдуна никоим образом не отвечает реалиям.

Хрущев после XX съезда КПСС, несомненно, занимал руководящее положение в среде коммунистических и рабочих партий.

Мао Цзэдуну не удалось не только встать вровень с Хрущевым, но, более того, его поездка на совещание коммунистических и рабочих партий в 1957 году обернулась таким провалом, крахом предложенной им идеи неизбежности мировой ядерной войны, что он больше никогда не пытался присутствовать на такого рода форумах.

Цзэн Цзымо:

Второй визит Мао Цзэдуна в СССР в конце 1957 года в полной мере продемонстрировал дипломатическую мудрость этого политического деятеля. Он сам, а также тот Новый Китай, которым он руководил, был восходящей звездой на арене международного коммунистического движения. В лагере социализма он играл все более важную роль.

В начале 1958 года, вскоре после возвращения домой, Мао Цзэдун принял два важных решения. Во-первых, начал вынашивать замысел развертывания в масштабах всей страны движения за великий скачок. Во-вторых, он освободил Чжоу Эньляя от поста министра иностранных дел. Он заменил его Чэнь И, который в еще большей степени обладал качествами военного человека, в еще большей степени обладал энергией тигра, с тем чтобы именно он представлял Китай во внешнем мире.

Две эти новости говорили о том, что в это время Мао Цзэдун возлагал надежды на усиление государственной мощи Китая, стремился добиться того, чтобы Китай в еще большей степени обладал реальной силой во взаимоотношениях с крупными государствами, в особенности с крупными государствами Запада, противостоя им, в противовес им. Это было сделано также с тем, чтобы явно радикализировать те методы, которые КПК применяла в сфере внешних отношений, в сфере дипломатии. Примером тут может служить кризис в Тайваньском проливе, возникший в августе 1958 года.

Данный кинофильм сделан в КНР в начале XXI века с тем, чтобы снова и снова превозносить политическую и «диплома-

тическую мудрость» Мао Цзэдуна. В современной КПК, в ее руководстве и в настоящее время есть силы, которые нуждаются в целях сохранения себя у власти в том, чтобы прикрываться именем и знаменем Мао Цзэдуна.

Одним из приемов, которые они используют в этих целях, и является рассматриваемый кинофильм. Он сделан на таком материале, на такую тему, где китайским пропагандистам представляется легче, чем, например, используя тему «достижений» Мао Цзэдуна во внутренней политике, доказывать его величие.

Это тема сопоставления Китая как нации с Россией как нацией. Здесь Мао Цзэдун представлен как мудрый политик, который якобы боролся против «великодержавного шовинизма» и «неравноправия» со стороны России (КПСС и СССР) за то, чтобы Китай и китайцы заняли достойное своей нации место в мире, в том числе во взаимоотношениях с нашим народом и нашей страной.

Для подтверждения правоты и величия Мао Цзэдуна выбраны 1956–1960 годы, то есть время после смерти Сталина.

Выбор этого периода представляется не случайным.

Впервые в мировой истории коммунисты пришли к власти в государстве, в нашей стране, в 1917 году.

СССР был на протяжении почти трех десятилетий единственным крупным социалистическим государством.

В 1921 году была создана КПК. В 1938 году Сталин признал Мао Цзэдуна вождем КПК.

В 1949 году Мао Цзэдун пришел к власти в Китае, была создана КНР. В мире появились одновременно два крупных социалистических государства и две крупные коммунистические партии. При этом Сталин оставался общепризнанным авторитетом в коммунистическом мире.

В 1953 году Сталин умер.

СССР оставался крупнейшим социалистическим государством.

В то же время Мао Цзэдун, очевидно, счел момент подходящим для того, чтобы выдвинуть и утвердить себя в качестве единственного вождя в «социалистическом лагере» и в международном коммунистическом движении.

К 1958 году Мао Цзэдун созрел для того, чтобы начать наступление и на внутреннем, и на внешнем фронте.

Внутри страны он решил «обогнать» СССР в деле построения коммунизма. Это выразилось в начале им того, что было названо «великим скачком». Мао Цзэдун любил, чтобы все, что было связано с его именем, именовалось «великим». Один мой знакомый китайский интеллигент, изучая русский язык, подставлял китайские корнеслоги под части русских слов, чтобы их лучше запомнить. Русское слово «до свидания» у него звучало при этом как «ДОУ ШИ ВЭЙДА ДЫ», что в переводе с китайского означало: «ВСЕ (тут у нас) ВЕЛИКОЕ».

Вся страна тогда взялась по призыву вождя «плавить сталь». На самом деле это была только растрата сил и ресурсов. Это был провал во внутренней политике.

Во внешней политике Мао Цзэдун считал, что ее следует сделать более воинственной и наступательной. Вторую половину 1950-х гг. сегодня в КПК — КНР, далеко не случайно, характеризуют как «схватку» между Мао Цзэдуном, с одной стороны, и нашим народом и нашей страной, с другой стороны.

Поэтому Мао Цзэдун и поставил на пост министра иностранных дел маршала Чэнь И, который, с его точки зрения, обладал «энергией тигра» и качествами военного человека, а именно это нужно было тогда Мао Цзэдуну в его внешней политике. Помнится, в 1961 году в день полета Гагарина в космос министр иностранных дел КНР маршал Чэнь И сказал, что «сегодня произошли два события: во-первых, команда КНР завоевала титул чемпиона мира по пинг-понгу и, во-вторых, имело место новое научно-техническое достижение СССР». Чэнь И был особенно агрессивен в нападках на Хрущева в присутствии Мао Цзэдуна, высказываясь с «прямотой военного человека», а фактически допуская оскорбительные и провокационные замечания.

Чэнь И, как и Чжоу Эньлай, был при этом только исполнителем воли Мао Цзэдуна. Это происходило и в ходе событий, связанных с Тайванем и происходивших в 1958 году.

23 августа 1958 года — это день, который глубоко врезался в память и в сердца и старых жителей морского побережья в провинции Фуцзянь, и соотечественников, живущих «через море» на Тайване, или на острове Цзиньмэньдао.

В этот день НОАК сконцентрировала 10 тысяч артиллерийских орудий и нанесла продолжительный сосредоточенный удар.

Ли Сяобин, исследователь, ученый:

То, что получило название мощного удара из десяти тысяч артиллерийских орудий, — это залп, вероятно, из более чем 10 тысяч орудий. Туда перевели всех артиллеристов. Использовали разом все артиллерийские снаряды. Тогда мужчины и женщины, старые и молодые, на своих спинах подносили снаряды, ремонтировали дороги, и все это ради того, чтобы установить блокаду такого небольшого острова, как остров Цзиньмэньдао.

Хэ Данянь, очевидец:

Все горы закачались. Используя все артиллерийские снаряды, осуществляли «подавление и опрокидывание» в направлении острова Цзиньмэньдао. Мы все это ясно видели с гор. На этом острове Цзиньмэньдао в мгновение ока все заволочло дымом. Плотных клубов дыма было очень много. Все заполнил грохот разрывов снарядов.

Хун Сюцун, очевидец:

Было произведено более 20 тысяч выстрелов. Вся эта стрельба продолжалась больше часа. Убили более 600 людей Гоминьдана. Командующего и двух его заместителей. И вот таким образом, начиная с раннего утра, стали стрелять каждый день.

Остров Цзиньмэньдао и город Сямэнь разделены только узкой полоской воды. С древних времен и до настоящего времени все это составляет одно нераздельное целое.

23 августа 1958 года был произведен залп из 10 тысяч орудий. Это, пожалуй, могло случиться только потому, что не одинаковыми были политические платформы.

Когда стих гром орудий, временно установилась тишина. Запах пороха тревожил. Через море соломенные хижины, которые дрожали от артиллерийского огня. Каждый ощущал опасность.

Кровь гуще, чем вода. Кто мог гарантировать, что безглазые артиллерийские снаряды не поразят твоих родных?

Хэ Миннянь, очевидец:

Тогда моя мать очень беспокоилась. В своей книге я писал о том, что ее беспокоило. Остров Цзиньмэньдао — родина моей матери. Там ее отец и мать, младшие братья и сестры.

Не пострадали ли они во время нашего обстрела? А здесь у моей матери муж, здесь у нее сын и дочь. Не страдают ли они, если начнут стрелять с той стороны? Все у нас тогда об этом думали.

Город Сямэнь и остров Цзиньмэньдао — это родные братья. Начиная с 1949 года, когда Чан Кайши и правительство Гоминьдана покинули континент Китая и обосновались на острове Тайвань, город (Сямэнь) и остров (Цзиньмэньдао) стали передовой линией боевой схватки между Гоминьданом и КПК. Простые люди, которые из поколения в поколение жили здесь, вне зависимости от того, были ли они родственниками или добрыми друзьями, оказались разделены и не имели друг от друга никаких вестей, были противопоставлены одни другим как враги.

До 23 августа 1958 года обе стороны хотя и вступали в перестрелки, но все это были столкновения малого масштаба.

В особенности с усилением мощи ВВС Китая, после того как они стали контролировать морское побережье, клика Чан Кайши хотя и не смирилась с поражением, но время от времени продолжала поднимать крик о контрнаступлении на материк, однако в море у побережья города Сямэнь так и не вздымались большие волны.

Так почему же правительство Китая внезапно сосредоточило такую артиллерийскую группировку и осуществило такой сконцентрированный обстрел острова Цзиньмэньдао.

Действительно ли Мао Цзэдун думал освободить Тайвань? Или у него были иные замыслы, он пытался добиться чего-то иного?

В ныне рассекреченных дипломатических документах архива МИД мы, к счастью, находим историю о том, как был начат и как завершился обстрел острова Цзиньмэньдао.

В КНР в первые годы ее существования популярным и официальным был лозунг: «Мы непременно должны освободить Тайвань». Однако на самом деле Мао Цзэдун считал, что «лучше не освобождать Тайвань, чем освобождать Тайвань». Тайвань под властью его политических противников был нужен Мао Цзэдуну для того, чтобы строить пропаганду внутри КНР на вопросе о единстве нации Китая, а также для того,

чтобы использовать этот рычаг во взаимоотношениях, прежде всего, с США.

Здесь упоминается о том, что «клика Чан Кайши» «продолжала поднимать крик о контрнаступлении на материк». На самом деле вероятность такого наступления практически не существовала. Поэтому имелась возможность организовать и такого рода громогласные, своего рода «хлопушечные» удары по островам у побережья континентального Китая. Эти удары не несли с собой никакой реальной опасности для Мао Цзэдуна. Они были частью его представлений о войнах и об использовании войн в интересах дипломатии.

Попутно можно обратить внимание на то, что современные пропагандисты КПК применяют термин «схватка» к отношениям между КПК и Гоминьданом в то время. Правда, в отличие от «схватки» тех лет с нашей страной, речь тут идет о «передовой линии боевой схватки между КПК и Гоминьданом». Очевидно, в представлении китайских пропагандистов существуют различные этапы «схватки», или «схватка» носит разный характер в зависимости от решаемых с ее помощью задач.

В фильме также употребляется выражение «кровь гуще, чем вода». Председатель КНР Цзян Цзэминь в конце XX века говорил, что кровь китайцев гуще, чем вода в Тайваньском проливе. Все это — своего рода пропаганда идеологии единства нации Китая, которой ныне руководствуется КПК.

Премьер ГС КНР Чжоу Эньлай принял временного поверенного в делах СССР Антонова. Существует запись этой беседы.

18 сентября 1958 года. 22 часа.

В этом архивном документе со всей полнотой разъяснены причины кризиса в Тайваньском проливе.

Напряженная обстановка сформировалась именно и только по той причине, что армия США оккупировала остров Тайвань. Смягчение ситуации возможно только тогда, когда армия США будет выведена из этого района.

Цель обстрела острова Цзиньмэньдао также зафиксирована со всей четкостью. Обстрел никоим образом не был направлен против клики Чан Кайши и правительства Гоминьдана, тщетно пытающихся организовать контрнаступление на материк, а был направлен против их щита, то есть против США.

С тех пор как мы на первом заседании выдвинули проект соглашения, американцы, вероятно, сверх всяких ожиданий сформировали у себя некое ошибочное представление, полагая, что мы спешим и добиваемся достижения соглашения, поэтому они раз за разом требовали от нас прекратить огонь. Поэтому мы все же хотим мобилизовать все общественное мнение на требование к армии США уйти с Тайваня и по-прежнему сконцентрировали огонь на чанкайшистских бандитах на острове Цзиньмэньдао, чтобы осуществлять удары, которые носят характер наказания.

Итак, с одной стороны, существовал Договор между СССР и КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи. В связи с этим договаривающиеся стороны могли бы прежде, чем предпринимать военные действия, которые могли перерасти в крупное военное столкновение, если не в войну, уведомить союзника об этом.

Мао Цзэдун этого не сделал. Таким образом, он намеренно продемонстрировал США, что не считается и не намерен считаться с упомянутым договором с СССР, то есть не намерен выступать в качестве союзника СССР. И это после всего, что наша сторона сделала для КПК и КНР уже после подписания упомянутого договора. Особенно в деле создания вооруженных сил КНР.

Далее, Мао Цзэдун пропагандировал точку зрения, что Чан Кайши является патриотом Китая и не желает быть марионеткой США. Это говорилось с той целью, чтобы на всякий случай сохранять мосты для договоренности между континентом и островом когда-либо в будущем.

Наконец, Мао Цзэдун через Чжоу Энляя уведомил советскую сторону о происходящем только спустя три недели после начала артиллерийского обстрела острова Цзиньмэньдао.

В разъяснении упор делался на том, что стрельба ведется не с целью нанести ущерб китайцам на Цзиньмэньдао, то есть как бы не касается взаимоотношений между китайцами на континенте и на острове, а с целью оказать давление на США в ходе происходивших тогда переговоров между представителями КНР и США.

Таким образом, что же это за тот проект соглашения, о котором идет речь в этом документе? Что это, в конце концов, такое?

Судя по обложке этого архивного дела, СССР обменивался с нами мнениями по вопросу о Тайване.

Конечно же, китайская сторона никоим образом не хотела этого. В конце концов, какое отношение к СССР имели споры, конфликты между Китаем и США?

В фильме не говорится о союзнических отношениях между СССР и КНР, не говорится об упомянутом выше договоре.

В фильме его зрителям внушают, что Мао Цзэдун якобы отстаивал независимую и самостоятельную внешнюю политику КНР, что находило свое проявление в том, что Мао Цзэдун отказался обмениваться с нашей стороной мнениями по вопросу о взаимоотношениях между КНР и США.

В фильме современных китайцев убеждают в правоте Мао Цзэдуна, ставя вопрос следующим образом: «В конце концов, какое отношение к СССР имели споры, конфликты между Китаем и США?»

Это означало, что Мао Цзэдун лишний раз показывал США, что он полностью отделяет себя и КНР от нашей страны в вопросе о взаимоотношениях с США. Это также свидетельствовало о том, что упомянутый договор между СССР и КНР, с точки зрения Мао Цзэдуна, больше не играл никакой роли.

Хотя по вопросу о Тайване Китай не слишком-то и хотел обмениваться мнениями с СССР, тогда почему же китайская сторона все-таки хотела обмениваться информацией с советской стороной?

Появление бурных волн между Сямэнем и островом Цзиньмэньдао порождено такой причиной, как переговоры между послами КНР и США в Женеве; причина исходит от этого небольшого стола переговоров.

В декабре 1957 года США прервали Женевское совещание с КПК. Были прерваны и переговоры между послами КНР и США, начатые на основе Женевской конференции. Хотя эти переговоры и имели символическое значение, но именно это их символическое значение на протяжении довольно длительного времени намного превышало их практическое значение. Хотя во время этих переговоров США все время признавали только правительство Чан Кайши в Нанкине и не признавали правительство КПК в Пекине, однако для КПК переговоры с США на уровне послов были подобны тому каналу, который созда-

ется (прорывается усилиями обеих сторон) с огромным трудом, и хотя воды в этом канале немного и он неглубок, однако в то время для социалистического Китая это был единственный канал диалога с лагерем капитализма.

Основатель атомной промышленности Нового Китая Цянь Сюесэнь после того, как его на протяжении длительного времени удерживали в США, именно в результате многократных встреч на упомянутых переговорах послов КНР и США вернулся в Китай.

После Женевской конференции между КНР и США проводились встречи и переговоры послов, которые имели в основном символическое значение. Но и символ существования и поддержания контактов между КНР и США был важен, особенно для Мао Цзэдуна. Оказалось также, что благодаря этим переговорам из США в КНР переехал Цянь Сюесэнь — специалист по ядерной физике.

Попутно необходимо подчеркнуть, что в дипломатии КПК — КНР порой символические вещи приобретают большее значение, чем нечто реальное.

И когда американцы оставили без внимания соглашение между Китаем и США, когда они избрали уход от стола переговоров в Женеве, лично руководивший в Пекине Мао Цзэдун сделал выбор в пользу начала войны (в пользу начала боевых действий).

Итак, в этом пропагандистском фильме упор сделан в данном случае на том, что в 1958 году Мао Цзэдун счел необходимым перейти к наступательной дипломатии, к таким действиям в международных отношениях, которые показали бы всем, а прежде всего СССР и США, что он намерен выйти на передний край и навязывать свою волю партнерам.

Мао Цзэдун выбрал для этого сочетание дипломатических и военных действий. Это характерно для него в целом, для всей истории его практической политики.

Мао Цзэдун собрал на побережье континентального Китая практически всю имевшуюся в его распоряжении артиллерию и произвел «залп из десяти тысяч орудий» по островку, находившемуся в пределах досягаемости для этих орудий, на котором находились и мирные жители, и солдаты гоминь-

дановских войск. При этом было убито 600 человек. Затем он продолжал артиллерийский обстрел на протяжении многих дней подряд.

Все это Мао Цзэдун предложил «партнерам» рассматривать как всего-навсего демонстрацию силы или как жест, предназначенный для того, чтобы оказать давление на США и заставить их вернуться к столу переговоров на уровне послов с КНР.

При этом Мао Цзэдун хотел, чтобы на Тайване это не воспринимали как то, что направлено против острова. Советской стороне это было объяснено спустя несколько недель, но при этом Мао Цзэдун и его пропаганда считали, что пришла пора вообще не разговаривать с СССР тогда, когда речь идет о взаимоотношениях между КНР и США, не говоря уже об отношениях «внутри Китая», то есть между китайским материком и островом.

Жизни людей для Мао Цзэдуна не имели значения. Отношения союза с нашей страной также не имели значения.

Хотя все это делалось им для воздействия:

- и на людей в КНР, которые должны были продолжать жить с пониманием того, что Мао Цзэдун может по своему желанию применять военную силу в своей внешней и внутренней политике;
- и на людей на Тайване, которые должны были продолжать жить в ситуации, когда Мао Цзэдун или его приверженцы могли в любой момент применить военную силу;
- и для людей в нашей стране, которые должны были отныне жить в ожидании, что Мао Цзэдун может позволить себе развязать такую войну, которая может сказаться и на нашей стране;
- и на людей в США, которые должны были понять, что Мао Цзэдун может уничтожать людей на Тайване, если США не будут продолжать вести с ним пусть номинально, но переговоры.

Мао Цзэдун пошел на это с той целью, чтобы продемонстрировать КПК, населению КНР, что он намерен действовать на мировой арене как политик мирового значения, заставляя считаться с ним и СССР, и США.

Юй Цюнь, исследователь, ученый:

В те времена Китай развивал добрые отношения с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Но у Китая не были установлены отношения с США и с Японией. Это происходило главным образом потому, что США и Япония упрямо придерживались признания правительства на Тайване. А это-то и было как раз то самое, чего правительство Китая не могло терпеть ни в коем случае. Дело в том, что государство не позволяет никакому другому государству вмешиваться в свои внутренние дела. Тут не может быть никаких сомнений.

Поэтому-то в то время из-за того, что вопрос о Тайване вклинился и внес сюда беспорядок, правительство Китая все-непременно приняло довольно жесткие политические действия. И его жесткая позиция определялась тем, насколько большим было право голоса Китая в международных отношениях. Это понятно, да?

Людам в КНР сегодня внушается, что Мао Цзэдун был прав, когда он в знак протеста против того, что США «придерживались признания правительства на Тайване» и не устанавливали отношения с КНР, имел право начинать военные действия, которые могли перерасти в большую войну. Более того, внушается мысль о том, что свое «право голоса» в международных отношениях Мао Цзэдун закономерно завоевывал с помощью «довольно жестких политических действий», как именуется артиллерийский обстрел с человеческими жертвами. Это и есть проявление на практике того, о чем Мао Цзэдун говорил как о достижении подлинного равноправия в опоре на военную силу.

Ли Сяобин, исследователь, ученый:

Из-за того, что в середине июля возник кризис на Среднем Востоке и армия США высадилась на берег там, на Среднем Востоке, во взаимодействии с армией Англии, в тот момент США не могли бросить Средний Восток.

В это-то время Мао Цзэдун и решил нанести артиллерийский удар по острову Цзиньмэньдао в надежде на то, чтобы дипломатическими методами разрешить этот вопрос во взаимоотношениях между Китаем и США с той целью, чтобы обеспечить функционирование такого канала, как переговоры между КНР и США на уровне послов. У Мао Цзэдуна были именно такие соображения.

Итак, в начале XXI века современная пропаганда КНР внушает населению Китая, что не только допустимо, но и необходимо пользоваться затруднениями партнеров на мировой арене с тем, чтобы безнаказанно «нанести артиллерийский удар». Применение вооруженных сил при этом преподносится как якобы нормальный прием с целью «дипломатическими методами разрешить вопрос во взаимоотношениях между Китаем и США».

Дипломатия и война неразделимы в сознании Мао Цзэдуна.

На основе зафиксированного исторического материала Мао Цзэдун первоначально определил время артиллерийского удара по острову Цзиньмэньдао как вторую декаду июля 1958 года. В этих целях он перевел прежнего командующего Фучжоуским военным округом Е Фэя в Сямэнь. Затем он полностью перебазировал 30 артиллерийских дивизионов из военного округа Фучжоу в район вдоль морского побережья к юго-востоку от Сямэня.

Хэ Сюечжэнь, женщина, очевидец событий:

С 15 июля мы начали помогать им обустривать артиллерийские позиции. Для каждого орудия свою позицию. Всего надо было отрыть 4 позиции. В роте было 4 орудия. Поэтому и нужны были 4 позиции.

Когда они начали отрывать эти позиции, мы помогали им копать землю. Потом мы увидели, что их одежда оказалась испачкана. Мы помогали им постирать ее. Погода тогда была плохая. Высушить одежду на солнце было невозможно. Тогда мы стали сушить их одежду возле печек, на которых мы подогревали пойло для свиней.

Очевидец:

Для постройки инженерных сооружений нужен был лес. Он поступал с материка. Стволы были громадные. Их доставляли на судах. Привозили, а пристаней не было. Бревна сбрасывали в воду. Мы их вылавливали, ствол за стволом. Вылавливали на берег моря. Выловили из моря, перетаскивали на позиции в горы, а там стали строить инженерные сооружения.

Утром 26 июля 1958 года вдоль всего морского побережья закончили подготовку к нанесению артиллерийского удара по острову Цзиньмэньдао.

Однако той ночью Мао Цзэдуна мучила бессонница.

США, будучи государством, защищавшим Тайвань, в этот момент как раз готовились к высадке на берег десанта в Ливане. Они оказались вовлечены в революционную ситуацию на Среднем Востоке и не могли бросить Средний Восток. Выбор такого момента для удара по Тайваню был удачным (выгодным).

Однако Мао Цзэдуна почему-то мучила бессонница, и он даже испытывал колебания.

На следующий день планировалось дать приказ открыть огонь. Приказ не был отдан.

Мао Цзэдун лично написал письмо Пэн Дэхуаю и Хуан Кэчэну. Разъяснил им ситуацию. Сказал, что им следует несколько дней выждать и посмотреть на развитие событий в надежде на то, что войска Чан Кайши начнут высадку десанта на континент. Это было бы еще лучше. Тогда мы могли бы заманить змею в западню; для нас выгоднее вести войну на континенте.

Из каких соображений исходил Мао Цзэдун, временно приостановив начало этих военных действий?

Дело обстояло именно так, как было написано в его письме. Надо было дождаться, когда Гоминьдан пойдет в наступление на Чжанчжоу, Шаньтоу, Фучжоу и Ханчжоу, и после этого начинать военные действия.

Мао Цзэдун в 1958 году начал свою активную наступательную дипломатию на мировой арене с целью «заменить Сталина» как вождя «социалистического лагеря» и мирового коммунистического движения и с целью предстать перед китайцами в роли и в образе такого лидера нации Китая, которого еще никогда не было в ее истории.

Средством осуществления такой «дипломатии» он избрал использование имевшихся в его распоряжении вооруженных сил.

При этом войну Мао Цзэдун повел в соответствии с одним из своих принципов, а именно: там и тогда, где и когда противник на практике не имел возможности ни воспрепятствовать этим военным действиям, ни дать мгновенно должный и эффективный ответ на них.

О том, что это означало для Тайваня, для СССР, для США, мы уже говорили.

Теперь можно обратиться к вопросу о том, что это означало для людей в КНР, для китайских военачальников.

Людей нещадно использовали, навязывая им тяжелейший, собственно, каторжный труд по обеспечению этой военной операции.

Мао Цзэдун не считался ни с тем, что огнем его орудий были убиты люди на острове Цзиньмэньдао, ни с тем, какие тяготы пришлось вынести людям, мобилизованным в целях подготовки этой операции, не говоря уже о том, что у жителей прибрежного Китая на острове Цзиньмэньдао были родственники.

Мао Цзэдун и только Мао Цзэдун несет ответственность за все войны, которые он, в частности, подготовил и начал в годы пребывания у власти в КНР: за войну на Корейском полуострове, за военные действия против Тайваня, за войну против Индии, за войну против СССР.

Китайским военачальникам приходилось только выполнять приказы Мао Цзэдуна.

При этом в позиции Мао Цзэдуна всегда присутствовали иррациональные мотивы. В данном случае Мао Цзэдун уведомил министра обороны КНР Пэн Дэхуя и начальника генерального штаба НОАК Хуан Кэчэна о том, что после начала артиллерийского обстрела следует прервать его на несколько дней, чтобы подождать и дать возможность Чан Кайши высадиться на китайском континенте для ведения войны против Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун и в своей внутренней политике, и в своей внешней политике всегда имел в запасе прием, который он именовал следующим образом: «Заманить змею в западню». Из этого следует вывод о том, что партнерам всегда нужно было быть готовыми к провокационным действиям приверженцев и последователей Мао Цзэдуна. Они в партнерах всегда видели не людей, а «зверей» — тигра или змею, — с которыми при возможности разговор должен быть коротким: «Заманить в ловушку и убить».

Мао Цзэдун навязывал и населению Китая, и членам КПК, и китайским военачальникам мысль о том, что его тактика в войнах самая лучшая именно потому, что это, дескать, тактика «активной обороны». Под активной обороной Мао Цзэдун разумел «приглашение» врага войти на территорию Китая, зата-

нуть его в глубь этой территории и затем уничтожить его в «океане войны народа».

Мао Цзэдун вел себя таким образом, как будто бы враг непременно будет действовать в соответствии с его желаниями, придет на территорию Китая. Такой постановкой вопроса он и обосновывал начало военных действий по своей инициативе.

На самом деле и в войне в Корее, и в войне с Тайванем, и в войне с Индией, и в войне с СССР никто и никогда не вторгался глубоко на землю континентального Китая.

Эти войны оставались агрессивными войнами со стороны Мао Цзэдуна, как, впрочем, и война Дэн Сяопина против Вьетнама.

У Мао Цзэдуна в этих случаях ирреальное переплеталось с реальным. От его политики внутри страны и от его внешней политики, в том числе и от его войн, погибали люди, и китайцы, и люди других стран. Поэтому все это было проявлением бесчеловечности Мао Цзэдуна.

В действиях КПК того времени Мао Цзэдун как будто бы и не считался с самым крупным союзником Китая, то есть с Советским Союзом. У него как будто бы даже не было и мысли о том, чтобы дать знать об этом СССР.

Однако действительно ли Мао Цзэдун, начиная артиллерийский налет, не думал о том, что надо бы уведомить советских (СССР)?

Тут наводит на размышления и заставляет задуматься то, что случилось совершенно неожиданно. Еще во второй половине июля, то есть тогда, когда Мао Цзэдун уже принял решение о нанесении артиллерийского удара по острову Цзиньмэньдао, советские власти поставили вопрос о создании объединенного китайско-советского флота.

Шэнь Чжихуа:

19 июля 1958 года Юдин (посол СССР в КНР) вернулся из СССР в Китай. Он захотел увидеться с Мао Цзэдуном. По какому вопросу? Для того чтобы поговорить об объединенном флоте. Как только Мао Цзэдун услышал об этом, он взорвался.

Сейчас есть запись этой беседы. Сказано было чрезвычайно серьезно. Мао Цзэдун говорил: «Вот ты, Хрущев, скажи, что ты задумал, что у тебя на уме?»

Да, мы бы хотели получить некоторую помощь по линии ВМФ. А тебе непременно подавай какой-то объединенный флот. А ведь объединенный флот — это ведь на самом деле не что иное, как тот же колхоз. Ведь так? Да не означает ли это то, что если мы не согласимся вступать в этот твой колхоз, вы нам и помощь не будете оказывать? Вот вы задумали организовать этот колхоз; да разве это, по сути дела, не означает оккупацию приморской части Китая? Разве это не означает, что я должен отдать тебе все эти более чем 10 тысяч километров морской береговой линии? Так спрашивается, разрешаешь ли ты мне еще при таких обстоятельствах подняться в горы Цзинганшань, чтобы оттуда вести партизанскую войну?»

Что ни говори, а в общем и целом вопрос был поставлен чрезвычайно серьезно.

Да уж. Этот Юдин был совершенно сбит с толку.

Когда этот Юдин вернулся к себе, у него поднялось давление, похолодели и стали как ледышки руки. Его хватил удар. Затем он позвонил Хрущеву. Ах ты, боже мой, Хрущев тоже занервничал, разволновался. Стал говорить: «Что же (имеет в виду) этот товарищ Мао Цзэдун? Что все это означает?»

Стал говорить: «Может быть, ты ошибаешься, когда говоришь такое?»

«Да нет же» (отвечал Юдин).

Хрущев тоже перепугался.

Он никак не мог взять в толк, почему это так?

Он в спешке, создавая целый калейдоскоп событий, совершил поездку в Китай. Он приехал, чтобы объяснить Мао Цзэдуну ситуацию.

Иной раз при просмотре этого фильма создается впечатление, что и его создатели продолжают находиться под воздействием того ирреального взгляда на жизнь, который был присущ многим действиям Мао Цзэдуна.

Когда Мао Цзэдун уже принял решение нанести артиллерийский удар по острову Цзиньмэньдао, советская сторона внесла предложение о создании объединенного или совместного военно-морского флота.

С нашей стороны это было проявлением представлявшегося в то время нормальным взгляда на наши двусторонние

отношения. Между СССР и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Мы искренне помогали КНР создавать вооруженные силы. Мы, наконец, согласились предоставить КПК — КНР технологию производства атомной бомбы. Мы думали, что теснее и искреннее, чем наш союз, на мировой арене не было ничего. В нашей стране считали, что мы теперь являемся самыми настоящими военными союзниками. Поэтому возникла мысль использовать землю КНР для постройки такой длинноволновой радиостанции, которая могла бы связываться с подводными лодками, действующими в Тихом океане против нашего общего врага — империализма США. Мы внесли такое предложение после того, как получили просьбу КНР помочь в создании подводного флота. И строительство радиостанции, и строительство подводных лодок для КНР представлялось нам осуществлением самого тесного и искреннего военного союза.

Из этого и проистекало наше предложение.

При этом мы ничего не навязывали, а всего лишь вносили предложение.

Хрущев удивил Мао Цзэдуна, когда согласился дать ему атомную бомбу.

После этого Хрущев думал, что они с Мао Цзэдуном «на-век друзья» и военные союзники.

Мао Цзэдун, вероятно, радовался, что обманул Хрущева, когда получил атомную бомбу.

Мао Цзэдун продолжал видеть в нашем народе и в нашей стране главного военного врага Китая.

Поэтому он, получив наше предложение о радиостанции и по ВМФ, практически вызвал Хрущева в Пекин и наговорил ему такого, что позволяет себе говорить только тот, кто относится к вам как к военному врагу.

Мао Цзэдун обвинил нашу сторону в том, что она якобы требует создать из СССР и КНР один «колхоз».

Мы такого требования и вообще никаких требований не выдвигали.

Мао Цзэдун обвинил нашу страну в желании не оказывать больше никакой помощи КНР. Это не имело под собой никаких оснований.

Мао Цзэдун обвинил нашу страну в том, что она вообще, дескать, хочет оккупировать Китай и лишить Мао Цзэдуна

возможности вести партизанскую войну против этой оккупации. (Здесь сказались давние претензии Мао Цзэдуна к Сталину и к нашей стороне.)

Мао Цзэдун обвинил нашу страну в стремлении оккупировать все побережье континентального Китая. Это была дикость, но дело было не только в этом, а в том, что в 1958 году Мао Цзэдун, получив от нас все, что только можно было желать, в том числе и атомную бомбу, впервые заговорил с Хрущевым как с военным врагом Китая. Хрущев впервые услышал подлинный язык Мао Цзэдуна, узнал о его подлинном отношении к нам как к военному врагу.

Это был момент полного разрыва Мао Цзэдуном отношений, которые связывали нас с 1920-х гг. Это был поворот в отношениях, в результате которого нам пришлось постепенно осознать, что Мао Цзэдун смотрит на нас как на военного врага и готовит войну против нас.

Серьезность всего этого такова, что необходимо подчеркнуть, что и сегодня пропаганда КПК оправдывает такое отношение Мао Цзэдуна к нашему народу и нашей стране. Ни одно слово Мао Цзэдуна не дезавуировано в КПК — КНР.

После того как Мао Цзэдун произнес эти слова, вплоть до настоящего времени есть основания ждать со стороны последователей Мао Цзэдуна чего угодно по отношению к нашему народу и нашей стране.

Душное и жаркое лето — это как раз то время, которое в Пекине переносится наиболее тяжело. В конце июля 1958 года Хрущев с душевным трепетом тайно прибыл в Пекин.

Когда он второпях добрался до Чжуннаньхая, Мао Цзэдун беззаботно плавал в бассейне, спасаясь от жары. Судя по его виду, настроение у этого вождя Китая вовсе не было таким скверным, как его описывал Юдин.

Шэнь Чжихуа:

Если говорить о фактической стороне дела, то я думаю, что, по сути-то, Мао Цзэдун (занял такую позицию) совсем не из-за какого-то там объединенного флота. Потому что само это дело было весьма простым. Ведь они всего-навсего выдвинули предложение, и не более того. А если ты с ним не согласен, так не согласен, вот и все. Дело закончено, так?

Ну, возьмем все это, даже вместе с вопросом об этой длинноволновой радиостанции. Кто там вкладывает средства, в каких количествах, сколько это будет стоить и т. д. Все это просто предмет для обмена мнениями, для совета между сторонами, собеседниками, и не более того.

Если говорить, что на сей раз в беседе с Юдиным Мао Цзэдун вспылил, взорвался, то эту ситуацию вполне можно описать известным в китайском языке выражением: мысли хозяина пира не вином заняты.

Но тогда в чем же состоял его подлинный замысел? Неужели же временная приостановка нанесения артиллерийского удара по острову Цзиньмэньдао именно и была осуществлена с той целью, чтобы дожидаться приезда Хрущева в Пекин?

Из ныне рассекреченных архивных документов следует, что в них нет никаких записей, которые бы показывали, что при этой встрече Хрущев был поставлен Мао в известность о будущих действиях в Тайваньском проливе.

Шэнь Чжисхуа:

Фактически стороны не говорили ни о каких вопросах международного плана, международной обстановки, в том числе и о кризисе в Тайваньском проливе, то есть об артиллерийском ударе по острову Цзиньмэньдао. Мао ни единым словом не упомянул об этом в разговоре с ним. Не было ни одного намека.

Но накануне того дня, когда Хрущев должен был улетать, то есть 3 августа 1958 года, Мао ему сказал: «Товарищ Хрущев, давай сделаем так: ты прилетел секретно, а улетишь открыто. Да и не только улетишь открыто, а я сам поеду на аэродром проводить тебя; и, кроме того, я хочу, чтобы все посольства иностранных государств в Пекине приехали на аэродром проводить тебя».

В этот момент Хрущев был очень озадачен. Он сказал: «Председатель Мао, ведь я приехал тайно; никто об этом не знает».

Мао сказал: «Ты мог приехать тайно, а уехать можешь открыто».

После отъезда Хрущева 4 августа 1958 года в газете «Жэньминь жибао» было напечатано «Совместное коммюни-

ке». В коммюнике говорилось о том, что руководители Китая и СССР в чрезвычайно теплой и откровенной атмосфере обменялись мнениями о важных и актуальных проблемах современной международной обстановки, в еще большей степени укрепили отношения дружбы, союза и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом, обменялись мнениями о мирном разрешении международных вопросов, о защите мира во всем мире; состоялось всестороннее обсуждение вопросов, стороны достигли полного единства мнений по этим вопросам.

Эта составленная в самых общих словах и не наполненная существенным содержанием информация стала известна в мире. Это понятно без слов.

Вне зависимости от того, был ли этот прием задуман Мао Цзэдуном заранее или это было счастливое совпадение, но, по крайней мере, внешне артиллерийский налет Китая на остров Цзиньмэнъяо также обзавелся дополнительно советским защитным зонтиком. В конце концов, Мао Цзэдун не хотел на самом деле возбуждать американцев. Однако если американцы действительно раскинулись, то советская охлаждающая мощь была тут, естественно, кстати.

Фактически в конечном счете в ближайший же месяц Мао Цзэдун переполошил, привел в замешательство американцев и возбудил, вызвал раздражение у советских властей. Горячность советских руководителей полностью улеглась только через год.

Прием современной пропаганды КПК в данном случае состоит в том, чтобы ввести в сознание зрителей в КНР все приведенные выше высказывания Мао Цзэдуна и как бы походя внушать, что это, дескать, с одной стороны, естественное, правильное и оправданное поведение Мао Цзэдуна, да и принципиальное отношение к нашему народу и нашей стране, а затем перевести внимание зрителей на то обстоятельство, что Мао Цзэдун, дескать, устроил этот якобы искусственный и ничего не значащий взрыв эмоций просто для того, чтобы создать ситуацию, при которой на мировой арене ему удалось добиться появления совместного заявления КНР и СССР, которое помогло ему при нанесении артиллерийского удара по острову Цзиньмэнъяо. У Мао Цзэдуна, дескать, получилось, что он и не раскрыл своей военной тайны перед Хрущевым, и исполь-

зовал Хрущева как «зонтик» в своих отношениях с США. Мало того, Мао Цзэдун тем самым стремился осложнить отношения СССР с США.

Иными словами, китайские пропагандисты призывают зрителей фильма в КНР восхищаться коварством и двуличием Мао Цзэдуна в отношении нашей страны и народа, тем, как ловко он сумел обмануть тех, кого следует рассматривать как военного врага Китая и китайцев.

Шэнь Чжисхуа:

В 1959 году стороны ссорились. Во время ссоры специально обсуждали этот вопрос.

Мао сказал, что Тайвань, освобождение Тайваня — это наше внутреннее дело, внутреннее дело Китая. «Если я захочу говорить об этом с вами, я поговорю об этом с вами. Если не захочу говорить об этом с вами, я и не буду говорить об этом с вами».

Хрущев сказал: «Да, я знаю, что это — внутреннее дело Китая. Однако этот крупный военный конфликт возник на Дальнем Востоке, а мы с вами — государства-союзники. И вы должны заранее ставить нас в известность. Тогда мне легче будет осуществлять согласованные действия».

Однако же в тот раз ссора была чрезвычайно свирепой.

Китайские пропагандисты стремятся доказывать, что Мао Цзэдун, дескать, был настолько умнее Хрущева, что играл с ним, как кот с мышкой.

Однако если вчитаться в то, что здесь сказано, то становится очевидно, что Хрущев понимал, что действия Мао Цзэдуна — это разрыв обязательств по договору о дружбе, союзе и взаимной помощи. Мао Цзэдун не подтверждал обязательств по этому договору. Это пришлось учитывать в своей политике нашей стороне.

Односторонние действия Китая в отношении Тайваня, вполне очевидно, побудили СССР — государство-союзник — ощутить недоумение. А это послужило завязкой для процесса движения к расколу отношений союзников — Китая и СССР.

Однако в то время в близких, тесных отношениях Китая и СССР еще не произошли изменения существенного характера.

Хрущев все еще был погружен в ту атмосферу гармонии, неразрывного единства, сформировавшуюся 8 месяцев тому

назад на Московском совещании коммунистических и рабочих партий более 60 государств.

На этом совещании Мао Цзэдун выступил с речью и сказал: «Такой цветок (бутончик), как Хрущев, на вид красивее, чем я, Мао Цзэдун. Однако в Китае есть старая поговорка: “Хотя красный цветок и хорош, но он тоже нуждается в поддержке зеленой листвы”. На мой взгляд, такой цветок (бутончик), как Хрущев, тоже нуждается в той зеленой листве, которая бы поддержала его. Монаху обычно нужны два послушника, которые бы поддерживали его, а бамбуковая изгородь не стоит без трех опорных стволов».

Хрущеву, который тихой сапой приехал в Китай и которого с такой помпой проводили из Китая, спустя полмесяца после этого пришлось услышать, что 23 августа 1958 года в 17 часов 30 минут Мао Цзэдун отдал приказ открыть артиллерийский огонь по острову Цзиньмэньдао и этот приказ дошел до морского побережья провинции Фуцзянь.

Авторы фильма продолжают пытаться создавать ложное представление о Хрущеве и Мао Цзэдуне.

Однако если внимательно относиться к тому, что они говорят, то у них даже получается, что поведение Мао Цзэдуна побудило нашу сторону ощутить «недомогание» в связи с отношением Мао Цзэдуна к нашему договору с КНР. В фильме также говорится, что это и явилось «завязкой процесса движения к расколу» отношений между нами как отношений союзников.

Действительно, Мао Цзэдун своими действиями вел дело именно к этому. В нашей стране, очевидно, постепенно приходило осознание этого.

Цзэн Цзымо:

Когда 23 августа 1958 года артиллерия с материка нанесла первый удар по острову Цзиньмэньдао, командующий обороной острова Цзиньмэньдао как раз устраивал банкет. Заместитель командующего Чжао Цзясян погиб при первом же залпе. Два военных советника из армии США тоже попали под прицел.

НОАК потеряла убитыми и ранеными начальника артиллерии 92-й дивизии, политкомиссара 131-го артиллерийского полка, 2 заместителей командиров артиллерийских батарей, 5 бойцов-артиллеристов. Кроме того, погиб один связист.

Спустя 20 лет (то есть в 1978 году), как следствие осуществления на континенте Китая политики реформ и открытости, город Сямэнь и остров Цзиньмэньдао, которые на протяжении многих лет смотрели один на другого как враги, также восстановили дружественные контакты.

Родственные и дружеские чувства растопили атмосферу холодной войны. Родственники и друзья снова начали жить в мире и покое. Однако каждый раз, когда речь заходит о той далекой артиллерийской войне, соотечественники, которые живут на этом небольшом острове, вспоминают об этом по-прежнему со страхом.

Хэ Миннянь, очевидец:

Люди говорили, что вечером того дня нигде было спрятаться, некуда было убежать. Когда начали стрелять, горы покрылись разрывами, действительно запахло войной.

Артиллерийский налет 23 августа 1958 года продолжался более часа. НОАК произвела по острову Цзиньмэньдао более 20 тысяч выстрелов из орудий.

Вот сцена из художественного фильма о тех событиях, выпущенного на экран в 1966 году.

Вот женщина — староста деревни Хун Сюцун. Она кричит в рупор: «Враг стреляет из орудий!», «Берегитесь обстрела!».

В том году, когда была осуществлена «военная операция 23 августа», эта женщина во главе 400 народных ополченцев взаимодействовала с НОАК. В районе морского побережья у города Сямэня, на островах Дадэндао и Сяодэндао, Цзяюйдао, Цинъюйдао и в окрестных деревнях действовало много таких народных ополченцев, в том числе и пионеры 10–12 лет. Все они участвовали в сражении.

Хэ Сюечжэнь, женщина-очевидец:

Мы тогда разбирались в том, из какого орудия стреляют. Понимали, какой снаряд разорвется рядом, а какой пролетит мимо. Упадет далеко. И тогда мы продолжали идти.

Сюй Сючэн, очевидец:

Разбирались в снарядах. Снаряды были весом от 7,5 до 15 килограммов. Разбирались в том, когда недолет, когда перелет, куда летят осколки. Были между жизнью и смертью. Сейчас, как подумаешь, страшно.

Сражение вдоль морского побережья провинции Фуцзянь становилось все ожесточеннее. Государственный секретарь США Даллес жестко заявлял: надо заставить КПК понять, что не следует пытаться с помощью вооруженной силы изменять территориальный и политический статус Тайваня, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу, всех этих островов. Потому что это может привести к возникновению большой войны в этом районе.

Однако Мао Цзэдун как будто бы и не желал начала большой войны.

Ли Сяобин:

Он вызвал в Бэйдайхэ с фуцзяньского фронта командовавшего этим фронтом генерала Е Фэя для того, чтобы тот руководил обстрелом островов из артиллерийских орудий из Бэйдайхэ.

В то время Е Фэй не понимал этого: «Как я могу командовать за тысячу ли от моих солдат? Я должен быть на передовой».

А в это время Мао Цзэдун, судя по воспоминаниям Е Фэя, возвращался домой в одних плавках после морского купания. Садился пить чай. Он выглядел не так, как тот, кто ведет войну. Это было поразительным в глазах Е Фэя.

Действие этого спектакля с участием кота и мыши, в котором тогда, когда ты наступаешь, я остаюсь спокойным, а тогда, когда ты обороняешься, я наношу удары, именно и развернулось в отношениях между Китаем и США.

К концу августа 1958 года НОАК полностью блокировала линии материального снабжения острова Цзиньмэньдао. Чан Кайши обратился к США с просьбой о поддержке и помощи. Он указывал: «КПК применяет тактику блокирования острова Цзиньмэньдао. Если КПК будет продолжать наносить удары точно таким же образом, как она это делает в настоящее время, и будет также действовать на море, то вскоре связи между прибрежными островами и Тайванем могут быть прерваны». Он имел в виду эту опасность. Он надеялся, что США предпримут действия.

Авторы фильма стремятся внушать своим зрителям в КНР, что война — это вовсе не страшно, что Мао Цзэдун был спосо-

бен пугать и Чан Кайши, и США, и СССР, но сам при этом обеспечивал Китаю ненападение со стороны противника.

Мао Цзэдун исходил из того, что из-за обстрела острова Цзиньмэньдао никто большой войны начинать не будет, а он, дескать, может получить выгоду и во взаимоотношениях с США, и во взаимоотношениях с нашей страной, а точнее, в продвижении своих планов, направленных на воспитание населения КНР в духе согласия с осуществлением Мао Цзэдуном планов военной конфронтации между нашими двумя нациями — Россией и Китаем — и в дальнейшем началом Мао Цзэдуном войны против нас на границе.

Цзэн Цзымо:

В ходе военных действий в отношении Тайваня в 1958 году Китай предварительно не уведомил об этом СССР — своего тогдашнего союзника. Из-за этого Хрущев пришел в раздражение и разозлился. В январе 1959 года во время переговоров с Чжоу Энлаем Хрущев жаловался на то, что КПК, с одной стороны, выступает за то, чтобы СССР находился во главе (социалистического лагеря), а с другой стороны, плюет в лицо Советскому Союзу. Хотя Хрущев выразился грубо, но держался он так, как следовало. Однако дело было тут в том, что нация, которая в максимальной степени испытала обиды и оскорбления, недавно созданная Китайская Народная Республика, ни в коем случае не желала находиться в подчинении у какого бы то ни было крупного государства; возможно или пожалуй, тут исходили именно из такого психологического посыла. Некоторые методы действий КПК вызвали у Хрущева сомнения, и даже недовольство. Однако в это время Мао Цзэдуну было уже недосуг еще и заботиться о том, какой будет реакция государства-союзника. Он сосредоточил все свои духовные силы на том, чтобы как можно скорее превратить Китай в мощное и великое государство, которое бы на бегу ворвалось в коммунистическую мечту.

Откровенность современных пропагандистов КПК иной раз почти обескураживает.

Психологически даже сегодня, более полувека спустя после описываемых событий, пережив все, что делал Мао Цзэдун по отношению к нашему народу и нашей стране — а он несет ответственность за первый выстрел на границе, за

кровь и смерть наших людей, за «пограничную войну» против нас, за призыв к созданию всемирного фронта борьбы против нас, за несправедливое отношение к нам как к врагу, — пережив продолжение Дэн Сяопином политики Мао Цзэдуна по отношению к нам, все-таки удивляешься тому, как можно столь цинично пропагандистски воспитывать население КНР.

В фильме, не стесняясь, а, наоборот, даже как бы гордясь, его авторы заявляют, что да, в 1958 году Мао Цзэдун предвительно не уведомил о военных действиях в отношении Тайваня своего тогдашнего союзника — наш народ и нашу страну.

Одно это говорит о том, что нас сегодня в КНР считают не просто чужими, но теми, той «мелочью», с кем можно совершенно не считаться.

Очень трудно осознать, что Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи действительно никогда не считали нас союзником, перед которым у них есть обязательства.

Авторы фильма испытывают радость и передают это чувство своим зрителям, говоря о том, что предательство нас как союзника вызвало «раздражение и злость» у Хрущева. Они смеются над нашими чувствами. Они оскорбляют наши национальные чувства.

Здесь сопоставляются чувства людей в нашей стране и чувства, которыми руководствовались Мао Цзэдун и его приверженцы.

Такое отношение к нам авторы фильма объясняют тем, что «нация, которая в максимальной степени испытала обиды и оскорбления», то есть нация Китая, «не желала находиться в подчинении у какого бы то ни было крупного государства», то есть у нашей страны.

Это не просто ложь относительно нашего народа и нашей страны. Это ложь в максимальной степени.

Мы никогда не навязывали Китаю и китайцам никакого подчинения. Мы никогда не наносили им никаких обид и оскорблений.

Китайские пропагандисты подчеркивают, что эти обиды и оскорбления были, и были максимальными. Это означает, что ничто не может сравниться с чувствами вражды и ненависти к нам как к народу и стране.

На самом деле современная пропаганда КПК не только сохраняет в сознании населения КНР вражду и ненависть, которые ему внушал по отношению к нам Мао Цзэдун, но и стремится поддерживать и углублять эти вражду и ненависть в максимальной степени и навечно.

В фильме прямо говорится, что Мао Цзэдуну «было недосуг еще и заботиться о том, какой будет реакция государства-союзника», то есть нашего народа и нашей страны.

Все поведение Мао Цзэдуна оправдывается тем, что он сосредоточил все силы на том, чтобы как можно скорее превратить КНР в «мощное и великое государство, которое бы на бегу ворвалось в мечту о коммунизме».

Триумф воли, мощи и величия, прежде всего над нашим народом и нашей страной, — вот мечта Мао Цзэдуна. Ему дожить до такого триумфа не удалось, но он к этому стремился, делал все возможное, чтобы передать своим потомкам чувство иррациональной вражды и ненависти к нам.

Наша страна в начале 1950-х гг. представлялась ему гирей на ногах, препятствием на пути к наращиванию мощи и величия Китая.

Мао Цзэдун не просто хотел порвать дружественные связи и союз с нами. Он хотел «освободить» Китай от исторической памяти о нашей помощи и дружбе, перевоспитать китайцев, изменить все представления в Китае о нашем народе и нашей стране, об истории взаимоотношений наших двух наций.

В те годы это подавалось под соусом коммунистической идеологии, хотя, по сути дела, тут главенствовали исключительно националистические представления, стремление навязать нам как нации господство Китая как нации.

В конце июня 1959 года высокопоставленные кадровые работники КПК один за другим прибывали на гору Лушань. Они собирались на Лушаньское совещание, или Лушаньский пленум ЦК КПК, который оказал глубокое и далеко идущее влияние на последующую историю Китая. Тогда был поднят занавес этого совещания. Изучавшие историю люди обычно делят Лушаньское совещание на два периода. На начальный и завершающий периоды. То, что там происходило до 23 июля, называют советом мудрецов. Ли Жуй, который лично присутствовал на Лушаньском совещании и

стал свидетелем истории, 5 июля написал следующие стихотворные строки:

Там мы были словно в раю,
над нами плыли облака,
под ногами у нас клубился туман.
Мы весело общались,
не ведая того, что грядет несчастье.

В этих словах отразилось настроение участников совещания.

И хотя в то время
весь народ строил ирригационные сооружения,
весь народ плавил сталь,
и дело доходило до соревнования в «запуске спутников»,
то есть до соревнования докладов о новых рекордах, рекордных урожаях в сельском хозяйстве, причем настолько высоких, что это, конечно же, было сказками,

хотя тогда

осуществлялось движение за осуществление великого скачка,

а также за создание народных коммун (коммун народа),
от которых требовалось,

во-первых, быть крупными, громадными по масштабам

и, во-вторых, требовалось, чтобы в них было обобщено
все и вся,

требовалось, чтобы там осуществлялся принцип: ешь от
пуза, и никаких за это денег,

хотя

движение за создание народных коммун в кратчайшие
сроки захватило весь Китай

и было знаковым явлением,

хотя

все это имело для государственного хозяйства катастрофические последствия,

однако,

благодаря тому

что к тому времени уже на протяжении полугода признавали ошибки и исправляли их,

благодаря чему в обстановке уже происходил поворот к
лучшему,

многие из существовавших проблем уже постепенно решались.

Таким образом, Лушаньское совещание превращалось в обобщение общими усилиями опыта и уроков, в тот неземной персиковый сад, где люди освобождаются от духовного бремени.

Шэнь Чжисихуа, ученый-исследователь:

Можно спросить, с какой целью понадобилось созывать Лушаньское совещание?

Цель Лушаньского совещания состояла в том, чтобы сдержать душевный порыв, добиться того, чтобы люди больше не боролись за то, чтобы оказаться в передовиках, впереди всех, докладывая о высоких показателях урожайности. Ведь, по сути дела, все знали, что добиться таких рекордов невозможно. Однако в то время среди кадровых работников среднего звена, то есть включая кадровых работников провинциального уровня, кадровых работников различных провинций и округов, существовал страх оказаться среди отстающих. Ведь сам председатель Мао призвал осуществлять это движение, так? Поэтому все и каждый боялись оказаться среди отстающих. Все наперебой и непрерывно стремились доложить о высоких показателях. Поэтому изначально целью этого совещания было всеобщее урегулирование; при этом предполагалось, что в будущем будет урегулирована и политика. Иными словами, хотели с помощью такого мелкого дождичка добиться того, чтобы все охолонуло, охладились. Речь шла о том, чтобы поговорить об этих вопросах.

Однако 23 июля, по сути дела, беззаботное совещание мудрецов, в ходе которого пытались добиться пользы, внезапно совершило поворот и изменило свой характер. После открытой критики Мао Цзэдуном Пэн Дэхуая изменилась направленность Лушаньского совещания. До того это было стремление исправлять ошибки левого характера. Затем был совершен поворот на 180 градусов. На совещании стали добиваться того, чтобы отступил правый оппортунизм, чтобы повернулось вспять его бешеное наступление.

На Лушаньском совещании секретарь Мао Цзэдуна Ли Жуй, превратившийся в члена антипартийной группировки Пэн Дэхуая, поддержавшей критические соображения Пэн

Дэхуая, запечатлел, тоже в стихах, обстановку того времени:

И вот мы поднялись в зал, где звучали самые разнообразные мнения,

И мы продолжали свободно размышлять о новых вещах.

И ощутили, что все, что можно было сказать, уже сказано.

И кто же мог предположить, что всего за одну ночь упомянутый мелкий дождичек превратится в страшный ураган.

Пэн Дэхуай очутился в бедственном положении из-за письма, в котором он в соответствии с фактами отобразил ситуацию в ходе великого скачка и создания народных коммун. Оказалось, что его письмо из 10 тысяч слов носит угрожающий и разрушительный характер. Такой ярлык уже был навешен.

Однако людям было невозможно понять следующее: Пэн Дэхуай написал Мао Цзэдуну свое письмо в 10 тысяч слов 14 июля. С того дня на совещании было много выступлений такого же плана. Обобщение опыта и уроков также было главной темой Лушаньского совещания. В этой связи спрашивается, почему Мао Цзэдун внезапно 23 июля создал все эти трудности? Что, в конце-то концов, произошло за эти 10 дней? Впоследствии те, кто были очевидцами Лушаньского совещания, а также ученые, историки размышляли на эту тему, поворачивая ее и так и этак. Действовали в поисках тайны, скрывавшейся за кулисами. Однако так и не был дан ответ, не были даны разъяснения, которые были бы целиком и полностью удовлетворительными.

В фильме зрителям внушают пропагандистское представление о том, что произошло в Китае и в наших двусторонних отношениях в 1959 году. Речь идет о Лушаньском пленуме ЦК КПК.

Применяется обычный прием, когда на первый взгляд объективно говорится о фактах, причем даже как бы в критическом духе. В частности, оправдывается выступление Пэн Дэхуая с критикой политики «народных коммун» (точнее, передают содержание этого понятия «коммуны народа»; мы будем пользоваться этим термином).

В то же время зрителей подводят к мысли о том, что вообще-то, дескать, в Китае, несмотря на все «завихрения» Мао Цзэдуна, все шло хорошо. И собрались на пленум для того, чтобы исправить имевшиеся «мелкие недостатки».

И если бы все зависело от ситуации внутри Китая, то все и было бы хорошо.

Однако неожиданно Мао Цзэдун резко раскритиковал Пэн Дэхуая. Создал ситуацию напряженности внутри партии и страны.

В чем же была причина такого выступления Мао Цзэдуна?

В рассекреченных на сей раз архивных документах МИД КНР мы сверх ожиданий обнаружили следующий документ.

18 июля Хрущев, выступая в Познани, в Польше, в одном сельскохозяйственном кооперативе, раскритиковал производственные коммуны, возникшие в СССР в ранние годы его существования. Хрущев критиковал их организационную форму, саму эту форму организации. Возможно, он тем самым бросал тень на коммуны народа (народные коммуны) в нашей стране с помощью этой критики.

Шэнь Чжисхуа:

Я читал это выступление (Хрущева). Этот Хрущев был весьма сообразителен. Он не упомянул о Китае. Но он выразил свое критическое отношение. Он сказал так: «Мы в свое время тоже создавали коммуны, но этот опыт оказался безуспешным». Он говорил о том, что происходило в 1918–1920 годах. О коммунах, которые тогда создавались в СССР. Он говорил: «Если хочется создавать такие коммуны, тут нужны материальные условия, нужна моральная подготовка. Создавать коммуны можно лишь тогда, когда все это имеется. В противном случае неизбежно поражение». Говоря это, он ни словом не упомянул о Китае.

Хотя в этом публичном выступлении Хрущев ни одним словом не упомянул о Китае, но, так как его выступление было ответом на вопрос поляка, который попросил высказать его мнение о коммунах народа (народных коммунах) в Китае, поэтому и отношение Хрущева к народным коммунам в Китае было ясно без слов.

Для современных китайских пропагандистов важно не то, какие беды, какое горе принесла политика Мао Цзэдуна миллионам людей Китая в результате создания в КНР «коммун народа».

В начале нынешнего столетия перед ними поставлена задача обратить гнев населения Китая, в том числе и гнев в связи с бедствием «коммун народа», против нашего народа и нашей страны и выгородить Мао Цзэдуна и его политический курс и во внешней политике, в отношении нашей страны, и внутри КНР.

В соответствии с тем, что внушают авторы фильма, люди в КНР сегодня должны думать, что Мао Цзэдун в своей политике в отношении нашего народа и нашей страны был якобы во всем прав. И в ходе этой «праведной» борьбы ему, дескать, приходилось и внутри КНР вести борьбу против «предателей нации Китая», то есть против тех, кто не соглашался с его курсом на вражду и ненависть к нам, на подготовку войны против нас, да и просто не был согласен с ним в его отношении к России (СССР).

Современная пропаганда КПК внушает людям в Китае, что борьба Мао Цзэдуна против нашего народа и нашей страны неизмеримо важнее гибели миллионов людей от голода в результате создания «коммун народа». Люди в КНР сегодня должны думать, что ничто, никакие преступления Мао Цзэдуна и беды народа Китая не могут идти в сравнение со стремлением Мао Цзэдуна создавать мощное и великое государство для того, чтобы отомстить нашему народу и нашей стране за «оскорбления и унижения», которые Россия, дескать, нанесла нации Китая.

Именно с этой целью и были опубликованы документы из архива МИД КНР в 2006 году, а в 2007 году был сделан и выпущен в продажу этот документальный пропагандистский кинофильм.

Послание из десяти тысяч слов от Пэн Дэхуая уже само по себе вызвало недовольство Мао Цзэдуна. И тут вслед за этим 20 июля МИД КНР в свою очередь доложил, что в массах кадровых работников в СССР существует реакция следующего характера. Они полагают, что и великий скачок, и коммуны народа (народные коммуны) в Китае — все это тер-

пит крах, что Мао Цзэдун тут совершил ошибку в линии. (Доклад о пропаганде в СССР в отношении Китая в апреле — июне 1959 года.) А еще через день появилось упомянутое публичное, открытое высказывание Хрущева. И все легло на стол перед Мао Цзэдуном.

Авторы фильма проговорились. Они заговорили о том, что «в массах кадровых работников в СССР» существует отрицательное отношение к политике Мао Цзэдуна, к его «великому скачку» и «коммунам народа».

Это признание того, что Мао Цзэдун был враждебно настроен по отношению не только к Хрущеву, но и «к массам кадровых работников», иначе говоря, к нашему народу и нашей стране.

Походя авторы фильма признают, что Мао Цзэдун был недоволен критикой со стороны Пэн Дэхуая, который, как известно, правильно критиковал практику осуществления «идеи» Мао Цзэдуна о «коммунах народа».

В фильме два этих проявления «недовольства» Мао Цзэдуна склеивают воедино, выполняя пропагандистскую задачу осудить совместно и наш народ, и нашу страну, и тех в КНР, кто был недоволен политикой Мао Цзэдуна.

У авторов фильма получается — и именно это они хотели бы по заданию партийных органов внушить населению Китая, — что при всех своих «незначительных недостатках» (они, по выражению Дэн Сяопина, составляли всего 30 % от того, что он натворил) Мао Цзэдун всегда и во всем был прав, особенно в осуществлении курса на вражду и ненависть по отношению к нам, на противопоставление, в том числе и в военном смысле, наших двух наций, а также на «вычищение» «тылов» Китая от «национальных предателей» (Лю Шаоци, Пэн Дэхуая и других), которые не были согласны с ним, в ходе развернутой им же «культурной революции».

Шэнь Чжисхуа:

И такого Мао стерпеть не мог. Обратите внимание на то, что в черновиках бумаг Мао (в его резолюции) специально подчеркивается, что после того, как он (Мао) прочел это высказывание Хрущева, он метал гром и молнии, взбеленился. Он дал указание немедленно довести это высказывание до участников Лушаньского совещания с тем, чтобы все они это про-

читали. В связи с этим возникает вопрос о том, не утверждает ли СССР, что те самые коммуны, которые там не удалось создать, окажется невозможным создать в Китае. Не следует ли из этого то, что и наши коммуны народа (народные коммуны) тоже всенепреренно должны рухнуть и т. д. Это говорит о многом. И в конце он обозначил исходную точку: «Я хочу объявить Хрущеву открытую пропагандистскую войну».

Открытая пропагандистская война. Результатом ее объявления, прежде всего, и явилось то, что внутри КПК отыскали тех, кто говорил, представляя взгляды Хрущева. Вот тогда и произошли внезапные изменения в ситуации на Лушаньском совещании. Первым под удар попал Пэн Дэхуай. Он стал той целью, по которой был нанесен удар. Пэн Дэхуай вместе с Хуан Кэчэном, Чжан Вэньтянем, Чжоу Сяочжоу назвали антипартийной группировкой правых оппортунистов. Отсюда и началось выведение на более высокий уровень и теории, и практики классовой борьбы. Причем масштабы этой борьбы все более расширялись; в конечном счете это привело к взрыву великой культурной революции (революции в сфере культуры, образа мышления человека).

В пояснительном тексте к фильму признается, что Мао Цзэдун по своей инициативе начал то, что он сам и назвал «открытой пропагандистской войной».

Впоследствии китайская сторона ввела, а наши партийные чиновники сочли выгодным принять иное наименование всего этого на русском языке: «открытая полемика». Но на самом деле это он начал сначала «открытую пропагандистскую войну», а потом и настоящую войну на границе против нас.

С точки зрения Мао Цзэдуна, его война против нас и его война против противников его курса в КПК — КНР представляли собой классовую борьбу. С его точки зрения, все это соответствовало его пониманию марксизма, пониманию им теории и практики классовой борьбы. Причем борьба эта против нас виделась Мао Цзэдуном как классовая борьба, выведенная им «на более высокий уровень», очевидно, по сравнению с его предшественниками Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Собственно говоря, в конечном счете Мао Цзэдун назвал двумя главными достижениями своей жизни изгнание Чан

Кайши на Тайвань и осуществление «культурной революции».

«Культурная революция» для него была революцией в сфере культуры, революцией в образе мышления человека, и практикой этой революции, «культурной революции», революции в образе мышления, переделки сознания человека, и была бескомпромиссная смертельная классовая борьба против нашего народа и нашей страны. Именно на такую борьбу Мао Цзэдун нацеливал своих приверженцев и последователей, своих современников и потомков.

Такая теоретическая и практическая постановка вопроса понадобилась Мао Цзэдуну для того, чтобы попытаться сначала отделить друг от друга наши нации, потом противопоставить их, создать военную конфронтацию, разделить Россию и Китай пролитой им кровью на века.

Однако давайте мы все же вернемся к тем архивам МИД, которые только что рассекречены. Когда простой поляк спросил у Хрущева, как он относится к коммунам народа (народным коммунам) в Китае, этот руководитель СССР ответил следующим образом:

«Вскоре после окончания Гражданской войны мы начали не кооперирование сельского хозяйства, а начали с коммун. В то время нашлись те, кто утверждал, что раз уж мы боремся за коммунизм, то уж разрешите нам создавать коммуны».

Хрущев обратился к этому историческому периоду. Мысль Хрущева была абсолютно ясна полякам.

Во время Отечественной войны СССР занимался созданием коммун. Иными словами, тогда питались из общего большого котла. Всего через каких-то два года все это рухнуло. Начиная с 1948 года Сталин продвигал создание колхозов в государствах Восточной Европы, входивших в лагерь социализма. В итоге в Польше, Венгрии, Болгарии и т. д. сельское хозяйство пришло в состояние застоя. С политикой в сфере сельского хозяйства в СССР дело тоже обстояло из рук вон плохо.

Для Мао Цзэдуна эта история была абсолютно ясна. Поскольку дело было так, постольку Хрущеву оставалось только говорить в туманных расплывчатых выражениях и не касаться внутренних дел в Китае.

Из этого описания того, что происходило в истории нашей страны, следует, что современных китайских пропагандистов заботят не факты, а все это для них только тот прием, с помощью которого они хотели бы внушать, что между Хрущевым и Мао Цзэдуном были непримиримые противоречия. Хрущев, дескать, хотел бы «загнать» всех и внутри СССР, и в «социалистическом лагере», и в КНР в один большой «колхоз» под своим господством. Поэтому он выступал против «коммун народа», предложенных Мао Цзэдуном. И здесь авторы фильма пытаются создать впечатление, что с исторической точки зрения то, чем были для Китая эти «коммуны народа», не так уж и важно (хотя фактически они оправдывают создание «коммун народа»), а важно иное — борьба Мао Цзэдуна против якобы навязывавшегося Китаю нашей страной господства.

Современные поколения китайцев воспитывают в том духе, что главное во всей истории борьбы Мао Цзэдуна и КПК — это якобы борьба за «освобождение» нации Китая от неравноправия и господства, которое мы как нация якобы навязывали китайцам.

Может возникать вопрос о том, почему Мао Цзэдун пришел в такую ярость, в такой гнев в связи с этим? Если попытаться до конца разобраться в причинах такой ярости и гнева Мао Цзэдуна, тогда нам придется обратиться к истории и вернуться в конец 1957 года, то есть ко второй поездке Мао Цзэдуна в СССР.

В 1956 году на XX съезде КПСС Хрущев выступил против Сталина. В результате в мире поднялась волна выступлений против СССР и коммунизма. Вслед за этим возникли распри между СССР и Польшей, а также венгерские события. Когда поднялась эта волна, Китай строго придерживался середины и давал отпор, то есть занимал позицию скалы на стремнине. Тогда в газете «Жэньминь жибао» были опубликованы две статьи «О диктатуре пролетариата». Это оказало громадное воздействие на весь мир. В международном плане КПК во все возрастающей степени привлекала к себе внимание людей.

Цзэн Цзымо:

И именно на этом фоне Мао Цзэдун и нанес визит в СССР, где Хрущев оказал ему исключительный (крайне необычный) прием. Мао Цзэдун трижды выступал с речами на Московском

совещании. Во время совещания он непрерывно действовал в сфере дипломатии и сверкал в этой области как звезда.

Почти все участвовавшие в совещании руководители считали, что после Сталина Мао Цзэдун — это еще один кормчий лагеря социализма.

Говорят, что в то время в Польше на экзаменах по философии главным образом спрашивали о философских идеях Мао Цзэдуна. Один из кандидатов не получил степень доктора философии, потому что не смог ответить на вопрос о взглядах Мао Цзэдуна, выраженных в его работе «Относительно противоречия».

Авторы фильма вводят в заблуждение зрителей в КНР. Они искажают фактическое положение вещей в мире, в мировом коммунистическом движении, в «лагере социализма», утверждая, что в истории этого движения и этого «лагеря» якобы были последовательно, один за другим «два великих кормчих»: Сталин и Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун в международном коммунистическом движении никогда не пользовался такой властью и не обладал таким авторитетом, как в свое время Сталин.

Однако в это время Мао Цзэдун позволил Хрущеву, авторитет которого снижался, покрасоваться. Хрущев ратовал за широкое соревнование со странами капитализма. Хрущев, лопаясь от самодовольства, выдвинул лозунг: за 15 лет догнать США.

Сила и величие — вот характеристика нации Китая, в духе которой современная пропаганда воспитывает население КНР.

Люди в Китае сегодня должны верить, что после смерти Сталина в мире, не только в Китае, но прежде всего и в нашей стране, видели в Мао Цзэдуне «великого кормчего», символ «трех великих»: великой нации, великого государства, великой партии.

Перед Мао Цзэдуном Хрущев, с этой точки зрения, был «мелочью», которая к тому же нуждалась в покровительстве Мао Цзэдуна.

Хрущев тужился «надуть щеки». Мао Цзэдун, дескать, сжалился и позволил ему немного покрасоваться. Так рисуют ситуацию авторы фильма.

На самом деле оба они, и Хрущев и Мао Цзэдун, были «одного поля ягоды» в своем стремлении покрасоваться перед народами своих стран. Их претензии на величие и превосходство над Америкой и Англией были пустыми потугами.

Шэнь Чжисхуа:

В 1956–1957 годах экономика в СССР была восстановлена. И не только промышленность, но и сельское хозяйство. В те два года урожаи были чрезвычайно богатыми. Затем к этому добавилось развитие промышленности, особенно науки и техники. Вы только подумайте: в небо поднялся искусственный спутник Земли, в морские воды спустилась атомная подводная лодка. Все это было в то время высшими мировыми достижениями. Поэтому-то Хрущев, чрезвычайно гордясь этим, выдвинул такой лозунг: за 15 лет догнать Америку.

Именно в то время, когда ситуация была на подъеме, на головы людей внезапно выплеснули ушат холодной воды. Это стало раздражителем для Мао Цзэдуна. Днем он выслушал доклад Хрущева. Вечером вернулся в Кремль и начал прикидывать и так и этак. За 15 лет догнать Америку. Этого Китай вряд ли сможет добиться. Но тогда можно ведь догнать Англию.

Когда проходят десятилетия, такого рода пропагандисты, как авторы этого фильма, получают возможность, выполняя установки центральных партийных органов, совершенно произвольно утверждать то, что не имело ничего общего с действительностью.

Дела в СССР вовсе не обстояли так, как об этом говорится в фильме. Наша страна еще далеко не оправилась от последствий и разрушений Великой Отечественной войны.

Авторы фильма так рисуют состояние дел в СССР для того, чтобы принизить цену и значение нашей тогда искренней помощи народу Китая. Вовсе не было ситуации, при которой целиком восстановившая свою экономику и богатая страна уделяла некую малую часть своего избыточного богатства Китаю. Мы сами все еще были почти нищими, но помогали китайцам.

У Хрущева не было никаких оснований даже говорить о том, чтобы догнать Америку. Это была пустая похвальба,

обычная пропаганда политических, в данном случае коммунистических, партий.

Говорить не о реалиях, а о виртуальной борьбе Мао Цзэдуна против Хрущева — вот задача, которую ставят перед собой создатели фильма.

С их точки зрения, важнее всего тут было настроение Мао Цзэдуна, а не реальное положение в своей стране и в нашей стране.

Он, видите ли, воспринял лозунг Хрущева «Догнать Америку» как «ушат холодной воды». Как попытку обойти его на повороте забега в коммунизм.

Отсюда и любование авторов фильма Мао Цзэдуном, который, как они хотели бы внушить зрителям своей картины в КНР, был настолько умен, что сумел выдвинуть в противовес Хрущеву свой лозунг: «Догнать Англию».

Внимание зрителей фильма переносится таким образом на соревнование двух пустых прожектеров, Хрущева и Мао Цзэдуна, каждый из которых был оторван от жизни народа страны, в которой он жил и действовал, но это-то и нужно руководителям фронта пропаганды в современных КПК — КНР.

Разница между Хрущевым и Мао Цзэдуном при этом состояла в том, что у Хрущева никогда не было намерений настраивать народ нашей страны против народа Китая, а для Мао Цзэдуна это была центральная или одна из главных целей его политической деятельности.

Шэнь Чжисхуа:

У него, однако, не было полной уверенности в том, что окажется возможным догнать Англию. Он встретился с генеральным секретарем коммунистической партии Англии, потом Франции, Италии. Получил представление об объемах производства стали в Западной Европе, представление о том, сколько и в каком году окажется возможным выплавить. Выяснив это, он обрел относительную уверенность. Произвел подсчеты. Однако это были относительно простые подсчеты. Он считал только то, сколько будет произведено стали. Он сказал: «Вы произведете 15 или 20 миллионов тонн стали. Вероятно, через десятилетия. Ладно. Вероятно, через 40 лет. Нам такого времени не понадобится. Нам хватит 15 лет».

Очень скоро, то есть тогда, когда Московское совещание подходило к концу, Мао Цзэдун, действуя по принципу «острие против острия», громогласно объявил, что через 15 лет Китай догонит или перегонит Англию.

Авторы фильма пытаются перенести внимание зрителей фильма на «относительно простые» вещи, на рассуждения Мао Цзэдуна о том, сколько стали он хотел бы выплавлять в КНР. При этом ни словом не упоминается о том, какой ценой он собирался этого добиться.

Не говорится ничего и о том, что со стороны Хрущева не было никакого соревнования в духе вражды и ненависти к народу Китая.

Спустя месяц на VIII съезде Всекитайской федерации профсоюзов Лю Шаоци официально объявил о том, относительно чего в душе Мао Цзэдун все еще резервировал оговорки. Лозунги «Догнать Англию», «Догнать Америку» превратились в развертывание великого скачка. Они в особенности стали важным лозунгом великого скачка в промышленности. Вслед за этим по всему Китаю как бутоны расцвели малые доменные печи. Вслед за этим стали все расти и расти цифры — показатели производства зерна. Мао Цзэдун поднял мечту о коммунизме на небывалую высоту. Вскоре после начала великого скачка на всю страну было распространено движение за создание коммун народа. Простые люди преисполнились энтузиазма и бросились на борьбу за производство стали. А затем с высоко поднятыми площадками для риса отправились в общественные столовые и стали поглощать еду из большого общественного (общего) котла. Атмосфера, температура скачка поднялась в Китае до небес, это вызвало внимание во всем мире. Особенно в братских государствах лагеря социализма.

Пропаганда в коммунистических странах применяла один и тот же прием для того, чтобы вводить в заблуждение народы. В нашей стране пропаганда ухватила за термин, появившийся на Западе, и настойчиво внушала нам, что Ленин — это, дескать, всего-навсего «кремлевский мечтатель». В КНР пропаганда пытается внушать народу страны, что Мао Цзэдун — это, дескать, всего-навсего тот великий кормчий, который поднял мечту о коммунизме на небывалую высоту.

При этом пропаганда пытается заставить забыть о горе народов, которые были вынуждены существовать в условиях режимов, созданных этими «мечтателями», и погибать в ходе массовых репрессий и голода, уносившего миллионы жизней.

Шэнь Чжихуа:

В это время в Китае внезапно был выдвинут призыв создавать коммуны народа. Все ощутили в этом нечто чрезвычайно новое, все стали этому учиться. Включая, вы только подумайте, и этих чехов. Я читал в газетах. Это была информация для внутреннего пользования. Везде хотели учиться коммунам народа в Китае. Приезжали в Китай за этим как за священным писанием. Хотели узнать, как создавать коммуны народа.

В это время Китай во всех государствах, где у власти были коммунистические партии, стал знаменем. Хотя это знамя было чрезвычайно ослепительным, однако его притягательная сила как лозунга вслед за закрытием общественных столовых в коммунах стала постепенно нести урон и сокращаться.

Тут не случайно упоминается об «этих чехах». Ведь именно чех на Московском международном совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 году задавал Мао Цзэду вопрос о том, что будет с небольшим по численности народом Чехословакии в случае мировой ядерной войны, о которой с таким подъемом вещал тогда Мао Цзэдун.

Теперь китайский пропагандист стремится уверить своих соотечественников в том, что те же самые чехи были очарованы и ослеплены знаменем «коммун народа», поднятым Мао Цзэдуном.

Нужно со всей твердостью сказать, что показуха могла иметь место и имела место, показное внимание к коммунам народа демонстрировалось. Но, по сути дела, никто и нигде, кроме как в самих КПК — КНР, не восхищался реалиями, которые принесли народу Китая «коммуны народа» Мао Цзэдуна.

Китайский пропагандист пытается совместить несовместимое. Восхищение «великим скачком» в коммунизм в опоре на «коммуны народа» Мао Цзэдуна с упоминанием как бы проходя, всего лишь попутно, о проедании всех запасов пищи в общественных столовых «коммун народа» и о страшном голоде в Китае.

В рассекреченных архивах МИД мы обнаруживаем сообщения о том, что тот самый СССР, к которому Мао Цзэдун в душе относился как к старшему брату, крайне мало писал в своих газетах о великом скачке и о коммунах народа в Китае.

23 января 1959 года посольство КНР в СССР сообщало о том, что некий сотрудник Института Китая в СССР в частном порядке проговорился о том, что по указанию инстанции не будет распространяться второй номер журнала «Советское китаеведение», потому что там были помещены несколько статей о наших коммунах народа.

Мы не можем себе представить, что почувствовал Мао Цзэдун, ознакомившись с этой новостью. Даже этой полученной в частном порядке мелочи придавалось серьезное значение. Поэтому нам не трудно себе представить, какое существенное место занимал в душе Мао Цзэдуна старший брат — СССР.

12 марта 1959 года поступило сообщение о том, что хвалебная статья о великом скачке советского специалиста в области сельского хозяйства, посетившего КНР в сентябре 1958 года, была лишь тогда (в марте 1959 года) опубликована в газете «Сельское хозяйство». Однако в ней не было никакого существенного содержания, за исключением выражения автором восхищения великим скачком в нашем сельском хозяйстве в 1958 году и было сказано, что это имеет научно-теоретическое значение.

Спустя 20 дней в СССР начали, наконец, сообщать о коммунах народа в Китае:

«Создание коммун народа содействовало громадному скачку во всех областях экономики и бурному развитию производительных сил. Можно сказать, что китайские крестьяне положительно относились к коммунам народа, так как они считали, что в условиях Китая эти коммуны прокладывают путь к быстрому развитию экономики, прокладывают, следовательно, и путь к быстрому повышению уровня жизни народа».

Из этого текста мы видим, как, скрепя сердце, с какой неохотой, советские люди давали положительную оценку коммунам народа в Китае и при этом еще и ссылались на китайских крестьян при описании ситуации.

Почему же советские люди выражали свое мнение таким образом? Как смотрели в СССР на великий скачок в Китае и на коммуны народа в Китае?

Авторы фильма пытаются создавать у зрителей своего фильма в КНР такое впечатление, как будто бы то горе, которое Мао Цзэдун принес народу Китая своим «великим скачком» и своими «коммунами народа», — это, с одной стороны, внутреннее дело Китая и его надо отделять от событий на мировой арене, от отношений с нашей страной и, с другой стороны, это (то есть горе народа) менее, даже гораздо менее важно, чем душевные терзания, чем боль, которую в душе переживал (один человек) Мао Цзэдун, который страшно расстраивался из-за любой мелочи, которая касалась того, как к нему и его политике относились в СССР. Мао Цзэдун тогда, а современные китайские пропагандисты сегодня, в частности в этом фильме, хотели бы внушать людям в Китае, что народ в нашей стране, дескать, душой был с Мао Цзэдуном, его «скачком» в коммунизм, его «коммунами народа», но вот советские власти, Хрущев скрывали от советского народа величие Мао Цзэдуна, прокладывавшего скоростное шоссе в коммунизм.

Шэнь Чжихуа:

Я читал в советских архивах сообщение о том, что в ЦК КПСС была создана группа во главе с Андроповым. Эта группа специально изучала вопрос о коммунах народа в Китае. Изучив вопрос, группа представила доклад в ЦК КПСС. В этом докладе говорилось, что, во-первых, сама постановка такого вопроса о коммунах народа сделана ЦК КПК, весьма возможно, что это предложение выдвинул лично Мао Цзэдун. Во-вторых, что касается методов работы в коммунах народа, то в настоящее время видно, что они являются абсурдными. Они не соответствуют реальной ситуации в Китае. Иными словами, так действовать нельзя. В свое время мы тоже занимались этим. Это никоим образом не приводило к успеху. Однако как нам поступать в настоящее время? Мы не можем выступать против этого, так как если мы выступим против, если скажем, что это не хорошо, не правильно, тогда не получится ли, что мы направим острие против Мао Цзэдуна и ЦК КПК?

Жун Чжи, в свое время сотрудник посольства КНР в СССР:

В СССР был свой взгляд на наш великий скачок. Они не были с этим согласны. Однако они открыто об этом не говорили. В то время открыто не говорили. Когда между социалистическими государствами есть разногласия, есть критические соображения по очень важным вопросам, относительно принципов, тогда это не следует обнародовать, а надо обмениваться мнениями внутри, между собой.

Авторы фильма стремятся перенести внимание зрителей фильма на то, что они трактуют как разногласия между советскими руководителями. В данном случае они пытаются противопоставлять Хрущева, который якобы был настроен на борьбу против Мао Цзэдуна, и Андропова, который выступал против того, чтобы нацеливать острие борьбы против Мао Цзэдуна.

Фактически КПК, ЦК КПК рассматривали поражение колхозного строя в СССР как нечто случившееся с вагоном нашего же поезда, идущим впереди. И не делали никаких сравнений. Мао Цзэдун считал, что если колхозы в СССР не будут заниматься промышленностью, а будут заниматься только сельским хозяйством, тогда это будет равнозначно разбрасыванию семян по широким площадям при сборе незначительного урожая. Поэтому будет невозможно перейти к коммунизму. А коммуны народа в Китае — это иное дело. В конце 1958 года Мао Цзэдун не только был твердо уверен в том, что КПК уже нашла правильный путь непосредственного перехода к коммунизму, но и чувствовал, что благодаря великому скачку и движению за создание коммун народа Китай в будущем еще быстрее, чем СССР, вступит в идеальное общество при коммунизме. Лозунг великого скачка за 15 лет догнать Англию и за 15 лет перегнать Англию и Америку затем был изменен; срок был сокращен до 8 лет. А в течение некоторого времени даже звучал призыв догнать и перегнать за 5 лет.

Однако несмотря на то, каким бы ни был великий скачок, но энтузиазм народа Китая был поднят на небывалую высоту. Отношение советских людей к этому всегда оставалось ни холодным, ни горячим.

С момента описываемых событий прошло почти полвека. Нынешние пропагандисты КПК считают, что у них есть полная возможность, исходя из того, что поколение людей того времени или ушло из жизни, или уже не играет никакой роли, внушать нынешним поколениям в КНР мысль о том, что главное в то время состояло в том, что энтузиазм народа Китая был поднят на небывалую высоту. При этом подразумевается, что тут важнее всего цель, выдвинутая Мао Цзэдуном, — вступить в коммунизм. А то, чем на практике обернулись последствия упомянутого скачка и упомянутых коммун, — это, дескать, не важно. Ну, умерли от голода десятки миллионов людей. Мы их быстро еще «настрогаем», как говорил Мао Цзэдун на совещании в Москве в 1957 году, когда речь зашла о потерях в будущей термоядерной войне. Мао Цзэдун именно так относился к людям, к человеку.

Авторы фильма здесь считают возможным осуждать наш народ за то, что он не проявлял должного энтузиазма по отношению к великим, с их точки зрения, деяниям Мао Цзэдуна.

Иными словами, китайские пропагандисты то противопоставляют отношение нашего народа взглядам Хрущева, то осуждают всех скопом: и Хрущева, и наш народ.

24 сентября 1959 года посольство КНР в СССР направило сообщение «Реакция в СССР на кампанию создания коммун народа в Китае». В этом документе говорилось, что в советской печати немного материалов о кампании по созданию в нашей стране коммун народа. Очень мало статей. О 6-м пленуме КПК 8-го созыва, о его решении по некоторым вопросам коммун народа не опубликовано ни одной статьи ни в одной газете.

Так авторы фильма стремятся воздействовать на чувства своих зрителей в КНР. Они осуждают нас за то, что в нашей стране было мало статей о «коммунах народа». Так подспудно внушается мысль о том, что нашему народу и нашей стране следовало бы уже тогда, а не только сейчас идти за великим кормчим, за Мао Цзэдуном и публиковать в нашей печати решения пленумов его партии, наполнять нашу печать статьями о его свершениях: о «великом скачке» и «коммунах народа».

И при этом у авторов фильма в стороне остается то, чем обернулись эти скачок и коммуны для народа Китая.

С точки зрения Мао Цзэдуна, благодаря примерно двум годам великого скачка производство стали в Китае будет увеличено, значительно возрастет производство зерна в Китае. Он даже опасался того, что зерна окажется так много, что его негде будет хранить, складировать. И тогда можно будет противостоять двум полюсам — США и СССР. И тут оставалось единственное слабое место, то есть то, что у Китая не было ядерного оружия. И именно на Московском совещании в 1957 году Мао Цзэдун в своем выступлении на тему о ядерной войне всех ошеломил и испугал. В присутствии руководителей более чем 60 коммунистических и рабочих партий поднял громадную волну.

Шэнь Чжисхуа:

Он сказал, что в настоящее время есть и такие, кто хотел бы начать ядерную войну. Сказал, что нам не следует пугаться. Ведь если кто-то вздумал воевать, несмотря ни на что, тебе никак не поможет то, что ты будешь этой войны бояться. Он сказал, что если эту войну начнут по-настоящему, то в этом нет ничего сверхъестественного. Ведь на Земле живут два миллиарда семьсот миллионов человек. Если даже половина из них умрет, еще более миллиарда останется. Он сказал, что у нас в Китае шестьсот миллионов людей. Если у нас умрет половина, у нас останется еще триста миллионов. Чего же бояться? Когда он это сказал, все были ошеломлены.

Было слышно, как муха пролетела.

Затем, в перерыве, все обсуждали сказанное. Дело тут в том, что люди Европы восприняли сказанное им с раздражением. Например, Новотный, генеральный секретарь коммунистической партии Чехословакии, сказал, что вот в Китае-то 600 миллионов человек, и если половина из них умрет, то останется еще 300 миллионов; а у нас в Чехословакии всего-навсего 20 миллионов человек. Очень многие собирались вместе и обсуждали.

В 1958 году Хрущев приезжал в КНР. На аэродроме во время встречи Хрущева Лю Шаоци сказал ему, что в Китае в том году произведено столько зерна, что они просто не знают, куда его девать.

Хрущев ответил: «У нас такой проблемы нет».

Думается, что Лю Шаоци сделал это намеренно. С одной стороны, к нему в КПК — КНР как бы и не подкопаешься. Ведь он повторил мысль Мао Цзэдуна. С другой стороны, он, таким образом, сделал гласной трезвую оценку ситуации Хрущевым для руководства ЦК КПК, для всей партии и для Мао Цзэдуна.

Далее следует очень важное положение.

Оказывается, вся мечтательность Мао Цзэдуна, весь энтузиазм народа в ходе «великого скачка» и «народных коммун» были подняты им с тем, чтобы демонстрировать если не уже существующую, то будущую мощь Китая. Демонстрировать «двум полюсам» — США и СССР.

Вот чем были заняты мысли Мао Цзэдуна. Вот в чем были его цели и планы. Он был нацелен на то, чтобы поодиночке превзойти нашу страну и Америку по государственной мощи Китая.

При этом Мао Цзэдун думал, что тут можно рассуждать очень просто.

Государственная мощь Китая складывается из трех показателей: производство стали, производство зерна, производство ядерного оружия.

Мао Цзэдун полагал, что решить вопросы о необходимом уровне производства стали и зерна он может сам внутри Китая, возбуждая энтузиазм китайцев, превращая их в орудие своей безумной политики.

Безумной потому, что ее неотъемлемой частью, с точки зрения Мао Цзэдуна, была война, в том числе реальная война против нашей страны, а также и мировая термоядерная война.

Мао Цзэдун был намерен заполучить атомную бомбу. Ему это в конечном счете удалось. И не кто иной, как Хрущев, как наша страна дали ему в руки это оружие.

Можно высказать предположение, что это было сделано и с тем, чтобы поставить КПК — КНР в положение обладателя атомного оружия, что предполагало сдержанность, еще большую сдержанность при подходе к вопросу о мировой войне и вообще о войне с возможным применением ядерного оружия.

Однако, с точки зрения Мао Цзэдуна, следовало настроить всех его предполагаемых сторонников, то есть международное коммунистическое движение и «лагерь социализма», на мысль о неотвратимости мировой ядерной войны. И даже не только

на это и, может быть, скорее и в первую очередь не на это, а на то, что Мао Цзэдуна следует признать великим вождем, единственным вождем этого движения и этого лагеря потому, что он вооружал их НЕБОЯЗНЬЮ войны, а это, с его точки зрения, было той важнейшей идеей, с помощью которой он и стремился вознестись выше Хрущева и выше нашей страны и народа.

На Московском совещании компартий в 1957 году руководители коммунистических и рабочих партий всего мира впервые в истории и впервые каждый из них в своей жизни лично слышали, что говорит Мао Цзэдун, как он ведет себя там, где его слово должно считаться законом; это давало попутно представление о том, что происходит в Коммунистической партии Китая. Думается, что все это в совокупности отвратило навсегда всех разумных людей от Мао Цзэдуна и его идей.

В советской печати сообщение об этом выступлении Мао Цзэдуна на Московском совещании по вопросу о ядерной войне было опубликовано только в 1960-х гг., то есть тогда, когда отношения между Китаем и СССР от разногласий дошли до ухудшения. Кое-кто на этом основании считал Мао Цзэдуна военным маньяком. В конце концов, что действительно имел в виду Мао Цзэдун, когда он произносил в то время эти слова? Возможно или пожалуй, эти его слова понимали только люди Китая. Они могли приблизиться в большей степени к тому, какой смысл в это вкладывался.

Эта идея Мао Цзэдуна официально и беспрекословно была принята в КПК, в КНР. В остальном мире ее воспринимали как безумие. В нашей стране Брежнев считал Мао Цзэдуна военным маньяком. Это проявилось на практике тогда, когда Мао Цзэдун начал проливать кровь наших людей, когда в целях осуществления его идей и планов был произведен первый выстрел на границе в наших безоружных пограничных представителях в 1969 году на острове Даманский.

И снова китайские пропагандисты пытаются играть на утверждении о том, что глубину мысли Мао Цзэдуна люди в нашей стране просто не способны понять, потому что они, дескать, недостаточно умны. А умными здесь авторы фильма выставляют, играя на том, что должно, с их точки зрения, тешить самолюбие зрителей фильма в КНР, только людей Китая.

Жун Чжи, в свое время сотрудник посольства КНР в СССР:

На XX съезде КПСС было выдвинуто положение о том, что война не неизбежна. Что не существует фатальной неизбежности войны. Что обе стороны избегают такой войны, потому что если будут воевать, применяя атомную бомбу, тогда погибнут все. Он же предложил свой тон, свою тональность. Он особенно подчеркнул, что войны можно избежать, что мы должны, во-первых, избегать войны и, во-вторых, мы должны также одновременно не бояться войны. Ведь если война все-таки начнется, что тогда? Начнется война, так начнется; будет война, будем воевать. Не на жизнь, а на смерть. Убьют у нас половину населения. Ну и что. У нас останется еще половина. Это было вдохновляющее заявление, именно поднимающее дух. Он говорил, что тогда, когда дело идет о войне, мы должны с презрением относиться к врагу, а тогда, когда речь идет о тактике войны, мы должны со всей серьезностью относиться к врагу. Он приводил именно такие аргументы. Это был философский подход или взгляд на вопрос.

В стратегическом плане с презрением относиться к врагу, в тактическом плане внимательно относиться к врагу. Вот это-то и есть тот принципиальный подход ко всем делам, которого всегда последовательно придерживался Мао Цзэдун.

У Мао Цзэдуна было трезвое понимание того, что над головой народа Китая всегда висел дамоклов меч, то есть он понимал то, что касалось ядерного оружия. Именно в этом была причина того, что он всегда ратовал за то, чтобы считать, что СССР находится во главе лагеря социализма.

Именно в этих целях Мао Цзэдун специально разъяснял, что мы, то есть Китай, не можем выступать во главе, у нас нет для этого необходимых качеств, качеств того, кто находится впереди, так как у нас мало опыта. И хотя по количеству населения мы являемся крупным государством, но в экономическом плане мы — малое государство. СССР запустил спутник. А у нас нет даже и половины спутника. Мы располагаем только китайской картошкой (ямсом, бататом). Поэтому для нас быть во главе очень трудно. А у Коммунистической партии Советского Союза есть опыт более 40 лет, опыт у нее богатый и наиболее полный.

Здесь авторы фильма предложили свое понимание соотношения духоподъемности и трезвого понимания вещей.

В системе взглядов Мао Цзэдуна, верность которой сохраняют, в частности, авторы этого фильма, на первое место они ставят то, что делал Мао Цзэдун, чтобы поднимать дух народа в КНР. В этом смысле дух для них оказывается первичен. То, что на практике политика Мао Цзэдуна обернулась смертью миллионов людей в Китае в мирное время, этих пропагандистов не смущает.

Так они трактуют высказывания и действия Мао Цзэдуна, и сегодня внушая мысль о том, что нужно, дескать, не бояться войны. Причем эта небоязнь оправдывается следующим: ну, убьют у нас половину населения, ну и что.

Разумные люди, как мне думается, не могут соглашаться ни с Мао Цзэдуном в прошлом, ни с современными пропагандистами КПК, которые декларируют приверженность идеям Мао Цзэдуна и в настоящее время.

В 1956 году Хрущев, отражая разумный взгляд на войну, отражая интересы нашего народа и нашей страны, которые совпадают с интересами других народов, в том числе народа Китая, заговорил о том, что фатальной неизбежности мировой атомной войны не существует.

Мао Цзэдун в 1957 году в Москве на Международном совещании коммунистических и рабочих партий попытался «переиграть» Хрущева, навязать свое понимание этого вопроса, то есть стал внушать, что, во-первых, войны надо стремиться избегать и, во-вторых, ее не надо бояться. Суть его взглядов сводилась к тому, что он продолжал исходить из того, что мировая ядерная война является неизбежной и необходимо в духовном плане быть морально готовым к тому, что в такой войне может погибнуть половина человечества, половина и населения Китая. Почему только половина, а не больше, Мао Цзэдун при этом не разъяснял. Очевидно, однако, что в мышлении Мао Цзэдуна важное место занимали рассуждения о том, что должно следовать из того факта, что китайцев уже больше всех на Земле сравнительно с другими народами.

Мао Цзэдун стремился перехватить у Хрущева знамя коммунизма, роль вождя международного коммунистического движения и вождя «лагеря социализма». И при этом он хотел

продолжать возлагать на Хрущева, на наш народ и нашу страну роль того, кто должен брать на себя борьбу по принципу «острие против острия» с американским империализмом. Причем не страшась атомной войны, а фактически исходя из того, что такая война будет и ее не следует бояться.

В 1958 году, когда вспыхнул кризис в Тайваньском проливе, Мао Цзэдун тем самым, выступая в качестве того мастера, которого дело боится, прощупывал состояние взаимоотношений между сверхкрупными государствами — США и СССР. Использовал дипломатическую мудрость и таким образом защищал интересы Нового Китая. А его умение смело вступать в борьбу там, где идет состязание в мудрости, решительно вступать в борьбу там, где идет состязание в смелости, именно и было тем рычагом ядерного сдерживания в отношениях между США и СССР. Ведь как мог бы устоять Китай, если бы СССР однажды лишился своего ядерного зонтика.

Авторы фильма снова внушают зрителям мысль о мудрости и смелости Мао Цзэдуна, которые якобы проявлялись им тогда, когда речь шла о мировой ядерной войне и об умении сыграть на противоречиях между СССР и США. Они пытаются доказывать, что Мао Цзэдуну удалось использовать в интересах КНР «ядерный зонтик» СССР даже против воли нашего государства. До поры до времени Мао Цзэдун стремился прикрываться нашим «ядерным зонтиком», подставлять наш народ и нашу страну под ядерный удар США и их союзников.

Именно так в фильме трактуют маневр Мао Цзэдуна в 1958 году, когда ему, дескать, удалось перед началом артиллерийского обстрела острова Цзиньмэньдао, о чем он предварительно не уведомил своего союзника СССР и таким образом обманул нас, заставить СССР продемонстрировать перед лицом США свое обязательство защищать КНР и с помощью своего «ядерного зонтика».

Представляется, что это говорит не о мудрости и не о смелости Мао Цзэдуна, а о том, что он не был верен союзническим обязательствам, обманывал союзника и был способен подвести мир к краю ядерной войны, ставя под удар другие народы, прежде всего наш народ.

Хотя в сентябре 1959 года Хрущев нарушил принцип взаимоотношений между социалистическими государствами, согласно которому в случае появления разных точек зрения полагалось вести обсуждение внутри, в закрытом порядке, и применил такой метод, как открытая (публичная) критика коммун народа в Китае, однако в своем подходе к взаимоотношениям Китая и СССР Мао Цзэдун вопреки своей обычной манере колебался и медлил.

На самом деле это Мао Цзэдун нарушил союзнические обязательства.

Не говоря уже о том, что у Мао Цзэдуна не было оснований обвинять Хрущева в нарушении принципа взаимоотношений между социалистическими государствами, нужно отметить, что вопрос о характеристике внутренней политики и вопрос, касавшийся отношения к мировой ядерной войне, — это два несопоставимых по важности вопроса.

В конце сентября 1959 года Хрущев во главе советской делегации прибыл в Пекин для участия в праздновании 10-й годовщины КНР. Мао Цзэдун сам приехал на аэродром встречать его. Горячая атмосфера встречи показывала, что КПК проявляла к Хрущеву и советской делегации такое же внимание, как и прежде.

1 октября красные флаги заполнили площадь Тяньаньмэнь. На площади царил радостная атмосфера. Мао Цзэдун с гордостью приветствовал друзей, приехавших со всех концов страны, демонстрировал успехи социалистического Китая за годы двух первых пятилеток в деле строительства. Гремели приветствия, пожелания: «Десять тысяч лет». Однако находившийся на башне Тяньаньмэнь Хрущев, казалось, был сильно озабочен многочисленными проблемами. Вымученное выражение на его лице явно контрастировало с атмосферой праздника.

Китайские пропагандисты в данном случае хотели бы утверждать, что в Пекине в 1959 году во время празднования 10-й годовщины КНР царил радостная атмосфера. На самом деле это происходило после Лушаньского пленума ЦК КПК, выступления Пэн Дэхуя с обоснованной критикой внутренней политики Мао Цзэдуна, критикой его «коммун народа», и не-

обоснованных нападков Мао Цзэдуна на Пэн Дэхуая, которые были фактически началом очередной чистки КПК от тех, кто дружелюбно относился к нашей стране.

Именно вечером накануне того дня, когда они поднялись на башню Тяньаньмэнь, между ним и Мао Цзэдуном состоялась далеко не радостная беседа.

Ли Юежань, в свое время переводчик Мао Цзэдуна:

Хрущев сказал, что в 1957 году мы уже достигли соглашения. Правительства Китая и СССР достигли соглашения о том, что они передадут нам чертежи атомной бомбы.

31 сентября в зале Иньяньтан во время переговоров между двумя политбюро сильно расшумелись, и это было крайне нерадостно. Поэтому на следующий день, когда он поднялся на башню Тяньаньмэнь, у него не было никакого настроения. Но он все же пошел туда. И он сказал: «Что касается этих чертежей атомной бомбы, нуждаетесь ли вы все еще в них? Они вам еще нужны?» Он сказал, что это — дело очень дорогое; может быть, мы не будем предоставлять их. Тогда председатель в ответ сказал ему: «Нужны-то они нам нужны, а вот предоставлять или не предоставлять, это ваше дело. Нам это все равно. Если предоставите, мы будем еще больше рады. Если не предоставите, мы сами найдем способ».

Перед поездкой в Китай для участия в государственном празднике Хрущев непременно снова и снова делал расчеты в уме. Ему было известно о том, что Мао Цзэдун крайне недоволен его оценкой такого метода, как коммуны народа в Китае. При этом и сам Мао Цзэдун делал тонкий намек в связи с тем, что делалось (СССР) во время кризиса в Тайваньском проливе и на границе между Китаем и Индией. И тогда при первой же схватке сторон Хрущев стал первым трубить о своем превосходстве, пытаясь подавить оппонента. Он прямо бросился в атаку на мягкое подбрюшье Китая. Возможно, Хрущев считал возможным угрожать, используя вопрос о технологии производства ядерного оружия, он думал, что если поступить таким образом, тогда Мао Цзэдун и КПК непременно будут вынуждены показать свою слабость. Однако он забыл о том, что Мао Цзэдун — это чемпион в играх, которые ведутся по определенным правилам.

К осени 1959 года во взаимоотношениях СССР и КНР, КПСС и КПК накопилось многое.

Прежде всего, еще в 1958 году Хрущев впервые услышал, как Мао Цзэдун прямо заговорил военным и враждебным нашему народу и нашей стране языком. В том же 1958 году Мао Цзэдун начал военные действия в Тайваньском проливе, не уведомив нас как своего военного союзника.

В 1959 году Мао Цзэдун сделал то же самое на границе КНР и Индии.

Это требовало заново оценить отношение Мао Цзэдуна к нам как к военному союзнику. Это требовало заново оценить весь процесс передачи Мао Цзэдуну секретов производства ядерного оружия.

В то же время в 1959 году речь шла с нашей стороны всего лишь о жесте, который никак не менял сути произошедшего. А на деле к тому времени СССР уже передал КНР всю технологию производства ядерного оружия. Объявление о том, что в КНР не будет поставлен макет атомной бомбы, не меняло ситуации, то есть не меняло того факта, что при нашей помощи КНР стала членом ядерного клуба, но давало возможность добиваться прогресса на переговорах с США по этим вопросам.

Ли Сяобин, ученый:

Такой была дипломатия Мао Цзэдуна, судя по многолетним наблюдениям, причем не только в вопросе о Тайваньском проливе, но и применительно к отношениям Китая и СССР, Китая и США, применительно ко всем сторонам отношений. Мао Цзэдун был способен отыскать слабый пункт в позиции оппонента, найти точку для своего иглоукалывания, самыми малыми силами заставить отступить превосходящего в силах оппонента. Его оппонентов более всего приводило в ступор его умение находить ответ на каждый их шаг. Он всегда искал у оппонента слабое место, болевую точку. Стремился найти эту точку, это место. Он также стремился не пускать в ход все свое оружие, все свои средства и при этом добиваться своей цели. (Он действовал по принципу): если я захочу, чтобы ты пришел, то ты придешь; если я захочу, чтобы ты выступил, то ты выступишь; если я захочу, чтобы ты высказался, ты выскажешься. Таким был метод его дипломатии.

В понимании Мао Цзэдуна ситуация и в отношениях Китая и СССР, и в отношениях Китая и США была следующей: я (Китай) — такое крупное государство, а вы все не хотите приспособливаться ко мне (вести себя соответственно моему весу). В этой ситуации мне придется придумать что-то, чтобы противостоять вам.

Когда возникает спор, то стоит только начать, и уже трудно выпутаться. Накапливавшиеся на протяжении длительного времени взаимные обиды двух государств, КНР и СССР, стали непрерывно подниматься, подобно бурному приливу. На протяжении нескольких следующих дней Мао Цзэдун и Хрущев готовы были разехаться с неприятным осадком в душе. Именно в такой атмосфере каждый день завершались их переговоры. В скрепленной на протяжении десятилетий братской дружбе Китая и СССР стали возникать длинные трещины.

Восхваление Мао Цзэдуна пропагандистами КПК в настоящее время — это всего лишь восхваление, предназначенное для обработки общественного мнения в КНР и использования всего этого внутри Китая для сохранения КПК у власти в стране.

Мао Цзэдун на мировой арене никогда не демонстрировал никаких выдающихся дипломатических способностей.

Во взаимоотношениях с нашей страной он всегда оставался пассивным их участником, хотя претендовал на превосходство.

Здесь авторы фильма подчеркивают тот факт, что Китай — это объективно крупное государство. При этом они утверждают, что Мао Цзэдун, дескать, добивался отношения со стороны СССР и США к КНР как к крупному государству. Подразумевается, что СССР и США этому, дескать, сопротивлялись.

Думается, что в нашей стране всегда отношение к Китаю, начиная, по крайней мере, с событий Октября 1917 года, было именно таким. Хотя и взгляды С. Ю. Витте на Китай тоже учитывали это обстоятельство.

Представляется, что в США к Китаю тоже относились как к крупной стране. Вопрос о дипломатическом признании — это иной вопрос.

Ситуацию осложняло то, что у Мао Цзэдуна были необоснованные претензии на то, чтобы быть не просто на равных с СССР и с США, но оказаться «выше» и «главнее», чем наша страна, а в перспективе и США.

Главное же тут в том, что Мао Цзэдун добивался установления межгосударственных отношений с США путем перехода в отношениях с нами на платформу вражды и ненависти к нам как к якобы военному врагу Китая. Мы со своей стороны не давали для этого никаких оснований.

В своих воспоминаниях Хрущев впоследствии записал содержание одной из бесед с Мао Цзэдуном в октябре 1959 года, то есть тогда, когда он в последний раз посетил Китай:

Обсуждая состояние дел, мы упомянули также и вопрос о радиостанции. Я сказал: «Товарищ Мао Цзэдун, мы дадим деньги для того, чтобы вы построили радиостанцию. А кому будет принадлежать эта радиостанция, для нас не важно. Мы будем только пользоваться ею для связи с нашими подводными лодками, поддерживать с ними радиосвязь. Мы даже хотим подарить вам эту радиостанцию. Но мы надеемся, что эта радиостанция будет построена как можно скорее».

Мао Цзэдун в конечном счете сказал: «Нет, так не пойдет. Мало того, я больше не хочу слышать, как кто-то ставит этот вопрос».

Мне был не понятен его гнев. Ради справедливости я принял последнюю попытку. Я сказал: «Если вы хотите, ваши подводные лодки могли бы пользоваться нашей базой в Мурманске».

«Нет, мы не желаем ничего делать в Мурманске и не хотим, чтобы вы делали что-нибудь здесь у нас. Англичане и другие иностранцы уже много лет находились на нашей земле, и мы больше не хотим позволять кому бы то ни было использовать землю нашего государства в своих целях».

Цзэн Цзымо:

Интересы государств создали такую ситуацию, при которой все эти расхождения и общность в сфере идеологии уже утратили всю свою жизненную силу.

Но и то, и другое было так сильно переплетено. Однако Мао Цзэдун при этом еще и был способен учитывать и время, и обстановку и мог идти на необходимые уступки. Одна-

ко в том, что затрагивало интересы государства, Мао Цзэдун никогда не шел на уступки. В прошлом это poznали на собственном опыте его враги. Сейчас это тоже начинали познавать на собственном опыте и его друзья. С этой точки зрения то, что за этим последовало, было вполне нормальным.

Смотрите завтра «Феникс. Великий кругозор». До свидания.

Авторы фильма констатируют, что к 1959 году в наших двусторонних отношениях с КНР на первый план вышли интересы государств. Идеология отступила на второй план. Это означало, что Мао Цзэдун добился одной из своих целей. Он хотел, чтобы сложившиеся исторически дружественные, союзнические и братские отношения между КПСС и КПК больше не играли никакой роли в наших двусторонних отношениях. Собственно говоря, так было с самого начала. Мы уже говорили, что Мао Цзэдун сначала, в 1954 году, поставил перед Хрущевым вопросы о «возвращении ему Монголии» и о «передаче ему атомной бомбы», а потом в 1959 году начал против нас открытую пропагандистскую, то есть идеологическую, войну.

Авторы фильма утверждают, что Мао Цзэдун, дескать, защищал интересы государства, когда сказал Хрущеву, что «англичане и другие иностранцы много лет находились на нашей земле, и мы больше не хотим позволять кому бы то ни было использовать землю нашего государства в своих целях».

Это означало, что Мао Цзэдун обвинял нашу страну в том, что ее люди много лет находились при разного рода обстоятельствах на территории Китая. Конечно, такая постановка вопроса получала одобрение тех в Китае, кто относился к нашему народу и нашей стране враждебно и с ненавистью.

На самом деле присутствие наших людей в Китае в большинстве случаев шло на пользу совпадению национальных интересов России и Китая.

Это заявление Мао Цзэдуна также свидетельствовало о том, что неотъемлемой частью его политики в отношении нашего народа и нашей страны было стремление выдавить из Китая всех людей России.

Цзэн Цзымо:

Кто-то сказал, что тот, кто сам не пережил 1960 год, не способен понять, что такое голод.

1960 год оставил о себе слишком глубокие воспоминания у простых людей Китая. Дело доходит до того, что при любом упоминании о 1960 годе люди Китая немедленно связывают это с голодом. И именно из-за того, что страх перед голодом проник глубоко в сердца людей, нам даже трудно подумать еще и о других событиях 1960 года, которые потрясли весь мир. Например, о распрях на границе Китая и Индии, о мятеже в Тибете, об отзыве Советским Союзом всех специалистов, которые оказывали помощь Китаю, и т. д. А ведь все это без исключений оказало глубокое и далеко идущее влияние на историю Китая. Внешне все эти события никак не связаны между собой. Но если сдернуть завесу густого тумана истории, то мы сможем, испытывая потрясение и удивление, обнаружить, что эти несколько событий, каждое из которых было самостоятельным и отдельным, в конечном счете составляют единое целое. За ними скрываются остающиеся без перемен нескончаемые любовь и враждебность, где разумное оборачивается смутой.

Непосредственным поводом, бикфордовым шнуром здесь послужил вопрос о границе между Китаем и Индией. 2 октября 1959 года, то есть тогда, когда Новый Китай все еще был погружен в радостную атмосферу празднования своего десятилетия, между руководителем Нового Китая Мао Цзэдуном и руководителем СССР Хрущевым началась нескончаемая ссора.

Авторы фильма связывают воедино военное столкновение на границе между КНР и Индией в 1959 году, события в Тибете в 1959 году, отъезд из КНР в 1960 году наших специалистов, помогавших создавать в КНР вооруженные силы и основу тяжелой промышленности.

Осуждению при этом китайские пропагандисты подвергают нашу сторону, Хрущева. Мао Цзэдуна при этом пытаются представить как правого во всем: в позиции, которую он занял по отношению к разногласиям относительно линии прохождения границы между КНР и Индией; в отношении к Далай-ламе и тибетцам, которые протестовали против политики Мао Цзэ-

дуна по отношению к Тибету; в отношении к нашим специалистам, работавшим в КНР и искренне помогавшим народу Китая.

По всем этим вопросам у нас и у Мао Цзэдуна различные позиции.

Наша позиция, которую отстаивал Хрушев, состояла в призыве к Мао Цзэдуну только путем мирных переговоров решать вопросы во взаимоотношениях с Индией; в призыве к необходимости проводить в Тибете такую политику, которая не вызывала бы протеста местного коренного населения; в проявлении уважения к искренней помощи, которую наши специалисты оказывали народу Китая.

Мао Цзэдун во всех трех случаях повел себя иррационально: отказался от мирного урегулирования отношений с Индией; не сумел договориться с Далай-ламой; создал неприемлемые условия и «выдавил» наших специалистов из КНР, оскорбив их искренность в деле оказания помощи народу Китая.

Ли Даньхой, ученый:

2 октября (1959 года) состоялась беседа руководителей Китая и СССР. Во время этой беседы спор носил чрезвычайно ожесточенный характер. Сначала Хрушев выдвинул обвинения в адрес Китая, сказав, что это, дескать, вы позволили убежать Далай-ламе. Коснувшись вопроса о столкновениях на границе между Китаем и Индией, он сказал, что речь идет о таком клочке земли, который ничего не стоит. Поэтому, спрашивается, к чему надо было воевать с Индией?

Мы уже останавливались на вопросе о войне Нового Китая с Индией. Поэтому в данном случае ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Говоря о войне, Хрушев имел в виду вооруженное столкновение в августе 1959 года на границе Китая и Индии. Это вооруженное столкновение из-за спора о границе возникло во время патрулирования пограничников Китая и Индии.

Ян Гунсу, первый советник по иностранным делам в Тибете, назначенный центральным правительством Нового Китая:

Мы, с нашей стороны, направлялись с тем, чтобы наблюдать за нашей границей. Мы наблюдали за нашей границей,

смотрели, осматривали нашу границу. И дошли до Ланцзю. Индийцы, со своей стороны, тоже послали своих людей, и они появились. Они появились вечером. Когда они появились, ничего не было видно, людей не было видно. Было не ясно, что это за люди. Поэтому: «Пах». С индийской стороны был сделан первый выстрел. Когда был сделан выстрел, мы, с нашей стороны, дали сдачи, ответили ударом на удар. А потом взяли в плен их людей.

Пожалуй, здесь стоит отметить, что и в этом случае китайская сторона утверждает, что первый выстрел был произведен со стороны индийских пограничников.

Очевидно, что у индийской стороны есть своя версия того, как и что тогда произошло.

Вспомним, что китайские пропагандисты обвиняли нашу сторону в первом выстреле на границе в районе острова Даманский в 1969 году.

Это — вопиющая ложь. За ней скрывается намерение Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей разделять наши народы кровью, пролитой ими на границе, и возлагать вину за первый выстрел на нас, хотя на самом деле в этом виноват исключительно Мао Цзэдун.

Таким было первое вооруженное столкновение на границе Китая и Индии. С этого момента стал непрерывно повышаться градус трений в отношениях между двумя государствами, между Китаем и Индией. Каждый пошел своей дорогой. Стыки границ Китая и Индии главным образом сконцентрировались в восточной, средней и западной частях Тибета. Это были места, куда редко ступала нога человека. В истории, за исключением «линии Макмагона» в восточной части, не было пограничного разграничения. К тому же в те времена не было и современных измерительных приборов. И даже по «линии Макмагона» делимитация была проведена только в начале прошлого столетия местным правительством Тибета и колониальным правительством Индии в составе Британской империи на очень маленькой по размеру карте.

Дай Чаоу, ученый:

По сути дела, эта «линия Макмагона» была нечеткой. К тому же в те времена не существовало современных измери-

тельных приборов. Она была проведена среди гор. В конце концов, мы говорили о том, что принадлежит Китаю, исходя из того, что нам казалось. Мы тоже там проводили линию. Какой участок принадлежит Китаю, какой участок принадлежит Индии — все это можно было сесть и обсудить.

В 1951 году центральное правительство КНР и местное правительство Тибета подписали знаменитое «Соглашение из 17 статей». Тибет стал автономным районом КНР. Вслед за тем правительство Китая и правительство Индии, которое изгнало английских колонизаторов, вступили в переговоры. Были отменены разного рода привилегии Индии в Тибете: вести торговлю, размещать войска и т. д. В первые 4–5 лет существования Нового Китая индийское правительство Неру избрало дипломатию мирного сосуществования с Китаем. По вопросу о делимитации границы мнения сторон расходились. Однако стороны по-прежнему могли сохранять покой, и никаких инцидентов не происходило.

Ян Гунсу:

По вопросу о границе переговоры проводились только два раза. В первый раз во времена дружбы между Китаем и Индией. Кроме одного вопроса, вопроса об Ужэ, а этот участок Индия считала своим, а Тибет говорил, что это тибетская земля. Тогда мы отправили людей для проверки ситуации. С результатами проверки мы отправились в Индию для того, чтобы обсуждать с индийской стороной вопрос об Ужэ. В результате выяснили, что названия местности у сторон разные. Мы называли один район Ужэ. Они так называли другой район. Поэтому переговоры к результатам не привели. Вот такими были первые переговоры о границе. В то время отношения были весьма дружественными. Звучал лозунг: ХИНДИ ЧИНИ БХАЙ БХАЙ, что означало «Индия и Китай — братья». Тогда была дружба. Поэтому из этих переговоров ничего не получилось.

Китайский чиновник говорит, что в первые годы существования КНР и Республики Индии между сторонами существовала дружба; «поэтому из этих переговоров ничего не получилось». Из этого, в частности, следует, что в КНР исходят из того, что в условиях дружественных отношений оказывается

невозможным навязать противной стороне свое понимание прохождения линии границы.

После 1956 года в обстановке дружбы произошли изменения. В 1956 году Далай-лама посетил Индию по приглашению индийского правительства.

Ян Гунсу:

Когда Далай-лама в 1956 году посетил Индию, он боялся встреч с иностранными корреспондентами. Он держал меня при себе на случай встреч с иностранными корреспондентами. Поэтому я довольно хорошо его знаю.

Ян Гунсу был первым по времени советником по иностранным делам в Тибете, назначенным правительством Нового Китая. У него были дружественные отношения и очень глубокие связи с Далай-ламой. Далай-лама с теплотой называл его «Дядя Ян». Ян Гунсу уже 96 лет (2007 год), однако он помнит события 50-летней давности, по-прежнему хорошо разбирается в них.

По воспоминаниям почтенного Ян Гунсу, именно во время упомянутой поездки в Индию Далай-лама оказался перед лицом провокационных заявлений тибетских сепаратистов, которые выдвинули в Индии призыв к независимости Тибета.

Старший брат Далай-ламы хотел приехать из США в Тибет. В 1956 году в Индии ратовал за независимость. В беседе с Далай-ламой в Индии Чжоу Эньлай сказал, что на протяжении ближайших 6 лет изменений в Тибете не будет.

В рассекреченных на сей раз документах МИД КНР мы читаем, что Чжоу Эньлай беседовал с Далай-ламой 29 ноября 1956 года, 30 декабря 1956 года и 1 января 1957 года в Индии. Это произошло во время поездки Чжоу Эньлая в Индию. Там в Нью-Дели Чжоу Эньлай трижды беседовал с Далай-ламой.

Вопрос о Тибете берет начало в проблеме реформ. Чжоу Эньлай убеждал Далай-ламу вернуться в Тибет. Он трижды подтверждал ту позицию, что правительство Китая аннулирует крепостничество в Тибете и будет осуществлять там демократические реформы.

Чжоу Эньлай говорил, что истоки проблемы Тибета заключены в реформах. В отношении к реформам.

«В прошлый раз уже говорилось, что в соответствии с соглашением руководитель Тибета, то есть Далай-лама, не согласен с тем, чтобы реформы не проводились. В настоящее время председатель Мао велел мне сказать тебе, что можно констатировать, что в годы второй пятилетки не будет никакого разговора о реформах. Вопрос о том, как именно осуществлять реформы по прошествии шести лет, будет по-прежнему решаться Далай-ламой, исходя из ситуации и условий того времени. В настоящее время он также не будет обсуждаться, потому что обсуждение может вызывать ненужные недоразумения и сомнения. В настоящее время главное состоит в том, чтобы наладить строительство, развивать экономику Тибета, улучшать жизнь народа. Только тогда, когда экономика будет развита, а жизнь народа улучшена, включая повышение уровня жизни аристократии и монашеской; все это надо повысить по сравнению с настоящим временем».

Представляется, что на протяжении многих лет все зависело от договоренности между Далай-ламой и властями КНР. В те годы, когда генеральным секретарем КПК был Ху Яобан (1980–1987), имел место прогресс в деле продвижения к достижению договоренностей. Однако до того и в настоящее время сторонам договориться не удавалось и не удастся.

«Председатель Мао велел мне сказать тебе, что можно утверждать, что во время второй пятилетки в корне не будет никаких разговоров о реформах, а вопрос о том, как осуществлять реформы через шесть лет, это по-прежнему будет определять Далай-лама на основе ситуации того времени».

Во время третьей беседы с Далай-ламой Чжоу Энлай сказал Далай-ламе о том, что он уже говорил о проблеме Тибета с Неру. Неру подтвердил свое заявление (1951 года) о том, что правительство Индии признает, что Тибет принадлежит Китаю. Индия уважает суверенитет Китая над Тибетом. Некоторые тибетцы бегут оттуда, потому что они недовольны. Им разрешается жить в Индии. Однако они не должны заниматься политической деятельностью.

Чжоу Энлай спросил, когда возможно создание Тибетского автономного района. Далай-лама ответил, что самое

раннее — в конце 1957 года, а самое позднее — в начале 1958 года. Если работа будет успешной, то можно будет создать. (Задержка происходит из-за протестов против проведения реформ.)

Из этих архивных документов следует, что не только правительство Китая, но и Далай-лама, и даже руководитель Индии Неру относились друг к другу с уважением. Они достигли в основном понимания по крупным вопросам. Вскоре после этого Далай-лама вернулся в Тибет, и все как будто бы успокоилось.

Тогда Мао Цзэдун обещал на протяжении нескольких лет не изменять ситуацию в Тибете. Он также достиг договоренности о взаимном уважении друг к другу КНР и Индии тогда, когда дело касается Тибета, при том понимании, что Индия признает суверенитет КНР над Тибетом.

Цзэн Цзымо:

...Если бы в Тибете события развивались в соответствии с договоренностью между Чжоу Энляем и Далай-ламой, по сценарию, согласованному с Индией, тогда в Тибете в марте 1959 года не вспыхнул бы мятеж, а вслед за тем, в августе 1959 года, не возникли бы распри на границе между Китаем и Индией. Таким образом, мятеж в Тибете и распри по вопросу о границе между Китаем и Индией в конечном счете взаимосвязаны между собой. Можно задаться вопросом о том, почему Далай-лама, который достиг общего понимания с Чжоу Энляем, нарушил слово?

Ян Гунсу:

Именно тогда, когда он совершил предательство и хотел бежать, он направил письмо нашему политическому комиссару. Он пожелал прибыть в расположение нашего военного ансамбля, чтобы посмотреть выступление артистов. Он написал три письма. Он был вынужден бежать, его вынудили бежать. А сам он не хотел. Но он был Далай-лама. Он был четырнадцатым перерожденцем, если вести отсчет с самого начала, с того момента, как возникла желтая секта ламаизма. У них всегда были религиозные правила, религиозные законы. Он не мог им не подчиниться. Он не решился на неподчинение. И, кроме того, он был в полном окружении мятежников.

Лю Сяююань, ученый:

Когда Далай-лама бежал, там были два тибетца, прошедшие обучение в ЦРУ. Фактически можно сказать, что это были тибетцы — агенты ЦРУ. На них лежала обязанность держать связь с ЦРУ, связь с правительством США. Затем правительства США и Индии вступили в сговор. Они говорили, что нужно позволить Далай-ламе отправиться в Тибет (бежать из Тибета), чтобы спастись. Во всем этом тогда играло роль ЦРУ.

С 30 декабря 1956 года, то есть с того времени, когда Чжоу Энлай и Далай-лама провели второй раунд переговоров в Нью-Дели, в Индии, можно увидеть, что в свое время в беседе с Чжоу Энлаем Далай-лама выражал некие опасения. В настоящее время в настроениях сопровождавших его чиновников произошли очень большие изменения. На сей раз, когда он выехал из страны, Далай-лама встретился со многими тибетцами, которые там находились уже давно. И они говорили ему только о плохом и не говорили о хорошем. Именно настроения сопровождавших его чиновников и побудили к мятежу. Это и было той главной сложностью, с которой труднее всего было справиться.

Очевидно, что именно эти-то самые сложные факторы, факторы, с которыми труднее всего справиться, в конечном счете и привели к ухудшению ситуации, так как в то время Далай-лама, хотя он и был уже на протяжении длительного времени религиозным вождем Тибета, но по возрасту он все еще оставался ребенком. Он еще не прошел крещение, закалку, пройдя через те или иные политические события.

Ян Гунсу:

Я наблюдал за ним в то время. Он именно и был ребенком. Ему было всего десять с чем-то. (На самом деле он родился в 1933 г.) А мне в то время было за 30. 30 лет. (На самом деле в 1959 г. ему было 58 лет.) Этот ребенок, кем я его считал в душе, был довольно умен. Он был очень умен. Очень способный человек.

Авторы фильма пытаются возложить всю ответственность за события 1959 года в Тибете на Далай-ламу. При этом они винят его окружение, утверждают, что здесь сыграло свою роль ЦРУ США.

Стремясь оказать пропагандистское воздействие на своих зрителей в КНР, авторы фильма применяют такой прием, как утверждение о том, что Далай-лама, дескать, был тогда еще ребенком. Так подспудно внедряется мысль о несамостоятельности Далай-ламы.

Сегодня, по прошествии стольких десятилетий, очевидно, что Далай-лама практически всегда, в том числе и в 1950-х гг., когда ему было между 20 и 30 годами, был религиозным вождем тибетцев и зарекомендовал себя в мире как уважаемый и разумный человек.

В начале весны 1959 года Далай-лама стал предателем и бежал в Индию. С тех пор он так и не возвращался в Тибет.

Этот спровоцированный сепаратистами и агентами ЦРУ США мятеж был очень быстро усмирён центральным правительством.

Изначально планировали продлить систему крепостничества и осуществить то, что называется системой: одно государство — два строя. Мао Цзэдун хотел сделать это, но потом изменил свои намерения. В Тибете в широких масштабах началась реформа политической структуры, главным содержанием которой было упразднение системы крепостничества. Это предвещало дальнейшее укрепление суверенитета центрального правительства Китая над Тибетом. Все это было тем, чего не желало видеть правительство Индии. Вот тогда-то вопрос о границе стал центром тяжести во взаимоотношениях между Китаем и Индией.

То, что именуется в фильме сохранением системы крепостничества, практически было изменением привычного образа жизни тибетцев.

Авторы фильма при этом признают, что сначала Мао Цзэдун предполагал считаться с упомянутым образом жизни, но потом передумал. Возможно, это и сыграло свою роль, ускорило события 1959 года.

Сложным оказался и вопрос о взаимоотношениях между КНР и Индией в том, что касается Тибета. Если в первые годы существования КНР и Республики Индии удавалось сохранять нормальные отношения, то после того, как Мао Цзэдун стал изменять привычный образ жизни тибетцев, после событий 1959 года, когда тибетцы протестовали против политики Мао

Цзэдуна в Тибете, после того как их протест был задавлен, а Далай-лама перебрался в Индию, отношения между КНР и Индией осложнились.

При этом обострился и вопрос о прохождении линии границы между этими двумя государствами.

Дай Чаоу:

Индия не желала, чтобы Китай действительно установил свой суверенитет над Тибетом. Она все еще рассчитывала сохранить Тибет в качестве буферной зоны. Это английский термин. В свое время Англия рассматривала Тибет в качестве буферной зоны между Индией и Цинской империей. И вот теперь в Индии, в государстве, где у власти не находилась коммунистическая партия, в отношении государства, где у власти находилась коммунистическая партия, существовал естественный для нее панический страх. Поэтому они и надеялись продолжать сохранять Тибет в качестве упомянутого буфера.

Итак, современных жителей КНР воспитывают в духе следующих утверждений:

Китай — страна, где у власти находится коммунистическая партия.

В других странах, где у власти не находятся коммунистические партии, существует «естественный» для них «панический страх» перед Китаем.

В соседней с КНР стране Республике Индии сохраняются доставшиеся в наследство от Англии в период ее колониального господства над Индией термин и понятие «буферной зоны» применительно к Тибету.

Страх перед Китаем и стремление иметь между собой и коммунистическим Китаем буферную зону — вот то, что присуще соседней с КНР стране. Естественно, что у Индии, у других соседних с КНР стран есть свое понимание этих вопросов и своя их трактовка.

В настоящее время разные трактовки продолжают существовать. Путей к кардинальному или полному решению вопросов пока не видно.

Ян Гунсу:

В Тибете произошел мятеж. Тибет был замирен. После умирения мятежа в Тибете были осуществлены реформы.

И тогда Неру поставил вопрос о границе. Ранее, в прошлом, он об этом не говорил. В прошлом этого не было. А почему? Он хотел бы превратить Тибет в вассальное государство Индии. Или относиться к Тибету как к зависимому государству. Как к вассальной или зависимой территории. Иными словами, хотел действовать теми методами, которые применяли англичане. Вот о чем он думал.

Такова трактовка событий современными пропагандистами из КНР.

Можно предположить, что со стороны Индии вопрос видится иначе.

Пока Мао Цзэдун не изменял существенным образом образ жизни тибетцев и был настроен на мирное решение вопросов, на договоренность с Далай-ламой, Индия поддерживала с КНР нормальные мирные и даже дружественные отношения.

В Индии причину обострения отношений видят в том, что Мао Цзэдун изменил свои намерения и в противовес первоначальному плану действовать по схеме «одно государство — два строя» стал менять образ жизни тибетцев, вторгаться в их духовный мир.

Хотя для правительства Китая действия ЦРУ в Тибете тогда были не очень ясны, но отношения Китая и Индии развивались от состояния дружбы к конфронтации, противостоянию. В августе 1959 года произошло первое вооруженное столкновение на границе между Китаем и Индией. И это явилось всего лишь началом схватки сторон. Спустя месяц после столкновения Китая и Индии Хрущев, осуществлявший дипломатию мирного сосуществования, мирного перехода, мирного соревнования, отправился в США. В период «холодной войны» это было время самых тесных взаимоотношений между США и СССР. Хрущев не только широко разглагольствовал о мире с президентом Эйзенхауэром, но и в заявлении, которое распространило ТАСС, сказал, что СССР будет занимать нейтральную позицию в вопросе о столкновении Китая и Индии. Это явилось полной неожиданностью для Китая, который был всегда союзником СССР.

Авторы фильма стараются «не очень задевать» ЦРУ и США, касаясь вопроса о Тибете.

Одновременно они осуждают то, что называют «дипломатией мирного перехода, мирного соревнования» СССР в отношениях с США. При этом они увязывают «разглагольствования» Хрущева о мире с «нейтральной позицией» СССР в отношении «схватки» КНР и Индии. (Попутно можно заметить, что современные китайские пропагандисты применяют термин «схватка» для характеристики отношений КНР в конце 1950-х гг. с нашей страной и с Индией.)

Для тех зрителей фильма, которые внимательно и раздумывая над его содержанием смотрели фильм, такие утверждения могут показаться нелогичными.

За год до описываемых событий, в 1958 году, Мао Цзэдун повел себя не как союзник нашей страны. Он не уведомил нас о начале обстрела тайваньских земель. В беседе с Хрущевым он позволил себе говорить с нами на языке военного врага, ненавидящего народ нашей страны.

Кроме того, Хрущев, с нашей точки зрения, был прав, выступая за то, что нет фатальной неизбежности мировой ядерной войны, а следовательно, есть необходимость и возможность добиваться мира во взаимоотношениях между государствами. Здесь Хрущев был прав, а Мао Цзэдун и современные пропагандисты его идей не правы.

Ли Даньхой:

Хрущев рассчитывал на то, чтобы привлечь Неру на свою сторону, не допустить того, чтобы Неру бросился в сторону Запада. В то время США тоже стремились перетянуть Неру на свою сторону. Поэтому (с точки зрения Хрущева) мы, то есть Китай, должны были, именно должны были проявить снисходительность и уступить. А если мы так не поступаем, то тогда это, дескать, означает, что мы толкаем Неру в сторону Запада.

Китайские пропагандисты, в том числе и такая их представительница, как Ли Даньхой, проповедуют мысль Мао Цзэдуна о том, что Хрущев, наша страна, дескать, стремились заставить КНР идти на уступки и себе, и США. Иными словами, они хотели бы внушать зрителям в КНР мысль о Мао Цзэдуне как о том, кто не уступал ни СССР, ни США, но боролся за достойное Китая место в мире.

На самом деле речь идет о мире во всем мире, о мире во взаимоотношениях СССР и КНР, СССР и США, КНР и США, КНР и Индии. Подменять вопрос о мире вопросом о чьем-то «превосходстве» или о «навязывании» «неравноправия» — это прием современных китайских пропагандистов с целью обмана своего народа. Опасность этого приема состоит в воспитании населения КНР в духе вражды и ненависти, прежде всего к нашему народу и нашей стране.

Мы никогда ничего не навязывали Китаю. Это Мао Цзэдун пытался навязывать свою волю нам.

Однако если вести речь о столкновении Китая и Индии, то не удивительно, что такого рода вмешательство Хрущева только подливало масла в огонь.

В конце сентября 1959 года, завершив поездку в США, Хрущев прибыл в Пекин на празднование 10-й годовщины КНР. Одно то, что Хрущев всю разглагольствовал о мире с Эйзенхауэром, уже выводило Мао Цзэдуна из себя. А его позиция по вопросу об отношениях Китая и Индии тем более побуждала КПК принимать это близко к сердцу. Таким образом, спора было не избежать.

После празднования 10-летия КНР в 1959 году нога Хрущева больше не ступала на землю Китая. Однако он неоднократно проявлял радушие в отношении Индии, ездил беседовать с Неру. А это усиливало распри по вопросу о границе между Китаем и Индией; трещины в отношениях между Китаем и Индией расширились.

Вплоть до настоящего времени в КНР осуждают политику Хрущева в отношении Индии. С нашей точки зрения, эта политика отвечала совпадавшим интересам России (СССР) и Индии, отвечала интересам нашего народа, народа Индии, всех народов, включая народ Китая, потому что речь шла о мире во всем мире, в отношениях между всеми государствами.

Фактически современная пропаганда КНР продолжает практически настраивать население КНР не на мир, а на необходимость военных действий, войны в тех случаях, когда вождь или вожди скажут, что только таким образом можно решать вопросы и обеспечивать интересы нации Китая.

В рассекреченных архивных документах МИД мы читаем, что 8 января 1960 года газеты в Нью-Дели выступили со злобными нападениями на нас в связи с тем, что Хрущев по пути в Индонезию сделал остановку в Индии. При этом проводилась мысль о том, что визит Хрущева взаимосвязан с серьезными разногласиями между Китаем и Индией.

Писали, что отношения между этими двумя государствами являются напряженными. Писали, что этот визит — пощечина Китаю и т. д. Можно предполагать, что это придало духа Хрущеву при посещении им Индии.

9 февраля президент Индии, выступая в парламенте, возвел на нас (на Китай) напраслину, обвиняя нас в вероломстве. За день до того премьер-министр штата Кашимир и руководитель Ладакха провели совещание политических партий, на котором громко звучали антикитайские выступления и была принята антикитайская резолюция.

Цзэн Цзымо:

Бывает так, что старые друзья, которые знали один другого много лет, в тот момент, когда они рвут отношения между собой, вспоминают о том хорошем, что было присуще другу. Когда отношения между Китаем и СССР дали трещину, тоже рождались воспоминания.

В начале 1960 года, то есть тогда, когда Индия и другие, используя открытый разрыв в отношениях Китая и СССР, публиковали много материалов на эту тему, Китай и СССР, не договариваясь между собой, в то же время подчеркивали необходимость сохранения сплоченности между собой. Генеральный секретарь ЦК КПСС Поспелов на пленуме ЦК КПСС в докладе сказал, что они верят в то, что КПК рано или поздно сплотится с СССР на единой платформе.

Ли Даньхой:

На расширенном заседании ПК ПБ ЦК КПК, которое было проведено в Шанхае, выступил Мао Цзэдун. Он сказал, что Китай и СССР должны сплотиться. Он также сказал, что Китай и СССР влияют друг на друга; вот в прошлом СССР оказывал влияние на нас; Октябрьская революция повлияла на Китай, а в настоящее время мы можем оказывать влияние на СССР.

Итак, с одной стороны, здесь пытаются бросать тень на политику Хрущева в наших взаимоотношениях с Индией.

С другой стороны, вводят мысль о том, что «старые друзья», то есть СССР и КНР, перед тем, как порвать отношения, вспоминают о прошлом, о добром, о хорошем, возможно, делают последние попытки с тем, чтобы остановить неизбежный раскол в отношениях. (Здесь имеет место фактическая неточность: Пospelов никогда не был генеральным секретарем ЦК КПСС.)

Думается, что дело обстояло совсем не так.

Можно предположить, что в конце 1960 года в отношениях нашей страны и КНР сложилась новая обстановка.

В КНР в это время председателем республики стал Лю Шаоци. Мао Цзэдун из-за своих «ошибок» был вынужден отойти на «вторую линию».

Лю Шаоци проводил линию на сплочение между нашими народами и странами.

Мао Цзэдун не мог помешать этому. В то же время он продолжал внушать населению Китая, членам КПК, что времена изменились. Если когда-то наша страна имела возможность влиять на Китай, то теперь, дескать, Китай Мао Цзэдуна оказался в такой позиции, что СССР придется учитывать воздействие на него идей Мао Цзэдуна. Думается, что появившееся в 1967 году в центральной печати КПК заявление о том, что настанет день, когда знамя идей Мао Цзэдуна взовется над Московским Кремлем, было открытым выражением тех мыслей, которые побуждали Мао Цзэдуна делать упомянутые заявления в 1960 году.

Судя по отношению к создавшейся ситуации обеих сторон, Китая и СССР, хотя ни одна из них не хотела полного раскола в двусторонних отношениях, однако хотела, в случае если бы заново было достигнуто сплочение, чтобы это произошло при одном предварительном условии, а именно: каждая сторона считала, что другая сторона должна была бы сблизиться с ней, примкнуть к ней (опираться на нее), каждая сторона считала, что только ее платформа является абсолютно правильной. И именно это предварительное условие (условие-предпосылка) хранилось «в костях». Именно это и оказало свое воздействие на развитие отношений между Китаем и СССР, между двумя партиями и двумя государствами.

Современные пропагандисты КПК пытаются внушать, что в КПК всегда господствовало одно мнение — мнение Мао Цзэдуна. Это совсем не так.

Если бы это было так, тогда невозможно ответить на вопрос о том, почему Мао Цзэдун сначала призвал «открыть огонь по штабу» Лю Шаоци, а потом физически уничтожил Лю Шаоци и Пэн Дэхуая во время своей «культурной революции».

Мао Цзэдун хотел навязывать нам свою волю.

Лю Шаоци посетил нашу страну в конце 1960 года. Он призывал к сплочению, считал, что у нас есть все условия договариваться и решать существующие вопросы, не навязывая друг другу ничего и не выдвигая предварительных условий. Выдвижение предварительных условий — это тактика Мао Цзэдуна, а затем Дэн Сяопина в отношении нашей стороны.

24 февраля 1960 года, вероятно с той целью, чтобы смягчить недоразумения между Китаем и СССР, разрядить обстановку день ото дня все усиливавшейся напряженности в отношениях Китая и Индии, Хрущев направился в Индию на переговоры с Неру, чтобы выступить в качестве посредника в вопросе о границе между Китаем и Индией. Хрущев сказал Неру, что он верит в то, что два брата, Китай и Индия, в полной мере обладают мудростью для того, чтобы решить этот вопрос, а их третьему брату, то есть СССР, неудобно, неловко вмешиваться. Неру сказал Хрущеву, что он уже написал письмо Чжоу Энлаю с просьбой о переговорах.

Мы не можем гадать, с каким настроением Хрущев возвратился в Москву. Возможно, он восхищался своими дипломатическими способностями. Возможно, он считал, что благодаря его усилиям по примирению спор между Китаем и Индией, между двумя братьями, очень скоро окажется возможным разрешить.

Однако результат оказался прямо противоположным. То обстоятельство, что Хрущев лишний раз заявил о том, что СССР занимает позицию невмешательства, уже предопределяло то, что его невмешательство оказалось хуже его вмешательства. В некотором смысле столкновение между Китаем и Индией тут уже отодвинулось на второстепенное место, в то же время снова усилились противоречия между Китаем и СССР.

Из содержания этого фильма следует, что в настоящее время в КПК считают необходимым воспитывать население КНР в духе полностью отрицательного и враждебного отношения к нам, к нашей стране, к нашей политике в отношении Индии.

Что бы мы ни делали, все осуждается в современной КНР. При этом говорят даже, что наше «невмешательство» было «еще хуже» нашего «вмешательства» в дела КНР и Индии.

Главное для авторов фильма, а точнее, для пропаганды КПК в настоящее время в том, чтобы переносить акцент во всех случаях, при всех обстоятельствах с отношений КНР с третьими странами, в том числе с Индией, на отношения между КНР и СССР, то есть все сводить к углублению вражды и ненависти внутри КНР по отношению к нашему народу и нашей стране. В этом главная опасность нынешней пропаганды КПК по отношению к нашей стране.

Ли Даньхой:

Китайская сторона считала, что мы, Китай и СССР, союзники и друзья. А поскольку речь идет о союзниках и друзьях тогда, когда речь идет о Китае и Индии, хотя мы и говорим, что это демократия, демократическое государство, то с точки зрения логики при столкновении Китая и Индии СССР должен ясно и четко стоять на стороне Китая и осуждать Индию. А СССР не повел себя таким образом. Ведь когда ты заявляешь о своей нейтральной позиции, то фактически проявляешь пристрастность в пользу Индии. Именно это-то и побудило Китай в то время очень сердиться.

Китайские пропагандисты ставят вопрос с ног на голову. На самом деле это мы, наш народ, наша страна, всегда выполняли свои союзнические обязательства. Искренне помогали КНР. Мао Цзэдун не выполнял союзнические обязательства, исходя из иррациональной ненависти к России как к нации, сумел повернуть курс в отношении нашей страны к вражде, внушил населению КНР, что мы, дескать, являемся военным врагом, и сначала идейно подготовил войну против нас, а потом и начал ее.

Китайский пропагандист Ли Даньхой, выступая в качестве последовательницы идей Мао Цзэдуна, выносит на первое место то, что Мао Цзэдун тогда «очень сердился». Настроения

Мао Цзэдуна оказываются для нее при этом выше интересов народа Китая. Интересы народа Китая в то время выражал и защищал Лю Шаоци, а не Мао Цзэдун.

Цзэн Цзымо:

На сей раз между Китаем и Индией по вопросу о границе началась с каждым днем расширявшаяся долговременная дипломатическая война идей, высказываний. Одновременно с этим отношения Китая и СССР стали становиться все более определенными, четкими. Между теми, кто в свое время был братьями, произошла размолвка и возникли вражда и ненависть. Был поднят меч раздора.

В апреле 1960 года по случаю 90-летия со дня рождения Ленина КПК опубликовала ряд статей: «Да здравствует ленинизм», «Очаг войны в современную эпоху», «Империализм и путь для народов к миру», «Вперед по пути, указанному великим Лениным» и т. д. В этих статьях прямо или косвенно были раскритикованы позиции КПСС по главным теоретическим проблемам ленинизма, по вопросам тактики, платформы. После этого раскол между Китаем и СССР еще более углубился, перешел на стадию упреков и разногласий в сфере идеологии.

Современная пропаганда КПК датирует раскол, разрыв в отношениях между СССР и КНР, начало ненормального состояния наших двусторонних отношений 1960 годом. При этом утверждается, что именно тогда «возникли вражда и ненависть. Был поднят меч раздора».

Обратим внимание на то, что нам приходится говорить о вражде и ненависти к нам со стороны Мао Цзэдуна, исходя из его реальных действий и высказываний. В то же время нельзя не отметить, что сами современные китайские пропагандисты употребляют именно эти термины для характеристики наших отношений в то время: «вражда и ненависть».

При этом в данном кинофильме делается новый шаг в трактовке истории наших взаимоотношений.

Раньше упор обычно делался на утверждении о том, что сначала, дескать, возникли идейные разногласия, которые затем наша сторона якобы перенесла на отношения между государствами.

Здесь китайские пропагандисты прямо говорят о том, что сначала возникли разногласия в отношениях между государст-

вами, по проблемам мировой политики, а потом китайская сторона начала «войну идей».

Тогда эта война идей была начата Мао Цзэдуном с учетом того, что до того времени на протяжении нескольких десятилетий члены КПК, население КНР воспитывались в том духе, что существует марксизм-ленинизм, общее учение, объединяющее взгляды коммунистов всех стран. Поэтому идеологическую обработку населения Китая Мао Цзэдун был вынужден начать с утверждения, что в нашей стране отошли от марксизма-ленинизма, отошли от принципиальных положений марксизма.

На самом деле для Мао Цзэдуна это был вынужденный ход. Он-то считал, что наш народ и наша страна являются врагами нации Китая, что существует необходимость военного противостояния с нами, что надо осуществлять в КНР курс на подготовку войны против нас, но все это приходилось делать после проведения кампании критики нас как отступников от ленинизма.

А СССР и Китай от столкновений при взвешивании всех за и против между интересами двух государств поднялись на ступень разногласий и взаимных обвинений в сфере идеологии. Главная причина такого перехода состояла в том, что 4 февраля 1960 года на созванном тогда политическом консультативном совещании государств — участников Варшавского договора секретарь ЦК КПСС Поспелов выступил с устным заявлением, раскритиковав великий скачок и коммуны народа в Китае, открыто вмешался во внутренние дела другой стороны, если говорить об отношениях Китая и СССР. Это произошло тогда в первый раз. И дело было не только в этом. На приеме во время этого же международного совещания Хрущев выступил с завуалированной клеветой, с намеками на руководителя Китая Мао Цзэдуна, выступил со злонамеренными персональными нападениями.

Ли Даньхой:

Именно Хрущев сказал, что кто-то постарел, выжил из ума; сказал, что этот «кто-то» уподобился паре старых кабанов, которые где-то там стоят и никто не обращает на них внимания, ни для кого нет от них никакой пользы. Фактически это был намек именно на Мао Цзэдуна, то есть Китай считает, что это ты намекал на Мао Цзэдуна.

Можно себе представить, насколько разгневаны были КПК и Мао Цзэдун в то время. По сути дела, еще остававшиеся добрые чувства и привязанности, пусть их крохи, потерпели тут полный крах.

Не было у Мао Цзэдуна никакой привязанности к нам, к нашей стране, к КПСС. Мао Цзэдун всегда, насколько это было в его силах, проводил курс, который он выразил словами «вырвать кое-что из пасти игра».

Если же говорить о высказываниях в адрес Мао Цзэдуна, то они были следствием того, что наговорил Мао Цзэдун в беседах с Хрущевым в 1958 и 1959 годах. Мао Цзэдун позволил себе говорить таким языком, каким говорят с врагом во время войны. Поэтому приходилось реагировать на это. Мао Цзэдун осуществлял по отношению к нашему народу и нашей стране агрессивную политику. Наша сторона находилась исключительно в обороне, давала отпор предельно враждебным высказываниям и действиям Мао Цзэдуна. Его действия заключались в воспитании населения Китая в духе подготовки к войне против нас, в духе вражды и ненависти к нам. В нашей стране никогда и никто не делал ничего подобного.

Ли Даньхой:

И именно 22 апреля исполнялось 90 лет со дня рождения Ленина. И в то время Мао Цзэдун, то есть ЦК КПК, решил, что следует выбрать именно эту дату с тем, чтобы выступить со статьями с сильными заголовками, чтобы пропагандировать платформу КПК, то есть фактически, не называя его по имени, критиковать платформу Хрущева.

Вот именно таким образом уровень отношений Китая с СССР стремительно сверзился вниз. Борьба в сфере идеологии тоже начала обостряться и усиливаться. (Заголовок статьи в «Жэньминь жибао»: «Долой новых царей».) КПК непрерывно публиковала статьи в «Жэньминь жибао», нанося ответный удар по Хрущеву.

Вскоре произошло неожиданное событие.

1 мая 1960 года, именно в то время, когда война идей, идеологий, идеологическая война между Китаем и СССР была в самом разгаре, СССР над своей территорией сбил американский разведывательный самолет У-2, летевший на боль-

шой высоте. Это, конечно же, было громадной силы насмешкой над Хрущевым, который проводил внешнюю политику мирного сосуществования, мирного перехода, мирного соревнования с капиталистическими государствами.

Авторы фильма дезориентируют своих зрителей, утверждая, что Мао Цзэдун, дескать, наносил ответный удар. Именно Мао Цзэдун начал «войну идей» и осуществление курса на «подготовку войны» против нас. Повторим, что наша сторона всегда находилась в обороне.

В рассекреченных на сей раз архивных документах МИД КНР мы читаем: правительство Китая собирало сообщения о реакции во всех государствах на агрессию американского самолета против СССР. Мао Цзэдун и ЦК КПК, с одной стороны, утверждались в правоте своей оценки международного положения и, с другой стороны, получали в свои руки великодушное оружие в борьбе против Хрущева.

Ли Даньхой:

Ты только посмотри: с 7 по 14 мая 1960 года, за одну только неделю, Мао Цзэдун пять раз принимал делегации посещавших КНР представителей Азии, Африки, Латинской Америки. Во время бесед с ними говорилось о том, что природа империализма не изменится, что империализм США — это и есть война и т. д. и т. п. Собеседники (Мао Цзэдуна) были вдохновлены этим. Во время этих бесед еще и пели. Громко пели: «Восток заалел (в Китае родился Мао Цзэдун)». А потом Мао Цзэдун еще и хлопал в ладоши и вместе с ними пел «Дунфан хун (Восток заалел) (В Китае родился я — Мао Цзэдун)».

Здесь сами авторы фильма разоблачают себя. Они прямо говорят, что Мао Цзэдун был прав в своих взглядах на войну. И это происходит после того, как в 1985 году руководство КПК официально заявило о том, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует.

Что-то не так в пропагандистском аппарате КПК. В сознании Мао Цзэдуна, а вслед за тем в пропаганде КПК соединялись две идеи: идея неизбежности войны, необходимости готовиться к мировой ядерной войне, а также утверждение «величия» Мао Цзэдуна, сравнение его исключительно с Солнцем, которое возшло на Востоке.

Культ личности и война — вот два знамени современной пропаганды КПК в том случае, когда она ведет речь об истории наших двусторонних отношений.

Во время этого раунда идеологической войны между Китаем и СССР у Хрущева, вне всяких сомнений, упало настроение. Ведь он-то, по сути дела, изначально надеялся с помощью договора между США и СССР о мирном сосуществовании добиться того, чтобы СССР смог влиться в конкурентную борьбу на мировой арене. Однако Эйзенхауэр, очевидно, вовсе не собирался позволить ему сохранить лицо (свою репутацию) и даже был полон подозрений относительно выдвинутой Хрущевым такой цели, как мирное сосуществование.

Эпизод с самолетом У-2 привел к тому, что пошли прахом все усилия Хрущева, направленные на то, чтобы повернуться лицом к Западу (миру Запада). Оказавшись в положении того, кто был со всех сторон окружен врагами, Хрущев был вынужден обратить свой взор на лагерь социализма. Спустя месяц, с 20 по 25 июня 1960 года, компартии и рабочие партии из более чем 50 государств принимали участие в совещании в столице Румынии Бухаресте. На совещании присутствовал Пэн Чжэнь в качестве руководителя делегации КПК. Когда делегация КПК получила проект резолюции совещания, составленный СССР, снова вспыхнула ссора.

Ли Даньхой:

Дело было в том, что в этой резолюции слова «большой скачок (великий скачок)» и «народные коммуны (коммуны народа)» были поставлены в кавычки. Со стороны Китая был задан вопрос: как вы можете ставить это в кавычки? Тогда Гришин стал изворачиваться (очень обиделся). Он сказал, что мы не имели в виду ничего особенного. Мы не имели в виду никакой критики в ваш адрес. Он сказал, что мы взяли это в кавычки просто потому, что у нас есть такой обычный подход к тексту. Китай, как бы там ни было, а стал разбирать это по косточкам. (Он демонстрировал следующее:) Я был готов вступить с тобой в борьбу.

В силу того что на Бухарестском совещании большинство делегаций были согласны с той оценкой, которую КПСС давала коммунам народа и великому скачку в Китае, делегация

КПК оказалась в небывалой изоляции. Обращаясь к делегации КПК во главе с Пэн Чжэннем, Хрущев сказал: «Вы занимаетесь великим скачком, а народ у вас без штанов, вы бедны до крайности».

Ли Даньхой:

Так как большая часть делегаций была целиком согласна с Хрущевым, с точкой зрения советской стороны, поэтому Китай оказался в окружении и подвергся сильным нападкам. Его именно брали в окружение и ругали. Пэн Чжэнь проявил себя замечательно. Он сказал: «Я оказался в блестящей изоляции».

Отношения между СССР и КНР и в международном коммунистическом движении в то время отличались большой сложностью.

КПСС приходилось одновременно предпринимать усилия по сохранению возможной сплоченности в рядах этого движения и давать отпор наскокам Мао Цзэдуна.

Лю Шаоци и другие руководители пытались поддерживать возможные контакты. В то же время Мао Цзэдун также имел возможность обострять отношения.

Итак, отношения между Китаем и СССР продвигались от разногласий к официальному расколу. Спустя более чем полмесяца после завершения Бухарестского совещания, 16 июля 1960 года, посольство СССР в КНР официально вручило МИД КНР ноту об отзыве всех находившихся в Китае советских специалистов.

Из архивных материалов мы видим, что поводом для этого СССР выдвигал следующее: среди советских специалистов распространяется брошюра «Да здравствует ленинизм», их втягивают в дискуссию, пропагандируют среди них взгляды, противопоставленные позиции КПСС, не осуществляют предложения специалистов, ведут слежку за специалистами. Все это были лишь предлоги, не имевшие под собой никаких оснований.

Китайские пропагандисты применяют здесь свой обычный прием. Они говорят о фактах, а затем заявляют, что эти факты якобы не являются фактами.

На самом деле Мао Цзэдун выдавливал людей России (СССР) из КНР, навязывал им лозунги, призывавшие к борьбе

против властей их страны, развернул необоснованную кампанию по дискредитации профессионализма и компетентности наших специалистов, то есть оскорблял их искренность, их настоящие братские чувства по отношению к народу Китая, установил неотступную слежку за ними, как будто бы они были шпионами, действовавшими во вред интересам людей Китая. Все это факты. Это и явилось причиной вынужденного отъезда наших специалистов, которых Мао Цзэдун, повторим, выдал из КНР. Это было частью его плана подготовки войны против нас.

Ню Цзюнь:

В 1960 году СССР отозвал специалистов. Полностью отозвал всех советских специалистов, находившихся в Китае. Поэтому во многих отраслях промышленности, на многих промышленных объектах работы по их строительству не были завершены полностью. Это сильно сказалось на экономике Китая того времени. Это было негативное, разрушительное воздействие.

В это время промышленное развитие Китая только-только стронулось с места. Без советских специалистов там наступил либо паралич, либо оно оказалось в полупарализованном состоянии. Правительство Китая неоднократно просило советскую сторону оставить часть специалистов. Но это не принесло результатов. В этой ситуации в начале лета 1960 года Чжоу Эньлай устроил прощальный прием для находившихся в Пекине советских специалистов. Это был знак того, что объявлено о расколе советско-китайского союза. Продолжавшаяся почти полвека дружба между Китаем и СССР окончательно и полностью исчезла без следа.

(С этого момента жизнь на экране становится цветной. Во времена дружбы с СССР она была черно-белой.)

Таким образом, современная пропаганда КПК датирует раскол союза между СССР и КНР летом 1960 года и утверждает, что «продолжавшаяся почти полвека дружба между Китаем и СССР окончательно и полностью исчезла без следа».

Собственно говоря, это был тот момент, когда на два десятилетия исчезло присутствие нас как народа и страны в Китае.

Изгнав наших людей из Китая, Мао Цзэдун создал условия для начала осуществления своего курса на подготовку войны против нас. Эта подготовка была развернута и в области идеологии, то есть пропагандистской обработки населения, и на практике, то есть в вооруженных силах КНР и в ВПК.

Чэнь Цзудэ, инженер автомобильного завода в Чанчуне:

Специалисты, которые работали с нами, были нам как братья. По возрасту они были старше нас, но никакой отчужденности между нами не было.

Ли Чжункан, рабочий автомобильного завода в Чанчуне:

Мы тогда устроили в цехе банкет. Все приняли в нем участие. Потом поехали на станцию, поехали к ним в гостиницу. Мы их провожали. Все было очень тепло.

Работник завода измерительных приборов:

С тех пор, как это случилось, прошло более 50 лет. Однако остались незабываемые воспоминания. Они навсегда сохранились у меня в сердце. Иной раз я рассказываю об этой истории моим детям или студентам.

Трудно и встретиться в жизни, трудно и расставаться. Когда трогается поезд, возникает чувство грусти. Ведь каждому человеку ясно, что это расставание, возможно, окажется расставанием навек. Когда речь идет об интересах государства, все личное оказывается незначительным. А вовлеченная в водоворот политики дружба также, очевидно, бледнеет.

Думается, что дружба между нашими народами была, сохраняется в известной степени и будет сохраняться в будущем. Она отвечает совпадающим интересам наших двух наций — России и Китая. Ее можно на время заморозить, но она переживет времена «зимы».

В то же время здесь китайская пропаганда вводит мысли, которые она хотела бы навязать нынешним поколениям китайцев.

Это мысли о том, что в наших двусторонних отношениях есть, дескать, то, что выше дружбы, — это интересы государств. Эти интересы вошли в свое время в противоречие. Поэтому в таких условиях и расставание между народами может

оказаться расставанием навек. Современная пропаганда КПК не исключает прекращения дружбы навек.

Мне думается, что совпадение интересов двух наших наций важнее всего этого, в том числе важнее интересов отдельных политиков, политических партий и чиновников их государств.

Цзэн Цзымо:

Хотя советские специалисты в то время вовсе не бесплатно служили Китаю, но все то, что они делали, закладывало основы промышленности Нового Китая. Братская дружба возникла у них со многими людьми в Китае. Она навсегда сохранится на скрижалях истории.

В пяти томах рассекреченных документов — архивных материалов — мы видим дипломатические отношения и события 1956–1960 годов во взаимоотношениях между Китаем и СССР, Китаем и США, Китаем и Индией. Внешняя политика Китая в это время отклонения в одну сторону, к союзу с СССР, постепенно развивалась и стала вести войну на два фронта (на две стороны), оказалась в ситуации, когда приходится бить обоими кулаками. Когда мы говорим о войне на двух фронтах и о том, что надо было бить и одним и другим кулаком, то имеем в виду именно противодействие, антагонизм одновременно и с СССР, и с США. В это время внешняя политика Китая как раз и вступила в неблагоприятный для нее исторический период. Однако хорошо то, что на страницах истории, после того как мы просмаковали прошлое, реальные вещи становятся живыми и явными и увлекают человека.

Спасибо вам за то, что посмотрели нашу программу, посвященную архивным документам 1956–1960 годов. До свидания. 2007 год.

Китайская пропаганда внушает зрителям фильма в КНР, что сначала, дескать, Китай находился в ненормальном и скрюченном положении, вынужденно согнувшись в сторону СССР, но потом выпрямился и стал действовать «обоими кулаками», то есть «наносить удары» и по СССР, и по США, «вести войну на два фронта», против нашего народа и нашей страны и против США.

Здесь важно подчеркнуть, что в современном китайском пропагандистском фильме в 2007 году прямо говорится о на-

чале Мао Цзэдуном, его приверженцами и сторонниками «войны» на «фронте», который был ими обращен против нас, в 1960 году. Через десять лет, в 1969 году, эта идеологическая война была превращена Мао Цзэдуном в войну горячую, войну на границе, на острове Даманский.

Такую трактовку истории навязывают населению КНР в настоящее время.

Факты говорят о том, что политика Мао Цзэдуна была политикой, которую он навязал КПК и КНР. Она не основана на объективном понимании интересов нации Китая. Думается, что Китай будет постепенно освобождаться от навязанных им идей в отношении нашей страны.

Совпадающие интересы наций — России и Китая — требуют нормальных отношений между нами, построенных на принципах вечного мира, абсолютной независимости и полного равноправия обеих сторон.

* * *

Мы назвали эту часть нашей работы «Схватка» 1956–1960 гг.». При этом мы иной раз употребляли термин «наши отношения». Под ними мы разумеем, с нашей стороны, отношения нашего народа и нашей страны, а под нашим партнером в данном случае имеем в виду Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей, в том числе и в настоящее время, но никоим образом не народ Китая, не Китай как страну, так как помимо Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей там есть много других людей, отношения с которыми у нас вовсе не такие, как с Мао Цзэдуном; отношения которых к нам не такие, как отношение к нам Мао Цзэдуна, его приверженцев и последователей. То, что нам навязывал Мао Цзэдун, то, что он навязывал народу Китая, — это, будем надеяться, только временное явление, потому что это не соответствует интересам народа Китая, не соответствует совпадающим интересам двух наших народов и стран — России и Китая. Нам никоим образом не нужны вражда и ненависть, разобщение и противопоставление наших народов, а нам необходимы в наших двусторонних отношениях вечный мир, абсолютная самостоятельность и независимость и полное равноправие.

«Мир принадлежит вам» — китайские студенты в СССР в 1950-х гг.

Вторая половина уже упоминавшегося пропагандистского документального фильма «Китай и бывший Советский Союз» имеет свое название:

*«Они подобны солнцу, каким оно бывает
в 8–9 часов утра.
Рассказ о китайских студентах
в Советском Союзе
в 1950-х гг.»*

Рассказ об этом фильме можно начать и по-иному.

В 2007 году в КНР массовым тиражом компанией «Феникс ТВ» был выпущен на дисках пропагандистский документально-хроникальный кинофильм под названием «Рассказ о китайских студентах в Советском Союзе в 1950-х гг.».

Это — часть пропагандистской работы КПК. Он создан в рамках современной публичной дипломатии КНР, той ее части, которая предназначена для пропаганды внешней политики Мао Цзэдуна в отношении нашей страны. Фильм предназначен для самой широкой аудитории в КНР, для людей, живущих вне пределов КНР и говорящих на китайском языке, да и для тех во всем мире, кто интересуется Китаем, его внешней политикой, взаимоотношениями между нашей страной и Китаем.

Сама тема представляется важной. Речь идет об уникальном явлении в истории наших двусторонних отношений.

В 1920–1940-х гг. в нашей стране работали, учились, лечились, отдыхали кадровые работники Коммунистической партии Китая, их жены, воспитывались их дети.

С конца 1940-х по начало 1960-х гг. в Китае по приглашению КПК работали тысячи наших специалистов, которые искренне помогали людям Китая сначала побеждать в борьбе за власть КПК в государстве, а потом строить вооруженные силы КНР, создавать основы ее промышленности.

Наконец, в 1950-х гг. в нашей стране мы обучили около 10 тысяч студентов и стажеров из КНР. У КПК — КНР тогда не было другой возможности готовить кадры для вооруженных сил, ВПК, ряда областей экономики и в сфере культуры и искусства.

Все это были звенья одной цепи дружбы, искренней помощи, которая связывала прежде всего наши народы и страны.

Все это закончилось в 1960-х гг.

Но все это было и навсегда останется в истории наших отношений.

Мы в те годы искренне помогали КПК — КНР. Люди в нашей стране относились к обучавшимся у нас китайским студентам как к родным, всей душой были расположены к ним, не отделяли себя от них и их от себя.

В истории Китая никогда не было периода, когда бы люди другой страны так искренне относились к китайцам, помогали им всем, чем могли.

В первом десятилетии XXI века в КПК — КНР заново оценивают всю историю наших отношений, в том числе и события того времени.

Для нас далеко не безразлично, как это делается, в каком духе воспитывают нынешние поколения людей Китая.

Поэтому представляется необходимым познакомиться с основным политическим содержанием этого пропагандистского документально-хроникального кинофильма.

Цитаты из пояснительного текста к фильму будут даваться курсивом.

Мы уже упоминали о том, что название или тема фильма подана там следующим образом:

*«Они подобны солнцу, каким оно бывает
в 8–9 часов утра.*

*Рассказ о китайских студентах
в Советском Союзе
в 1950-х гг.»*

Это сделано для того, чтобы у зрителей в КНР сразу же возникало ощущение, что речь идет об относительно небольшой, но важной части нации Китая, которой пришлось по воле сложившихся обстоятельств учиться в СССР в 1950-х гг.

Еще важнее тут то, что все это предваряется цитатой из высказываний Мао Цзэдуна при встрече с представителями этих студентов в Москве в 1957 году.

Собственно говоря, и первая и вторая половина фильма «Китай и бывший Советский Союз» начинаются с трактовки значения шагов или действий Мао Цзэдуна в сфере внешней политики.

В первом случае — поездки Мао Цзэдуна в Москву в 1957 году, а во втором случае — выступления Мао Цзэдуна во время той же поездки перед китайскими студентами, которые учились в Москве.

Для авторов фильма главное — выдвигать на первый план Мао Цзэдуна, его оценки, его политику, в данном случае в отношении нашей страны. Люди, студенты из Китая, а также наше отношение к ним, взаимоотношения наших и китайских людей в это время остаются как бы за кадром, или на втором плане.

Фильм и начинается со слов Мао Цзэдуна.

Цзэн Цзымо (руководитель проекта создания фильма):

(Мао Цзэдун в 1957 г., обращаясь к китайским студентам, учившимся в СССР, говорил:)

«Мир принадлежит вам, а также принадлежит и нам.

Но если доходить до самой сути, то он принадлежит вам.

Потому что молодые люди полны свежести и энергии,

Они как раз находятся в периоде расцвета.

Они подобны солнцу, каким оно бывает в 8–9 часов утра.

Надежды возлагаются на вас».

Прежде чем обратиться к описанию того, в какой обстановке были произнесены эти слова, необходимо задум-

маться над тем, почему именно эти слова вынесены в начало фильма.

Для современных китайских пропагандистов, выполняющих задание своего руководства, важно сразу же правильно расставить акценты.

И здесь они стремятся сосредоточить внимание не на дружбе наших народов, не на помощи с нашей стороны КПК и КНР, не на том, что молодежь Нового Китая, будущий костяк кадрового состава работников целого ряда областей и отраслей хозяйства, да и культуры, а в особенности обороны, вооруженных сил КПК — КНР, получала фундаментальные знания в СССР, то есть не на том, что Китай при такой постановке вопроса волей-неволей оказывался как бы «в учениках» у нашего народа, а на исключительном положении во всем мире, в том числе и по отношению к нашему народу и нашей стране, Мао Цзэдуна, Нового Китая, молодого поколения Нового Китая, которое должно ощущать себя хозяевами нового мира, всей планеты Земля, всего мира, должно чувствовать, что «весь мир принадлежит им».

Если в первой половине этого фильма речь шла о том, что Мао Цзэдун в 1957 году чувствовал себя «по праву» на равных и даже морально превосходил руководителей КПСС и СССР, то во второй части фильма решалась задача создать у зрителей представление о молодежи Нового Китая как о совершенно особых людях, которым принадлежит весь мир, а из этого следует то, что и в нашей стране, учась в советских вузах, они просто «берут свое», берут то, что им по праву принадлежит.

Здесь уже они оказываются на равных и даже как бы морально превосходят обучавших их наших людей, ибо они — молодежь Нового Китая, молодежь Мао Цзэдуна, молодежь, на которую он возложил свои надежды.

Иными словами, этот фильм предназначен для того, чтобы внушать зрителям в КНР, что Мао Цзэдун и его молодежь, по крайней мере морально, в духовном плане, выше и руководителя, и народа нашей страны. В этом находит свое проявление понимание равноправия, с точки зрения Мао Цзэдуна.

В каком-то смысле такое начало призвано опрокинуть «ходульное» представление о студентах, учившихся в СССР, как о тех, кто из Китая попал в ту страну, которая представляла собой «завтра Китая». В то время в КНР был широко рас-

пространен лозунг: «СУЛЯНЬ ДЫ ЦЗИНТЯНЬ ШИ ВОМЭНЬ ДЫ МИНТЯНЬ», то есть: «Сегодня СССР — это наше завтра». Авторы фильма стремятся перевернуть представление о Новом Китае и об СССР и заставить зрителей усвоить, что завтра принадлежит Новому Китаю, завтра принадлежит людям Китая, в частности той молодежи, тем студентам, которые учились тогда в СССР.

В 1957 году, находясь в нашей стране, принимая участие в праздновании 40-й годовщины событий Октября 1917 года, а также в работе Международного совещания коммунистических и рабочих партий, Мао Цзэдун не встретился с людьми из нашей страны, скажем, на массовом митинге, то есть не пожелал углубить дружбу между нашими народами. В то же время он счел необходимым встретиться с представителями студентов из Китая, которые тогда обучались в нашей стране, и в своей речи, обращенной к ним, произнес слова: «Мир принадлежит вам».

В КНР до сих пор они пропагандируются как главный завет, оставленный Мао Цзэдуном потомкам, грядущим поколениям.

Эти слова многие вошедшие в возраст люди Китая могут повторить наизусть, не ошибившись ни в одном слове. Эти слова даже повлияли на представления о жизненных ценностях целого поколения людей.

Эти слова произнес Мао Цзэдун во время своей поездки в СССР в 1957 году в речи, обращенной к обучавшимся там китайским студентам.

Тогда Мао Цзэдуну было 64 года.

Большинству студентов, которые слушали его, тогда было 24–25 лет.

Спустя полвека, в настоящее время, им за семьдесят.

Однако им выпало счастье увидеть Мао Цзэдуна, своими ушами услышать его речь. Тот день, когда он произнес эту знаменитую речь, запечатлелся в их памяти на всю жизнь.

Авторы фильма не преминули отметить, что тогда, а дело происходило в ноябре 1957 года,

«в Москве уже начал падать снег. На улице холодно. Замерзли и небо и земля. Направленные государством на учебу в СССР китайские студенты, несколько тысяч человек, тогда

не ощущали холода. Они находились в приподнятом настроении. Они были воодушевлены, ожидая важного события».

Итак, для зрителей фильма в КНР он начинается с имени Мао Цзэдуна, с сопоставления «холода» в нашей стране, такого холода, что «замерзли небо и земля», и, по контрасту с этим, с упоминания о том, что островом тепла, воодушевления среди этих холодов были молодые люди из Китая. Их особенно согревала мысль о том, что они могут увидеть свое «ЦЗУЙ ХУН, ЦЗУЙ ХУН ДЫ ХУН ТАЙЯН — самое-самое красное из красных солнце» — «МАО ЧЖУСИ — председателя Мао».

Студенты надеялись, что председатель Мао, который во главе партийно-правительственной делегации приехал в СССР на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции и которого было трудно увидеть в Китае, сможет встретиться с ними.

Су Хун училась в МГУ на пятом курсе. В 1957 году таких, как она, студентов из Китая в СССР было более пяти тысяч человек. Они учились в вузах Москвы, Ленинграда и других городов. Весть о приезде председателя Мао в Москву вдохновила студентов.

У них было одно общее желание, одна общая надежда — они хотели увидеть председателя Мао.

Шэнь Цзюньшэн:

Когда мы услышали о его приезде, мы стали говорить в посольстве, что хотим увидеть председателя Мао.

В 1957 году в СССР праздновали 40-летие Октябрьской революции. Для обстановки в мире тогда было характерным противостояние двух лагерей: капитализма и социализма. Социалистические государства нуждались в еще более прочном организационном сплочении.

В начале ноября представители коммунистических и рабочих партий всего мира собрались в Москве. В этой встрече принял участие Мао Цзэдун, возглавлявший делегацию КПК.

Мао Цзэдун:

Товарищи! В то время, когда исполняется 40 лет социалистической революции, мы, все товарищи из делегации Китая, по поручению народа Китая приехали в Москву, чтобы

передать привет и горячие поздравления нашим советским братьям.

Мао Цзэдун вел тогда борьбу за то, чтобы, по сути дела, занять место единственного общепризнанного вождя «лагеря социализма» и мирового коммунистического движения.

Он был не согласен с критикой Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС и с выдвинутым Хрущевым положением о том, что фатальной неизбежности мировой ядерной войны не существует.

Мао Цзэдун хотел переломить ситуацию и заставить мировое коммунистическое движение и «лагерь социализма» признать его, а не Хрущева, единственным реальным вождем коммунистов всего мира, поставить на свое (то есть второстепенное по отношению к нему) место и Хрущева, и КПСС, и СССР.

Его вдохновляло и то, что в 1957 году ему удалось получить от Хрущева согласие на передачу КНР секретов производства атомной бомбы. Это было то, что, с точки зрения Мао Цзэдуна, позволяло ему вступить в борьбу с США за первостепенное место на мировой арене.

Одним словом, Мао Цзэдун приехал тогда в СССР в надежде заставить наш народ и нашу страну признать его руководящую роль и последовать за ним. Мао Цзэдун встретился с китайскими студентами в Москве для того, чтобы внушить им мысль о том, что отныне «мир принадлежит» им. Из этого должно было следовать и соответствующее отношение, в частности, этих студентов к людям нашей страны.

Мао Цзэдун в то время был объектом поклонения молодежи. Иметь возможность увидеть Мао Цзэдуна, пожать ему руку было ни с чем не сравнимым счастьем.

Чэнь Сяньюй:

Мое самое глубокое впечатление: он сходит по трапу самолета в своей церемониальной шляпе. Хрущев и прочие пожимают ему руку. В то время я был в одно и то же время и дипломатом, и студентом в СССР. Когда он приблизился к тому месту, где стоял я, он сказал: «С китайскими товарищами пожимать руки не будем». И больше рук не пожимал.

Детали имеют значение, когда речь идет о таких вещах в Китае. Мне довелось слышать о том, что когда Мао Цзэдун от-

правлялся в 1957 году из Пекина в Москву с пекинского аэродрома, то он, впервые и единственный раз в жизни, появился в шляпе европейского покроя.

По рядам провожавших его номенклатурных работников прошелестело: «МАО ЧЖУСИ СИФАНХУА ЛА — Председатель Мао приобрел западный вид».

Люди поняли, насколько важное значение придавал тогда Мао Цзэдун этой поездке. Он впервые решил выйти на международную арену. При этом в его представлении мир делился на китайцев и не китайцев. На Восток и Запад. Китайцы были своими, уже освоенным полем. Тут церемониться больше не было необходимости. Запад предстояло освоить, приручить и заставить последовать за собой. Здесь он считал нужным ради того, чтобы облегчить контакты с Западом, надеть шляпу западного покроя.

Он также был готов выполнять западные обычаи и пожимать руки при встрече с людьми Запада. С китайцами таких церемоний не требовалось.

Итак, с одной стороны, в своем сознании Мао Цзэдун делил мир на Китай и Запад и, с другой стороны, он был готов тогда считаться с внешними признаками принадлежности всех людей к одной мировой общности.

(Это сочеталось с тем, что Хрущеву Мао Цзэдун счел необходимым навязать тогда «строительство» унитаза китайского образца в Кремле в покоях, отведенных Мао Цзэдуну.)

Компартии 12 социалистических государств подписали «московскую декларацию». При этом среди них Мао Цзэдун играл важную роль и оказывал важное влияние.

На какое-то время Мао Цзэдун стал в Москве тем, кого хотели увидеть массы людей. При этом не только китайские студенты, но и даже многие иностранные студенты хотели своими глазами увидеть, как ведет себя Мао Цзэдун.

Студент из Румынии сказал: «Мы особенно преклоняемся перед Китаем. Вы освободили себя в опоре на свои силы. Это в высшей степени необыкновенно». Он говорил: «Мы освободились в опоре на армию СССР; вследствие этого мы также должны платить за это свою цену».

Он говорил: «Мы, однако, ничего не можем с этим поделать, потому что они освободили нас. Мы должны рас-

плачиваться за это. Но вы — это другое дело. Вы всего добились сами. Вы прошли через много войн. Вы принесли много человеческих жертв. То, что вы сделали, — это замечательно».

В этом фильме внимание с самого начала сосредоточено на Мао Цзэдуне и его «деяниях».

Ему приписывают несуществовавшие «подвиги», не упоминая при этом о важных обстоятельствах. Мао Цзэдун играл важную роль среди руководителей 12 социалистических государств. Однако во главе «лагеря социализма», особенно в Восточной Европе, оставались Хрущев и КПСС, СССР. Между КПСС и компартиями этих государств существовали давние и тесные отношения, в то время как Мао Цзэдун только начинал предпринимать попытки устанавливать с ними те или иные контакты. Все-таки государства Восточной Европы так и остались далеко от Мао Цзэдуна (не говоря уже о том, что у них были свои далеко не простые отношения и с нашей страной).

Подписанная тогда декларация была выработана всеми руководителями совместно, но при основополагающей и ведущей роли нашей стороны.

Вводя в сознание зрителей фильма мысль о важной роли Мао Цзэдуна в «лагере социализма», авторы фильма переходят к главному, к внушению нужного им представления о взаимоотношениях государств Восточной Европы с СССР и об их представлениях о Китае.

Здесь прежде всего говорится о преклонении людей этих стран, то есть государств Восточной Европы, перед Китаем. Не о равноправии, а о преклонении, что отражает мышление современных пропагандистов идей и политики Мао Цзэдуна.

Далее вводится мысль о разнице между положением в государствах Восточной Европы и в Китае. Государства Восточной Европы «освободили себя» при помощи Советской армии. А Китай «освободил себя» в опоре на собственные силы.

Из этого делается вывод о том, что государства Восточной Европы должны, вынуждены платить Советскому Союзу цену за свое «освобождение».

Китай же, дескать, никому ничего не должен платить, то есть он ничем не обязан нашей стране.

Здесь же также утверждается, что КНР появилась благодаря победе в многочисленных войнах и благодаря принесению многочисленных человеческих жертв. Это означает, что в современной КНР особое значение придается тезису о войнах и жертвах как о том, что было необходимо в прошлом, благодаря чему завоевывались победы. Очевидно, что это не исключается и в настоящем и будущем.

Здесь ни словом не упоминается о помощи с нашей стороны КПК в 1920–1940-х гг. В том числе и о том, что именно наша страна освободила людей Китая на его северо-востоке от 14-летней японской оккупации. А также о том, что мы стали тылом вооруженных сил КПК, которые мы снабдили и вооружением, и всем необходимым для того, чтобы они смогли установить власть Мао Цзэдуна на китайском континенте.

Данный пассаж в фильме подается таким образом, чтобы у зрителей складывалось впечатление, что так думали и сами китайские студенты, учившиеся в нашей стране в 1950-х гг., и люди из государств Восточной Европы. Их объединяло, дескать, именно такое представление о нашей стране и ее роли в их жизни.

Можно обратить внимание и на то, что современные китайские пропагандисты в начале фильма рисуют такую картину событий того времени, на которой есть Мао Цзэдун, есть молодые люди из Китая, есть студенты из государств Восточной Европы и нет людей из нашей страны. В этом у авторов фильма нашло свое проявление стремление Мао Цзэдуна отделять наш народ от народов государств Восточной Европы. Это была часть курса Мао Цзэдуна на ослабление нашей страны.

История свидетельствует о том, что народы Восточной Европы всегда стремились каждый самостоятельно решать свою судьбу и строить свою жизнь. Они не желали находиться в зависимости от КПСС и СССР. В то же время у них были свои и давние отношения с Россией. Что же касается Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей, то у народов Восточной Европы нет и не было никакого желания идти за Мао Цзэдуном, считать его своим вождем, подчиняться его указаниям.

Вообще нужно также сказать, что Мао Цзэдун не считал нужным, дважды побывав в нашей стране, в 1949–1950 годах

и в 1957 году, хотя бы раз встретиться с людьми нашей страны, скажем, на митинге или большом собрании. В противовес Мао Цзэдуну друг нашей страны Лю Шаоци выступал на сто-тысячном митинге в Лужниках в 1960 году.

Модель плановой экономики СССР оказала очень большое влияние на структуру экономики Китая. Во время первой пятилетки правительство Китая придерживалось следующего курса: в области развития главным образом придерживаться опоры на собственные силы, добиваться получения иностранной помощи в качестве вспомогательного фактора. При этом было решено взять СССР в качестве главного объекта учебы, то есть идти по пути преимущественного развития тяжелой промышленности. В ситуации, когда Запад относился к Новому Китаю враждебно и установил блокаду, это оказалось единственным возможным выбором.

Начиная с 1952 года КПК решил направлять в массовом порядке студентов на учебу в СССР и в социалистические государства Восточной Европы. В этих целях была создана руководящая группа по направлению туда студентов под руководством Не Жунчжэня, Ли Фучуня, Лу Динъи.

В 1956 году больше всего студентов было направлено в СССР: 2401 человек. Выступавший в качестве вождя Мао Цзэдун более всего был обеспокоен той ситуацией, в которой они учились за границей.

Сотрудник посольства КНР в СССР:

Он проявлял очень большую заботу о студентах, которые учились за границей. Когда он приехал в Москву, то спросил у посла Лю Сяо: «Как тут наши студенты?» Посол Лю Сяо сказал: «В том, что касается их учебы, у них все хорошо. Они только очень хотели бы увидеться с председателем». Услышав это, председатель сказал: «Хорошо. Организуйте мою встречу. Простите за беспокойство, посол».

Итак, нашу страну в КНР было решено «взять в качестве главного объекта учебы», то есть «идти по пути преимущественного развития тяжелой промышленности».

С 1952 года к нам на учебу начали направлять студентов. Это делалось государством по единому плану. Главными на-

правлениями в такой учебе, судя по составу руководящей группы ЦК КПК, были вооруженные силы, современная военная техника, ядерная физика, ракетная и космическая технология, тяжелая промышленность, другие отрасли промышленности и определенные области идеологической работы, включая искусство.

Вот и разъяснение того, почему пришлось отправлять в СССР на учебу в вузах студентов из КНР.

Это трактуется в фильме как вынужденный шаг. На это пришлось пойти потому, что не было других возможностей.

При этом подчеркивается, что с самого начала Мао Цзэдун, дескать, исходил из того, что необходимо «главным образом придерживаться опоры на собственные силы; добиваться получения иностранной помощи в качестве дополнительного фактора».

Конечно, каждая страна должна сама решать свои проблемы.

Вопрос не в признании или непризнании этого принципа. Вопрос в том, как относиться к тому, кто оказывает тебе помощь, какой видеть эту помощь.

Вот здесь и были главные разногласия между Мао Цзэдуном и нашим народом и нашей страной.

Наш народ и наша страна искренне по-братски оказывали помощь всем, чем могли, отдавали лучшее, не считались с тем, что приходилось выделять и направлять для помощи КНР лучших специалистов, давать самые последние достижения науки в качестве знаний студентам из Китая. Помощь мы оказывали в трудные для нас годы, следовавшие за окончанием Великой Отечественной войны.

Теперь авторы фильма пытаются внушать зрителям в КНР, что это была некая «иностранная помощь». Это важно отметить. На этот термин нужно обращать внимание. Здесь не употреблено слово «советская».

Авторы фильма создают впечатление, что речь шла об иностранной помощи вообще, о безымянной иностранной помощи. На самом деле в те годы это была только помощь нашего народа и нашей страны, помощь только России (в то время СССР). Слово Россия (СССР) современные китайские пропа-

гандисты в данном случае и применительно к этой теме хотели бы стереть из памяти зрителей фильма в Китае.

В фильме не говорится о нашей помощи как об уникальной, искренней, братской помощи.

Сегодня пропаганда КПК предпочитает внушать зрителям в КНР, что мы — иностранцы и помощь наша иностранная, безымянная.

Мы же китайцев тогда иностранцами не считали, делились с ними как с родными.

Вот в чем разница между нашим народом, нашей страной и Мао Цзэдуном в этом вопросе. Мы за то, чтобы исходить из совпадения интересов наших двух наций, за сплочение и объединение усилий. Мао Цзэдун за отделение наших наций одной от другой, за разделение и противопоставление наших двух наций.

Отсюда следует вывод о том, что Мао Цзэдун, оказавшись в ситуации, когда он был вынужден согласиться с обучением китайских молодых людей в нашей стране, в то же время вел дело к тому, чтобы внушать им и вообще населению Китая, что на нас, даже в этой ситуации, надо смотреть как на иностранцев, причем таких иностранцев, к которым есть многочисленные счета по разного рода историческим реестрам. Таковы были позиция и взгляд Мао Цзэдуна на ситуацию в связи с пребыванием в СССР китайских студентов.

Нужно также отметить, что в фильме пытаются принизить значение нашей большой и искренней помощи, характеризуя ее всего лишь как «дополнительный фактор», а также утверждая, что Мао Цзэдуну якобы приходилось «добиваться» получения этой помощи с нашей стороны.

17 ноября 1957 года посольство уведомило студентов о необходимости собраться в актовом зале МГУ. Студенты догадались: председатель Мао обязательно придет повидаться с ними.

Люди Китая 1950-х годах преклонялись перед вождем государства Мао Цзэдуном. Из глубины их сердец исходил этот фанатизм.

Учившиеся в СССР студенты проходили строгий отбор в Китае. Это были лучшие представители молодежи. В первый период после создания государства финансовое положение го-

сударства было напряженным, но их по-прежнему направляли на учебу за границу. Поэтому студенты питали соответствующие чувства к государству и преклонялись перед Мао Цзэдуном. У них эти чувства были еще сильнее, чем обычно у молодежи.

В процессе подготовки встречи в посольстве заранее думали о взрыве энтузиазма.

Ли Тао, в свое время ответственный в посольстве за работу со студентами:

Тогда мы строили предположения и в то же время опасались. Что делать, если студенты при появлении председателя Мао закричат «ВАНЬ СУЙ — Десять тысяч лет, или Да здравствует» и бросятся к сцене? Мы посоветовались и в первые ряды в максимально возможной степени посадили курсантов военных училищ и стажеров. Курсанты и стажеры были относительно старше (по возрасту), а курсанты были еще и более дисциплинированы.

В актовый зал набивалось все больше людей. Зал вмещал примерно тысячу человек. Он не мог вместить всех студентов. Прилегающие к залу помещения клуба и т. д. заполнили люди. Сотрудники посольства могли лишь временно сдерживать людей, чтобы они могли слышать звуки из актового зала.

Власти КПК — КНР, организовав встречу Мао Цзэдуна со студентами, думали о двух вещах.

Они знали о существовании преклонения в КНР перед Мао Цзэдуном, о фанатизме по отношению к нему.

Они считали, что следует ограждать Мао Цзэдуна от тесного соприкосновения с людьми Китая. Мало ли что могло случиться. Поэтому в первые ряды в зале, где должна была состояться встреча, они посадили курсантов военных училищ и доверенных людей, которые должны были создать своего рода «прокладку» между остальными присутствовавшими и Мао Цзэдуном, должны были охранять Мао Цзэдуна от «взрыва энтузиазма».

Собравшиеся в зале ждали целый день.

И только около 6 часов вечера в атмосфере взволнованного ожидания Мао Цзэдун наконец появился.

В тот момент, когда в 6 часов вечера 17 ноября 1957 года Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Сун Цинлин и другие руководители государства появились в актовом зале МГУ, аудитория взорвалась аплодисментами.

Люди кричали: «Десять тысяч лет председателю Мао!»

Советские студенты кричали: «Ура!»

Все в восторге встали с мест.

Хлопали до боли в ладонях.

Чжан Цихун:

Все слилось в один голос, стало одним лицом. Это было потрясение. Никто не смотрел по сторонам, все смотрели вперед.

Чэнь Сяньюй:

Он встал чуть подальше от стола, чуть в глубине. Студенты говорили: «Встаньте поближе». И он подвинулся вперед.

Ли Тао:

Студенты вставали на стулья. Немало стульев в актовом зале МГУ оказалось поломано. Я принес впоследствии извинения ректору МГУ.

Фу Чжихуай:

Это шло из глубины души; такой была горячая любовь к вождю.

Председатель был в приподнятом настроении. Стоя на сцене, он произнес свои знаменитые слова.

Шэнь Цзюйшэн:

Вплоть до настоящего времени мы, каждый, кто учился в СССР, помним, что он сказал:

«Мир — принадлежит вам и нам».

Женщина:

«Но в конечном счете он принадлежит вам.

Молодые люди полны энтузиазма, они находятся как раз в расцвете сил.

Они подобны солнцу в 8–9 часов утра.

Надежды возлагаются на вас».

Женщина:

Он говорил по-хунаньски. Слово «мир — ШИЦЗЕ» у него прозвучало как «СЫГАЙ». Поэтому некоторые студенты из мест, далеких от Хунани, никогда не слышали, как говорят по-хунаньски. На лицах у них появилось недоумение. Они не знали, что и подумать. Председатель Мао был очень проникновенен. По выражению лиц он понял, что некоторые не понимают по-хунаньски. Он тут же это понял и засмеялся. Затем обеими руками как будто бы обнял большой шар, а потом произнес: «ВОРЛД». Студенты, понимавшие по-английски, с радостью закивали. Стали поднимать руки и говорить: «Понятно».

Мужчина:

Он спросил посла Лю Сяо: как сказать «МИР» по-русски? Лю Сяо сказал, что это звучит как «МИЖЭ». Председатель сказал: «МИР (по-русски) ваш, принадлежит вам».

Женщина:

В этот момент я ощущала, что председатель полон энергии, способен вдохновлять. Он возлагал надежды на нас, и это трогало. Значит, мы — опора государства.

Главная мысль Мао Цзэдуна состояла в том, что весь мир принадлежит китайцам, во всяком случае потомкам современных поколений китайцев.

И именно на этих струнах китайской души играл Мао Цзэдун.

Его слова находили отклик.

В 1950-х гг. в советских вузах кроме китайских учились еще и студенты из других социалистических государств Восточной Европы. Однако по сравнению со студентами из других государств китайские студенты ощущали, что на них лежит ответственность. Они приезжали с миссией строительства своего государства. Они учились и по всем предметам получали только пятерки. Это была цель китайских студентов в учебе. Советские студенты говорили, что если посмотреть сверху на библиотечный зал, то увидишь одни черноволосые головы. Они с головой уходили в учебу. Это были студенты из Китая.

Мужчина:

По успехам в учебе китайские студенты всегда были на первом месте. На доске почета было много фотографий китайских студентов.

Каждый день они отдавали учебе больше 10 часов. Здоровье у многих было подорвано.

Женщина:

Возможно, посольство информировало об этом председателя Мао. Поэтому он посвятил много времени этой теме. Он говорил очень живо. Он говорил: «Вот хороший метод — взбираться на горы и плавать. Когда я был в вашем возрасте, я уже побывал на многих горных вершинах, на реке Янцзы, на озере Дунтинху, плавал во многих местах». Потом он называл знаменитые горы, реки, озера. Стал спрашивать: есть ли тут кто-то из этих мест? Студенты вставали и говорили: «Есть».

В фильме все время сквозит мысль о том, что китайцы, дескать, не такие, как остальные, выше и лучше остальных. Только китайцев рисуют теми, кто ощущал на себе груз ответственности перед государством. Никто не говорит, что нет оснований хвалить тех, кто хорошо учился. Было чему учиться, было у кого учиться. Об этом, кстати, можно было бы и сказать.

Походя при этом принижают и обижают людей других стран, в данном случае государств Восточной Европы.

Эти рассуждения авторы фильма соединяют с рассказом Мао Цзэдуна о том, как он в свое время побывал на многих горных вершинах, на реках и озерах Китая.

С одной стороны, можно понимать это как призыв не только учиться, но и укреплять здоровье. С другой стороны, это напоминание о прекрасной природе Китая. Это можно трактовать и как призыв познавать страну, где находишься. Наконец, это призыв восхищаться Мао Цзэдуном в молодости.

Под грузом ответственности за учебу китайские студенты оказывались узкими специалистами. Через некоторое время учебы в СССР они начинали понимать проблему.

Женщина:

У нас в общежитии был громкоговоритель. Кроме новостей по большей части передавали симфоническую музыку.

Иногда русских: Чайковского, Глинку; иногда мировую: Бетховена, Моцарта. С этой музыкой все русские студенты были хорошо знакомы. Я спрашивала: «Откуда вы это знаете?» Они отвечали: «Нас этому учили».

Гэ Нин:

Наш профессор гидравлики говорил со мной по душам. Он спрашивал, что я делаю еще, кроме учебы. Я не мог ответить и не ответил. Он спросил: был ли я в Большом театре? Я отрицательно покачал головой. Я не решился ответить. Он спросил: видел ли я «Лебединое озеро»? Я сказал: «Не видел». Он сказал: «Это же Чайковский, это прекрасная музыка. Как ты можешь не наслаждаться такой музыкой?»

Здесь пробрасывается мысль о необходимости не быть узкими специалистами, о необходимости расширять кругозор, знания в области культуры, искусства.

Характерно то, что Мао Цзэдун в своем выступлении ни слова не сказал ни о культуре, ни о литературе, ни об искусстве нашей страны.

Женщина:

Председатель Мао сказал: «Во время учебы в СССР вы должны выкраивать время и везде побывать». Когда я это услышала, я стала особенно сожалеть. Я была уже на пятом курсе и должна была вернуться домой. Тогда в СССР было 12 союзных республик. Из всех республик люди учились в МГУ. Все приглашали к себе домой китайских студентов. Тогда билеты на поезд были дешевыми. Это было сделать легко. Но у нас в то время на первом месте была учеба.

Мао Цзэдун считал необходимым ориентировать этих молодых людей на то, чтобы они везде побывали в СССР. Очевидно, что так была начата кампания сбора сведений о положении в разных районах СССР.

Кто-то подсчитал, что в то время каждый час учебы каждого китайского студента обходился в один юань народных денег. В то же время зарплата рабочего в КНР составляла всего 20 с чем-то юаней в месяц. Чувство ответственности перед государством, перед народом побуждало китайских студентов не допускать ни малейшей нерадивости и лени.

Однако Мао Цзэдун относился к учебе чрезвычайно свободно.

Женищина:

Он говорил: «Не надо стараться получать пятерки по каждому предмету. Второстепенные предметы достаточно знать в общем. Можно и на тройку. Иными словами, и в работе, и в учебе нужно сосредоточить внимание на главном. Прилагать усилия не одинаково во всем. Только при таком подходе можно добиваться успехов». Эта речь произвела на меня глубокое впечатление.

Что означал этот призыв Мао Цзэдуна? Можно предположить, что с его точки зрения достаточно было получить главные знания технического или профессионального характера. Остальное, в особенности то, что касалось мира души наших людей, нашей культуры и искусства, да и идеологии того времени в нашей стране, можно было знать и «на троечку».

Попутно здесь упоминается о том, что тогда зарплата рабочего в КНР составляла в среднем всего 20 с чем-то юаней в месяц. Нужно сказать, что в нашей стране жизнь тогда была далеко не легкой. Как сказал кто-то из наших писателей: «Вон старухи в деревне на пенсии по 12 рублей в месяц огребают». Большинство людей жили на зарплату, которая была весьма скромной. Нет никаких оснований создавать впечатление, как будто бы в нашей стране люди благоденствовали и не знали, куда деньги девать.

Цзэн Цзымо:

Речь Мао Цзэдуна была наполнена юмором. В то же время он указывал на суть вопросов. Он умело приводил сравнения. На протяжении всей его речи в зале звучал смех. Мао Цзэдун говорил с тяжелым хунаньским акцентом, поэтому некоторые студенты могли улавливать только ее общее содержание. Но и они смеялись и неистово аплодировали словам Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун высказывал какое-либо положение, и в зале возникали продолжительные аплодисменты. В этой атмосфере Мао Цзэдуну хотелось сказать молодым людям слишком многое.

Создавать собственную систему промышленности — такова была мечта людей Китая, которые действовали на развалинах войны.

В начале 1950-х гг. Мао Цзэдун, обобщая, говорил: «Что мы способны делать в настоящее время? Можем делать столы. Стулья. Можем делать чайные чашки. Чайники. Можем выращивать зерно, молоть его в муку. Можем также делать бумагу. Но мы не можем сделать ни одного автомобиля, ни одного самолета, ни одного танка, ни одного трактора».

В речи перед студентами, учившимися за границей, Мао Цзэдун последний раз говорил о тяжелой промышленности Китая.

Мужчина:

Он говорил, что в политическом плане наша страна является великой (крупной) страной, а в экономическом плане — маленькой (малой) страной. Мы производим стали меньше, чем Бельгия. Он спросил: «Довольны ли вы этим?»

Студенты сказали: «Не довольны».

Он сказал: «Вот вы не довольны, и что теперь делать? Ситуация у нас именно такая».

Это был объективный анализ и в то же время важное, серьезное поручение. Это тяжелое поручение запечатлелось в душе каждого молодого студента.

По сути дела, в то время Мао Цзэдун был преисполнен веры в будущее Китая, в будущее лагеря социализма.

Мао Цзэдун нацеливал людей Китая в те годы на то, чтобы во много раз увеличить производство стали, нацеливал на развитие тяжелой промышленности. В современной КНР часто повторяют, что курс на развитие тяжелой промышленности был якобы навязан КНР нашей страной. На самом деле, с одной стороны, так обстоятельства сложились объективно и в нашей стране, и в КНР, с другой стороны, Мао Цзэдун несет ответственность за это. От него зависело решение, поступать ли таким образом. А это было проявлением стремления создать прежде всего военную мощь Китая. Люди, их жизнь находились у Мао Цзэдуна отнюдь не на первом месте.

К 1957 году СССР уже успешно запустил искусственный спутник Земли. По техническому уровню уже обошел США.

Мао Цзэдун тогда чрезвычайно оптимистично считал, что социалистические государства уже идут впереди, а капиталистические государства отстали, остались позади. Поэтому и появилось его знаменитое умозаключение: «Ветер Востока подавляет ветер Запада».

На заседании 18 ноября в самом его начале Мао Цзэдун выдвинул это положение, которое потом стало общеизвестным.

По существу, 17 ноября в МГУ в речи, обращенной к китайским студентам, Мао Цзэдун и изложил эту свою точку зрения. В этот день его разъяснение звучало еще более красочно, оно было в еще большей степени китаизированным.

Мужчина:

Когда он имел в виду, что ветер Востока подавляет ветер Запада, то он имел в виду два лагеря. Говорил, что в лагере социализма есть их люди (люди из другого лагеря), но их мало, а в лагере капитализма есть наши люди, их много. Главным образом он имел в виду народы. Говорил в этом смысле. Он использовал сравнение, которое привела жена Чжао Мэнфо, когда рассказал о некоем глиняном Будде. После того как он оказался разбитым, снова вылетели что-то из оставшейся глины. Так появились два Будды, поэтому и получилось, что в твоём теле есть я, а в моём теле есть ты. Он привел это в качестве сравнения.

Мао Цзэдун завидовал СССР. Причем это была зависть, пронизанная желанием перегнуть и подавить нашу страну.

Мао Цзэдун пытался заставить людей в Китае, в нашей стране, в государствах «лагеря социализма» поверить в то, что возможно «подавить» «лагерь капитализма».

Отсюда родился его призыв к тому, чтобы ветер Востока подавил ветер Запада.

Разъясняя это положение, выдвинутое Мао Цзэдуном именно в 1957 году во время Международного совещания коммунистических и рабочих партий, в фильме утверждают, что Мао Цзэдун имел в виду то, что в Китае, в «лагере социализма» есть часть тех, кто сочувствует Западу, капитализму, а на Западе есть часть людей, сочувствующих ему, его Востоку. При этом Западу сочувствует мало людей, а Востоку, дескать, сочувствует много людей, живущих на Западе.

Мао Цзэдун использовал и силу убеждения, и мощь аппарата своей партии и государства для того, чтобы заставить людей, прежде всего в Китае, верить в эти его утверждения. В результате люди тратили свои жизни на нереальные проекты Мао Цзэдуна, прежде всего внутри Китая: «великий скачок», «коммуны народа», «культурная революция». Были проекты в области внешней политики. Все это не шло на пользу народу Китая.

Для очень многих студентов, учившихся за границей, это был единственный случай увидеть Мао Цзэдуна вблизи. Именно эта встреча, продолжавшаяся менее двух часов, повлияла на всю их жизнь. «Надежды возлагаются на вас» — это высказывание и подхлестывало, и вдохновляло их.

Фу Чжисихуай:

Мы чувствуем, что это для нас громадное поручение.

Чжан Цихун:

Мы чувствуем, что надо хорошо трудиться, так как государство потратило на нас так много денег.

Фу Чжисихуай:

Мы непременно должны были овладеть профессией, чтобы затем послужить родине. Таков был единый глас всех нас в то время.

Этот пропагандистский фильм сделан еще и с той целью, чтобы внушать людям, которые живут в КНР в настоящее время, что была «великая эпоха» «великого вождя», по слову которого действовали поколения китайцев, воспитанных им за долгие годы войн за власть в стране, а затем трудной борьбы за независимость и самостоятельность Китая во внешней политике от нашей страны.

Цзэн Цзымо:

Не только Мао Цзэдун, но и Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и другие руководители государства каждый раз при посещении СССР выкраивали время для встреч со студентами из Китая, для того чтобы ознакомиться с их учебой и бытом.

В 1953 году Чжоу Эньлай говорил этим студентам:

«Я верю, что через три года, через пять лет, когда вы с честью (со славой) выполните поставленную перед вами зада-

чу и завершите учебу, вернетесь на родину, вы непременно придете нам на смену, будете самоотверженно бороться за социализм, за коммунизм».

Руководители первого поколения проявляли глубокую заботу о студентах, возлагали на них надежды. Все это запечатлелось в памяти и в сердцах молодых людей, определило те ценности, которыми они руководствовались на протяжении всей жизни, посвятив себя служению отчизне, определило их судьбу, определило то, что их судьба была неизбежно связана с судьбой государства, с его взлетами и падениями.

Пропагандистская задача фильма состоит в том, чтобы внушать ныне живущим в КНР людям представление о единстве Мао Цзэдуна, а также его приверженцев и последователей как в руководстве партии и государства, так и в массах простого народа. Незыблемость образа и имени Мао Цзэдуна — вот чем озабочены современные пропагандисты КПК. Этот фильм — часть пропаганды, направленной на то, чтобы внушать мысль о современной молодежи КНР как наследнице идей Мао Цзэдуна.

В фильме упоминается о том, кто оказал помощь во время его съемок:

Спасибо Филиалу обучавшихся в СССР Пекинской ассоциации учившихся в Европе и в Америке.

2007 год.

www.phoenixtv.com

Рассказав о главном, с точки зрения поставленной перед ними задачи, то есть о том, о чем говорил Мао Цзэдун при встрече с китайскими студентами, учившимися в СССР, в 1957 году в Москве, авторы фильма переходят к описанию самого процесса отбора на учебу и того, как проходила эта учеба.

Цзэн Цзымо:

В 1950-х гг. люди в Китае всегда с воодушевлением говорили об СССР, говорили с восхищением, с чувствами, которые трудно выразить словами. В то время самой ходовой была

фраза: «Сегодняшний день СССР — это как раз и есть наш будущий завтрашний день».

Молодые родители могли давать своим детям благозвучные советские имена. «Ленинский френч» был популярным. В кинотеатрах шли советские фильмы. Люди читали много книг, переведенных с русского языка. Многие могли наизусть продекламировать «Песню о Буревестнике» Максима Горького. Можно себе представить, какой честью было для молодого человека появление у него возможности того, что его направят на учебу в СССР.

Здесь перечислены детали представлений о нашей стране, которые тогда были в ходу в КНР.

В 1952 году по решению КПК Министерство высшего образования произвело отбор кандидатов на учебу в СССР.

В книге «История студентов, обучавшихся за границей» имеется текст доклада, который тогда представил Лю Шаоци и Дэн Сяопину Цянь Цзюньжуй, тогда отвечавший за работу с этими студентами. В докладе говорилось, что экзамены проводились в шести крупных городах: Пекине, Шанхае, Шэньяне, Ханькоу, Чунцине, Сиани. Экзаменовались 1392 студента. Прошли политическую проверку, проверку физического здоровья, сдали экзамены и были признаны годными по всем показателям около 700 человек. Из них были отобраны 50 % лучших.

Их направили в Пекинский институт иностранных языков. Там был Второй факультет, на котором обучали студентов, которых направляли в СССР.

Те студенты, которые сдали экзамены и которых отобрали, были по преимуществу лучшими студентами первого курса. Небольшую часть среди отобранных составляли кадровые работники государственных учреждений, имевшие соответствующее образование.

Для того чтобы должным образом воспитать тех, кого направляли учиться в СССР, государство специально создало курсы по их подготовке. В Пекине в районе Фусинмэнь в доме

номер 43 по улице Байцзяцзе (в настоящее время это часть Центральной консерватории) в 1952 году и были размещены упомянутые курсы. Здесь проходили подготовку те, кого отобрали в разных районах КНР. В течение года их обучали русскому языку.

Людей отбирали по их классовой принадлежности, по их способностям, по состоянию их здоровья. Отбор кандидатов велся в государственных масштабах. Отобранных кандидатов направляли на курсы в Пекин, где их обучали русскому языку, а также политическим дисциплинам.

Студентов начали направлять на учебу в СССР в 1951 году. В 1951 году направили более 300 человек. Подавляющее большинство не владели русским языком. Им пришлось привыкать ко всему по прибытии — в учебе и в быту. В 1952 году действовали по принципу: лучшие меньше, да лучшие. Направили 220 человек. Большинство перед отправлением три-четыре месяца учились на курсах подготовки. Изучали русский язык.

При отборе кандидатов предъявлялись прежде всего политические требования. Вот что об этом говорил один из тех, кого направили учиться в нашу страну.

Чэнь Сяньюй:

ЦК спустил разнарядку для нашего учреждения. Организации направляли по несколько человек. Для Центральной финансовой комиссии были выделены три места. Против одного из кандидатов выступили все. Говорили, что он слишком либерален. Его вычеркнули. О другом кандидате говорили, что тогда, когда он учился в средней школе, их класс коллективно вступил в гоминьдановскую молодежную организацию — САНЬ ЦИН ТУАНЬ. А вы знаете, что это за организация. В свое время Гоминьдан создал организацию молодежи. Его нельзя было оставить в качестве кандидата. В конечном счете остался я один.

Чэнь Сяньюй родился в старом революционном районе. В 13 лет стал руководителем детской организации. Потом вместе с НОАК прибыл в Пекин. После освобождения работал секретарем в Центральной финансовой комиссии.

КПК, как, впрочем, и КПСС, относилась с подозрением ко всем тем, кого приходилось посылать за границу.

Анкетные данные проверялись до дедов и прадедов, считалось, что рабоче-крестьянское происхождение, а особенно пребывание в вооруженных силах Мао Цзэдуна — это лучшая гарантия лояльности, то есть того, что человек не убежит из КНР, будучи за границей. Причем такой подход применялся и к тем, кого посылали на учебу в нашу страну.

Отсеивали всех тех, кого фактически в общем порядке классами и школами при власти партии Гоминьдан Китая записывали в молодежную организацию Гоминьдана — САНЬ ЦИН ТУАНЬ — Союз молодежи Трех принципов нации (народа) Сунь Ятсена. А ведь в свое время в эту организацию автоматически попадал тот, кто учился в хороших средних школах.

Цзэн Цзымо:

На курсах подготовки учились в основном люди в возрасте около 20 лет. Они учились упорно. В этой атмосфере каждый старался добиться максимального. Вспоминая о тех временах, Чэнь Сяньсюй говорил, что он несколько раз хотел пропускать уроки физкультуры, чтобы вместо этого заучивать русские слова. Но ему это делать запрещали. И тогда он понял, что, не обладая здоровьем, ему не удастся упорно учиться. Некоторые учащиеся именно по состоянию здоровья не выдержали учебной нагрузки, отсеялись. В те годы из-за общего недоедания для молодых людей по большей части была характерна желтизна лица и худоба. Для того чтобы укрепить здоровье, питание на курсах подготовки было очень хорошим. В то время большинство людей в Китае выбивались из сил, лишь бы выжить. Люди хорошо помнили те случаи, когда им доводилось хорошо поесть.

Чэнь Сяньсюй:

Кормили нас сверх всяких ожиданий. Мы питались так, как кадровые работники высокого разряда в своих столовых. Мы ели три раза в день. На завтрак было несколько блюд. В обед и в ужин всегда были четыре блюда и суп.

Чэн Кэдун:

Мы сразу как будто бы прыгнули на несколько шагов. Питание было хорошим. В субботу и воскресенье давали еще и фрукты.

Чэнь Сяньюй:

Впоследствии мне довелось слышать, что премьер Чжоу Эньлай говорил: «Пусть наше государство будет еще более бедным, мы все равно не должны допустить того, чтобы они ехали за границу с желтизной на лице и худыми».

В 1952 году студентам в вузах на бытовые расходы выдавалось по 11 юаней в месяц, а к тем, кто учился на курсах подготовки к поездке на учебу в СССР, отношение было особое. Ван Сюнлинь, поехавший годом позже Чэн Кэдуна в СССР, хорошо запомнил это.

Ван Сюнлинь:

В то время нам в месяц выдавали 33 юаня. 17 юаней на еду. Остальные 16 юаней мы могли тратить на мелкие расходы, то есть в три раза больше, чем обычно в вузах. Да плюс к тому 16 юаней в месяц на мелкие расходы. Для того времени это тоже немалая сумма. В 1952 году в стране в целом в семье рабочих и служащих на каждого человека в год в среднем сумма расходов составляла всего лишь 189,5 юаня.

Чэн Кэдун:

Наступила поистине райская жизнь. Мы были счастливы. Мы с головой уходили в учебу, понимая, что если ты недостаточно хорошо учился, ты оказывался виноват перед организацией, перед государством и народом.

При правлении Мао Цзэдуна большинство людей в Китае на протяжении многих лет «выбивались из сил, лишь бы выжить». В то же время кадровые работники, то есть партийная, партийно-государственная номенклатура, так же как это было и в СССР, питалась на особицу. Эти ели три раза в день, о чем простые люди в Китае могли только мечтать.

КПК поставила отобранных для поездки в СССР на учебу в особые условия. Их жизнь с этого момента перестала быть жизнью простого китайского человека. Из них готовили номенклатуру. Их и начали снабжать как номенклатуру. Естественно, что они старались держаться за то, что попало им в руки. Главное правило выживания в КНР при правлении Мао Цзэдуна: выжить любой ценой, выжить там и тогда, где и когда другие мрут от голода и тяжелого труда.

Цзэн Цзымо:

Судя по этим деталям, большинство тех молодых людей, которые были родом из семей бедняков, чувствовали, что государство проявляло особую заботу о тех, кто должен был отправиться на учебу за границу.

Очень многие из них вспоминали, что в самом начале жизни на курсах подготовки они были так счастливы, что это можно было видеть по выражению их лиц. Однако спустя несколько месяцев, с одной стороны, падавшая на них учебная нагрузка, с другой стороны, осознание ими своей ответственности постепенно заменяли первоначально владевшее ими чувство счастья.

На курсах подготовки помимо изучения русского языка проводилась и еще некоторая работа. А именно: партийная организация продолжала экзаменовать учащихся, испытывать их идейно-политические и моральные качества. Экзамены политического характера никоим образом не были открытыми. Однако студенты могли почувствовать это потому, что некоторые их сокурсники переставали ходить на занятия и покидали курсы.

Чэнь Сяньюй:

По большей части это происходило не из-за проблем в учебе, а главным образом, во-первых, по политическим причинам. Речь шла о тех, кто был родом из помещиков, буржуазии, кулаков. Все они оказывались тут не нужны.

Во-вторых, ненужными оказывались и все те, у кого были родственники за границей. По этой причине очень многие были отсеяны. В то время говорили, что поехать учиться в СССР было труднее, чем вступить в партию. Вступив в партию, ты становился ее членом, но не обязательно мог поехать на учебу в СССР.

КПК, как, впрочем, и КПСС, в закрытом порядке изучала тех, кого предполагала использовать в качестве своих кадров.

Для органов общественной безопасности тут было раздолье. Можно было показать себя: вынюхивать, отслеживать, вербовать и подводить агентуру, собирать доносы и благодаря всему этому выслуживаться и получать повышение по службе.

Отбраковывали классово чуждых: тех, кто был из семей помещиков, кулаков, буржуазии.

Не выпускали за границу тех, у кого были родственники за границей.

Все это было копией, причем еще более жестокой копией того, что происходило и в СССР. Люди исчезали, и их больше никто никогда не видел.

В то время на курсах подготовки было развернуто движение под лозунгами: быть преданным, быть искренним, быть честным. Это подразумевало, что при возникновении любого вопроса следовало докладывать в партийную организацию. У человека не должно было быть тайн от организации. Конечно, по некоторым вопросам между людьми могли существовать разногласия.

Чэнь Сяньюй:

Например, в нашей группе была девушка. Она изучала математику. И она подала заявление о приеме в члены партии. Этот вопрос был обсужден. По результатам обсуждения она должна была быть принята. Но тут она сама рассказала о том, что в средней школе была среди тех, кто коллективно вступил в САНЬ ЦИН ТУАНЬ. И тут в нашей ячейке возникла дискуссия. Одни говорили, что ее принимать в партию нельзя. Что она сказала об этом только сейчас. Спрашивали: почему не сказала раньше? Считали, что это означает, что она еще недостаточно сознательна, поэтому ее нельзя принимать в партию. Я тогда занимал такую позицию: я сказал, что то, что она смогла сказать об этом, показывает, что она сейчас более сознательна, чем раньше. Я выступал с таких позиций. В результате после обсуждения было решено принять ее в партию. Однако по разным причинам ей так и не разрешили выехать из страны.

Поощрялись доносы. Это преподносилось в форме движения за то, чтобы быть искренним перед партией. На самом деле это приводило к тому, что очень многие старались выжить, спасти себя, написав донос на соседа. Такова была обстановка и на упомянутых курсах подготовки к поездке в СССР.

В КПК применяется и такой метод, как обязательная самокритика всех членов организации.

Когда-то, в середине 1950-х гг., я спросил у своего коллеги — гражданина КНР, все ли члены КПК должны «писать самокритику». Он сказал, что все и в общем порядке. Тогда я спросил: «А председатель Мао?» Он сказал, что Мао Цзэдуну писать ее не нужно. Я спросил: «А второму человеку в партии, то есть Лю Шаоци?» — «А ему нужно», — отвечал мой собеседник.

Такова была обстановка в КПК в то время.

В том году (в 1952 году) при распределении по профессиям вопросы решались главным образом в зависимости от потребностей государства, от профессиональных требований советских вузов и от базовых знаний самих студентов — распределение осуществлялось, исходя из комплекса всех этих условий.

В 1953 году студенты, которым предстояло направиться на учебу за границу, направлялись прежде всего на изучение промышленных специальностей: 75 % от общего их числа.

Одним словом, студенты, обучавшиеся в СССР, были «имуществом партии». Это давало некоторые привилегии, которые «полагались» тому или иному кадровому работнику, но это и ограничивало человека во многом из того, что он мог бы делать, будучи свободным от зависимости перед правящей партией.

Летом 1953 года перед отъездом те, кто учился на курсах подготовки, прошли еще и особое политическое воздействие. Они получили возможность увидеть высокопоставленных руководителей государства и слушать их речи.

Чэн Кэдун:

На курсах нас уведомили о том, что мы должны быстро собраться. Нас привели в актовЫй зал. Тогда не было стульев. Садились прямо на пол. Через некоторое время пришел Лю Шаоци. Он появился из-за сцены. Я страшно обрадовался. Хлопал в ладоши. Шаоци обратился к нам с речью. Он сказал: «Ваша поездка досталась нам нелегко. Государство истратило очень большие средства, чтобы вас воспитать».

Чэнь Сяньюй:

Отправка за границу на учебу одного студента обходится государству в цену производства 25–30 крестьянских дворов.

Чэн Кэдун:

Когда мы это услышали, мы ощутили, какая необычайно тяжёлая ноша учебы падает на наши плечи.

Чэнь Сяньюй:

Кроме того, он поведал нам кое-что о жизни в СССР. Кое-что, что было не таким, как в нашей стране. Поэтому мы не должны были ни громко, ни тихо выражать свое изумление. Например, некоторые люди в СССР носят украшения, кольца. Таковы их обычаи и привычки. Кроме того, в СССР есть и плохие люди. Вы не должны считать, что там все хорошо. Там есть и ворюжки.

Чэн Кэдун:

Как мы могли предполагать, что там в то время еще есть ворюжки? Есть нищие? Есть попрошайки? Есть те, кто выпрашивает еду? Мы тогда были поражены услышанным. Но никто не осмелился говорить об этом.

Лю Шаоци встретился с теми, кто отправлялся учиться в нашу страну.

Думается, что именно он был тем человеком в руководстве, который больше всех ратовал за то, чтобы организовать обучение тысяч студентов в нашей стране.

Лю Шаоци, очевидно, приходилось спорить и доказывать внутри руководства КПК необходимость учебы студентов в СССР. Думается, что именно поэтому, выступая перед теми, кому предстояло поехать в СССР, он говорил о том, как трудно организовать эту поездку, сколько средств приходится тратить на нее. Все это означало, что он придавал огромное значение тому, чтобы люди ездили в СССР и учились там. С его точки зрения, это было совершенно необходимо Китаю. Лю Шаоци ценил эту возможность.

Одновременно он развеивал нереальное представление о жизни в СССР.

Здесь даже нельзя исключать того, что он продолжал спор и по этому вопросу со своими оппонентами в аппарате ЦК КПК.

Думается, что Лю Шаоци хорошо понимал, что строить отношения между нами необходимо на почве реалий. Он сам познакомился с этими реалиями еще в 1920 году, когда

проехал через всю нашу страну с Дальнего Востока в Москву.

Внушение иллюзий могло приводить к разочарованию. Более того, те, кто внушал иллюзии относительно СССР, кто выдвигал лозунг «Сегодня СССР — это наше завтра», могли делать это намеренно, чтобы добиваться появления неприязни к СССР у тех, кому придется на своем опыте столкнуться с реальной жизнью людей в нашей стране.

Студенты, направлявшиеся в СССР, также побывали в Чжуннаньхае. Они слышали, что с ними встретится кто-то из руководителей.

Чэн Кэдун:

Как мне помнится, кажется, во второй половине дня нас собрали и построили. Мы тогда никогда не задавали вопросов. Мы делали то, что нам говорило руководство. Существовало одно правило: в строю каждый из нас нес ответственность за то, чтобы знать того, кто стоял перед ним, и того, кто стоял позади него. Каждый отвечал за то, чтобы не допустить, чтобы кто бы то ни было затесался в наши ряды.

Мы тогда не знали, куда мы отправились. Мы пошли пешком прямо по улице Баосяоцзе. Прямо до Чжуннаньхая. Мы вошли в Чжуннаньхай через его Западные ворота. Подошли к Хуайжэньтану. Тогда мы в первый раз побывали в Хуайжэньтане. Кто же встретился с нами в Хуайжэньтане? Кто обратился к нам с речью? Мы не знали об этом вплоть до того момента, пока все не сели и когда появился премьер Чжоу Эньлай. Все с энтузиазмом встретили его, заплодировали. На сей раз премьер в речи, обращенной к нам, необычайно тепло говорил, что мы должны как можно раньше усвоить опыт учебы в СССР, чтобы, вернувшись, строить отечество; нашему государству не хватает кадров.

Чэнь Сяньюй:

Вы отправляетесь туда как лучшие представители молодежи Китая. Вы должны показать себя хорошо со всех сторон. Что касается работы в будущем, то это — наша работа, и мы должны передать ее вам, чтобы вы делали ее. В основном смысл речи был именно таким. Ноша наша была тяжела.

Чэн Кэдун:

Было очевидно, что, если мы не будем должным образом учиться, мы не оправдаемся перед отечеством и народом, перед руководителями.

Разная манера говорит о разнице между политиками.

Лю Шаоци сам пришел к студентам на курсы. Чжоу Эньлай принимал их в центральном партийном зале Пекина.

При этом подчеркивалось, что должен соблюдаться такой порядок, чтобы «никто не затесался в ряды» допущенных до того, чтобы приблизиться к Чжоу Эньлаю.

Главная мысль Чжоу Эньлая состояла в том, что эти юноши и девушки должны были понимать, что учеба в СССР — это краткий миг, что этот период надо поскорее пережить, что следует взять оттуда все, что пригодится для решения задач внутри Китая, что Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи требуют от молодых людей дисциплины и безусловно-го выполнения поставленных перед ними задач.

Цзэн Цзымо:

Проявляя заботу о студентах перед их отъездом в СССР, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай и другие руководители тем самым возлагали на уезжавших важную миссию. Студенты ощутили ответственность, которая на них возлагалась. Одиннадцатимесячное пребывание на курсах подготовки должно было завершиться. Экзамены перед отъездом определяли судьбу каждого молодого человека

В 1953 году это были экзамены по родному языку, по русскому языку, по политической и профессиональной подготовке.

В 1953 году министр высшего образования КНР Ма Сюлунь в докладе, который он направил Чжоу Эньлаю и Го Можо относительно тех, кого направляли в СССР, писал о том, что в соответствии с указаниями КПК в результате проведенного серьезного отбора, руководствуясь курсом на направление как можно большего числа студентов, в результате экзаменов из 889 человек были отобраны 652 человека, то есть 73,3 %.

Были отсеяны довольно многие. Это говорит об обстановке, в которой проводился этот отбор.

Летом 1953 года студенты прошли такую заставку, как экзамены. Они уже знали, что могут поехать за границу. Некоторые студенты уже попросили свои семьи готовить их вещи. Однако в то время семьи в КНР не сводили концы с концами. И тут произошло неожиданное для студентов.

Чэн Кэдун:

Перед отъездом каждый из нас получил много одежды, каждому из нас выдали много одежды. Мы не знали, сколько выдадут, какого фасона, как ее носить. Для каждого из нас было сшито все: от нижнего белья до верхнего платья. В том числе ботинки, костюмы. Четыре комплекта. Нижнюю рубашку, трусы, носовые платки, носки — все это я получил.

Чэнь Сяньюй:

Мы узнали, что нам выдадут, но не знали, что именно выдадут, и не знали, что в таком полном объеме. Выдали целый мешок и два полных ящика.

Чэн Кэдун:

Поэтому, когда мы приехали в СССР, у нас не было необходимости ничего покупать. У нас все было. Поэтому нас тогда тоже очень растрогало то, что организация столь все-сторонне позаботилась о нас. Вот уж поистине было сделано с душой.

Начиная с 1953 года ежегодно государство полностью обеспечивало направлявшихся на учебу в СССР студентов. Говорили, что в этих целях на каждого человека выделялось около 450 юаней. Мы впервые в жизни надевали одежду западного покроя. Об этом у нас сохранились прекрасные воспоминания.

Чжан Цихун:

Женское платье — это одежда особого покроя. Платья нам делали по мерке на каждого человека, но одного фасона. Надевая платье, мы вставали во весь рост на постели...

Чэн Кэдун:

Мы никак не могли научиться завязывать галстуки. Мы не видели, как это делается. В общежитии учили друг друга. Помогали один другому. И все равно ничего не получалось.

Юноши были в едином порядке одеты в костюмы. На некоторых они сидели неважно. Девушки были в платьях, которые видели в кинофильмах и которые давно представляли себе. В 1953 году студенты и студентки, которые должны были ехать на учебу за границу, сфотографировались, и на память осталась эта незабываемая фотография во дворе курсов подготовки.

Вот и поступили эти молодые люди в собственность государства, правящей партии. Все, что было на них надето, все, что у них было с собой, было выдано им «организацией». Если человек хотел продолжать получать что-то от «организации», он должен был соответственно вести себя. Это означало, что не только он сам следил за своим поведением, но и должен был следить за поведением всех окружавших его товарищей по путешествию в СССР и своевременно докладывать о «непорядках» все той же «организации», то есть «органам».

Цзэн Цзымо:

Испытывая воодушевление, будучи растроганы, чувствуя доверие государства, Чэн Кэдун и его товарищи сели на поезд, отправлявшийся в СССР. В 1953 году в СССР вместе отправились 583 человека. Из Пекина в Москву поезд тогда шел 7 дней и 7 ночей. На станции Маньчжурия нужно было из китайского поезда пересаживаться в советский поезд. Проводниками там были советские люди. Тут китайские студенты обнаружили, что им пока не было где применить тот русский язык, которому они целый год до этого учились. Впервые выехав за врата своего государства, студенты находили много удивительного. Их первое впечатление о советских людях проистекало из общения с советскими проводниками. И хотя тут были языковые трудности, советские люди отнеслись к ним приветливо.

Чэн Кэдун:

Советские проводники тоже впервые увидели так много людей из Китая. В поезде ехали только китайские студенты. Проводники спрашивали, чем мы занимаемся. Мы говорили, что мы студенты и едем к вам учиться. Поэтому они приветливо отнеслись к нам. В то время отношения между КНР и СССР были очень хорошими.

Чэнь Сяньюй:

Эти советские проводники в поезде чувствовали, что хотя наш Китай и был беден, но в Китае везде было чисто, никто не брал ничего чужого из утерянного другими на дороге, двери по ночам не запирались. Поэтому они ощущали, что китайцы — это действительно хорошие люди.

При первом же упоминании о людях нашей страны авторы фильма начинают выполнять вторую из двух своих главных пропагандистских задач.

Первая главная задача — это прославление Мао Цзэдуна и его политического курса в отношении нашей страны.

Вторая главная задача — это внушение зрителям в КНР мысли о необходимости отделять Китай и Россию (СССР), людей Китая от наших людей, противопоставлять то, что присуще Китаю, тому, что присуще нашей стране, причем исключительно в том духе, как все замечательно в «стране Мао Цзэдуна» и как все плохо в нашей стране.

Вот и в данном случае внушается, что в Китае все чисто, и при этом присутствует прозрачный намек на то, что в нашей стране, дескать, все грязно, что в Китае никто не брал ничего чужого из утерянного другими на дороге, а в нашей стране все только и делают, что подхватывают утерянное другими, стремятся поживиться чужим добром, что в Китае двери по ночам не запираются, а в нашей стране от воров никакими запорами не спасешься.

Во всех странах люди, в сущности, одинаковы. Дело не в том, что здесь хорошо говорится о Китае. В Китае много хорошего. Но врать не нужно. Пусть сказанное остается на совести авторов фильма.

Дело в том, что они стремятся говорить плохое о нашей стране, о наших людях.

Причем говорится это применительно к тому периоду, когда наши люди искренне, от души помогали китайским людям, отдавали им все свои знания, не запирали от них свои секреты, не стремились ничего украсть в Китае.

Что же касается реальной жизни в нашей стране и в Китае, то она трудна для большинства людей. Осуждать соседа, да еще того, кто тебе помогал, некрасиво, да и нечестно.

Когда пересели в советский поезд, пришлось привыкать к западной пище. Это мы никогда не ели. Для китайских студентов прием пищи превратился в то, что приходится делать в другой стране, в чужом краю. Это был первый вызов.

Чэн Кэдун:

Пришлось полностью перейти на советскую пищу. В первый раз принимать ее было очень трудно.

Чэнь Сяньюй:

Особенно для товарищей-женщин. Они не выносили запаха пищи, которую в СССР готовили на сливочном масле. Много дней они не могли приспособиться к ней. Не ходили в вагон-ресторан.

Потом одна девушка, которая несколько дней подряд ничего не ела, сказала, что хотела бы съесть китайскую жидкую рисовую кашу. Возьмите рис, воду и варите. Я сказал им: возьмите рис, воду, ничего другого класть не надо. Варите. Хорошо сварите, разварите. Студентка пошла за кашей. Но другой повар, советская женщина, толстуха, сказала, что тут же нет ничего питательного; разве так можно. Она добавила две ложки того, что в Китае называется НАЙ Ю, то есть сметаны. Нашей студентке так и не довелось попробовать китайскую жидкую рисовую кашу.

Казалось бы, это только некая бытовая проблема.

Но ведь все это взаимно.

Думается, что в таких случаях можно было бы найти нечто положительное у соседа, и уж если рассказывать, то и о положительном, и об отрицательном, а точнее, о непривычном для людей другой страны.

Цзэн Цзымо:

Молодежь была внутри переполнена идеализмом. Поэтому трудности с питанием не были для нее чем-то особенным. Пассажирами этого поезда были только китайские студенты: юноши в костюмах, девушки в платьях. Они громко пели песни по дороге. Пели советские песни. Они мчались на встречу с тем, что в их сердцах было раем социализма.

Чэн Кэдун:

Руководство раз за разом увещевало нас выходить из вагонов на каждой станции. Мы не понимали, для чего. Иной раз

мы ленились выходить на остановках. Пропустив несколько станций, две-три остановки, мы выходили на четвертой, и тут оказывалось, что нам с трудом удавалось пройти вдоль состава. Поэтому мы стали выходить на каждой станции и заниматься гимнастикой.

Советские проводники быстро почувствовали энтузиазм китайских студентов. Они организовали в поезде вечера танцев.

Чэнь Сяньюй:

В вагоне-ресторане освободили место для вечера танцев. Танцевали. Было очень весело.

В свободное от учебы время китайские студенты на курсах подготовки учились танцевать. Они никак не ожидали, что это пригодится так быстро. И вот когда все от души веселились, Чэнь Сяньюй озабочился проблемой.

Чэнь Сяньюй:

Руководство наставляло нас: в СССР дают чаевые. Вы, когда придется, должны давать чаевые. Мне было неловко делать это. Но сестра Юй, Юй Лулин, которая была старше меня, сказала, что я должен пойти и дать чаевые (проводникам, которые играли на вечерах танцев). Я взял несколько сот рублей и дал им. Они были очень рады.

В сознание зрителей фильма в КНР внедряется простая, но доходчивая мысль о том, что мы-то, китайцы, думали, что едем в «рай социализма», а приехали туда, где принято давать чаевые.

Мазать и мазать черной краской наших людей — вот чем занимаются авторы фильма.

Дают чаевые в нашей стране? Да, дают.

Процветают нечестность и взяточничество, разложение чиновничества в КНР? Да, процветают.

Но наряду с этим есть в каждой стране то, что соединяет людей.

И именно это требуется нашим народам. Их интересам отвечает стремление исходить из совпадения интересов двух наций — России и Китая. Авторы фильма идут по иному пути, по пути, указанному Мао Цзэдуном, по пути попыток разделить и отделить наши народы, противопоставить их.

Цзэн Цзымо:

Именно в этой непривычной обстановке они столкнулись сами с советскими реалиями.

Через 7 дней и 7 ночей студенты приехали в Москву. Там их распределили по институтам. В советских вузах везде учились пять лет. За эти пять лет, с 1953 по 1958 год, в КНР была выполнена первая пятилетка. Не хватало людей всех профессий.

Когда в 1955 году Чэнь Сяньюй перешел на второй курс, его назначили на работу в посольстве со студентами. Он перешел на вечернее отделение.

Чэн Кэдун в 1958 году закончил пятилетний курс обучения, вернулся на родину. Ему предстояло принять участие в решении столь трудной задачи, как проектирование Дома ВСНП. Тогда ему было всего 26 лет.

В том, что касалось СССР, молодые люди были полны мечтаний о будущем; в том, что касалось своего государства, они ощущали, что им предстоит выполнить серьезное и важное поручение. Под стук колес китайские студенты въехали на землю чужой страны. Многое из того, о чем они читали, что видели в кинофильмах, начало постепенно превращаться в действительность. Ради своей мечты послужить родине кое-кто из студентов пошел на большие жертвы. Например, те, у кого были склонности к гуманитарным наукам, стали изучать естественные науки, так как в этом нуждалось государство. Кто-то, дома уже рассуждавший о любви, уже влюбленный, должен был поставить профессию во главу угла. Временно отложить в сторону свои чувства. Опираясь на веру, они начали свою жизнь в качестве студентов в чужом краю, посвятив себя служению отчизне.

Однако и на незнакомой земле в том возрасте, когда люди полны энтузиазма, полны мечтаний, неизбежным было возникновение историй, связанных с весной и любовью.

Пребывание в СССР — это, по словам авторов фильма, жизнь в чужом краю, на земле чужой страны. Главное здесь для китайских пропагандистов — внушать, что наша страна для тех, кто здесь учился, — это чужая земля.

Стоит задуматься о том, зачем так ставится вопрос.

Ответ дается тут же. Этого требовало служение отчизне, то есть Китаю.

И опять возникает вопрос. Зачем противопоставлять отношение к стране, которая искренне тебя учила профессии, как к чужой стране, тому, что должно составлять стержень всей твоей жизни, то есть выполнению долга перед Мао Цзэдуном, его политическим курсом?

Далее в фильме рассказывается история Гэ Нина, который с 1951 года начал учиться в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта.

В 1955 году Гэ Нин принял участие в вечере, посвященном пятой годовщине Договора между КНР и СССР о дружбе, союзе и взаимной помощи. На этом вечере он встретил советскую девушку.

Гэ Нин:

На этом вечере были некоторые китайские студенты, выступали советские студенты. После концерта были танцы.

Партнершей Гэ Нина была красивая советская девушка Людмила Бабашкина. Гэ Нин дал ей китайское имя Лю Ся. Полвека спустя у нее живы воспоминания о первой встрече с Гэ Нином.

Лю Ся:

Высокий, очень представительный, в костюме, который на нем прекрасно сидел, умеющий танцевать. Он пригласил меня на танец. Я с ним танцевала. Он умел танцевать.

Гэ Нин:

Когда мы кончили танцевать последний танец, я проводил ее домой. Тогда было очень холодно. Лед. Снег. Она не разрешила проводить ее до дверей. Сказала, что до дома дойдет сама.

Цзэн Цзымо:

Китайские студенты были умны и трудолюбивы. Во время учебы они приобрели симпатии немалого числа советских студентов.

Однако в те времена советская сторона и китайская сторона имели установки, не позволявшие любить. Эти установки не могли воспрепятствовать нормальным контактам между молодыми людьми обеих стран. Очень многие китайские студенты во время учебы в СССР дружили с советскими сокурсниками.

Это история о том, как человеческие чувства победили режимы, установленные КПСС и КПК. Эти правившие тогда в наших странах партии запрещали людям наших двух стран любить друг друга и тем более вступать в брак.

КПСС и КПК допустили обучение китайских студентов в СССР, но не подумали о том, что это — люди, которые будут любить. Однако в жизни случилось именно так.

Гэ Нина и Людмилу Бабашкину, которые полюбили друг друга, как утверждают авторы фильма, «разделяла существовавшая тогда строгая дисциплина».

Чэнь Сяньюй:

В то время в СССР существовал закон: Советский Союз — это социалистическое государство. Он находится в капиталистическом окружении. Поэтому существовала установка: не разрешалось вступать в брак с иностранцами. Нам об этом сказали в Китае. В то время это было абсолютно запрещено.

Гэ Нин:

Сказали именно так: нельзя будет вступить в брак. Поэтому нельзя слишком сближаться.

Цзэн Цзымо:

Гэ Нин и Лю Ся именно при такой неясности встретили момент окончания учебы Гэ Нином и его возвращения на родину. Лю Ся проводила Гэ Нина на поезд, отправлявшийся в Китай. Кто-то из соучеников сказал Гэ Нину, что, когда поезд отправился, она заплакала.

Отношения между китайскими и советскими студентами в очень многих случаях именно так и заканчивались. В них ставилась точка. Однако судьбе Гэ Нина оказалась присуща некая драматичность. Он ждал распределения на работу.

Через месяц он получил иное предписание. Он должен был продолжить учебу в аспирантуре в СССР, вернуться в Ленинград. В институт инженеров железнодорожного транспорта в качестве аспиранта.

Так произошло столкновение человека и партии — государства, и в СССР, и в КНР. Бесчеловечные партии — государства, КПСС — СССР и КПК — КНР, попытались помешать людям быть людьми.

Жизнь, однако, иной раз оборачивается на пользу людям, против бесчеловечных партий — государств.

Думая о будущем своей родины, о том, как она нуждается в кадрах, организация решила разрешить Гэ Нину поехать в СССР и продолжить учебу в аспирантуре.

Возвратившись в Ленинград, Гэ Нин выполнил формальности для поступления в аспирантуру и снова постучал в знакомую дверь. Его встретила в удивлении Лю Ся.

Гэ Нин:

Она застыла на месте. Она не думала, что я вернусь.

Новая встреча еще более укрепила решимость этих молодых людей продолжать встречаться. В конце недели после занятий они могли смотреть советские кинофильмы. Вскоре Гэ Нин получил приглашение посетить семью Лю Ся.

Лю Ся:

Вскоре мама сказала, что зимой холодно. Пусть он придет. Посмотрим на него. И он пришел.

Гэ Нин:

Встретили меня приветливо. Советские люди чрезвычайно приветливы.

Лю Ся:

Моя мама сразу с ним заговорила. Он ей сразу понравился. Она сказала, что он человек культурный, очень вежливый. Моей маме больше всего понравилось именно это.

Гэ Нин:

Потом мы встречались. Возникли взаимные чувства. Но я не решился и подумать о возможности жениться.

Так встречи Гэ Нина и Людмилы возобновились.

Наступил 1956 год. В сфере дипломатии произошло неожиданное. Заколебалась установка о том, что китайские студенты не могут вступать в брак с советскими студентами.

Думается, что человечность пробивается сквозь асфальт политической бесчеловечности тогда, когда режиму приходится идти на уступки.

Хрушев был вынужден, учитывая глубинные и широкие настроения в нашей стране, выступить с критикой преступлений Сталина.

Одним из следствий этого и была отмена в СССР запрета, в частности, на браки граждан СССР и граждан КНР.

Согласования этого вопроса между сторонами не было. КПК продолжала запрещать своему «имуществу», то есть гражданам КНР, вступать в браки с людьми из нашей страны. Мао Цзэдун пытался продолжать свою бесчеловечную политику и в этой области. Эта политика была частью его общего курса на разделение и отделение, противопоставление друг другу людей наших двух стран.

Чэнь Сяньюй:

Когда (один китайский) студент должен был скоро закончить учебу, девушка из института инженеров железнодорожного транспорта официально через МИД поставила перед нашим посольством вопрос о том, что она хочет выйти замуж за китайского студента. Он окончит учебу и уедет. Она хочет уехать вместе с ним в Китай. Сначала мы через различные каналы все же провели работу. Она сказала: «Если вы не разрешите мне выйти за него замуж, я тогда лягу на рельсы». И тогда мы доложили в Пекин. Премьер Чжоу Энлай лично наложил резолюцию: исходя из интересов отношений между двумя странами, из отношений дружбы, из соображений о том, какой отзвук это будет иметь вовне, разрешить им вступить в брак.

Человек из нашей страны заставил чиновника из КНР — Чжоу Энлая, который был всегда исполнителем бесчеловечной политики Мао Цзэдуна, согласиться на брак между людьми из СССР и КНР. Думается, что главное, чем можно воздей-

ствовать на таких бесчеловечных политиках, как Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, состоит в решимости человека пожертвовать своей жизнью на глазах всего человечества ради своей любви, ради своих человеческих чувств. Это означает, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай не сдвинулись ни на миллиметр в сторону человечности, но простой человек из нашей страны заставил их пойти на уступку.

В 1954 году Китай начал в массовом порядке направлять в СССР студентов на учебу. К 1956 году в СССР учились уже около четырех тысяч человек. Любовь между китайскими и советскими студентами перестала быть чем-то исключительным.

Чэнь Сяньюй:

Им нравились китайские юноши. Они не курили, не пили. Не били, были дисциплинированы, хорошо учились. И по характеру они не были развязными. Они были похожи на термос: сверху он холодный, а внутри горячий. А это особенно нравилось.

Ли Тао, заведующий отделом по работе со студентами посольства КНР в СССР:

Они чувствовали, что китайские студенты — люди чрезвычайно порядочные и честные. Они были не похожи на советских юношей, молодых людей, которые были бесцеремонными и безответственными.

Одна из важных особенностей современной пропаганды КПК, проявляющейся тогда, когда речь идет о нашем народе и о нашей стране, заключается в том, что китайские пропагандисты позволяют себе обращать острие своих необоснованных атак против нашего народа, а не только против неких руководителей наших тогдашних правящей партии и государства.

Дипломат КНР, функционер, то есть один из номенклатуры КПК, позволяет себе утверждать, что советские юноши, молодые люди были «бесцеремонными и безответственными». Это означает, что современная правящая политическая партия в КНР, то есть Коммунистическая партия Китая, считает для себя возможным допускать, что ее функционер бросает обвинение в адрес людей нашей страны.

Нужно сказать, что такие поступки и высказывания оставляют глубокие раны в душах людей в нашей стране, оскорбляют чувства людей нашего народа.

Причем эти беспочвенные обвинения в наш адрес делаются на фоне утверждений о безупречности людей Китая. Это и есть практическое продолжение политического курса Мао Цзэдуна, направленного на воспитание людей Китая в духе вражды и ненависти к нашему народу и нашей стране.

В 1956 году советская сторона уже отменила запрет на вступление в брак с иностранцами. Сотрудники отдела по работе со студентами посольства КНР в СССР встречались с вопросами, на которые трудно было найти ответы.

Ли Тао:

Руководитель Министерства высшего образования СССР и некий заведующий отделом пропаганды горкома партии Ленинграда поставили передо мной вопрос: почему у вас есть такая установка? Разве не должно быть свободы при вступлении в брак? Нашим советским девушкам так нравятся ваши молодые люди. Почему вы не разрешаете им любить друг друга? Так он пошутил. Во многих местах мне задавали тот же вопрос по существу.

Объективно невозможно было уйти от вопроса о любви между студентами. Впоследствии с согласия КПК отдел по работе со студентами посольства КНР в СССР применил свой метод работы: публично делались заявления о том, что студенты из КНР и СССР могут любить друг друга и вступать в брак, а в каждом конкретном случае все же проводили работу среди китайских студентов, уговаривая и убеждая их не делать этого. Этот метод именовался: внешне дать послабления, а внутри закрутить гайки.

Шэнь Цзюйшэн:

Не ратовали за то, чтобы молодые люди из Китая вступали в отношения любви с людьми из СССР. Конечно же, у руководства были тут свои соображения. Главным образом тут принималось во внимание то, что нации в наших двух государствах не одинаковы. Привычки в быту не одинаковы. Жизнь в сфере культуры не одинакова. Опасались того, что

после вступления в брак в перспективе во всех областях может возникать много вопросов.

После XX съезда КПСС в нашей стране стали естественными хотя бы некоторые проявления человечности.

Чиновники в нашей стране стали далеко не в шутку задавать чиновникам Мао Цзэдуна вопросы о том, почему бы не согласиться на свободу при вступлении в брак между людьми из нашей страны и из КНР, почему бы не перестать препятствовать людям наших двух стран любить друг друга?

Это была возможная в условиях того времени и представлявшаяся естественной в нашей стране постановка вопроса.

Однако она натолкнулась на принципиальную позицию Мао Цзэдуна. «Держать и не пущать», — считал он, когда вставал вопрос о том, что человек из КНР хотел соединиться узами брака с человеком из нашей страны.

При практическом осуществлении этой бесчеловечной установки Мао Цзэдуна «с согласия ЦК КПК» чиновники посольства КНР в СССР приняли на вооружение установку: «внешне дать послабления, а внутри завинтить гайки». Так проявлялась еще одна характерная черта его политики: публично заявлять одно, а на практике, особенно там, где дело касалось его «собственности», то есть людей «его государства», делать другое, то есть запрещать им вступать в брак.

Бесчеловечность и сопутствующее ей лицемерие, циничный обман внешнего мира — вот характеристика действий Мао Цзэдуна в этом вопросе в то время.

Чиновники режима Мао Цзэдуна оправдывали такую позицию тем, что «нации в наших государствах не одинаковы». Это означало, что Мао Цзэдун не хотел сближения людей наших наций.

«Привычки в быту и в сфере культуры не одинаковы» — это было проявлением желания сохранять барьеры между людьми наших наций, не позволять человеку лично выбирать то, к чему он был склонен.

Чиновники Мао Цзэдуна ссылались на то, что браки между людьми из наших двух стран могут в будущем создать много вопросов. Думается, что, в частности, Мао Цзэдун не хотел допускать «проникновения заразы советского ревизионизма» в Китай, а также хотел заранее предотвратить появление в Китае

членов семей из нашей страны, которых потом, рано или поздно, он планировал вытеснить из Китая.

В фильме Гэ Нин рассказал о том, как он получил разрешение на брак с Людмилой.

Гэ Нин:

Узнав в посольстве о том, что Китай уже согласился с тем, что студенты из Китая могут жениться на иностранках, я стал думать: означает ли это, что можно жениться на Лю Ся? Сначала многое приходило на ум. Чувства нас связывали сильные. Поэтому я стал думать о том, как это сделать. В то время уровень жизни у нас в Китае был ниже, чем в СССР. Жизнь в Китае была очень трудной. А в СССР хорошей. Я чувствовал, что в СССР она намного лучше. Сможет ли она жить со мной в Китае? Преодолеет ли трудности? Это жизнь. Кроме того, ей придется оставить мать, близких. И это так далеко. Захочет ли она?

В 1950-х гг. связи между КНР и СССР множились. СССР помогал во время первой пятилетки. В Китай приезжало много советских специалистов. Начиная с 1954 года из КНР стали много направлять студентов в СССР. Однако в то время советские люди знали о Китае крайне мало, их знания о положении в китайском обществе были крайне ограничены. В глазах советской девушки, которая любила китайского студента, Китай был берегом счастья.

Лю Ся:

Конечно, не таким, как Ленинград. Не такой была жизнь, как в России.

Гэ Нин:

Я сказал: «Ты подумай. Я не хочу, чтобы ты тут же дала ответ. Ведь речь идет обо всей жизни. А не о том, что у нас сейчас все хорошо, мы договоримся, и будет хорошо. Нужно думать о далеком будущем». Однако она быстро согласилась. Согласилась выйти за меня замуж.

В то время на брак с иностранкой надо было получить разрешение организации. Вступать в брак можно было, только получив это разрешение. После того как Лю Ся согласилась вступить в брак, Гэ Нин попросил в посольстве КНР разреше-

ние на брак. В то время отдел по работе со студентами, обучающимися в СССР, занимался важным делом: разъяснительной работой, уговаривал влюбленных. Чэнь Сяньюй вел эту работу в посольстве в то время.

Чэнь Сяньюй:

Мне было поручено принять их. Действуя в духе работы посольства, я вел себя вежливо. Я принял их приветливо и дружелюбно. Затем стал уговаривать не вступать в брак. Уговорить не удалось. Тогда я доложил в Пекин.

Чэнь Сяньюй вспоминает, что в то время проделал много работы, уговаривая их, убеждая молодых людей, но ни одна пара молодых людей из-за этих уговоров не рассталась. Спустя больше месяца после подачи заявления Гэ Нин получил разрешение на брак.

Гэ Нин:

Свадьба по сегодняшним меркам была скромной. В комнате разобрали кровать, составили длинный стол. За него сели и ели. Сами приготовили еду, которую и ели. На свадьбе кроме советских людей были китайские студенты, учившиеся в СССР, аспирант из Кореи, аспирант из Восточной Германии.

В истории этой молодой семьи все развивалось в первое время по-человечески. У них родился ребенок. И вот какие мысли появились при его рождении.

После свадьбы в 1958 году у Гэ Нина и Лю Ся родился ребенок. На этой фотографии видна радость Гэ Нина в тот первый момент, когда он стал отцом.

В июле 1959 года Гэ Нин с выдающимися результатами окончил аспирантуру и должен был вернуться на родину. Мама Лю Ся беспокоилась об их будущем.

Гэ Нин:

Надо было думать о возвращении на родину. Как быть с ребенком? Сначала мы думали взять его с собой. Потом ее мама сказала: «Вы еще не устроились, не известно, где вы будете, где будете работать, где жить. Как же вы потащите ребенка с собой? Оставьте его пока здесь. Поезжайте, устройтесь, потом возьмете ребенка». Конечно, Лю Ся тоже не

могла расстаться с ребенком. Ему было всего 10 месяцев. Потом мы подумали, что это действительно проблема. Решили оставить ребенка у ее мамы. Мы вернулись на родину. Думали, что на следующий год или через год, когда устроимся, приедем за ним. Кто же мог знать, что едва мы вернулись на родину, как поняли, что ситуация там оказалась совсем не такой, как я рассчитывал.

Мать Людмилы, мудрая женщина, сохранила для своего внука, для сына своей дочери и ее любимого человека, возможность вырасти в нашей стране, возможно, спасла его от смерти в младенчестве и, уж по крайней мере, от непростой судьбы отпрыска «человека Китая» с «советской ревизионисткой» в КНР.

Даже руководитель создания этого фильма признавала следующее.

Цзэн Цзымо:

В 1959 году во взаимоотношениях КНР и СССР произошли деликатные изменения, некоторые изменения; внутри страны имел место великий скачок. Из-за него люди в Китае столкнулись с небывалыми трудностями. В деревне непрерывно из-за голода имела место ужасающая смертность. Именно в такой обстановке Гэ Нин, которому уже недоставало понимания жизни внутри Китая, вернулся в Китай со своей советской женой Лю Ся. А их сын, которому было всего 10 месяцев, остался временно под присмотром мамы Лю Ся в СССР.

Сами герои этого повествования рассказывают о жизни в то время в КНР.

Возвратившись на родину после восьми лет учебы за границей, Гэ Нин ощущал, что жизнь в Китае ему незнакома. Лю Ся, которая в первый раз в жизни выехала из Ленинграда, тем более была поражена тем, что она увидела в Китае, в Пекине.

Лю Ся:

Мы жили в захолустье. Это от Сичжисимэнь надо было еще идти. Это была совсем деревня.

Гэ Нин:

Когда мы возвратились, мои товарищи сказали мне, что сейчас жизнь невероятно трудная. Нет никакого хлеба. Нет ничего. Никаких вещей.

В это время в Пекине не хватало всего, что необходимо для жизни. В целях проявления заботы о жизни советских людей в Китае железнодорожная гостиница, где тогда жила Лю Ся, все-таки приложила максимальные усилия и обеспечила для нее каждый день рисовую кашу и овощи. Но эти блага не распространялись на Гэ Нина. Он должен был есть в столовой этой гостиницы то, что полагалось обыкновенным работающим.

Гэ Нин:

Кашу из белого риса и овощи она есть не могла. Не привыкла. В СССР это не ели. Очень редко это ели. Я сказал: «Ты даже это не ешь, а мне не достается даже и этого». Что я ел? Лепешки на воде.

Через два месяца после возвращения в Китай Гэ Нина распределили на работу в Пекинскую железнодорожную академию. Организация, принимая во внимание их положение, выделила им жилье в общежитии. Это было проявление заботы.

Лю Ся:

Отопление там включали по утрам на два часа и ночью на два часа. В другое время отопление не работало. Когда мужа не было дома, я не знала, что мне делать. Я подпрыгивала, подпрыгивала, подпрыгивала (на месте), чтобы согреться. Мы жили на третьем этаже. Люди со второго этажа спросили у мужа: чем там занимается твоя жена? А это я подпрыгивала. Мне было холодно.

Бытовые трудности — вот тот первый урок, который жизнь преподнесла этим молодым людям. Для того чтобы сделать дома хоть чуть теплее, Лю Ся начала учиться топить печь угольными брикетами — шариками.

Лю Ся:

Угольные шарики — не маленькие. Крупные надо было разбить и положить в печь. Разжечь. Затем класть в печь следующий шарик.

Гэ Нин:

Она не умела растопить печь. И я не умел. Шел дым, он ел глаза. Мы не могли их открыть.

Лю Ся:

Бедя. Печь не разгоралась.

В 1960 году у Людмилы возникла возможность увидеть сына и мать.

В 1959 году в Пекине началось строительство метро. Гэ Нина перевели в проектное бюро. Он стал его руководителем. Лю Ся распределили в гостиницу «Дружба» в Пекине в качестве врача для проживавших там иностранных специалистов. Бытовые трудности скоро отступили перед энтузиазмом в работе.

В мае 1960 года Лю Ся, сопровождая тяжело больного советского специалиста, вернулась в СССР. Пользуясь этой возможностью, она увидела сына. Она не видела его больше года. Она рассчитывала отвезти ребенка в Китай.

Лю Ся:

Выполнив свои врачебные обязанности, я поехала в Ленинград. Сыну было уже 2 года.

Далее в фильме следует уже известная предвзятая оценка наших двусторонних отношений. Вину за возникновение «обострения», вину за то, что «стороны встали одна против другой в полной боевой готовности», авторы фильма возлагают на Хрущева.

На самом деле это следствие курса Мао Цзэдуна на вытеснение наших людей, в том числе специалистов, из Китая, следствие его курса на противопоставление наших двух наций.

Мать Людмилы, сердцем чувствуя неладное, хотела убедить дочь от грядущих трудностей. Но Людмила и Гэ Нин так сильно любили друг друга, что не могли расстаться. Людмила снова оставила сына в Ленинграде и вернулась в Китай.

Однако именно тогда, когда ей выпал редкий случай встретиться с сыном, в истории отношений КНР и СССР произошло крупное событие. Руководитель КПСС Хрущев в одностороннем порядке решил отозвать из Китая советских спе-

циалистов, и двусторонние отношения немедленно обострились, стороны встали одна против другой в полной боевой готовности. Перед Лю Ся встал трудный выбор: оставаться в СССР с сыном или вернуться в Китай к мужу.

Лю Ся:

Моя мама сказала, что мне, конечно же, ехать не надо. А я подумала, как же не ехать. Если он там будет один, это плохо.

Несмотря на возражения матери, Лю Ся одна вернулась в Китай, к Гэ Нину. Они надеялись вместе пережить трудности и дождаться воссоединения семьи. Однако вслед за этим они оказались перед лицом серьезной ситуации, из-за которой исполнение их предположения пришлось отложить надолго.

В фильме приводится официальная оценка политической кампании, которая была развернута тогда в КНР. Гэ Нин прямо говорит о том, что главными объектами осуждения оказались те, кто учился в нашей стране, имел контакты с нашими людьми.

В феврале 1963 года КПК провел в Пекине рабочее совещание. После этого совещания по всей стране постепенно была развернута кампания (борьбы) за социалистическое воспитание, воспитание в духе социализма. В ходе этой кампании требовалось сводить счеты, то есть вносить полную ясность там, где дело касалось отчетности (денежных расчетов), складов с товарами, трудовых единиц, финансов. Это были так называемые «четыре чистки». К началу 1965 года КПК выпустил документ, потребовав упорядочить тех, кто находится у власти и идет по пути капитализма. Движение за четыре чистки было преобразовано в движение (борьбы) за чистку в политическом, экономическом, организационном и идейном отношении.

Гэ Нин:

Движение за эти четыре чистки фактически было критикой советского ревизионизма. Среди кадровых работников критиковали таких людей. И я тут оказался главным объектом.

В ходе работы Гэ Нин упомянул о (советском) профессоре, которого знал во время учебы в СССР. При этом отметил, что этот человек строго подходит к научным вопросам, догошен в своей профессии. Гэ Нин никак не думал, что это его высказывание очень скоро будет использовано в качестве предлога, повода для критики самого Гэ Нина. И на этом основании его подвергнут жестокой критике. Такой была обстановка на работе. В быту было не легче.

К этому добавились огромные материальные и бытовые трудности.

Гэ Нин:

В полдень я ел в столовой. Вечером дома есть не хотел. Лю Ся приносила еду из гостиницы «Дружба», довольно хорошую. В то время действительно было трудно. Никто не ел досыта. Обо мне говорили, что у меня буржуазный образ жизни. Это тоже подвергалось критике. Всегда находили, что критиковать.

В обстановке, когда критиковали того, кто дружил с СССР, единственным выходом, «освобождением» для Гэ Нина был развод.

Чэнь Сяньюй:

В общей сложности переженились 50 человек. Все мужчины — китайцы, женщины — советские. Потом была политическая кампания, и большинство развелись, женщины вернулись в СССР.

Гэ Нин:

В Шанхае из четырех таких пар три пары распались.

Так Мао Цзэдун на практике осуществлял свой курс на воспитание населения КНР в духе классовой, то есть смертельной, вражды к нашему народу и нашей стране.

Когда речь шла о каждом конкретном объекте критики, то есть о том китайце, который имел контакты и связи с СССР, его осуждали за «буржуазный образ жизни».

Мао Цзэдун, а за ним Дэн Сяопин последовательно воспитывали население Китая в том духе, что нужно критиковать

внутри КНР всех тех, кто подвергся воздействию «буржуазной либерализации», то есть влиянию наших людей, нашей страны.

В частности, в результате этой политики в КНР заставили развестись большинство китайцев, которые женились на девушках из нашей страны.

Человеку иной раз удавалось сохранять человеческие отношения с другим человеком в своей семье. Это была победа человечности над бесчеловечностью режима Мао Цзэдуна. Лучше всего о своей дальнейшей судьбе рассказывают сами Людмила и Гэ Нин. Досталось и ему на так называемых курсах перевоспитания трудом, то есть в трудовых лагерях Мао Цзэдуна, некоем подобии сталинского ГУЛАГа. Досталось и ей, которой вслед шипели те, кто был одурманен «идеями» Мао Цзэдуна, да и сами ненавидели наш народ и нашу страну: «Советская ревизионистка», «Советская шпионка». Вот уж чего не было, так не было в нашей стране по отношению к людям из Китая.

Дадим слово Людмиле и Гэ Нину.

Подвергаясь опасности со всех сторон, Гэ Нин и Лю Ся решили твердо держаться сделанного ими выбора.

В 1966 году Гэ Нина перевели в управление железных дорог Шанхая. Тогда он думал, что политическая обстановка там окажется чуть менее напряженной, фактически она была несколько не лучше.

Вскоре его отправили в школу перевоспитания кадровых работников имени 7 мая на перевоспитание физическим трудом. К счастью, Лю Ся определили на работу терапевтом в больницу района Лувань (Антиимпериалистическую больницу).

В 1960-х годах простые люди Китая в обыденной жизни испытывали большие материальные затруднения. Лю Ся не только столкнулась с трудностями в быту, но и испытывала на себе политическое давление, которое проникало во все щели.

Гэ Нин:

В больнице нашлись те, кто, увидев ее, говорил: советская ревизионистка, советская ревизионистка, шпионка советских ревизионистов.

Однако, пожалуй, еще больше для нее, чем трудности в быту и политические уколы, были мысли о сыне, с которым она была разлучена. Начиная с 1966 года Лю Ся постоянно подавала просьбы разрешить ей поехать в СССР повидаться с сыном. Но с ответом тянули, и она не получала разрешения вернуться в СССР.

Гэ Нин:

Они и не отказывали, и не разрешали. Не говорили: можно. И не говорили: нельзя. Они все тянули, тянули и тянули. Потом мы сами поняли, что, вероятно, нельзя.

Желание встретиться с ребенком в Китае уже не могло осуществиться. Единственная связь с сыном: часто писать письма. Гэн Нин не мог непосредственно переписываться с сыном. От его имени должна была писать Лю Ся.

Гэ Нин:

Я не мог писать письма. Разве можно было обмениваться информацией с иностранцами?

Четыре года он занимался физическим трудом в школе для кадровых работников. В начале 1970-х гг. Гэ Нин вернулся в Шанхай, в НИИ железнодорожного транспорта. Он ждал того дня, когда можно будет увидеться с сыном. В трудные годы, когда невозможно было дышать, ожидание встречи с сыном стало для Гэ Нина и Лю Ся единственным утешением.

В конце 1982 года Лю Ся наконец получила разрешение вернуться на родину и повидаться с родственниками. Этого дня она ждала целых 16 лет. Гэ Нин увидел сына в 1988 году. Он был в разлуке с сыном 27 лет.

Гэ Нин:

Он родился в 1959 году. В 1988 году ему было 29 лет.

Цзэн Цзымо:

В дальнейшем Гэ Нин работал на железной дороге, участвовал в строительстве метро. Везде с успехом. Он стал заместителем директора НИИ Управления железнодорожного транспорта Шанхая. В 1986 году вышел на пенсию. После этого его много лет приглашала его организация для разного рода работы. Лю Ся работала в больнице в Шанхае 23 года.

Она нравилась очень многим пациентам. Ее называли «Доктор Ба». Сейчас они уже отметили золотую свадьбу. Гэ Нин и Лю Ся спокойно живут в одном из переулков Шанхая. Что до невзгод, через которые им пришлось пройти, то они скромны в своих желаниях. Сегодня они любят дома поговорить по-русски. Иной раз Гэ Нин может пошутить с Лю Ся по-китайски. Те, кто не прошел через такие трудности, как они, то есть мы с вами, пожалуйста, не смогут по-настоящему почувствовать тот молчаливый уговор, который у них в сердцах. Тут мы можем лишь пожелать им счастья.

Далее в фильме рассказывается история о взаимоотношениях М. А. Кнебель и ее ученицы из Китая Чжан Цихун.

В 1985 году китайско-советские отношения, которые более 20 лет находились в замороженном состоянии, едва начали размораживаться. Знаменитый театральный деятель СССР М. А. Кнебель, будучи больна, поручила передать посылку в Китай своей бывшей студентке Чжан Цихун.

Чжан Цихун:

Посылку мне передал человек. При этом мне ничего не было сказано. Я думала, что это запись какой-то песни. И тут же прослушала. Что-то очень знакомое. Это был голос Кнебель. Она сказала, что часто обо мне вспоминает, все время обо мне думает. Вспоминает, как я репетировала. Она сказала: «Я помню вас. Помню все, все, все». В конце она сказала: «Разрешите мне крепко обнять и расцеловать вас, дорогая Цихун».

В 1950-х гг. Кнебель была наставником Чжан Цихун, когда та училась в СССР. За пять лет учебы между учителем и студенткой сложились отношения. Чжан Цихун и Кнебель связали глубокие чувства. Чжан Цихун написала воспоминания. В них она по-родственному называла Кнебель своей «русской мамой». Почти на 30 лет Кнебель по политическим причинам утратила связи с Чжан Цихун. Эта пленка вернула Чжан Цихун на 30 лет назад в СССР. Всколыхнула воспоминания молодости.

В фильме говорится о «политических причинах», по которым Чжан Цихун было невозможно поддерживать связь с М. А. Кнебель. Была только одна причина — политический

курс Мао Цзэдуна, навязывавшего населению Китая вражду и ненависть к нашему народу и нашей стране.

Чжан Цихун в 14 лет вступила в революцию. Рано начала играть на сцене. В 1953 году Чжан Цихун, обладавшую способностями, руководство центральной театральной студии направило на учебу в СССР. Год она училась русскому языку на курсах подготовки. В 1954 году в возрасте 21 года Чжан Цихун приехала в Москву учиться на факультете актерского мастерства в ГИТИС имени Луначарского.

В этом году из Китая в СССР послали более 1300 человек. Причем не только специализироваться в области промышленности, но и по другим специальностям.

В соответствии с Соглашением между правительствами КНР и СССР, заключенным 9 августа 1952 года, «Об учебе граждан КНР в вузах СССР» студенты из Китая ежемесячно получали стипендию в размере 500 рублей, а аспиранты 700 рублей в месяц. Деньги выдавались советской стороной. Затем производились расчеты между правительствами. Каждая сторона несла половину расходов.

Чжан Цихун в ГИТИСе получала стипендию в размере 500 рублей в месяц. Тут возникла неожиданная вещь.

Чжан Цихун:

Я получила эти 500 рублей, положила в карман пальто и в радостном настроении пришла в книжный магазин. Выбрала книги, выбрала пластинки, потом пошла в кассу платить, полезла в карман, а там пусто.

Чжан Цихун вытрясла все из портфеля, но не нашла только что выданные ей 500 рублей.

Чжан Цихун:

Продавец сказал, что я, возможно, их потеряла. Этого не могло быть. Как они могли потеряться? Я сказала: «Здесь ведь социалистическое государство».

С сегодняшней точки зрения, это обычное незначительное событие. В то время китайским студентам было трудно себе представить, что такое могло произойти в СССР. Это был

громадный перепад в душах. Да и последствия в быту после утраты денег были чувствительными. Все это привело к тому, что у Чжан Цихун упало настроение.

Чжан Цихун:

Вероятно, мои товарищи сказали ей. После занятий, когда все ушли, Кнебель сказала: «Цихун, ты останься. Мне надо тебе кое-что сказать». Я спросила: «В чем дело?» Она ничего не сказала, а достала из кошелька 200 рублей и дала мне. Сказала: «Возьми это». Я сказала: «Как я могу брать у тебя деньги? У меня есть, у меня есть». Она сказала: «Не обманывай меня. У тебя пропали деньги». Я сказала, что я что-нибудь придумаю с нашими китайскими студентами в общежитии. Она сказала: «Если ты будешь голодать, не будешь есть досыта, тогда ты не сможешь хорошо учиться». Я сказала: «Я не могу взять». Оттолкнула деньги. Но она вручила их мне. Насильно вручила мне. Затем пожилая женщина взяла свой кошелек и очень быстро ушла.

Цзэн Цзымо:

Это как будто бы судьба всего лишь одной китайской студентки. Но именно эта пожилая женщина, Кнебель, побудила Чжан Цихун переменить профессию. Она же разрешила трудности Чжан Цихун. Она окружила своим теплом молодого человека, который был далеко от дома и стремился учиться. Она помогала молодой студентке и направляла ее тогда, когда та вошла в храм искусства, полный притягательной силы.

Не желавшая допустить того, чтобы такая добрая женщина, как Кнебель, разочаровалась, Чжан Цихун очень старательно училась. Уже на первом курсе она поставила одноактную пьесу под названием «Ночная серенада». Это была ее первая режиссерская работа.

В то время государство установило, что за пять лет обучения студенты не могли ни разу вернуться в КНР. Аспиранты могли один раз съездить за счет государства. Принимая во внимание трудности государства, затраты на командировку в СССР, немало студентов добровольно отказывались от поездки домой и встречи с родными. Китайские студенты не скучали. Во время летних каникул ежегодно Чжан Цихун получала приглашение быть гостем на даче Кнебель.

Цзэн Цзымо:

Озеро с прозрачной чистой водой, березовая роща без конца и края. Грибной суп, кабачковая икра. Все это запечатлелось как прекрасная картина в свое время в сердцах китайских студентов. Учеба была трудной, теплое отношение советских друзей, преподавателей расцветчивало жизнь китайских студентов.

Цзэн Цзымо:

Жизнь людей в СССР во многом отличалась от жизни людей в Китае. Однако благодаря тому, что в то время между государствами существовали союзнические отношения, общение между преподавателями и студентами было тесным, между ними не существовало дистанции. Перед отъездом из Китая студенты получали наказ: налаживать хорошие отношения с советскими студентами, спланировать с ними водоедино. Это выдвигалось как политическая задача. Однако по прибытии в СССР китайские студенты обнаруживали, что это такая политическая задача, которую выполнять легче всего.

У Чжан Цихун были отличные отметки по всем предметам в Москве. Она окончила режиссерский факультет ГИТИСа. Перед прощанием Кнебель была грустна.

Чжан Цихун:

Перед моим отъездом она сказала, что у нее нет дочери и что она будет считать меня своей дочерью. Наказала писать ей.

Простившись с добрыми преподавателями, с товарищами по учебе, Чжан Цихун в 1959 году на поезде отправилась в Китай, домой. Ее распределили преподавать в центральную театральную школу. За работой прошли десятилетия. Знания, полученные во время учебы в СССР, наставления в театральном деле она передавала из поколения в поколение студентам, которые любили театр.

Чжан Цихун:

Я благодарна государству, которое послало меня. Возвратившись, я слушалась слов председателя Мао: мир принадлежит вам. Я хорошо работала. Государство потратило на меня так много денег. Поэтому я должна хорошо работать.

Чжан Цихун не забыла о переписке с преподавателями. Кнебель тоже тосковала о ней. Помнила о китайской студентке, к которой она отнеслась как к дочери. Когда Чжан Цихун выходила замуж, не забыла выбрать для нее особый подарок.

Чжан Цихун:

Кнебель подарила мне свадебный подарок: два чайных прибора — чашки и блюдца серебряного и розового цвета. Очень красиво.

Чжан Цихун не думала, что очень скоро отношения между КНР и СССР станут напряженными и она не сможет переписываться с Кнебель и Поповым. Потом развернулось бурное движение, которое понесло ее. Связи Чжан Цихун с преподавателями оказались разорваны на 20 с лишним лет.

И только в 1985 году по мере постепенного потепления в отношениях Китая и СССР студенты 1950-х гг. смогли наконец восстановить связи с советскими преподавателями и друзьями.

Чжан Цихун:

Как только наступила оттепель, я написала письмо, послала открытку с поздравлением. Она не отвечала. Я ждала.

Чжан Цихун отправила Кнебель письмо. Через полгода она неожиданно получила звуковое письмо. Только тогда Чжан Цихун узнала, что Кнебель тяжело больна. Не может писать, но всегда о ней думала.

Чжан Цихун:

Я отношусь к ней как к родному человеку. Вне зависимости от того, беда на дворе или добрые времена, оледенение или другое время, я как будто бы веду с ними безмолвный диалог.

Цзэн Цзымо:

Когда китайские студенты снова приезжали в СССР, преподаватели и студенты получали возможность крепко обняться. Со слезами на глазах зачастую задавали первый вопрос: «Дорогие, обижали ли вас во время культурной революции?» Они говорили, что в те дни и ночи переживали за китайских студентов. Когда они говорили это, на глаза у них снова наворачивались слезы.

Хотя эти китайские студенты сегодня и находятся в преклонном возрасте, но если вы их спросите о том, что более всего осталось у них в памяти, в их ответе непременно будут и СССР, и те вузы, в которых они учились. Среди тех людей, о которых они помнят, непременно будут их преподаватели и товарищи по учебе. Они также непременно вспомнят о черном хлебе, который им хотелось бы вновь попробовать. Такова эта особая группа людей — студенты, обучавшиеся в СССР в 1950-х гг.

Таков еще один рассказ о людях того времени. Или о людях в то время.

И в этом случае речь идет о том, что между людьми нашей страны и Китая вполне могли завязываться теплые, просто родственные отношения. М. Кнебель отнеслась к своей воспитаннице и ученице из Китая как к родной дочери.

Жестокое государство, государство Мао Цзэдуна прервало установившиеся между этими двумя людьми отношения на десятилетия.

Однако оказалось, что времена меняются, политики уходят, а человеческие чувства могут пережить политиков. Люди наших двух стран, если государства не будут мешать им устанавливать нормальные человеческие отношения, вполне могут во многих случаях находить общий язык и с душой относиться друг к другу. Речь идет об индивидуальной совместимости людей.

В фильме рассказано еще об одной судьбе. О судьбе молодого человека по имени Фу Чжихуань, который поехал учиться в нашу страну, стал инженером железнодорожного транспорта, специалистом по строительству электровозов.

Собственно говоря, ему довелось возглавить создание в КНР первого электровоза. Основой для него послужила модель, разработанная в нашей стране.

Впоследствии Фу Чжихуань стал министром железнодорожного транспорта в КНР.

В рассказе о Фу Чжихуане говорится и о «медовом месяце» в наших отношениях.

Дружественные отношения между КНР и СССР начиная с 1954 года ученые называют «медовым месяцем». В это вре-

мя советское правительство оказывало большую помощь в создании базы промышленности в КНР в ходе первой пятилетки в Китае. Было направлено более 10 тысяч специалистов в различных областях. На этом историческом фоне советские преподаватели в вузах проявляли о китайских студентах заботу даже большую, чем о советских студентах.

Фу Чжисхуань:

У меня был хороший преподаватель. В качестве специалиста он бывал в Китае. Преподавал в Тяншаньском институте железнодорожного транспорта. У него было очень теплое отношение к Китаю. Это был знаменитый в СССР специалист по электровозам. Он давал нам все, что мы могли воспринять.

В вузах СССР большое внимание уделялось производственной практике. Помимо получения знаний в области теории, они проходили практику на рабочих местах. Практика была существенной частью обучения.

Фу Чжисхуань:

Мы поехали в один из южных городов СССР. Там находился самый крупный электровозостроительный завод. На нем работали более 10 тысяч рабочих. Завод выпускал 300 электровозов в год. Это очень много.

В Китае в первый период строительства еще не было своих электровозов. Составы тянули паровозы. В 1958 году с помощью советских специалистов началось изучение строительства электровозов. Однако возникало очень много проблем. Не было возможности запустить в серийное производство. Во время производственной практики Фу Чжисхуань очень четко ощутил этот разрыв. Поэтому он стремился овладеть каждой деталью процесса строительства. Серьезный подход китайских студентов, их искренность побуждали советских людей проявлять к ним отношение «китайского типа».

Фу Чжисхуань:

Обычно чертежи не давали. Однако когда речь шла о китайцах, отношение было особое. Нам давали чертежи. Нам показывали все то, что мы хотели посмотреть. Проявляли чрезвычайную теплоту.

Они знали, какая ответственность лежит на нас, какую трудную работу нам придется проделать по возвращении на родину. Относились к нам чрезвычайно дружелюбно. В то время китайско-советские отношения тоже были хорошими. Мое главное ощущение — это теплое отношение к нам советских товарищей в то время. Они давали нам все то, что нам требовалось. В то время существовала братская дружба.

Во время производственной практики в ходе учебы в советских вузах сначала приходило ощущение рабочего места. После этого можно было начинать работать на рабочем месте. В это время проходившие практику студенты могли еще и получать зарплату.

Чэн Кэнун:

Я проходил производственную практику начиная с третьего курса. На четвертом курсе мы могли исполнять роль мастеров на рабочей площадке. Так было поставлено дело в СССР. Как только ты начинал трудиться на рабочем месте, тебе платили зарплату.

Ван Сюнлинь:

Во время производственной практики наша зарплата составляла больше тысячи рублей в месяц. Производственная практика продолжалась три месяца. Получалось более трех тысяч рублей. Это немало. Когда мы возвращались (в вузы), мы все эти деньги передавали государству.

Во время производственной практики у многих китайских студентов завязывались отношения глубокой дружбы с советскими людьми.

Однако такая хорошая ситуация продолжалась недолго. Перед лицом происходивших одно за другим исторических событий лозунг «Из поколения в поколение передавать дружбу между народами Китая и СССР» постепенно терял свою силу. К 1960 году отношения от той степени, когда можно еще было терпеть, сглаживать разногласия, дошли до грани раскола. Летом 1960 года все китайские студенты, обучавшиеся в СССР, были отозваны для обучения на родине.

Здесь отъезд китайских студентов в КНР из СССР трактуется в соответствии с политическим курсом Мао Цзэдуна на то, чтобы разделять наши народы.

Фу Чжисихуань:

В силу того что организовать такого рода (политическую учебу) за рубежом было неудобно, наша политическая учеба продолжалась дома на протяжении десяти дней. Нас специально отозвали из СССР. Нам рассказали об изменениях в китайско-советских отношениях. Мы изучали документы ЦК КПК.

Руководитель КПСС Хрущев в одностороннем порядке принял решение отозвать советских специалистов. В августе 1960 года все советские специалисты, оказывавшие помощь в деле строительства в Китае, вернулись в СССР. Дружественные отношения между правительствами КНР и СССР снизились до точки замерзания. Это сказалось на учебе студентов по некоторым специальностям.

Фу Чжисихуань:

Речь идет о некоторых областях или специальностях, которые были секретными в России. Поэтому они не позволяли нам учиться этим профессиям. Во время производственной практики китайским студентам не разрешали входить в некоторые помещения. Поэтому продолжать учиться, пожалуй, особого смысла не было.

Ли Тао:

КПК в то время считал необходимым отозвать в Китай сначала тех, кто учился и должен был стать специалистами в области военной промышленности. В то время премьер (Чжоу Эньлай) решил вернуть в Китай всех таких студентов. Их было более тысячи человек. По возвращении в Китай их всех распределяли на работу. Обо всем этом я им объявил. Ни один из этой тысячи не возражал против такого решения. Все они были распределены на работу в системе военной промышленности.

Большинство из этих тысячи с лишним студентов овладевали специальностями из области военной промышленности или ядерных технологий. Среди них был Ван Юнчжи, который впоследствии стал главным конструктором проекта создания китайских космических аппаратов с человеком на борту.

Специальность железнодорожника, которой овладевал Фу Чжисихуань, не была секретной в СССР. Поэтому он, как и другие студенты, на некоторое время вернулся в СССР. За-

канчивал учебу. Он при этом никак не ожидал того, что во время производственной практики советские люди больше не будут относиться к китайским студентам по-братски.

Фу Чжихуань:

Нас принимали на практику, но кое-какие материалы не давали. В целом любой мог увидеть, в этом не было никакой тайны. Однако некоторые новые разработки, то, что находилось в процессе исследования, — тут они держали рот на замке и на эти темы не разговаривали. В это время мы уже ощутили похолодание в китайско-советских отношениях.

Чэн Кэдун:

Раньше в СССР нам рассказывали обо всем. Теперь не говорили.

Чэнь Сяньюй:

Было такое ощущение, что советские люди немного боятся иметь с нами больше контактов. Особенно осторожны были официальные лица при контактах с нами. Простые люди также немного боялись. Почему? Потому что свирепствовал КГБ. Проверяли тех, кто имел контакты с китайцами. Поэтому они и боялись.

Китайский чиновник полностью извращает то, что тогда происходило. Это Мао Цзэдун в КНР создал ситуацию, при которой по отношению к любому человеку из нашей страны от гражданина КНР требовалось проявлять подозрительность и враждебность.

Что касается утверждения о том, что «свирепствовал КГБ», то нужно сказать, что в нашей стране никогда не осуществлялась политика преследования людей за то, что они имели контакты с китайцами, хорошо относились к китайцам. Китайский чиновник здесь нагло врёт.

Только в «стране Мао Цзэдуна» при его правлении людей карали за контакты с людьми из нашей страны. Здесь все поставлено с ног на голову.

В такой обстановке Фу Чжихуань оканчивал вуз в 1961 году. Он хотел представить результаты своей пятилетней работы в виде дипломного проекта. Это были плоды профессионального проектирования.

Фу Чжисхуань:

Когда я защищал диплом, то собирал для него некоторые материалы. Кое-что они мне не давали. Так возникло ясное ощущение, что от меня отделялись. По сути дела, раннее отношение было очень хорошим. Теперь мне говорили о неких определенных причинах, или об отсутствии материалов, или о чем-то еще. Благодаря тому что во время политической учебы дома мы уже получили представление о происходящем, мы не настаивали. Не требовали. Мы пользовались тем, что нам давали.

Фу Чжисхуань не забыл о своей мечте. В дипломе он впервые обозначил контуры осуществления своей мечты.

Фу Чжисхуань:

Именно исходя из положения в своей стране, я проектировал электровоз нового типа. Я обобщил знания, приобретенные во время учебы.

В июле 1961 года Фу Чжисхуань и 11 его товарищей по учебе, обучавшихся той же профессии, завершили учебу и вернулись на родину. Они были полны желания выполнить свой долг перед государством. Эти молодые люди возвращались после учебы. Они были готовы к большим свершениям.

Фу Чжисхуань:

Когда мы вернулись домой, то ощутили, что родина нас воспитала. Теперь настало время отдать долг государству. Мы все были охвачены такими чувствами. Поэтому, заполняя анкету, отвечая на вопрос о пожеланиях, я, как и большинство моих товарищей, именно так и написал: «Со всей решимостью подчиняюсь распределению Отечества; желаю пойти работать в самое трудное место». Именно так и написал, не упоминая ни о каких организациях.

Цзэн Цзымо:

«Идти туда, где труднее всего, идти туда, где в тебе более всего нуждается Отчизна». Это высказывание отражает настроения тех, кто учился в СССР. Там, где речь шла об интересах, они думали о том, в чем была необходимость у Отчизны. Там, где речь шла о выборе, они думали о том, как приложить свои силы; они мыслили свою жизнь, только отказываясь от личных интересов. Они были на той высоте, на которую иным трудно подняться.

Спустя два месяца после окончания учебы и возвращения на родину Фу Чжисхуаня в соответствии с его пожеланиями направили в Хунань проектировщиком. Там в Чжучжоу находился только что созданный единственный НИИ проектирования электровозов.

Перед отъездом в Хунань Фу Чжисхуань побывал в родных местах. Это было путешествие, полное горечи.

Фу Чжисхуань:

Дома дела обстояли так. Моя мать была больна. У нее был рак в последней стадии. Конечно, мать не очень хотела, чтобы я уезжал. Но я не мог навсегда остаться при ней. Дома были еще младшие братья и сестры. И отец. Все были с ней. Поэтому, уезжая, я сильно переживал, так как я знал, что это последняя встреча.

Цзэн Цзымо:

Простившись с тяжело больной матерью, Фу Чжисхуань отправился к месту работы. По прибытии он сразу же увидел, что это только называлось НИИ. Там не было ни помещений для работы с чертежами, ни помещения для лаборатории. Вместе с ним там работали десятки выпускников вузов. Их работа заключалась в том, чтобы привести в порядок то полное расстройство в делах, которое оставили после себя отозванные на родину советские специалисты.

Фу Чжисхуань:

Мы работали над электровозом типа «Шаошань». Его делали по советским чертежам. В это время в СССР этот электровоз тоже находился лишь в стадии изучения. Был лишь опытный образец. Много было технически несовершенным. Мы не знали, как все это перенести на нашу почву. Мы начинали все с самого начала. Поэтому проблем было много. Когда я приехал, советские специалисты уже уехали. Чертежи они увезли с собой. Оставили все дела в полном расстройстве. Эти дела надо было приводить в порядок в опоре на группу китайских молодых людей.

Хрущев в одностороннем порядке разорвал контракты, внезапно отозвал специалистов, которые к тому же увезли важные чертежи. Для Китая, который тогда как раз только начинал строительство многочисленных промышленных объ-

ектов, это создало громадные трудности, нанесло громадный ущерб. Все это порождало смешанные чувства у учившихся в СССР китайских студентов, у которых был и опыт тесной дружбы двух государств.

Снова и снова китайские пропагандисты внушают зрителям своего фильма в КНР, что это наша сторона, дескать, должна нести ответственность за отъезд советских специалистов из Китая. Мы неоднократно уже говорили о том, что отъезд наших специалистов из КНР в 1960 году был вынужденным. Это произошло как следствие осуществления Мао Цзэдуном политического курса на вытеснение всех людей нашей страны из КНР, на разобщение наших народов, на противопоставление двух наций — России (СССР) и Китая.

Этот кинофильм заканчивается следующими утверждениями.

Фу Чжихуань:

Ну, что же. Это уже случилось. Что было делать? Снова приглашать советских специалистов было никак не возможно. Оставалось опираться на собственные силы. В то время мы выдвинули лозунг: «Преисполниться решимости и добиться усиления государства в опоре на собственные силы». Имелась в виду не самоотверженность, а гнев и возмущение. Развивая дух негодования, ненависти, стремиться стать сильными.

Вот результат воспитания молодого человека в КНР в духе идей Мао Цзэдуна, в частности, его политического курса на разобщение народов наших двух стран.

Человек, учившийся в нашей стране, получивший профессиональные знания, ощутивший на себе доброе отношение к нему наших людей, упоминает и обо всем этом.

Однако в то же время этот в свое время молодой человек, превратившийся в члена номенклатуры КПК, в чиновника высокого ранга, говорит и то, что позволяет ему сохранять свои привилегии кадрового работника. При этом нельзя исключать и того, что он действительно думает так, как говорит. Это тем более вызывает глубокие раздумья.

Ведь он повторяет трактовку характера наших взаимоотношений, которую членам КПК и населению КНР навязал Мао Цзэдун.

Согласно этой трактовке оказывается, что нашу страну должно обвинять в том, что сначала от нее удалось «добиться» того, чтобы она стала оказывать помощь КНР, приняла на учебу молодых людей из Китая.

Мао Цзэдуну пришлось пойти на это вынужденно, потому что тогда иного пути не было. В то же время и тогда к нам следовало относиться как к «иностранцам», а не как к друзьям и союзникам, а к нашей помощи как к помощи «иностранцев».

Далее внушается мысль о том, что это мы и только мы, дескать, виноваты в ухудшении двусторонних отношений, в частности в отъезде наших специалистов из КНР.

И вот тут-то Мао Цзэдуну удалось навязать членам КПК, населению КНР представление о том, что мы виноваты в том, что не только создали трудности для Китая, но и, дескать, попытались вынудить Китай и китайцев подчиниться нашему народу и нашей стране.

Именно этим объясняется установка Мао Цзэдуна на то, чтобы добиваться усиления государства, а это главная задача, с точки зрения Мао Цзэдуна, в опоре на собственные силы. Надеяться на нас больше было нельзя.

Отсюда и появляются в устах человека, который учился у нас, такие слова, которыми он характеризует отношение свое, народа Китая, КПК и КНР к нашему народу и нашей стране: «гнев», «возмущение», «негодование», «ненависть».

Именно этого хотел добиться Мао Цзэдун. Именно этого хотят добиться авторы фильма КПК в настоящее время.

Собственно говоря, это и есть тот главный вывод, к которому хотят подвести своих зрителей авторы фильма.

Они хотят внушать, что китайские молодые люди, которые учились в СССР, поняли, как надо относиться к нашему народу и нашей стране. Относиться надо с «гневом», «возмущением», «негодованием» и «ненавистью».

Одновременно китайская молодежь, и 1950-х гг., и нашего времени, должна действовать только в духе установок Мао Цзэдуна, что предполагает осознание того, что «весь мир принадлежит ей», а также в духе понимания того, что Мао Цзэдун был прав, считая, что Китай должен все свои задачи по наращиванию мощи китайского государства решать сам, а учеба в СССР — это лишь некое дополнение, вынужденное при опре-

деленных условиях. Реалии показали, что на нас опираться не надежно. К нам следует относиться именно так, как здесь говорит один из тех, кто в свое время учился в нашей стране, — вот что хотели бы внушить зрителям авторы фильма.

Но это тем более вызывает у нас необходимость глубоко задумываться над тем, что такое «идеи» Мао Цзэдуна и что они внесли в представления о нашем народе и о нашей стране у людей в Китае. Эти укоренившиеся в сознании немалого числа людей понятия «гнев», «возмущение», «негодование», «ненависть» были и остаются опасными и для нас, и для взаимоотношений наших двух стран, и для самих людей Китая.

Начиная с 1960 года в Китае реальные последствия великого скачка дошли до крайней степени. К этому добавились стихийные бедствия, вызванные погодными условиями. В Китае в масштабах всей страны возник кризис зерна и сопутствующих продовольственных товаров. В ситуации, когда люди каждый день не наедались досыта, работа по исследованиям с целью создания электровоза была в самом разгаре.

Фу Чжихуань:

Когда наступал вечер, хотя условия для работы в помещении были чрезвычайно плохими, мы лишь в 12 часов ночи включали электрический свет. Все работали с энтузиазмом. Понимали, что надеяться больше не на кого. Попытались опереться на СССР, но он не оправдал надежд, не оказался на высоте. Отозвал специалистов. Хотелось бы опираться на людей старшего поколения, но их просто не было. Оставалось опираться именно и только на эту группу молодых людей. Молодые люди смело бросались на штурм. Именно благодаря практической работе, благодаря проведению испытаний мы внедряли результаты в производство. Когда возникали проблемы, я предлагал способы их решения. Не давал результата первый способ, предлагал второй, третий. В конце концов, я находил способы решения проблем.

Цзэн Цзымо:

И именно в опоре на группу таких молодых людей, в опоре на их усилия к 1968 году, то есть спустя восемь лет после отъезда советских специалистов, были проведены успешные испытания сконструированного силами Китая электровоза. Было

начато его производство малыми сериями. Когда же наступил 1976 год, были преодолены все технические преграды на пути создания локомотива. И в Китае закончилась эпоха паровозов. Это было знаковое событие, это был скачок. А Фу Чжисхуань, наконец, осуществил свою мечту создать локомотив.

После возвращения из СССР Фу Чжисхуань на низовой работе в Хунани провел 23 года. Техником 17 лет. Затем главным инженером. Потом начальником управления. Он прошел через множество испытаний. Закалился. В 1998 году Фу Чжисхуань стал министром железных дорог. Но он по-прежнему часто появлялся на рабочих местах. Вспоминая о пережитых горестях, он давно уже пришел к иному толкованию.

Фу Чжисхуань:

Хотя в то время нам пришлось много перенести, но сегодня мы можем сказать: мы никого не упрекаем и ни о чем не сожалеем.

Вот фотография. На демонстрации по случаю 1 мая. Хороший снимок.

Люди обсуждают фото. Вспоминают, находят себя.

Поют «Подмосковные вечера».

Знакомая мелодия. Они как будто бы вернулись на 50 лет назад. Вернулись в свою молодость. В тот день.

Для студентов, отправлявшихся в СССР, все тогда начиналось одинаково. Судьбы людей сложились по-разному. В то же время у судеб этих есть нечто общее. У них за плечами стремление к учебе, упорная борьба. А по возвращении домой стремление свои горячие сердца, свою горячую кровь отдать служению Отчизне. Во время движений в обществе на их долю достались обиды, которые трудно выразить словами. После того как началось осуществление политики реформ и открытости, они приложили усилия с тем, чтобы наверстать время. Их судьбы — это развитие Нового Китая на протяжении 50 лет.

В годы начала строительства государства было 10 тысяч учащихся, отправившихся в далекие края. Они взяли на себя ответственность за получение знаний, учились в СССР. Все, что они осуществили в качестве платы за это, было сделано с тем, чтобы выполнить серьезное и важное поручение Мао

Цзэдуна: «Надежды возлагаются на вас». Впоследствии учащиеся того времени превратились в стеновой хребет в различных отраслях. Некоторые уже взяли на себя тяжелую ношу руководства партией и государством.

В 1956 году Ли Фэнцин проходил практику на ЗИСе.

В 1952 году Ли Пэн и Чжэн Цзяхуа учились в Москве.

В 1955 году Цзян Цзэминь проходил практику, стажировался в Москве.

Знаменитый художник, один из проектировщиков китайских денежных знаков, Ло Гунлю тоже учился в СССР в 1950-х гг. В свое время он сказал: «Точно так же, как белые облака стремятся в горную долину, как чистые родники стремятся в океан, люди этого поколения, те, кому довелось тогда учиться, как белые облака, как чистые родники, стремились к тому, чтобы дать ответ, откликаясь на нужды и на призыв Отечества».

Мы очень завидуем им. Они были мощно востребованы государством. Они прошли путь своей жизни. Они имели возможность слить свои судьбы и жизни с судьбой государства, с прогрессом общества. Об этом надо помнить всегда. Это — весна, которая никогда не постареет.

2007 год.

Итак, в фильме можно найти разное. Есть то, что позволяет прикоснуться к тому, что происходило в те времена.

Есть то, что говорит о теплых чувствах между людьми наших двух стран. Есть напоминание об уникальном времени в истории наших отношений.

В то же время пропагандистская начинка фильма — это искажение того, что действительно имело место. Она направлена на то, чтобы создавать у нынешних поколений китайцев негативное отношение к нашему народу и нашей стране.

В связи с появлением этого фильма в КНР представляется необходимым сказать, что в нашей стране нужны книги и фильмы и о китайцах, учившихся у нас, и о наших специалистах в Китае. Дружбу надо сохранять.

Дипломатическая служба КНР в начале XXI века

В первом десятилетии нынешнего столетия руководство КПК придавало большое значение тому, что оно называло «концепцией научного развития», то есть «научному обобщению» итогов и состояния работы практически по всем основным направлениям своей деятельности.

Это было вызвано обеспокоенностью состоянием китайского общества и существующими в нем настроениями. Определенным разрывом между правящей партией, многими ее функционерами и народом страны.

Внешнеполитическая активность, дипломатическая служба сегодня рассматриваются в КНР как одна из важнейших частей партийно-государственного механизма управления страной и обеспечения интересов Китая, какими их видит современное руководство КПК, на мировой арене.

Результаты этих обобщений используются как в практической, так и в пропагандистской работе с населением страны.

В КНР, очевидно, учитывая клиповое сознание современных поколений, в существенной степени перешли на клиповую пропагандистскую продукцию. Перешли от чтения книг и лекций к использованию телевидения и Интернета. Телефильмы для демонстрации их на экранах телевизоров и компьютеров вместо книг — реалия современной пропагандистской работы КПК.

Масса людей воспитывается в КНР не только на лекциях или в ходе политической учебы, где свое место занимает чтение рекомендуемой литературы, а путем коллективных и ин-

дивидуальных просмотров телевизионных документальных пропагандистских, чаще всего многосерийных, фильмов, сделанных в манере клипов.

Для массы населения выпускаются в продажу, например, серия телевизионных фильмов о «войнах — нанесении контрудара в целях обороны», имевших место во второй половине XX века у КНР

с СССР (в 1969 году),

с Вьетнамом (в 1979 году),

с Индией (на рубеже 1950–1960-х гг.).

Распространяется многосерийный телефильм о крахе КПСС и СССР, а также отдельно пояснительный текст к этому фильму.

В этом ряду находятся и выпущенные во второй половине первого десятилетия XXI века фильмы, посвященные пропаганде внешней политики КПК — КНР.

Это фильм о современной дипломатической службе КНР, фильм о периоде 1956–1960 годов, когда произошел перелом к худшему в наших двусторонних отношениях, когда Мао Цзэдуно удалось повернуть их от дружбы к конфронтации, фильм о китайских студентах, которые учились в нашей стране в 1950-х гг.

В данном случае мы сосредоточимся на фильме о дипломатической службе современного Китая, обращая главное внимание на трактовку политического содержания этой деятельности.

Не менее важной представляется попытка если не разобратся, то хотя бы прикоснуться к современному механизму дипломатической службы КНР, к его структуре, приемам и методам, применяемым дипломатией КНР. Думается, что этот опыт можно использовать в нашей стране и для применения у нас в МИД, и для профессиональной реакции на действия китайской стороны, при взаимодействии с китайскими коллегами.

В настоящее время Китай выступает на мировой арене со своим новым лицом.

Дипломатическая служба КНР в ее современном виде — один из самых крупных представляющих государство механизмов такого рода на мировой арене.

Поэтому думается, что было бы разумным предложить китайской стороне обменяться опытом функционирования внеш-

неполитических механизмов, в первую очередь министерств иностранных дел.

Кроме того, постоянной задачей посольства РФ в КНР могло бы стать отслеживание развития нынешнего механизма осуществления внешней политики КНР и информирование об этом МИД РФ в целях принятия соответствующих решений. В частности, здесь важно обратить внимание на то, как китайская сторона строит свою работу с сотнями тысяч людей, которые приехали в КНР из РФ и длительное время живут и работают там. Для нашей стороны такая работа со своими гражданами должна стать одной из важных частей сплочения нашего народа.

Наконец, также думается, что в МИД РФ можно было бы устроить просмотр анализируемого здесь телесериала о современной дипломатической службе КНР.

Итак, в конце первого десятилетия XXI века, в 2008 году, в КНР выпущен документальный телефильм. Его названием стала каллиграфическая надпись Тан Цзясюаня (министра иностранных дел на рубеже XX и XXI вв.): «ЧЖУНГО ВАЙЦЗЯО ГУАНЬ ЦЗИ ШИ» / «Летопись реальных дел дипломатов Китая»/.

Девизом работников дипломатической службы КНР руководители КПК — КНР хотели бы видеть их преданность мысли о том, что «государство, его пятизвездный красный флаг важнее, чем моя жизнь»; что «для нас Родина — это мать, ее нельзя поменять». Дипломатическую деятельность сравнивают с «броском в атаку на поле боя». От дипломатов требуют выполнения поставленных перед ними задач «любой ценой».

Для населения КНР предлагается видеть основной принцип внешнеполитической деятельности КПК — КНР как формулу: «И ЖЭНЬ ВЭЙ БЭНЬ, ЧЖИ ЧЖЭН ВЭЙ МИНЬ» — «Исходить из того, что корнем всего и вся является человек; управлять государством в интересах народа».

Такая постановка вопроса свидетельствует о глубокой озабоченности руководства Китая отношением народонаселения страны к политике КПК, в том числе и к ее внешней политике. Именно поэтому и пытаются внушать, что сегодня власти думают о человеке, о народе.

Кстати, в данном случае термин «МИНЬ» может восприниматься и как «народ», и как «нация». Связка «человек — на-

род — нация» позволяет проявлять гибкость и выносить на первый план, подчеркивать в зависимости от необходимости любую часть этой триады. Здесь для руководителей КПК в настоящее время важно добиваться того, чтобы и в Китае, и в мире их отождествляли с «нацией Китая», а Коммунистическую партию Китая считали бы партией нации Китая. Собственно говоря, в современном Уставе КПК прямо говорится, что эта партия является и «авангардом нации Китая».

КПК пропагандирует мысль о том, что у дипломатии Китая на мировой арене есть своя миссия или свое предназначение.

Разъясняя содержание этой миссии, этого предназначения, делают упор на том, что

«до создания КНР Китай переживал период угнетения и унижений».

Образование КНР трактуется как тот момент, когда

«Китай поднялся и выпрямился во весь рост».

Здесь важно обратить внимание на то, что свой приход к власти в Китае Мао Цзэдун, его приверженцы и последователи трактуют как «освобождение». При этом имеется в виду социальное и национальное освобождение. На внешний мир в нынешнюю эпоху выходит национальная сторона этого «освобождения», то есть утверждение о том, что главная миссия КПК на мировой арене состояла и продолжает состоять в «освобождении» нации Китая от тех национальных унижений, которые она терпела в истории, от неправопорядка, которое проявляли по отношению к Китаю в истории иностранцы. К этому присовокупляется и утверждение о том, что КНР и многие государства (прежде всего те, которые сегодня относятся или относят себя к числу развивающихся стран) в нашем мире, в его истории соединяет «общность исторической судьбы», то есть общность цели: добиться освобождения той или иной нации, а далее самоутвердиться на мировой арене.

В настоящее время и в проекции на будущее имеется в виду продолжение борьбы за такого рода «освобождение» и в дальнейшем.

Это предполагает выход КНР на место «ЛАОДА — самого старшего», «смотрящего» за тем, чтобы в мире действовал

предлагаемый КНР новый мировой политический и экономический порядок на нашей планете. Именно это имеется в виду под применяемым в КНР и КПК в настоящее время термином «возрождение нации Китая», если брать внешнеполитический аспект этого лозунга.

Итак, с этой точки зрения очевидно, что современное руководство КПК внушает своим дипломатам, что на них лежит важная «миссия» — добиваться полного «освобождения» нации Китая, «*возрождения нации Китая*», то есть относиться ко всему окружающему миру с позиций видения в нем в целом и в каждой из его составных частей — наций и государств — либо того, кто признает свою вину в истории перед Китаем, склоняется перед Китаем, признает, что Китай по праву должен занимать место «самого старшего» в мире, на Земле, либо, если он не соглашается с такой отведенной для него китайской стороной ролью, того, кого должно принуждать к признанию права и интересов Китая на данном этапе и в обозримом будущем, прежде всего в том, что касается предоставления Китаю необходимых для его выживания и развития природных ресурсов, с помощью и «мягкой», и «твердой» силы — совокупной государственной мощи Китая настоящего и будущего.

Мы познакомим наших читателей с содержанием этого фильма. Цитаты из пояснительного текста к нему будут даваться курсивом. Задача китаевода при этом видится в том, чтобы максимально полно донести до читателей текст этого фильма, учитывая его уникальность, так как впервые за всю историю КНР там создан фильм, специально посвященный ее дипломатической службе. Пояснительный текст к фильму будет сопровождаться необходимыми с нашей точки зрения комментариями.

Соответственно, началась новая эра дипломатии Китая. За прошедшие несколько десятилетий существования КНР дипломатия Китая под руководством коллективов руководителей трех поколений с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэминем в качестве ядра каждого поколения прошла через суровые испытания при многочисленных изменениях международной обстановки и добилась великих успехов.

Историю Китая при этом предлагается видеть как историю, состоящую из двух частей. До момента провозглашения КНР главным врагом китайцев и Китая во взаимоотношениях с внешним миром предлагается видеть именно иностранцев, их государства, которые «унижали» и «угнетали» Китай и китайцев. При таком подходе у нас закономерно возникает вопрос о том, как сторонники такой трактовки истории относятся к реестру добрых дел, которые наши народ и страна совершили и в наших общих интересах, и в интересах китайцев и Китая, начиная, скажем, с 1920-х гг.

Мы имеем в виду:

- помощь с нашей стороны сотрудничавшим тогда политическим партиям Китая, Гоминьдану и КПК, в объединении государства в результате Северного похода;
- помощь с нашей стороны китайцам и Китаю во время оказания отпора японским оккупантам в 1930–1940-х гг.;
- помощь КПК и ее вооруженным силам во время войны внутри Китая за приход КПК к власти во второй половине 1940-х гг.;
- помощь КНР в первое десятилетие ее существования в создании современных вооруженных сил и основы тяжелой промышленности и т. д.

При таком подходе «за бортом» идеологии, которой руководствуется дипломатия современной КНР, остаются дружба наших народов и стран, союз наших политических партий и соответствующих государств.

Что касается Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, то у нас может возникать вопрос о том, как сторонники такой трактовки истории оценивают призывы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина к созданию единого всемирного фронта борьбы против нашей страны и народа и т. д.

Наше государство (то есть КНР) непрерывно укрепляет и усиливает сплоченность и сотрудничество с широким кругом развивающихся государств, последовательно улучшает и развивает отношения с различными крупными и развитыми государствами.

Здесь выделяются две главные сферы деятельности дипломатии КНР: развивающиеся государства и крупные страны. РФ при этом относят к крупным странам.

Такая постановка вопроса создает определенные условия для налаживания и поддержания относительно нормальных отношений между нашими народами и странами, однако оставляет эти отношения без такой прочной основы, как духовное взаимопонимание, так как отсутствует даже попытка согласовать некие общие взгляды на позитивные стороны наших отношений, то есть на историю нашей дружбы и союза.

Многовекторная (осуществляемая на многих направлениях) дипломатия день ото дня активизируется. И, как следствие этого, создается все более благоприятная международная обстановка для социалистического осовременивания (социалистической модернизации).

Вступая в новый исторический период, КПК с товарищем Ху Цзиньтао в качестве генерального секретаря, исходя из учета обстановки в целом, с высот стратегии всесторонне проанализировала новые особенности изменений в развитии международной обстановки. Глубоко обосновала и описала новый этап нового века. Прекрасно наладила важный и актуальный подход к иностранным делам. В еще большей степени определила руководящую идеологию работы в сфере иностранных дел, ее основные принципы, общие требования к ней и ее главные задачи.

Когда в современной КНР говорят о модернизации, или об осовременивании, то применяют термин «социалистическая модернизация». Тем самым обращают внимание на характер этих процессов в КНР, какими их хотели бы видеть руководители КПК.

Внешняя политика КНР имеет три постоянные основы и одну современную, то есть пригодную для данного периода основу. Три постоянные основы — это политический курс и установки Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя. Современная основа дипломатии — это взгляды Ху Цзиньтао, его персональная внешняя политика. Именно она составляет исходную базу практической внешней политики и дипломатии КНР в те годы, пока Ху Цзиньтао занимает главный руководящий пост в правящей в КНР политической партии, то есть в Коммунистической партии Китая.

Ху Цзиньтао говорил:

В настоящее время в отношениях Китая со всем миром произошли исторические перемены. Перспективы и судьба Китая день ото дня все более тесно связываются с перспективами и судьбой всего мира. И вне зависимости от того, какими бы ни были превратности при изменениях международной обстановки, правительство и народ Китая будут высоко держать знамя мира, развития, сотрудничества, будут проводить независимую (самостоятельную) суверенную мирную внешнюю политику, будут защищать интересы суверенитета, безопасности, развития государства, будут отстаивать, и защищать мир во всем мире, будут способствовать основной цели внешней политики, которая состоит в совместном (или общем) развитии.

Главные внешнеполитические идеи, с которыми Ху Цзиньтао выходит на мировую арену, — это триада: мир, развитие, сотрудничество.

Далее он выступает за самостоятельность и независимость внешней политики КНР.

Очевидно, что никакого классового содержания, во всяком случае внешне, в предлагаемые понятия не вкладывается. Напротив, Ху Цзиньтао подчеркивает, что перспективы и судьба Китая все более тесно связываются с перспективами и судьбой всего мира.

Здесь отсутствует мысль об исключительности Китая, о главенствующем положении того, что именуется его «самобытностью», или «своеобразием», или «спецификой». Очевидно, что все это оставляется для внутреннего пользования в КНР. Однако необходимо принимать во внимание и то, как ставятся внешнеполитические цели и что говорится о характере ситуации внутри КНР.

Возвращаясь мыслями к тому моменту, когда было создано наше государство (то есть КНР), необходимо сказать следующее:

С созданием КНР НАЦИЯ Китая, переживавшая в истории глубочайшие бедствия, длительную агрессию, унижения и угнетение, с этого момента поднялась и встала во весь рост.

В истории Китая началась новая эра. В дипломатии Китая также была открыта новая глава.

За прошедшие более полувека дипломатия КНР проанализировала и глубоко осознала важность и актуальность налаживания должным образом работы в сфере иностранных дел, сделала очередной шаг вперед в точном определении ее руководящих идей, основных принципов, общих требований и главных задач.

Итак, речь идет о нации Китая. Сам приход к власти в стране в 1949 году Коммунистической партии Китая трактуется как изменение положения нации Китая в мире. До этого момента нация Китая терпела глубочайшие бедствия, длительную агрессию, унижения и угнетение.

С этого момента она поднялась во весь рост и больше не терпит всего вышеуказанного.

Это считается характерным для дипломатии КНР на протяжении всех лет ее существования.

Другое дело, что именно и только при руководстве со стороны Ху Цзиньтао в первом десятилетии XXI века была осознана важность и актуальность налаживания должным образом работы в сфере иностранных дел, точно определены ее руководящие идеи, основные принципы, общие требования к ней и ее главные задачи. Иными словами, научный подход к дипломатии, к сфере внешних сношений, к внешнеполитической деятельности — вот отличие ситуации при правлении Ху Цзиньтао от того, что происходило до этого.

Возвращаясь мыслями к истории дипломатии Нового Китая, можно увидеть, что в начале 1950-х гг. с нами установили дипломатические отношения сначала всего несколько, потом более десятка государств, а сегодня их более ста семидесяти.

Это отражает всестороннее развитие экономики и общества в нашей стране, устойчивый рост совокупной мощи нашего государства, непрерывное повышение его международного статуса и влияния.

Ян Цзечи, министр иностранных дел КНР:

Под правильным руководством коллективов нескольких поколений руководителей КПК работа в области иностранных дел Нового Китая перед лицом многократно менявшейся международной обстановки всегда шла в ногу со временем, отличалась тщательностью при продвижении вперед, доби-

лась успехов, которым есть основания радоваться. Достижение вышеупомянутых успехов необходимо в первую очередь отнести в заслугу правильного руководства со стороны ЦК (КПК), большой поддержки со стороны органов власти различных отраслей. Заслуга здесь принадлежит заботе и любви со стороны народа всей страны; в то же время все это неразрывно связано с политической силой, профессионализмом, качеством, твердостью и настойчивостью тех, кто составляет отряд нашей дипломатии.

В фильме последовательно проводится мысль о том, что речь идет о нации Китая, о взаимоотношениях ее государства (КНР) со всеми государствами земного шара. О последовательном увеличении числа государств, которые устанавливали связи с КНР, исходя из устойчивого роста совокупной мощи этого государства.

Так, прежде всего пытаются стереть из памяти людей период, когда единственным другом и союзником КПК и КНР были наша страна и государства «лагеря социализма».

Ничего не говорят о значении отношений союза, которые существовали между СССР и КНР.

Тут явно стремятся создать впечатление, что все то, что относится к коммунистической партии, коммунистической идеологии, к международной солидарности коммунистических партий, — все это как бы не играло никакой роли в истории.

От всей деятельности Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина оставляют главное, с точки зрения авторов фильма, то есть утверждение о том, что их основная заслуга перед нацией Китая состоит в том, что они увеличивали совокупную мощь государства, что, собственно, и заставляло страны мира признавать КНР.

Первый министр иностранных дел Нового Китая, премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай выдвинул следующие требования к дипломатическим работникам:

- занимать твердые позиции;*
- не отступать от политической линии;*
- досконально владеть профессией;*
- соблюдать строжайшую дисциплину.*

Эти требования всегда остаются теми нормами поведения, которые всегда соблюдают работники дипломатической службы.

Дипломатические работники из поколения в поколение проявляют несравненную преданность Партии, Родине, Народу; беспредельную любовь к делу дипломатии Отечества, высокое чувство ответственности за это дело. Демонстрируют свой глубокий профессионализм, стиль работы, для которого характерны скромность, осмотрительность, умение вести трудную и самоотверженную борьбу, а также такое же высокое понимание дисциплины, умение хранить тайну, чувство долга, которые присущи военнослужащим.

Они сформировали прекрасные традиции отряда дипломатических работников. Это также важная гарантия непрерывных дипломатических побед.

Помимо имен Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, которых представляют в качестве фактически тех руководителей, чья личная политика и была политикой КПК и КНР в те годы, когда они находились у власти, в фильме говорится и о Чжоу Эньлае как о первом министре иностранных дел КНР, который утвердил и ныне действующие требования к дипломатическим работникам: твердость при проведении генеральной линии партии, профессионализм и дисциплина. Очевидно, здесь играет свою роль то, что Чжоу Эньлай никогда не отклонялся от линии на осуществление политического курса Мао Цзэдуна во внешней политике, был исполнителем воли Мао Цзэдуна в этой области. Его пример — наука всем последующим министрам иностранных дел КНР.

Стоит обратить внимание на лексикон авторов фильма, когда они говорят о дипломатах КНР. Речь идет об их «отряде» и о присущих им «высоком понимании дисциплины», «умении хранить тайну» и о «высоком чувстве долга, которое присуще ВОЕННОСЛУЖАЩИМ». Дипломатическая служба КНР — это дипломатическая служба КПК. КПК видит дипломатическую службу как один из отрядов своих вооруженных сил.

Далее в фильме объясняют и то, почему в настоящее время понадобилось создавать этот фильм о дипломатической службе КНР.

Ли Цзиньчжан, заместитель министра иностранных дел КНР:

На протяжении длительного времени в силу того, что дипломатическая работа носит особый характер, а также в

силу того, что мы в недостаточной степени занимались пропагандой на заграницу, наши дипломатические работники в глазах общественности занимались такой профессией, что им можно было только завидовать, что они щегольски одеты по-европейски, что это только почетное дело. А ведь на самом деле за внешней стороной дела неисчислимое множество всевозможных превратностей судьбы.

Дипломатические работники из поколения в поколение во имя суверенитета государства, его безопасности и его развития, ради мира во всем мире и дела прогресса далеко отрывались от своих родных и близких, и на протяжении длительного времени стояли гарнизоном в иных странах среди чужеземцев, самозабвенно работали, профессионально исполняли свой долг, и при этом не жаловались и не испытывали сожаления. Они расплачивались такими жертвами и такой ценой, какую обычные люди не могут себе и представить.

Заместитель министра иностранных дел КНР, очевидно ведающий работой с кадрами в этом министерстве, пытается создать у зрителей фильма, у населения КНР нужное ему и номенклатуре партии, ее руководству представление о сотрудниках дипломатической службы.

Здесь, прежде всего, можно подумать о том, чем вызвано появление этого фильма.

Скорее всего, руководство КПК озабочено разрывом между его номенклатурой, в данном случае сотрудниками дипломатической службы, и населением Китая, а также состоянием дисциплины и лояльности самих сотрудников дипломатической службы.

Думается, что именно этим объясняется такой упор на дисциплине упомянутых работников. От них требуется не просто дисциплина государственных служащих, но и партийная дисциплина, тем более что стать ответственным работником МИД КНР можно, только будучи членом КПК. Но и этого мало. От них требуется военная дисциплина, или дисциплина военного времени. Так фактически было всегда. Но сегодня дело обстоит, очевидно, таким образом, что понадобилось напомнить об этом и предъявить самые суровые требования.

Отсюда и формулировка: «стоять гарнизоном в иных странах, среди чужеземцев». Вот как видят руководители КПК

своих дипломатов за рубежом. Дипломатическая служба с этой точки зрения — это сражение на поле боя. Сам отряд сотрудников дипломатической службы — это, повторим, составная часть вооруженных сил партии.

Руководство КПК не жалеет денег на то, чтобы эти номенклатурные работники были щегольски одеты по-европейски и пользовались некими благами заграничной жизни. Но от них взамен требуется самозабвенно работать, выполнять свой долг, не щадя собственной жизни, не жаловаться, не испытывать сожаления и расплачиваться за материальные блага такими жертвами и такой ценой, которую обычные люди не могут себе и представить.

Добиться исправления или улучшения создавшегося положения, то есть сближения партии и народа, в КПК — КНР рассчитывают путем изменения характера пропаганды и внутри КНР, и на границу профессиональной деятельности сотрудников дипломатической службы КНР.

Далее зрителей кратко знакомят с тем, чему посвящены соответствующие части фильма:

отношения дружбы (в данном случае с Пакистаном, с мусульманской страной),
консульская работа (в Нью-Йорке и в других местах),
работа посольства в обстановке военных действий (в Ираке и в Македонии),
трудности жизни дипломатов (в Боливии),
особые требования к бдительности дипломатических курьеров (в СССР),
работа молодых дипломатических работников (в Италии и во Франции),
работа на границе,
ответственность переводчиков руководителей КНР,
борьба за вытеснение Тайваня из третьих стран,
защита интересов граждан КНР и китайцев по крови за рубежами КНР и т. д.

Линь Сунтянь, начальник управления кадров МИД КНР:

Тот, кто выполняет дипломатическую работу и точно понимает свой долг, именно и вручает свою судьбу государству.

Чжан Чуньсян, в прошлом посол в Пакистане:

У меня не было времени, чтобы заниматься семьей. Когда у нас родились дети, я находился за границей. Я не мог подержать ни того, ни другого на руках. Мне так и не довелось баюкать своих детей. Когда я вернулся, они уже бежали.

Лю Бивэй, бывший генконсул в Нью-Йорке:

Когда ты нужен государству и народу, тогда ты должен без колебаний и сомнений идти и делать свою работу. Поэтому те товарищи, которые работают в условиях военного хаоса, как в Афганистане или в Ираке, испытывают большое моральное давление, однако они без колебаний и сомнений работают для государства, для народа.

В 2003 году США и Англия начали войну в Ираке. В условиях военного хаоса наше посольство было сильно разрушено. Мы были вынуждены прервать нормальную дипломатическую работу. Вскоре после окончания войны в МИД КНР решили возобновить работу посольства в Ираке. Решение этой задачи возложили на бывшего посла в Ираке, уже находившегося на пенсии, Сунь Биганя.

Сунь Бигань:

Я знал, что там много трудностей и что это очень опасно. Я подумал, что если я не поеду, то кто-то из товарищей все равно поедет. Зачем же перекладывать трудности и опасности на других? Поэтому я тут же сказал, что возьмусь за решение этой задачи.

9 июня 1999 года НАТО в Косово, на этом «пяточке», сбросило более 30 тысяч бомб с низким содержанием урана, и весь район оказался зараженным. Из 18 работников посольства КНР в Македонии пострадали 12. У посла была поражена нижняя половина тела. И при таких обстоятельствах и посол, и все сотрудники посольства продолжали работать, никто не жаловался на трудности, никто не пошел на попятный. Дипломатический работник при любых обстоятельствах должен оставаться на своем посту, выполнять свою миссию и свой долг.

Чжан То, посол КНР в Боливии:

Столица Боливии Ла-Пас — самая высокогорная столица в мире. Климат там холодный, сухой. Воздух разреженный. За

те четыре года, что я там пробыл, почти каждый год обязательно умирал кто-нибудь из членов дипкорпуса. Сказывался недостаток кислорода на высокогорье. В посольстве КНР смертных случаев не было. Головокружения и потеря сознания случались. С некоторыми это случалось даже перед отлетом на аэродроме. В условиях высокогорья трудно сделать даже просто глоток воздуха. Там «трое убийц»: недостаток кислорода, низкое давление, сильный ультрафиолет. Жить и приспособиться к местным условиям действительно нелегко.

И в то же время вне зависимости от того, находишься ли ты на высокогорье или нет, ты должен работать; высокогорные условия просто требуют от тебя еще более высокого уровня ответственности. Если не хватает кислорода, мы не должны падать духом; мы не должны делать скидку на трудности; надо проявлять настойчивость до победы.

Следующее высказывание делается на фоне Московского Кремля:

Для дипломатических курьеров их долг важнее их жизни.

«Документы всегда должны быть при себе, пока человек жив; клянемся и жить, и умереть вместе с документами». (Очевидно, речь идет о клятве дипломатических курьеров в КНР.)

17 октября 1958 года руководитель службы дипкурьеров Сяо У вместе с работником этой службы, обслуживавшим министерство внешней торговли, Нин Кайюанем направлялись в командировку в Москву. Они летели на ТУ-104. Произошла катастрофа, самолет разбился, люди погибли. Два других дипкурьера со слезами на глазах рассказывают, что и мертвыми их коллеги не выпускали из рук дипломатические вализы. При этом они подумали, что их товарищи были верны своему долгу. Они ставили интересы партии и государства превыше всего. Они были преданы Партии, Родине, Народу и своей дипломатической работе.

1958 год — это важная веха в наших двусторонних отношениях с Мао Цзэдуном. Именно тогда он заговорил с нами таким языком, каким говорят с тем, кого обвиняют в намерении оккупировать твою территорию. Так Мао Цзэдун говорил

с Н. С. Хрущевым, не имея на то никаких оснований. Из описания того, что произошло с китайскими дипкурьерами, следует, что их настраивали подобным же образом.

Линь Сунтянь, начальник управления кадров МИД КНР:

Будучи дипломатом, можно думать об этом приземленно. Но иной раз ты, будучи дипломатом, ощущаешь, что ты представляешь наш народ, миллиард триста миллионов человек, представляешь такое мощное государство, и если при этом ты заслуживаешь признание народа-партнера, ты в душе чувствуешь себя по-иному.

Сунь Юйси, посол КНР в Италии:

В мирное время передовая борьба за защиту интересов государства проходит там, где ведется дипломатическая работа. В этой работе многое побуждает меня испытывать гордость, причастность к выполнению священной миссии.

Хотя и говорится, что мы выполняем такую работу, о которой не принято спрашивать, потому что это работа на границе, однако то, что мы делаем, — это касается сердцевины интересов государства. Поэтому и говорится, что у каждого есть ощущение ответственности, гордости и того, что мы делаем священное дело.

Работа на границе считается в МИД КНР «сердцевиной интересов государства». Это важно иметь в виду и в настоящее время, памятуя об истории наших взаимоотношений в этой области, а также о том, что и сегодня, и завтра нужно быть предельно внимательным и бдительным в этой работе.

Дай Цинли, зам. руководителя английского сектора службы переводов МИД КНР:

Эта работа влечет меня сильнее, чем деньги. Деньги важны в жизни каждого. Но ведь дело не ограничивается тем, чтобы были деньги. Важнее этого духовные устремления, стремление делать свое дело.

Дипломатическая служба — чрезвычайно священная служба. На работе мы имеем дело с высшими интересами государства. И если для обычных людей любовь к Родине — это простое и безыскусственное чувство, то для нас — это требование, которое носит политический характер, это — часть нашей жизни.

Третий секретарь посольства КНР во Франции:

Когда ты выезжаешь (на работу за границу), то ты представляешь миллиард триста миллионов людей Китая, а это — пятая часть населения Земли. Быть представителем того государства, которое каждый день идет на подъем, это вселяет чувство гордости и славы, несравнимое с чувствами, которые дают другие профессии.

Мысль о том, что китайцев около одного миллиарда четырехсот миллионов человек и что они составляют пятую часть населения Земли, — одна из главных составных частей современной национальной идеи, пропагандируемой КПК. Ощущение принадлежности к этой национальной общности перед лицом остального мира, перед лицом любого человека из остального человечества — вот то, что требуется от дипломатов КНР в настоящее время. На мировой арене от них требуется быть представителями прежде всего нации Китая, а не идей коммунизма или социализма.

Дипломатия Китая прошла славный путь. Особый характер дипломатической службы требует, чтобы многие дипломатические работники служили далеко от родных, жили в других странах. В жертву при этом приносится забота о близких и родных. Особенно это касается тех, кто работает там, где идет война.

Ради священного дела дипломатии Родины они жертвуют своими жизнями и платят за это такую цену, которую обычным людям трудно представить.

Хун Хун, посол в Гвинее-Бисау:

Будучи дипломатическим работником, я вплоть до настоящего времени, а о будущем говорить трудно, считаю, что в основном соответствовал тому, что от меня требуется, но как отец, муж, сын я в основном не соответствовал тому, что положено. Хотелось бы надеяться, что в дальнейшем я это восполню, хотя не во всем. Но разве же можно не делать ту работу, которую мы делаем?

При этом поясняется, что Республика Гвинея-Бисау была провозглашена в результате свержения колониального португальского правления в 1973 году. Тогда же были установлены дипломатические связи с КНР. В 1990 году Гвинея-Бисау

вступила в дипломатические отношения с Тайванем. КНР в этой связи «приостановила» дипломатические отношения. В 1998 году КНР и Гвинея-Бисау восстановили дипломатические отношения.

Срочно назначенный в целях восстановления дипломатических отношений временным поверенным в делах КНР в Гвине-Бисау Хун Хун оказался в «огне войны». Ему пришлось многое пережить. Но он не покинул страну пребывания. В конечном счете обстановка нормализовалась. Посольство КНР получило возможность полноценно работать.

Лю Бивэй, генконсул в Нью-Йорке:

Бывает, что родители состарятся, станут немощными. А ты не можешь о них позаботиться. Бывает, что и в последний путь проводить не приходится.

Таково наше приношение государству и народу. Наши дипломаты верны Родине, народу.

Люди обычно считают, что дипломатическая работа — это великое дело, это то, что связано с интересами государства. Однако в последние годы с дипломатии Китая снят покров таинственности. Люди все более ясно видят, что дипломаты делают реальные дела для государства, для народа.

Они руководствуются при осуществлении дел государства мыслью о том, что «человек должен быть в основе всего и вся», что «дела государства должно делать для народа». Они защищают законные интересы граждан Китая за рубежом. И это уже стало важной миссией дипломатов Китая.

Формально и официально в настоящее время в КНР подчеркивают, что дипломатия Нового Китая служит интересам народа Китая.

Здесь слышится переключка с установкой о том, что войны Нового Китая также велись в интересах народа Китая.

Войны и дипломатия КПК — КНР в настоящее время продолжают трактоваться как войны и дипломатия Нового Китая, то есть того Китая, который был создан Мао Цзэдуном, его приверженцами и последователями. Из этого, в частности, следует полное оправдание всех войн и всей дипломатии Мао Цзэдуна.

В формулировке «Дипломатия Нового Китая служит интересам народа Китая» просматривается особая обеспокоенность руководителей КПК состоянием отношения населения Китая к правящей в КНР политической партии и руководимому ею государству.

Акцент на связи народа и партии, народа и государства делается именно потому, что ныне нельзя не только не говорить об этом, нельзя не говорить о недостатке такой связи, но нельзя оставлять дело в прежнем положении, то есть в том положении, к которому оно пришло сегодня. Считается, что что-то надо делать для того, чтобы в народе изменилось отношение к номенклатуре, ее чиновникам, в том числе к сотрудникам дипломатической службы. Отсюда и рождается установка на то, что дело осуществления внешних связей Новым Китаем *«должно опираться на народ всей страны»*. Собственно говоря, именно осознанием и ощущением того, что такая связь либо отсутствует, либо в серьезной степени подорвана, и вызвано появление, в частности, и этого пропагандистского документально-хроникального кинофильма или телефильма.

Об этом и говорит нынешний министр иностранных дел КНР.

Ян Цзечи, министр иностранных дел КНР:

Дипломатия Китая стоит на службе интересов государства. В том числе интересов безопасности и развития. Конечно, самое основное — это защита суверенитета и территориальной целостности нашего государства. Наши интересы государства и интересы народа полностью едины. Дипломатия Нового Китая служит народу Китая.

Наша дипломатия должна опираться на народ всей страны. Это — наша опора. Наша дипломатия также вобрала в себя мудрость народа всей страны. В настоящее время, в новом веке, на новом этапе народ всей страны проявляет все большую заботу о дипломатической деятельности.

Наше государство бурно развивается. Народ Китая выходит в мир, предприятия Китая выходят в мир. Мы в широких масштабах завязываем дружеские связи. Мы прикладываем наши усилия именно ради того, чтобы продвигать вперед строительство и дело создания гармоничного мира. Поэтому в настоящее время мы тем более должны подчеркивать, что дело

осуществления Китаем своей дипломатии (своих внешних связей) должно опираться на народ всей страны, что это дело должно вбирать в себя мудрость народа всей страны. Поэтому в области дипломатии необходимо действовать ради народа.

Ситуация в современном мире характеризуется развитием связей между всеми странами, что именуется обычно процессом глобализации.

Одновременно с этим в мире происходит процесс самоутверждения наций. Это связано и с изменениями внутри каждой страны, и с возникновением проблем, касающихся тех стран, которые имеют свои интересы в той или иной стране.

Наконец, для современной обстановки в мире характерен процесс взаимного приспособления друг к другу, в данном случае КНР и остального мира, остального мира и КНР. Это трудный процесс. Кардинального решения возникающих в этой связи вопросов пока не видно.

Государству на континенте Китая приходится все чаще спасать своих граждан, попадающих в сложное положение в других странах.

В последние годы граждане КНР за рубежом попадают в сложное положение, о чем становится известно. Террористические акты, стихийные бедствия, неожиданные несчастия, социальные беспорядки — все это возникает в мире повсеместно. Часто затрагивает людей Китая. Помимо потрясения и изумления люди в связи со всем этим обращают внимание на то, что тогда, когда граждане Китая, находящиеся далеко от Родины, попадают в затруднительное положение, они все чаще своевременно получают существенную помощь и поддержку со стороны правительства КНР. Когда приходится иметь дело с такими вещами, люди слышат голос правительства Китая. Видят, что дипломатия КНР спешит на помощь.

Вэй Вэй, начальник консульского управления МИД КНР:

Вы знаете, что работа в нашем консульском управлении состоит в том, что мы должны быть в готовности, ожидать приказа 24 часа в сутки, быть в готовности выполнить приказ 365 дней в году и без отпусков. И в выходные дни мы тоже не можем уехать из Пекина. Я требую от наших работников, в том числе от руководителей всех рангов, быть в готовности 24 часа в сутки.

Работник консульского управления:

Вызвали, тут же явись; явился, будь в состоянии воевать; взялся воевать, войой до победы.

Снова и снова в фильме возникает ощущение связи между современной трактовкой войн Нового Китая и дипломатии Нового Китая. Сотрудников дипломатической службы КНР, да и все население страны, ориентируют на то, что состояние войны, состояние военной готовности должно считаться нормальным и обычным состоянием. Вот и дипломатическая служба видится под этим углом зрения как поле боя, а дипломатический сотрудник считается бойцом дипломатического фронта: вызвали, тут же и явись; явился, будь в состоянии воевать; взялся воевать, войой до победы.

Каждый раз события, происходящие за рубежом, — это испытание способности правительства Китая реагировать на кризис. В большинстве случаев все происходит внезапно. Это требует от дипломата обладания острым чутьем на кризисы.

Лю Бивэй, в прошлом генконсул в Нью Йорке, посол в Ирландии:

Все это требует от нас в каждом соотечественнике видеть родного человека, нашего человека, помогать ему, как себе. Должным образом подойти к вопросам и должным образом решать проблемы можно только при таком взгляде на вещи.

Люди своей кровью и потом взрастили и воспитали нас. Мы представляем государство. И если тогда, когда что-то случается с нашими гражданами, с нашими соотечественниками, мы не способны эффективно защитить их, то это означает, что мы не способны проявить мощь и величие нашего государства, воплотить в жизнь гармонию; это означает, что мы теряем лицо как профессионалы.

Обращает на себя внимание связь понятия гармонии с вопросом о защите прав и интересов граждан КНР, китайцев по крови, находящихся за пределами КНР. Здесь лишний раз подчеркивается мысль о единстве нации Чжунхуа, нации Китая, о том, что именно идея нации Чжунхуа, нации Китая и есть национальная идея современного Китая.

Вэй Вэй, начальник консульского управления:

Надо добиваться того, чтобы наши соотечественники из Сянгана и Аомэня, а также соотечественники с Тайваня, находясь за границей, ощущали, что они не сиротки, оказавшиеся в чужих краях, а что у них есть мощная поддержка правительства Китая.

В мире более 240 консульств, несколько тысяч консульских работников. Где бы человек ни находился в мире, он может обратиться к ним за помощью.

Ли Цзиньчжан, заместитель министра иностранных дел:

Практика также подтвердила, что отряд дипломатических работников, находящийся под руководством ЦК КПК, — это отряд тех, кто занимает твердые позиции, кто ведет войну бескомпромиссно, кто никогда не опозорит миссию, которую он выполняет; это те люди, которые обладают прекрасными традициями и стилем работы. Их работа, их жизненный опыт говорят о том, что дипломатические работники беззаветно преданы Родине и Нашему Делу.

Снова и снова подчеркивается, что работники дипломатической службы КНР — это «отряд тех, кто занимает твердые позиции, кто ведет войну бескомпромиссно». Военный стиль считается неотъемлемой частью всей деятельности современной дипломатической службы КНР.

И при этом снова повторяется мысль о том, что главное для дипломатической службы КНР — демонстрировать в мире, проявить мощь и величие нынешнего государства, то есть КНР.

В настоящее время в международной обстановке как раз и происходят сложные изменения, которые носят глубокий характер. Течение эпохи — это мир, развитие, сотрудничество.

Многополярность мира и экономическая глобализация углубляются и развиваются. Научно-технический прогресс день ото дня приносит все новые обновления. Мировая экономика в целом характеризуется ростом; человечество находится перед редким шансом развития.

И в то же время в мире вовсе не спокойно. Вопросы традиционной безопасности по-прежнему существуют. Терроризм, существующее в массовых масштабах оружие массово-

го поражения, загрязнение природной среды, стихийные бедствия, инфекционные заболевания и прочие нетрадиционные угрозы безопасности приобретают все более вызывающий характер; возрастает негативное воздействие экономической глобализации.

Разрыв между Югом и Севером, между бедными и богатыми все более увеличивается. В такой обстановке Китай выступает за укрепление сотрудничества между государствами, за то, чтобы совместно использовать предоставляющиеся возможности (предоставляющийся шанс), дать ответ на вызовы и вместе с народами всех государств строить гармоничный мир, для которого характерны прочный мир и общее процветание.

Ян Цзечи, министр иностранных дел:

В новом историческом периоде объем внутреннего содержания дипломатической работы непрерывно расширяется. На нас лежит важная ответственность за защиту суверенитета, безопасности и развития государства, за продвижение вперед великого дела единства Родины.

Перед дипломатическими работниками стоят трудные и великие задачи, их миссия почетна. Под правильным руководством КПК и при заботе и поддержке народа всего государства мы должны упорно трудиться, мы должны, проявляя непреклонную волю и твердую решимость, творчески работать ради защиты коренных интересов государства. Все-сторонне строить общество малого благоденствия, способствовать миру и прогрессу во всем мире, продолжать вносить тот вклад, который мы обязаны вносить.

Вести самоотверженную борьбу ради того, чтобы превратить государство в богатое и мощное государство, ради счастья народа — вот кредо нескольких поколений бойцов дипломатического фронта.

Эпоха движется вперед. Поколение за поколением демонстрировали свою несравненную преданность Партии, Родине, Народу, безграничную любовь к делу внешних связей Родины. Все это вместе взятое, а также высокое чувство ответственности сформировали славную традицию рядов отряда внешних связей. Перед лицом разного рода волн и испытаний они всегда сохраняли политически трезвую голову, в решающие моменты брали на себя тяжкое бремя, отдавали свою

молодость, свою жизнь ради священного дела дипломатии; все это вписано в историю и в будущее дела внешних связей Китая.

Введение в рассматриваемый кинофильм заканчивается утверждением мысли о том, что речь идет о «бойцах дипломатического фронта», о «рядах отряда внешних связей», который подчиняется партии, находится под правильным руководством ЦК КПК. Их призывают отдавать молодость и жизнь ради священного дела дипломатии, ради мощи и богатства государства.

Первая часть фильма называется следующим образом:

«Работники консульской службы КНР, занимающиеся защитой прав и интересов китайцев за границей».

Часть первая.

10 июня 2004 года в 1 час 20 минут ночи в глухом углу северной части Афганистана объект, строящийся КНР, подвергся атаке террористов. К несчастью, 11 строителей погибли, пятеро были ранены. Около 3 часов ночи в посольство КНР в Афганистане позвонили с просьбой о помощи. Посол в срочном порядке организовал работу по оказанию экстренной помощи. В первую очередь он доложил об обстановке государству. Весть об этом несчастье встревожила председателя государства Ху Цзиньтао, который в этот момент находился с визитом в Европе. Он тут же дал важные указания, потребовав от МИД и от посольства в Афганистане принять все меры и приложить все усилия, чтобы оказать помощь раненым и, соответственно, решать вопросы, касавшиеся пострадавших, а также гарантировать жизнь и безопасность других работников.

Вопрос о китайцах за границей приобретал остроту и массовость. Известно, что в связи с событиями в Киргизии в первом десятилетии XXI века властям КНР пришлось эвакуировать из Киргизии на самолетах 3 тысячи человек.

В 2011 году из-за событий в Ливии, где произошли выступления против Каддафи, власти КНР, осуществлявшие до той поры ряд проектов и покупавшие нефть (а также, как утверждали некоторые СМИ, продолжавшие продавать оружие Каддафи, в чем их упрекали повстанцы), были вынуждены за несколько дней (с 21 февраля по 5 марта) вывезти из Ливии

35 860 граждан КНР. При этом появились сообщения о том, что в то время в мире на объектах, к которым имела отношение КНР, работали до миллиона китайцев.

Заместитель министра иностранных дел КНР Сун Тао в связи с событиями в Ливии говорил: «То, что граждане и предприятия КНР выходят за границу, неизбежная тенденция. Наш защитный зонтик будет расширяться туда, где есть наши внешние интересы».

В связи со срочной эвакуацией китайцев из Ливии председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао дали указания:

«Всеми средствами гарантировать безопасность наших людей, всеми средствами гарантировать безопасность нашего имущества и всеми средствами защитить интересы нашего государства».

В печати КНР в этой же связи появлялись заявления: «Человек превыше всего» и «Мы гордимся тем, что мы — китайцы». («Жэньминь жибао», 7 марта 2011 года.)

Все это говорит о том, что процесс взаимного приспособления китайцев к остальному миру и остального мира к китайцам — это трудный и длительный процесс. Какие формы будут принимать столкновения между жителями той или иной страны и китайцами, действующими в интересах государства, пока трудно предсказать.

Следует подчеркнуть одно: внешняя политика КНР во всех ее существенных проявлениях — это политика руководства ЦК КПК, а не действия отдельных граждан КНР. Партнерам Китая приходится и придется иметь дело с китайским государством, с его мощью и методами.

Телефонистка:

Здравствуйте. Это консульское управление. МИД. Скажите, пожалуйста, в какой помощи вы нуждаетесь. Сообщите в ближайшее консульство КНР. Попросите сотрудников консульства оказать вам содействие.

Вэй Вэй, начальник консульского управления:

Все 24 часа в сутки находиться в состоянии ожидания приказа; все 365 дней в году находиться в состоянии ожидания приказа.

Чэнь Сюнфэн, заместитель начальника центра по защите прав и интересов граждан КНР консульского управления МИД:

Если тебя вызвали, явись немедленно; явился, будь в состоянии вступить в бой; вступил в бой — веди его до победы.

Приходится только повторить, что во взаимоотношениях с китайской стороной играет роль каждое слово, каждая формулировка.

В данном случае обращают на себя внимание слова «приказ», «вступить в бой», «вести (бой) до победы».

Для сотрудников дипломатической службы КНР, для этих бойцов дипломатического фронта их работа, с точки зрения руководства КПК — КНР, должна быть продолжением «войн Нового Китая» на полях дипломатических сражений.

В апреле 2004 года на островах Индонезии вспыхнули самые серьезные беспорядки с той поры, как 4 года тому назад Восточный Тимор получил независимость.

25 мая в столице Восточного Тимора городе Дили снова открыли огонь и беспорядки усилились. Более 20 человек погибли, десятки были ранены. Церкви, аэродром переполнили беженцы. Более 200 встревоженных и не могущих успокоиться людей из структур на китайском капитале и граждан КНР, проживавших там, укрылись в здании посольства КНР.

Продолжительные беспорядки угрожали жизни и безопасности граждан КНР, которые там находились.

26 мая МИД КНР привел в действие механизм оказания срочной помощи. С одной стороны, было в срочном порядке проведено совещание различных организаций, в том числе министерства общественной безопасности, министерства гражданской администрации, министерства финансов. С другой стороны, были даны указания посольству КНР в Восточном Тиморе провести подготовку к эвакуации граждан КНР.

29 мая два гражданских самолета, зафрахтованных правительством КНР, приземлились в международном аэропорту в Дили.

В это время в центре по руководству эвакуацией граждан КНР первая в КНР структура, предназначенная специально для консульской защиты прав и интересов граждан КНР, то есть отдел консульского спасения консульского управления

МИД КНР провел церемонию по случаю своего создания в соответствии с ранее утвержденным планом.

Вэй Вэй, начальник консульского управления:

Это был день, исполненный исключительно важного смысла. Почему? Потому что это был день, когда работа по эвакуации граждан с Восточного Тимора достигла своего пика.

За день до этого мы работали и ночью. Тогда министр Ли участвовал в церемонии официального создания нашего отдела спасения. При этом не присутствовали два заместителя начальника управления. Отсутствовали и некоторые рядовые работники. Все они в составе двух рабочих групп отправились на передовую. Поэтому я и ощутил, что этот день имел чрезвычайно важное значение.

Самолет сейчас приземлится на аэродроме в Дили.

Прибытие второго самолета для эвакуации граждан КНР.

По трапу спускается заместитель начальника консульского управления. Его встречает посол в Восточном Тиморе.

В это время 200 граждан КНР и работники предприятий на китайском капитале были благополучно доставлены из посольства в аэропорт.

«Здравствуйте, здравствуйте. Не волнуйтесь. В двух самолетах 240 мест. Нам только что сказали, что вас 241 человек. Мы всех разместим».

Эвакуации ожидали более 200 человек. Среди них были работники предприятий на китайском капитале. Подавляющую часть составляли новые граждане КНР, имевшие паспорта КНР. Кроме того, около 30 человек были китайцами по национальности с паспортами Восточного Тимора, Индонезии, Филиппин. Они добровольно сели в зафрахтованный правительством КНР самолет и были эвакуированы.

Самому младшему было 3 месяца.

Дома была специальная группа, которая готовила встречу. Сейчас все уже готово.

«Мы знаем, что среди вас много людей из Хэнани, а также из Фуцзяни, Гуандуна, Гуанси. Всех будут встречать».

Все успокоились. Держа в руках флаги КНР, поднялись на борт.

«Приветствуем вас на борту зафрахтованного и присланного нашей Родиной для встречи соотечественников самолета. На борту есть еда и напитки.

Посол сообщил нам, что за те три дня, что вы были в посольстве, вы съели почти все, что посольство запасло из еды на несколько месяцев. Если бы самолеты не прилетели, могли бы возникнуть осложнения. Теперь вы можете успокоиться».

Эвакуированные благополучно вернулись на родину. Были тепло встречены заместителем начальника консульского управления, а также властями Фуцзяни, которые подготовились к встрече.

«Увидев, что вы благополучно вернулись на родину, мы обрадовались».

Встречали представители 18 провинций. Встречали как родных и друзей. Это был праздник.

Один из вернувшихся:

Сегодня наша КНР стала сильной, способна на зафрахтованном самолете доставить нас сюда. Мы очень рады и очень благодарны нашему государству.

Речь идет о китайских предпринимателях, которым оказалось опасно оставаться там, где они до того находились. Речь идет не только о гражданах КНР, но и о китайцах по крови, которым в случае необходимости срочно выдавали паспорта граждан КНР.

Так проявляется на практике тезис о «нации Китая», о ее «единстве», о ее «возрождении».

Думается, что всем странам, в которых могут возникать подобные обстоятельства, нужно быть готовыми к тому, что китайское государство будет защищать свои интересы и своих людей всеми способами, которые имеются в его распоряжении.

В последние годы безопасность людей Китая, находящихся за рубежом, становится проблемой, которой уделяется большое внимание. Из-за того что в некоторых государствах политическая обстановка нестабильна, общества бурлят, и сами граждане КНР, и их имущество, их права и интересы подвергаются опасности, такие случаи время от времени возникают.

За месяц с небольшим до эвакуации граждан КНР из Восточного Тимора возникли серьезные беспорядки на Соломоно-

вых островах, с которыми КНР еще не установила дипломатические отношения. Правительство КНР в течение трех дней взяло в аренду 4 самолета и эвакуировало около 400 человек.

Спустя месяц после эвакуации граждан КНР из Восточного Тимора возник конфликт между Ливаном и Израилем. Несколько дней там вели огонь. Находившиеся в Ливане сотрудники посольства КНР, надев пуленепробиваемые жилеты, повсеместно разыскивали граждан КНР. Большая часть была вывезена из Ливана.

Судя даже по фактам, о которых здесь говорится, такого рода ситуации становятся обычным делом в практике работы внешнеполитического ведомства КНР. В связи с этим даже в тех странах, где пока не возникали острые ситуации такого рода, необходимо быть готовыми к действиям китайской стороны.

Китайцы по крови во всем мире были потрясены целым рядом крупномасштабных и высокоэффективных эвакуаций соотечественников. СМИ Сянгана в ходе возникшей дискуссии в обществе говорили о том, что правительство КНР разрабатывает в Пекине такие стратегические планы, действие которых распространяется на десятки тысяч ли. В короткий срок освободило из ада соотечественников, которые оказались в таком положении. Все это показывает, что правительство КНР уже добилось громадного прогресса. Из этого следует, что все китайцы по крови гордятся нашей Родиной, которая стала мощной и добилась прогресса, а также является несокрушимой опорой всех граждан КНР, находящихся за границей.

Вот национальная идея нынешних КПК и КНР — общность всех китайцев в мире по крови, кровь китайцев, объединяющая их в одну мировую общность.

Из этого для них, согласно мысли, в частности, авторов фильма, должно следовать то, что все китайцы должны гордиться своей кровью, которая их объединяет. Все китайцы должны гордиться государством, которое стало мощным и способно стать несокрушимой опорой всех китайцев по крови, всех граждан КНР, находящихся за границей.

Под кровью, которая объединяет китайцев, при этом, разумеется, возможно, в первую очередь понимается их нена-

висть к тем внешним силам, к тем не китайцам по крови, которые на протяжении последних полутора столетий, с 1840 года, унижали Китай, неравноправно относились к Китаю, оскорбляли национальные чувства китайцев, захватывали земли Китая, эксплуатировали богатства Китая и самих китайцев, угнетали китайцев, в том числе и на территории самого Китая.

Неудовлетворенная ненависть, неудовлетворенное отщепенство китайцев по крови не китайцам по крови — вот национальная идея, к которой призывают в своей пропаганде внутри Китая и китайцев, проживающих за пределами КНР, власти нынешнего китайского государства и правящей в нем политической партии.

Что же делать в такой ситуации?

Так сложилась жизнь на планете Земля, что самой большой национальной общностью, самой многочисленной национальной общностью на Земле к настоящему времени оказались китайцы по крови. И это невозможно изменить. Во всяком случае, в обозримом будущем это будет оставаться именно так.

Конечно, в Китае находились, находятся и могут находиться политические силы, которые играют на этом обстоятельстве, чтобы на такой национальной идее сохранять свою власть над современным китайским государством.

В частности, Коммунистическая партия Китая и изначально включала в себя тех, в ком как бы генетически была заложена эта национальная идея. Но все-таки она прошла путь от первоначального признания марксизма, классовой солидарности, пролетарского интернационализма к общности всех китайцев в мире по крови.

Думается и хочется надеяться, что это — временное помутнение разума. В Китае в прошлом, в настоящем и в будущем были, есть и будут разумные люди, которые не будут руководствоваться ненавистью и враждой к не китайцам по крови.

Сама жизнь на Земле заставит всех людей терпимо относиться друг к другу, приспособливаться друг к другу, сожительствовать, сосуществовать и жить вместе, исходя из того, что человечество — это разнообразие в единстве, или единство в разнообразии, независимых и равноправных народов, у которых одна и та же человеческая кровь. Нет в мире никаких разных кровей. Нет китайской крови и не китайской крови. Есть одна кровь — кровь человека, кровь человечества.

Хотелось бы, чтобы в Китае, то есть среди тех людей, которые являются самой многочисленной национальной общностью на планете, это понимание пришло как можно раньше.

Обложка книги Цзян Тинфу (в свое время посла правительства Чан Кайши в СССР) под названием: «Новая история Китая».

(Далее, вероятно, текст авторов фильма с вкраплениями из этой книги.)

Защита консульской службой КНР прав и интересов китайцев прошла путь от полного ее отсутствия до ее наличия.

И хотя еще в 1870-х гг. цинское правительство и начало учреждать консульства за рубежом, однако Китай того времени в своих консульских сношениях с зарубежными государствами никак не мог добиться равного к себе отношения. Тут нечего и говорить о защите прав и интересов китайцев за границей.

После создания Нового Китая были аннулированы все неравноправные договоры. В июле 1979 года наше государство вступило в «Венскую конвенцию о консульских сношениях». За истекшие с того времени более 20 лет в ходе осуществления политики реформ и открытости по мере день ото дня становящегося все более явным мирного развития Китая правительство КНР, руководители партии и государства уделяют чрезвычайно большое внимание консульской работе по защите прав и интересов граждан КНР и китайцев по крови, находящихся за границей.

В последние годы председатель Ху Цзиньтао, премьер Вэнь Цзябао постоянно дают важные указания в связи с важными событиями. С той целью, чтобы специально реагировать на серьезные кризисы, в ноябре 2004 года МИД КНР возглавил процесс создания «Системы совместного совещания на уровне министров по работе в целях защиты прав и интересов граждан Китая и соответствующих структур Китая, находящихся за границей» с участием министерства коммерции, министерства гражданской администрации, министерства общественной безопасности и других учреждений Госсовета КНР.

Во всех подразделениях МИД КНР, а также в более чем 200 консульствах за границей повсюду в мире также созданы структуры экстренного реагирования, и таким образом в мировых масштабах создана относительно завершенная и успешно разрешающая кризис за кризисом эффективная система экстренного реагирования.

Представляется, что опыт КНР в области защиты своих граждан, находящихся за границей, в частности, заблаговременная разработка соответствующих правительственных постановлений и создание совместных координационных органов ряда заинтересованных министерств и ведомств, совершенствование структуры консульской службы — все это заслуживает внимания и применения соответствующим образом в наших условиях.

Предложенная здесь трактовка миссии дипломатии и дипломатической службы Китая составлена так, чтобы сделать ее безупречной с точки зрения современного общего взгляда на международные отношения. И в то же время так, что в этом проступает желание априори защитить внешнюю политику КНР от упреков. Скрыть ее слабые места. Отгородить поле власти КПК внутри страны от вероятных, с точки зрения руководителей КНР, «нападок» на эту власть и ее действия «со стороны», извне Китая.

Иными словами, перед читателями «щит», которым КПК прикрывает свою реальную политику.

В то же время в этих формулировках просвечивает и то, что реально беспокоит китайских руководителей, а также и их подлинные устремления и намерения.

В пропаганде деятельности дипломатии КНР, реального осуществления той миссии, которую на нее возлагает руководство КПК, на первый план выносятся работа консульской службы.

Утверждается, что сегодня КНР наконец-то стала настолько мощной, что она теперь, в отличие от всех предшествующих времен, способна защищать китайцев, находящихся за границей, тогда, когда им требуется помощь государства.

Генеральное консульство в Нью-Йорке — это самое большое консульство КНР во всем мире. Консульский округ обнимает северо-восток США и включает 18 штатов. Здесь скон-

центрированы 1,2 млн китайцев по крови и граждан КНР, проживающих там постоянно; очень много также тех, кто временно находится на территории округа.

Консульства КНР по горло загружены делами, возникающими во взаимоотношениях китайцев с американскими властями.

В Аргентине ныне проживают 65 тысяч китайцев. В их руках находится 35 % розничной торговли в Буэнос-Айресе. Профсоюз аргентинских водителей отказался обслуживать китайские супермаркеты. Причина: недоговоренность по оплате услуг и характер взаимоотношений между китайцами и аргентинцами.

В мире во все возрастающей степени встает вопрос о взаимном приспособлении китайцев и остальных частей человечества. Эта проблема выдвигается на одно из первых мест для китайской дипломатической службы.

В последние десятилетия активно идет процесс расширения связей КНР с государствами Африки. При этом китайским дипломатам приходится работать в трудных условиях, часто в обстановке военного времени.

Одним из основных направлений внешней политики КНР является поддержание и углубление связей с мусульманскими государствами.

В частности и прежде всего имеются в виду отношения с Пакистаном. Они характеризуются в КНР как «дружба между народами». Пакистан называют «дружественным соседом Китая», государством, которое, не считая социалистических стран, одним из первых установило дипломатические отношения с КНР, а также государством, с которым КНР разрешила вопрос о границе.

Особенно подчеркивается роль президента Пакистана, который в 1970 году, посетив Пекин, привез тайное послание президента США Р. Никсона. Это произошло, как подчеркивают в КНР, тогда, когда КНР и США стремились установить нормальные отношения. В 1971 году тот же президент Пакистана предоставил свой самолет для полета Г. Киссинджера в Пекин. Этот визит был «самой таинственной» дипломатической акцией в XX веке.

Построенное в порядке помощи КНР Пакистану в годы «культурной революции» в трудных высокогорных условиях на Памире за десять лет напряженного труда Каракорумское шоссе в КНР называют «дорогой китайско-пакистанской дружбы». Отношения Китая с Пакистаном называют особыми, утверждая, что это «не просто дружба, а близость», о чем говорят и в городах, и в деревнях Пакистана.

Подчеркивается и тот факт, что Пакистан в начале нынешнего столетия оказался в сложном положении в связи с началом войны США в Афганистане против талибов, а также в связи с усилением напряженности в отношениях с Индией. Многие страны вывели тогда свои посольства из Пакистана. Китай не сделал этого. Китайско-пакистанская дружба скреплена совместной борьбой против террористов, которые захватывали и убивали в Пакистане граждан КНР.

Посла КНР в Пакистане считают «послом номер один» в дипкорпусе. Посол КНР даже раньше пакистанских военных прибыл на место землетрясения и сам оказывал помощь пострадавшим.

В КНР также делают упор на важности отношений с такой мусульманской страной, как Афганистан. При этом отмечают, что *«в 1979 году СССР ввел войска в Афганистан. С той поры началась 23-летняя война в Афганистане»*. В 2002 году США начали войну в Афганистане как следствие событий 11 сентября 2001 года и нанесли поражение талибам, было создано правительство Карзая. Китай, не дожидаясь конца войны, направил посла в Афганистан, первого посла за 23 года войны.

При этом говорится и о том, что в КНР с той поры, как СССР ввел войска в Афганистан, внимательно изучали обстановку.

В 1980-х гг. в США эксперты КНР и США обменивались мнениями о том, как решить афганский вопрос.

В настоящее время отношения между КНР и Афганистаном таковы, что Карзай установил дружественные отношения с послом КНР и, в отличие от реакции на все иные приглашения, принял приглашение и посетил посольство КНР в Кабуле.

Совершенно очевидно, что во внешней политике КНР твердо взяли курс на установление, развитие и углубление от-

ношений с мусульманскими государствами, причем в увязке с действиями США против талибов в Афганистане.

В 2006 году после десятилетнего перерыва состоялся первый визит главы китайского государства Ху Цзиньтао в Индию. В Китае утверждают, что этим визитом КНР и Индия стремились показать всему миру, что Китай и Индия — это друзья, что они намерены осуществлять стратегическое партнерство и прокладывать путь к сотрудничеству двух миллиардов четырехсот миллионов человек.

Думается, что можно ожидать приложения Китаем дальнейших усилий к налаживанию взаимоотношений с Индией, причем именно на двусторонней основе, а не только в связке Россия — Китай — Индия. Здесь контакты будут продолжаться, но главное внимание Китай и в этом случае (как, впрочем, в случае с ШОС) уделяет двусторонним отношениям.

В КПК — КНР традиционно ценят важную роль, которую играют «дипломатические переводчики», те, кто переводит руководителей государства. При этом руководители во многих случаях до начала переговоров беседуют с переводчиками, помогая им глубже понять ситуацию и свои замыслы. Это делал в свое время Мао Цзэдун.

Работа переводчиков пропагандируется на примере Чжан Цзяньмина, который переводит беседы с англоговорящими партнерами.

При этом рассказывается о том, что президент США Дж. Буш приурочил начало своего визита в КНР в 2002 году к 30-й годовщине приезда Р. Никсона в Пекин для встречи с Мао Цзэдуном. Дж. Буш побывал на Великой Китайской стене, где интересовался, до какого места дошел Р. Никсон, сказав, что он непременно хочет сделать еще несколько шагов вперед по этому пути.

От переводчиков КНР требуют не только быть профессионалами, но и глубоко понимать политический курс и политику партии и государства.

Переводчику приходится идти на жертвы. Чжан Цзяньминь работал в 2000 году, когда состоялся визит государственного секретаря США М. Олбрайт в Пекин, хотя в эти дни у него родился сын. Он работал в 2005 году в Москве, когда

Ху Цзиньтао был там наряду с президентом США, а «весь мир смотрел на руководителей Китая». В это время был болен отец Чжан Цзяньминя.

Отмечается, что тогда «в России отмечали 65-ю годовщину победы в мировой антифашистской войне, в которой участвовала Россия». Больше ничего о нашей Великой Отечественной войне в этом китайском телефильме не говорится.

Нынешний министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в свое время переводил Дэна Сяопина. Ян Цзечи говорил, что «переводчик — это мост, и от того, хорош ли он, зависит, правильно ли и всесторонне ли мы пропагандируем наш курс и политику».

В свое время министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь сделал каллиграфическую надпись: «Перед дипломатическими переводчиками самое широкое поле деятельности».

В МИД КНР сначала существовала группа переводчиков, потом ее расширили до отдела. Это подразделение — самое молодое по возрасту, в основном там работают люди до 30 лет. В Китае планомерно поколение за поколением готовят кадры дипломатических переводчиков, исходя из того, что их «отряд — это особый отряд на службе государству». Считается, что переводчики находятся «на передовой линии» и что они «внесли ценный вклад в дело Нового Китая».

В китайской дипломатии традиционно придавалось и придается значение протокольной работе.

В 2006 году было проведено самое крупное за историю КНР протокольное мероприятие — Пекинский саммит Форума китайско-африканского сотрудничества, — в котором приняли участие более 40 глав африканских государств. Девизом этой встречи на высшем уровне стали слова: мир, развитие, дружба, сотрудничество. Выступая перед участниками саммита, Ху Цзиньтао говорил: «У Китая и Африки общая судьба и общие цели. Китай всегда будет хорошим другом, хорошим партнером, хорошим братом Африки».

Африканское направление в современной дипломатической деятельности Китая стало одним из основных. Успехи на этом направлении приносит, в частности, организация протокольной службы с учетом одновременно традиций Китая и привычек, существующих в Африке.

Протокольная работа — важная составная часть дипломатической работы. Главное в этом комплексе — это его политическая составляющая. От работников протокольной службы в КНР требуется не только профессионализм, но и знание обстановки в той или иной стране, а также состояния взаимоотношений КНР с данной страной. Протокольную работу в КНР сравнивают с той «витриной», по которой иностранцы судят о Китае, называют ее тем «термометром», которым можно измерить температуру двусторонних отношений.

В КНР сегодня подчеркивают, что *создание Нового Китая открыло новую страницу в истории дипломатии НАЦИИ Китая.*

Итак, вот и прямое заявление о том, что дипломатия КНР — это дипломатия Нового Китая, «дипломатия нации Китая».

Современные руководители КПК хотели бы, чтобы и внутри Китая, население Китая, и за пределами Китая, во всех государствах земного шара, дипломатию КНР воспринимали бы как дипломатию нации Китая. Понятия «социалистическая страна», «самобытный социализм Китая», «китаизированный марксизм» оставляются теперь исключительно для внутреннего китайского, а то и даже внутреннего партийного использования.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай с беспрецедентным размахом и смелостью основали внешнеполитический курс и внешнюю политику Нового Китая, выпестовали совершенно новую когорту дипломатических кадровых работников.

В первый период после создания Нового Китая Мао Цзэдун во главе делегации Нового Китая нанес визит в СССР, что сыграло активную и важную роль в деле защиты мира на Дальнем Востоке и во всем мире. В ходе этого визита была проделана большая протокольная работа.

О защите мира на Дальнем Востоке тут говорится, а о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР не упоминается.

Вслед за тем, по мере того как с нами (с КНР) устанавливали отношения все больше государств, объем дипломатической работы увеличивался, и понадобилось в кратчайший

срок создать отряд тех, кто был способен воплощать принципы нашей политики и выполнять важные задачи, выдвигавшиеся на повестку дня.

В 1955 году под личным руководством премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая был выделен протокольный отдел. Чжоу Эньлай детально занимался этой работой, сам отбирал кадры для нее.

В конце 1960-х гг. уже более 50 государств установили отношения с КНР.

Тогда Китай уже стал той важной силой, которая независимо высилась помимо США и СССР.

Итак, авторы фильма внушают зрителям своей картины в Китае, что главным внешнеполитическим достижением Мао Цзэдуна следует считать то, что в конце 1960-х гг. КНР *«уже стала той важной силой, которая независимо высилась помимо США и СССР».*

На самом деле в конце 1960-х гг., в 1969 году, Мао Цзэдун подготовил и развязал «пограничную войну» против нашей страны и на нашей крови построил сближение с Вашингтоном.

Председатель Мао в международной обстановке того времени уловил непрерывно посылавшиеся США сигналы о желании улучшить отношения, прозорливо урегулировал политику в отношении США.

В 1971 году Г. Киссинджер в качестве личного представителя президента США совершил секретный визит в КНР. Так как тогда еще не хватало понимания между странами, Китай того времени в глазах государств Запада по-прежнему был таинственным местом. Киссинджер даже сравнивал себя с Марко Поло, который побывал в Китае несколько столетий тому назад. Г. Киссинджер дал своему визиту в Китай название: «Поло № 1».

Подготовка к приему Г. Киссинджера велась в секрете. Те, кто в ней участвовал, на время просто как бы «исчезали с лица земли».

В фильме его авторы стараются внушить зрителям в КНР, что «операция» по сближению с Вашингтоном должна особенно цениться благодаря тому, что ее удалось держать в

секрете. Здесь используется склонность читателей и зрителей в Китае любоваться тайнами закулисной жизни правителей государств.

ПАРТИЯ, НАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО, РОДИНА, НАРОД, КРОВЬ — единство этих понятий предлагается в фильме как национальная идея, ради которой должны работать, в частности, сотрудники дипломатической службы КНР.

Здесь применяется такой прием воздействия на зрителей телефильма, как пропаганда своей внешней политики на примере реальных дел реальных людей. Прежде всего в качестве таких реальных людей зрителям представлены ряд послов КНР.

Посол, работавший под бомбами с низким содержанием урана.

Здесь рассказана необычная история посла КНР в Республике Македонии Чжан Ваньсюе.

Он родился в январе 1954 года. Окончил институт. С 1976 года на дипломатической работе. Работал в МИД КНР. Прошел путь от рядового сотрудника, третьего, второго секретаря до первого секретаря. Был назначен советником в посольстве КНР в Болгарии. Затем был советником отдела государств Восточной Европы и Центральной Азии. Наконец, был назначен послом КНР в Македонии. В настоящее время работает послом КНР в Болгарии.

9 июня 1999 года самолеты НАТО сбросили бомбы с низким содержанием урана. Район Косова — Македонии оказался заражен радиоактивными веществами.

Сведения о такого рода бомбах имелись. Однако не думали о том, насколько это серьезно.

Из 18 сотрудников посольства КНР в Республике Македонии 12 пострадали, подверглись этому заражению.

Чжан Ваньсюе, посол в Македонии:

Когда я туда приехал, местные СМИ время от времени писали о том, что во время бомбардировок на Косово было сброшено много бомб с низким содержанием урана. От радиоактивных веществ пострадали люди.

Такие бомбы производятся главным образом из веществ с низким содержанием урана. Из этого сырья изготавливаются авиационные бомбы, артиллерийские снаряды или пули.

В международном сообществе всегда велись споры относительно как разработки и производства, так и применения бомб, которые изготавливались главным образом из веществ с низким содержанием урана.

Некоторые специалисты указывали на то, что термин «низкое содержание» применяется исключительно для того, чтобы отделять их от атомной бомбы. По воздействию на людей и на окружающую среду это те же ядерные вооружения без каких-либо скидок. Хотя это не ядерная бомба, способная сравнять город с землей, ее разрушительное воздействие нельзя недооценивать.

Пань Чжицян, военный атташе посольства КНР в Македонии, полковник:

Эти вещества самым серьезным образом проникают и в водную среду, и в почву. Бомба с низким содержанием урана — это не то оружие, которое взрывается сразу после сбрасывания. Тут имеет место длительный процесс. Судя по имеющимся материалам и разъяснениям специалистов, первая малая волна заражения действует спустя 5–7 лет после того, как бомба сброшена. В свое время в македонской печати писали о том, что следствием такого заражения является рак: рак кожи, рак грудных желез, рак матки. После применения этого оружия число заболеваний этими болезнями выросло в несколько раз.

Воздействие этих бомб на сотрудников посольства вышло за пределы предположений Чжан Ваньсюе. Поражение становилось все серьезнее. Терпеть боль было невозможно. Болезнь кожи оказывала воздействие на работу и жизнь Чжан Ваньсюе и сотрудников посольства. Они находились под громадным моральным давлением.

Чжан Ваньсюе:

Под Новый 2005 год у меня кожа покраснела и опухла на ногах.

Пань Чжицян:

Фактически поражены были обе ноги посла и даже поясница. На это невозможно было смотреть.

Сунь Ли, супруга посла:

Сначала я этому не придавала значения. К тому же я весь день была чрезвычайно занята. Он и сам стал реагировать только спустя 3 месяца. Сначала он говорил, что кожа у него чешется. У него она обычно чесалась. Я не обратила на это внимания. Однако потом он целую неделю не смог спать.

Чжан Ваньсюе:

Чесалась кожа так сильно, как будто бы полчища насекомых кусаются и ползают по коже. Один молодой сотрудник посольства, которого это особенно донимало, даже бился головой об стену от боли.

Когда об их заболевании узнали в Пекине, на это обратили большое внимание руководители МИД. Заболевших немедленно отправили домой на лечение. Обратились к знаменитому дерматологу за диагнозом их болезни.

После того как наступило некоторое улучшение, посол Чжан Ваньсюе вернулся в Македонию.

Чжан Ваньсюе:

При таких обстоятельствах мы в посольстве все с удвоенной энергией взялись за работу. Никто не жаловался на трудности. Не просился домой. Никто не говорил: я не хочу здесь работать.

Македония — маленькая балканская страна. Здесь есть просто райские места: красивые горы и реки. Дружелюбный народ.

Начавшаяся в 1999 году война бросила этот «мирный зеленый уголок Балкан», то есть Македонию, в хаос войны. Многочисленные беженцы-албанцы ринулись из Косово в Македонию. Это разожгло разногласия на национальной почве в Македонии.

Чжан Ваньсюе:

В начале 2001 года возникло то, что называли вооруженными столкновениями на национальной почве. Территория Македонии 25 тысяч квадратных километров. В ходе конфликта вооруженные люди захватили треть территории страны. Это означало, что ни армия, ни полиция не имели права заходить в «район кризиса».

18 июня 2001 года министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань и министр иностранных дел Республики Македонии Ирина Митрова подписали в Пекине совместное коммюнике КНР и Республики Македонии об осуществлении нормализации отношений. Это означало нормализацию. Вслед за этим Чжэнь Ваньсюе был направлен вторым в истории послом КНР в Македонию.

Чжэнь Ваньсюе:

Меня назначили послом во время кризиса. Я много лет работал в МИД, много лет работал и в соседнем с Македонией государстве.

На сей раз обстановка была иной. С одной стороны, хаос войны; дело с безопасностью обстояло неважно. С другой стороны, на работников посольства оказывало давление заражение бомбами с низким содержанием урана.

Из-за того, что все откладывалось завершение кровопролитных инцидентов между властями Македонии и албанцами по национальности, главным образом между их политическими партиями, осуществить национальное примирение, прийти к единству было трудно. Сепаратистская активность вооруженных албанцев становилась все более яростной. Национальные противоречия день ото дня обострялись. Все это подвело Македонию к краю гражданской (внутренней) войны.

Чжэнь Ваньсюе:

Сойдя с трапа самолета, покинув аэродром, я сразу же ощутил атмосферу войны и густой запах пороха. По пути из аэропорта в посольство везде можно было видеть вооруженных до зубов солдат и полицейских. На улице даже в богатых кварталах часто встречались патрульные машины с вооруженными людьми, бронемашин.

И хотя уже было подписано мирное соглашение, однако албанские экстремисты продолжали совершать вооруженные нападения на столицу Македонии.

В Скопье и днем и ночью слышались выстрелы. Взрывы на остановках транспорта, взрывы мусорных баков, взрывы в барах происходили каждый день.

Хаос войны создавал серьезную опасность жизни людей и безопасности посольств. Посольства многих государств покидали Македонию.

Чжан Ваньсюе:

Когда я приехал в Македонию, моим главным ощущением было то, что я расстался с родиной, с родными, попал в обстановку войны; все это я сделал для того, чтобы работать. Мной владело страстное желание добиться мира, безопасности, возможности работать в нормальных условиях.

Македония — одна из самых бедных стран Европы. В 1997 году тайваньские власти «взяли на прицел» это государство, переживавшее экономические трудности. Они обещали экономическую помощь в размере миллиарда американских долларов, установили связи с оппозиционными партиями Македонии. В условиях «денежной дипломатии» Тайваня в 1999 году властям Македонии было трудно устоять перед соблазном, и они установили с Тайванем так называемые дипломатические отношения.

Сотрудник посольства КНР в Македонии:

9 февраля 1999 года наши государства приостановили дипломатические отношения из-за вопроса о Тайване. В то время я работал в посольстве. Я своими руками спустил наш пятизвездный красный флаг. Когда я его спускал, у меня выступили слезы... Спустив флаг и войдя в здание посольства, я прошел в консульский отдел, закрыл дверь и зарыдал. До сего дня у меня свежи впечатления об этом. С того времени я все время думал о том, как я снова подниму этот флаг на земле Македонии.

Два года спустя благодаря неустанным усилиям обеих сторон КНР и Македония нормализовали отношения. Это было поражением «дипломатии денег» тайваньских властей. Пятизвездный красный флаг снова реет в небе Македонии.

Чжан Ваньсюе:

Македония в вопросе о Тайване «взошла на борт пиратского судна», и Тайвань там действовал более двух лет. Он не жалел денег, стараясь залучить к себе Македонию. Осуществлял «денежную дипломатию». Этот яд проник очень глубоко и распространился очень широко.

Приехав в Македонию, Чжан Ваньсюе попал в обстановку войны. Для того чтобы как можно быстрее восстановить дружбу, он взялся за дело, невзирая на опасности войны.

Он исходил из того, что добиться успеха в работе можно, только установив добрые рабочие и человеческие отношения с представителями всех слоев населения страны.

Чжан Ваньсюе:

Спустя два месяца после приезда министр внутренних дел Македонии, руководитель самой крупной политической партии Македонии, пригласил меня к себе домой.

У этого человека было много врагов.

Чжан Ваньсюе:

Когда мы приехали, раздались выстрелы. Министру позвонили и сказали, что на окраине его деревни собрались вооруженные бунтовщики.

В тот момент такие вещи случались часто. Хотя в работе встречались многочисленные трудности, но посол Чжан Ваньсюе видел, что народ Македонии всегда питал глубокие дружеские чувства к народу Китая. Узнавая, что перед ними китайцы, македонцы говорили: «Китай. Дружба». Двусторонние отношения покоились на прочной основе народных чувств.

Большинство руководителей Македонии относятся к нам дружественно, начиная с премьер-министра и президента.

Чжан Ваньсюе:

Они очень хотят общаться с китайцами. С Китаем у них общая история, тот же путь. У нас общие задачи: защита суверенитета и территориальной целостности государства, развитие экономики, улучшение жизни народа.

Пять лет, в течение которых Чжан Ваньсюе был послом в Македонии, были наиболее беспокойными. За эти пять лет дважды сменился президент. Трижды национальное собрание. Сменялись, как в калейдоскопе, чиновники министерств. Все это создавало многочисленные препятствия на пути налаживания работы. Чжан Ваньсюе сделал главный упор на установлении связей. Благодаря этому он создал благоприятную внешнюю обстановку для нашей дипломатической работы. Создание им глубоких дружественных отношений сыграло свою роль в ключевые для защиты наших государственных интересов моменты.

Чжан Ваньсюе:

Я чувствую, что в практике работы создание друзей нашего государства, нашего народа дает возможность в еще большей степени пропагандировать наше государство, нашу политику. Добиваться того, чтобы они понимали Китай. Это наилучший путь к тому, чтобы они узнавали Китай, наши взгляды. При этом при возникновении вопросов легко находить необходимых людей и договариваться. Благодаря чему оказывалось возможным делать дело.

В первое время по прибытии в Македонию, стремясь получить больше новостей, овладеть инициативой в установлении связей, Чжан Ваньсюе, которому было около пятидесяти лет, по-прежнему непрерывно и упорно овладевал местным языком.

Чжан Сян, заведующий политической секцией посольства:

Приехав в Македонию, стремясь открыть возможности для работы, завладеть инициативой при установлении дипломатических связей, Чжан Ваньсюе каждый день приходил на работу за час до ее начала и учил македонский язык. Ежедневно прочитывал несколько газет. Он непрерывно слушал известия на македонском языке.

Чжан Ваньсюе:

Я начал учить македонский язык. Язык — канал для работы с иностранцами. Не пожалеешь усилий, появятся и близкие знакомые. Через несколько лет это принесло свои результаты. Зная местный язык, легче работать. Тут ты как бы открываешь окно и можешь получить много разнообразных сведений.

Чжан Ваньсюе в совершенстве владеет болгарским языком, понимает английский и русский языки. Одновременно упорно самостоятельно учит македонский язык. Будучи послом в той или иной стране, он овладел многими рабочими языками, а это не только облегчает работу, но и демонстрирует прекрасные качества высокопоставленного дипломата Китая.

Чжан Ваньсюе:

Благодаря этому обстоятельству, создающему благоприятные условия для работы, я набрался смелости и решил первым из послов публично выступить на македонском языке, тем самым быстро сократил дистанцию между нами.

Чжан Ваньсюе произносит по-македонски:

Углублять дружбу между народами Китая и Македонии, прикладывать усилия в общих интересах наших двух стран.

Чжан Ваньсюе:

Эта небольшая страна чувствует, что тем самым проявляется уважение к ней, она ощущает, что мы пропагандируем Македонию, пропагандируем их культуру, пропагандируем их язык, а следовательно, пропагандируем их страну.

В Македонии построена ГЭС. Пришлось преодолеть много трудностей, сказалась обстановка в ходе войны в Косово. Тем не менее благодаря активной работе посла Чжан Ваньсюе в конце концов в 2004 году первый агрегат официально вступил в строй. На церемонии его открытия присутствовали президент, глава парламента, премьер-министр Македонии. Одно это говорит о значении данной ГЭС для Македонии.

Чжан Ваньсюе:

Можно считать, что строительство этого объекта успешно завершено. Я тоже перевел дух. Оказалось возможным решить ту старую крупную трудную проблему, которая на протяжении длительного времени осложняла двусторонние отношения. Македонская сторона тоже высоко оценила этот факт, назвав эту ГЭС символом дружбы и сотрудничества Македонии и КНР.

Посол Чжан Ваньсюе, работая в суровой, с точки зрения безопасности, обстановке, в трудных условиях, проявлял высокое чувство осознания своей ответственности и порученной ему миссии. Он создал новую обстановку в работе по Македонии.

Однако все эти успехи неразрывно связаны с поддержкой и содействием супруги дипломата.

Ради священного дела дипломатии Родины супруги дипломатов приносят многочисленные жертвы, которые не могут себе представить обычные люди.

Сунь Ли, супруга посла:

Я глубоко осознаю, как не просто быть настоящей супругой дипломата. В какой-то степени тут приходится идти на многочисленные жертвы. Мне довелось встречать многих супругов дипломатов, которые были очень успешны дома

(в КНР), которые были выдающимися профессионалами в своем деле, имели очень хорошую работу. Однако многие жены ради того, чтобы поддержать работу своих супругов, бросали свое дело дома, бросали хорошую работу и отправлялись за границу к месту назначения мужа.

Одновременно с этим им приходилось жертвовать многими родственными чувствами и привязанностями.

В прошлом из-за разнообразных ограничений дети дипломатов часто были оторваны от родителей. Им недоставало родительской любви. Все это сказывалось на их жизни и учебе.

Сунь Ли:

В наше время, в те времена нельзя было брать с собой детей. Это было проблемой для всех работавших за границей дипломатов. Для дипломатов, подолгу работавших за границей, существовала эта проблема.

Чжан Ваньсюе:

В песне поется: «Никого нет в мире лучше мамы». Когда мы возвратились на родину и приехали на северо-восток повидать дочь, которая жила с бабушкой, то наша дочь пела песню, переиначив слова: «Никого нет в мире лучше бабушки». Она все время ждалась к бабушке, чувствовала, что бабушка для нее особенно родной человек. Это вполне естественно. Поначалу наша дочь тоже, возможно, не понимала, что происходит, и думала: «Вот вы уедете. Почему вы оставляете меня дома одну?»

Сунь Ли:

Мы оставляли ребенка дома и уезжали, не решаясь даже повернуть голову и взглянуть, потому что если бы повернули голову, то заплакали бы.

Чжан Ваньсюе:

Я помню, что на 40-й день после нашей свадьбы меня срочно отправили в командировку за границу. Тогда мою жену еще не перевели на работу в МИД. Просто так перейти на другую работу было нельзя. Мне пришлось уехать. Жена осталась одна.

Я чувствую, что если ты дипломат, то при любых обстоятельствах тебе следует выполнять работу, находясь на своем посту, выполнять свои обязанности, свою миссию.

Чжан Ваньсюе приехал в Македонию тогда, когда дым пожара войны еще не рассеялся. При этом он оказался в обстановке опасности радиоактивного поражения, возникшей вследствие взрывов бомб с низким содержанием урана.

Он преодолел трудности, открыл путь вперед, сбросил дурное воздействие — следствие установления «дипломатических отношений» между Македонией и Тайванем. Возглавил сотрудников посольства, преданных делу дипломатии Китая, заново создал посольство КНР в Македонии. Руководствуясь высоким чувством ответственности и осознания своей миссии, продвинул вперед отношения КНР и Македонии. Заложил прочную основу устойчивого развития отношений КНР и Македонии, проявил несравненную преданность дипломата и его горячую любовь к Отчизне.

Это — один из примеров того, как КНР ведет борьбу за дипломатическое признание в тех государствах, где имели место дипломатические отношения с Тайванем.

Попутно здесь рассказывается о трудностях дипломатической работы там, где была война, о том, как государство предоставляет женам послов работу в МИД КНР, а также о том, что дипломатам приходилось жить в отрыве от своих детей.

Следующий раздел фильма называется:

«Голос МИД КНР».

Несколько высказываний о своей работе дипломатов, которые выступали в качестве представителей МИД КНР на пресс-конференциях для китайских и иностранных корреспондентов:

Если уверенности нет, если в обстановке не разбираются, если торопливо и необдуманно, опрометчиво отвечают на вопросы, это означает, что сами себя загоняют на раскаленную плиту.

Если погода мрачная, я иной раз предпочитаю надеть что-нибудь повеселее, чтобы взбодриться.

Политически уверенный, просчитанный подход тоже не дает полной гарантии, но крупных ошибок при этом не будет.

Они — это голос Китая, обращенный к миру, они представляют МИД КНР.

Голос МИД, представители МИД.

Я полагаю, что хорошо, что такая служба создана. Можно сказать, что это — важный канал для понимания политики КНР.

Список представителей МИД КНР.

До настоящего времени насчитывается 23 представителя МИД. Это: Цянь Цичэнь, Ци Хуайюань ... Ли Чжаосин ... последняя в списке Цзян Юй (2007 год).

Каждый раз, когда происходят важные события, именно они выражают позицию и отношение правительства нашего государства к этим событиям путем обращения к китайским и иностранным СМИ.

Именно они всегда находятся под светом прожекторов телевидения и СМИ. О них судачат в каждой семье, в каждом дворе.

Они — это представители МИД КНР, «голос» МИД КНР.

В реальной жизни в первый раз сообщение для печати от имени представителя МИД КНР появилось в форме беседы представителя МИД КНР от 26 марта 1982 года. В свое время заместитель премьера Госсовета КНР, а тогда заведующий отделом печати МИД КНР Цянь Цичэнь выступил с новостью, касавшейся отношений КНР и СССР. Так представитель МИД КНР впервые появился в поле зрения китайских и иностранных СМИ.

В 1982 году КПК шла к своему XII съезду партии. До съезда председателем ЦК КПК, а после съезда ее генеральным секретарем, то есть первым по рангу и по официальному положению в партии человеком был Ху Яобан.

Это был антипод Мао Цзэдуна. Ему принадлежит заслуга, и он совершил подвиг, возглавив и осуществив широкое движение за возвращение доброго имени тем, кого ошельмовали и репрессировали, убили при правлении Мао Цзэдуна.

Ему принадлежит новая интерпретация внешней политики КНР, которая была им изложена в докладе на XII съезде КПК. Начиная с Ху Яобана КНР во внешней политике стала официально руководствоваться не установками Мао Цзэдуна на

классовую борьбу на мировой арене, а курсом на обеспечение экономических интересов китайского государства.

У Ху Яобана были расхождения в том, что касалось внешней политики с Дэн Сяопином.

Дэн Сяопин считал, что главное для КНР — налаживать и развивать отношения с США, желательны отношения в едином фронте борьбы против нашего народа и нашей страны.

Ху Яобан полагал, что Китаю целесообразно улучшить и нормализовать отношения с нашей страной, с государствами Западной Европы, с Японией и на этой основе прочно стоять на позициях защиты своих интересов во взаимоотношениях с США.

Дэн Сяопин выдвигал предварительные ультимативные условия нормализации отношений с нашей страной. Тем самым ему удалось на 10 лет оттянуть нормализацию наших отношений. Она могла состояться в конце 1970-х гг., а произошла в 1989 году.

Ху Яобан выступал за восстановление дружественных отношений между нашими народами, не выдвигая при этом предварительных условий.

Цзянь Цичэнь в то время помогал Ху Яобану осуществлять его внешнеполитический курс.

Новая по форме внешняя политика проявилась и в создании института представителей МИД КНР, которые разъясняли иностранным и китайским журналистам содержание внешнеполитических акций КНР.

Примечательно, что Ху Яобан принял принципиальное решение о новой форме работы МИД КНР и о начале функционирования этого института с объявления о новости, касавшейся движения в сторону нормализации наших двусторонних отношений.

Не менее примечательно и то, что в этом пропагандистском фильме обо всем этом не говорится ни слова.

В 1983 году, в обстановке того времени, то есть при осуществлении политики реформ и открытости Китая для внешнего мира, в целях удовлетворения потребности КНР в области пропаганды на заграницу руководство МИД КНР приняло решение официально создать институт опубликования новостей МИД КНР.

Ци Хуайюань, заместитель министра иностранных дел КНР, в свое время представитель МИД:

В то время работой с печатью ведал заместитель министра иностранных дел Цянь Цичэнь.

Пригласив меня для беседы, он не стал растекаться мыслью по древу, а прямо перешел к делу, сказав, что хотел бы главным образом обсудить вопрос о том, что в МИД необходимо создать институт опубликования новостей. При этом заведующий отделом печати МИД, естественно, и должен стать представителем МИД (голосом МИД). Начиная эту работу, предполагалось главным образом только сообщать о новостях и не отвечать на вопросы.

Цянь Цичэнь спросил о моем мнении. Я сказал, что хотел бы всем сердцем, всеми помыслами наладить эту работу должным образом.

1 марта 1983 года МИД КНР провел первую пресс-конференцию. Ци Хуайюань, заведующий отделом печати МИД, выступая в качестве представителя МИД, вел эту пресс-конференцию. Он объявил китайским и иностранным корреспондентам, что МИД КНР с этого момента создает институт представителей МИД КНР.

Лю Чао, заведующий отделом печати:

С момента учреждения института представителей МИД, а именно с 1983 года, до настоящего времени (2007 год) прошло уже 24 года. По форме есть изменения, цели остаются все теми же.

Например, если поначалу представитель МИД говорил сидя, то теперь он говорит стоя.

В самом начале он только сообщал о новостях, не отвечая на вопросы. Сейчас он каждый раз отвечает на вопросы.

В самом начале время, отведенное на сообщение новостей, ограничивалось, например, полчаса. Сейчас время не ограничивается, и пресс-конференция продолжается вплоть до завершения ответа на последний вопрос.

Итак, есть некоторые изменения. Судя по этим изменениям, можно увидеть, что открытость Китая внешнему миру непрерывно расширяется, наша связь со СМИ все более усиливается, усиливается и взаимное сотрудничество. Главное тут в том, что увеличивается степень

внимания к нам со стороны СМИ. Это очень важное изменение.

По мере возрастания мощи нашего государства растет и его международное влияние. Наш голос звучит все сильнее. Наша политика привлекает все большее внимание международных СМИ и международного общественного мнения. Таким образом, этот наш институт в целом шаг за шагом развивается.

В настоящее время, спустя более 20 лет после учреждения института представителей МИД, существуют одновременно три представителя: заведующий отделом печати и два его заместителя. Все они поочередно выступают в этом качестве. Они сменяют друг друга раз в месяц или раз в два месяца. Мир узнает о Китае главным образом благодаря общению представителя МИД с иностранными корреспондентами. Вот почему так важно должным образом наладить работу с ними. И хотя некоторые корреспонденты часто задают острые вопросы и даже экстравагантные вопросы, вопросы, наполненные враждебностью, однако представителям МИД и корреспондентам необходимо сохранять равноправные отношения сотрудничества, благодаря чему они объективно, точно и справедливо сообщают новости о Китае.

Ци Хуайюань:

Представитель МИД и корреспонденты должны находиться в добром согласии друг с другом. Представитель стремится пропагандировать политику нашего государства. Корреспонденты как раз и помогают представителю пропагандировать эту политику. Корреспондентам просто не терпится как можно больше пропагандировать сказанное представителем. Я знаю корреспондентов, которые не хотели, чтобы представитель сообщал нечто не подлежащее разглашению. Они, напротив, хотели бы получить как можно больше информации. Когда же они «наедались до отвала», они были очень довольны. Они боялись только ситуации, когда представитель ничего не говорил.

У Цзяньминь, ректор Дипломатической академии, в свое время представитель МИД:

Корреспондент ставил те или иные вопросы. Иногда очень резкие. Или, можно сказать, весьма провокационные.

В такие моменты у меня появлялось ощущение, что, задавая такие вопросы, корреспондент делает представителю своего рода подарок. Ведь, когда тебя не спрашивают, ты можешь и не говорить о чем-то. А когда вопрос задан, тогда представителю предоставляется случай высказаться должным образом. Поэтому тогда, когда я выступал в качестве представителя, я никогда не осуждал корреспондентов за то, что они ставят те или иные вопросы. Почему? Да потому, что у корреспондента есть свое право задавать вопросы, а у представителя есть свое право ответить на вопросы. И если задается острый вопрос, у представителя должен быть свой метод ответа на такой вопрос. И тут уж не стоит осуждать корреспондента за то, что он задал экстравагантный вопрос.

Ректор Дипломатической академии разъясняет то, что требуется от современного дипломата КНР. Он должен воспринимать любой вопрос, любую, даже возникшую неожиданно ситуацию как возможность лишний раз, не проявляя никаких колебаний, изложить со всей твердостью политические установки своих властей по тому или иному поводу.

Чжан Циюе, посол в Бельгии, в свое время представитель МИД:

У меня есть такое ощущение, что всегда может найтись иностранный корреспондент, который просто не понимает Китая, не понимает политику Китая. Конечно, есть и те, кто задает вопросы, руководствуясь враждебным отношением, стремится задать провокационные вопросы. Некоторые корреспонденты во время пресс-конференции пытаются гнаться за дешевой популярностью, хотят продемонстрировать свою смелость ставить провокационные вопросы. С такими можно встретиться часто. У меня такое ощущение, что во время пресс-конференции представитель МИД должен использовать такие случаи для того, чтобы разъяснить, почему КНР принимает те или иные меры, убедить иностранных корреспондентов в своей правоте.

Лю Цзяньчао, заведующий отделом печати, представитель МИД:

Я всегда считал, что между представителем МИД и корреспондентами существуют отношения сотрудничества, партнерства. Корреспондент задает вопрос от имени своих

пользователей. При этом он вовсе не всегда согласен с теми или иными точками зрения. Задавая вопрос, он фактически дает представителю МИД возможность сказать то, что представитель считает нужным сообщить общественности, то, что представитель считает нужным разъяснить общественности.

По сути дела, мне приходится выступать в качестве представителя МИД, а он выступает в качестве корреспондента. Перед нами обоими один предмет. Мы находимся в одинаковом положении относительно общественности, слушателей, зрителей, читателей. Разница между нами лишь в том, что у нас разная форма работы. Только и всего.

Представитель МИД говорит от имени правительства и МИД. Представитель получает право изложить позицию на основе рассмотрения вопроса и санкции на позицию по этому вопросу. Тут нельзя болтать то, что на ум придет. Представитель МИД обычно отвечает на вопрос в рамках того, что согласовано заранее. При этом иной раз у слушателей может возникать ощущение, что представитель или как будто бы читает текст, или произносит заученное наизусть. Многие слушатели в такой ситуации выражают непонимание, даже сердятся.

Железная дисциплина, действия в едином порядке, недопустимость малейшего отступления от позиции, которая сформирована в центре, то есть в МИД КНР по указанию ЦК КПК, — вот правила, которые обязан соблюдать каждый дипломат КНР.

У Цзяньминь:

Я руководствуюсь тем принципом, что если мне задается тот вопрос, к которому я был готов заранее, я зачитываю текст. И тут нет ничего оскорбительного для задавшего вопрос. Представитель — это не руководитель. Представитель наделен правом говорить. И если существует санкционированный ответ, я этот ответ и зачитываю. И ничего тут особенного нет. Однако если речь идет о тех вопросах, которые выходят за рамки того, к чему я был готов заранее, тогда я должен принять решение. И если нет уверенности, если в обстановке не ориентируешься, тогда опрометчивый ответ будет означать то, что ты сам, по своей воле прыгаешь на раскаленную плиту. Тогда в этом некого винить, кроме самого себя. Тут вину не свалишь ни на небо, ни на землю.

Каждый дипломат КНР знает, что он может лишиться своей «хлебной должности», если допустит хотя бы малейшую самостоятельность при беседах с иностранцами.

Сунь Баоси, посол в Италии, представитель МИД:

При ответе на вопросы корреспондентов мы пользуемся некоторыми конкретными навыками. Исходим из того принципа, что если имеется такая возможность, то на конкретный вопрос следует давать исчерпывающий ответ в целях защиты и пропаганды нашей внешней политики, нашей позиции. Здесь следует обращать внимание на форму ответа и «не подставляться».

Китайский дипломат обязан говорить только то, что необходимо в целях защиты и пропаганды внешней политики и позиции ЦК КПК.

Лю Цзяньчао:

Фактически представитель действует в известных рамках, до определенной границы. Эта граница, по сути дела, и есть политика. Выступая в качестве того, кто высказывается, ты не можешь перескочить через эту граничную линию. Если ты ее перескочил, это равнозначно тому, что ты пошел вразрез с политикой.

Если ты слишком далеко от ограничительной линии, это равнозначно тому, что ты не предоставил нужную информацию. С иной точки зрения это означает, что ты не обеспечил должным образом проведение политики. Пусть даже допущенная тобой ошибка незначительна, однако, если ты очень далек от упомянутой разграничительной линии, корреспонденты тут же почувствуют, что в твоих словах нет никакой информации, то есть твои высказывания бесполезны. Поэтому представителю МИД, говорящему от имени МИД, следует находиться как можно ближе к разграничительной линии; чем ближе, тем лучше; однако не следует перескакивать через эту линию.

В принципе представителю МИД при опубликовании любого мнения или при любом комментарии необходимо действовать в рамках предусмотренной тем или иным ведомством позиции. Именно так следует выражать и саму позицию, и ее дух. Представитель ни в коем случае не должен расходиться с

духом представленной ему позиции. Он тем более не должен допускать крупные ошибки.

В своей работе представитель МИД испытывает на себе громадное давление.

Ци Хуайюань:

О каком давлении, собственно говоря, идет речь?

Речь идет о боязни совершить ошибку и подвергнуться критике. Не допускать ошибок очень трудно. Достаточно допустить всего одну ошибку, ошибку в одной фразе, и последствия могут быть слишком велики. Поэтому и необходимо всемерно стремиться избегать ошибок.

Я был представителем более года, с 1983 по 1984 год. Тогда мы были сдержанными. Не такими, как в дальнейшем. С течением времени накапливались опыт и знания. Сама открытость становилась более широкой. Увеличивалась площадь маневра. А в мое время я старался строго держаться в предписанных рамках и не допускать ошибок.

Дипломаты КНР живут под постоянным давлением боязни совершить ошибку и подвергнуться критике. Иными словами, в худшем случае потерять работу в МИД КНР.

У Цзяньминь:

Представителя поджидают большие опасности. За ним внимательно следят представители СМИ. Иной раз на важных пресс-конференциях я видел более десятка нацеленных на меня объективов. Тебе не уйти от ответственности, если ты выразился неправильно. Заявить, что ты этого не говорил, невозможно. Тут, конечно, есть опасность. Быть «голосом» — это требует от тебя очень тщательной подготовки. Ты должен высказываться в рамках нашей политики. У тебя большие возможности. Однако ты не можешь выйти за рамки политики.

Лю Цзяньчао:

Представитель не должен ошибаться. Каждая фраза произносится в качестве представителя государства, правительства, МИД. Фактически это требует ответственного отношения к работе, ответственности перед интересами государства. Одновременно ты должен нести ответственность перед аудиторией. Если ты сделал сообщение ошибоч-

но, это может вызвать недопонимание. Ошибки тут недопустимы.

Я выступал в качестве представителя почти четыре с половиной года. Ответить на все вопросы с гарантией соблюдения политики во всех случаях невозможно. Однако больших ошибок допускать явно нельзя.

Чжан Циюе, посол в Бельгии, представитель МИД:

Нужно сказать, что я с самого начала и до конца должна была сохранять чрезвычайно ровное и мягкое отношение. Чем больше работы, тем более расслабленной надо было быть в душе. Если тогда, когда нагрузка очень велика, когда давление очень велико, ты очень напряженно переживаешь и себя накручиваешь, тогда тебе трудно будет выполнять эту работу. Кроме того, очень важно обладать хорошим здоровьем. Дело в том, что все это происходит как будто бы на поле боя. Когда ты вступаешь на поле боя, вне зависимости от твоего состояния, вне зависимости от твоей физической формы ты всегда должна быть готова пойти в атаку.

Общезвестно, что внешняя сторона поведения представителя МИД — это не его личное поведение. В этом находит свое проявление политика и позиция правительства. И хотя у представителя должны быть свои чувства, однако дипломатия требует борьбы умов, борьбы или состязания в смелости. Тут недопустимо руководствоваться чувствами. Выступая в качестве представителя МИД, необходимо обладать твердой принципиальностью и необходимой гибкостью в подходе к вопросам. Проявляя твердую волю, это должно сочетать с гибкостью, а при проявлении гибкости должна присутствовать твердая воля. Воля и гибкость должны сочетаться.

Вот еще одно важное правило поведения дипломатов КНР. В их работе недопустимо руководствоваться чувствами. От них требуется сочетание твердой воли и гибкости.

У Цзяньминь:

Представитель должен быть ровен. Но человек — это и не трава, и не дерево. Без эмоций он жить не может. Человеку всегда присущи те или иные чувства. Так ведь?

Я полагаю, что представитель должен в предлагаемых обстоятельствах ощущать свою связь с самым главным из того, о чем он говорит. Тогда и аудитория будет ощущать,

что он ведет себя естественно, а не нарочито. Такая позиция представителя будет всеми понята.

Чжан Циюе:

Я помню, как заместитель премьера Государственного совета КНР Цянь Цичэнь много лет тому назад говорил, что нужно вкрадчиво, тихим голосом говорить серьезные вещи. Надо быть человеком, как говорится, твердой кости, человеком со стальной волей. И при этом сердце у человека должно быть мягким. Быть дипломатом — это значит иметь твердые позиции и в то же время говорить ровным голосом. Именно ровным голосом и можно выразить чрезвычайно твердую позицию и принципы. С моей точки зрения, пресс-конференция — это не место для дискуссий, а это то место, где необходимо думать о том, как наилучшим образом донести до аудитории суть внешней политики Китая.

От сотрудников дипломатического ведомства КНР требуется вкрадчивым тихим голосом говорить серьезные вещи. При этом иностранцы могут расслабиться и вкрадчивость принять за доверительность, за проявление человеческих чувств, что потом может обернуться вероятностью использования китайской стороной расслабленности иностранца.

Лю Цзяньчао:

Представитель МИД, находясь на трибуне, не должен стучать по столу, не должен засучивать рукава. Это недопустимо. Если ты представитель, то ты говоришь от имени государства. Во-первых, ты должен сохранять хладнокровие. Во-вторых, говоря о политике, должен владеть предметом. В-третьих, исходить из того, что некоторые заданные со злым умыслом вопросы — это никакие не вопросы. Тем самым кто-то, используя возможность поставить вопрос, стремится что-то там выразить. Если при таких обстоятельствах что-то нуждается в опровержении, оно должно быть опровергнуто. При этом корреспондент из разъяснений представителя должен точно понять, в чем состоит позиция правительства Китая по тем или иным вопросам. Здесь нельзя проявлять свои чувства и пристрастия.

Чжан Циюе:

Когда я выступала в качестве представителя, у меня были свои особенности. Например, я думала об интонации. Мне пред-

ставляется, что если взять слишком высокую ноту при выражении позиции, тогда окажется невозможным донести до аудитории уверенность Китая в себе. Если же говорить ровным тоном, спокойно, тогда окажется возможным способствовать продвижению самого духа нашего гармоничного общества.

Мы раз за разом обращаемся к тем правилам, которыми руководствуются китайские дипломаты, потому что знание этих правил может уберечь от неприятностей.

Более того, китайская дипломатическая служба — это копилка дипломатических приемов, которая по своей вместительности иной раз глубже и шире, чем копилки такого рода в некоторых других странах.

Вот и в данном случае необходимо обратить внимание читателей на то, что дипломаты КНР обязаны думать даже об интонации, с которой они говорят. Они должны всегда следить за тем, чтобы говорить ровным тоном, спокойно.

На самом деле вне зависимости от того, каким тоном это говорится, необходимо думать и думать, стараться проникать как можно глубже в суть сказанного, стремиться понять, в чем состоит глубинный замысел китайской стороны и чем это может обернуться для твоей страны.

Представители МИД доносят до мира голос Китая.

Ци Хуайюань:

У меня такое ощущение, что институт представителей был создан правильно. Можно говорить о том, что это важный канал, позволяющий понимать политику Китая.

Учитывая то, что представитель МИД постоянно находится лицом к лицу со СМИ, с объективами направленных на него камер, он должен быть одет соответствующим образом, иметь соответствующие манеры. Все это в определенной степени сказывается на сообщаемых новостях. Поэтому представители перед каждой пресс-конференцией тщательно относятся к выбору одежды и аксессуаров.

Чжан Циюэ:

В настоящее время у нас еще нет специально разработанных правил. Когда мне довелось работать представителем, я советовалась с друзьями. Каждый раз, готовясь к пресс-конференции, нужно было продумать много вопросов. На ка-

ждую деталь обращать внимание нет возможности. Играет роль цвет одежды, украшение на груди. Все это взаимосвязано с содержанием сообщаемых новостей. Иной раз в мрачную погоду даже для того, чтобы подбодрить себя, можно одеться более ярко.

Китай — это крупное государство, влиятельное в своем регионе. В каждой стране внимательно следят за курсом, политикой и позицией правительства КНР. Представитель МИД КНР — это «голос» правительства Китая. Тот, кто говорит, представляет правительство Китая. Поэтому каждое слово и каждый жест представителя во время пресс-конференции привлекают к себе большое внимание СМИ КНР и зарубежных СМИ.

Ци Хуайюань:

Первая пресс-конференция привлекала очень большое внимание. Корреспонденты иностранных СМИ заполнили зал. Тогда она проводилась в одном из помещений международного клуба. На эту пресс-конференцию пришли почти все корреспонденты крупных агентств. Были представлены все крупные газеты, радиостанции и телевизионные станции КНР. В газетах появились крупные заголовки. Телеканалы сообщали о том, что было сказано и кем.

У Цзяньминь:

Когда меня назначили заведующим отделом печати, в каждом министерстве уже появился институт представителей. Работала и канцелярия по печати Госсовета КНР. Однако не была определена периодичность проведения пресс-конференций. Их тогда было очень мало. Затем представитель МИД стал выходить на пресс-конференции еженедельно. Это произвело большое впечатление. Каждый раз, когда мне приходилось выходить на пресс-конференции, я видел, что собиралось много людей. Это были не только корреспонденты, но и некоторые дипломаты. Дипломаты стремились непосредственно увидеть происходившее, узнать новости из первых рук.

Чжан Циюе:

Когда меня назначили представителем МИД, у меня сложилось впечатление, что пресс-конференции привлекают большое внимание. На одной из них меня снимали 39 камер.

Присутствовали все крупные мировые агентства печати, органы СМИ. Голос Китая доходил до всех уголков Земли. Это отражало внимание к Китаю в мире.

Заведующий отделом печати:

В настоящее время новости поступают очень быстро. Обычно я выходил на трибуну в 14 часов 45 минут, а в зал входил в 14 часов 40 минут. Случалось и так, что что-то происходило тогда, когда я уже находился в пути на пресс-конференцию. Иной раз не бывает времени прочитать новое сообщение. В этих случаях я приношу извинения и говорю, что наведу справки.

В последние годы по мере усиления международного влияния Китая СМИ в КНР и за рубежом внимательно следят за внешней политикой КНР. Одновременно проявляют большой интерес к развитию самого Китая. Задают вопросы о политике, экономике, положении в обществе, вопросы, касающиеся военного дела, энергетики, окружающей среды применительно к состоянию всего этого в Китае. Поэтому представитель МИД также должен отвечать на вопросы, не относящиеся к внешней политике. Предоставлять китайским и зарубежным СМИ больше новостей о Китае.

Чжан Циюэ:

В настоящее время быть представителем, быть «говорящим» означает необходимость отвечать на все возникающие вопросы. Это предполагает, что все надо знать, каждый день надо следить за происходящими изменениями в Китае и в мире, в позиции Китая применительно к разнообразным международным отношениям, в позиции Китая, в его платформе и его роли в этих изменениях. Надо также особенно плотно отслеживать изменения внутри страны. А это означает необходимость разбираться в ситуации внутри страны. Только разбираясь в ситуации внутри страны, можно должным образом выполнять эту работу.

Особенность работы МИД КНР в настоящее время состоит и в том, что министерство отвечает за пропаганду не только внешней, но и внутренней политики КНР. Представляется, что это можно принять во внимание и использовать этот опыт и в нашей стране.

Лю Цзяньчао, заведующий отделом новостей и «говорящий», то есть представитель МИД:

Судя по интересу, который проявляют корреспонденты, внешняя политика КНР по всем направлениям и на мировой арене в целом вызывает интерес. Корреспонденты всем этим интересуются. Они интересуются тем, какую позицию по тем или иным вопросам занимает правительство КНР. Сюда входят вопросы регионального и глобального плана, а также вопросы, касающиеся внутреннего положения в КНР. С этой точки зрения очевидно, что сила влияния Китая расширяется и увеличивается. Все это во все возрастающей степени привлекает внимание мирового сообщества.

Далее следует заставка второй части рассказа о представителях МИД КНР.

Все начинается с заставки, то есть с калейдоскопа кинокадров: даты — 1960 и 1961 годы; Сталин и Мао во время 70-летия Сталина в Москве; некие военные действия; Никсон и Чжоу Эньлай поднимают бокалы; Дэн Сяопин беседует с М. Тэтчер; события 11 сентября 2001 года в США; разрушение памятника Саддаму Хусейну; встреча Цзян Цзэминя и Клинтона; Ху Цзиньтао; Великая Китайская стена.

Весь этот набор представляется весьма показательным. Каждый кадр попал сюда далеко не случайно. Это вехи, на которых строится и современная внешнеполитическая пропаганда КНР.

Далее следует известная каллиграфическая надпись, сделанная рукой Тан Цзясюаня. Ее значение можно растолковать таким образом: китайскому народу следует показать факты, рассказать о фактах, рассказать о реальных делах тех государственных служащих, которые делают внешнюю политику КНР. Тан Цзясюань счел нужным пропагандировать именно это в современном Китае. Тан Цзясюань выразил здесь намерения современной пропаганды ЦК КПК.

В фильме снова повторяются некоторые кадры и высказывания китайских дипломатов. Этот прием неоднократно повторяется в данной картине.

Из сказанного ими, в частности, следует, что этот фильм сделан в 2008 году.

Ци Хуайюань:

Хорошо, что в ответ на требование обеспечить понимание внешней политики КНР в мире создан институт «говорящих» от имени МИД КНР, представителей МИД КНР.

На экране надписи: «Press-room — Синьвэнь фабу тин. Зал обнародования новостей МИД КНР».

Представители МИД КНР. Часть вторая.

Институт представителей МИД КНР, «говорящих» от имени МИД КНР, создан в 1983 году. До настоящего времени 23 человека занимали этот пост.

Никто из них прежде почти не занимался этой работой.

Когда в первый раз попадаешь в положение ведущего пресс-конференцию в МИД, когда на тебя давит сама аудитория присутствующих, когда на тебя нацелены фото- и кинокамеры, невозможно не испытывать волнения.

Сунь Баоси:

Когда я пришел в управление новостей, у меня не было опыта контактов с журналистами, не было опыта говорить с трибуны публично, говорить вступительное слово. Не было опыта в том, как причесаться, как привести себя в порядок. Однако если уж ты на всю жизнь записался в дипломаты, то должен уметь одеться соответственно.

Чжан Циюе:

Каждый выход на трибуну во время пресс-конференции подобен броску на поле боя. Испытываешь напряжение, волнение. Раньше такую работу выполнять не приходилось. Чувствуешь на себе внимание представителей СМИ, находишься под светом прожекторов и под объективами фотоаппаратов и кино- и телекамер.

И в то же время, оказавшись на трибуне, я трезво мыслю. Ведь задача ясна. Ты стоишь там для того, чтобы разъяснить вопросы, ответить на вопросы, которые люди задают относительно внешней политики КНР. Кроме того, до пресс-конференции мы хорошо к ней готовимся. Поэтому тут нет

ничего такого, из-за чего нужно впадать в панику. Стоя там, я чувствую себя довольно уверенно.

Итак, здесь важны и форма, и содержание.

Дипломат КНР должен уметь одеваться соответственно, а каждый свой выход, скажем, на трибуну считать броском на поле боя. Все та же военная лексика. В КПК считается, что современная работа членов партии — сотрудников МИД КНР именно такова.

Лю Цзяньчао:

В свое время мне довелось быть помощником представителя. Пришлось выступать в качестве переводчика представителя, помогать представителю проводить некоторую подготовку. Работа представителя не была для меня незнакомой.

Однако тогда, когда очередь быть представителем доходит до тебя, это не то же самое, что было раньше. Прежде всего приходится сбрасывать напряжение. Тут помогают некоторые приемы.

Чжан Циюэ стала представителем после Ли Цзиньхуа и Фань Хойцзюань. Эти три женщины в свое время работали представителями МИД КНР.

К настоящему времени (2008 год) их четверо. Эту работу сейчас выполняет по очереди с другими представителями-мужчинами Цзян Юй.

На поприще дипломатии одинаково работают и женщины, и мужчины. При этом женщины в качестве представителей МИД КНР проявляют особо присущие им тепло и силу. Корреспонденты проявляют к ним усиленное внимание.

Чжан Циюэ:

Работать представителем могут и мужчины, и женщины. Разницы тут нет. Эта работа бросает тебе вызов. Что же касается аудитории, то они обращают внимание на то, как ты одета, как причесана, какие на тебе украшения, на манеру говорить. Возможно, тут предъявляются более высокие требования, чем к мужчинам.

Каждый раз для пресс-конференции необходимо, по крайней мере, менять цвет одежды. Нельзя все время быть в одном и том же. Кроме того, есть мелкие детали. На это приходится тратить больше времени.

Мужчины в полдень могут немного отдохнуть. Я в полдень никогда не отдыхала. Нужно время, чтобы привести себя в порядок. Это для нас сложнее, чем для мужчин.

Здесь важным представляется обратить внимание на то, что КПК предъявляет одинаково высокие требования и к мужчинам, и к женщинам, если они являются сотрудниками дипломатической службы. Просто женщин используют там, где это может дать большую выгоду для КПК и КНР. В КПК считается, что необходимо использовать присущие женщинам тепло и силу и их возможности воздействия на иностранцев.

Работа представителя требует высокого уровня подготовки. Представитель должен непрерывно отслеживать развитие событий. Он должен понимать дух политики. Понимать не только ее суть, но и ее причины. Только при этих условиях можно добиться того, чтобы сама твоя речь производила должное впечатление.

У Цзяньминь:

Представитель — это не то же самое, что руководитель. Ему просто дается право говорить, а вот от него зависит подготовка к тому, чтобы установить контакт с аудиторией. Заместитель премьера Цянь Цичэнь в свое время, когда я был представителем МИД, неоднократно говорил мне, что любой вопрос можно повернуть и так и этак, «поставить его и анфас и в профиль». Твоя цель в том, чтобы тебя легче поняли. В этом проявляется твой профессионализм.

Особые усилия представителю приходится прилагать для того, чтобы то, о чем ты сообщаешь, стало новостью. Я никогда не говорил то, что общеизвестно. То, что известно всем, — это не новость.

От иностранцев, когда они имеют дело с дипломатией КНР, требуется понять, как и почему тот или иной вопрос поставлен представителями китайской стороны «анфас или в профиль».

Лю Цзяньчао:

В настоящее время тайной дипломатии очень мало. В то же время понятие дипломатической тайны все еще существует. Ее сохранение требует должной гарантии. Это озна-

чает, что нельзя говорить обо всем, что относится к внешней политике. Это означает, что нельзя выкладывать некоторые политические соображения. Дело в том, что это не способствовало бы решению определенных вопросов.

Взять, например, вопрос о ядерном оружии на Корейском полуострове, то есть вопрос о шестисторонних переговорах. Это чрезвычайно сложный вопрос. Здесь много противоречий. У каждой стороны свой взгляд на этот вопрос. Существует много расхождений, в том числе очень серьезных расхождений. Если бы корреспонденты попросили меня выложить эти противоречия, сказать, в чем они состоят, и если бы я это сделал, это принесло бы много неприятностей в ходе последующих переговоров. В такие моменты, при такой постановке вопросов представитель должен исходить из необходимости способствовать продвижению вперед процесса переговоров, рассматривать вопрос с точки зрения служения делу успеха переговоров и в этом ключе подавать информацию о переговорах для корреспондентов.

Естественно, что и дипломаты КНР говорят только то, что выгодно в настоящее время. Здесь, в частности, упоминается о том, что нет необходимости раскрывать вопрос о противоречиях между сторонами, участвующими в шестисторонних переговорах о ядерном оружии на Корейском полуострове.

Многие, в том числе корреспонденты, участвующие в пресс-конференции, зачастую чувствуют, что им не даются подробные разъяснения. Дело в том, что представитель не может знать все о многочисленных, происходящих в мире, в нашей внутренней и внешней политике событиях. Ведь представитель — это тоже человек. Это не бог, ему трудно всегда оказываться ванькой-встанькой. Представитель и его помощники заранее усердно готовятся к пресс-конференции. В целях такой подготовки представитель должен ежедневно прочитывать много телеграмм, газет и журналов, прослушивать и просмотреть сообщения радио- и телестанций всех государств. Даже тогда, когда он ест и спит, даже по дороге на работу и с работы он все время думает о том, как отточить каждую свою фразу в ответ на возможные вопросы корреспондентов. Начиная работу в качестве представителя, человек обычно не может нормально спать.

Итак, здесь вспоминают о том, что сотрудник дипломатической службы КНР — это не Бог, но человек, который не может все знать; ему трудно всегда оказываться ванькой-встанькой.

В свое время в КПК ванькой-встанькой — БУ ДАО ВАН называли Чжоу Энълая. Очевидно, имелась в виду его способность изворачиваться и в любой ситуации давать разъяснения, которые оправдывали политику Мао Цзэдуна. Еще Чжоу Энълая называли ХЭ СИ НИ — главноуправляющим, то есть тем чиновником Мао Цзэдуна, который был способен убеждать людей в КПК — КНР следовать всегда за Мао Цзэдуном, выполнять все указания Мао Цзэдуна.

Вообще говоря, этот раздел фильма позволяет сопоставлять систему, режим, механизм внешнеполитической пропаганды и сотрудника дипломатической службы, которому приходится воплощать в реальность эту пропаганду. Сопоставляются система и человек. Оказывается, что человека в КПК видят как инструмент, который система вынуждена использовать для своих целей. Причем этому человеку внушают, что цели эти благие, что КПК действует в интересах нации Китая, в интересах человека Китая.

Однако отсчет идет от системы, от тех требований, которые предъявляет она, а не от человека и его потребностей, духовных и материальных.

Сунь Баоси:

Я каждое утро встаю в 6 часов. Меня будит радиоприемник, который настроен, например, на Би-би-си или на Центральную радиостанцию народа Китая. Просыпаясь и вставая, я, еще в полусне, слушаю известия. Вспоминаю политические установки. В семь десять — семь пятнадцать я спешу в машину и на работу. По дороге на работу все время слушаю известия. Телевизор на работе включается тогда, когда я вхожу в кабинет и выключается тогда, когда я выхожу из кабинета после смены. Когда появляется новость, сразу начинаю думать о том, какие вопросы могут задать корреспонденты, с какого угла они посмотрят на вопрос и как я буду отвечать. Затем я советуясь с помощниками, ставлю вопросы перед соответствующими учреждениями. Предлагаю наши ответы с тем, чтобы соответствующие учреждения внесли свои поправки или

помогали. Мы также ставим вопрос о формате ответа. Чем глубже я овладею ситуацией, тем лучше.

Чжан Юеци:

Работая представителем, я наиболее глубоко ощущала, что необходимо ежедневно не только успевать пристально отслеживать события в мире и действия КНР в той или иной ситуации, нашу политическую позицию и нашу роль, но также необходимо особенно плотно отслеживать изменения внутри КНР, понимать ситуацию в стране. Только глубоко разбираясь в ситуации в стране, можно должным образом выполнять эту работу.

«Необходимо особенно плотно отслеживать изменения внутри КНР, понимать ситуацию в стране» — вот что говорится в фильме. Из этого следует, что руководители КПК в настоящее время более всего озабочены именно положением внутри Китая. В КНР много проблем, на которые ищут и во многих случаях не находят ответа. Внешняя политика КНР подчинена решению внутренних проблем Китая.

Лю Цзяньчао:

По сути дела, работа представителя — это трудоемкий процесс. Невозможно сразу же выступать в этом качестве. Необходимо провести большую подготовительную работу.

Во-первых, необходимо понимание политических установок и принципов нашей внешней политики.

Во-вторых, нужно усвоить четкую систему применительно к развитию той или иной ситуации, в том числе ее особенности, конкретику каждой ситуации. Все это должно быть совершенно ясно.

В-третьих, нужно должным образом изучать нашу внешнюю политику, твердо чувствовать себя в этом деле.

Поэтому я и мои коллеги каждый день работаем очень много. Ежедневно приходится просматривать и внимательно прочитывать 200–300 страниц одних только документов.

Пословица гласит: «На сцене-то (на трибуне) он один, а за сценой их там целая команда (банда)». Помимо того что представитель должен провести большую подготовительную работу лично, за спиной у него целый коллектив помощников, которые помогают ему в работе. Управление информации

(управление новостей) создало отдел распространения новостей. Он также именуется канцелярией представителя. Это та структура, с которой представитель работает каждый день. В этом отделе более 10 сотрудников. Они прежде всего отвечают за организацию двух пресс-конференций еженедельно, а также отвечают на вопросы по телефону, отвечают за подготовку формата пресс-конференций в связи с поездками за рубеж руководителей.

Можно сказать, что самая большая особенность работы этого отдела распространения новостей состоит именно в напряженном характере работы. В неделю проходят две пресс-конференции. К каждой пресс-конференции люди готовятся как к сражению в ходе войны.

С одной стороны, зрителей фильма знакомят с механизмом работы МИД КНР. С другой стороны, и тут повторяется формула: «готовиться как к сражению в ходе войны».

«Война» — это понятие не выходит из умов руководителей ЦК КПК. При этом вполне очевидно, что угрозы внешней войны, то есть угрозы нападения на КНР извне не существует. Думается, что они готовят себя морально к войнам внутренним.

Чжан Циюе:

Можно сказать, что эта работа требует чрезвычайного напряжения. Причем в напряжении нахожусь не только я, но и весь наш отряд полон боевого духа.

Представитель — это целый институт, целый механизм. Это вовсе не кто-то один. Никто в одиночестве не может справиться с этой работой. Это похоже на конвейер на заводе. Представитель в этом процессе работы только последнее ее звено. За спиной у представителя отлаженный мощный коллектив, который обслуживает представителя. Можно сказать, что речь идет о механизме, который функционирует все 24 часа в сутки.

Лю Цзяньчао:

Наша работа — это единое целое. Когда речь идет конкретно об управлении информацией (управлении новостями) МИД, то сюда относятся кроме самого представителя еще канцелярия представителя, все те, кто там работает. Это наши главные помощники. Они помогают нам и выполняют большой объем работы. Кроме того, все территориальные

управления МИД также ориентируют нас по некоторым конкретным вопросам, то есть подсказывают, на что следует обратить внимание в том или ином вопросе, разъясняют, в чем тут наша политика. Все это очень важно. Поэтому работа представителя — это работа не одного человека, это работа коллектива в целом.

За день до пресс-конференции, то есть накануне дня пресс-конференции, представитель МИД в первой половине дня проводит совещание по подготовке к пресс-конференции. При этом изучаются новости в КНР и на мировой арене, тенденции в оценке этих новостей общественным мнением, касающиеся нашего государства. Кроме того, делаются предположения о том, с каких точек зрения возможны вопросы. Продумываются ответы на эти вопросы.

Хуа Нин, заведующий отделом распространения новостей:

Мы отвечаем главным образом за работу за занавесом. Сегодня я случайно оказался перед трибуной. Что касается представителя, то помимо присутствия на пресс-конференции он должен проделать большую разнообразную подготовительную работу. Поэтому он нуждается в команде, которая готовит пресс-конференцию. Кроме канцелярии представителя, мы также во многом полагаемся на поддержку и содействие братских организаций в МИД и вне его. Можно сказать, что без их поддержки и содействия канцелярия представителя не могла бы своевременно и точно собрать информацию, а представитель не смог бы должным образом выполнить свою работу. Это возможно только при мощной поддержке всех этих организаций.

Институт представителя непрерывно улучшается и совершенствуется в практике работы. В настоящее время этот институт идет к зрелости.

Судя по количеству корреспондентов на каждой пресс-конференции, судя по числу вопросов, по широте тематики, судя по тем сообщениям, которые дают иностранные СМИ, судя по публикации ответов на вопросы, нынешний уровень намного превышает тот уровень, который был в прошлом.

Каждый вторник и каждый четверг в 14 часов 45 минут, точно в указанное время, представитель появляется в зале для пресс-конференций, где находятся более 1000 корреспондентов. Помимо пресс-конференции канцелярия представителя

по телефону, по факсу и т. д. отвечает на вопросы китайских и иностранных корреспондентов.

Лю Цзяньчао:

Институт представителей непрерывно совершенствуется. Повышается и уровень самих представителей. Мы предъявляем все более высокие требования к нашим представителям по информации. Мы делаем в этом отношении все еще недостаточно, нам следует продолжать прилагать усилия в этом направлении.

Институт представителей МИД КНР работает 24 часа в сутки. Это широко разветвленный механизм. Он создан по решению ЦК КПК. Государственные учреждения КНР обязаны оказывать ему все необходимое содействие. Это должно делаться быстро и точно. КПК следит за выполнением этих правил.

Представляется, что в данном случае, как и в ряде других случаев, МИД РФ мог бы учитывать опыт работы этого механизма в КНР.

Работа на поприще представителей по информации — большая закалка для каждого дипломата. Это оставляет у них много незабываемых моментов. Одновременно это делает известными их имена за рубежом. Закончив работу на этом посту, многие из них отправлялись послами за границу. Там к ним продолжали обращаться корреспонденты. Они брали на себя ответственность рассказывать миру о политике Китая.

У Цзяньминь:

Когда я приехал в Голландию, ко мне приходили многие корреспонденты. Конечно, это было связано с тем, что я до того был представителем МИД по информации. Я принимал этих корреспондентов. Они интересовались моими взглядами на проблемы Китая. Я излагал свое видение. В СМИ появлялись сообщения об этом. Потом, когда я работал в Женеве, меня тоже посещали многочисленные корреспонденты. Во Франции их было еще больше. Во Франции я ежегодно встречался с 50–60 корреспондентами влиятельных СМИ. Таким образом, это важно для того, чтобы быть послом.

Чжу Баньцао, в прошлом посол в Швейцарии:

У меня после моего приезда было ощущение, что интерес к Китаю достиг степени «бума Китая». Было очень много

пожеланий, чтобы я их принял, чтобы я выступил с докладом, чтобы я принял участие в мероприятиях, посвященных главным образом Китаю.

Сунь Баоси, в прошлом посол в Италии:

Опыт работы представителем по информации дает много преимуществ в дальнейшем при работе послом. Твое имя становится известно. При знакомстве в первый раз это помогает. Когда я сюда приехал, местные СМИ обратили на это внимание. Оказалось, что быть представителем по информации означает иметь много друзей среди журналистов. Это дает возможности для ведения пропаганды. Если тебя знают местные корреспонденты, если они хотят с тобой встретиться, поговорить с тобой, нанести тебе визит, тогда, наладив связи с журналистами, ты фактически наполовину обеспечишь успех своей пропагандистской деятельности.

Чжан Циюэ:

Благодаря тому что я 6 лет была представителем по информации, это принесло мне большую пользу. Я довольно хорошо разбиралась в том, что происходит в Китае. Кроме того, я довольно хорошо разбиралась в психологии иностранцев. Я знала, о чем они думают, каковы их ошибочные взгляды на Китай, ошибочное понимание ими Китая, поэтому я могла, учитывая их психологию, разъяснять им вопросы, связанные с Китаем. Я полагаю, что это хорошая работа для дипломата — быть представителем по информации.

Они доносят до мира голос Китая. Этому институту уже более 20 лет.

Ци Хуайюань:

Я считаю, что очень хорошо, что этот институт был создан. Это — важный канал понимания внешней политики КНР.

Обычно представители МИД КНР затем становились послами КНР в иностранных государствах.

Далее авторы фильма переходят к другой составной части пропагандистской работы МИД КНР.

При этом речь официально идет о сближении общества и упомянутых представителей по информации.

С целью усиления понимания ГУНЧЖУН, то есть народными массами, общественностью, публикой, внешней политики нашего государства, получения народными массами представления об этой работе, а также с целью сократить разрыв, дистанцию между МИД и народными массами, общественностью, публикой, помимо создания института пресс-конференций для представителей китайских и зарубежных СМИ, в последние годы МИД также активно развернул работу с народными массами, с общественностью, с публикой.

6 сентября 2003 года МИД провел первый «День открытых дверей» МИД.

ГУНЧЖУН ВАЙЦЗЯО, то есть публичная или общественная дипломатия, — это важная область или часть сферы внешней политики в целом. Глубинная цель этой работы состоит в том, чтобы усилить взаимодействие подразделений МИД с общественностью, добиться того, чтобы вести и направлять народные массы, общественность, публику, завоевывать понимание и поддержку ею внешней политики нашего государства.

Вот и прямое признание того, что спустя пять-шесть десятилетий после создания КНР между населением КНР и КПК, ее функционерами на «фронте дипломатии», между МИД КНР и народными массами образовался разрыв. Внешняя политика КПК не получает понимания и поддержки со стороны народных масс. Дистанция между ними стала столь широкой, что не считаться с этим больше нет возможности.

С одной стороны, это вызвано тем, что у населения Китая, у народных масс сегодня столько своих проблем, что им не до упомянутого государства.

С другой стороны, это признание того очевидного факта, что внешняя политика Мао Цзэдуна и его приверженцев и последователей не пользуется пониманием и поддержкой, так как направлена в первую очередь на обеспечение интересов номенклатуры, а не упомянутых масс.

Лю Цзяньчао:

Внешняя политика Китая — это внешняя политика народа Китая, это та внешняя политика, которая служит народу Китая.

Иными словами, ты должен услышать оценку твоей внешней политики широкими массами народа Китая, услы-

шать их критические соображения, их взгляды и предложения относительно той внешней политики, которую ты проводишь. Это чрезвычайно важно.

Итак, это означает, что все более возрастающий интерес наших народных масс к нашей внешней политике, к нашей работе в области внешней политики, мнение народных масс о том, что все это означает, и приводит к тому, что мы в последние годы выдвинули такое понятие, как ГУНЧЖУН ВАЙЦЗЯО (то есть публичная или общественная дипломатия, дипломатия народных масс, общественная дипломатия, дипломатия, рассчитанная на публику). Публичная или общественная дипломатия означает, что это дипломатия, ориентированная на массы, с участием масс. ГУНЧЖУН ВАЙЦЗЯО — это означает именно то, что мы должны понимать, в чем состоят воля народа, стремление народа, и одновременно должны впитывать мудрость народа, его некоторые хорошие предложения, некоторые хорошие критические замечания с тем, чтобы все это служило нашей внешней политике. Фактически это означает служение нашему народу.

Все это совпадает с общим направлением политики руководства КПК в последние годы на обслуживание народа. Здесь уже переименован лозунг, который был привычным во времена Мао Цзэдуна: «ВЭЙ ЖЭНЬМИНЬ ФУУ», то есть «Служить народу». Теперь призывают «ФУУ ЖЭНЬМИНЬ», то есть «служить народу», «обслуживать народ». Речь идет о том, чтобы чиновники партийно-государственного аппарата не находились в положении господ и не вели за собой народ, присваивая себе право утверждать, что то, чем они занимаются, — это и есть осуществление лозунга «Служить народу», а находились в подчиненном положении, будучи обязаны обслуживать народ, каждый день доказывать, что они обслуживают народ, и именно и только благодаря этому сохранять легитимность нахождения КПК у власти в стране.

Хэ Яфэй:

Я чувствую, что наша внешняя политика должна оказаться в состоянии проводиться очень хорошо. Для этого необходимо заполучить понимание простого народа. Простой народ должен понимать, почему наше государство проводит ту или иную политику. Мы должны получить понимание и

поддержку народа. В то же время у народа тоже есть право знать о ситуации, знать, что делает правительство. Такова связь (и обмен) между нашим правительством и народом. Поэтому МИД в настоящее время и прилагает усилия в этом направлении. Я чувствую, что в настоящее время это осуществляется все-таки успешно.

Руководители МИД КНР вынуждены были заговорить о том, что они в настоящее время нуждаются в том, чтобы заполнить понимание простого народа.

Они вынуждены, возможно, впервые в истории КПК и КНР, говорить о том, что у народа тоже есть право знать о ситуации, знать, что делает правительство.

Следовательно, речь идет о большей открытости или прозрачности внешней политики КПК.

В каком-то смысле это возвращение к некоторым сторонам политики, к стилю политики во времена Ху Яобана и Чжао Цзяна. Однако пока это лишь некие формальные телодвижения.

В настоящее время в области публичной или общественной дипломатии МИД организовал «Форум по внешней политике», «Горячую линию дипломатов», «День открытых дверей» для общественности в МИД.

Сформирован такой институт, как «День открытых дверей». Таких дней будет больше. Во время этого дня люди могут войти в МИД, ознакомиться с его работой, встретиться с дипломатами. Дипломатия Китая именно в соответствии с установкой «считать человека корнем всего и вся», в духе мотива делать ситуацию ясной на фактах, добиваться прозрачности демонстрирует это всему миру.

Лю Цзяньчао:

В настоящее время мы ежегодно проводим от 8 до 10 таких «Дней открытых дверей». Мы широко открываем центральный вход в МИД. Приветствуем людей, приходящих к нам. Однако это делается в организованном порядке. Людей может быть так много, что они все не уместятся в здании МИД. Каждый раз приглашаем примерно 200 человек. Мы их приглашаем, рассказываем о МИД, отвечаем на вопросы. С ними встречаются руководители МИД. Ощущается большая близость. Мы тоже можем задавать им вопросы. Эта деятельность в нашей стране пользуется вниманием СМИ. Теле-

видение, радио, газеты дают сообщения. Таким образом, влияние такого мероприятия увеличивается. Люди могут узнавать о МИД из сообщений СМИ.

Показателем того, что лозунг «публичной дипломатии» провозглашается, но на практике все остается по-прежнему, служит признание того факта, что день открытых дверей в МИД КНР — это мероприятие, которое проводится не для любого и каждого, кто хотел бы ознакомиться с работой МИД, публично на всю страну и в прямом эфире задать свои вопросы относительно той или иной внешнеполитической акции или направления внешней политики руководства КНР, а узкая встреча дипломатов с отобранными партийными организациями министерств и ведомств группами своих проверенных сотрудников. Иными словами, одни функционеры встречаются тут с другими функционерами и выслушивают то, что сотрудникам МИД КНР предписано сказать в том или ином случае.

В МИД институт представителей по информации создан раньше, чем в других учреждениях министерского уровня. В 1983 году КПК выдвинул мысль о формировании по всей стране системы представителей по информации. В 1988 году КПК сделал дальнейший шаг, уточнив необходимость совершенствования института представителей по информации. После этого правительство КНР развернуло работу по созданию такой структуры.

К настоящему времени институт представителей по информации в МИД существует и развивается более 20 лет. Он превратился в один из наиболее зрелых такого рода институтов во всем мире. Он стал авторитетным органом. Важным окном, через которое внешний мир знакомится с Китаем. Институт вносит выдающийся вклад в дело пропаганды внешней политики нашего государства.

Ци Хуайюань:

Хорошо, что создан такой институт. Это — один из символов политики реформ и открытости Китая для внешнего мира в сфере внешней политики. Практика подтвердила, что это важный канал для понимания внешней политики Китая. Его следует сохранять. Надеюсь, что в будущем наши представители будут работать еще лучше.

Лю Цзяньчао:

Работа представителем приносит радость. Но это и ответственность. Работы становится все больше, она становится все более напряженной. Я считаю, что под руководством КПК эта работа может стать еще более эффективной. Она будет налажена должным образом и станет частью истории.

В китайском языке для обозначения представителя применяется термин ФА ЯНЬ ЖЭНЬ — вития, оратор, тот, кто рождает речь.

Вообще говоря, это изначально возникло как проявление политического стиля руководителей, которые считали необходимым действительно делать политику прозрачной для народа. Речь идет о генеральных секретарях КПК Ху Яобане и Чжао Цзяяне. Именно во времена, когда они стояли во главе КПК, в 1983 и 1988 годах, были приняты принципиальные решения о необходимости знакомить простых людей Китая, интересующихся политикой, с работой правительства и партии по всем направлениям.

Дэн Сяопину путем интриг удалось устранить из руководства и Ху Яобана (в 1987 году), и Чжао Цзяяна (в 1989 году). Это была шоковая терапия со спецификой Китая или со своеобразием, самобытностью Китая по-дэнсяопиновски.

Вместе с устранением Ху Яобана и Чжао Цзяяна на годы заглохли и ростки прозрачности в деятельности КПК, как называл это явление Чжао Цзяян.

Однако сдерживать внутренние процессы обычными методами, присущими Мао Цзэду и Дэн Сяопину, не получается. Тем более что Мао Цзэдун умер в 1976 году, а Дэн Сяопин в 1997 году.

После смерти Дэн Сяопина руководство КПК при правлении Ху Цзиньтао в какой-то степени формально возродило институт представителей по информации, сначала при МИД КНР. А затем и объявило о введении такого института в партийных органах и государственных учреждениях. Возникает возможность следить, как это будет осуществляться на практике.

Следующая часть фильма именуется:

«Посол с телохранителями».

На вид это самый обычный старик-пенсионер. Однако за его плечами необычные свершения и история. Именно он в

2004 году во главе рабочей группы отправился в Ирак, чтобы в хаосе войны восстановить работу нашего посольства. Это Сунь Бигань.

В 2003 году США и Англия развязали войну в Ираке. В хаосе войны наше посольство было разрушено. Нормальная дипломатическая деятельность была вынужденно приостановлена.

В фильме применяется следующий прием. Ведется рассказ о жизни и работе того или иного сотрудника дипломатического ведомства КНР. В этот рассказ как бы попутно вплетаются оценки политических событий, которые происходили или происходят в мире.

Вот и в данном случае населению КНР внушают, что в 2003 году США и Англия развязали войну в Ираке.

При этом не объясняется то, чем руководствовались тогда США и их союзники. Не упоминается о событиях 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, о реакции на них в КНР и т. д.

Вскоре после войны МИД КНР решил восстановить работу посольства КНР в Ираке. Выполнение этой задачи возложили на посла Сунь Биганя, который к тому времени уже находился на пенсии.

Сунь Бигань:

Возвратившись на родину после работы послом в Иране, я вскоре ушел на пенсию. Началась моя жизнь в качестве пенсионера.

Через некоторое время после войны в Ираке со мной по этому вопросу побеседовал соответствующий руководитель. В беседе было сказано, что с санкции КПК для восстановления работы посольства в Ирак будет направлена рабочая группа. Есть мнение назначить меня руководителем этой группы.

Ди Цзюань, помощник министра иностранных дел КНР:

Положение в Ираке было довольно специфичным. Тут требовался высокий профессионализм, очень высокий уровень. Требовалась очень большая работоспособность. Понимание местного языка. Особенно необходимо было хорошо ориентироваться в делах Ирака, иметь в Ираке друзей. Всеми этими качествами обладал посол Сунь Бигань. Поэтому выбор пал на него.

Действительно, никто не мог лучше Сунь Биганя взять на себя такую ответственность. У него был более чем тридцатилетний стаж дипломатической работы. Большую часть он провел в шести государствах Ближнего Востока. Его опыт был уникальным.

Сунь Бигань родился в 1941 году в бедной семье в провинции Хубэй. В 1960-х гг. Сунь Бигань окончил Пекинский институт иностранных языков и был направлен на учебу в Сирию, в Дамаск. Однако он проучился там всего год. Сунь Бигань, как и другие студенты, обучавшиеся за границей, был затем отозван на родину для участия в движении «культурной революции».

Еще один прием создателей фильма состоит в том, чтобы при каждом случае подчеркивать, что сотрудники МИД КНР — это дети бедных крестьян, люди с правильным классовым происхождением.

В фильме его зрителям также как бы походя, как бы о чем-то обычном и не подлежащем сомнению говорится о том, что Сунь Бигань, как и другие студенты, обучавшиеся за границей, был затем отозван на родину для участия в движении «культурной революции».

Не дается должной (даже имеющейся в документах КПК) политической оценки преступной деятельности Мао Цзэдуна и в целом применительно к тому, что именовалось «культурной революцией», и к тому, что нашло свое выражение в отзыве в КНР всех китайских студентов, которые обучались в СССР и в государствах Восточной Европы, да и в других странах. Имя и дела Мао Цзэдуна сохраняются, таким образом, не только в неприкосновенности, но создается впечатление, что все это он делал правильно. А ведь во время «культурной революции» Мао Цзэдуна не только остались безграмотными поколения китайцев, но были лишены жизни миллионы и миллионы китайских людей в мирное время, что явилось следствием действий репрессивного аппарата, выполнявшего указания правящей партии и ее «великого кормчего» Мао Цзэдуна.

В 1971 году Сунь Бигань, которому исполнилось 30 лет, вступил на дипломатическое поприще и был направлен в посольство КНР в Йемене, где проработал 8 лет. Там ему довелось ощутить запах Четвертой Ближневосточной войны

(1973 год.) У него на глазах происходили политические потрясения в Йемене.

Сунь Бигань:

В 1970-х гг. Йемен был государством, где постоянно происходили потрясения. Там было беспокойно. За годы, которые я там провел, политические перемены происходили четыре раза, четыре раза менялся глава государства. Двоих из них убили.

С 1983 по 1986 год Сунь Бигань с супругой находился в посольстве КНР в Ливии. В это время отношения между Ливией и США были напряженными. В 1986 году происходили вооруженные столкновения. Сунь Бигань на себе ощущал, что такое террор войны.

Сунь Бигань:

В то время США бомбили Ливию. Бомбардировки были разрушительными. Более ста самолетов сбросили более ста тонн бомб.

Сунь Сяолань, дипломат на пенсии, супруга Сунь Биганя:

Американские бомбардировщики Б-52, укрываясь от радаров, шли на низкой высоте, производя чрезвычайный шум. Вы не можете себе представить, какой шум. Потом они сбрасывали бомбы. Бомбили центр города.

Сунь Бигань, эксперт по Ближнему Востоку, посол в Саудовской Аравии, Иране, Ираке:

С домов срывало крыши.

Вот и в данном случае в фильме осуждению подвергаются действия против Каддафи. При этом не говорится о том, что это была реакция на осуществленный по приказу Каддафи взрыв пассажирского самолета с сотнями пассажиров на борту в небе над Шотландией.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. политические изменения в мире были драматическими. Политические перемены в Восточной Европе, распад СССР, Война в заливе. И в это время, переживавший ключевой момент реформ и политики открытости Китай из-за политических потрясений 1989 года подвергся санкциям со стороны США и других государств Запада.

Авторы фильма употребляют термин «политические потрясения 1989 года». Речь идет о том, за что должен нести ответственность Дэн Сяопин, то есть за то, что солдаты его армии применили оружие и убивали безоружных демонстрантов на центральной площади Пекина, выступавших с требованиями свободы и демократии, борьбы против разложения партийно-государственного чиновничества.

В это время Сунь Бигань в качестве торгового представителя правительства КНР был направлен в Саудовскую Аравию строить дружественные отношения и готовить учреждение посольства.

Сунь Бигань:

В то время это была важная победа нашей внешней политики. В условиях блокады Китая государствами Запада нанести удар по амбициям Тайваня имело очень важное значение для дружбы или дружественного сотрудничества между народами наших двух стран.

В 1990 году Сунь Бигань был назначен послом КНР в Саудовской Аравии.

На кадре из фильма видно, как он согнулся перед улыбающимся королем, демонстрируя напомаженный пробор.

За пять лет в Саудовской Аравии посол Сунь ощутил то, каким трудом даются достижения, ощутил на себе, что такое Война в заливе и какова мощь «быстроходных» управляемых ракет.

Сунь Бигань:

Война в заливе началась 17 января 1991 года. На следующий же день, то есть 18 января, иракские «быстроходные» управляемые ракеты накрыли Саудовскую Аравию. Вечером того дня были нанесены удары семью управляемыми снарядами. Один из них разорвался вблизи от посольства КНР, всего в 500 метрах от него. Это было сильное ощущение. Со стола все посыпалось на пол.

С 1994 по 2002 год Сунь Бигань последовательно был послом в Ираке и в Иране вплоть до ухода на пенсию. Больше всего ему и его жене запомнились те четыре года в Ираке.

Ирак — это древняя страна с длительной историей и блестящей культурой. Это крупное нефтедобывающее государство в мире. В свое время оно было одним из самых сильных и богатых государств на Ближнем Востоке.

Однако в 1980-х гг. шла война Ирака и Ирана. Потом в 1991 году была Война в заливе. Мощь Ирака ослабла. Международные санкции на экспорт нефти принесли Ираку дополнительные бедствия, усугубили ситуацию.

Сунь Бигань:

Те четыре года, когда мы были в Ираке, то есть 1994–1998 годы, действительно, можно сказать, были самым трудным временем для Ирака.

Сунь Бигань 30 лет трудился на дипломатическом поприще, работал в трудных условиях, не боялся трудностей, трудился по 24 часа в сутки.

В 2002 году посол Сунь получил возможность быть дома и заботиться о своих родителях, которым было уже за 80 лет. Он мог наслаждаться спокойной жизнью. Однако он твердо решил вернуться в Ирак, взять на себя руководство группой по восстановлению нормальной работы посольства.

Сунь Бигань:

В то время в министерстве полагали, что в Ираке много трудностей и очень опасно. Если бы я не поехал туда, тогда эти трудности и опасности пали бы на плечи другого товарища. Я подумал: зачем эту трудную и опасную работу возлагать на других? Поэтому я немедленно дал ответ. Я принял на себя выполнение этой задачи.

В феврале 2004 года группа по восстановлению работы посольства во главе с временным поверенным в делах Сунь Биганем через Иорданию направилась в Багдад.

Чжан Циюе:

По прибытии в Ирак группа проведет необходимую подготовку к восстановлению всесторонней деятельности посольства в Ираке.

В группу входили 7 дипломатов и 6 вооруженных военнослужащих. Правительство КНР впервые направило в свое учреждение за рубежом вооруженную охрану. Сунь Бигань стал

первым китайским дипломатом, которого сопровождали телохранители.

Сунь Бигань:

После того как МИД посоветовался с соответствующими учреждениями, с санкции ЦК КПК было решено направить 6 вооруженных военнослужащих в составе нашей группы по восстановлению посольства для работы вместе с нами.

Ди Цюань, помощник министра иностранных дел:

Это было сделано, исходя из диктовавшихся обстановкой требований обеспечения безопасности. Обычно посольства там имеют свою охрану. Поэтому мы в соответствии с международными обычаями направили свою охрану. Шесть вооруженных бойцов вместе с послом Сунь Биганем вошли в группу по восстановлению работы посольства. Эти вооруженные бойцы были официальными членами нашей группы.

Послевоенный Ирак. Там вооруженная до зубов армия США, чиновники местной временной администрации, находившиеся в Ираке иностранцы — все они постоянно подвергались налетам, было много убитых и раненых. Ужасное состояние безопасности также угрожало жизни каждого члена группы по восстановлению работы посольства КНР в Ираке.

Дин Сюго, военнослужащий из упомянутой группы:

Отправляясь туда, мы были морально готовы. Я надеялся на то, что если я не вернусь из Ирака, то должным образом позаботятся о моих родителях. Перед отъездом я им все рассказал.

У Хао, такой же военный:

В то время у нас была одна мысль: в случае опасности броситься вперед и своим телом встретить первую пулю или первый осколок.

Присутствие и действия военнослужащих армии КНР за границами государства — это то, о чем либо начинают говорить, либо подают как современную необходимость и неизбежность. Чувствуется, что в КНР предполагают, что такого рода случаи будут повторяться и могут возникать при разных обстоятельствах (скажем, при защите путей доставки в КНР необходимых ей природных ресурсов).

Здесь важно обратить внимание на то, что солдат своей армии, направляя их за границу, ориентируют на то, чтобы они попрощались с родными, предупредив, что им грозит смертельная опасность, и они с готовностью идут на это. Сами они выражают готовность заслонить своим телом дипломатов КНР. Все это предполагает применение ими оружия в случае получения приказа начальства.

14 февраля группа во главе с Сунь Биганем прилетела в столицу Иордании Амман. Накануне отъезда группы в Ирак посол КНР в Иордании устроил необычные проводы.

Сунь Бигань:

Посол в Иордании провожал нас. МИД организовал нам свидание с женами. Проводы — обычное дело. Но это было в необычных условиях. Атмосфера была чрезвычайно торжественной, такой, как будто бы провожали бойцов на фронт. Один молодой боец подошел с рюмкой к моей жене и сказал: «Будьте спокойны. Пусть мы все поляжем. Но не допустим, чтобы погиб посол». Моя супруга была чрезвычайно взволнованна, она долго не могла ничего сказать.

Сунь Сяолань:

Мне было очень тяжело. Я сказала, что никогда не найду себе покоя, если ты падешь, защищая его.

Ван Чжиган, молодой боец:

Я помню, что тетя Сунь сказала: «Ребята, спокойно отправляйтесь в путь и спокойно возвращайтесь; пусть никто не погибнет».

Сунь Бигань:

Потом наши жены спели песню: «Куда ведешь, тропинка узкая».

Сунь Сяолань:

В этой песне поется о том, как пришлось идти сквозь град пуль и снарядов, пренебрегая опасностью. У меня этот момент остался в сердце навеки. Как я хотела пойти по той же тропинке, перевязать его рану и вместе с ним отправиться на фронт.

В фильме звучит мелодия советской песни с китайскими словами.

У нас в этой песне речь идет о чувствах людей, которые любили друг друга и которым пришлось расстаться.

В Китае поют некоторые наши песни. При этом, как в данном случае, бывает и так, что на мелодию нашей песни накладывают свой текст, в котором речь идет о войне, о ранах и смерти в боях против врага.

Здесь перед нами сочетание публичной дипломатии, частью которой является народная дипломатия, и установки «не бояться смерти».

Однако все понимали, что Сунь Бигань и его группа отправлялись не по тропинке, о которой пелось в песне, а из Аммана в Дамаск по тысячекилометровому шоссе на автомобилях. Местные люди называли его «Дорогой смерти».

Ли Цичжэ, корреспондент агентства Синьхуа в Ираке:

Почему ее называли «Дорогой смерти»? Потому что во времена Саддама на этой дороге погибло много людей. Во время войны по этой дороге многие спасались бегством. Американские самолеты их бомбили. Многие погибли. После войны в ситуации безвластия очень много машин устремилось по этой дороге в Багдад. И тогда вооруженные люди, в том числе бандиты, грабили и убивали многих. Поэтому эта дорога была чрезвычайно опасной.

К счастью, в тот же день к вечеру на полдороге расположились на ночлег, а затем машина посла Суня благополучно достигла Багдада.

Счастливо проскочив 1000-километровую «Дорогу смерти», Сунь Бигань и его группа 16 февраля прибыла в Багдад. Их временным пристанищем стала гостиница «Мансур». Они тут же взялись за работу, чтобы создать необходимые условия для восстановления нормальной деятельности посольства КНР в Ираке.

Цзян Сюй, член группы:

Прибыв на место, мы быстро взялись за работу по восстановлению посольства, устанавливали контакты с соответствующими людьми в Ираке. После свержения Саддама все наши прежние связи оказались оборванными. Люди из временного правительства, пришедшие к власти, были новыми, с ними у нас не было никаких связей. Все это были новые лица. Работу надо было начинать на пустом месте. Нужно было

создавать основу для восстановления в будущем нормальных межгосударственных отношений. Установление связей было одной из наших главных задач в ходе восстановления функционирования посольства.

Сунь Бигань:

Прибыв на место, мы действительно ощутили, насколько все это трудно и опасно. Дело обстояло еще серьезнее, чем мы предполагали.

Си Шуаньчжэу, командир группы охраны:

В Ираке мы каждый день слышали выстрелы, разрывы бомб. Кругом были развалины. Не было ни одного целого здания. На улицах повсюду были вооруженные люди, провололочные заграждения, разделявшие город. Обычно люди не решались выходить за двери.

Цзян Сюй, член группы:

Однако нам надо было браться за работу, а для этого встречаться с местными людьми.

Сунь Бигань:

Места, куда мы ездили, как раз и были самыми опасными местами. Поэтому иной раз дух смерти прикасался к плечу. Это метафора. Однако нельзя сказать, что это преувеличение.

Цзян Сюй, член группы:

Посол Сунь и при таких обстоятельствах никогда не отказывался от работы.

Си Шуаньчжэу, начальник охраны:

Он был не совсем здоров. Ведь послу Суню было за шестьдесят. У него ишемическая болезнь сердца, повышенное давление. Он трижды падал от головокружения. Он никогда не говорил об этом, так как боялся, что, если мы об этом узнаем, это скажется на нашем настроении.

Группа по восстановлению деятельности посольства работала напряженно и в опасной обстановке. Одновременно приходилось быть внимательным, потому что в Ираке часто имели место акты насилия, внезапные нападения. Они были направлены против иностранных войск, местного чиновничества и полиции. Помимо этого их объектами были рядовые граждане других государств.

Сын Сунь Биганя в свое время работал в Ираке на китайском предприятии. Он был журналистом. В Ираке голову покрывают арабским головным платком. Таким образом, можно скрыть свое лицо иностранца. Это помогало чувствовать себя в безопасности.

Детали службы в Ираке в то время предназначены для того, чтобы демонстрировать зрителям фильма опасность дипломатической работы за границей КНР.

В апреле 2004 года в Ираке волна похищений людей и убийства иностранцев достигла пика. 11 апреля в 9 часов вечера по багдадскому времени одна из радиостанций сообщила, что семеро китайцев задержаны безымянной вооруженной организацией.

Сунь Бигань:

Моя первая реакция: как же это неожиданно.

Ли Цзичжи, корреспондент агентства Синьхуа:

Мы не могли и помыслить о том, что такое может случиться с нашими соотечественниками — китайцами. Однако это произошло и вызвало глубокие переживания.

Сунь Бигань от имени группы по восстановлению деятельности посольства тут же доложил в МИД КНР об этой чрезвычайной ситуации. Одновременно немедленно поднял на ноги китайские организации и китайских коммерсантов в Ираке. Связался с посольствами КНР в соседних государствах, чтобы следить за реальным развитием событий и узнать о том, где находятся захваченные китайцы. Иными словами, он экстренно принял меры в целях спасения соотечественников.

Сунь Бигань:

КПК также чрезвычайно внимательно отнеслась к угрозе жизни этих семи человек. Очень быстро было передано указание лично от председателя Ху Цзиньтао и других руководителей в связи с угрозой безопасности семи захваченных граждан КНР.

Ди Сюй, помощник министра иностранных дел, заведующий управлением Азии и Африки:

Было указание нам использовать все возможности, все каналы, чтобы спасти людей. Это был ключ к решению проблемы. На наши плечи легла задача решать, как спасти. Мы стали изыскивать самые разнообразные способы.

Всю ночь внимание соотечественников в КНР, китайцев по крови почти всей планеты было сконцентрировано на Сунь Бигане и его группе.

Наша группа по восстановлению деятельности посольства КНР в Ираке заявила, что принимаются все меры и развивается работа по спасению семи человек. Это была угроза авторитету Отечества, правам и интересам граждан КНР.

Это была ответственность дипломатии КНР. Причем это происходило тогда, когда не была надежно обеспечена безопасность самой группы. Сунь Бигань и его боевые соратники оказались как бы на медленном огне.

Си Шуаньчжун:

Никто, ни посол, ни дипломаты, не мог ни есть, ни спать. Все волновались.

В это время в Пекине министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин позвонил министру иностранных дел временного правительства Ирака, вызвал поверенного в делах Ирака в КНР. А также через иные каналы просил иракскую сторону сделать все необходимое, чтобы гарантировать безопасность захваченных граждан КНР, а также как можно скорее освободить их.

Сунь Бигань:

Что же касается линии фронта, то делалось все возможное. Мы оказывали содействие их освобождению, используя все наши возможности. Это была наша главная работа.

12 апреля в 10 часов вечера по багдадскому времени в группу по восстановлению деятельности посольства поступило сообщение о том, что час тому назад семеро удерживавшихся китайцев уже переданы совету исламских старейшин. Через 24 часа наши соотечественники были освобождены. В группе царило ликование.

Сунь Бигань и шестеро телохранителей скандируют по-арабски: «Китай — молодец!»

В сентябре 2004 года Сунь Бигань блестяще завершил работу по восстановлению деятельности посольства КНР в Ираке и возвратился в Пекин. Отечество воздало почести группе.

Цзян Сюй, член группы:

Государство сначала хотело отметить личные заслуги Сунь Биганя. Он решительно по телефону возражал. Считал, что это коллективная заслуга. Государство присвоило заслугу второй степени коллективу группы.

Сунь Бигань:

Я считаю, что хотя это была трудная работа в опасных условиях, но как дипломат я был обязан делать то, что мне положено.

Так как Сунь Бигань выдающимся образом выполнил задачу по восстановлению работы посольства и с успехом освободил семь соотечественников, Центральная телевизионная станция народа Китая выбрала Сунь Биганя одним из тех десяти человек, которые в 2004 году «тронули сердца людей Китая».

Современная внешнеполитическая пропаганда КНР в обязательном порядке использует каждую возможность для того, чтобы внушать мысль о том, что нынешние руководители КПК — КНР, сами эти КПК и КНР — это воплощение мощи современного государства на континенте Китая, это те руководители, которые осуществляют волю нации Китая, граждан КНР и всех китайцев по крови в мире. При этом они защищают любого китайца по крови, если его права ущемляются где бы то ни было в мире. Единство китайцев по крови, единство нации Китая по крови, политика, которая направлена на то, чтобы беспрестанно демонстрировать всему остальному миру, что он отныне всегда будет иметь дело с всемирным сообществом китайцев, которое основано на общности крови, — вот одна из важнейших задач современной внешнеполитической пропаганды КПК — КНР.

Это, по сути дела, обычный ужин обычных жителей Пекина. Теплая атмосфера. За столом сидят три поколения.

Сунь Бигань и его жена довольны и счастливы. Они 30 лет мечтали об этом во сне.

Тридцать лет работы Сунь Биганя на поприще дипломатии в основном прошли в обстановке потрясений и трудностей. Старый дипломат не жалеет об этом. В то же время у него в душе немало сожалений.

Сунь Бигань:

Если ты занимаешься дипломатической деятельностью, то невозможно совместить преданность Отечеству с уважением к предкам, к родителям.

Сунь Сяолань:

В душе он всегда жалел, что не исполнил должным образом сыновний долг.

Сунь Бигань:

Подумать только, я не позаботился должным образом о родителях. А ведь они в трудное время поддерживали меня в учебе. Я вырос, стал дипломатом, стал послом. Но я мало воздал родителям. Я считаю, что у многих из тех, кто занимается нашей профессией, возникает такой вопрос и имеется тяжесть на душе.

Сунь Сяолань:

Семья обычно была разделена.

Сунь Бигань:

Я много задолжал своей жене и детям.

Сунь Сяолань:

Дети нуждаются в родительской любви и тепле, нуждаются в заботе. Этого недоставало.

Когда на одной чаше весов дело, а на другой семья, дипломаты Китая без колебаний выбирают первое.

Интересы государства превыше всего.

Такую прекрасную традицию создали Чжоу Энлай, другие старые революционеры и дипломаты.

Интересы государства превыше всего, превыше семьи, превыше человека — это стержень идеологии, в духе которой КПК воспитывает китайцев по крови в КНР и во всем мире.

Следующая часть фильма называется:

«Дипломатические курьеры».

Часть первая.

В более чем 100 государствах и районах мира распложены более 250 посольств и консульств КНР. Они играют важную роль в связях Китая с миром.

В МИД есть специальный отряд дипломатических работников, задача которых состоит в том, чтобы доставлять секретные документы. Это отряд дипломатических курьеров МИД КНР.

Вот одна из их командировок. Это дипломатические вализы. В них находятся секретные документы государства. Деликатные грузы. Мешки с дипломатической почтой.

Вот двое профессиональных дипкурьеров доставляют их в наше посольство за рубежом. В соответствии с международным правом дипломатические вализы во всех государствах освобождаются от досмотра. Их нельзя вскрывать. Дипкурьеры обладают дипломатической неприкосновенностью и имеют дипломатические паспорта. Это особый канал, и роль его особая.

Лу Чжи, начальник службы дипкурьеров МИД КНР:

Общезвестно, что дипломатический курьер — это древняя профессия. Она не устарела и до сегодняшнего дня. Например, в некоторых государствах в настоящее время целые контейнеры считают дипломатическими вализами и в этом качестве отправляют их за границу. В иных государствах специально направляют самолеты, чтобы доставить за границу дипломатические вализы.

Именно и только благодаря тому, что КНР обладает большим отрядом дипломатов, которые горячо любят Родину, преданы Родине, наше государство и получает возможность иметь наше сегодня и завтра, иметь прекрасную международную обстановку, и только благодаря этому мир может действительно увидеть мирный развивающийся Китай.

На экране здания посольств и генеральных консульств в Нью-Йорке, Боливии, Танзании, Японии, на Филиппинах, в США. Нет фото здания посольства КНР в РФ.

Поскольку дело касается секретов государства, постольку дипкурьеры должны соблюдать строгие правила.

Дипкурьер:

К нам, дипкурьерам, предъявляются строгие требования. Когда мы отправляемся в командировку, я даже своей жене не говорю, куда мы едем.

Се Цзюньчжэнь, дипкурьер, в свое время вице-консул в Чикаго:

Когда мы находимся в поездке за границу, мы не общаемся с незнакомыми людьми. Наша главная задача — следить за документами. Хранитель ни на секунду не должен терять бдительности. Нужно все время быть на чеку, следить за тем, не пытается ли кто-то предпринять в отношении нас действий с неблагоприятными целями.

Большая часть дипломатических вализ, будучи тщательно опечатанными и запечатанными, передается авиаперевозчику для транспортировки, а дипломатические документы особой секретности дипкурьеры везут при себе, ни на миг не выпуская их из рук.

Цзяо Дуницунь, начальник службы дипкурьеров, в свое время генеральный консул в Сан-Франциско:

Международными правилами предусмотрено, что статус дипкурьера должен быть очевидным. У меня в паспорте должно быть написано: «Дипломатический курьер». На вализе, которую я несу с собой, написано: «Дипломатические документы». Это должно быть написано так, чтобы было понятно. Таким образом, мой статус открыт, публичен. Тот, кто готовится напасть на нас, прячется. В самолете один из нас спит, другой дежурит. Тут ни в коем случае не допустима небрежность.

С первого же момента в пути дипкурьеры несут на своих плечах священную миссию. Во время всего пути вне зависимости от того, над чем они пролетают, что бы ни происходило, для них ответственность важнее жизни. «Пока я есть, есть и документы; даем клятву быть с документами и в жизни, и в смерти».

Цзяо Дунцунь:

На нас лежит великая ответственность. Она велика до той степени, что и мне, и многим дипкурьерам снится, как будто бы я утратил документы. Что же делать? Меня уже нет? Или надо проснуться? Потом я себе говорю: это был сон, не бойся. Это действительно сон. Но все это говорит о страшном напряжении.

При описании работы дипломатических курьеров повторяется установка: «ответственность важнее жизни». Само сопоставление жизни человека и его ответственности перед властью, в данном случае перед правящей партией и управляемым ею государством, неизменный мотив, постоянно присутствующий у авторов фильма, то есть в пропаганде КПК — КНР.

Представляется, что достаточно говорить о служебных обязанностях, об ответственности, но сопоставлять жизнь человека с выполнением служебных обязанностей — это означает подчеркивать главное, чего требует от человека та или иная власть: подчинения человека воле верховного руководителя или вождя. Внушение человеку, что верховный вождь — это воплощение нации, а нация — это все, в то время как человек лишь инструмент для выполнения воли нации.

Итак, выполнение служебного долга необходимо; ответственность за работу необходима. Принижение значения жизни человека по сравнению с властью, с аппаратом власти — это неприемлемо для человека. Это два разных вопроса. Объединять их в единое целое — это стремление тех, кто ставит принцип самовластия и самодержавия выше человека, человеческой личности.

Лу Чжи:

В истории случилось следующее. Дипломат одного из государств Запада, имея при себе документы, выполнял свою задачу. Когда самолет летел над Северным Ледовитым океаном, летчик сообщил пассажирам, что возникла неисправность. Все пассажиры должны выбросить свои вещи. Самолет в это время действительно летел очень низко. Этот дипкурьер был вынужден самым последним из пассажиров выбросить дипломатическую вализу, которая была при нем. Вскоре самолет стал набирать высоту. Говорят, что катер давно поджидал в открытом море.

Четко предъявляется требование: умереть, но не выпускать из рук документы.

Более 50 лет тому назад Ли Кэнун, который в то время выступал в качестве заместителя министра иностранных дел, сказал: «Служба дипломатических посланцев (дипломатических курьеров) — это крупные артерии нашей дипломатической службы».

Отряд дипкурьеров Китая был сформирован сразу же после создания нашего государства.

Тогда несколько социалистических государств во главе с СССР одно за другим установили дипломатические отношения с КНР. В МИД КНР, который тогда был только что создан, было принято решение о том, что в управлении делами МИД (в канцелярии МИД) должен быть создан отдел дипломатических посланцев (дипкурьеров). Его задачей было доставлять совершенно секретные документы специально для наших посольств и консульств за рубежом, а также письма от родных нашим дипломатам, работающим за рубежом.

Руководители государства проявляют большое внимание к работе службы дипломатических курьеров. В свое время тогда премьер Государственного административного совета КНР Чжоу Эньлай лично в докладе МИД КНР вычеркнул иероглиф «ЧАЙ — посыльный» и заменил его на иероглиф «ШИ — посланец». Таким образом, прежнее название этой службы «служба посыльных» было изменено на название «служба посланцев» (обычно именуемая службой дипкурьеров в переводе на русский язык).

В те времена государства Запада проводили по отношению к КНР враждебную политику, политику блокады. Международная обстановка для КНР была чрезвычайно скверной.

Здесь упоминается о Ли Кэнуне. Он в свое время был одним из руководителей разведки КПК. Служба разведки КПК и дипломатическая служба КПК тесно связаны между собой.

Дипломатические посланцы (дипкурьеры) имели при себе особо секретные государственные документы. Они должны

были обладать высоким чувством политической ответственности, а также высоким пониманием того, что такое наши враги. Сотрудники, работавшие с самого начала в отделе дипкурьеров, были в своем большинстве студентами вузов — членами подпольных организаций КПК в Бэйпине и Шанхае, а также даже старыми товарищами, принимавшими участие в подпольной работе во времена Яньани. Среди них было несколько женщин. Они прошли через суровые испытания во время войны в Корее.

Се Цзюньчжэнь, заместитель генерального консула в Чикаго, дипкурьер:

Сначала в отряде дипкурьеров было 3 или 4 женщины. Одну из них звали Чжэнь Цян. Однажды она с товарищем-мужчиной доставляла документы. Это происходило тогда, когда вот-вот должны были успешно завершиться переговоры о перемирии в Корее. В этих целях нужно было определить военную разграничительную линию. Требовалась военная карта района тридцать восьмой параллели. Когда такая карта была изготовлена, понадобилось доставить ее с дипкурьерами. Сделать это было нелегко. Хотя перемирие должно было вот-вот наступить, американские самолеты продолжали бомбардировки. Днем передвигаться было невозможно. Дорога была плохая, машины подрывали, люди гибли. В таких тяжелых условиях дипкурьеры все же добрались до Кэсона. Но это оказалось очень непросто. Когда они прибыли в Кэсон, доставили эту карту, руководитель нашей делегации заместитель министра иностранных дел Ли Кэнун похвалил Чжэнь Цян. Он сказал: «Превосходно. Женщина-посланец, это превосходно. Она выполнила эту задачу».

Однако во время этой командировки она очень устала. Когда она вернулась в Пекин, у нее поднялась температура. Сначала думали, что это простуда. Оказалось, что это нефрит.

Из-за того, что условия для этой работы были слишком трудными, в 1954 году по предложению посла КНР в СССР Чжан Вэньтяня в МИД был отменен институт женщин-дипкурьеров.

Чжан Вэньтянь был одним из руководителей ЦК КПК, которого в 1960-х гг. обвиняли во внесении предложений ослабить напряженность, в частности, во взаимоотношениях с на-

шей страной. То, что именно он внес предложение об отмене института женщин-дипкурьеров, также представляется не случайным. Это шло вразрез с военизацией всей жизни, во всяком случае, работы органов правящей партии, которая осуществлялась в соответствии с духом взглядов Мао Цзэдуна.

Новый Китай, с одной стороны, развивал отношения дружественного сотрудничества с социалистическими государствами; с другой стороны, одновременно прилагал усилия с тем, чтобы прорвать блокаду государств Запада. К 1956 году с КНР имели дипломатические отношения уже 25 государств.

Отвечая на потребности внешней политики, группа молодых кадровых работников в 1956 году в соответствии с указанием Чжоу Эньлая пополнила отряд дипкурьеров.

В то время воздушное сообщение КНР с другими государствами осуществлялось по трем направлениям. На юг через Рангун или Сянган в ЮВА. На север через Москву в Европу. Курьеры, направлявшиеся в Европу, обычно должны были летать через Москву. Тогда был «медовый месяц» во взаимоотношениях КНР и СССР. Поэтому из Пекина в Москву дипкурьеры летали больше всего.

Се Цзюньчжэнь:

Мы тогда летали на маленьких самолетах Ил-14. В самолете было около 40 пассажиров. Когда стюардессы разносили чай, они боялись ошпарить пассажиров. Тогда не было такой герметической кабины в самолетах, как сейчас. Становилось относительно тепло только тогда, когда включали отопление.

Безопасность полета, удобства в полете не идут ни в какое сравнение с настоящим временем. Из Пекина в Москву приходилось летать с многочисленными посадками. Весь полет занимал три дня и две ночи. Это было очень утомительно.

Се Цзюньчжэнь:

В Сибири очень холодно. Иной раз за бортом было 40 градусов мороза. Я слышал, как один дипкурьер говорил о том, что тогда иной раз, когда возвращались из Москвы, из-за того, что СССР помогал в строительстве более 150 объектов, вся проектная документация присылалась из Москвы. Документация иной раз весила сотни килограммов. Пока все это перегружали из одного самолета в другой, нашим курьерам приходилось ждать снаружи на морозе. Они должны

были считать вализы и смотреть за ними. Ведь это были секретные документы! Поэтому однажды один дипкурьер, не имея опыта, хотя и находился на улице, будучи в тулупе и в меховой шапке, закрывал нос шарфом, но нос у него покраснел. Тогда одна старая советская женщина отнеслась к нему очень хорошо. Увидела, как ему досталось, и, взяв горсть снега, начала растирать ему нос. А он стал говорить: «Что ты творишь? Зачем трешь мне нос снегом?» Дело в том, что когда долго находишься на морозе, если не убережешься, то отморожишь нос. Его надо потереть холодным снегом, чтобы кровь начала циркулировать. В противном случае останешься без носа.

Здесь сопоставляется помощь с нашей стороны Китаю, забота наших простых людей о китайцах на личностном уровне, и политические оценки нашей стороны, которые следуют тут же, и это выходит на первый план.

С конца 1950-х гг. СССР вступил на путь борьбы с США за гегемонию над миром. Китай же вел борьбу за внешнеполитическую стратегию «двух промежуточных поясов», то есть усилил свои связи с Азией, Африкой, Латинской Америкой, а также с государствами Запада.

В годы СССР в нашей стране официальная позиция и принятое среди населения понимание ситуации в мире состояло в том, что есть мы — наша страна, Китай, Монголия, КНДР, государства Восточной Европы — и есть они: США, западноевропейские государства и т. д. Мы — это «один лагерь», «лагерь социализма». Они — это другой классово враждебный лагерь, лагерь капитализма.

Между нами отношения братства, дружбы, союза, пролетарского интернационализма, которые исключают даже тень мысли о допустимости и тем более возможности применения оружия внутри нашего «лагеря социализма», одного социалистического государства против другого социалистического государства.

Они — наш классовый враг, наш общий враг.

Мао Цзэдун навязал КПК и КНР иное представление о ситуации. Он отделил Китай, китайцев как нацию от нас, от нашей страны, от нашего народа, да и в определенной степени от социалистических государств Восточной Европы.

Взаимоотношения между нашей страной и США и их союзниками Мао Цзэдун отделил от отношений Китая с государствами земного шара.

При этом Мао Цзэдун разделил мир, не считая нашей страны и других социалистических государств, кроме Албании, которую он считал единственным союзником КНР, на три части. Одна — это страны Азии, Африки, Латинской Америки. Другая — это государства Европы. Это и было то, что здесь называется «двумя промежуточными поясами». С теми и другими Мао Цзэдун считал необходимым декларировать развитие отношений, способствуя их сближению с Китаем и отстоянию от США.

Третья часть — это США. На них Мао Цзэдун предлагал смотреть как на государство, которое проводит такую политику, часть которой неприемлема для Китая. Речь идет о стремлении быть во главе всего мира. Другая часть этой же политики — это борьба США против СССР. Оба государства, США и СССР, при этом рассматривались как незаконные претенденты на мировое господство. Эти их стремления осуждались. В то же время любое ослабление любого из этих двух государств виделось как отвечающее интересам Китая.

Себя, КПК, КНР Мао Цзэдун выводил за рамки «холодной войны» между СССР и США.

Из всего этого следовало, что Мао Цзэдун постепенно внушал населению Китая, что СССР и КНР — это два разных мира, два отдельных мира; более того, два противостоящих мира. Поэтому он внес мысль о допустимости, а потом и о неизбежности войны КНР против нашей страны.

Судя по тому, что говорится в этом фильме, эти мысли и сегодня играют роль в КПК — КНР. Специалисты по международным отношениям из КНР и в настоящее время пользуются термином Мао Цзэдуна «три мира».

В середине 1960-х гг. Куба стала первым государством Латинской Америки, которое установило дипломатические отношения с КНР. И тогда из Пекина в Гавану был проложен тот маршрут, на котором диккурьеры испытывали наибольшее беспокойство. Путешествие на Кубу было очень продолжительным. Тут подстерегали разного рода опасности. Именно на этом маршруте китайский диккурьер был захвачен. Это произошло в апреле 1961 года. Кубинская армия во

главе с Кастро только что разгромила запланированную ЦРУ США высадку с агрессивными целями в Заливе свиней. Отношения между Кубой и США были тогда чрезвычайно напряженными. Два китайских дипломатических курьера направлялись на Кубу, выполняли поставленную перед ними задачу. По пути была остановка на острове Кюрасао.

Се Цзюньчжэнь:

Когда они разместились в гостинице, один из них, Чэнь Цзинсян, пошел к дежурному администратору узнать кое-что. В коридоре на него набросились трое или четверо кубинских хулиганов, схватили его и хотели уволочь. Он стал с ними отчаянно бороться. Прибежали гостиничные служащие. Стали собираться постояльцы гостиницы. Кубинские хулиганы увидели, что дело плохо, и убежали.

После того как это произошло, оба товарища, Цао Далинь и Чэнь Цзинсян, обратились в дирекцию гостиницы: «Мы дипломаты. При нас секретные документы правительства КНР. А тут не обеспечена безопасность. Так не пойдет». Администрация гостиницы заверила их, что будет внимательна и обеспечит безопасность. Затем авиакомпания заверила, что в дальнейшем на острове Кюрасао китайских дипкурьеров при пересадке будут встречать и провожать.

В дальнейшем, когда китайские дипкурьеры попадали в эти места, они сидели в гостинице, закрыв двери, и не выходили. Халатность тут недопустима.

Се Цзюньчжэнь:

Обычно мы также не ходим есть в ресторан. Требуем, чтобы еду нам доставляли в номер. И мы не едим оба одновременно. Мы боимся, что еда может быть отравлена. Поэтому сначала ест один из дипкурьеров. Если будут есть сразу оба и оба отравятся, что тогда? Если оба потеряют сознание, что делать тогда? Поэтому сначала ест и пьет один из дипкурьеров. Если через 2 часа с ним ничего не случается, тогда ест другой дипкурьер.

Дипломатические курьеры более всего опасаются ненастной погоды в Гаване. Дело в том, что конечная точка маршрута этого самолета — Майами в США. Если погода плохая, то самолет может прямо полететь туда. А в то время КНР и США по-прежнему находились в состоянии враждеб-

ности. Трудно себе даже представить последствия, если бы «посланцы с документами» КНР приземлились в США. Поэтому-то дипломатические курьеры обычно так волновались в самолете. На самом деле для этих опасений была почва. В декабре 1960 года первый посол КНР на Кубе Шэнь Цзянь с супругой направлялся к месту своей аккредитации на Кубу. В тот день в Гаване была гроза.

Детали работы дипломатов КНР в случае с Кубой также предназначены для того, чтобы внушать зрителям фильма мысль о том, что окружающий мир враждебен к представителям КНР.

Далее в фильме рассказывается о наблюдениях китайского дипломата, который лично был свидетелем событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Чжан Хунси, генеральный консул КНР в Нью-Йорке, в свое время директор главного внешнеполитического издательства в Пекине «Шицзе чжэшии чубаньшэ»:

Я должен был своевременно докладывать в Пекин о ситуации. Тут нельзя было ограничиваться только тем, что я видел. Я должен был подумать и направить свои предложения в Пекин.

11 сентября 2001 года около 9 часов утра по восточно-американскому времени террористы захватили самолеты и неожиданно врезались прямо в здания Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке. Нью-Йорк был ввергнут в панику из-за внезапного удара террористов. Когда произошли эти события, генеральный консул КНР в Нью-Йорке Чжан Хунси как раз находился на 16-м этаже здания генконсульства. Посмотрев в окно на юг, он четко увидел, как рухнули оба небоскреба ВТЦ. Он своими глазами видел сам тот момент, когда террористы, захватившие второй самолет, врезались в здание.

Чжан Хунси:

Утром 11 сентября я увидел самолет, который летел очень низко и в неверном направлении. Почему он летит в направлении ВТЦ? Ведь там огромное пламя. Как он там пролетит? И именно тогда, когда я гадал об этом у окна, этот самолет врезался в южную башню и вырвался огромный огненный шар. Это была самая впечатляющая картина в моей жизни.

Став очевидцем того, как второй самолет врезался в здание ВТЦ, Чжан Хунси понял серьезность случившегося. Он немедленно организовал сотрудников генконсульства на напряженную работу по поиску граждан КНР.

Чжан Хунси:

Будучи дипломатом, я ощутил всю деликатность ситуации. Я сказал, что это нечто выходящее из ряда вон. Поэтому я спешно собрал всех руководящих работников генконсульства у себя в кабинете и ввел чрезвычайное положение, режим работы при чрезвычайном положении. С этого момента на протяжении дальнейших 24 часов я ни на секунду не покидал своего кабинета. Пересчитывал и брал на учет численность наших людей; разбирался в том, сколько у нас было компаний и сколько людей в здании ВТЦ.

Потрясшие весь мир события 11 сентября 2001 года, этот террористический акт, приковали к себе внимание всего человечества. Они приковали внимание соотечественников-китайцев, а также сконцентрировали внимание на генеральном консульстве КНР в Нью-Йорке.

Чжан Хунси:

В то время наше сердце было занято вопросом о безопасности каждого гражданина КНР. Это было главным из того, что надо было делать. Мы достали все списки и сверяли имена, одно за другим.

В связи с событиями 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке китайские дипломаты, прежде всего, сосредоточились на главном, с их точки зрения, на сборе сведений о том, кто именно из граждан КНР и китайцев по крови пострадал во время этого террористического акта.

Речь для них шла о любой частице нации Китая.

События 11 сентября — это самый серьезный террористический акт в истории США. Переживавшая скорбь Америка последовательно развернула самую разнообразную деятельность, оплакивая погибших. Правительство США приняло решение приспустить государственные флаги на всех общественных зданиях в знак скорби.

Получив сообщение об этом, Чжан Хунси задумался над вопросом о том, нужно ли нашему государству тоже приспустить флаг в знак скорби.

Чжан Хунси:

Поэтому мы, все руководители генерального консульства, коллективно посоветовались и пришли к выводу о том, что речь идет о важном и крупном вопросе. Мы внесли предложение: мы тоже должны (в генконсульстве КНР в Нью-Йорке) точно так же, как это происходит в США, приспустить государственный флаг. Узнав об этом, в Пекине сочли, что это — хорошая мысль, и приняли это предложение. Я считаю это очень важным. Вы не думайте, что это всего лишь некий конкретный жест. Фактически это связано с чем-то очень крупным. И все это я смог осознать, только находясь на месте событий. Приспускать или не приспускать флаг: это может вызвать два не одинаковых последствия.

Посольство и все консульства КНР в США приспустили флаги в знак скорби по погибшим 11 сентября 2001 года. Это важно.

В октябре 2001 года президент США Буш на конференции АТЭС в Шанхае.

На фоне борьбы против терроризма взаимоотношения КНР и США вышли из тени «бомбардировки посольства», «нанесения удара по учреждениям» (события 1999 года в Сербии) и получили новый пункт пересечения и слияния интересов.

В апреле 2002 года председатель КНР Ху Цзиньтао посетил США.

Далее КПК — КНР решили использовать события 11 сентября 2001 года для того, чтобы «вывести из тени», то есть улучшить отношения между КНР и США. В немалой степени именно в этих целях впервые за всю историю двусторонних отношений КНР и США на зданиях официальных представительств КНР в США вслед за официальными государственными учреждениями США в знак скорби были приспущены государственные флаги КНР.

Затем в фильме следует рассказ о дипломате, работавшем в Африке и получившем там почетный титул — «Старший вождь племени».

В этом фильме рассказывается необыкновенная история посла КНР в Либерии Линь Сунтяня.

Либерия расположена на западном побережье Африки. Территория составляет более 110 тысяч квадратных километров. Население превышает 3 миллиона человек. В стране 16 племен.

В 1960–1970-х гг. по уровню экономического развития Либерия находилась в первых рядах. На человека в год приходилось свыше тысячи американских долларов ВВП.

1 февраля 2007 года председатель КНР Ху Цзиньтао посетил Либерию. На приеме, устроенном в его честь президентом Либерии Сэлин Джонсон, Ху Цзиньтао выступил с важной речью, сказав: «Укреплять сплочение и сотрудничество с государствами Африки — таков всегда важный краеугольный камень дипломатической работы Китая. В ноябре 2006 года был успешно проведен Пекинский саммит Форума сотрудничества КНР и Африки. От имени правительства КНР я объявил, что Китай укрепляет реальное сотрудничество с Африкой, поддерживает мероприятия в рамках политики из шести пунктов, направленной на развитие государств Африки».

Визит Ху Цзиньтао был полным успехом. Он укрепил доверие государств Африки к КНР. Отношения дружбы и сотрудничества КНР и Либерии вступили в самый лучший период в истории. Все это неразрывно связано с общими усилиями правительств обоих государств и народов, а также с активным вкладом посла КНР в Либерии Линь Сунтяня.

Линь Сунтянь родился в 1960 году. Работал третьим секретарем в посольстве КНР в Саудовской Аравии, советником в Ливии, затем послом в Либерии. В настоящее время является заместителем начальника управления кадров МИД КНР.

В начале 2006 года посол КНР в Либерии Линь Сунтянь общественными организациями Либерии и 19 местными газетами был избран «Иностранным дипломатом 2005 года».

Линь Сунтянь:

Быть «Иностранным дипломатом года» очень почетно. Почему? На первых страницах всех газет помещают вашу фотографию. В газете невозможно напечатать 20–30 фото. Максимум можно 5–6. И когда каждая газета помещает твою фотографию на первой странице, твое имя становится широко известным.

Будучи дипломатом, ты, скорее всего, очень беден. Но иной раз, когда ты ощущаешь, что представляешь наш народ численностью в 1,3 млрд человек, представляешь очень мощное государство, и о тебе узнают люди другой страны, тогда у тебя в душе появляется другое настроение. Это и есть именно то, что я называю «завоевать сердце народа». В этих целях мы и должны совершать очень важные (хорошие) действия.

В то время самая влиятельная фигура в Либерии — председатель совета вождей всех племен страны — от своего имени присвоила послу Линь Сунтяню почетное звание «Старшего вождя».

Линь Сунтянь:

В этом государстве несколько сот вождей (или старейшин). Самый высокий из них по рангу именуется «ЦЗЕЛАЛО». Это символ служения народу, символ того, кто создает счастье для государства, для простого народа. И когда они присвоили мне титул «Старшего вождя», то надели на меня одеяние вождя, накидку вождя.

Таково отношение традиционных вождей Либерии к Китаю, к послу Линю.

Кроме того, вождь области ФОСАЙСЫ также дал ему звание «Почетного вождя» этой области.

Линь Сунтянь:

Они дали мне имя «ИСЫ — смысл», что означает, что «мы — это твоя семья, а ты — наш посол в столице страны». Иными словами, я — посол их области в столице Либерии. Меня принимали за «их» человека. Они говорили, что я должен помогать им, думать о развитии там у них.

Одно из важных направлений работы дипломатов КНР в настоящее время — это приложение усилий с целью добиться уважения со стороны населения страны пребывания.

Это продолжение линии, которую всегда стремилась проводить КПК начиная со времен Мао Цзэдуна. Тут исходят из политической установки, согласно которой должно считать, что руководителя нации Китая, саму нацию Китая поддерживает не только нация Китая, но и большинство простого народа любой страны.

Для того чтобы стабилизировать и закрепить дипломатические связи между КНР и Либерией, посол Линь Сунтянь в первую очередь думал о том, как расширить и углубить сферу своей борьбы за «сердце народа». Дело в том, что в истории взаимоотношений КНР и Либерии имелись свои зигзаги.

Линь Сунтянь:

Либерия установила с нами отношения в 1977 году. У нас есть проблема, заключающаяся в том, что наше Отечество не едино. Тайваньские власти ведут себя скверно. У тайваньских властей в кармане есть какие-то деньги. Поэтому они целыми днями только и занимаются подкупом и дают взятки. Люди Тайваня потратили немало денег. Однако свои деньги они израсходовали исключительно персонально на президента и министра иностранных дел. Они не расходовали эти деньги в интересах простых людей. В этом-то и состоит коренная причина того, что Тайвань там не завоевал сердца народа. Мы не могли совать деньги президенту и министру иностранных дел. Я мог вкладывать деньги только в то, в чем нуждался народ, на то, что видел народ. Этим наша дипломатия коренным образом отличается от дипломатии «снарядов из серебра», осуществляющейся властями Тайваня.

Дипломатия «снарядов из серебра», осуществлявшаяся тайваньскими властями, сказалась на нормальном развитии отношений между КНР и Либерией. В марте 2003 года Линь Сунтянь был назначен послом КНР в Либерии и приехал в эту старейшую республику в Африке. Благодаря активным усилиям посла Линь Сунтяня правительство беднейшей области Либерии Дакру и представительные организации всех кругов общества подписали обращение с требованием, чтобы Национальная переходная законодательная ассамблея Либерии приняла закон в защиту долгосрочного стабильного развития отношений дружбы и сотрудничества между КНР и Либерией. На этом основании 11 августа 2005 года Национальная переходная законодательная ассамблея Либерии на своем пленарном заседании единогласно приняла решение о твердом и решительном проведении политики «одного Китая».

Линь Сунтянь:

Комитет по внешней политике упомянутой ассамблеи принял решение твердо осуществлять и соблюдать резолюцию ООН № 2758.

Ассамблея того времени не была избрана народом. Она была послевоенным продуктом. Ассамблея состояла из представителей различных партий, групп по интересам, а также из представителей трех крупных вооруженных фракций. Именно эта ассамблея, состоявшая из 20 фракций, представлявшая интересы всех слоев общества, всех областей страны, всех партий и группировок, то есть имея еще более широкий и еще более представительный характер, чем парламент, избранный народом, и приняла упомянутую резолюцию.

15 октября 1971 года ООН приняла решение признать представителя правительства КНР единственным законным представителем Китая в ООН, то есть резолюцию № 2758.

19 августа 2005 года благодаря активности посла Линь Сунтяня Национальная переходная законодательная ассамблея Либерии единогласно приняла решение о соблюдении резолюции ООН № 2758 о признании правительства КНР единственным законным правительством, представляющим весь Китай; в форме закона решила, что Либерия твердо придерживается незыблемой платформы — политики одного Китая (Китая как единого целого).

На экране: UN Resolution No. 2758 October 25, 1971, which recognized Government of the People's Republic of China is the sole legitimate Government representing the whole of China.

Попутно подчеркнем, что ООН — это Организация Объединенных Наций. Применительно к данному случаю нацией является Китай. Китай как нация может быть представлен в ООН тем или иным государством (иной раз нации бывают представлены и двумя государствами одной нации одновременно). В настоящее время Китай как нацию, то есть как единое целое, в ООН представляет правительство Китайской Народной Республики.

Председатель переходного правительства Либерии подписал документ о вступлении этого решения в законную силу.

Линь Сунтянь:

Новый президент неоднократно снова и снова заявляла о намерении твердо проводить политику «одного Китая». Зная о связях председателя парламента с Тайванем, она (президент) пригласила меня и сказала: «Будьте спокойны. В данном

случае он (председатель парламента) действует, нарушая закон. Он именно и нарушает закон. В условиях, когда парламент принял резолюцию, поддержание отношений с властями Тайваня идет вразрез с законом. Поэтому мы должны провести проверку».

Я почувствовал, что сделанное в такой форме высказывание президента поставило все на свои места. Этим высказыванием заложена юридическая основа под стабильными долгосрочными межгосударственными отношениями. Нужно сказать, что это имеет громадное позитивное значение.

Два правительства Либерии, которые в свой срок сменили одно другое, давали обещание твердо осуществлять политику одного Китая (Китая как единого целого). Это — победа в работе в области внешней политики. Это победа, которая далась нелегко. Для нашей политики в Африке, в наших взаимоотношениях с Либерией работа посла Линь Сунтяня имеет основополагающее значение.

Приехав в Африку, посол Линь Сунтянь приобрел широкий круг друзей, с которыми установились глубокие связи.

Линь Сунтянь:

Я стремлюсь иметь широкий круг друзей, устанавливать отношения глубокого характера. В этой стране 15 областей. К настоящему времени я побывал проездом или специально посетил 11 из них. Когда я приехал, Либерия только что избавилась от состояния вооруженной борьбы. Мне нужно было добираться за 500 километров, чтобы навестить китайских миротворцев из ООН. Меня сопровождала охрана, были машины, направленные для охраны от ООН. В общей сложности было 14 автомашин. В столице также приземлился вертолет, ожидая приказа. Были уведомлены командующие 3-го или 4-го военных округов. Они привели войска в боевую готовность. Когда я прибывал в тот или иной пункт, меня встречал командующий миротворческим контингентом ООН.

В Либерии имелись свои причины для возникновения хаоса. В 1989 году убежавший за границу Чарльз Тейлор, в прошлом правительственный чиновник, вернулся в Либерию во главе вооруженных людей. В Либерии разразилась внутренняя война. В 2003 году внутренняя война завершилась. Было создано переходное правительство Либерии. После 14 лет внутренней

войны основные промышленные объекты были разрушены. Люди покидали свои дома. Более 500 тысяч человек бежали в соседние государства. В такой обстановке посол Линь Сунтянь, пренебрегая опасностью для жизни, отправился на ГЭС в Кофейных горах за пределами столицы.

Линь Сунтянь:

Как только я приехал в страну, так в следующую же субботу вместе с двумя министрами отправился на ГЭС в Кофейных горах. Эта ГЭС снабжала электроэнергией столицу. В ходе боев она была разрушена. Я полагал необходимым попросить наши китайские компании помочь восстановить ГЭС, чтобы простые люди обрели свет. Как может обрести цивилизацию государство, в котором нет даже электричества?

Когда посол Линь Сунтянь находился в Кофейных горах, антиправительственные силы в Либерии еще не были полностью разоружены. Это означало, что, за исключением столицы, везде в любой момент можно было нарваться на террористов. Однако посол Линь Сунтянь в интересах развития народа Либерии, ради общих интересов народов КНР и Либерии со всей решительностью двигал дело вперед. Его действия тронули сердца руководителей и народа Либерии.

Линь Сунтянь:

Я побывал в Кофейных горах в марте 2004 года. Процесс разоружения должен был начаться в октябре 2004 года. Министр иностранных дел был тронут тем, что я совершил эту поездку. Он сказал мне, что я — тот единственный в Либерии посол, который после войны выехал за пределы столицы страны. Посол США никогда не покидал столицу. Посол Китая правильно понял, что следует делать, и решил поехать в Кофейные горы. Это произвело глубокое впечатление на нас. Оказалось, что посол Китая не такой, как остальные. Во-первых, он продемонстрировал тем самым веру в прочность стабильности в нашей стране. Во-вторых, он действует в интересах счастья и развития нашего народа. Министр иностранных дел был очень тронут.

ГЭС в Кофейных горах стала первым объектом строительства Либерии заново. Из-за продолжавшегося много лет хаоса войны народ Либерии хотел прежде всего решить про-

блему пищи и проблему занятости. Государства Запада оказывали Либерии финансовую помощь. Посол Линь Сунтянь понял, что финансовая помощь может решить вопрос о существовании людей, но не решит вопрос об их занятости и о развитии страны. Для того чтобы укреплять и развивать отношения между КНР и Либерией, одной только финансовой помощи недостаточно. Необходимо вывести Либерию на путь мирного развития, способствовать экономическому и торговому сотрудничеству, которое осуществляется во взаимных интересах и приносит выигрывать обеим сторонам, помочь им в Либерии осуществить в опоре на собственные силы то развитие, которое может стать устойчивым развитием.

Линь Сунтянь:

За эти несколько лет я внедрил объекты оказания такой помощи. Один — это объект подготовки кадров, способных заниматься сельским хозяйством. Я выписал младшего ученика известного специалиста Юань Лунпина с тем, чтобы он обучал местных жителей. В нынешнем (2006) году после прихода нового президента очень важным стал вопрос о сельскохозяйственных орудиях. После окончания войны оказалось, что у простых людей дома не было сельскохозяйственных орудий. Мы оказали им помощь поставками сельскохозяйственных орудий на сумму в миллион американских долларов. После этого президент встретила со мной, сказала много добрых слов в адрес Китая, похвалила меня.

Я поехал в Либерию для того, чтобы главным образом делать два дела. Во-первых, завоевывать сердца людей. На протяжении этих полутора лет сердцем народа были всенародные выборы, всеобщие выборы, демократия. При таких обстоятельствах я должен был завоевывать сердца народа, используя все наши возможности, все наши ресурсы. Во-вторых, нужно было планировать и создавать саму основу интересов двух государств. В дипломатии мы говорим, что во всем мире общепринятым считается следующее: не бывает вечных друзей, единственное, что бывает, — это вечные интересы. Было необходимо наши межгосударственные отношения превращать в основу интересов обоих государств. Причем речь шла не только о действиях в наших интересах; тут было необходимо принимать во внимание интересы другой стороны, создавать счастье для людей. Добиваться того, чтобы ты оказывался абсо-

лютно необходим другим правительствам и народам, чтобы они нуждались в тебе, не могли обходиться без тебя. Именно этого я и добивался. Это было моей целью всегда и неизменно с того самого момента, когда я приехал туда.

Ради осуществления этой цели посол Линь Сунтянь нашу концепцию мирного развития государства сочетал с реальным положением дел в Либерии. На фактах он подводил людей в Либерии к тому, чтобы они видели свои преимущества и перспективы взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами и в экономике, и во внешней торговле. В Либерии есть железная руда, есть золоторудные месторождения, есть лес, есть природный каучук, есть пальма масличная, есть нефть. Страна богата природными ресурсами. Она занимает особое место и в сфере морского сообщения во всем мире. Все это является драгоценным достоянием Либерии. Здесь именно и заключены перспективы ее развития.

Линь Сунтянь:

Я им говорил: «Вы только посмотрите. У вас есть природные ресурсы. У вашей страны есть нефть, есть железная руда, есть золото, есть разнообразные руды». Я им говорил, что это и есть деньги. Мы помещаем наши деньги в банк. А вы храните ваши деньги в земле. В настоящее время мы думаем о том, как вырыть эти деньги из земли. Однако эти деньги нельзя растрачивать. Эти деньги надо использовать так, чтобы решить вопрос о создании основы развития. У них нет воды, нет электричества. Остался всего один морской порт, который плохо используется. У них нет шоссе. Я также подводил их к мысли о необходимости построить шоссе вдоль морского побережья. Я говорил, что, построив это шоссе, вы сможете развивать туризм. Я говорил, что одни компании должны разрабатывать ваши природные ресурсы, в то время как другие будут строить шоссе. Мы же можем выдавать кредиты или льготные кредиты, так как мы сейчас осуществляем политику помощи развивающимся государствам Африки.

Она (президент) говорила, что, имея в виду перспективы, ей нравится такая мысль. Она потребовала от министров кабинета инициативно встречаться со мной. Раньше при правительстве переходного периода мне приходилось посещать их каждого, одного за другим. Рассказывать им о том, что

такое Китай и как мы сотрудничаем. После прихода нового правительства президент потребовала от всех министров по своей инициативе посещать меня. Это было изменение положения в корне.

Благодаря тому что сделал посол Линь Сунтянь, простой народ Либерии понял Китай, ему понравился Китай. Пятизвездный красный флаг — это символ дружбы Китая. Куда бы ни приезжал посол Линь Сунтянь, он везде встречал признательность и одобрение народа.

Линь Сунтянь:

У меня там не было телохранителей. Мой автомобиль не был пуленепробиваемым. Поэтому, когда меня иной раз спрашивают, как я осмелился сделать то или это, я говорю, что я утверждал там пятизвездный красный флаг.

Наш пятизвездный красный флаг в Африке — это символ дружбы. Мы не делали ничего такого, в чем мы виноваты перед ними. Мне не нужны были телохранители. Поэтому, куда бы мы ни ездили, везде считали, что китайцы — это хорошие люди.

Посол Линь Сунтянь защитил и упрочил позиции дипломатии. Он не только активно продвигал дружественные отношения сотрудничества между двумя государствами, но и выдвинул для правительства Либерии драгоценную концепцию развития.

Благодаря этому потерпела полный крах дипломатия «серебряных снарядов» тайваньских властей.

Все эти успехи достигнуты в крайне трудных условиях.

Линь Сунтянь:

Из-за того, что в стране в целом не было ни водопровода, ни электричества, и у нас в посольстве дело обстояло точно так же. Когда мы восстановили дипломатические отношения, у нас в посольстве не было даже жилых помещений. Мы временно арендовали дом, где жили и бедствовали.

Там не работал рынок. Поэтому все товары, в том числе яйца, курятину, баранину, овощи, приходилось ввозить из Европы. Когда мы жили в Пекине, я никогда не покупал нашу китайскую белую капусту, а покупал европейскую зеленую капусту. В Либерии капуста стала для нас предметом роскоши.

Из-за того, что производство в Либерии в основном находилось в застое, большая часть товаров импортировалась из Европы. Цены на них были довольно высокими. Это также доставляло множество неудобств сотрудникам посольства КНР в Либерии, которые и так жили в крайне примитивных условиях. Но хотя в быту им приходилось очень трудно, однако посол Линь Сунтянь возглавил и сплотил всех сотрудников посольства. Они делили горе и радость пополам, активно завоевывали сердца людей.

Линь Сунтянь:

На Новый год, на Праздник весны я предложил лепить пельмени. Я не боялся того, что надо мной могут смеяться. Я говорил, что пусть даже мы будем еще беднее, мы все равно должны поесть пельменей. Повар посольства купил две свиных ноги. Они были маленькие, не такие, как у нас. Он сказал, что каждая стоила больше ста американских долларов. Он сказал мне: «Посол, посмотрите, вот эта одна стоит больше ста американских долларов». Я сказал, что мы только один раз в год едим это. И мы должны есть то, что мы должны есть (на Праздник весны). Еще купили несколько кочанов китайской капусты. И тогда мы действительно приготовили пельмени по-китайски. На это ушло несколько сот долларов.

На одно блюдо китайских пельменей потратили несколько сот американских долларов. Это оказалось очень нелегко для посла Линь Сунтяня и сотрудников посольства. Когда руководитель соответствующего отдела министерства финансов узнал об этом, то оказалось, что на такую трудную (в бытовом отношении) жизнь никто не мог смотреть без слез.

Линь Сунтянь:

Начальник соответствующего управления министерства финансов вскоре после моего приезда в Либерию посетил меня. Чтобы довезти его на машине (в город из аэропорта) понадобилось 50 минут. Для того чтобы он смог выйти из машины и войти в дом, мне понадобилось вызвать полицейскую машину с большими фарами, которыми и осветили лестницу. На то, чтобы доехать в столицу из аэропорта, требуется час времени. Когда в ходе нашей поездки прошел час, начальник управления спросил: «Посол, мы уже должны въехать в город?» Я сказал, что сейчас вы уже в городе. Тогда начальник управления

сказал: «Я знал, что вы, дипломаты, часто живете в трудных условиях. Но я никогда не видел таких трудных условий. Я преклоняюсь перед вами». Они (делегация во главе с упомянутым начальником управления) привезли нам много фруктов и овощей. Когда открыли ящик с фруктами, члены делегации все это тут же и съели. Когда же я разъяснил ситуацию этой группе, приехавшей с проверкой, то входившие в ее состав женщины заплакали. Они не стали есть овощи, которые привезли с собой. Не смогли их есть. Оставили сотрудникам посольства. Надо сказать, что это были действительно трудные условия.

Без свежих овощей, без электричества, в обстановке, когда в стране происходили потрясения, в этой скверной ситуации посол Линь Сунтянь внес громадный вклад в дело нормального развития отношений между КНР и Либерией. Его твердость, терпение, его непоколебимая воля, а также его дух, находивший свое выражение в том, что он делил с сотрудниками посольства горе и радость пополам, его дух совместного преодоления всей командой трудностей трогает сердца людей. По нему можно видеть и его строгий стиль работы, и его горячую любовь к делу дипломатии. Он не отступил в трудных условиях. Напротив, он открывал новое и активно продвигался вперед. Из дитя семьи крестьян он возмужал и стал дипломатом, вырос до посла, стал дипломатом Республики. Для него нет непреодолимых трудностей.

Линь Сунтянь:

Я родился в 1960 году на маленьком острове в провинции Фуцзянь, обращенном к Тайваню, драгоценности нашего Отечества. В 1977 году окончил полную среднюю школу и начал работать в бригаде: ловил рыбу, пахал, высаживал рассаду, жал рис. Я делал всю крестьянскую работу. В процессе возмужания пришлось преодолеть много трудностей.

Возможно, наша жизнь, жизнь дипломатов, очень трудна. Судя по моему жизненному опыту, я никогда не мог и помыслить, что крестьянский сын, а фактически в самом деле можно сказать, что я и есть самый что ни на есть настоящий крестьянин, я смогу вырасти до дипломата Отечества, Республики и, особенно, сегодня стать ПОСЛОМ. Поэтому на пути много трудностей, но, по-моему, нет непреодолимых трудностей.

Будучи дипломатом, Линь Сунтянь должен постоянно работать за границей. Он вносит большой вклад в дело государства. Он отдает этому многое, в том числе это касается его семьи и его чувств к родным.

Линь Сунтянь:

У дипломата много потерь. Он теряет чувства, теряет то, чего он не видит. Мы оказываемся в долгу у наших детей, наших жен, наших отцов и матерей. Ты должен подолгу жить за границей без жены. Моя жена часто говорит мне: «Как мне не повезло выйти замуж за тебя!» Моя жена и сын терзаются противоречивыми мыслями. С одной стороны, папа за границей и вроде бы процветает. Но мы не видим его изо дня в день. Как говорится: «Наш-то процветает, а семьи-то не видит».

«Когда я (жена посла) топлю печь углем, покупаю овощи, когда я болею, когда я в больнице, я тебя не вижу». Особенно тогда, когда они (родные посла) болеют, когда им более всего требуется помощь, в это время, по-моему, могут быть еще сильнее и любовь, и ненависть.

За те 19 лет, что посол Линь Сунтянь находится в браке, его не было дома, по крайней мере, 10 лет. Сына вырастила жена. Дома все делает она сама. Линь Сунтянь большую часть времени отдает делу внешних сношений Республики, принося в жертву родственные чувства, находясь вдали от любви.

Линь Сунтянь:

Некоторые дети не узнают возвратившегося отца. Что такое для них отец? Отец — это тот, кто носит западный костюм. Все идущие по улице в западном платье — это и есть отец. Ты не знаешь, как вырос твой ребенок. Когда ты возвращаешься, у него к тебе нет чувств. Поэтому сейчас очень многие по возвращении оказываются в иной ситуации, потому что мы оказываемся в долгу у детей, у жен. У тебя нет права говорить с детьми. Отсюда ослабление любви между родителями и детьми, отсутствие послушания.

Я считаю, что тогда, когда человек занимается дипломатической работой, когда он точно находится на своем месте в этом смысле, тогда он свою судьбу действительно вручает государству. У тебя в это время уже нет никакого выбора. Приезжаешь ты в богатую страну, попадаешь в хо-

рошую обстановку или в скверные условия — это дело случая. Когда ты выехал в командировку, ты можешь жить там, относясь к этому двояко. Либо пессимистически, сетуя на судьбу, либо оптимистически, позитивно.

И действительно, Линь Сунтянь в качестве дипломата Республики, в духе открытия и продвижения вперед в Либерии, в самой старой республике в Африке, был удостоен почетного звания «Большого вождя», «Посла народа». Президент Либерии удостоила его высшей награды для дипкорпуса «Большого ордена Всадника, несущего гуманность в Африку». Он заложил прочный мост ради дружественного сотрудничества народов КНР и Африки. В трудных условиях он установил отношения глубокой дружбы с народом Либерии. Он глубоко внедрил в сердце народа Либерии дружественный образ человека Китая.

Рассказ о после КНР в Либерии — один из примеров борьбы, которую КНР ведет за дипломатическое признание в мире и против Тайбэя.

Послу КНР в Либерии удалось добиться разрыва Либерией дипломатических отношений с Китайской Республикой на Тайване и установления дипломатических отношений Либерии с Китайской Народной Республикой.

При этом он активно действовал сразу по нескольким направлениям.

У него сложились хорошие отношения с президентом Либерии, с рядом вождей племен, ему удалось заполучить контракт на постройку в Либерии ГЭС, в которой нуждалась Либерия. Он понял, что Либерия нуждается в сельскохозяйственных орудиях, которыми пользуются простые крестьяне на своих участках земли. Он выдвинул ряд предложений, которые доказывали, что КНР стремится помочь Либерии решать ее экономические проблемы, причем не просто выдает деньги, которые могут разворовать чиновники, а добивается целевого использования и средств, и материальной помощи, а также предлагает развивать те области экономики страны, которые принесут ощутимый доход. Наконец, свою роль сыграло то, что посол КНР в Либерии, а также сотрудники посольства сумели приспособиться к трудным бытовым условиям работы в этой стране.

Думается, что все это достойно изучения и копирования при определенных обстоятельствах и нашей дипломатической службой.

Далее в фильме следует раздел, который называется:

«Дипломаты на линии границы».

Часть первая.

Они боролись за территориальную целостность Китая. Они превратили границу в полосу мира и дружбы.

Вот еще одна типичная постановка вопроса в форме декларации о намерениях, применяемая современной пропагандой КПК.

С одной стороны, утверждается, что тогда, когда сегодня решаются пограничные вопросы, это борьба за территориальную целостность Китая; тут нет упоминания об интересах партнера и о необходимости компромисса, но лишь утверждение своей односторонней правоты.

С другой стороны, КНР обещает в случае, если партнер пойдет на удовлетворение ее требований, создавать возможность превращения границы в полосу мира и дружбы.

Широки просторы нашей страны, прекрасны ее горы и реки. Протяженная линия сухопутной границы формирует уникальную линию пейзажа.

Начиная с устья реки Ялуцзян на севере, где проходит граница Китая и Кореи, и вплоть до устья реки БЭЙЛҮНЬ на юге, где проходит граница Китая и Вьетнама, линия границы охватывает все возможные в мире прекрасные пейзажи, которые только можно себе представить. Эта пограничная линия подобна завершенной и исполненной взлетов и падений музыкальной симфонии. Она наполнена не только красотами поэзии, но и прекрасными музыкальными мотивами.

Наше государство обладает территорией на суше в 9 миллионов 600 тысяч квадратных километров. По этому показателю она уступает только России и Канаде, то есть является третьим по территории крупным государством в мире. Линия сухопутной границы протянулась более чем на 22 тысячи километров. Наше государство — это государство с самой протяженной в мире линией сухопутной границы.

Дуань Цзелун, начальник договорно-правового управления МИД КНР:

Сухопутная граница — это самая важная часть государства. Прежде всего, она определяет пределы территории нашего государства. Эту территорию можно точно определить именно с помощью границы. Решение вопроса о том, насколько велики пределы твоей территории и с кем ты граничишь, все это необходимо воплощать в жизнь путем работы по границе.

Ли Фэнлинь, посол КНР в РФ:

Вопрос о границе между двумя государствами — это важная часть отношений между государствами. Следовательно, характер отношений между двумя государствами, изменения этого характера также могут непосредственно сказываться на решении вопроса о границе.

В КПК — КНР существует термин, которым там пользуются, по крайней мере, с 1960-х гг. Это термин «БЯНЬЦЗЕ ВЭНЬТИ — вопрос о границе».

Этим термином обозначают ситуацию, при которой в КПК — КНР считается, что границы между КНР и тем или иным государством еще не существует, то есть не существует границы, которую бы КНР признавала в качестве равноправной границы между двумя соседними государствами.

При правлении Мао Цзэдуна одним из вопросов, которые он сделал препятствиями для налаживания наших двусторонних отношений, был именно вопрос о границе.

Мао Цзэдун, особенно после смерти Сталина, начал планомерно противопоставлять наши нации и наши государства. С этой целью он поставил перед Хрущевым сначала вопрос о Монголии, потребовав, чтобы наша страна «вернула» Монголию в состав Китая.

Затем он поставил вопрос о передаче Китаю секрета производства ядерного оружия.

Наконец, он заявил через МИД КНР о том, что в наших межгосударственных отношениях существует вопрос о границе, то есть что границы, признанной китайской стороной равноправной, между СССР и КНР еще не существует.

Впоследствии к этому добавились обвинения в наш адрес идеологического характера.

Но первыми и главными обвинениями изначально были и остались обвинения межгосударственного характера, связанные с вопросами о Монголии, об атомной бомбе и о границе.

Представляется, что далеко не случайно одним из первых экспертов, которые комментируют «вопрос о границе» в этом фильме, выступает Ли Фэнлинь, один из главных специалистов в КНР по этому вопросу на протяжении последних 50 лет.

Мао Цзэдун на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 года: *«ЧЖУНЬЯН ЖЭНЬМИНЬ ЧЖЭНФУ ЦЗИНЬТЯНЬ ЧЭНЛИЛА! — Центральное правительство народа (Китая) сегодня создано!»*

Это прозрачный намек на то, что именно с первого же момента создания своей власти в КНР Мао Цзэдун был озабочен поиском путей решения «вопроса о границе».

В фильме об этом так и говорится:

С момента создания Нового Китая наши партия и правительство в полной мере уделяют внимание работе по границе.

Все это говорится на фоне фотографии: на стене портреты Чжу Дэ и Мао Цзэдуна. За столом президиума сидят Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, стоит Мао Цзэдун, сидит Чжу Дэ.

Тем самым авторы фильма хотели бы сказать, что все четверо основателей КНР разделяли мнение Мао Цзэдуна по этому вопросу. Думается, что это не так. Нам уже приходилось неоднократно рассказывать о том, как Лю Шаоци вместе с Хрущевым в 1964 году стремился практически решить пограничные вопросы в наших взаимоотношениях. Лю Шаоци предложил тогда отступить от договоров и провести линию границы на речных участках судоходных рек по фарватеру, а Хрущев согласился с этим. На основе этой принципиальной договоренности стороны в 2004 году закончили делимитацию прохождения всей линии границы. Пока были живы Мао Цзэдун и Дэн Сяопин, сделать этого не удавалось.

Всегда, с начала и до конца, считают защиту суверенитета и территориальной целостности государства высочайшей нормой (критерием). Считают укрепление границы, усиление обороны стратегической основой безопасности государства, возрождения государства. В различные периоды истории ЦК партии составлял стратегический план полити-

ки в отношении границы, исходя с высоты обстановки в целом в стратегическом плане. Осуществлял контрудар по провокациям внешних врагов, усиливал строительство границы, постепенно разрешая споры о границе, защитил суверенитет и территориальную целостность государства, что представляло собой мощную гарантию существования и развития социалистической политической власти.

Авторы фильма внушают зрителям мысль о неразрывном единстве власти КПК и обеспечения территориальной целостности государства.

Утверждается, что «ЦК партии составлял стратегический план политики в отношении границы»; «осуществлял контрудар по провокациям внешних врагов». Здесь, в частности, имеется в виду, что кровь людей нашей страны, пролитая солдатами армии Мао Цзэдуна в соответствии с духом его указаний на острове Даманский в 1969 году, была осуществлением плана, за который ответственность несет весь ЦК КПК.

Оуян Юйцзин, советник договорно-правового управления МИД КНР:

У нас 14 соседних с нами государств. По числу соседей на суше мы на первом месте. Если говорить о рельефе местности на границе, то можно сказать, что он охватывает все известные и описанные в учебниках географии в нашей стране природные географические ландшафты. Сюда включаются горные районы, пустыни, плоскогорья, высокие горы, болота, тропические леса и т. д., то есть самые разнообразные природные географические ландшафты. Поэтому и говорится, что рельеф границы довольно сложный.

Сложный рельеф, да плюс к тому самые разнообразные оставленные историей проблемы делают вопрос о границе сложным и беспокоящим. Важная задача Нового Китая со времени его создания побуждает партию и правительство ставить на первое место создание добрососедских дружественных отношений с соседними окружающими нас государствами. Руководствуясь основными принципами мирного сосуществования, постепенно и стабильно, в духе компромиссов партия и правительство разрешили вопросы о границе с большинством соседних государств, создали благоприятную окружающую обстановку для строительства нашего государства.

Дуань Цзелун:

С момента создания государства благодаря усилиям людей нескольких поколений мы разрешили вопросы о территориях и о границе с 12 из 14 сопредельных государств. Мы делимитировали границу и таким образом в значительной степени способствовали продвижению вперед и развитию отношений с этими государствами. Поэтому и говорится, что обеспечение спокойной жизни простых людей, их занятий с радостью своими делами, а также дружественные контакты нашего государства — все это неразрывно связано с работой по границе. Эта работа имеет необычайную важность.

Делимитация границы, установка пограничных знаков, охрана и управление делами на границе — все это непосредственно связано с защитой суверенитета и территориальной целостности государства, с миром и покоем в районе границы.

Отдел по территориям и границе договорно-правового управления МИД КНР выступает в качестве того подразделения МИД, которое занимается делами территорий и границ. Этот отдел отвечает за большой объем работы по территориям и границе, включая обязанность делать следующее:

участвовать в переговорах по определению границы (по делимитации границы);

ведать переговорами по договорам или соглашениям о границе;

ведать работой по демаркации границы, по совместной проверке границы;

ведать переговорами относительно соглашений о режиме границы;

ведать переговорами по соглашениям об открытии пограничных переходов, а также соглашениями по режиму этих переходов;

участвовать в освоении и использовании рек, пересекающих границы;

ведать транспортировкой через границы;

сотрудничать в освоении приграничных районов;

вырабатывать и определять нормы и критерии обозначения линии границы на географических картах в мире и в Китае;

проверять географические названия и т. д.

Несмотря на то, что в настоящее время в отделе по территориям и границе МИД КНР всего десяток сотрудников,

однако, кроме того, во всех приграничных провинциях и автономных районах, в округах, городах, уездах есть соответствующие работники, занимающиеся внешними делами и границей. Поэтому численность в нашей стране отряда, занимающегося делами, связанными с границей, может быть громадной и достигать нескольких сотен и даже тысяч людей.

Бай Бинь, начальник четвертого отдела договорно-правового управления МИД КНР:

В нашем деле существует довольно высокая профессионализация. Само договорно-правовое управление — это также довольно сильная структура. В той области, где дело касается границы, профессионализм тем более высокий. Там очень много технической работы. В настоящее время в состав отдела входят те, кто делает съемку и вычерчивает карту, есть те, кто занимается правовыми вопросами, есть те, кто занимается языком (переводом). В предшествующий период были и те, кто занимался даже историей и географией. У нас работают люди разных специальностей, однако, приходя в отдел, они вливаются в наши общие ряды.

Оуян Юйцзин:

Фактически главная цель работы по границе — это защита суверенитета и территориальной целостности государства и его безопасности. Это — центральные интересы государства. Мы ведем работу по границе. У тех, кто занимается работой по границе, в душе есть священное чувство патриотизма и ощущение чести, которой их удостоили. Хотя работа, которой мы сейчас занимаемся, и остается неизвестной, однако то, что мы делаем, само по себе имеет отношение к центральным интересам государства.

В момент создания нашего государства у него и 12 соседних с нами на суше государств на границах что-то не было определено (делимитировано). Что-то хотя и было определено (делимитировано), однако в силу исторических причин, природных причин и человеческого фактора формировало некоторые споры. На протяжении 50 с лишним лет после создания государства наше государство на основе пяти принципов мирного сосуществования и курса в области внешней политики на добрососедские дружественные отношения под руководством ЦК партии и правительства благодаря неус-

таннным усилиям достигло двух пиков в решении вопроса о границе.

У КНР существует сухопутная граница с 14 государствами: КНДР, РФ, Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Бутан, Непал, Мьянма, Лаос, Вьетнам.

В КНР считается, что в момент ее создания в 1949 году с 12 из 14 упомянутых государств имелись вопросы о границе. В настоящее время утверждают, что с 12 из 14 этих государств вопросы решены.

Ван Ганхуа, специальный консультант делегации на переговорах о границе между КНР и СССР:

После создания Нового Китая несмотря на то, что на границе были спорные районы, а также существовал сам вопрос о границе, но с 1949 по 1959 год существовал 10-летний период дружественных отношений между КНР и СССР. И на границе все же было чрезвычайно спокойно. Приграничное население и пограничники были очень дружественными.

Свой рассказ авторы фильма начинают с вопроса об отношениях с нашей страной. Здесь сразу же обнаруживается «двойное дно» в позиции Мао Цзэдуна. Оказывается, если исходить из того, что говорится в фильме и на что настраивают зрителей в КНР, то в первые 10 лет существования КНР, с 1949 по 1959 год, приграничное население и пограничники были очень дружественными. Между государствами, СССР и КНР, существовали дружественные отношения.

Мао Цзэдун был вынужден и считал выгодным поддерживать такого рода внешне дружественные отношения, преследуя цель взять в нашей стране все, что возможно, для усиления китайского государства.

В то же время подлинная глубинная позиция Мао Цзэдуна состояла в том, что на границе существуют «спорные районы» и существует сам вопрос о границе. Просто ему надо было извлечь из нас максимальную выгоду, а потом, когда извлекать больше будет особенно нечего, когда внутри страны удастся создать обстановку вражды и ненависти к нам, выдвинуть вопрос о границе и вопрос о «спорных территориях». Мы, сами того не зная, жили под дамокловым мечом предъявления нам территориальных требований со стороны внешне союзника и друга — КПК и КНР.

Ли Цинъюань, консультант по делам границы МИД КНР:

В начале 1960-х гг. мы сформировали первый пик в решении вопроса о границе и разрешили вопрос о границах с Бирмой, Афганистаном, Непалом, Пакистаном, Монголией; в общей сложности с шестью государствами.

1 октября 1960 года КНР официально подписала договор с Бирмой о границе. С момента создания нашего государства это был первый договор определения границы путем мирных переговоров. Эта успешная практика сконцентрировала в себе метод дипломатии Китая, а именно соответствовать международной и внутренней обстановке данного времени, а также воплотила в себе требования эпохи и тенденции развития. Это имело важное значение. Это не только надлежащим образом разрешило конфликты на границе между двумя соседними государствами — Китаем и Бирмой, но и предоставило драгоценный опыт и важные основы разрешения нашим государством в дальнейшем вопросов о границе с Непалом, Монголией, Пакистаном и Афганистаном.

Ли Цинъюань:

В некоторых случаях, если говорить о сути вопроса о границе, не было слишком больших споров. Например, у КНР с Афганистаном не было споров. Там был всего лишь небольшой участок границы в несколько десятков километров, где граница проходила в качестве разграничительной линии по гребню горы. Поэтому там не было споров. Что же касается случая с Непалом, то там границей служили Гималайские горы. В нескольких местах там были пастбища. В некоторых местах мы пасли скот, переходя границу. В других местах непальцы пасли скот, переходя границу. Под «переходом границы» имеется в виду переход через линию границы и приход на наши пастбища для того, чтобы пасти скот. Обе стороны признали, где проходит линия прохождения границы. Наша сторона ради того, чтобы решить вопрос о выпасе скота нашим приграничным населением, выразила надежду на то, что нашей стороне на протяжении ряда лет будет позволено продолжать приходить в пределы Непала с целью выпаса скота. Этот вопрос было легко решить.

Во второй половине 1950-х гг. Мао Цзэдун принес населению КНР горе и страдания, организовав «великий скачок» и движение за создание «коммуны народа». Ущерб был настолько

велик, что Мао Цзэдуну пришлось уйти в тень, «на вторую линию». То есть на время затаиться, предоставив Лю Шаоци возможность выправлять положение.

Лю Шаоци не только исправил в существенной степени ситуацию внутри страны, но и решил ряд пограничных вопросов. Именно в результате осуществления внешней политики Лю Шаоци, а не Мао Цзэдуна были решены вопросы в пограничных отношениях, в частности, с Бирмой, Афганистаном, Непалом, Пакистаном и Монголией.

После первого пика в определении (делимитации) границы для нашего государства остались только вопросы о границе КНР с СССР, КНР с Индией, КНР с Бутаном, КНР с Вьетнамом и КНР с Лаосом. Эти вопросы продолжали ждать делимитации.

Однако им так и пришлось ждать более 20 лет. Начиная с 1980-х гг., особенно после окончания «холодной войны», в международной политической обстановке и в окружающей (Китай) обстановке произошли громадные перемены. Китай тут встретил второй пик решения вопросов о границе.

Лю Шаоци стремился решить и другие вопросы. В частности, мы уже упоминали о том, что он сделал конкретные предложения с целью достижения соглашения с нашей стороной и получил понимание со стороны Хрущева.

Но Мао Цзэдун не дал Лю Шаоци возможности решить те вопросы, которые Мао Цзэдун хотел «подвесить». Это прежде всего вопросы во взаимоотношениях с нашей страной, с Индией и с Вьетнамом.

Оуян Юйцзин:

В связи с окончанием «холодной войны» в политической конфигурации на международной арене произошли большие изменения. К тому имелись благоприятные для нас в то время события. Мы использовали этот шанс, чтобы разрешить вопрос о границе с соседними государствами. Поэтому можно сказать, что начиная с конца 1980-х — начала 1990-х гг. КПК плотно взялся за имевшийся в то время хороший шанс, использовал исторический момент, способствовал разрешению вопроса о границе между нами и соседними государствами.

Авторы фильма говорят о «двух пиках» или о двух периодах, когда были достигнуты наибольшие достижения в реше-

нии пограничных вопросов КНР с соседними государствами. Один датируется первой половиной 1960-х гг., другой — концом 1980-х — началом 1990-х гг.

С нашей точки зрения, речь идет о двух периодах, когда на сцене главными действующими лицами не были Мао Цзэдун и Дэн Сяопин.

В первой половине 1960-х гг. Мао Цзэдун из-за провалов своей внутренней политики был вынужден отойти в тень. Временно ушел с авансцены. В 1980-х гг. Мао Цзэдун уже ушел из жизни.

Что же касается Дэн Сяопина, то он активно продолжал политику Мао Цзэдуна на мировой арене в конце 1970-х гг., что нашло свое выражение в организации им войны против Вьетнама. Когда эта авантюра Дэн Сяопина окончилась поражением, он также был вынужден отступить в тень.

Тогда, когда на авансцене не было ни Мао Цзэдуна, ни Дэн Сяопина, разумные политические руководители КПК — КНР, то есть Лю Шаоци, Ху Яобан, Чжао Цзянь, имели возможность продвигаться вперед в ходе урегулирования вопросов пограничного размежевания с рядом государств.

В частности, можно лишний раз отметить, что только после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году и смерти Дэн Сяопина в 1997 году удалось полностью определить линию прохождения границы между нашей страной и КНР. Это произошло в 2004 году.

С 1990-х гг. окружающая обстановка улучшилась. Реальная мощь нашего государства возросла. Все это создало благоприятные условия для того, чтобы наше государство развернуло работу по границе. В это время на переговорах о границе между КНР и СССР добились развития, которое носило характер прорыва. Переговоры о границе между КНР и СССР в общей сложности продолжались более 40 лет.

Генеральный секретарь КПК Чжао Цзянь говорил, что за последние 150 лет единственным десятилетием, когда Китай жил в мирной обстановке, были 1980-е гг. Думается, что именно тогда и были заложены основы разрешения ряда пограничных вопросов,

В 1960 году по указанию КПК в МИД было создано «Управление делами по переговорам о границе между КНР и СССР». Оно было создано с целью готовить переговоры о

границе с СССР. Затем КНР и СССР трижды провели одни за другими в 1964 году, 1969 году, 1987 году многоразовые переговоры о границе.

Ли Фэнлинь:

В упомянутом управлении были три начальника отделов: Ма Сюйшэн, Ли Гуаньжу, Чжан Цзыфань. В сформированном тогда управлении делами по границе между КНР и СССР они возглавляли три главных отдела. Один из них отвечал за восточный участок, другой — за западный участок, третий — за упорядочение материалов. Эти трое фактически и были теми людьми, которые заложили основу работы по подготовке материалов для переговоров о границе. Поэтому необходимо сказать, что всю линию границы раньше всех целиком и полностью прошли именно они, эти трое.

16 мая 1991 года во время визита генерального секретаря КПК Цзян Цзэминя в СССР представители КНР и СССР официально подписали «Соглашение между КНР и СССР о восточном участке границы», определили восточный участок границы между двумя государствами. В соответствии с упомянутым соглашением стороны создали совместную комиссию по демаркации границы, чтобы на практике осуществить работу по демаркации границы. Одновременно также ускорили процесс мирных переговоров по западному участку границы.

После распада СССР первоначальные переговоры между КНР и СССР были преобразованы в переговоры между нашим государством и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном — четырьмя государствами. Наше государство с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном в результате переговоров одно за другим подписало соглашения о государственной границе, определило двустороннюю линию прохождения границы.

14 октября 2004 года во время визита президента РФ Путина в КНР представители обоих государств официально подписали «Дополнительное соглашение между РФ и КНР о восточном участке государственной границы». К этому времени КНР и РФ определили прохождение линии границы на всем ее протяжении более 4300 километров.

Ли Фэнлинь:

В результате более чем сорокалетних трудных переговоров, в которых принимали участие люди нескольких поколений,

в конечном счете был разрешен вопрос о границе. Это чрезвычайно важно. Это то, что имеет чрезвычайно важное практическое значение, долгосрочное значение. Дело в том, что два таких крупных государства, как КНР и РФ, могут сосуществовать только в дружбе. Это означает, что обе стороны в полной мере осознали с высоты стратегии следующее: дружить из поколения в поколение; никогда не выступать в качестве врагов. Их отношения к тому же должны быть отношениями партнеров, находящихся в состоянии стратегического взаимодействия. Это благоприятно для обеих стран. Это именно и есть великая стратегия.

Разрешая вопрос о границе, правительство КНР всегда придерживалось таких основополагающих принципов, как справедливость и рациональность, мирные переговоры. Мы со всей решительностью защищаем нашу собственную территорию, но также никогда не кичимся силой и не обижаем слабых, не посягаем на целостность территории других государств. Мы добиваемся того, чтобы убеждать доводами разума, взаимно относиться друг к другу равноправно.

Ли Фэнлинь:

В настоящее время с тех пор прошло 50 лет. К настоящему времени вопрос о границе уже полностью разрешен. Вопросы о границе между КНР и РФ в качестве вопроса, оставленного историей, уже не существует. Это хорошо в максимально превосходной степени.

Однако я думаю, что необходимо со всей определенностью сказать, что в ходе этого процесса, который продолжался 40 лет, наша позиция, наш подход, позиция и подход КНР как стороны были последовательными и всегда правильными.

Ван Ганхуа:

Мы благодаря такому методу, как разрешение вопроса о границе путем мирных переговоров, дружественных консультаций, проявления взаимопонимания и того, что мы шли на взаимные уступки, принимая во внимание интересы обеих сторон, разрешили такой сложный, оставленный историей вопрос, как вопрос о границе. Это в полной мере подтверждает то, что наш Китай считает соседей партнерами, считает соседей добрыми соседями, и эта политика является совершенно искренней. К тому же мы, наш Китай, в настоящее

время на юге все еще в некоторых местах вовсе не разрешили вопрос о границе. При таких обстоятельствах разрешение нами вопроса о границе на севере, я думаю, может способствовать разрешению некоторых других вопросов о границе.

Итак, китайские пропагандисты утверждают, что в настоящее время «вопрос о границе» между нашими государствами — РФ и КНР — полностью решен.

Действительно, большим достижением является соглашение обеих сторон по вопросу о прохождении линии границы на всем ее протяжении. Этот вопрос решен. В то же время китайская сторона продолжает требовать от нашей стороны признания ее утверждения о том, что договоры, которыми определяется наша граница, являются якобы неравноправными. Об этом говорили Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Их слова никто не опроверг и не дезавуировал в КПК — КНР. В Уставе КПК оба они считаются вождями. Об этом говорилось в документе МИД КНР от 8 октября 1969 года. Этот документ также не был никем и никогда дезавуирован в КНР. Этому продолжают учить все подрастающие поколения китайцев и в средней школе, и в вузах КНР.

Таким образом, до сих пор между РФ и КНР еще не разработан и не подписан новый общий договор о границе, который обе стороны признавали бы равноправным и который стороны считали бы заменяющим все прежние договоры и документы о границе. Тогда, когда это произойдет, вопрос о характере ныне действующих договоров о границе может быть предметом изучения их учеными наших стран, но не будет входить в сферу двусторонних межгосударственных отношений, то есть не будет омрачать эти наши отношения.

Далее, до сих пор китайская сторона отказывается разрабатывать и подписать с нами договор о режиме границы, предпочитая ограничиваться лишь соглашениями по этому вопросу.

Наконец, пока китайская сторона не снимает вопрос о требовании к нам доказывать, что нам можно доверять в военном плане, то есть китайская сторона продолжает считать необходимым продолжение действия соглашения о сокращении вооруженных сил и вооружений в стокилометровой полосе вдоль границы по обе стороны линии границы.

Китайские пропагандисты, тем не менее, ставят вопрос таким образом, что современное решение вопроса о границе на севере, то есть прежде всего с нашей страной, способствует решению вопросов о границе КНР на юге, то есть прежде всего с Индией.

Все это заставляет задуматься о том, что именно нам предлагают в КНР считать полным решением «вопроса о границе» в настоящее время.

С древних времен и до настоящего времени вопрос о границе вовсе не был только примитивным приобретением или утратой территории. Его решение зачастую нужно было осуществлять в сочетании с тем фоном, который складывался во взаимоотношениях двух государств. Разрешение вопроса о границе между двумя государствами осуществляется вовсе не только в опоре на улучшение отношений между государствами. Тут еще более важно то, что в этом плане здесь должно присутствовать тесное сочетание усилий в обоих государствах, сверху донизу.

Ван Ганхуа:

Я должен сказать, что переговорам о границе уделяло внимание наше высшее руководство КПК на протяжении жизни всех поколений людей в нашей истории. Это осуществлялось целиком и полностью под водительством высшего руководства ЦК КПК, при его непосредственной заботе. Наши высокие руководители, встречаясь с высокими руководителями другой стороны, изыскивали все способы, чтобы продвигать вперед решение вопроса о границе. Если бы эти переговоры о границе не проходили при заботе со стороны наших товарищей — самых высоких руководителей, которые и определяли для них правильный курс (направление) и политику, тогда решения относительно границы не были бы столь вероятными.

Ли Фэнлинь:

Руководители обеих сторон, руководители с китайской стороны, руководители с советской стороны, руководители с российской стороны, все приложили свои усилия ради разрешения вопроса о границе. В том, что касается понимания вопросов, существующих в отношениях между КНР и СССР, Горбачев довольно трезво оценивал обстановку. Например, он четко понимал, что границу на реках необходимо проводить по глав-

ному фарватеру. Вообще говоря, это изначально должно было быть вне всяких сомнений. Но до этого в прежнем СССР они хотя и знали у себя внутри, что это так, что надо так поступать, но они не хотели признать это. Горбачев первым признал это. Потом, когда наступила эпоха Ельцина, он сделал то же. Позиция Ельцина была ясной. А именно: договоры надо соблюдать, их нельзя изменять. Ельцин также внес свой вклад в решение вопроса о границе между Китаем и Россией.

Авторы фильма внушают зрителям в КНР, что Мао Цзэдун и его приверженцы и последователи, дескать, всегда правильно подходили к решению «вопроса о границе».

Мы уже упоминали о разногласиях по этому вопросу между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном. Китайские пропагандисты откровенно лгут населению КНР, когда говорят, что только Горбачев первым признал, что границу на реках надо проводить по фарватеру. На самом деле это была договоренность между Лю Шаоци, который выдвинул такое предложение, и Хрущевым, который согласился с этим предложением. Этой договоренности, этого компромисса они достигли в 1964 году, за два с лишним десятилетия до прихода Горбачева к власти в нашей стране. Эту ложь сегодня повторяют в КНР для того, чтобы обелить преступления Мао Цзэдуна, который не допустил соглашения по вопросу о прохождении линии границы в 1964 году и, используя это обстоятельство, начал войну, пролил кровь, подло из засады приказал убить наших безоружных пограничных представителей в 1969 году на острове Даманский.

Мы уже высказывали наше мнение и можем повторить, что Мао Цзэдун и Дэн Сяопин стремились подвесить вопрос о границе, рассчитывая никогда не решать его до того времени, пока у их последователей не появится столько сил, что они смогут навязать нам свое «справедливое и рациональное» решение этого вопроса.

Вопросы в наших пограничных отношениях решались тогда, когда в Китае Мао Цзэдун и Дэн Сяопин не могли существенно помешать достижению договоренностей. В КНР были разумные люди, стремившиеся решить эти вопросы. С нашей стороны всегда существовало желание достичь соглашения на разумных основах. Именно благодаря этим двум факторам мы

имеем сегодня линию прохождения границы на всем ее протяжении.

Итак, первым из пограничных вопросов в этом фильме рассматривается пограничный вопрос в наших двусторонних отношениях.

Затем в фильме трактуется пограничный вопрос во взаимоотношениях Китая и Индии.

Общая протяженность линии границы между Китаем и Индией составляет около 2 тысяч километров. В 1960 году премьер Чжоу Эньлай лично отправился в Нью-Дели, чтобы разрешить этот вопрос, оставленный историей. Там он провел переговоры с Джавахарлалом Неру. В 2003 году премьер-министр Индии Ваджапай посетил КНР. Премьеры назначили своих особых полномочных представителей, которые, исходя из взгляда на обстановку в целом во взаимоотношениях между двумя государствами с политических позиций, обговорили рамки разрешения вопроса о границе. На протяжении нескольких десятилетий руководители обеих сторон, Китая и Индии, прилагали в этом направлении неослабевавшие усилия.

Дуань Цзелун, начальник отдела договорно-правового департамента МИД КНР:

Я думаю, что прежде всего крупным принципом разрешения вопроса о границе является необходимость с уважением относиться к истории, с уважением относиться к фактам. Кроме того, также необходимо действовать на основе права. При разрешении вопроса о границе самым главным предстает неразрывная связь этого вопроса с международным правом. Почему это так? Вопрос о границе в одно и то же время является и вопросом политики и носит очень сильный юридический характер. На протяжении многих лет во взаимоотношениях с соседними государствами и при переговорах о договорах об определении границы, при переговорах о договорах о демаркации границы мы его соблюдали. Именно поэтому в целом это дело продвигалось относительно успешно, при этом также достигались довольно очевидные результаты.

Здесь упоминается о поездке Чжоу Эньлая в 1960 году в Индию. Необходимо при этом принимать во внимание, что тогда большую роль в определении внешней политики КНР

играл председатель КНР Лю Шаоци. Думается, что Мао Цзэдун не мог просто не допустить никаких шагов Лю Шаоци в сторону поисков решения пограничных вопросов, но ему удалось добиться того, чтобы конкретно визит в Индию совершил Чжоу Эньлай. В результате Лю Шаоци добился некоторого понимания с индийской стороной. Мао Цзэдун преуспел в том, чтобы отложить реальное решение вопросов, а спустя два года даже пойти на военные действия на границе с Индией. Пограничные вопросы во взаимоотношениях КНР и Индии не решены до сих пор.

Зрителей фильма в КНР сегодня пытаются убедить в том, что чиновники КПК — КНР во взаимоотношениях с соседними государствами в пограничных вопросах всегда с уважением относились к истории, к фактам и к международному праву.

Думается, что то обстоятельство, что и с нашей страной на достижение соглашения относительно прохождения линии границы понадобилось 40 лет, что и с Индией этот вопрос пока не решен, хотя прошло более 40 лет, говорит о сложности проблем, а также о том, что у сторон существуют разные трактовки и истории, и фактов, и международного права.

В декабре 1981 года КНР и Индия возобновили переговоры о границе. Однако заря в вопросе о границе между Китаем и Индией действительно забрезжила все же в 2003 году, когда премьер-министр Индии посетил КНР. Во время этого визита руководители обеих сторон, Китая и Индии, приняли решение, «исходя из взгляда на обстановку в целом во взаимоотношениях между двумя государствами», обговорить разрешение вопроса о границе между двумя государствами. В последние годы на переговорах о границе между Китаем и Индией стороны активно продвигаются вперед.

В январе 2008 года премьер-министр Индии Сингх совершил официальный визит в КНР. Китай и Индия будут твердо придерживаться следующего: рассматривать вопрос с высоты стратегии, исходить из обстановки в целом в отношениях двух государств, путем равноправного согласования как можно раньше достигнуть справедливого и рационального рамочного соглашения, приемлемого для обеих сторон; до разрешения вопроса о границе стороны будут совместно прилагать усилия с тем, чтобы защищать мир и спокойствие в районе границы.

И здесь можно обратить внимание на то обстоятельство, что, пока решающую роль в определении внешней политики КНР играли Мао Цзедун и Дэн Сяопин, вопрос о пограничном размежевании с Индией оставался подвешенным. После смерти Мао Цзедуна, в начале 1980-х гг., когда Дэн Сяопин был вынужден «не высовываться» после того, как потерпела крах его военная авантюра во Вьетнаме, в отношениях КНР и Индии имели место некоторые сдвиги в сторону поисков компромисса. Очередные шаги в этом направлении были сделаны в 2003 году, то есть после смерти Дэн Сяопина, который умер в 1997 году.

Остается надеяться на решение этих вопросов во взаимоотношениях КНР и Индии. История этого вопроса, трактовка которой китайской стороной изложена ранее при описании событий, связанных с войной КНР и Индии в этом районе, свидетельствует, что это далеко не простая задача. Обнадешивает здесь в известной степени только то, что в начале нынешнего столетия с китайской стороны регулярно говорится о желании поддерживать мир, решать вопросы в условиях мира.

Дуань Цзелун:

На протяжении нескольких десятилетий мы стремились добиться того, чтобы границы были ясными (четкими) и стабильными, упорядоченными. Всю эту работу мы уже завершили. На очень многих границах у нас уже есть режим границы. Однако вслед за экономическим развитием нашего государства наше влияние непрерывно возрастает. Целый ряд государств стремятся развивать отношения с нами. Соседние с нами государства также начинают превращать границу в прекрасную полосу сотрудничества между нами. Поэтому в соответствии с указаниями КПК мы в сфере дипломатии твердо придерживаемся отношения к соседям как к партнерам, совершенствуем отношения с соседями, а также добиваемся такой цели, как покой и безопасность, добрососедство, процветание во взаимоотношениях с соседями. Поэтому мы постепенно и неуклонно развиваем работу на границе в этом направлении. Эта работа в настоящее время находится только в самом начале. Тут еще многое предстоит сделать.

К настоящему времени мы заключили договоры о границе или соглашения о границе с 12 государствами. У нас делимитировано 90 % протяженности всех сухопутных границ КНР.

Одновременно наше государство, эффективно защищая и обеспечивая интересы нашего государства в области суверенитета, безопасности и развития, заключило целый ряд соглашений с соседними государствами по вопросу о режиме границы, о пунктах перехода границы, о пограничных реках, о приграничной торговле, о приграничном сообщении, об освоении приграничных районов. Мы укрепили наши дружественные связи с окружающими нас соседними государствами, благодаря чему создали прекрасную обстановку для экономического строительства внутри нашего государства; это сыграло особенно позитивную роль для стабильности, согласия и развития приграничных районов.

С момента создания КНР в 1949 году прошло более 60 лет. Национальные интересы КНР и соседних государств требуют решения пограничных вопросов. Несмотря на субъективные препятствия и задержки, стремление «подвесить» вопросы, за эти десятилетия многое было сделано. Сухопутная граница в большинстве случаев урегулирована или относительно урегулирована. Правда, в последние годы обостряется вопрос о принадлежности морских акваторий.

Судя по этим заявлениям, китайские пропагандисты обязаны убеждать население КНР в том, что подавляющая часть вопросов, касающихся делимитации и демаркации сухопутных границ, уже решена. Они хотели бы создавать впечатление о том, что на очереди превращение границ в полосу сотрудничества с соседними государствами. При этом авторы фильма внушают его зрителям в КНР, что китайская сторона тут выступает в роли благодетеля, идя навстречу пожеланиям соседей: «целый ряд государств хотят развивать отношения с нами».

В международных отношениях желательно соблюдать принцип равноправия, не отклоняясь от него даже в деталях. В данном случае имеется в виду, что в связях, в сотрудничестве всегда заинтересованы в равной степени обе стороны.

«Дипломаты на линии границы».

Часть вторая.

Работа отдела территорий и границ договорно-правового управления МИД КНР имеет две явные особенности. Первая:

очень много двусторонних переговоров. Вторая: очень много выездов в целях проверки линии границы.

В договорно-правовом управлении МИД КНР существует отдел территорий и границ. Само его существование свидетельствует о том, что в КНР продолжают считать, что в той или иной степени, но сам вопрос о том, существует ли на всем протяжении признанная КНР граница с соседними государствами, продолжает существовать. Это также означает, что продолжается работа по вопросу о том, что такое территории Китая в прошлом и настоящем.

В этом отделе на каждого сотрудника ежегодно приходится участие на протяжении 100 дней в разнообразных переговорах и беседах. Те, на кого тут падает наибольшая нагрузка, проводят в год более 260 дней, участвуя в 13 раундах переговоров. Одновременно для того, чтобы должным образом осуществить демаркацию границы, совместную проверку и другую работу, сотрудники упомянутого отдела ежегодно несколько раз выезжают на границу, чтобы на месте либо произвести проверку, либо участвовать в работе. Иной раз соответствующие руководители министерства и управления также лично выезжают на передовую — на линию границы руководить работами.

Оуян Юйцзин, советник договорно-правового управления:

Осуществление работы по границе, вероятно, имеет некоторые отличия от работы других сотрудников МИД. Дипломаты других подразделений, вероятно, по большей части действуют внутри министерства. Те, кто ведет работу по границе, должны не только вести некоторые переговоры внутри МИД, включая подготовку некоторых документов, подготовку текстов договоров. Они также должны проводить много времени на передовой — на линии границы. Дело в том, что тот, кто делимитирует, демаркирует границу, должен знать эту границу «от А до Я». Знать ее историю, историю ее формирования, ее современное состояние, знать, в чьем ведении она находится. Только в этом случае можно во время переговоров о границе отвоёвывать для государства те его интересы, которыми оно должно обладать.

Терминология, которая применяется в данном случае, говорит о менталитете пропагандистов внешней политики КНР.

Они употребляют такой термин, как «линия границы — это передовая». Они характеризуют работу во время переговоров с соседними государствами как «отвоевывание». Мы упоминаем об этом с тем, чтобы обратить внимание на это в первую очередь тех наших людей, которым приходится и придется вести такого рода переговоры.

Так как делимитация и демаркация границы в конечном счете определяет площадь территории обоих государств, определяет то, что включается в эту территорию и что исключается из нее, а также имея в виду то, что тогда, когда договор или соглашение о границе подписаны, они обладают вечной силой, поэтому переговоры о границе обладают высокой степенью чувствительности.

Здесь утверждается, что договор или соглашение «о границе» тогда, когда они подписаны, обладают вечной силой.

С одной стороны, это должно быть так.

С другой стороны, если обратиться к состоянию пограничных вопросов во взаимоотношениях РФ и КНР, то можно задуматься над вопросом о том, что в этом случае означают требования к нам признать «неравноправный» характер ныне действующих договоров о границе. Может быть, можно поставить и вопрос о том, в каком соотношении находятся упомянутые договоры о границе и подписанные в 1991, 1994 и 2004 годах соглашения о прохождении линии границы. На этот вопрос китайская сторона никогда не давала прямого ответа.

Обе стороны, участвующие в переговорах, каждая ради защиты своего территориального суверенитета, зачастую ведут борьбу за каждый вершок территории, поэтому переговоры бывают ожесточенными и трудными. При определении границы обе стороны могут ради нескольких десятков квадратных километров или даже нескольких квадратных километров территории спорить до посинения.

Дуань Цзелун:

Вопрос о территории — это важный, крупный и принципиальный вопрос. Поэтому со всей решительностью отстаивать нашу территориальную целостность — это чрезвычайно важный принцип. Среди тех пяти принципов мирного сосуществования, которыми всегда и неизменно руководствуется

наше государство, головным принципом является следующий принцип: «Взаимно уважать суверенитет и территориальную целостность». Этот принцип красочно описывается выражением: «Каждый вершок земли государства — это вершок золота». Это справедливая оценка. Пределы территории государства находят свое воплощение в границе. Определение границы, обозначение границы пограничными знаками, защита границы, режим границы — все это непосредственно касается защиты территориальной целостности государства, мира и спокойствия в приграничных районах.

Судя по тому, что здесь говорится, главным принципом внешней политики КНР считается следующее положение: «Взаимно уважать суверенитет и территориальную целостность». Суть того, как китайская сторона понимает этот принцип, заключается в следующем: «Каждый вершок земли государства — это вершок золота».

Иными словами, ядро внешней политики КНР — это борьба за каждый вершок того, что там считают или сочтут «землей нации Китая». А «счесть» могут, исходя из собственной трактовки истории «нации Китая» и представлений об «исторической территории нации Китая».

Особенность дипломатии КНР в данном случае состоит в том, что формально, или номинально, могут говорить о взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, но делается это с тем, чтобы либо ублаживать партнера, либо принуждать его уступать требованиям китайской стороны, потому что она-то исходит из борьбы за каждый вершок того, что она считает своей землей. Итак, на словах признание интересов и прав обеих сторон, участвующих в переговорах, а на деле борьба исключительно за свои и только за свои интересы в их одностороннем и только одностороннем понимании.

В фильме подчеркивается, что чиновники дипломатической службы КНР ведут борьбу за каждый квадратный вершок границы, что ее чиновники ради нескольких квадратных километров территории способны спорить до посинения. Это также характеристика того, с чем приходится и придется сталкиваться коллегам упомянутых чиновников из соседних с КНР государств.

Между прочим, здесь говорится о режиме границы. Стоит отметить, что, несмотря на многократные предложения нашей

стороны разработать и подписать вместо ныне существующего всего лишь соглашения о режиме границы полноценный договор о границе, китайская сторона отказывается вступать в переговоры по этому вопросу.

Оуян Юйцзин:

Работе по границе присущи несколько типичных особенностей.

Первая особенность. С политической точки зрения это действительно в высокой степени чувствительная работа.

С технической точки зрения она требует постоянного совершенствования.

Конечно же, сама эта работа также является трудной и опасной.

Эти несколько особенностей работы по границе требуют от нас, от тех, кто занимается этой работой, уходить в нее с головой и не расслабляться ни на секунду.

Помимо политической и технической составляющих в работе по определению границы также никуда не уйти от исторического фактора. В силу того, что в истории приграничных районов многократно происходили изменения, оставленные этой историей вопросы распространяются на чрезвычайно широкий круг проблем. Поэтому при решении вопроса о границе вопрос о согласовании взаимоотношений между историей и современностью, о проявлении уважения к истории и о необходимости прочно стоять на почве реалий (действительности) — это тоже очень крупный научный вопрос.

В работе по определению границы определение границы в юридической форме путем переговоров и подписания договоров между двумя государствами в конечном счете также представляет собой самый важный этап этой работы. На этом этапе играет свою роль каждая мелочь. Поэтому тут ни в коем случае не допустимы никакие, пусть даже самые минимальные ошибки.

В фильме указывают на особенности работы, связанной с решением пограничных проблем:

политическая чувствительность,

техническая сложность,

соотношение истории и современности.

Каждая из этих особенностей необычайно сложна. Тут прежде всего требуется, чтобы первые лица в иерархии власти в каждой стране досконально изучали все эти вопросы. Здесь необходимо со всей твердостью защищать интересы своей нации, своего народа и своей страны. Они должны также исходить из желания решить проблемы. Дело в том, что совпадение национальных интересов требует решения вопросов.

Если говорить о двусторонних отношениях России и Китая, то с нашей стороны всегда проявлялось и проявляется стремление искать и находить приемлемые для обеих сторон решения. С китайской стороны, во всяком случае тогда, когда решения принимали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, их приверженцы и последователи, имело место желание навязать нам неравноправие и свою политическую волю. Именно это до сих пор не дает возможности полностью решить пограничные вопросы в наших отношениях:

- нет нового общего договора о границе взамен всех ныне существующих договоров и документов о пограничном размежевании;

- продолжает существовать требование к нам признать якобы «неравноправный» характер действующих договоров о границе;

- нет договора о режиме границы (есть только соглашение, а не договор о режиме границы);

- продолжает действовать навязанное нам соглашение о мерах доверия и сокращении вооружений в приграничной полосе (что может означать, что между сторонами еще нет достаточного доверия в военной области).

Здесь также говорится о том, что подписание договоров — самый важный этап работы по пограничному размежеванию.

Во время консультации между СССР и КНР в 1964 году представители китайской стороны говорили о том, что сначала будут подписаны соглашения о прохождении линии границы, а затем на основе этих соглашений и договор о границе. К настоящему времени соглашения подписаны. Можно ожидать предложения китайской стороны разработать и подписать договор о границе. К этим переговорам необходимо готовиться в настоящее время и полностью подготовить наши позиции по всем вопросам, которые, как нам представляется, может под-

нять китайская сторона. Включая вопросы о Туве и о «64 поселениях» на левом берегу Амура.

Оуян Юйцзин:

Ведение переговоров о границе, о договоре, о протоколе, о соглашении, само содержание этих переговоров — все это вопросы, равнозначные вопросу о суверенитете нашего государства, о его территориальной целостности и безопасности. Все это тесно связано, и все это нельзя разделять. Тут есть и такой вопрос. В случае появления хотя бы минимальной проблемы это непременно нанесет ущерб государству. С этой точки зрения, в этом смысле здесь существует разница, отличие от любой другой работы. Потому что в ином случае ошибка, промах впоследствии могут быть исправлены, и все будет в порядке. Здесь же, если допустить ошибку, если возникнет промах, если имеет место отклонение, тогда как ни крути, а уже нет возможности его исправить.

Во всем исходить из необходимости защиты интересов государства — именно это запечатлено в сердце всех дипломатов, работающих на линии границы, на передовой. Это для них непоколебимый принцип. Это вдохновляет их стремиться к совершенству, отстаивая территорию Отечества, бороться за каждую пядь земли.

Дипломатия КНР исходит из того, что ее партнеры по пограничным переговорам после подписания соответствующих документов не будут соглашаться пересматривать их даже в том случае, если китайская сторона допустила некий промах и хотела бы его исправить. Отсюда вытекает требование к нашим чиновникам никогда при переговорах с соседями не исходить из «политической целесообразности», «принимать политическое решение», чего от нас неоднократно требовала китайская сторона, и что-то уступать, понимая, что политическая целесообразность сегодня представляется одной, а завтра — другой. Политические лидеры меняются, а интересы нации остаются.

Оуян Юйцзин:

Мы всегда должны держать у себя в сердце понимание вопроса в крупном плане применительно к суверенитету государства и его территориальной целостности тогда, когда мы ведем переговоры о границе, ведем переговоры о демарка-

ции на местности, когда мы осуществляем, конечно же, нашу работу в министерстве, то есть когда составляем проекты протоколов или вычерчиваем карты. Тут недопустимы никакие отклонения. С этой точки зрения все это, конечно же, большой груз. Это и ответственность государственного характера, которая падает на наши плечи. То, как мы исполним нашу работу, хорошо или нет, фактически непосредственно скажется на интересах государства, на вопросе о том, гарантированы ли наши интересы.

В практической работе по определению границы предъявляются довольно жесткие требования к тщательности работы. Сотрудники должны в полной мере принимать во внимание рельеф местности, точно рассчитать расхождения между тем, что имеется на карте, и тем, что имеется на местности. Малейшая небрежность на карте может привести к утрате значительного участка нашей территории.

Оуян Юйцзин:

Приведу типичный пример. На переговорах о границе предъявляются высокие технические требования. Линия на карте шириной в 0,1 мм может обернуться расхождением на местности в 50 метров. Если в тексте документа имеется отклонение в 1 мм, это может привести к ошибке в 50 метров. Что такое 50 метров? В приграничном районе это может быть земля, которую обрабатывает крестьянин. И тут придется эту землю отрезать, и она «уйдет».

Поэтому здесь в работе требуется быть чрезвычайно осмотрительным. Относиться к этой работе очень серьезно. Только в этом случае не пострадают интересы нашего государства. В силу характера и особенностей этой работы в случае возникновения такого рода ошибки не будет возможности исправить ее. Сказано — сделано. Земля «уйдет», и прирезать ее обратно будет невозможно.

Авторы фильма играют на имеющемся у большинства китайцев ощущении, что в Китае мало земли, каждый квадратный метр земли — это золото. Не допускать того, чтобы земля «уходила», а возможно, бороться за то, чтобы она не только сохранялась, но и «восстанавливалась», — вот, очевидно, पो- таенная мысль авторов фильма.

Рельеф местности на наших границах многообразен и сложен. На севере — реки, которые замерзают зимой, болота, пустыни. На западе — горы, покрытые вечными снегами, высокогорье, ледники, ущелья. На юге — высокие горы, тропический лес. Во многих пограничных районах люди страдают от жары, от насекомых. Высоко в горах не хватает кислорода. По большей части там бездорожье.

Дуань Цзелун:

Работа на границе — это прежде всего священное дело. В качестве дипломатов мы должны вести границу, ощущать большую ответственность. Работа по границе чрезвычайно трудна. У нас 22 тысячи километров сухопутных границ. По большей части там трудные природные условия. Тут и горы, покрытые снегами, и ледники. Есть и реки.

Лю Цинъюань:

1960–1970-е гг. и настоящее время — это разные вещи. Сегодня можно на джипах нестись по скоростному шоссе. За один день можно далеко уехать. А в свое время на машине можно было добраться до большой производственной бригады. Дальше в те годы надо было идти пешком. А там девственный лес, бездорожье. Как быть? Впереди пускали трактор, трейлер, который перевозил бревна. Он прокладывал дорогу. Каждый из нас на себе нес запасы еды, питья. Мы опирались на палки. Продвигались за трактором. Так осуществлялась проверка границы.

Ли Фэнлинь:

Участие в такого рода проверке границы давало эмоциональное знание. Для тех, кто этим занимался, это было абсолютно необходимо. Условия, конечно же, были очень трудными. Мы жили на судах. Нас съедали комары. Мы отправились в путь в августе, а в августе гнус еще злее комаров. Местные товарищи посоветовали нам потуже завязать внизу штаны, иначе гнус съест до смерти. После обеда мы отправились на наше судно. Тут я обнаружил, что у многих наших товарищей их белые нижние рубахи стали красными от крови. Дело в том, что тогда, когда гнус прихлопнешь, выступает кровь. В этом тоже была трудность.

Наши товарищи, занимавшиеся демаркацией границы, должны были четко определить местоположение линии гра-

ницы. Кроме того, установить пограничные знаки, которые весом достигали тонны. Их на руках и на плечах доставляли на границу и устанавливали там. Трудные и скверные объективные условия создавали очень много трудностей. Эти трудности невозможно себе представить обычному человеку. Иной раз это была и угроза для самой жизни.

Ли Цинъюань:

В горах нет материала для пограничных знаков. Этот материал надо туда доставить. Надо доставить и цемент, и песок. Ведь горы — это девственный лес. Никто и никогда туда не забирался. Там нет никаких дорог. Как быть? Кто-то придумал перевозить все это на быках, надеясь на их терпение. Купили 20 сильных быков. Быки продержались меньше двух недель. Все они от перенапряжения сошли. Так загнали 20 быков. Что же делать? Осталось полагаться только на собственные силы. И тогда бросили призыв: «Преисполниться решимости, не бояться смерти, преодолевать бесчисленные трудности, непременно победить».

Люди, которые осуществляли демаркацию, преодолевали такие трудности, которые другим трудно себе даже представить. Они изыскивали разнообразные способы и превосходным образом выполнили стоявшие перед ними задачи. Некоторые товарищи ради этого пожертвовали своими жизнями. Проводившаяся на протяжении нескольких десятилетий работа по обустройству границы оставила память о подвигах и волнующие рассказы. В ходе этой работы был воспитан и прошел закалку отряд людей, занимавшихся работой на границе, тех, кто прекрасно работал, был тверд духом, обладал высоким профессионализмом, был строго дисциплинирован.

Дуань Цзелун:

Так работали много лет. Было очень трудно. Нужно было должным образом выполнить все эти работы. Очень многие товарищи ради этого отрывались от дома, от своего дела, всю душу вложили в эту работу. На некоторых границах работали даже с риском для жизни. На некоторых местах от истории остались мины. Именно там трудно было даже выжить. Когда приходилось работать в таких местах, люди оказывались между двух огней. Тут, как говорится, и вверх лезть трудно, и вниз спускаться нелегко. Однако эти товарищи сумели дело го-

сударства, дело нации, великое дело считать для себя самым важным. Они должным образом выполняли свою работу. Немало наших товарищей пролили свою кровь, а о том, чтобы пролить пот, и говорить не приходится.

Оуян Юйцзин:

Питание было нерегулярным. Главная причина этого в сложном рельефе местности на границе. Во многих местах нет деревень. Это безлюдные районы. В городе едят трижды в день. И в определенное время. На это тут надеяться было нечего. Иногда брали сухой паек, иногда лепешки, иногда пищу быстрого приготовления, минеральную воду. Можно сказать, что ели не так, как положено. Очень многие испортили желудок, когда были в пустыне Гоби. А для меня это был самый длительный период, в основном по 6–7 дней не мылись. Температура почвы там 60–70 градусов. От тела исходил кислый запах. Это были довольно скверные условия.

Бай Бинь:

Прежде всего требуется твердость и решительность. Недопустимы никакие отклонения, когда речь идет о государстве. Далее, нужно быть готовым к тому, чтобы переносить трудности. Специфика нашей работы состоит в том, что все время необходимо сновать по границе, а это довольно утомительно. Вот и надо быть готовым преодолевать трудности. Наконец, необходимо обладать отменным здоровьем. Если такого здоровья нет, невозможно выполнить нашу работу.

Действуя с открытым сердцем, в духе преданности партии и народу, отряд дипломатов, который много лет находится на границе, самым тщательным образом победоносно измеряет каждый вершок земли Отечества. Их профессионализм, их прекрасный образ на том поле боя, где нет ни порохового дыма, ни огня войны, защищают суверенитет и территориальную целостность нашего Отечества, демонстрируют образец великого и цивилизованного государства.

Работа дипломатической службы здесь описывается как сражение «на том поле боя, где нет ни порохового дыма, ни огня войны».

Ли Фэнлинь, практически всю жизнь занимавшийся пограничными вопросами с нашей страной, рассказывает о трудно-

стях, которые приходилось преодолевать в ходе определения линии границы на местности.

«Дипломаты на линии границы».

Часть третья.

Летом 2007 года съемочная группа фильма «Дипломаты Китая. Факты» вела съемки процесса демаркации границы между КНР и Вьетнамом. Рельеф китайско-вьетнамской границы чрезвычайно сложен. В ходе работы нашей съемочной группы мы глубоко прочувствовали трудности тех, кто демаркирует границу, их усталость. Дорог там нет. Сообщение неудобное. Осуществляя демаркацию, члены комиссии могут полагаться только на свои ноги, чтобы продвигаться по неровным горным дорогам. Трудно даже обеспечить каждый день элементарное трехразовое питание.

Чэнь Хунбин, заместитель начальника 4-го отдела договорно-правового управления МИД КНР:

Граница между Китаем и Вьетнамом имеет свои особенности по сравнению с другими границами Китая. Прежде всего там довольно много высоких гор, а самое главное — это все же скученность населения. Вблизи от границы живет многочисленное пограничное население. Люди двух стран живут очень близко. Вот горловина горной долины. Там проходит линия границы. Эта горловина вплотную внизу под линией границы. Поэтому здесь много наших деревень, много крестьянских семей. Они из поколения в поколение именно живут своими семьями, своими деревнями и несут «вместо нас» охрану границы.

Там, где речь идет о китайско-вьетнамской границе, мы говорим о ее сложном рельефе. Мало того, там есть еще и минные поля в районе границы. Из-за войны в районе сухопутной границы между Китаем и Вьетнамом было установлено большое количество мин. Эти мины подвергают большой опасности жизнь приграничного населения. Они также стали большим препятствием при работе по демаркации границы. Для того чтобы гарантировать успех в работе по демаркации границы и по установлению пограничных знаков, расквартированные там части пограничных войск сформировали подразделения, обеспечивавшие работу по демаркации границы между Китаем и Вьетнамом.

Они развернули и продолжали работу по разминированию в районе китайско-вьетнамской границы. Благодаря усилиям сотрудников китайско-вьетнамской комиссии по демаркации, а также усилиям пограничных частей вокруг района Заставы Дружбы в радиусе трех километров были извлечены заложенные там около десяти тысяч мин.

Тогда, когда Дэн Сяопин определял политику КНР в отношении Вьетнама, на границе между КНР и Вьетнамом было заложено до десяти тысяч мин. Мы обращаем внимание на это обстоятельство с тем, чтобы подчеркнуть неразрывную связь применения Мао Цзедуном, Дэн Сяопином, их приверженцами и последователями и военных методов решения вопросов, и дипломатии.

Дуань Цзелун:

Осуществление должным образом этих работ по демаркации границы неотделимо от помощи соответствующих властных структур (правительств) приграничных провинций и автономных районов. К этому также приложили большие усилия компетентные органы. Сюда вложен напряженный труд. При многочисленных разного рода обстоятельствах они встречались с трудностями такого характера, которые обычному человеку нелегко себе представить.

Я помню, что когда я находился с проверкой в Тибете, товарищи, занимавшиеся границей, говорили нам, что у них до дыр протерлись спальные мешки, потому что им приходилось спать только в каменистой пустыне. На протяжении длительного времени они останавливались в диких местах на природе. В конечном счете спальные мешки протерлись до дыр. Бывало, что люди во сне скатывались в ущелья. На границе мало ровных мест. Большая часть границы — это горы, равнинных мест мало.

Ван Ганхуа:

Если говорить о тех, кто непосредственно принимал участие в конкретных переговорах, то таких было много. Это не только сотрудники МИД. В составе делегаций были товарищи из генштаба. В генштабе есть оперативный отдел, отдел погранслужбы, есть картографическое управление. На местах есть руководители, которые занимались внешними связями, люди из местных военных округов. Те, кому пришлось прини-

мать участие в переговорах, много потрудились и устали. В земле выкапывали ямы, что-то клали под себя и так спали. Тогда у нас не было автомашин. Ездили на лошадях. В горах шли пешком. Добирались до тех мест, где жили местные жители, чтобы разобраться в том, как реально проходит граница. Для этого приходилось тратить много сил.

Пожалуй, подробное описание трудностей, которые преодолевали сотрудники МИД КНР, генштаба НОАК, местных органов власти, предназначено для того, чтобы внушать зрителям фильма не только уважение к проделанному ими труду, но и уверенность в правильности пограничной политики Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, их приверженцев и последователей, в том числе и на границе с нашей страной.

Дуань Цзелун:

Я преклоняюсь перед теми товарищами, которые отдавали делу столько сил. В то же время я горд тем, что у нас есть отряд людей, готовых обустроить должным образом границу в интересах государства.

При вступлении в новый век центр в нашей работе по границе перемещается из «охраны границы и контроля над границей» в работу, которая состоит из двух частей, каждая из которых играет важную роль: во-первых, нам необходимо охранять границу, держать ее под контролем; во-вторых, нам необходимо «одновременно придавать важное значение осуществлению режима границы и освоению, а также использованию границы».

Наша граница с соседними государствами в настоящее время как раз и превращается из того места, где сталкивались в спорах и разногласиях, где сходились истина и ложь, в мост дружественных контактов; из переднего края военного противостояния преобразовывается в полосу экономического сотрудничества.

Чэнь Хунбин:

Что касается границы, то только в том случае, когда она будет четко определена, сделана стабильной, люди в приграничных районах с обеих сторон в этом случае смогут извлечь из этого пользу. Путем использования возможности развертывания взаимной приграничной торговли, туризма, всесторонних экономических и человеческих (гуманитарных) кон-

тактов, повышения уровня экономики в целом в приграничном районе можно привести дело к тому, что граница станет не только отчетливой и ясной, стабильной и устойчивой, мирной границей, но тем более станет границей развития и процветания.

Оуян Юйцзин:

В настоящее время наша государственная граница из разграничительной линии, которой она была в прошлом и которая разделяла нас с соседними государствами, должна превратиться в мост и полосу развития дружественного сотрудничества. Почему мы так ставим вопрос? В настоящее время, начиная с 1990-х гг., мы на наших границах с 14 государствами создали более 90 пограничных переходов. В настоящее время эти 90 пограничных переходов фактически представляют собой передний край открытости для внешнего мира нашего государства, в особенности же его приграничных районов.

Дело территорий и границ непосредственно служит защите и отстаиванию суверенитета и территориальной целостности государства. Эта священная ответственность вдохновляет сменяющих друг друга поколение за поколением работников границы, вдохновляет их на то, чтобы они руководствовались высоким чувством ответственности, погружаясь в работу на границе.

Может возникнуть вопрос о том, почему именно в таком духе авторы фильма завершают рассказ о границах КНР?

Думается, что тут, возможно, это объясняется тем, что в начале XXI века — не потому, что это новый век, а потому, что так сложилась история Китая, да и всего мира, — в политической жизни страны больше не присутствуют Мао Цзэдун с 1976 года и Дэн Сяопин с 1997 года. Еще есть их приверженцы и последователи. Еще продолжается навязывание политики, манеры поведения, присущих Мао Цзэдуну и Дэн Сяопину, когда военная составляющая была превыше всего.

Постепенно начинает пробивать себе дорогу разумная линия на мирное сожительство, на нормальные отношения между соседними государствами.

Далеко не случайным представляется то, что здесь авторы фильма говорят о том, что «наша граница с соседними госу-

дарствами в настоящее время как раз и превращается из того места, где сталкивались в спорах и разногласиях, где сходились истина и ложь, в мост дружественных контактов; из переднего края военного противостояния преобразовывается в полосу экономического сотрудничества».

В этой формулировке находит свое отражение двойственность внешней политики КНР в настоящее время. Какая тенденция со временем возьмет верх, пока трудно сказать. Можно лишь отметить, что этих тенденций две.

Одна — это разумное желание превращать границу в полосу экономического сотрудничества, в мост дружественных контактов.

Другая — это напоминание об имевших место в прошлом спорах и разногласиях, о том, что именно в вопросе о границе сходились в схватке между собой истина и ложь.

Вот это тот вопрос, который может продолжать осложнять наши двусторонние отношения.

Если бы был подписан новый общий договор о границе, тогда эти споры, эти разногласия, это утверждение о том, что одна сторона права, а другая лжива, можно было бы перенести из области межгосударственных отношений в сферу научных споров между учеными двух стран. Пока этого не произошло, в нашей стране трудно проявлять доверие к тем, кто в КНР считает себя исторически во всем правым, а Россию во всем виноватой, кто нападает на внешнюю политику России, кто требует признания нами «неправомерного» характера договоров о границе.

Далее здесь признается, что для КНР в прошлом веке граница была местом охраны границы и контроля над границей. Опасность этого утверждения состоит в том, что речь идет о контроле над теми участками территорий соседних государств, включая нашу страну, которые в КНР исторически считают своими.

Наряду с напоминанием об этом в фильме говорится о том, что теперь надо одновременно придавать важное значение осуществлению режима границы и освоению, а также использованию границы.

Это — разумный подход. Очевидно, что им приходится руководствоваться на практике. Однако не забывая о том, что в КНР подчеркивается правота китайской стороны в вопросе о

контроле над тем, что там именуется «спорными территориями». Изменить наш взгляд на этот вопрос можно будет только после подписания нового общего договора о границе.

В фильме далее говорится, что государственная граница «из разграничительной линии, которой она была в прошлом и которая разделяла нас с соседними государствами, должна превратиться в мост и полосу дружественного развития».

Граница должна стать передним краем открытости для внешнего мира нашего государства, в особенности же его приграничных районов.

Это — положения, которые позволяют на практике развивать приграничные отношения и вообще отношения между нашими государствами. Однако и в данном случае остается неизменным наше отношение к вопросу о необходимости разработать и подписать новый общий договор о границе.

Следующая часть фильма посвящена молодым дипломатам КНР.

Они — это тот отряд, который наполняет жизнью дипломатию Родины. Они — будущее и надежда дипломатии Китая. У них горячая кровь. Они горячо любят Родину. Они преданы ей.

Они — это молодые дипломаты Китая.

Дипломатия молодости и весны.

МИД — это то место, куда стремятся в своих мечтах попасть очень многие молодые люди. Группа за группой целеустремленные молодые люди, сменяя друг друга, будучи преданы Родине, горячо любящие Родину, верящие в дело дипломатии Родины, выбирают дипломатическую работу в качестве того дела, борьбе за которое они посвящают свою жизнь без остатка.

Ли Чун, заместитель начальника 3-го отдела управления Африки МИД КНР:

Дело дипломатии (внешних связей) — это до чрезвычайности священное дело. Мы — дипломаты. Зачастую имеем дело с высшими интересами государства. Для обычного человека любовь к Родине — простое и естественное чувство. Для нас, дипломатов, это требование с позиций политики (политическое требование), это часть нашей жизни.

У Сяоцзюнь, первый секретарь посольства КНР во Франции, заместитель начальника отдела управления кадров МИД КНР:

Когда ты выезжаешь за границу, то представляешь народ численностью в 1,3 миллиарда человек Китая. А это — пятая часть населения всего мира. Ты представляешь государство, находящееся на подъеме. Я ощущаю, что эта работа доставляет чувство чести и почета. Вот уж действительно, с этим невозможно сопоставлять другие профессии.

Для руководства КПК вопрос о молодом поколении, о новых подрастающих поколениях китайцев, вступающих в жизнь, чрезвычайно важен.

С идеологической точки зрения, для руководителей КПК важно вырабатывать такую основу работы молодых людей на фронте дипломатии, которая обеспечивала бы преданность этих людей КПК, ее руководству, ее политической линии.

Это не так-то просто в настоящее время, когда о классовом содержании борьбы внутри страны и на мировой арене говорить трудно. Современное общество отличается от общества времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

Поэтому упор при воспитании молодежи, при работе с молодыми дипломатами приходится делать на чувстве принадлежности к «нации Китая».

Им прежде всего внушают, что то, чем они занимаются, — это внешняя политика Отечества, Родины, нации Китая.

От них требуют, чтобы они осознавали, что любовь к Родине, к нации Китая — это любовь с точки зрения интересов политики, то есть того политического курса, который в тот или иной момент вырабатывает и осуществляет действующий первый руководитель вооруженных сил КПК — КНР, первый руководитель ЦК КПК, первый руководитель КНР. В современном Китае все три этих поста совмещает один политик.

Далее молодым дипломатам внушают, что они представляют самую многочисленную нацию на Земле, народ численностью более чем в один миллиард триста миллионов человек. «Чувство большинства на Земле» — вот то, чего добиваются от молодых дипломатов. (В СМИ, предназначенных для китайцев, живущих за пределами КНР, подчеркивается полити-

ческая установка: мы, китайцы, никогда и нигде, ни в одной стране, не будем национальным меньшинством.)

Это «чувство принадлежности к большинству на Земле» означает, что ты — частица этой массы населения, что ты из нее никогда и никуда не вырвешься, что она тебя всегда и везде достанет.

Молодой китайский дипломат воспитан в том духе, что он — частица пятой части населения земного шара и представитель этой пятой части. Поэтому все остальные национальные сообщества не идут ни в какое сравнение с сообществом китайцев на Земле.

Ему внушают, что он представляет государство, находящееся на подъеме. Это означает, что он должен исходить из того, что проблемы Китая — это внутреннее дело Китая, а дипломат выступает на мировой арене; при этом люди иных наций не имеют права рассуждать о проблемах Китая.

Все другие нации на мировой арене должны понимать, что речь в дипломатии идет о соотношении интересов наций, среди которых китайская — самая многочисленная, да еще и находящаяся на подъеме. Это требует дать ей то место, которое она считает необходимым занять на мировой арене.

Молодым дипломатам КНР внушают, что их профессия, если исходить из всего сказанного, не имеет аналогов, несравнима по своей важности, ответственности с другими профессиями. Это дело чести и почета. Все это, по расчетам руководства КПК, должно побуждать молодых дипломатов КНР беспрекословно выполнять указания руководства, жертвуя в случае необходимости своей жизнью ради выполнения тех задач, которые перед ними ставятся.

К этой идеологической основе работы дипломатов КНР прилагаются вполне удовлетворяющие их и их семьи материальные условия, а это немало в современном Китае.

Когда-то премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай сказал, что дипломатия (внешние связи) — это «та же Армия освобождения, оружием бойцов которой является культура (не военные средства)».

Подчинение приказу — это священный долг того, кто служит в упомянутой Армии освобождения.

Многих молодых людей с горячей кровью, после того как они приходят в министерство иностранных дел (внешних сно-

шений, дипломатии), направляют работать туда, где трудно, где хаос войны. Они с готовностью подчиняются решению организации. И, начав эту работу, делают ее много лет.

Перед нами, возможно, центральное положение, позволяющее понять, чем считают в КПК дипломатическую службу.

Здесь приходится вспомнить о Мао Цзэдуне. Он всегда исходил из того, что в конечном счете вопрос о власти решается силой. Главным инструментом захвата власти в стране для него были вооруженные силы. При этом при правлении Мао Цзэдуна им было дано наименование, которое и скрывало, и раскрывало его подлинные намерения или подлинное содержание того, чего хотел добиться Мао Цзэдун в опоре на эти вооруженные силы. Их при Мао Цзэдуне именовали «ЧЖУНГО ЖЭНЬМИНЬ ЦЗЕФАН ЦЗЮНЬ», то есть «Армия освобождения народа Китая».

Прежде всего Мао Цзэдун хотел, чтобы его армию считали «армией народа». Он также хотел, чтобы его армию считали армией, которая несет на своих штыках «освобождение».

Мао Цзэдун, таким образом, маскировал захват власти термином «освобождение». Он хотел, чтобы все считали, что он не захватывал, а «освобождал».

При этом внутри Китая речь, с точки зрения Мао Цзэдуна и его последователей, шла и идет об «освобождении» от социального гнета и эксплуатации, а также от неравноправия, власти, гнета и эксплуатации со стороны иностранцев на территории Китая, то есть о социальном и национальном «освобождении».

С течением времени в КНР перестали говорить о классовой борьбе внутри страны. На первый план вышла мысль об «освобождении» нации. Главной заслугой Мао Цзэдуна ныне во все возрастающей степени считают «освобождение» Китая от «неравноправия», которое китайцам было навязано иностранцами. В число этих иностранцев в первую очередь включают наш народ и нашу страну.

Вплоть до настоящего времени вооруженные силы КНР продолжают именоваться «Армией освобождения народа Китая». Так они именовались и тогда, когда вели войны против нашего народа и нашей страны в 1969 году, против Индии в 1962 году, против Вьетнама в 1979 году.

Следовательно, задача «освободить» существует до сих пор. Может вставать вопрос о том, о каком «освобождении» идет речь? Кого и от кого собираются «освободить»?

Здесь можно вспомнить, что на воротах Тяньаньмэнь в Пекине размещены два лозунга: «Десять тысяч лет КНР!» и «Десять тысяч лет великому единству народов мира!».

Чжоу Эньлай был главным исполнителем воли и замыслов Мао Цзэдуна в сфере внешней политики. Он же был первым министром иностранных дел КНР.

В этом фильме приводятся слова Чжоу Эньлая о том, что отряд тех, кто работает в сфере внешней политики, внешних связей, — это «та же Армия освобождения, оружием бойцов которой является культура (не военные средства)».

Иными словами, с точки зрения Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, «Армия освобождения народа Китая» состоит из двух неразрывно связанных колонн. В одной солдаты, в руках которых находятся средства ведения войны, оружие. Другая колонна — это солдаты, которые действуют на фронте дипломатии, пользуясь невоенными средствами борьбы за «освобождение», но стремясь, даже без применения оружия, то есть без войны, добиваться поставленных целей — «освобождения» в том или ином его понимании.

В фильме прямо говорится, что подчинение приказу — это священный долг того, кто служит в этой «Армии освобождения». Это означает, что военная дисциплина — это то, что в равной степени относится и к солдатам, и к дипломатам в КНР.

Из этого, в частности, следует, что партнеры дипломатов КНР должны всегда иметь в виду, что им приходится иметь дело с военнослужащими в штатском.

У Сяоцзюнь — один из них. Его дипломатическая работа началась в том районе Африки, где работать трудно. У Сяоцзюнь пришел на работу в МИД в 1997 году. После кратковременной стажировки в начале 1998 года его направили в Конго (Б) (то есть в Республику Конго), африканское государство, где только что закончилась гражданская война, с задачей участвовать в восстановлении деятельности посольства.

У Сяоцзюнь:

Тогда мне было ясно сказано, что на передовой линии фронта еще нет людей. Вскоре должен был вернуться посол.

После его возвращения мы вместе должны были восстанавливать посольство. Мы имели дело с новым тогда правительством. Нужно было проделать много новой работы. Я ощущал, что меня направили в качестве одного из членов группы по созданию посольства. Было действительно трудно. Но я — крестьянский сын. Многие трудности я уже испытывал ранее. Эти трудности для меня не были слишком большими. Однако я помню, что когда я приехал туда, то испытывал некий пессимизм, так как, будучи только что выпущен из учебного заведения, тут же попал в такую обстановку.

Когда в 1998 году У Сяоцзюнь приехал в посольство, в столице Республики Конго, в Браззавиле, царил хаос войны, все было в развалинах. С безопасностью дело обстояло скверно. Здание посольства Китая в ходе войны переходило из рук в руки. Вооруженные бандиты разворовали всю мебель. Комплекс посольства был сильно разрушен. Трудно себе представить, с какими трудностями и опасностями пришлось столкнуться выпускнику вуза.

У Сяоцзюнь:

Посольство было сильно разрушено. Просто некуда было ступить. Невозможно было войти в рабочие помещения посольства. В здание посольства попали артиллерийские снаряды. Потом все разворовали. Начинать работу было невозможно. Нужно было развернуть работу в городе, чтобы начать восстановление его работы.

В этой трудной обстановке У Сяоцзюнь развернул работу. Он был секретарем посла, вел канцелярию и работу исследовательского отдела. Требовалось через местное население достать дизельное топливо. Он доставал его частями. По 20 литров, по 50 литров. Достал 10 тысяч литров. Так для посольства была решена проблема дизельного топлива. В то время власти в Конго (Б) еще не полностью восстановили порядок. Однажды снова начались военные действия. В обстановке конфронтации двух армий, в обстановке кризиса и блокады на границе У Сяоцзюнь, пренебрегая опасностью для жизни, сумел связаться с морским судном, чтобы вывезти на нем из страны китайцев по крови и граждан КНР.

У Сяоцзюнь:

На улице сновали люди с оружием, ездили армейские грузовики. Перед нашим посольством проходит широкая улица. По ней непрерывно передвигались солдаты и танки. Мы выехали на микроавтобусе под большим государственным флагом КНР, потому что в Африке очень дружелюбно относятся к китайцам. Увидев красный флаг, нам освобождали дорогу. У нас было ощущение, что государственный флаг — это наш хранитель. Так мы вывезли их на пристань. Оказалось, что установлен комендантский час и акватория закрыта. Движения судов больше нет. Пришлось поработать, заплатить более высокую цену, и их вывезли на морском судне.

В фильме рассказывается о молодом дипломате КНР, которого направили работать в Республику Конго. При этом он сам употребляет термин «передовая линия фронта». Ему пришлось работать в трудных условиях только что закончившейся гражданской войны. Он сумел обеспечить посольство дизельным топливом. А затем отправить из страны китайцев по крови и граждан КНР.

Можно обратить внимание на то, что китайские дипломаты пользуются одновременно различными приемами. Иногда им помогает государственный флаг КНР, иногда деньги, которые приходится платить частным лицам.

И в данном случае подчеркивается, что этот дипломат — «крестьянский сын». Крестьяне, прежде всего бедные крестьяне — это та существенная часть нации Китая, на которую при формировании отряда молодых дипломатов ориентируется КПК.

Так же как и У Сяоцзюнь, назначенный в департамент Африки заместитель начальника отдела Ли Чун в августе 1999 года окончил Дипломатический институт и пришел в МИД. Менее чем через год, в марте 2000 года, Ли Чун без колебаний подписал распределение его на работу организацией. Его направили в Гвинею-Бисау, африканское государство с трудными бытовыми условиями. И там он подряд проработал целых три года.

Ли Чун, заместитель начальника 3-го отдела управления Африки МИД:

Мне всегда жилось хорошо. Когда меня в первый раз назначили в Африку, в хаос войны, в бедную страну, у меня не-

доставало знаний об Африке, были и определенные опасения в отношении своей профессии как дипломата, своей работы в качестве дипломата, в отношении своего будущего. Такого рода сомнения у меня все-таки были. Однако если говорить о моем характере, то раз уж я выбрал дипломатическую работу, то должен был выполнять ее должным образом. Поэтому я в конечном счете решил подчиниться распределению организации и поехал на работу в Африку.

Здесь характерными для молодых дипломатов могут быть некоторые сомнения. Это уже особенность нынешнего поколения китайцев.

В то время политическая ситуация в Гвинее-Бисау была нестабильной. В октябре 2000 года, то есть менее чем через год после того, как Ли Чун приехал в посольство в Гвинее-Бисау, там снова вспыхнула война. Выполняя указания из КНР и будучи вынуждены к тому обстоятельствами, сотрудники посольства в Гвинее-Бисау отплыли из страны. Ли Чун охранял порученный ему организацией государственный флаг, печать, валюту и часть документов и провел на рыбацком судне в открытом море два дня и одну ночь.

Ли Чун:

Я помню, что тогда на судне условия были скверные. Везде пахло мазутом. Ползали полчища тараканов. У меня в жизни никогда не было таких ощущений. Когда мы вышли в море, небо было мрачным, просвета не было. Я ощущал, что нахожусь очень далеко от родины, от своих родных. Я никогда не думал, что на утлом рыбацком суденышке буду болтаться в море два дня. Мне тогда было одиноко. Я ощущал беспомощность. Но все же я вместе с другими товарищами из посольства держался. Мы хорошо выполнили задачу. Имуществу посольства не был нанесен ущерб.

С 2000 по 2001 год, подвергаясь двойной опасности — болезням и хаосу войны, Ли Чун во время гражданской войны в Гвинее-Бисау проявил себя как молодой дипломат, способный преодолевать трудности, вести борьбу военного характера, проявил прекрасные качества. В то время в Гвинее-Бисау порядка не было, случались грабежи. Вечером 10 февраля 2003 года по местному времени Ли Чун вместе с послом находился в посольстве. Они под-

верглись нападению бандитов-грабителей. На протяжении более 5 часов они находились на грани между жизнью и смертью. Когда бандиты угрожали жизни посла, Ли Чун бросился защищать его, пренебрегая смертельной опасностью, и защитил посла.

Ли Чун:

Нельзя сказать, что мне, молодому человеку, тогда ни капельки не было страшно. Но в конечном счете храбрость пересилила страх. Я думаю, что причина тут в том, что я горячо люблю свою работу дипломата. Когда надо мной и послом нависла опасность, когда на нас напали бандиты, мы думали в первую очередь не о себе, не о личной безопасности. Когда нам пришлось иметь дело с бандитами, мы защищали друг друга.

Это еще один пример достойного поведения молодого дипломата.

В данном случае также подчеркиваются его способности «вести борьбу военного характера».

Ежегодно много молодых дипломатов, едва вышедших из стен учебного заведения, так же как и У Сяоцунь и Ли Чун, ради чести и интересов Родины прощаются с Родиной, с семьей и без задних мыслей отправляются за границу, туда, где трудности, где хаос войны. Они проходят испытания и получают закалку, преодолевая трудности. По сути дела, молодых дипломатов можно увидеть на каждом боевом посту фронта дипломатической работы. Они горячо преданы делу внешних связей Китая, они полны горячих чувств. Они делают разнообразную дипломатическую работу.

Шэнь Миньцзюань, заместитель начальника 3-го отдела управления Азии. Она — воспитанная в МИД первая переводчица высокого класса с индонезийским языком. Руководители обоих государств признали высоким уровень владения ею индонезийским языком. Это признали и китайцы, живущие в Индонезии. Она осуществила прорыв, потому что ранее при встрече высоких руководителей КНР и Индонезии на протяжении многих лет переводчики переводили с китайского на английский язык и с английского на китайский язык.

Шэнь Миньцзюань:

Когда я только что пришла в МИД, начальник отдела, у которого я была в подчинении, сказал мне, что у меня нет

специальности и что индонезийский язык — это не специальность. Меня, человека, который только-только пришел в министерство, эти слова сильно задели. Но именно эти слова побудили меня глубоко задуматься над тем, что собой представляет дипломатическая работа. Со временем я внесла поправки в свое первоначальное представление об этой работе, которое ранее было поверхностным.

Будучи молодой сотрудницей МИД, переводчиком с редким языком, Шэнь Миньцзюань, с одной стороны, непрестанно углубляла свои знания в иностранном языке, старалась обеспечить должный уровень перевода. С другой стороны, она упорно овладевала профессиональными знаниями в сфере дипломатии, сделала для себя правилом овладевать различными аспектами дипломатической работы. Кроме того, Шэнь Миньцзюань чрезвычайно внимательно относилась к делу повышения класса переводчиков с редкими языками. Это, с ее точки зрения, означало, что следовало положить в основу тот язык, который ты изучал, знания о стране, которую ты изучал, и добиваться того, чтобы кадровые работники с редкими языками прежде всего становились квалифицированными специалистами в определенной области, понимая, что только после этого они могут стать всесторонними специалистами.

Китай и Индонезия восстановили дипломатические отношения в 1990 году. В XXI веке двусторонние отношения поднялись на новый этап всестороннего развития. Однако на протяжении длительного времени в высших кругах Индонезии по-прежнему для наименования Китая применяли термин «ЧЖИНА» или «ЧАЙНА». Это наименование носило дискриминационный характер.

В октябре 2001 года Чжу Жунци, в то время премьер ГС КНР, посетил Индонезию. Это был первый официальный визит на таком уровне после 1990 года. Тогда, 11 лет тому назад, Индонезию посетил премьер Ли Пэн. В ходе визита Чжу Жунци Шэнь Миньцзюань сопровождала его в качестве переводчицы. Переводя премьера, она одновременно точно воспользовалась моментом и смело применила термины для обозначения Китая, термины, которые до той поры были под запретом в Индонезии.

Шэнь Миньцзюань:

Я в то время думала, что тем самым, с одной стороны, я донесу до индонезийской стороны информацию о том, что правительство и руководящие круги Китая питают надежду на использование для обозначения Китая как государства и Китая как нации терминов «TIONGKOK — ЧЖУНГО» и «TIONGHUA — ЧЖУНХУА». С другой стороны, кроме того, я надеялась, что окажется возможным побудить руководителей Индонезии пользоваться этими терминами и таким образом сделать шаг вперед. Можно сказать, что этот мой поступок сыграл определенную позитивную роль, потому что именно с тех пор при визитах на высоком уровне стали использовать эти два термина (ЧЖУНГО и ЧЖУНХУА). В тот раз я обратила внимание на то, что при двусторонних встречах руководителей Индонезии с премьером Чжу Жунцзи все они, видя и слыша, как наша сторона при переводе использовала эти термины, тоже изменили свой подход и от употребления термина «ЧЖИНА» стали, исправляя положение, переходить к терминам «ЧЖУНГО» и «ЧЖУНХУА».

Здесь затрагиваются два вопроса, на которые стоит обратить внимание.

Во-первых, вопрос о переводе. Опыт показывает, что каждая сторона должна переводить себя, то есть своего представителя или руководителя должен переводить переводчик нашей стороны. Пользоваться переводчиком китайской стороны наши руководители или представители не должны.

Во-вторых, необходимо точно переводить термины. Внимание к терминам и формулировкам, которые употребляет китайская сторона, изучение глубинного смысла, который вкладывается в эти термины и формулировки, — это постоянная задача всех тех, кто в нашей стране занимается делами, связанными с нашими взаимоотношениями с Китаем.

Точно так же, как и в случае с Шэнь Миньцзюань, в Бюро переводов МИД в настоящее время заместителем начальника английского отдела является Дай Цинли — молодая переводчица высокого профессионального уровня. Дай Цинли пришла в Бюро переводов в 1996 году. С тех пор она много раз выступала в качестве переводчицы Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и других руководителей во время их поездок за границу с официаль-

ными визитами. Она была переводчицей Вэнь Цзябао во время двух его пресс-конференций.

Дай Цинли:

Когда человек выезжает переводить, то он представляет государство, представляет политику государства. Это для нас большая честь. С профессиональной точки зрения, здесь к дипломатическому переводчику предъявляются самые высокие требования. Дело не только в надлежащем владении китайским и английским языками, не только в том, чтобы бегло говорить. Люди со стороны могут считать, что тут все хорошо. Но это не так, потому что переводчик должен обладать довольно твердой политической позицией, а также профессионализмом. Одновременно ему требуются психологические качества. Работа в МИД требует сочетания политических, профессиональных и психологических качеств. Кроме того, мы непрерывно учимся у тех товарищей, которые рядом с нами, у руководителей. Это целый процесс.

Дай Цинли 10 лет занимается работой переводчика. Самые большие эмоции она испытала в связи с тем, что лично присутствовала при исторических событиях. Для молодого дипломата это редкая возможность. В 2003 году в Пекине свирепствовала «атипичная пневмония». Дай Цинли переводила пять пресс-конференций министерства здравоохранения КНР. Они проводились в важные моменты в ходе борьбы против эпидемии. 22 июня 2003 года министерство здравоохранения провело последнюю из этих пресс-конференций. Она же была самой волнующей. Переводчица Дай Цинли была свидетелем объявления о «двойном освобождении» Пекина от эпидемии.

Дай Цинли:

Мое самое глубокое впечатление — объявление об «устранении обеих опасностей». В зале находились министр здравоохранения, заместители министра, представители ВОЗ. К тому моменту пришлось испытывать на протяжении длительного времени трудности, связанные с этой эпидемией. Когда неожиданно объявили об окончании эпидемии, и это было правдой, это довелось сказать мне, объявила об этом я. Я была рада, взволнованна.

Для молодого дипломата быть переводчиком руководителей государства — это ценная редкая возможность. Дай Цинли

очень повезло. Вместе с тем она также глубоко осознала, что выступать в таком качестве — это, в одно и то же время и испытание, и вызов.

Дай Цинли:

Что бы мы ни делали, мы должны руководствоваться правилом: в малом видеть большое. И одновременно в большом видеть малое. Смысл того, чтобы в малом видеть большое, состоит в том, чтобы понимать, что то, что тебе доверяет руководство, это еще более тонкие вещи, чем это может показаться, вне зависимости от того, насколько мелким или обыденным это может выглядеть. Следовательно, к каждой мелочи необходимо относиться как к крупной и важной вещи, выполнять задачу так, чтобы не было никаких упущений. Смысл того, чтобы в большом видеть малое, состоит в следующем. Например, находясь при руководителе государства, ты и сам начинаешь ощущать себя важной персоной. Но этого не должно быть. Мы служим руководителям, предоставляя им перевод. Когда руководитель ведет внешние дела, мы при необходимости предоставляем перевод. Поэтому мы все-таки по-прежнему рядовые сотрудники МИД. Мы должны выполнять свою переводческую работу, не выпендриваясь.

Здесь говорится о необходимости для переводчика обладать твердой политической позицией. Это так и применительно к работе тех, кто переводит руководителей РФ в беседах с китайскими представителями. Тут действительно необходимо сочетание хорошего владения русским и китайским языками (способности передавать точный смысл того, что сказано) с широчайшим культурным кругозором и с абсолютной, своего рода «генетической» твердостью в отстаивании позиции своего народа и своей страны.

Они — жизнь дипломатии Родины.

Они — будущее и надежда дипломатии Китая.

Они — это молодые дипломаты Китая.

Вопрос о молодежи — вечный вопрос для каждого поколения руководителей КПК — КНР. Времена меняются, состояние общества меняется, образ мыслей и образ жизни тех, кого приходится привлекать в ряды армии кадровых работни-

ков партии, обновляется. Постоянно возникает и по временам расширяется разрыв между молодым и старым поколениями.

Отсюда такое внешнее превознесение роли и значения молодежи и в то же время такой жесткий контроль за ее поведением.

В последние годы заметно ускорился процесс кадрового омоложения МИД КНР. Молодые кадры уже стали жизненной силой, наполняющей ряды работников МИД. Они активно ведут поиск, смело продвигаются вперед, непрерывно создают новое. На всех фронтах дипломатии развивают свои талант и инициативу. Одновременно с этим непрерывно ускоряются шаги в области осуществления реформы кадровой системы МИД. С каждым днем совершенствуется обстановка, при которой способные люди имеют возможность выдвигаться и расти.

У Сяоцзюнь:

Раньше мы, сотрудники МИД, долго находились за границей. При этом все вопросы о том, куда нас направить, туда или сюда, решала организация. С нами не советовались. В настоящее время, начиная с 2002 года, введена система, при которой каждый имеет возможность выдвинуть свои предложения, высказать свои пожелания. И здесь присутствует и выбор «в обоих направлениях». Кроме того, всем предоставляется возможность выбирать на равных условиях. Это не похоже на то, что было раньше, когда кое-кто шутил так: одним дорога «в Белое», другим — «в Черное». Что это означало? Тогда, когда я пришел в министерство, те, кто занимался Черной Африкой, так и занимались Черной Африкой до пенсии. Те, кто занимался Европой, с самого начала имел дело с белыми людьми, так и продолжали заниматься Европой. Это и называлось: одна дорога ведет «в Черное», другая — «в Белое».

Сейчас это, возможно, не так. Теперь смешались «Черное и Белое».

При правлении Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина сложилась и казалась незыблемой система, при которой вопросы, касавшиеся работы и жизни любого, прежде всего молодого кадрового работника, решала «организация».

Все-таки, очевидно, уход из жизни сначала Мао Цзэдуна, а потом и Дэн Сяопина создал условия, при которых оказалось возможным в какой-то степени начать продвижение по пути

создания более гибкой системы работы с кадрами. Собственно говоря, это явилось отражением нараставшего давления настроев масс людей, с которым в конечном счете не могли не считаться руководители партии. Другое дело, являются ли принимаемые ими меры реальным изменением ситуации или всего лишь методами, с помощью которых внешне кое-что меняется, но все фактически остается по-прежнему.

Думается, что далеко не случайно именно с 2002 года, то есть с того момента, как официально Цзянь Цзэминь перестал исполнять обязанности генерального секретаря ЦК КПК, а на смену ему пришли Ху Цзиньтао в качестве руководителя партии и государства, а также, что еще важнее, военного совета ЦК КПК, и Вэнь Цзябао в качестве главы правительства, стали возможны некоторые реформы и в кадровой области.

До тех пор людей распределяли, переставляли, не спрашивая их мнения. Начиная с 2002 года сотрудникам МИД КНР дано право высказывать свои пожелания относительно будущего направления и места работы.

В фильме раскрывается «кастовое» содержание состава сотрудников МИД КНР.

На протяжении полувека их делили на тех, кто работал в «белых странах», то есть в Европе, и тех, кто работал в «черных странах», то есть в государствах Африки. Люди обычно так и работали там, куда их распределяли.

Теперь, по крайней мере, декларативно считается, что такого деления на «черных» и «белых» быть не должно.

Вообще говоря, такое деление является обычным для политических режимов коммунистических или им подобных партий.

Руководители МИД КНР всегда с особым вниманием относились к воспитанию кадров молодых дипломатов, к строительству отряда дипломатов. Молодых воспитывают и продвигают. Таких возможностей становится все больше. Создаются условия, благоприятные для равноправного соперничества. Для их возмужания. Такой механизм как раз формируется.

В КНР сейчас более 5 тысяч дипломатов. В том числе молодые дипломаты, моложе 35 лет, составляют почти половину сотрудников МИД. Они стремятся расти. И играют важную роль на всех участках работы.

Ли Цзинчжан, заместитель министра иностранных дел КНР:

Дипломаты нового поколения принимаются повсюду. У них есть хорошее систематическое образование. В ходе профессионального воспитания они учатся и дипломатической практике. Для этого у них довольно много возможностей. Их качество в целом непрерывно повышается. Они находятся в расцвете сил и здоровья. Они активно стремятся вперед. Живо мыслят. Занимаются новым творчеством. Смело и твердо ведут войну, умеют искусно воевать. Можно сказать, что молодые кадры уже стали на нашем дипломатическом фронте главной жизнедеятельной силой.

Партийно-государственный механизм управления Китаем является, вероятно, наиболее многочисленным и мощным в мире.

Здесь приведены цифры. Пять тысяч сотрудников МИД. В том числе 35 % молодежи до 35 лет.

Это означает, что волей-неволей формируется некая общая атмосфера, где их образ мыслей в какой-то степени учитывается. В то же время это означает, что знамя и идею «нации Китая» постепенно берут в свои руки представители новых поколений китайцев. С ними и придется иметь дело в сфере внешней политики.

При этом старые кадры внушают молодежи, что она пришла работать на «фронт дипломатии», что от нее требуется «смело и твердо вести войну, уметь искусно воевать». Установка на неразрывное сочетание войны и дипломатии сохраняется и углубляется.

В современных социально-экономических условиях по сравнению с некоторыми крупными компаниями, крупными предприятиями зарплата в МИД, пожалуй, не самая лучшая. Но можно сказать, что молодежь, находящаяся на дипломатической работе, смотрит более всего не на доходы, а выполняет дипломатическую работу как свой священный и благородный долг перед Родиной и народом, как дело своей далекой мечты.

Ли Чун:

Человек чувствует и со своими чувствами погружается в профессию. Ждет ли он чего-то взамен? Я думаю, что нет.

Дай Цинли:

Эта профессия привлекает меня настолько, что это не сравнимо с привлекательной силой денег. Во многих случаях деньги чрезвычайно важны, они важны для существования каждого из нас. Но одних только денег недостаточно. У каждого из нас есть свои духовные запросы, профессиональные запросы. В этой связи у меня есть такое ощущение, что наше главное дело здесь, в МИД. Это самое важное.

Подлинный смысл дипломатической работы — это трудная и самоотверженная борьба за интересы Родины и народа. Подлинная ценность жизни человека состоит в том, чтобы он посвятил себя бескорыстному благородному высокому делу. Молодые дипломаты своими практическими делами выражают свои глубокие чувства к партии, к Родине, к народу. Они осуществляют дело дипломатии с чувством чести, миссии и ответственности.

Ли Цзиньчжан:

Дипломаты молодого поколения — это надежда и будущее нашей дипломатии. Они выросли в эпоху осуществления политики реформ и открытости и рыночной экономики. У них есть мечта. У них есть энтузиазм, горячая любовь к Родине. Они организованны. Бескорыстно участвуют в практической работе. Они могут в любой момент услышать призыв Родины, выступить навстречу опасности, в решающий момент взять ответственность на себя, смело и до конца последовательно бороться с трудностями.

Думается, что в работе с молодыми кадрами, да и со всем составом МИД КНР, руководство КПК действует одновременно в двух направлениях:

- добивается преданности установкам партии, беспрекословного подчинения в порядке военной дисциплины приказам партийного руководства,
- воспитывает дипломатов в духе признания нации Китая высшей ценностью в мире
- и в то же время обеспечивает их материально настолько хорошо, чтобы у них не возникало мысли о переходе на другую работу.

Весна (молодость) преодолевает (побеждает) время. Дело внешних связей, дело дипломатии — дело вечное.

Дипломатическая молодежь нового времени подобна солнцу в 8–9 часов утра. Она приняла знамя из рук предшественников. (Фотография: Чжоу Эньлай и Чэнь И.)

Ради дела внешних связей (дипломатии) Родины эта молодежь решительно и смело идет вперед. Она впишет в книгу дипломатии Китая современной эпохи свою блестящую страницу.

Дух, в котором воспитывают молодых дипломатов КНР, — это дух мысли о том, что они занимаются тем, что является вечным делом. Вечной является нация Китая. Вечной является дипломатия нации Китая.

При этом проводится и мысль о том, что молодежь подобна солнцу в 8–9 часов утра. Это — слова Мао Цзэдуна, которые он обратил к молодым людям из КНР в 1957 году во время встречи с ними в Москве в актовом зале МГУ.

В начале XXI века КПК хотел бы, чтобы новые поколения китайских дипломатов считали образцами для себя Чжоу Эньлая и Чэнь И — первого и второго по счету министров иностранных дел КНР во времена правления Мао Цзэдуна.

Здесь нельзя не напомнить нашим читателям, что и Чжоу Эньлай, и Чэнь И неотступно исполняли политическую волю Мао Цзэдуна, осуществляли его политический курс вражды и ненависти к нашему народу и нашей стране.

Нынешний министр иностранных дел КНР Ян Цзечи написал посвящение для фильма.

Фильм создан телевидением провинции Гуандун и радио Южного Китая.

Съемки велись в МИД КНР, в посольствах КНР в Пакистане, Индии, Македонии, Боливии, Аргентине, Венесуэле, в генконсульстве в Нью-Йорке.

* * *

Новая обстановка в мире, современная ситуация в мире в нынешнем столетии ставит перед нашей страной новые задачи и в том, что касается нашей политики во взаимоотношениях с Китаем. Здесь, в частности, необходимо внимательно изучать современную дипломатическую службу КНР. Делать для себя

выводы из тех материалов, которые рассказывают об этой службе. В частности, из этого пропагандистского документально-хроникального фильма.

Закончить эту работу представляется уместным следующими соображениями.

Во-первых, нам необходимо проявлять совсем иную, большую заботу о наших гражданах за рубежом, в частности в КНР, и информировать их о нашей политике. В МИД РФ и в посольстве РФ в КНР, в наших консульствах необходимо специально заниматься этой работой. Речь идет о сотнях тысяч наших людей в Китае. Они — часть нашей нации. Их не только нельзя бросать на произвол судьбы, но нужно исходить из того, что их пребывание в КНР, отношения между ними и китайскими властями, людьми Китая — это важная часть наших двусторонних отношений. Их нужно направлять в их взаимоотношениях с китайской стороной, защищать их права и интересы силами нашего государства, добиваться того, чтобы и они, и китайские власти знали, что за каждым из них стоит Российское государство.

Во-вторых, нам необходимо самым внимательным образом изучать китайское руссиеведение. В КНР и на Тайване, в Сянгане и т. д. Важно отслеживать отношение к России, к нашей истории, культуре, к нам как к нации. Здесь важны трактовка и оценка прошлого, настоящего и будущего взаимоотношений России и Китая, наших отношений.

В-третьих, нам необходимо изучать дипломатическую службу КНР, использовать все ценное для нас из этого опыта, строить нашу дипломатическую работу с учетом особенностей современной дипломатии КПК — КНР.

В-четвертых, нам необходимо обратить особое внимание на разъяснение нашей внешней политики народу нашей страны и людям в других странах. Установить обратную связь, учитывать мнение людей в нашей стране о нашей политике, в данном случае в отношении Китая.

Перечень работ Ю. М. Галеновича

«Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май 1966 года — апрель 1969 года. (В четырех книгах).

Книга 1. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Май — декабрь 1966 года. Академия Наук СССР. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. Специальный выпуск. Для служебного пользования. — М., 1974. 13,75 п. л.

Книга 2. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. Январь — июнь 1967 г. — М., 1974. 15 п. л.

Книга 3. «Культурная революция» в Китае. Июнь — ноябрь 1967 г. — М., 1975. 14 п. л.

Книга 4. Часть 1. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. — М., 1977. 12,75 п. л.

Книга 4. Часть 2. Декабрь 1967 года — апрель 1969 года. — М., 1977. 15 п. л.

Из истории политической борьбы в КПК (1966–1969 гг.) Институт Дальнего Востока Академии Наук СССР (ИДВ АН СССР). — М., 1988. — 298 с.

«Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. Т. 2. СССР и КНР (1949–1991 гг.) / Книга первая. Книга вторая / — Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук (ИДВ РАН). — М., 1992. — 170 с., 140 с., 132 с.

Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 год. Часть 1. Студенчество и интеллигенция. Часть 2. Коммунистическая партия Китая. Часть 3. Телесериал «Плач по реке» / ИДВ РАН. — М., 1995. — Информационный бюллетень № 6, 7, 8. — 121 с., 169 с., 88 с.

Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ. Части 1 и 2 / Перевод с китайского и вступительная статья Ю. М. Галеновича: «Неофициальная история реформ, или Исповедь китайского восьмидесятника»; ИДВ РАН. — М., 1996. — Информационный бюллетень № 10, 11. — 161 с., 147 с.

К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX века / ИДВ РАН. — М., 1999. — 139 с.

Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. — М., 1999. — Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ». — (Серия «Научные доклады», выпуск 99.) — 316 с.

Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. — М.: Издательский Дом «Муравей», 2000. — 358 с. — (Политические деятели Китая. XX век.)

Гибель Лю Шаоци. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 144 с.

Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. — М.: Изограф, 2000. — 288 с.

Нации и государства: Сборник статей о китайско-американских отношениях. — М.: ИДВ РАН, 2001. — 184 с.

Россия и Китай в XX веке: граница. — М.: Изограф, 2001. — 336 с.

Заметки китаевода. — М.: Муравей, 2002. — 328 с.

Китайское чудо или китайский тупик? — М.: Муравей, 2002. — 144 с.

Призрак Мао. — М.: Время, 2002. — 208 с.

Москва — Пекин, Москва — Тайбэй. — М.: Изографус, 2002. — 656 с.

Самоутверждение сыновей Тайваня. — М.: Муравей, 2002. — 200 с.

Путешествие на родину Дэн Сяопина. — М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2002. — 156 с. — (Серия «Лидеры Китая XX века».)

Китай и сентябрьская трагедия Америки. — М.: 2002. — Научно-образовательный ФОРУМ по международным отношениям. — 168 с.

Россия — Китай: шесть договоров. — М.: Муравей, 2003. — 408 с.

От императора Николая II и императрицы Цыси до Ленина и Сунь Ятсена. — М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2003. — 200 с.

Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. — М.: Муравей, 2003. — 335 с.

Смерть Мао Цзэдуна. — М.: ИзографЪ, 2005. — 672 с.

Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. — М.: Изд-во «Огни», 2005. — 264 с.

Россия — Китай — Америка: От соперничества к гармонии интересов? — М.: Русская панорама, 2006. — 575 с. — (Размышления историка.)

Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. — 392 с.

Мао Цзэдун вблизи. — М.: Русская панорама, 2006. — 325 с. — (Изд. серия «Лидеры Китая».)

Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века. — М.: Муравей, 2006. — 384 с.

Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.) / Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 272 с.

История КПСС и СССР в трактовке китайских ученых / Институт Дальнего Востока РАН. — М., 2007. — 132 с.

Дао Ху-гуна. В двух книгах. Книга 1. Жизненный путь Ху Яобана. — М.: Русская панорама, 2008. — 448 с.

Дао Ху-гуна. В двух книгах. Книга 2. Подвиг Ху Яобана. — М.: Русская панорама, 2008. — 540 с.

Новое лицо Китая. Книга I. Положение в партии. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 376 с.

Новое лицо Китая. Книга II. Состояние общества. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 376 с.

Новое лицо Китая. Книга III. XVII съезд КПК: программа Ху Цзиньтао. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 306 с.

Возвращение Лю Шаоци. — М.: Русская панорама, 2008. — 407 с.

Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. — 372 с.

Сталин и Мао. Два вождя. — М.: Восточная книга, 2009. — 574 с.

Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. — М.: Время, 2010. — 304 с.

О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». — М.: ИДВ РАН, 2009. — 85 с.

Китайская мозаика. — М.: ИДВ РАН, 2009. — 415 с.

Китайские сюжеты: Чем доволен и недоволен Китай. — М.: Восточная книга, 2010. — 480 с.

Троесловие: Сань-цзы-цзин / Пер. с кит., предисл. и послесл. Ю. М. Галеновича. — М.: ИДВ РАН, 2010. — 370 с.

ТРОЕСЛОВИЕ (САНЬ-ЦЗЫ-ЦЗИН) / Пер. с кит., предисловие и комментарии Ю. М. Галеновича. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2012. — На рус. и кит. яз. — 296 с. — (ANTIQUA: литературные памятники и источники).

Пятьдесят лет с Китаем. — М.: ВАГРИУС: Изограф, 2011. — 352 с.

Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. — М.: Восточная книга, 2011. — 416 с.

История взаимоотношений России и Китая: В 4 кн. — М.: СПСЛ: Русская панорама, 2011. — (Серия «Размышления историка»).

Книга I: Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в.) и Книга II: Два государства — три партии (1917–1949 гг.). — 464 с., карты.

Книга III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Часть 1: Главы 1–11. — 464 с.

Книга III: Один строй — два государства (1949–1991 гг.). Часть 2: Главы 12–21. — 336 с.

Книга IV: Две нации — три партнера (1991 — начало XXI в. — 600 с., карта.

Китайские интерпретации. — М.: Восточная книга, 2011. — 400 с.

Четыреста лет соседства России с Китаем. — М.: Восточная книга, 2011. — 256 с.

Китайские поминки по КПСС и СССР. — М.: Восточная книга, 2011. — 264 с.

В КНР в 1999 году издательством «Сычуань жэньминь чубаньшэ» издана серия работ под общим названием «Россия и Китай в XX веке. Нации и их лидеры».

Серия состоит из следующих книг:

Нигула юй Цыси. Ленин юй Сунь Чжуншань /Николай и Цыси. Ленин и Сунь Ятсен/. — 243 с.

Лян да юаньшуай: Сыдалинь юй Цзян Цзешу /Два генералиссимуса: Сталин и Чан Кайши/. — 287 с.

Лян да линсю: Сыдалинь юй Мао Цзэдун /Два вождя: Сталин и Мао Цзэдун/. — 485 с.

Лянгэ ибашоу: Хэлусяофу юй Мао Цзэдун /Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун/. — 294 с.

Булежинефу юй Мао Цзэдун. Гээрбацяофу юй Дэн Сяопин /Брежнев и Мао Цзэдун. Горбачев и Дэн Сяопин/. — 205 с.

Шицзи чжи цзяо ды Элосы юй Чжунго /Россия и Китай на рубеже веков/. — 338 с.

Готовятся к изданию рукописи:

Два первых лица: Хрущев и Мао Цзэдун.

От Брежнева и Мао Цзэдуна до Горбачева и Дэн Сяопина.

Чжао Цзыян и реформы в Китае.

Исторические вопросы в Китае к России.

Китайский пунктир.

Научно-популярное издание

Галенович Юрий Михайлович

**«ВОЙНЫ НОВОГО КИТАЯ»
И ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА**

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*

ООО «Восточная книга»

127273, Москва, Олонецкая ул., д. 23

(495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Адрес для корреспонденции:

127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 12.03.2012.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33,6. Тираж 1000 экз.

Заказ №

.